

Олег Авраменко

ПРИНЦ ГАЛЛИИ

Хроники другой реальности

Powered by
LuaT_EX

Принц Галлии

Хроники другой реальности

Историческая фантастика? Фантастическая история?.. Пожалуй, и то и другое. Книга написана как вполне традиционный авантюрно-исторический роман со всеми его неперенными атрибутами — динамичным, закрученным сюжетом, придворными интригами, сценами битв и турниров, детальной прорисовкой исторического фона, быта и нравов эпохи, сложными и неоднозначными взаимоотношениями между героями — ну, и конечно, с любовью.

Вместе с тем на страницах книги в неявном виде присутствует фантастический элемент. Это не колдуны с драконами, не пришельцы из иных миров и даже не гости из будущего, стремящиеся изменить своё прошлое. Фантастика лежит в самой основе сюжета, в том самом историческом фоне. В романе плодом авторского воображения являются не только отдельные персонажи и ситуации, а вся история средневековой Европы с времён падения Рима и до середины XV века, когда происходят описываемые события. Автор предлагает читателю свой взгляд на наше прошлое, но не пытается ни в чём его убедить, а просто советует рассмотреть другие возможности исторического развития и самому решить, что мы упустили, а что наоборот — выиграли от того, что история повернулась именно так, а не иначе.

От автора

По весьма меткому определению Александра Дюма, история для писателя — это лишь гвоздь в стене, на который он вешает свою картину. Фактически все произведения исторического жанра (да и не только исторического) в той или иной мере являются фантастикой, поскольку автор зачастую описывает события, которые в действительности не происходили, выводит на сцену вымышленных героев, а реально существовавшим людям приписывает поступки, которых они никогда не совершали, и слова, которых они никогда не говорили (исключение представляют лишь документальные произведения, биографии, хроники и т. п. — но это не совсем художественная литература). В английском языке даже есть очень удачный термин: «fiction» — фикция, выдумка, вымысел. «Fiction» — это картина, висящая на гвозде, вбитом в стену реальности.

Но что делать, если на нужном участке стены нет свободных гвоздей, да и места для новой картины маловато? Эта ситуация особенно актуальна для истории Западной Европы. Еще в XIX веке целая плеяда авторов во главе с непревзойденными мэтрами жанра Александром Дюма и Вальтером Скоттом основательно «прошерстили» все второе тысячелетие; а в XX веке, пожалуй, лишь Морису Дрюону и Генриху Манну удалось отыскать относительно свободные «ниши». В сложившихся обстоятельствах остается только два выхода (вернее, три; третий — не писать вовсе). Во-первых, можно вторгнуться в чужую «вотчину» и попытаться ниспровергнуть авторитеты — но дело это неблагодарное и, по моему твердому убеждению, безнадежное. Куда проще и честнее отойти в сторону и, набравшись терпения, сначала заложить фундамент, затем возвести на нем новую стену, вбить в нее гвоздь, а уже после этого вешать свою картину. То есть, создать *собственную* историю, альтернативную нашей, но генетически связанную

с ней. В конце концов, если придумываешь героев, то почему бы не дать волю воображению и заодно не придумать всю историю целиком?... Собственно, так я и поступил.

В своем романе я не прибегаю к весьма распространенному приему «привязки» сюжета к нашей реальности — вроде того, как наш современник попадает в прошлое и постепенно убеждается в том, что это не то прошлое, о котором он читал в книгах. Все мои персонажи — дети своего времени, своей эпохи, своей реальности; они принимают ее такой, какая она есть, и даже в мыслях не допускают, что история могла бы развиваться по другому сценарию. Я старался вести повествование в таком ключе, будто пишу для людей из будущего того мира, где в действительности происходили описываемые мною события. Работая над книгой, я исходил из предпосылки, что моим гипотетическим читателям прекрасно известно, что во времена варварства, наступившие после падения Римской империи, некий Корнелий Юлий Абрुцци, ставший затем Великим, объединил все итальянские земли в одно государство и провозгласил себя Римским императором, королем Италии, а впоследствии его потомки двинулись на север, чтобы вновь покорить Европу. Для людей той реальности представляется само собой разумеющимся, что орды хана Бату никогда не вторгались в Центральную Европу, поскольку в битве под Переяславом потерпели сокрушительное поражение и были отброшены на восток. Для них нет ничего удивительного в том, что Византия так долго и успешно противостояла турецкой угрозе, а выражение «латинские завоевания Константинополя» звучит для их ушей так же дико, как для нас, к примеру, «походы Александра Македонского на Норвегию»...

Я мог бы продолжать и дальше, но боюсь, что в таком случае мое вынужденное предисловие грозит превратиться в сравнительный анализ двух исторических линий — а это не входит в мои планы. Пускай читатель строит собственные догадки и предположения на сей счет — если пожелает, конечно. А ежели нет, то пусть воспринимает написанное как нетрадиционный исторический роман, где вымышлены

не отдельные действующие лица, а все без исключения персонажи — от слуг и крестьян до королей и пап; где плодом авторского воображения являются не только конкретные ситуации и жизненные коллизии, но и события глобального масштаба.

Тем не менее, я полностью отдаю себе отчет в том, что предлагаемый на суд читателя роман все же сильно адаптирован к нашей действительности. В частности, это относится к терминологии, некоторым идиоматическим выражениям, личным именам и географическим названиям. Кроме того, в тексте упоминаются Боккаччо, Петрарка и Данте, а художника Галеацци кое-кто может отождествить с Джотто или Микеланджело, хотя они жили в разные времена. С другой же стороны, какой прок излишне запутывать читателя, говоря, например, Бордугала и заставляя его постоянно держать в уме, что это не что иное как Бордо? Здесь я пошел на компромисс, как мне кажется, вполне разумный и обоснованный. Впрочем, об этом судить самому читателю, а напоследок я просил бы его отложить в сторону все книги по истории и на время позабыть о них. Если же для удобства ориентирования ему захочется иметь под рукой карту, то сгодится и современный атлас мира. А для самых дотошных к тексту прилагаются генеалогические таблицы и алфавитный список всех действующих лиц.

Итак, иная историческая реальность, середина XV века от Рождества Христова...

Пролог

Филипп, двадцать первая весна

Горы были высокие, а ночное небо над ними — чистое и глубокое. В небе, окруженная россыпью звезд, медленно плыла луна, заливая призрачным светом громадный древний замок на холме с пологими склонами, вблизи горной реки, что несла свои быстрые воды с юга на север — с гор в равнину.

Вокруг замка, на склонах холма и у его подножия, раскинулся город. Как это часто бывает, замок вельможи, возведенный в глуши, но в стратегически важном месте, отовсюду притягивал к себе людей и постепенно обрастал домами, где селились рыцари и слуги, торговцы и ремесленники, придворные чины и просто дворяне мелкого пошиба, желавшие жить по соседству со своим сеньором.

Так и возник этот город между гор. А со временем он стал настолько большим, что был опоясан внешней крепостной стеной и глубоким рвом, заполненным проточной водой из реки. От главных городских ворот начиналась широкая, хорошо утоптанная дорога, которая, извиваясь змеей между соседними холмами, исчезала вдаль среди гор.

В этот поздний час замок и город спали крепким сном, и дорога была почти пуста. Лишь один-единственный всадник, молодой человек лет двадцати, одетый в добротный дорожный костюм, не спеша, будто в нерешительности, ехал в направлении замка. Время от времени он и вовсе останавливался и осматривался вокруг. В такие моменты взгляд юноши становился мечтательным и чуточку грустным, а затаенная нежность в его глазах безошибочно указывала на то, что этот горный край был его родиной, страной его детства, которую он покинул много лет назад и теперь, после длительного отсутствия, вновь оказался в родных местах. Тот древний замок на холме вблизи быстрой горной реки некогда был его домом...

Горы те звались Пиренеи, река — Арьеж, замок — Тарас-

кон, а молодой человек, о котором мы только что говорили, был Филипп Аквитанский, граф Кантабрии и Андорры. Изредка его называли Коротышкой, ибо был он невысок ростом, но чаще всего — Красивым или Красавчиком, и прозвище это не нуждалось в особых комментариях. Филипп действительно был красив; в его безупречно правильных чертах лица даже самый дотошный взгляд не отыскал бы ни малейшего изъяна, а его белокурым с золотистым отливом волосам позавидовала бы черной завистью любая блондинка.

Всякий раз, когда его называли Красивым, Красавчиком, Филипп снисходительно улыбался — ему нравилось это прозвище. Однако его улыбка мигом становилась горькой, когда он слышал свое имя с эпитетом Справедливый — так звали его отца, герцога...

Дон Филипп, герцог Аквитанский, принц Беарнский, граф Испанской Марки, верховный сюзерен Мальорки и Минорки, князь-протектор Гаскони и Каталонии, пэр Галлии, был самым могущественным и грозным из всех галльских вельмож. Он владел Гасконью — одной из пяти исторических провинций Галлии, а также Балеарскими островами в Средиземноморье и почти всей Каталонией (которая тоже была провинцией Галлии), за исключением графства Барселонского. Влияние в остальных трех провинциях — Провансе, Лангедоке и Савойе — делили между собой король, маркиз Готийский, герцог Савойский и граф Прованский; а в Лангедоке, к тому же, заметную роль играли кастильские короли, которые владели графством Нарбонн.

Надо сказать, что в последние сто лет правления династии галльских Каролингов, чаще называемых просто Тулузцами, так как они были из рода графов Тулузских, королевство Галльское представляло собой весьма шаткое образование. Являясь по сути союзом самостоятельных княжеств, лишь номинально подчиненных королю, Галлия находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Вражда меж двумя самыми могущественными княжескими родами, герцогами Аквитанскими и графами Прованскими, передававшаяся из

поколения в поколение, была ничем иным, как борьбой за галльский престол, которая становилась все ожесточеннее по мере дробления королевского домена на отдельные графства. И только благодаря поддержке со стороны маркизов Готийских и герцогов Савойских четырем последним королям Галлии удавалось удерживать в своих руках кормило верховной власти.

Впрочем, к середине пятнадцатого века соперничество за обладание королевской короной несколько поутихло, но на сей счет никто не питал никаких иллюзий — это было лишь затишье перед бурей. После смерти в 1444 году неугомонного Людовика VI Прованского молодой король Робер III учредил опеку над его малолетним сыном-наследником и до поры до времени избавился от угрозы своему благополучию с востока. Что же касается Аквитании, то ее нынешний герцог никогда не посягал на галльский престол и никогда (за исключением одного-единственного случая, о чем мы расскажем чуть позже) не вступал в конфликт с королевской властью.

Вот уже четверть века правил Гасконью и Каталонией герцог Филипп III, и эти четверть века во всех его владениях царили мир и покой. Не будучи сверх меры честолюбивым, он вполне довольствовался тем, что имел, и никогда не смотрел с вожделением на чужие земли. Несчастный в личной жизни, герцог все свое время, всю свою энергию, все свои способности посвятил государственным делам. Он отличался редкостным бескорыстием и обостренным чувством ответственности перед людьми, Богом, но прежде всего — перед собственной совестью. Под его руководством Гасконь, Каталония и Балеары процветали, росло благополучие всех его подданных, безжалостно искоренялась преступность, все меньше и меньше крестьян шло в лесные разбойники — отчасти потому, что это стало слишком опасным промыслом, но главным образом из-за того, что герцог крепко держал в узде местное чиновничество, не позволяя ему зарываться и грабить средь бела дня простой народ. Поэтому неудивительно, что гасконцы и каталонцы, которые, как и все латиняне, любили награждать своих правителей меткими прозвищами, называли герцога Фи-

липпа III Аквитанского Справедливым...

Младший сын герцога, тоже Филипп, но прозванный Красивым, Красавчиком за свою внешность и Коротышкой — за рост, грустно усмехнулся и прошептал с горечью в голосе:

— Справедливый... Долго же мне пришлось ждать твоей справедливости!

Филипп наконец принял решение, развернул свою лошадь и направился прочь от Тараскона.

«Ну, нет уж! — подумал он, — Перед отцом я предстану в свете дня, а не под покровом ночи. Пусть он при всех скажет то, что написал мне в письме. Пускай все знают, что я не блудный сын, воротившийся домой с покаянием, скорее как раз наоборот. А сейчас...»

Филипп прищипорил лошадь, и она побежала быстрее по широкой дороге, которая змеей извивалась между холмами и исчезала вдаль среди гор. Там, впереди, в двух часах неспешной езды, находился замок Кагель-Фьеро, родовое гнездо графов Капсирских, хозяином которого был лучший друг детства Филиппа и его ровесник Эрнан де Шатофьер.

Глава I

Филипп, шестнадцатая весна

Весенний лес купался в последних лучах заходящего солнца. Налетел свежий ветер, зашумел в кронах деревьев, повеяло приятной прохладой. Все лесные жители оживились, приободрились, во весь голос запели птицы, провожая уходящий день, и только одинокий всадник, заблудившийся в лесу, нисколько не радовался ласковому вечеру. Отпустив поводья лошади, он раздраженно оглядывался по сторонам, на лице его застыло выражение растерянности, досады и беспомощности. Наступление вечера прежде всего значило для него, что приближается ночь. А перспектива заночевать где-то под деревом совсем не вдохновляла молодого знатного вельможу — даже очень знатного, судя по его одежде и внешности.

Очевидно, ему была чужда романтика странствующего рыцарства.

«Другого такого дурака, как я, надо еще поискать,— упрекал он себя с самокритичностью, которую позволял себе лишь в мыслях, да и то изредка.— Уж если приспичило ехать через лес, взял бы, по крайней мере, проводника. Так нет же, осел упрямый! Возомнил себя великим следопытом... Теперь уже не замок дона Фелипе^{*}, а хоть какую-нибудь лачугу найти, где можно сносно перекусить и устроиться на ночлег».

Вельможа лет двадцати пяти удрученно покачал головой. Э, да что и говорить! Ехал бы по дороге, горя бы не знал. А так, нашелся один олух, который посоветовал ему поехать через лес, так-де ближе будет, другой олух (то бишь он сам) последовал этому совету, а еще полторы дюжины олухов, составлявших его свиту, совсем потеряли голову при виде красавца-оленья и устроили на него импровизированную облаву. В результате они потерялись... Во всяком случае, вельможа предпочитал думать, что потерялись дворяне из его свиты, а не он сам. Такая версия происшедшего позволяла ему сохранить хоть каплю уважения к себе. Однако придворные не станут разбираться, кто кого потерял, всем достанется на орехи. И главное, что смеяться будут не в глаза, а украдкой, за спиной. Вот такие дела. Дела неважные...

«Ох, и задам я им взбучку!— подумал вельможа, имея в виду то ли своих нерадивых спутников, то ли насмешников-придворных, а может, и тех и других.— И непременно отрежу язык этому горе-советчику. Чтобы другим не показывал дорогу, как мне показал...»

Эта мысль на некоторое время утешила молодого вельможу — но ненадолго. Будучи от природы незлопамятным и прекрасно зная об этом своем недостатке, он сильно подозревал, что вышеупомянутому горе-советчику удастся избежать заслуженного наказания.

«Дон Фелипе тоже хорош,— нашел еще одного виновника своих бед вельможа.— Жил бы себе в Сантандере, в своей сто-

^{*} *Фелипе* (Felipe) — кастильское произношение имени Филипп.

лице, так где ж там! Угроздило же его забраться в эту глухомань, в эту...»

Вдруг всадник настороженно придержал лошадь. Его чуткие уши охотника уловили доносившийся издали треск сухих веток, который становился все громче и громче по мере приближения источника звука, а вскоре между деревьями замаячила человеческая фигура.

— Эй! Эгей! — зычным голосом крикнул вельможа. — Кто там?

В ответ на его окрик раздался короткий собачий лай. Человек немного изменил направление, ускорил шаг и спустя минуту уже подходил к вельможе. Это был крестьянин лет тридцати пяти, здоровенный детина, одетый в выдавшие виды потертую кожаную куртку, штаны из грубого домотканого полотна и высокие охотничьи сапоги. С его внешностью деревенского громилы резко контрастировала на удивление добродушная физиономия и прямой, открытый, хоть и немного плутоватый взгляд. За правым плечом крестьянина виднелся колчан с луком и стрелами, а через левое был перекинут ремешок охотничьей сумки, которая тяжело билась о его бедро. Рядом с ним, важно ступая, брела великолепная борзая, достойная королевской псарни. Будучи большим любителем собачьей охоты, вельможа от души пожалел, что эта борзая не принадлежит ему.

Между тем крестьянин остановился в двух шагах от вельможи, снял кепку и почтительно, но без тени раболепия поклонился.

— Ваша милость звали меня?

— Да, человеке, звал, — с нарочитой небрежностью ответил всадник, затем снова взглянул на четвероногого спутника крестьянина и, не сдержавшись, восхищенно добавил: — Хороший у тебя пес!

— Хороший, — согласился крестьянин. — Да не мой, а моего господина.

— Хороший пес у твоего господина, — сказал вельможа отчасти потому, что действительно так подумал, но еще и потому, что вдруг растерялся. Ему страшно не хотелось обнаружи-

вать перед плебеем свою беспомощность, признаваясь в том, что заблудился.

Однако крестьянин будто прочел его мысли.

— Ваша милость, верно, сбились с пути?

— С чего это ты взял? — нахмурился вельможа, а мочки его ушей предательски покраснели. — Вовсе нет.

Крестьянин безразлично пожал плечами: ну, раз так, воля ваша.

— А ты куда путь держишь, человеке? — после неловкой паузы спросил вельможа.

— В замок моего господина, — ответил крестьянин, поглаживая борзую. — Вот настрелял куропаток и возвращаюсь. Мой господин любит, когда на завтрак ему подают пирог с дичью.

— И что ж это за птица такая, твой господин? — поинтересовался всадник.

Крестьянин укоризненно покачал головой:

— Никакая он не птица, сударь. К сведению вашей милости, я имею честь служить у самого дона Фелипе — хозяина этого края. И ежели он птица, то не простая — орел!

— Так ты служишь у графа Кантабрийского?!

— Да, сударь. У его высочества, — ответил крестьянин, особо подчеркнув титул своего господина.

Вельможа обрадовался: вот так удача!

— Прекрасно! — с явным облегчением произнес он. — Нам, оказывается, по пути. Я, видишь ли, тоже еду к дону Фелипе.

— Вот как, — вежливо сказал крестьянин. — Сеньор дон Фелипе будет рад такому гостю, как ваша милость.

— Да уж, надеюсь, — сказал вельможа и спешил. — Если хочешь, можешь повесить сумку на луку седла, — предложил он крестьянину. — Вижу, ты славно поохотился.

— Так, стало быть, ваша милость собираетесь идти пешком? — спросил крестьянин.

— Да, — кивнул вельможа, — мы пойдем вместе. — Он немного помедлил, затем добавил: — И вообще, зря ты бродишь по лесу один. Не ровен час, нарвешься на разбойников.

Крестьянин украдкой ухмыльнулся: нетрудно было раскусить наивную хитрость этого спесивого господина.

— Однако же, ваша милость, дорога к замку неблизкая. Лучше бы вам поехать вперед, а то пока мы доберемся...

— Сам знаю, что далеко, — раздраженно оборвал его вельможа. — Но я весь день провел в седле и хочу малость поразмять ноги.

— Воля ваша, сударь, — сказал слуга Филиппа. — Мне-то что.

И они пошли.

— А как тебя зовут, человече? — спросил вельможа.

— Гоше, к сведению вашей милости.

— Гоше? Странное имя. Ты откуда?

— Да здешний я, сударь, здешний. Это их высочество дали мне такое имя. Сказали, что прежнее им трудно выговаривать.

— Ага. Судя по произношению, ты баск.

— Ваша милость угадали.

— И ты согласился переменить имя?

— Согласился, ваша милость, с радостью согласился. Ведь сеньор дон Фелипе освободил меня, и теперь я служу ему как свободный человек, а не как раб.

— Да, да, что-то такое я слышал. За выкуп.

— Сеньор дон Фелипе всех освободил. Сперва за откупную, а у кого не было чем платить, тех их высочество позже освободили задаром. И меня в том числе...

Они шли не спеша, наслаждаясь приятным вечером и непринужденно беседуя. Против ожидания, молодой вельможа обнаружил, что ему доставляет удовольствие общение со слугой-крестьянином, в котором за внешним простодушием, несколько нарочитой грубостью и неуклюжестью речи скрывался незаурядный, живой и хитрый ум. Со своей стороны, крестьянин заключил, что его знатный спутник не так уж надменен и спесив, как пытался показать это в начале их знакомства. Скорее всего, к такому поведению его принуждало занимаемое им высокое положение, а по природе своей он был

довольно мягок, добр и сердечен. В общем, оба остались довольны друг другом и даже не заметили, как оказались у ворот новенького опрятного замка на берегу реки Эбро.

Солнце уже скрылось за горизонтом, и вокруг начали сгущаться сумерки. Крестьянин провел вельможу в дом сеньора, где поручил его заботам юного пажа с необычайно серьезной миной на лице. Молчаливый паж препроводил гостя в просторную гостиную на первом этаже и вежливо попросил его немного подождать, пока он доложит о его прибытии.

Когда паж ушел, вельможа снял с себя дорожный плащ и шляпу, аккуратно положил их вместе со шпагой в ближайшее кресло и неторопливо осмотрел комнату. Затем он подошел к небольшому зеркалу, висевшему на стене между окнами, пригладил всклокоченные темно-каштановые волосы и подкрутил свои пышные черные усы.

Вскоре в дверях гостиной появился плотный, преклонного возраста мужчина в сутане священника.

— Мир вам, сын мой.

Гость резко повернулся на голос и ответил, перекрестившись:

— И вам мир, отче преподобный.

— Прошу прощения, сударь,— сказал священник, жестом приглашая молодого вельможу садиться.— Сеньор дон Фелипе сейчас в отлучке, так что боюсь, что весь сегодняшний вечер вам придется довольствоваться моим скромным общением.

— Я всегда рад общению с людьми вашего сана, падре,— учтиво ответил вельможа.— Особенно после такого утомительного дня, как этот.

Устраиваясь в удобном кресле, он отметил про себя, что взгляд у его собеседника грустный и усталый.

— Я преподобный Антонио Гатто,— представился падре.— Канцлер графства, капеллан замка и духовник дона Фелипе. Мне доложили, что вы прибыли к нам с деловым визитом.

— Да,— подтвердил гость.— Я здесь по поручению его величества короля Кастилии и Леона Фернандо Четвертого.

— Да хранит его Бог,— сказал преподобный отец.— А вас, милостивый государь, как прикажете величать?

— При дворе меня называют просто доном Альфонсо,— уклончиво ответил вельможа.— И вы весьма обяжете меня, если будете обращаться ко мне так же.

Падре на мгновение приподнял бровь, затем пожал плечами.

«Ну что ж,— подумал он, догадываясь, что имеет дело с гостем, чьего прибытия ожидал уже несколько месяцев.— Если его высочество хочет оставаться инкогнито, так тому и быть. Желание гостя закон».

— Сейчас готовят ужин,— после короткой паузы сообщил преподобный отец.— А пока мы можем поговорить о делах. Видите ли, дон Альфонсо, в данный момент графством приходится управлять мне. Дон Фелипе нынче мало интересуется хозяйственными делами, и если целью вашего визита к нам является инспекция графства и ознакомление на месте с текущими проблемами, то я весь к вашим услугам. А к завтрашнему утру вам будут предоставлены все необходимые отчеты.

Дон Альфонсо отрицательно покачал головой:

— В этом нет нужды, дон Антонио. Что касается положения дел в графстве, то его величество никаких претензий к вам не имеет. Здесь все в полном порядке: и налоги в королевскую казну приходят исправно, и войско предоставляется по первому же требованию, и вообще лояльность Кантабрии к Короне никем не подвергается сомнению. Другое дело — сам граф.

Падре тяжело вздохнул:

— Да уж, сударь, правда ваша. С доном Фелипе не все в порядке.

— И король того же мнения,— подхватил гость.— Ведь дон Фелипе не какой-нибудь провинциальный дворянин. Он один из грандов Кастилии, первый принц Галлии, полуродной племянник галльского короля и внучатный племянник самого дона Фернандо. Прошло почти два года, как он непосредственно вступил во владение Кантабрией, но еще ни разу не появлялся при кастильском дворе. Естественно, это не может не

вызывать удивления и даже недовольства у его величества.

— Вы правы, дон Альфонсо,— с готовностью согласился падре.— И удивление, и недовольство королевского величества вполне понятны. Но вы должны учесть, что когда дон Фелипе приехал из Гаскони в Кантабрию, дон Фернандо во главе своей армии находился в Андалусии. Господин граф лишь недавно женился и, конечно, не мог поехать с молодой женой, даже слишком молодой, царство ей небесное...

— Этого никто не требовал, дон Антонио,— заметил дон Альфонсо.— Однако с марта прошлого года длится перемирие, так что в распоряжении дона Фелипе было достаточно времени, чтобы навеститься в Толедо.

— С прошлого года,— задумчиво повторил падре.— Как раз в прошлом году, милостивый государь, все и пошло кувырком. Год назад... Да, да, скоро исполнится ровно год, как умерла донья Луиза, и с тех пор дон Фелипе никак не придет в себя.

— Вот как?— осторожно произнес дон Альфонсо.— А при дворе говорят совсем другое. Утверждают... я, конечно, прошу прощения, но при дворе говорят, что потеря жены не очень огорчила господина графа. И хотя госпожа графиня была не слишком знатного рода, и этот брак никто не одобрял, все же образ жизни, который начал вести дон Фелипе вскоре после ее смерти... э-э, вызывает недоумение, а кое-кого даже шокирует.

Преподобный отец снова вздохнул:

— Еще бы! Я с самого начала опасался, что многие, в том числе и король дон Фернандо, чья щепетильность в этих вопросах общеизвестна, превратно истолкуют поведение дона Фелипе. Вижу, мои опасения были не напрасны.

Горечь, прозвучавшая в голосе падре, тронула дона Альфонсо. Он вовсе не был толстокожим и черствым человеком; к тому же он ни в коей мере не разделял ханжеских воззрений своего отца, короля Фернандо IV, прозванного современниками Святошей.

— Боюсь, вы преувеличиваете, дон Антонио,— с удвоенной осторожностью заметил он.— Его величество далек от

того, чтобы считать дона Фелипе порочным и распущенным юношей. Он более склонен полагать, что его безответственное поведение проистекает из легкомыслия, которое в той или иной мере присуще всем молодым людям.

Падре угрюмо покачал головой:

— Увы, не от легкомыслия это, но скорее от отчаяния. Когда умерла донья Луиза, дону Фелипе еще не исполнилось пятнадцати лет, он был сущим ребенком... да и сейчас он еще мальчишка — и на него свалилось такое горе, которое способно сломить и взрослого человека... Гм. По сути дела, так ведь и случилось с его отцом. И вот ирония судьбы: мать дона Фелипе умерла при его родах, а его жена — при родах его ребенка. В этом я усматриваю нечто большее, чем простое совпадение. Дон Фелипе тоже так считает, он убежден, что на него и его бедную жену с их не родившимся ребенком обрушилась кара Божья за грехи отца. А тут еще родители доньи Луизы... Я, конечно, понимаю их горе — они потеряли дочь. Но даже в горе не следует забывать о сострадании. Негоже причинять боль другим только потому, что самому больно. Господин герцог всю жизнь смотрел на дона Фелипе, как на убийцу своей жены, а отец доньи Луизы напрямую обвинил его в смерти дочери. К счастью, у дона Фелипе хватило мужества не возненавидеть в ответ весь мир. — Падре печально взглянул на гостя. — Знаете, дон Альфонсо, хоть я ни в коей мере не одобряю поведение дона Фелипе, постоянно пытаюсь образумить его, убеждаю, что пора уж остепениться, но... Да простит меня Бог, но я предпочитаю, чтобы он и дальше предавался греху распутства, чем пошел по стопам своего отца.

Дон Альфонсо понимающе кивнул:

— Да, я слышал эту историю.

— То-то и оно. Господин герцог отравил жизнь не только себе, но и окружающим. Дон Фелипе пострадал больше всех остальных, однако и другим приходилось несладко. Я не отрицаю, что среди владык земных мало найдется таких мудрых и справедливых мужей, как нынешний герцог Аквитанский, и тем не менее в частной жизни он человек тяжелый, порой невыносимый... Я, дон Альфонсо, лишь рядовой свя-

щеннослужитель. Возможно, это дерзость с моей стороны — по-своему толковать Священное Писание, и все же я склонен ставить заповедь Господню «Возлюби ближнего своего» гораздо выше, чем «Не прелюбодействуй». Вы можете не согласиться со мной, но я искренне убежден, что коль скоро перед доном Фелипе возникла прискорбная необходимость выбирать между нарушением одной из этих заповедей, то он, в отличие от своего отца, сделал не самый худший выбор.

— Я всецело разделяю ваше мнение, дон Антонио,— сказал дон Альфонсо, и не только из одной лишь вежливости: рассуждения преподобного отца явно пришлись ему по душе.— Среди прочих грехов грех сладострастия самый простибельный, ибо это наиболее распространенный человеческий порок, и мы должны относиться к нему со снисхождением и христианской терпимостью.

Еле заметная улыбка тронула губы падре Антонио.

«Да уж,— подумал он,— Слыхал я, что вам, монсеньор, не грозит унаследовать прозвище вашего царственного отца».

— Да, кстати,— вновь отозвался дон Альфонсо.— Если не секрет, где сейчас господин граф?

Падре натянуто усмехнулся:

— Какой уж там секрет! Ясно где...

Гость непринужденно рассмеялся. Глядя на веселое лицо дона Альфонсо, слушая его жизнерадостный смех, падре улыбнулся по-настоящему, даже морщины на его лбу чуть разгладились. Во всяком случае, подумал он, в славившемся на всю Европу своим твердолобым ханжеством королевском доме Кастилии и Леона у Филиппа нашелся один доброжелатель. И не кто-нибудь, а сам наследник престола!

А в это же время к замку приближалась довольно странная процессия. Впереди бешеным галопом неслась лошадь со всадником, на котором из одежды были только штаны, сапожки и небрежно натянутая, причем навыворот, рубашка. Шагах в ста – ста пятидесяти позади его преследовала группа из девяти человек возрастом от двенадцати до тридцати лет, в полном боевом снаряжении, качество которого, впрочем,

оставляло желать лучшего. Немилосердно подгоняя лошадей, они грозно размахивали мечами и бросали вдогонку беглецу угрозы и проклятия, а время от времени пускали стрелы, которые, к счастью, не достигали своей цели.

Приближаясь к мосту, преследуемый громко крикнул:

— Педро, это я! Открывай!

Когда подковы застучали по дубовым доскам подъемного моста, ворота с тугим скрипом начали отворяться. В образовавшуюся между створками щель, едва не сбив с ног старого привратника, влетела покрытая пеной лошадь. Всадник, молодой человек лет шестнадцати, резко остановил ее и опрорметью спешился.

— Опускайте решетку! — отрывисто произнес он. — Живо!

Но было уже поздно. Погоня ворвалась во двор, и старый Педро снова едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под копыта лошадей.

Тогда Филипп (а юношей в рубашке наыворот был именно он) бросился к ближайшему стражнику и выхватил из его ножен меч. Стражник никак не отреагировал на действия своего господина и только тупо таращился на людей, которые столь нагло и бесцеремонно вторглись в замок правителя Кантабрии.

— Ну! — обратился Филипп к своим преследователям. — Кто первый? И решайте скорее, не то мои люди соберутся.

Предупреждение было не лишним: как только часовой на башне дал сигнал тревоги, весь замок наполнился разногласым шумом, топотом ног, бряцанием стали о сталь — воины гарнизона и слуги спешно вооружались.

— Негодяй! — гневно выкрикнул старший из непрошенных гостей. — Развратник! Ты ответишь за все, похотливая скотина! Ты еще горько пожалеешь о том дне, когда впервые увидел Терезу.

— Сомневаюсь, — невозмутимо ответил Филипп. — Боюсь, это вам придется пожалеть о той минуте, когда в ваши глупые головы пришла мысль отслеживать меня. А с вами, Диего де Сан-Хуан, — обратился он непосредственно к старшему, — у меня особые счета. Если вы полагаете, что я оставлю безнака-

занными ваши гнусные оскорбления, то глубоко заблуждаетесь. Мы с вами еще поговорим об этом — но в другое время и в другом месте. А теперь убирайтесь вон, или я прикажу страже разоружить вас и выпороть плетью.

— Мы еще посмотрим, кто кого выпорот, — огрызнулся Диего де Сан-Хуан. Ослепленный яростью, он не замечал, что соотношение сил складывается не в его пользу, и готов был ввязаться в неравный бой.

Но тут, в самый критический момент, раздался властный голос:

— Минуточку, господа! Что здесь происходит?

В свете факелов между противниками появился наш давешний знакомый, молодой вельможа. Гордо вскинув голову, он устремил на вторгшихся пронзительный взгляд.

— Черт тебя подери! — еще пуще разозлился Диего де Сан-Хуан. — А ты кто такой?

— Вы невежа, сударь. Я Альфонсо Кастильский. Советую принять это к сведению.

И взглядом, и осанкой, и голосом он разительно отличался от того дона Альфонсо, который несколько минут назад вел вежливую, неторопливую беседу с преподобным Антонио.

Ответом на это заявление было девять почти одновременных прыжков с лошадей. Все незваные гости разом обнажили головы.

— Ваше высочество, — растерянно пробормотал Диего де Сан-Хуан, наглая самоуверенность которого мигом улетучилась в присутствии старшего сына короля. — Ваше высочество, мы же не знали...

— Теперь знаете. Кто вы такие?

— Я Диего де Сан-Хуан, а это мои братья — Хуан Антонио де Сан-Хуан, Энрике де...

— Хватит, достаточно. А теперь отвечайте: по какому праву вы вторглись в чужой замок? Тем более в замок вашего сеньора.

— Мы требуем справедливости! — вскричал один из братьев де Сан-Хуан. — Этот негодяй обесчестил наш дом, опозорил нашу семью.

— Опозорил, говорите? И как же? — спросил наследник престола, догадываясь, впрочем, о подоплеке происходящего. — Изложите мне ваши претензии, а я уж постараюсь рассудить вас с доном Фелипе.

— Ваше высочество, — неуверенно заговорил Диего де Сан-Хуан. — Я уже давно подозревал, что этот... сеньор дон Фелипе соблазнил нашу сестру, а сегодня мы выследили его. Он был... был... — Старший брат запнулся.

— Где он был, по нему видно. — Тон кастильского принца оставался суровым, однако чувствовалось, что комизм ситуации начинает его забавлять. — И что же вы требуете?

— Наказать бесчестного развратника, вот что! — вмешался двенадцатилетний мальчишка, младший из братьев.

— Даже так? — Дон Альфонсо вопросительно поглядел на Филиппа.

«Ай, какой красавец! — подумал он. — Неудивительно, что женщины наперебой цепляются ему на шею».

Филипп с вызовом смотрел на него — смело и даже дерзко.

«Если мне удастся заманить его в Толедо, многие наши дамы по гроб жизни будут благодарны мне за эту услугу, — решил дон Альфонсо; очевидно, он неплохо знал столичных дам. — Гм... Зато от их мужей я благодарности не дождусь».

— Итак, вы утверждаете, — он опять повернулся к братьям, — что дон Фелипе обесчестил вашу сестру.

— Да! — ответил хор в девять глоток.

— И наш дом, — добавил Диего.

— О доме пока речь не идет. Разберемся сначала с сестрой. Она жаловалась вам на дона Фелипе?

Диего де Сан-Хуан изумленно вытаращил глаза.

— Что-что? — сиплым голосом переспросил он.

— Жаловалась ли она, повторяю, что дон Фелипе наглумился над ней?

Братья были ошарашены таким толкованием их обвинения.

— Нет, ваше высочество, не жаловалась, — первым опомнился Диего. — Боюсь, вы превратно поняли нас. Он не глу-

мился над ней... То есть, на самом деле он наглумился, но он не...

— Так что же он сделал, в конце-то концов?

— Он... э-э... Сестра сама... э-э...

— Полно вам мычать! — прикрикнул дон Альфонсо, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. — Вы хотите сказать, что она по своей воле спала с ним?

— Ну...

— Так да или нет?

— Да, ваше высочество. Но...

— Тогда я ничего не понимаю, господа. — Дон Альфонсо скривил озадаченную гримасу. — Какие у вас могут быть претензии к дону Фелипе? Он вел себя как истинный кабальеро, в чью обязанность вменяется всячески угождать даме.

Диего громко застонал, сообразив наконец, что ни о каком правосудии речи быть не может. Королевская Фемида повернулась к нему спиной, а его семья стала объектом насмешек со стороны первого принца Кастилии.

— Но ведь он соблазнил ее! — воскликнул младший де Сан-Хуан, еще не понявший, что к чему. — Он обесчестил нашу сестру, наивную, неопытную, доверчивую...

— Ладно, — как от назойливой мухи, отмахнулся от него дон Альфонсо. — Я сам займусь этим соблазнителем, — он кивнул в сторону Филиппа. — А вы ступайте разбирайтесь с сестрой. Боюсь, ее ожидают весьма неприятные минуты.

— Но...

— Никаких «но»! Прошу освободить замок, господа. Я уже сказал вам, что сам разберусь с доном Фелипе. Вы чем-то недовольны?

Разумеется, братья были недовольны. Тем не менее возражать сыну своего короля они не осмеливались и лишь бросали на Филиппа злобные взгляды.

Когда они, подталкиваемые пиками хохочущих стражников, убрались восвояси, и ворота замка за ними захлопнулись, дон Альфонсо, весело посмеиваясь, подошел к Филиппу.

— Рад познакомиться с вами, дон Фелипе, — сказал он.

Филипп сдержанно поклонился:

— Я весь к вашим услугам, дон Альфонсо.

К ним приблизился падре Антонио. Лицо его выражало глубокое облегчение.

— Да благословит Бог ваше высочество,— сказал он.— Если бы не вы, эти дикари затеяли бы бойню. Само Провидение привело вас в наш дом.

— Ну, если вы считаете моего отца Провидением, то так оно и есть,— улыбнулся дон Альфонсо.— И между прочим. Как раз перед тем, как начался весь этот сыр-бор, нас пригласили к столу. Надеюсь, ужин еще не остыл.

Ужин прошел почти без разговоров. Лишь после того, как подали десерт, дон Альфонсо, потягивая небольшими глотками вино, хитровато прищурился и обратился к Филиппу:

— А вы весело проводите время, как я погляжу. И часто вы попадаете в такие истории?

— Да нет,— смущенно ответил Филипп.— Это впервые.

— И, небось, только потому, что остолопы, вроде братьев де Сан-Хуан, большая редкость в этих Богом забытых краях. Если я не ошибаюсь, скоро исполнится год, как вы перебрались сюда из Сантандера. Вам здесь еще не наскучило?

Филипп нахмурился и промолчал.

Тогда дон Альфонсо попытался подступиться к нему с другой стороны:

— И вообще, я не могу понять, как вам удается управлять графством из этой глуши.

— И все-таки удастся,— немного оживился Филипп.— Притом весьма успешно. Сейчас дела в Кантабрии обстоят как никогда хорошо. Можете сами убедиться.— Он повернулся к падре, который молча слушал их разговор: — Дон Антонио, каков был общий доход графства за прошлый год? Хотя бы приблизительно. И в галльских скудо, пожалуйста.

— Тридцать три тысячи восемьсот пятьдесят один скудо и девять сольдо,— тот же час ответил преподобный отец.— Вчера я просматривал отчеты, поэтому помню точную цифру.

На лице дона Альфонсо появилось выражение искреннего удивления.

— Тридцать три тысячи скудо? Не может быть! Мои личные владения, а они почти вдвое больше Кантабрии, даже в лучшие годы не приносили столько прибыли.

— Тем не менее, таков мой доход за минувший год,— с самодовольной улыбкой констатировал Филипп и вновь обратился к падре: — Какая часть этой суммы была истрачена на содержание замков, войска, чиновников и слуг, снаряжение кораблей, расширение хозяйства — ну, и на все прочее?

— Ни единого динара, монсеньор.

— Как же так?

— Вы забыли, что еще с позапрошлого года в вашей казне оставалось не востребованными свыше пятнадцати тысяч скудо. Из них семь я ссудил под проценты евреям Шимону из Мадрида и Ицхаку из Билибао, а оставшиеся восемь тысяч пошли на уплату налога в королевскую казну и на текущие расходы. Две недели назад был получен первый взнос от упомянутых мной ростовщиков. Вот на эти деньги мы сейчас и живем.

— Таким образом,— произнес Филипп, с улыбкой глядя на озадаченного дон Альфонсо,— в данный момент активное сальдо моей казны превышает тридцать тысяч скудо — целая гора золота, которая просто лежит в моих сундуках... Э, нет, преподобный отец качает головой. Видимо, нашел еще несколько евреев, чтобы дать им ссуду под грабительские проценты... Нет?.. Ах, да, вспомнил — индийские пряности. По подсчетам дон Антонио, в течение следующих двух лет эти вложения принесут полтора-два тысяч чистой прибыли. Правда, это довольно рискованное предприятие, зато очень выгодное. Так что риск оправдан... Гм, я сказал что-то смешное, дон Альфонсо?

Кастильский принц действительно ухмылялся, и это не ускользнуло от внимания Филиппа.

— Прошу прощения,— немного смущенно ответил дон Альфонсо.— Я просто подумал, что вы чертовски ловко перевели разговор со своей персоны на хозяйственные дела. Знаете, дон Фелипе... Да, кстати. Мне кажется, что мы чересчур официальны. Девять лет — не такая большая разница в воз-

расте, чтобы помешать нам называть друг друга кузенами.

Филипп улыбнулся ему в ответ:

— Полностью согласен с вами, кузен. В конце концов, мы троюродные братья.

— Значит, договорились, — удовлетворенно произнес дон Альфонсо. — Так вот, дорогой мой кузен Аквитанский, я просил бы вас не притворяться, будто вы не догадываетесь о цели моего визита. За минувший год мой отец трижды писал вам, приглашая в Толедо, но всякий раз вы под благовидным предлогом откладывали свой приезд. Наконец его терпение иссякло, и он поручил мне во что бы то ни стало вытащить вас из этой дыры и привезти с собой. Между прочим, преподобный Антонио тоже считает, что вам пора переменить обстановку.

Филипп нахмурился.

— Право, кузен, я очень тронут такой заботой обо мне, но...

— Никаких возражений я не принимаю, — категорически заявил дон Альфонсо. — Я не позволю вам быть преступником.

— Преступником? — удивленно переспросил Филипп.

— Да, да! В ваши-то годы, при вашем-то положении, с вашим-то богатством прозябать здесь, в глуши, ублажая неотесанных провинциальных дам и девиц, это и есть самое настоящее преступление! Вы не приняли предложение короля Робера поселиться в Тулузе, где ваше место как первого принца Галлии; что ж, я понимаю, у вас были для этого веские основания — вы не хотели ставить своего дядю в неловкое положение, ухудшая его отношения с вашим отцом. Но у вас нет причин отказываться от переезда в Толедо — ведь вы еще и граф Кантабрийский, гранд Кастилии, то есть вы обязаны наравне с другими вельможами принимать участие в управлении всем нашим государством... Короче говоря, — подвел итог кастильский принц, — отец велел мне без вас не возвращаться. И я исполню его волю, хотите вы того или нет. Уж поверьте, я умею убеждать.

Дон Альфонсо действительно умел убеждать, и спустя неделю после этого разговора шестнадцатилетний Филипп Аквитанский, граф Кантабрии и Андорры, младший сын герцога и внук галльского короля, отправился вместе со своим

кастильским кузеном на юг, в Толедо — столицу объединенного королевства Кастилии и Леона.

Юноша, которому впоследствии было суждено золотыми буквами вписать свое имя на скрижалях истории, перевернул следующую страницу своей бурной биографии.

Глава II

Происхождение

Хотя Филипп родился в богатой и знатной семье, даже слышком богатой и знатной, его детство не было безоблачным, и с малых лет ему пришлось испить горькую чашу несправедливости.

Он был единственным ребенком герцога от второго брака с Изабеллой Галльской, дочерью короля Робера II; единственным его ребенком, рожденным в любви. Однако появление на свет третьего сына не принесло радости в дом герцога — не только скорбь и печаль. Герцогиня была еще слишком юна для материнства, так что известие о ее беременности отнюдь не привело герцога в восторг, а главный придворный медик семьи Аквитанских с самого начала был полон дурных предчувствий. И предчувствия эти, как оказалось впоследствии, полностью оправдались.

Изабелла все же выносила дитя весь положенный срок и в надлежащее время разрешилась младенцем мужска пола — но это было все, на что ее хватило. При тяжелых и мучительных родах она скончалась и лишь каким-то невероятным чудом не забрала с собой в могилу ребенка. Новорожденного второпях окрестили, ибо боялись, что он не жилец на этом свете, и без ведома герцога нарекли в честь отца — Филиппом. Вопреки всем опасениям, ребенок выжил и рос, хоть и хрупким с виду, но к удивлению здоровым и крепким мальчуганом.

Случилось так, что с первых же дней жизни Филипп приобрел могущественного врага в лице собственного отца. Герцог так сильно любил свою вторую жену, так скорбел по

ней, что люто возненавидел Филиппа, считая его виновником смерти Изабеллы. На первых порах он даже отказывался признавать своего младшего сына и приходил в дикую ярость при малейшем упоминании о нем. Вот так, в день своего рождения Филипп потерял не только мать, но и отца.

По счастью, Филипп не рос сиротой, лишенным материнской ласки. Отвергнутого отцом младенца взяла к себе, фактически усыновив, родная сестра герцога Амелия, графиня д'Альбре, у которой несколькими днями раньше родилась дочь. Девочку, как и мать, звали Амелия, но позже, чтобы избежать путаницы, все стали называть ее Амелиной.

В детстве Филипп и Амелина были поразительно похожи друг на дружку, как настоящие близнецы, и может быть поэтому Амелия Аквитанская не делала между ними никакого различия и относилась к своему племяннику с такой же нежностью и теплотой, как и к родной дочери. Филипп называл графиню мамой, любил ее как мать и долго не мог понять, почему окружающие считают его матерью другую женщину, которую, к тому же, он ни разу не видел. Немного повзрослев, Филипп во всем разобрался, но для него это ровным счетом ничего не меняло. Амелия все равно оставалась для него мамой, малыша Амелину он считал родной сестрой, а сын Амелии, Гастон, граф д'Альбре, заменил ему старшего брата.

Отец же и единокровные братья, Гийом и Робер, были для Филиппа чужими. Хотя с годами ненависть герцога к младшему сыну поутихла, боль за утратой жены не проходила, и он по-прежнему относился к Филиппу крайне враждебно. А что до братьев, то они ненавидели Филиппа за сам факт его существования, за то, что он был рожден другой женщиной и назван в честь отца, за то, что он был любимцем своего двора, за то, наконец, что герцог просто ненавидел его, тогда как их обоих презирал...

Если Филипп был горьким плодом несчастной любви, то Гийом и Робер родились в результате банального брака по расчету. Их мать Катарина де Марсан, последняя представительница угаснувшего рода графов Марсанских, умерла в 1427 году, еще при жизни своего свекра, герцога Робера Аквитан-

ского. Эта красивая и невероятно безмозглая женщина, несшая на себе печать вырождения своего семейства, оставила мужу двух сыновей, которыми он, даже при всем желании, никак не мог гордиться.

Оба сына Катарины де Марсан унаследовали от матери ее непроходимую глупость, злобный нрав и патологическую жестокость ее предков. Особенно преуспел в последнем Гийом. С детства он просто обожал публичные наказания и казни, он умудрялся присутствовать при всех допросах с пристрастием — зрелище чужих страданий доставляло ему противоестественное удовольствие. Когда Гийому исполнилось шесть лет, он устроил в заброшенном флигеле бордоского замка, где тогда обитало семейство Аквитанских, камеру пыток и успел замучить и казнить дюжину кошек и собак, прежде чем его разоблачили. Эта история ужаснула даже старого герцога Робера — человека, хоть и не жестокого, но весьма далекого от сантиментов.

А два года спустя король Франции, Филипп-Август II, наслышанный о «детских шалостях» наследника Гаскони, расторг предварительную договоренность, согласно которой его внучка Агнесса должна была выйти замуж за Гийома Аквитанского. Так были похоронены надежды двух герцогов — Робера I и его сына Филиппа III — восстановить посредством брака дружественные отношения со своим северным соседом и мирным путем вернуть в состав Гаскони часть потерянных во время войны с Францией территорий. С тех пор герцог никак не мог подыскать для старшего сына подходящей партии, и Гийом Аквитанский дожил до двадцати пяти лет, не имея ни жены, ни детей, и даже ни с кем не помолвленный, что по тем временам было чем-то из ряда вон выходящим.

На девятом году жизни Филиппа постигла тяжелая утрата: умерла его тетка Амелия, женщина, заменившая ему мать, первая женщина, которую он любил, и единственная — которую он любил целомудренно. По прискорбному стечению обстоятельств, в это самое время Филипп находился в Шалоне, куда отправился вместе с Гастоном за его невестой, Клотиль-

дой де Труа, племянницей графа Шампанского. А когда они вернулись домой, то застали траур во дворце и безутешно плачущую Амелину. В общем, невеселая получилась у Гастона свадьба, и тогда Филипп в первый и последний раз видел в глазах у кузена слезы. Сам же он никак не мог поверить в происшедшее, все это казалось ему каким-то кошмарным сном. И только на следующий день, проснувшись и не увидев склоненного над ним лица графини Амелии, которая обычно будила его по утрам, он наконец осознал страшную истину, понял, что больше никогда не увидит свою маму, и горько оттого разрыдался...

А год спустя ушел из жизни еще один близкий родственник Филиппа — родной брат его матери, Людовик VI Галльский. Король Людовик царствовал недолго и умер бездетным, и после его смерти Филипп, как единственный потомок Изабеллы Кантабрийской, первой жены короля Робера II, унаследовал графство своей бабки и стал одним из могущественнейших феодалов Испании. А кроме того, поскольку новый король Галлии, Робер III, был еще молод и не имел детей, Филипп, пусть и временно, получил титул первого принца королевства и наследника галльского престола. Придворные стали именовать его не иначе, как «ваше высочество», и делали это, несомненно, в пику Гийому и Роберу, к которым, несмотря на их титулы монсеньоров, обычно обращались просто «сударь». Старшие братья, понятно, неистовствовали, снедаемые завистью и досадой. Герцог же воспринял известие о том, что его семья обзавелась первым принцем Галлии, с полнейшим безразличием, как будто это его вовсе не касалось.

Со смертью дяди Филипп обрел материальную независимость от отца. Зная о враждебном отношении герцога к младшему сыну, Людовик VI назвал в числе своих душеприказчиков двадцатилетнего Гастона д'Альбре, поручив ему управление Кантабрией до совершеннолетия Филиппа. Гастон исполнял обязанности опекуна добросовестно и регулярно передавал в распоряжение своего подопечного часть прибыли от графства, а оставшиеся средства, все до единого динара, вкладывал в развитие хозяйства, по-братски оплачивая

издержки из собственного кармана. Благодаря такой предусмотрительности со стороны покойного короля, Филипп уже в десять лет стал вполне самостоятельным человеком и даже смог организовать при дворе отца небольшой собственный двор. Это внесло заметное оживление в размеренную полусонную жизнь Тараскона — древнего родового гнезда маркграфов Испанских, куда герцог переселился из Бордо вскоре после смерти второй жены, надеясь укрыться здесь от жизненных невзгод, желая обрести покой и умиротворение.

А Филипп был юн, жизнь была из него ключом, он не любил уединения и большую часть своего времени проводил в обществе сверстников и молодых людей на несколько лет старше. У Филиппа было много друзей, но еще больше было у него подруг. С малых лет он, что называется, вертелся возле юбок — это была его страсть, его любимое развлечение. Разумеется, он также любил читать интересные книги, беседовать с умными, образованными людьми, заниматься музыкой, играть в разные спортивные игры — однако серьезную конкуренцию всему вышеперечисленному составляли девчонки. Какой-то могущественный инстинкт пробуждался в нем в присутствии этих удивительных созданий, до предела обострял его любознательность, призывал к активным исследованиям. Зачем, не единожды задавался он вопросом, Господь создал их такими отличными от мужчин? Почему в мире существует два столь разных типа людей? Наставники давали Филиппу хоть и докладные, но, по его мнению, слишком упрощенные разъяснения, большей частью акцентируя внимание на деторождении. Он этим не довольствовался и продолжал самостоятельные наблюдения.

Со временем все становилось на свои места, и к десяти годам Филипп в общих чертах получил представление, что такое женщины и с чем их едят, а чуть позже он почувствовал настоящее физическое влечение к противоположному полу. В свою очередь, и подружки Филиппа не оставались к нему равнодушными. Уже тогда он был писанным красавцем, выглядел старше своих лет, и многие барышни были чуточку влюблены в него, а некоторые — совсем не чуточку. Среди самых

рьяных поклонниц Филиппа, как ни странно, оказалась Амелина д'Альбре. Едва лишь став девушкой, она напрочь позабыла, что росли и воспитывались они, как родные брат и сестра, и страстно возжелала стать его женой. Филипп был очень привязан к Амелине, она была его лучшей подругой, и он нежно любил ее — но только как сестру. Это обстоятельство, впрочем, не мешало ему хотеть ее как женщину и помышлять о близости с ней — и все же что-то в нем препятствовало осуществлению подобных желаний. Возможно, ему просто не хотелось терять в лице Амелины сестру, в которой он так нуждался.

Осенью 1444 года Гастон д'Альбре, крупно повздорив с герцогом, вынужден был покинуть Тараскон и переселился вместе со всей семьей в одно из своих беарнских поместий. За два месяца разлуки Филипп так сильно истосковался по Амелине, что в конце концов не выдержал и тоже приехал в Беарн, где приятно провел всю зиму и первый месяц весны в обществе кузины, кузена, его жены и двух его маленьких дочурок. Гастон почти не сомневался, что по ночам Филипп тайком спит с Амелиной, но не предпринимал никаких шагов, чтобы пресечь это. В мыслях он уже давно поженил их, однако, зная упрямый характер Филиппа, не пытался форсировать события и терпеливо выжидал. Кузен был уверен, что рано или поздно Филипп запутается в сетях Амелины и тогда уж нигде не денется — сам попросит ее руки.

Впрочем, не один только Гастон был таким умником. Немало вельмож, чьи дочери и сестры были сверстницами Филиппа или на год-другой моложе, мечтали породниться с герцогом — но отнюдь не через Гийома или Робера. Столь пренебрежительное отношение могущественных вассалов и соседей к старшим сыновьям герцога и их обостренное внимание к младшему, Филиппу, объяснялись тем, что именно его рассматривали как наиболее вероятного претендента на главное наследство — герцогский и княжеский титулы...

По мере того, как выросли сыновья герцога, в среде гасконского и каталонского дворянства зрело недовольство дву-

мя старшими, в особенности Гийомом, который был наследником родового майората — Аквитании, Беарна, графств Испанской Марки и Балеарских островов. Ранее мы уже упоминали о некоторых дурных наклонностях Гийома; а с годами они лишь усугублялись и преумножались, что не шутку тревожило здравомыслящих и рассудительных вельмож. Их отталкивали не столько его многочисленные пороки, как сочетавшаяся с ними умственная недоразвитость, граничащая с дебилизмом. Полная неспособность Гийома справляться с государственными делами была очевидна. То же самое относилось и к Роберу, который был не намного лучше старшего брата, а при своей бесхарактерности и склонности поддаваться дурному влиянию со стороны — пожалуй, еще хуже.

Разумеется, немало вассалов герцога были бы не прочь воспользоваться грядущими смутами и межусобицами для укрепления собственного могущества, но значительно больше было тех, кто не желал возврата мрачных времен правления герцога Карла III. Трудно сказать, когда и кому впервые пришла в голову мысль, что наследником Гаскони и Каталонии должен стать Филипп; но это не так уж важно. Главное, что ко времени, когда Филиппу исполнилось тринадцать лет, большинство гасконских и каталонских землевладельцев — кто сознательно, а кто по наитию, — видели в нем своего будущего сюзерена. Это относилось не только к подданным герцога, но и к его соседям. Так, например, король Хайме III Арагонский предложил герцогу обручить Филиппа со своей дочерью Изабеллой, однако получил категорический отказ. По всеобщему убеждению, герцог отверг это предложение вовсе не потому, что арагонская принцесса была старше Филиппа на два с половиной года. Скорее, он опасался, что, породнившись с арагонским королем, его младший сын, и без того весьма значительная персона, благодаря своему положению первого принца Галлии и гранда Кастилии, станет слишком опасным претендентом на родовой майорат.

В начале лета 1444 года группа молодых вельмож собралась обсудить сложившуюся ситуацию вокруг проблемы наследования. Инициаторами этого тайного собрания выступи-

ли Гастон д'Альбре и Эрнан де Шатофьер — два самых близких друга Филиппа, а Эрнан, к тому же, был его сверстником. Он очень рано потерял родителей и формально находился под опекой дяди, но уже в десятилетнем возрасте, проявив решительный характер, незаурядный ум и немалые организаторские способности, перенял все бразды правления графством на себя. По мужской линии род Шатофьеров происходил из Франции. От их прежнего родового гнезда, замка Шатофьер, остались одни лишь развалины где-то на востоке Шампани; в память о них прапрадед Эрнана, первый граф Капсирский из Шатофьеров, построил в Пиренеях новый замок, который, по его замыслу, должен был стать возрожденным Шатофьером и который его потомки не замедлили переименовать на галльский лад — Кастель-Фьеро, сохранив в неизменности свое родовое имя.

Вот в этом самом замке, недалеко от Тараскона, и держали свой тайный совет заговорщики. Единодушно согласившись с тем, что во избежание в будущем затяжной борьбы за наследство, необходимо действовать уже сейчас, молодые люди затем разошлись во мнениях, с чего же именно следует начинать. Горячие головы предлагали радикальное средство решения всех проблем — организовать убийство Гийома и Робера, и делу конец, однако большинство заговорщиков с этим не согласилось. Не отрицая в принципе, что старшие сыновья герцога вполне заслуживают смерти, они все же отдавали себе отчет в том, что на данном этапе предпочтительнее дипломатические средства. Бурные дискуссии продолжались целый день, только к вечеру молодые вельможи пришли к согласию по всем принципиальным моментам и разработали план дальнейших действий. Они выбрали из своего числа десятиерых предводителей, среди которых естественным образом оказались Гастон д'Альбре с Эрнаном де Шатофьером, и возложили на них руководство заговором.

На следующий день все десять предводителей отправились в Тараскон. Накануне с подачи Эрнана было решено поставить Филиппа в известность о существовании планов по его возведению на герцогский престол, не раскрывая, впро-

чем, всех своих карт. Осведомленность Филиппа позволяла в случае необходимости выступать от его имени, что придавало заговору больший вес.

Филипп выслушал их, внешне сохраняя спокойствие и невозмутимость. За все время, пока Эрнан и Гастон попеременно говорили, излагая соображения заговорщиков, он ни взглядом, ни выражением лица не выдал своего внутреннего торжества. Наконец-то случилось то, о чем он так мечтал на протяжении нескольких последних лет, пряча эту самую сокровенную мечту глубоко в себе, не поверяя ее никому на свете...

Когда Эрнан и Гастон закончили, Филипп смерил всех собравшихся доброжелательным и вместе с тем горделивым взглядом и сказал:

— Друзья мои, я свято чту кровные узы, законы и обычаи наших предков, и считаю, что лишь исключительные обстоятельства могут оправдать их нарушение. К сожалению, сейчас в наличии эти самые исключительные обстоятельства. И если я окажусь перед выбором — мир, покой и справедливость на наших землях, или слепое следование устоявшимся нормам, то будьте уверены: я не колеблясь выберу первое. Думаю, и Бог, и люди одобряют мое решение.

Эти слова лишний раз убедили молодых людей, что они не ошиблись в выборе своего будущего сюзерена.

Когда все предводители, кроме Шатофьера и д'Альбре, ушли, Филипп покачал головой и задумчиво произнес:

— Ошибаются те, кто отказывает Гийому и Роберу в каких-либо талантах. В некотором смысле они даже гении. Ведь это еще надо суметь пасть так низко, чтобы настроить против себя решительно всех.

— Да уж, гении,— ухмыльнулся Гастон.— Но я предпочел бы не иметь таких гениев среди своих родственников. Перед людьми стыдно.

А Эрнан молча смотрел на друзей и думал о том, что воистину неисповедимы пути Господни, если от одного отца рождаются такие разные дети, как Филипп и Гийом.

Упомянутая выше ссора между герцогом и Гастоном д'Альбре имела самое непосредственное отношение к заговору молодых вельмож. Гастон однажды попытался прозондировать почву и намекнул герцогу, что, возможно, его подданные хотят видеть наследником Гаскони и Каталонии Филиппа. Герцог тотчас пришел в ярость и наговорил племяннику много обидных слов. Гастон тогда тоже вспылил, и после этого ему не оставалось ничего иного, как забрать с собой сестру, жену и дочерей и уехать из Тараскона. Позже, задумываясь над поведением герцога, Гастон находил этому только одно объяснение: он явно был не первый, кто намекал ему на такую возможность.

А между тем Гийом и Робер, будто нарочно, делали все, чтобы облегчить труды заговорщиков. Они собрали в своем окружении самые отборные отбросы высшего общества, что уже само по себе вызывало негодование респектабельных вельмож, и бесчинствовали в округе, наводя ужас на местных крестьян. Среди множества гнусных развлечений братьев было одно, производившее на Филиппа особо гнетущее впечатление. Со своим романтическим отношением к женщинам он всей душой ненавидел насильников — а Гийом и Робер были самыми что ни на есть настоящими насильниками...

Глава III

Лик смерти

Это случилось 2 мая 1445 года.

Утро было прекрасное, но чувствовал себя Филипп пре-скверно. Он гулял по дворцовому парку, проветривая тяжелую с похмелья голову. Вчера он впервые в своей жизни по-настоящему напился и теперь горько жалел об этом, клятвенно обещая себе, что впредь подобное не повторится.

Поначалу Филипп не собирался напиваться, но вчерашняя пирушка получилась не очень веселая, скорее даже тоскливая. Эрнан уехал в Беарн и должен был вернуться лишь через несколько дней, прихватив с собой Гастона и Амелину, бла-

го герцог уже перестал сердиться на племянника. По той или иной причине отсутствовали и другие близкие друзья и подруги Филиппа; так что ему было немного грустно, и он выпил больше обычного. Затем ему в голову пришла мысль, что если он как следует напьется, то, глядишь, наберется смелости переспать с какой-нибудь из присутствующих барышень. Мысль эта была не слишком умная, здоровой частью рассудка Филипп это понимал, но с достойным лучшего применения усердием налег на вино, стремительно пьянея от непривычки. После изрядного количества выпитого зелья его воспоминания о вчерашнем вечере внезапно оборвались.

Проснулся Филипп сам, однако не был уверен, провел ли он всю ночь один, и эта неизвестность мучила его больше, чем головная боль. Было бы до слез обидно потерять свою невинность в беспамятстве...

Филипп вздрогнул от неожиданности, услышав вежливое приветствие. Он поднял взгляд и увидел рядом с собой Этьена де Монтини — смазливого паренька девяти лет, служившего у него пажом.

— А-а, привет, дружище, — рассеянно ответил Филипп и тут же сообразил, что может расспросить его о минувшем вечере. — Послушай... мм... только строго между нами. Что я вчера вытворял?

Этьен в недоумении взглянул на него, затем вяло улыбнулся.

— Вы ничего не вытворяли, монсеньор. Все было в полном порядке.

— Когда я ушел?.. И с кем?

— В одиннадцатом часу. Вы пожелали всем доброй ночи и ушли. Один.

— Точно?

— Точно, монсеньор.

Филипп облегченно вздохнул:

— Вот и хорошо... — Он внимательнее присмотрелся к Монтини и спросил: — Ты чем-то взволнован? Что произошло?

— В замок привезли девушку,— ответил Этьен.— Мертвую.

— Мертвую?

— Да, монсеньор. На рассвете она бросилась со скалы в реку. Двое крестьян, которые видели это, поспешили вытянуть ее из воды, но уже ничем помочь ей не могли. Она упала на мель, ударилась головой о камни и, наверное, тотчас умерла.

Филипп содрогнулся. Его нельзя было назвать слишком набожным и богобоязненным, но к самоубийству он относился однозначно отрицательно. Сама мысль о том, что кто-то может сознательно лишить себя жизни, заставляла его сердце болезненно ныть.

С трудом подавив тяжелый вздох, Филипп спросил:

— А кто она, эта девушка?

Монтини пожал плечами:

— То-то и оно, что никто не знает. Поэтому ее привезли в замок — она явно не здешняя.

— А как она выглядит?

— С виду ей лет четырнадцать-пятнадцать. Определенно, она не из знатных девиц, но и не крестьянка и не служанка. Скорее всего, из семьи богатого горожанина, правда, не из Тараскона, потому что здесь ее никто не узнал...— Тут Монтини замешкался, потом добавил: — Впрочем, это не совсем так. Кое-кто ее все же узнал.

— Стоп! — сказал Филипп. — Не понял. Ты же говорил, что ее никто не знает.

— Это верно, монсеньор, ее никто не знает. То есть не знает, кто она такая и откуда. Но вчера ее видели недалеко от Тараскона. Дело было вечером.

— И что она делала?

Монтини поднял голову и по-взрослому пристально посмотрел Филиппу в глаза. Взгляд его был хмурым и грустным, в нем даже промелькнуло что-то похожее на ярость.

— Вернее, что с *ней* делали,— уточнил он.

Сердце Филиппа подпрыгнуло, а потом будто провалилось в бездну. Они как раз подошли к мавританскому фонта-

ну в центре парка, и он присел на невысокий парапет. Этьен молча стоял перед ним.

— Рассказывай! — внезапно осипшим голосом велел ему Филипп.

— Ну... Я знаю совсем немного. Лишь то, что услышал из разговора слуг. Эту девушку видели... видели, как господин Гийом вез ее связанную в свой охотничий домик.

Филипп судорожно сглотнул. Так называемый охотничий домик Гийома находился в двух милях от Тараскона. Там его старшие братья вместе со своими приближенными время от времени устраивали оргии, которые нередко сопровождались групповым изнасилованием молоденьких крестьянок, имевших неосторожность оказаться за пределами своих деревень, когда Гийомова банда шныряла по округе в поисках развлечений. Крестьяне неоднократно жаловались герцогу на его старших сыновей. Каждый раз герцог устраивал им взбучку и строжайше запрещал заниматься подобным «промыслом», но, несмотря на это, Гийом и Робер втихую (а когда отца не было дома, то и в открытую) продолжали свои гнусные забавы.

Герцог как раз отсутствовал — он отправился в Барселону, чтобы договориться с тамошним графом о совместном использовании порта и верфей, и взял с собой Робера, — так что Гийом, почувствовав свободу, разошелся на всю катушку.

Филипп в гнев заскрежетал зубами. Перед его мысленным взором стремительно пронеслись красочные картины, изображавшие различные варианты мучительной смерти Гийома. Наконец, овладев собой, он спросил у Монтини:

— А это точно та самая девушка?

— Слуги так говорят, монсеньор. К тому же... — Этьен судорожно сглотнул. — Когда ее только привезли, я, еще ничего не зная, имел возможность осмотреть ее вблизи...

— Ну?! — нетерпеливо воскликнул Филипп.

— Ее платье местами разодрано в клочья, кожа на ее запястьях натерта до крови, а на теле я видел следы от ударов плетью...

Филипп резко вскочил, сжимая кулаки. Лицо его исказила гримаса ненависти и отвращения.

— Господи! — простонал он. — Какие они скоты!.. Господи Иисусе...

Он снова сел и низко наклонил голову, чтобы Монтини не увидел слезы в его глазах. После некоторых колебаний Этьен, не спрашивая разрешения, присел рядом с ним.

— У тебя есть братья? — спустя минуту отозвался Филипп.

— Нет, монсеньор, — ответил Монтини. — У меня только сестра. Но я понимаю вас...

Филипп горько вздохнул.

— Почему, — проговорил он, обращаясь к самому себе, — почему они не умерли вместе с их матерью? Почему они живут и позорят нашу семью? Это несправедливо!.. — Он снова встал. — Где та девушка?

— На хозяйственном дворе, монсеньор. Если, конечно ее не...

Дальше Филипп его не слушал. Он стремглав побежал вдоль боковой аллеи к правому крылу здания, миновал арочный проход, затем свернул немного влево и через минуту очутился на широком подворье, примыкавшем к хозяйственным постройкам замка. Как всегда в такую пору, там было шумно и многолюдно, но обычного оживления Филипп не обнаружил — лица у слуг были мрачные, а взгляды хмурые.

— Где девушка? — громко и чуть визгливо спросил Филипп, оставив без внимания почтительные приветствия в свой адрес.

— Ее только что забрали, ваше высочество, — сказал один из надзирателей, указывая древком хлыста в противоположных конец двора, где через распахнутые ворота выезжала повозка в сопровождении нескольких вооруженных всадников. — Похоже, монсеньор, что на сей раз ваш брат попал в серьезную переделку.

Филипп поднялся на цыпочки и посмотрел в том же направлении. Он не узнал всадников со спины, но цвета их одежд были ему хорошо знакомы.

«Только не это! — подумал Филипп, цепenea от ужаса. — Господи, только не это!..»

Несколько секунд он простоял неподвижно, затем стряхнул с себя оцепенение и бросился к воротам, отталкивая по пути не успевших уступить ему дорогу слуг.

Услышав позади шум, сопровождавшие повозку всадники, оглянулись и придержали лошадей; остановилась также и повозка. Филипп подбежал к ней и увидел, что тело девушки полностью накрыто двумя широкими плащами, из-под которых выбивалась наружу лишь небольшая прядь темно-каштановых волос. На какое-то мгновение он замер в нерешительности, моля небеса, чтобы его страшная догадка оказалась неверной, и наконец откинул край плаща.

Он знал эту девушку. Конечно же, знал...

Красивое смуглое личико, юное, совсем детское, всегда такое веселое, улыбчивое и жизнерадостное, теперь было бледным и неподвижным, точно маска. На нем застыло выражение боли, скорби и тоски за утраченной жизнью. А на левом виске виднелась запекшаяся кровь — очевидно, туда пришелся роковой удар...

— Нет! Нет! — надрывно закричал Филипп. — Боже мой, нет!

Подчиняясь внезапному импульсу, он бросился прочь от повозки, вновь отталкивая оказавшихся у него на пути слуг. Теперь он знал, что ему делать.

Филипп рыскал по всему дворцу в поисках Гийома, пока не встретил его в одном из коридоров. Увидев младшего брата, который, сжав кулаки и гневно сверкая глазами, стремительно мчался к нему, Гийом попытался было скрыться, но не преуспел в этом — Филипп бегал гораздо быстрее и вскоре догнал его.

Гийом был на десять лет старше, на голову выше и в полтора раза тяжелее, однако Филипп имел перед ним преимущество в быстроте, ловкости и изворотливости. Молниеносным движением он нанес ему удар кулаком в челюсть, затем пнул коленом в пах. Не успел Гийом согнуться, как на него обрушилось еще два удара — ребром ладони в шею, чуть выше клю-

чицы, и по почкам. В следующий момент Филипп мастерским приемом сбил его с ног и, решив, что этого достаточно, выхватил из ножен кинжал, намереваясь заколоть своего старшего и самого ненавистного брата, как свинью.

Сбежавшиеся на шум драки стражники не вмешивались. Они не питали симпатии к Гийому, поэтому решили ничего не предпринимать, пока перевес на стороне Филиппа. Однако в любой момент, едва лишь удача улыбнется Гийому, они готовы были немедленно разнять их.

Понимая это и видя, что Филипп без шуток собирается убить его, Гийом резко вскочил на ноги. С неожиданной ловкостью он увернулся от кинжала и что было силы, вложив в этот удар весь свой вес, толкнул Филиппа к лестнице в надежде, что брат не удержится на ногах, покатится вниз по ступеням и, чего доброго, свернет себе шею.

Филипп в самом деле споткнулся, но, к счастью, на ровном месте, не долетев до крутой лестницы. При этом он сильно ударился головой о каменный пол, глаза ему ослепила яркая вспышка, затем свет в его глазах помер, из носа хлынула кровь, и он потерял сознание.

Стражники вовремя оттащили Гийома, ринувшегося было добивать бесчувственного брата...

Филипп приходил в себя медленно и мучительно. Иногда мрак, поглотивший его разум, частично рассеивался, и он слышал какие-то голоса, но смысл произносимых слов ускользал от его понимания. Он не знал, кто он такой, не знал, что с ним случилось и где он находится. Обилие вопросов, на которые помраченный рассудок позабыл ответы, приводило его в панику и вновь ввергало в мрак забвения.

Лишь на четвертый день Филипп наконец очнулся. Некоторое время он лежал в полной темноте, пока не додумался раскрыть глаза. Это была еще не мысль, а скорее осознание того факта, что он способен думать, а значит существует.

В комнате царили сумерки, но это не помешало Филиппу узнать свою спальню. С трудом повернув голову и застонав от острой боли, он обнаружил, что окна зашторены, а по краям

тяжелых штор слабо пробивается свет. Значит, там, снаружи, сейчас был день.

«Надо раздвинуть шторы», — была его первая связанная мысль, и в то же самое время его губы произнесли первые осмысленные слова:

— Дайте свет... темно...

Послышались быстрые шаркающие шаги — в комнате он был не один.

— Слава Всевышнему, наконец-то! — Преподобный Антонио, его духовный наставник, увидев разумный блеск в глазах Филиппа, радостно и облегченно вздохнул. — Я так волновался за тебя, сын мой, так боялся, что ты никогда не придешь в себя.

Пока падре раздвигал шторы на ближайшем окне, Филипп размышлял над его последними словами — впрочем, без особых результатов. Боль в голове мешала ему сосредоточиться.

— И откройте окно, — добавил он. — Душно.

Дон Антонио исполнил и эту его просьбу. Повеяло приятной прохладой. Филипп с наслаждением вдыхал чистый и свежий воздух, наполненный ароматами поздней весны.

Падре вернулся к Филиппу, присел на край широкой кровати и взял его за руку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, — откровенно признался Филипп. — Голова болит, слабость какая-то... Что случилось, падре?

— Ты сильно ударился и, похоже, у тебя было сотрясение мозга. К счастью, все обошлось.

— Сотрясение мозга, — повторил Филипп. — Понятно... И как долго я был без сознания?

— Три дня.

— Ага... — Филипп попытался вспомнить, как его угораздило получить сотрясение мозга, но безуспешно: прошлое плотно окутывал густой туман забытья. — Я не помню, как это произошло, падре. Наверно, я здорово нахлестался и спьяну натворил делов. Больше я не буду так напиваться.

Преподобный отец встревожено воззрился на него:

— Что ты говоришь?! Ведь ты был трезв.

— Я? Трезв? — Филипп в недоумении захлопал своими светлыми ресницами. — Вы ошибаетесь, падре. Тогда я много выпил, очень много... даже не помню, сколько.

— Это было накануне. А ударился ты на следующий день утром.

— Как это утром? Разве я утром... Нет, не понимаю. Я ничего не понимаю!

— Так ты не помнишь об *этом*? — спросил падре, внимательно глядя ему в глаза.

— Об *этом*? О чем? — Филипп вновь напряг свою память, и вскоре у него с новой силой разболелась голова. — Я ничего не помню о следующем дне, падре. Последнее, что я могу вспомнить, это как я пил на вечеринке... А что стряслось? Что?

Дон Антонио покачал головой:

— Лучше тебе самому вспомнить... А если не вспомнишь, тем лучше для тебя.

— Вот как! — Филипп вконец растерялся. — Я вас не понимаю. Расскажите мне все.

Падре вздохнул:

— Нет, Филипп, не сейчас. Разумеется, рано или поздно ты обо всем узнаешь — но лучше позже, чем раньше... Ладно, оставим это. — Преподобный отец помолчал, прикидывая в уме, как перевести разговор на другую тему, потом просто сказал: — Вчера приехал граф д'Альбре с сестрой.

Филипп слабо улыбнулся:

— Это хорошо. Я по ним так соскучился... Я хочу видеть их. Обоих.

Падре медленно поднялся.

— Сейчас я велю разыскать их и сообщить, что ты уже очнулся.

С этими словами он направился к выходу, но у самой двери Филипп задержал его:

— А Эрнан? Он вернулся из Беарна?

— Да. Вместе с графом д'Альбре, — ответил падре, на лицо его набежала тень.

— Тогда пошлите, пожалуйста, вестового в Капель-Фьеро...

— В этом нет необходимости,— мягко перебил его дон Антонио.— Господин де Шатофьер здесь.

— Где? — оживился Филипп.

— Полчаса назад я видел его в твоей библиотеке.

— Так позовите его. Немедленно

— Ладно,— снова вздохнул преподобный отец.— Позову. И пока вы будете разговаривать, пойду распоряжусь насчет обеда.

Спустя минуту, а может, и меньше, в спальню вошел Эрнан — высокий крепкий парен с черными, как смоль, волосами и серыми со стальным блеском глазами. В каждом его движении сквозила недюжинная сила, и потому он казался на несколько лет старше, чем был на самом деле.

— Привет, дружище,— натянуто усмехнулся Филипп.— Пока тебя не было, я в такой переплет попал...

Шатофьер как-то отрешенно поглядел на него и молча кивнул. Лицо его было бледное, с болезненным сероватым оттенком, а под глазами явственно проступали круги.

— Ты плохо себя чувствуешь? — участливо спросил Филипп.

— Да... В общем, неважно,— ответил Эрнан, голос его звучал глухо и прерывисто, как стон. После короткой паузы он добавил: — Дон Антонио предупредил, что ты ничего не помнишь. Он просил не говорить с тобой об этом, но я... я ни о чем другом думать не могу...

— Что случилось, Эрнан? — вконец растерялся Филипп.— Хоть ты мне объясни!

— Она... — Из груди Шатофьера вырвался всхлип.— Она была мне как сестра... Больше, чем сестра, ты знаешь...

В этот момент память полностью вернулась к Филиппу. Он пронзительно вскрикнул и зарылся лицом в подушку. Ему казалось, что его голова вот-вот расколется от нахлынувших воспоминаний. Туман забытья, окутывавший события того рокового утра, в одночасье развеялся, и Филипп с предельной ясностью вспомнил все...

Ее звали Эжениа. Она была дочерью кормилицы Эрнана и его сверстницей — как тогда говорили, она была его мо-

лочной сестрой. Мать Шатофьера умерла вскоре после родов, отец — немногим позже; их он, естественно, не помнил и мамой называл свою кормилицу, а ее дочь была для него родной сестрой. Они росли и воспитывались вместе, были очень привязаны друг к другу, а когда стали подростками, их привязанность переросла в любовь. Никто не знал об истинных намерениях Эрнана в отношении его молочной сестры; но кое-кто, в том числе и Филипп, предполагал, что он собирается жениться на ней. Лично Филипп этого не одобрял, однако не стал бы и пытаться отговорить друга, окажись это правдой. Эрнан был на редкость упрямым парнем, и если принимал какое-нибудь решение, то стоял на своем до конца. Кроме того, Филипп хорошо знал Эжению и считал ее замечательной девушкой. Единственный ее недостаток заключался в том, что она была дочерью служанки...

— Как это произошло? — спросил Филипп, не поворачивая головы.

Эрнан подошел к кровати и сел.

— В тот вечер она поехала к своим деревенским родственникам, — тихо, почти шепотом произнес он. — И не взяла сопровождения... Сколько раз я говорил ей, сколько раз... но она не слушалась меня!.. — Шатофьер сглотнул. — А позже в Капель-Фьеро прибежала ее лошадь. Мои люди сразу же бросились на поиски и лишь к утру нашли ее... мертвую... Будь оно проклято!..

В комнате надолго воцарилось молчание. За окном весело щебетали птицы, день был ясный, солнечный, но на душе у Филиппа скребли кошки. Ему было горько и тоскливо. Так горько и тоскливо ему не было еще никогда — даже тогда, когда умерла его матушка, Амелия Аквитанская.

Он первый заговорил:

— Где сейчас Гийом?

— Под арестом. Так распорядился мажодорм. Но я уверен, что когда вернется твой отец, его освободят. Ведь нет такого закона, который запрещал бы дворянину глумиться над плебеями. Любой суд оправдает этого мерзавца... Где же справедливость, скажи мне?! — Эрнан снова всхлипнул, и по щекам

его покатились слезы.

Преодолевая слабость, Филипп поднялся и сжал в своих руках большую и сильную руку Шатофьера.

— Есть суд нашей совести, друг. Суд высшей справедливости.— В его небесно-голубых глазах сверкнули молнии.— Гийом преступник и должен понести наказание. Он должен умереть — и он умрет! Таков мой приговор... *Наш приговор!*

Эрнан вздрогнул, затем расправил свои могучие плечи, находившиеся на уровне макушки Филиппа.

— Гийом умрет.— Голос его звучал твердо и решительно.— Как бешеная собака умрет! И все эти подонки из его компании умрут. Я еще не решил, что делать с Робером — его счастье, что он поехал с твоим отцом в Барселону, ему повезло...— Эрнан сник так же внезапно, как и воспрянул.— Но ничто, ничто не вернет мне Эжению. Ее обидчики будут наказаны, но она не восстанет из мертвых. Я больше никогда не увижу ее... Никогда...— И он заплакал, совсем как ребенок.

Филипп сидел рядом с ним, усилием воли сдерживая комок, который то и дело подкатывал к горлу.

«Говорят, что мы еще дети,— думал он.— Может, это и так... Вот только жизнь у нас не детская».

Детство Филиппа стремительно подходило к концу, и у него уже не оставалось времени на ту короткую интермедию к юности, которая зовется отрочеством...

Глава IV

Конец детства

Филипп сидел на берегу лесного озера и задумчиво глядел на отраженные зеркальной гладью воды белые барашки туч, которые нестройной чередой плыли по небу с юго-запада на северо-восток. Озеро находилось на равнине среди густого леса, а вдали со всех сторон, словно сказочные великаны, вздымались горы. Филиппу нравилось это место, и он часто приезжал сюда в погожие дни, когда ему хотелось побыть наедине с собой.

Сегодня был последний день весны и его четырнадцатый день рождения. И Филипп, как и год, и два, и три года назад, еще на рассвете уехал из Тараскона, чтобы не видеть отца в траурном одеянии, чтобы лишний раз не попадаться ему на глаза, так как именно в этот день герцог был более чем когда-либо нетерпим к младшему сыну.

Обычно для молодого человека день его рождения — день радости, знаменующий рубеж, переступая который, он становится на год старше, а значит и взрослее. Однако для Филиппа, сколько он себя помнил, 31 мая всегда был день скорби. И вовсе не за умершей матерью: ему, конечно, жаль было женщину, которая, родив его в муках, умерла, — но он ее не знал. Этот день символизировал для Филиппа утрату отца, детство, проведенное рядом с ним и так далеко от него. Сознательно Филипп не любил герцога, и, собственно говоря, ему не за что было любить его. Но неосознанно он все же тянулся к отцу, подчиняясь тому слепому, безусловному инстинкту, который заставляет маленьких зверят держаться своих родителей, искать у них ласки, тепла и защиты. А Филипп все еще был ребенком, пусть и преждевременно повзрослевшим ребенком. К тому же герцог в его глазах былместилищем множества достоинств, и единственное, в чем Филипп не хотел походить на него, так это быть таким отцом...

Вернувшись из поездки и узнав обо всем случившемся, герцог, как и предсказывал Эрнан, освободил Гийома из-под ареста и лишь сурово отчитал его. Амнистия, однако, не коснулась тех нескольких Гийомовых приближенных, которые вместе с ним были взяты под стражу, — герцог велел бросить всех в самое глубокое подземелье замка и тут же позабыл об их существовании. Оставшиеся на свободе участники надругательства над Эженией, как показали последующие события, могли только позавидовать участи своих товарищей. Вскоре, один за другим, они стали погибать при весьма подозрительных обстоятельствах. Им не удавалось спасти свою жизнь даже поспешным бегством — где бы они не скрывались, всюду их настигала смерть, направляемая (в чем никто не сомневался) рукой Эрнана де Шатофьера.

В отличие от Робера, который, обладая небольшой толикой здравомыслия и будучи прирожденным трусом, страстно благодарил небеса, что согласился поехать с отцом в Барселону, Гийом был слишком туп и самонадеян, чтобы трезво оценить обстановку и по-настоящему испугаться. Известия о каждой новой смерти приводили его в бешенство, он на все лады проклинал Эрнана и подсылал к нему наемных убийц, которых через день-другой обнаруживали мертвыми, как правило, вздернутыми на какой-нибудь виселице во владениях Шатофьера.

Плачевное положение Гийома усугублялось еще одним обстоятельством. Вскоре после смерти Эжени стало известно, что Эрнан был тайно помолвлен с ней. Разумеется, при ее жизни высший свет отнесся бы к такому известию крайне неодобрительно, однако постфактум это было воспринято спокойно и с пониманием. Таким образом, не совсем законные с формальной точки зрения действия Эрнана обретали в глазах общества некую видимость правосудия, переходя в плоскость кровной мести, что всегда считалось делом святым и достойным уважения.

Гийом был обречен — это понимали все, кроме него самого. Робер уже откровенно примерялся к титулу наследника Гаскони и Каталонии. Герцог еще больше замкнулся в себе и избегал старших сыновей точно так же, как и младшего. Чем дальше, тем невыносимее становилась для Филиппа жизнь в отчем доме. Всякий раз, встречая Гийома, он еле сдерживался, чтобы не наброситься на него, и про себя недоумевал, почему Эрнан медлит с расправой. Гастон д'Альбре, который снова поссорился с герцогом (он требовал суда над Гийомом и лишения его вкупе с Робером права наследования майората), предлагал Филиппу уехать с ним и Амелиной в Беарн. Но тогда Филипп находился в состоянии глубокой депрессии и отделался от кузена неопределенным обещанием позже подумать над его предложением.

А ночью, накануне своего отъезда, к Филиппу пришла Амелина. Она быстренько разделась, забралась к нему в постель и принялась покрывать его лицо жаркими поцелуя-

ми. Возможно, это был самый благоприятный момент, чтобы преодолеть свойственный каждому подростку страх перед первой близостью с женщиной; тогда Филипп больше, чем когда-либо прежде, нуждался в ласке и нежности, он так жаждал забыться в объятиях милой и дорогой сестренки... Но в ту ночь между ними ничего и не произошло. Филипп был еще слишком слаб, истощен, обессилен пережитым потрясением. Они лежали рядышком, обнимаясь и целуясь — ласково, но не страстно, как брат и сестра, — и Филипп выговорил Амелине все, что накопилось у него на душе, а потом просто заснул, крепко прижавшись к ней, к ее теплоте и нежному телу. Той ночью он спал спокойно и безмятежно.

Утром их разбудил Гастон (слуги не решались) и все спрашивал, когда же будут дети. Вот на какой приподнятой ноте они и расстались. А поскольку было еще рано, то Филипп остался лежать в постели, не зная, где ему деться от охватившего его стыда. Что ж это будет, думал он, если через месяц или два Гастону вздумается расспросить врача, не беременна ли случайно его сестра, а тот, изумленно подняв брови, ответит: «Бога ради, монсеньор! Она еще девственница». Да, пиши для острот хватит надолго! «Так ты *спал* с Амелиной, или *просто* спал с ней? И сколько же раз вы вот так *просто* спали вместе?» Нечего сказать, хорошенькое дело...

Филипп взял в руки лютню, которую привез с собой, и привычно пробежал по струнам, проверяя настройку. Сознательно он еще не решил, что хотел бы спеть, как его пальцы взяли первые аккорды песни о любви могущественного вельможи к дочери короля. О той самой любви, которая привела к его появлению на свет и на этом трагически оборвалась. О его отце, герцоге Филиппе III Аквитанском, который, потеряв первую жену, совсем по ней не грустил, ибо был без памяти влюблен в одиннадцатилетнюю девочку, дочь короля Робера III. Изабелла Галльская годилась герцогу в дочери, но это нисколько не помешало ему влюбиться в нее так сильно, так страстно возжелать ее, что в своем безрассудстве он готов был уподобиться Парису и разрушить стены Тулузы ради прекрасных

очей новоявленной Елены Троянской. Чтобы сохранить мир в стране, король был вынужден уступить герцогу, нарушив тем самым слово, данное графу Прованскому, с чьим сыном Изабелла уже была помолвлена. Почувствовав себя оскорбленным, граф вознамерился выйти из состава королевства и присоединиться к Германскому Союзу. Это, в общем, было на руку аквитанцам, так как позволяло их роду занять доминирующее положение в остальной части Галлии; но тут герцог, сознавая свою вину перед королем, выступил ярким приверженцем территориальной целостности государства. В этом его поддерживали остальные галльские князья, что и решило спор в пользу единства страны. Графу Прованскому пришлось смирить гордыню и довольствоваться браком своего сына с племянницей короля, юная принцесса Изабелла стала герцогиней Аквитанской, а вся эта история получила широкую огласку и нашла свое отражение во многих художественных произведениях того времени.

Из всех баллад, которые Филипп знал о своих родителях, он выбрал, пожалуй, самую далекую от действительности, но которая нравилась ему больше других. Было в ней что-то особенное, будоражившее воображение, затрагивавшее самые тонкие струны души. Ее создатель, мало заботясь об исторической правде, сумел так ярко, так убедительно изобразить своих героев, что создавалось впечатление, будто они находятся где-то рядом и в любой момент готовы предстать перед слушателями во плоти...

Постепенно Филипп увлекся, и пение полностью захватило его. Природа не наградила его абсолютным слухом, однако долгие часы занятий не прошли даром: пел он правильно, хорошо поставленным голосом, почти никогда не фальшивил, и слушать его было приятно не только ему самому.

Где-то посередине песни Филипп почувствовал, как кто-то подошел к нему сзади и остановился у него за спиной. Это ощущение было настолько реальным и осязаемым, что он умолк на полуслове, отложил в сторону лютню и огляделся...

А в следующее мгновение Филипп уже был на ногах, глуповато улыбаясь и отчаянно пытаясь выровнять сбившееся с

ритма дыхание. Горло его сдавил нервный кашель, но он не мог позволить себе прокашляться, в страхе спугнуть, разрушить хрупкое очарование открывшейся его взору волшебной картины...

Перед ним стояла юная девушка лет пятнадцати, прекрасная как весна, как любовь, как может быть прекрасной лишь чистота и невинность. Она была невысокого роста, стройная, с тонким гибким станом, одетая в костюм для верховой езды темно-синего цвета, который удачно гармонировал с пышной гривой распущенных светло-каштановых волос. Ее большие карие глаза смотрели на него с восторгом, на щеках играл розовый румянец, а на коралловых губах блуждала робкая улыбка, сверкавшая жемчугом ровных белых зубов.

У Филиппа бешено стучало сердце и подкашивались ноги. Он глядел на девушку, поедая ее глазами и млея от неведомого ему ранее, ни с чем не сравнимого ощущения. Ему хотелось подхватить ее на руки, крепко прижать к себе и кружить, кружить по поляне, смеясь и рыдая от переполнявшей его радости и глубокого, безмерного счастья.

«Это любовь, — думал он. — Да, да, любовь! Значит, вот она какая...»

Его ничуть не смущало, что он совсем не знает эту девушку, что он впервые видит ее, — все это не имело никакого значения для любви. Любовь никогда не приходит постепенно, шаг за шагом, она рождается в одночасье и не суть важно когда — в момент знакомства, с первого взгляда, или значительно позже. Любовь нельзя сравнивать ни с привычкой, ни с дружбой, ни с привязанностью; она не является порождением земных чувств — уважения, симпатии и тому подобных — даже в миллионы и миллиарды крат усиленных. Это небесная благодать, это божественное откровение, это дьявольское наваждение... Будто молния ударила одновременно с неба и изпод земли — она мгновенно поразила Филиппа.

Наконец, совладав с собой, он подступил к девушке и галантно поцеловал ее руку. С трудом поборов желание прижаться щекой к этой прелестной маленькой ладошке, он заставил себя выпрямиться и представился:

— Филипп Аквитанский к вашим услугам, барышня.

Девушка ослепительно улыбнулась, и Филипп почувствовал, как у него с новой силой заняло сердце.

— Очень мило, монсеньор, — ответила она и, не выдержав пылкого взгляда Филиппа, в смущении опустила глаза. — А я... Меня зовут Луиза де Шеверни... Также к вашим услугам.

По-галльски она говорила правильно, но с заметным франсийским акцентом.

— Вы... Вероятно, вы родом с Иль-де-Франса, — неуверенно предположил Филипп. — Или же со Средней Луары.

— Вы угадали, — кивнула Луиза. — Моя семья живет в Блуа.

— И что же привело вас в наши края?

— Три дня назад я приехала в гости к родственнику, вашему другу, кстати, графу Капсирскому.

— Вот как! — Только теперь Филипп заметил на краю поляны двух лошадей: одну с дамским седлом, другую — с мужским, которых держал за поводья слуга. В слуге он признал Жакомо, камердинера Шатофьера. — Стало быть, Эрнан ваш родственник?

— Да, монсеньор. Моя матушка — родная сестра матери господина графа, царство ей небесное. Мы также родственники и по его мужской линии, правда, дальние.

— Ага, понятно. Это... гм... Это была очень романтическая история.

Тут Филипп покривил душой. Ничего романтического в этой истории не было — то был обыкновенный мезальянс. Двадцать лет назад отец Эрнана ездил в Шампань, на родину своих предков, и вернулся оттуда с молодой женой, дочерью одного обнищавшего дворянина, его дальнего родственника. Этот брак никто не одобрял.

Почувствовав фальшь в последних словах Филиппа, Луиза покраснела и в смятении потупила глаза. Совершенно ошибочно она истолковала это так, что Филипп с самого начала решил поставить ее на место, указав на разницу в их общественном статусе.

— Прошу прощения, монсеньор, за причиненное вам беспокойство. Я... не смею вам больше мешать. Сейчас я уеду.

— Почему? — удивился Филипп. — Разве вы куда-то спешите?

— Ну... нет. Не очень. Я просто знакомясь с окрестностями, а когда услышала, как вы поете, то приблизилась, чтобы послушать вас...

— Но ведь я еще не закончил! — живо возразил Филипп. — А вы вправду хотите послушать меня? Вам действительно нравится, как я пою?

— Да, очень! — энергично кивнула она и тут же засмутилась. — Вы замечательно поете, монсеньор.

— Меня зовут Филипп, — веско заметил он, беря ее за руку. — Только так я разрешаю называть себя хорошеньким девушкой. А вы не просто хорошенькая, вы — красавица. Я еще никогда не встречал такой очаровательной девушки, как вы.

Луиза подняла к нему свое лицо, и взгляды их встретились.

— А я... — сбивчиво заговорила она, — я никогда еще не встречала такого, как вы... Мне говорили, что вы красивый, но я... я не думала, что вы такой милый...

Филипп весь просиял. Он подвел Луизу к берегу озера и расстелил на траве свой широкий плащ. Она поблагодарила его и села, подтянув ноги. Филипп пристроился рядышком, взял в руки лютню и спросил:

— Мне начать сначала или с того куплета, на котором остановился?

— Сначала, если можно.

Филипп коснулся пальцами струн и запел с таким воодушевлением, какого не испытывал еще никогда. Луиза слушала его, облокотившись на колени и подперев подбородок рукой. Ее лицо отражало целую гамму чувств — нежности, восторга, благоговения, растерянности, замешательства и восхищения, а глаза ее томно блестели. Когда Филипп допел до конца, и отзвучали завершающие аккорды баллады, она еще немного помолчала, вслушиваясь в тишину, затем с волнением в голосе произнесла:

— Как это прекрасно! У меня даже нет слов... А ведь это песня о ваших родителях, правда?

— И да, и нет,— ответил Филипп.— В общих чертах это действительно история о моем отце и матери, но некоторые детали и обстоятельства автор явно позаимствовал из другой похожей истории.

— Какой?

— О графе Клавдии Иверо и Диане Юлии Римской. Пятнадцать лет назад дон Клавдий без памяти влюбился в принцессу Диану и попросил у императора Корнелия ее руки. Император же имел относительно дочери другие планы, поэтому вежливо отказал графу. Однако дон Клавдий не смирился с поражением. Он организовал похищение принцессы, которая совсем против этого не возражала, и женился на ней. Кстати, венчал их мой нынешний духовный наставник, преподобный Антонио. Он направлялся из Рима в Барселону и по забавному стечению обстоятельств оказался на одном корабле с беглецами. Дону Клавдию и Диане Юлии не терпелось... гм... стать мужем и женой. Они решили не дожидаться прибытия в Испанию и попросили падре Антонио обвенчать их прямо на корабле. Император был в ярости, когда узнал о бегстве дочери, но в конце концов ему пришлось смириться с этим браком. Собственно, из этой истории взято окончание баллады: якобы моя мать убегает с моим отцом, и они втайне венчаются. Очевидно, автору это показалось более изящной развязкой, нежели то, что случилось на самом деле.

— А что случилось на самом деле?

— Все было гораздо грубее и прозаичнее. Мой отец собрал войско и пригрозил моему деду, что пойдет войной на Тулузу и отнимет у него не только дочь, но и корону. Дед не хотел междоусобицы в стране, поэтому уступил, из-за чего рассо-
рился с графом Прованским...

Филипп рассказывал эту историю чисто механически, не очень-то вдумываясь в то, что говорит. Его мысли были заняты совсем другим: он обмозговывал одну идею, которая только что пришла ему в голову. Он уже оправился от первоначальной растерянности и весь преисполнился решимости. Теперь он точно знал, что ему нужно, и был готов к активным действиям. Но это не было следствием холодного расчета с

его стороны; скорее, это была отчаянная храбрость вдребезги пьяного человека. А Филипп был пьян — от любви.

С горем пополам закончив свой сказ, Филипп резко поднялся, извинился перед Луизой и подошел к Жакомо, который сидел на корточках под деревом. При приближении Филиппа слуга вскочил на ноги и с почтительным видом выслушал его распоряжения, произнесенные вполголоса. Затем он поклонился ему, не мешкая взобрался на свою лошадь и, послав прощальный поклон озадаченной Луизе, скрылся за деревьями.

— Что случилось? — спросила она, когда Филипп вернулся и снова сел подле нее.

— Я велел Жакомо ехать в Кастель-Фьеро и передать Эрнану, что сам позабочусь о вас и вечером доставлю к нему целой и невредимой.

Щеки Луизы вспыхнули.

— Но зачем?

— Ну, во-первых, я уже неделю не видел Эрнана и решил сегодня навестить его. А во-вторых, я отослал Жакомо, чтобы остаться с вами наедине.

— Да?.. — Девушка еще больше смутилась. — Вы... Вы хотите остаться со мной наедине?

— Мы уже остались наедине, — уточнил Филипп, смело обнял ее и привлек к себе. — Согласись, милочка: как-то неловко целоваться в присутствии слуг.

— О Боже! — только и успела прошептать Луиза, прежде чем их губы сомкнулись в долгом и жарком поцелуе.

Потом они сидели, крепко прижавшись друг к другу. Голова Луизы покоилась на плече Филиппа, а он, зарывшись лицом в ее волосы, с наслаждением вдыхал их пьянящий аромат, чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Филипп много раз целовался с девушками и сжимал их в своих объятиях, но еще никогда не испытывал такого блаженства, как сейчас. И тут он понял, что нисколько не страшится близости с Луизой; он совсем не боится разочароваться в любви, испортить свои поэтические грезы банальной прозой жизни, потому что настоящая любовь прекраснее любой мечты...

— Сколько тебе лет, дорогая? — спросил Филипп.

— Пятнадцать.

— А мне только четырнадцать... Но это не беда, правда?

Луиза погладила его по щеке, затем нежно прикоснулась губами к его губам. Глаза ее сияли от восторга.

— Это не имеет значения, милый. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Луиза. — Филипп бережно опустил ее на траву. — Знаешь, — произнес он с таким виноватым видом, будто признавался в каком-то неблагоприятном поступке, — у меня еще не было женщин. Ты моя первая, моя единственная...

Луиза вдруг всхлипнула и задрожала.

— Господи! — прошептала она, поняв, что сейчас произойдет. — Господи...

— Что с тобой, родная? — всполошился Филипп. — Почему ты плачешь?

Луиза рывком прижалась к его груди.

— Я знаю, мы не должны...

— Почему? Разве ты не любишь меня?

— Люблю, но...

— Ты боишься разочароваться во мне?

Луиза немного отстранилась и удивленно посмотрела на него. Взгляд ее выражал непонимание — то самое непонимание, которое неотступно следовало за ними всю их недолгую супружескую жизнь.

— Я не боюсь разочароваться в тебе, — мягко сказала она. — Ведь мне не с кем тебя сравнивать. Да, я боюсь... но боюсь не чего-то конкретного, а просто потому, что мне страшно. Страшно и все тут, ведь это так естественно. — Луиза перевела дыхание, набираясь храбрости. — И, пожалуйста, не спрашивай ни о чем. Лучше поцелуй меня.

Филипп заглянул вглубь ее прекрасных карих глаз и будто растворился в них целиком. В этот момент весь окружающий мир перестал существовать для него. На всем белом свете были только он, Луиза и любовь, соединившая их неразлучными узами. Любовь, которую Филипп так долго ждал и которая, наконец, пришла.

Он познавал любовь. Ему еще предстояло испытать эту чашу до дна — радость и горечь, муку и наслаждение, боль и блаженство, надежду и отчаяние...

Глава V

Мужчина

Солнце клонилось к закату. Филипп лежал, растянувшись на траве, и бездумно глядел в небо. На его груди покоилась голова Луизы, ее волосы щекотали ему шею и подбородок, но он не убирал их — щекотка была приятной. И вообще, все связанное с Луизой было ему приятным. Филиппу казалось, что он не лежит на земле, а парит в воздухе. Все его тело охватывала сладкая истома, мысли в голове путались, порой устремляясь в самых неожиданных направлениях, но над всем этим доминировало всепоглощающее чувство спокойного и безмятежного счастья.

Наконец Луиза пошевелилась и подняла голову.

— Кажется, я задремала, — сказала она, сонно моргая глазами. — Я долго спала?

— Нет, дорогая, — ласково ответил Филипп. — Не больше получаса.

Луиза вздохнула и крепко прижалась к нему.

— Что случилось? — спросил Филипп. — Почему ты вздыхаешь?

— Да так, ничего. Просто... просто я думаю...

— О чем?

— Ну как ты не понимаешь?! Я думаю о том, что произошло.

— А-а!.. Но чем ты встревожена?

Она немного помолчала, прежде чем ответить.

— Мне очень неловко, милый. Что подумает мой кузен? Что подумают отец с мамой?.. Вчера Эрнан рассказывал о тебе и вполне серьезно заявил, что боится знакомить нас. Ему-де стыдно будет перед моими родителями, если ты соблазнишь меня.

Филипп поднялся и сел на траве.

— Так вот ты о чем! Вот что тебя беспокоит!

— Ну да,— в смятении кивнула Луиза.— Только не подумай, что я сожалею, нет. Но...

Филипп наклонился к ней и поцеловал ее в губы.

— Глупышка ты моя! Как плохо ты обо мне думаешь. Ведь я люблю тебя и хочу на тебе жениться.

Она недоверчиво поглядела на него.

— Жениться? Ты не шутишь?

— Никаких шуток! Завтра падре Антонио обвенчает нас, и мы станем мужем и женой. Ты согласна?

— О Боже! — в растерянности прошептала Луиза.— Это так неожиданно...

— А ты думала, я просто хотел поразвлечься с тобой?

— Ну... Вообще-то я думала, что между нами такая разница...

— Это несущественно, милочка,— заявил Филипп с такой безапелляционностью, как будто сам был не до конца в этом уверен и страстно желал убедить себя в собственной правоте.— Все это предрассудки. Раньше я разделял их... пока не встретил тебя. Теперь я понимаю, что грош им цена в базарный день. Теперь я понимаю Эрнана и его отца... Да что и говорить! Я уже не смогу без тебя жить. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной.

— А твой отец? Неужели он согласится?

Филипп нахмурился.

— Отцу моя судьба безразлична. Для него было бы лучше, если бы я вовсе не родился. Думаю, ему будет все равно, на ком я женюсь. Но даже если он воспротивится... В конце концов, мне уже четырнадцать лет, я совершеннолетний и могу сам распоряжаться своим будущим, не спрашивая ни у кого позволения.

— Даже у папы Римского?

— Даже у папы.— Тут Филипп усмехнулся (не без грусти, надо сказать).— Мой титул первого принца принимают всерьез только гасконцы, это тешит их самолюбие. А так никто не сомневается, что у короля Робера будут дети — ведь ему

еще нет двадцати, а королеве Марии и того меньше. Галльский престол мне не светит, и у святейшего отца нет причин вмешиваться в мою личную жизнь... Или почти нет, — добавил он, подумав о своих претензиях на родовой майорат. — Но, в любом случае, наш осторожнейший папа Павел сто раз подумает, прежде чем объявить недействительным уже свершившийся брак. А мы обвенчаемся завтра же. Жаль, конечно, что я не смогу пригласить всех своих друзей, но и медлить со свадьбой не хочу.

— Почему?

Филипп помедлил, затем откровенно признался:

— Из-за тех же друзей. Не все из них будут в восторге, что я женюсь на тебе. Эрнан, конечно, не станет возражать, да и Симон де Бигор будет рад — ведь он влюблен в Амелину. А вот остальные, особенно Гастон... В общем, они будут против.

— Понятно, — хмуро произнесла Луиза. — Что ж, скоро ты столкнешься с их всеобщим негодованием. Может, уже сегодня. К твоему сведению, твои друзья гостят сейчас в Кастель-Фьеро.

— Да ну! А кто именно?

— Их очень много. Человек шестьдесят, не меньше.

— Ничегошеньки! А я об этом не знал. Странно, странно... И когда они приехали?

— Большинство вчера вечером, некоторые днем раньше, да и сегодня утром появилось еще несколько гостей.

— Ну и дела! Эрнан определенно что-то затевает. А если в это замешан и Гастон...

— Граф д'Альбре? Он тоже в Кастель-Фьеро. Вчера кузен познакомил нас.

Филипп озадаченно хмыкнул.

— Очень интересно. Что же замышляют Эрнан с Гастоном?

— Я догадываюсь. Но тебе не скажу.

— Почему?

— Насколько я понимаю, твои друзья готовят тебе весьма необычный подарок ко дню рождения. Это должно стать для тебя сюрпризом... Ой! — вдруг всполошилась Луиза. — Ведь Эрнан знает, где ты!

— Конечно, знает,— подтвердил Филипп.— Каждый свой день рождения я провожу здесь до самого вечера. К тому же Жакомо, безусловно, доложил Эрнану, что оставил тебя со мной.

— Значит, вскоре он должен приехать.— Луиза встала, подобрала с травы свое платье и встревожено огляделась вокруг, будто высматривая затаившегося в траве Эрнана.— А мне еще хотелось искупаться...

— Так иди купайся,— сказал Филипп.— Тебе нужно искупаться. А потом мы отправимся к Эрнану.

После некоторых колебаний Луиза согласно кивнула:

— Пожалуй, так я и сделаю.

Немного смущаясь, она принялась снимать с себя оставшуюся одежду. Филипп с восхищением глядел на нее и самодовольно улыбался. Он уже мужчина, мужчина с того самого мгновения, когда над озером раздался крик девушки, ставшей женщиной. И она довольна им как мужчиной. Еще бы...

Луиза разделась догола и вбежала в озеро. Она барахталась в воде, поднимая вокруг себя тучи брызг, охая и повизгивая от удовольствия.

Наблюдая за ней, Филипп не сразу заметил троих всадников, которые въехали на поляну и спешили в нескольких шагах от него. Это были Эрнан де Шатофьер, Гастон д'Альбре и еще один его друг — пятнадцатилетний Симон де Бигор, старший сын виконта де Бигора, одного из самых влиятельных гасконских вельмож, коннетабля Аквитании.

— Так,— мрачно произнес Эрнан, глядя то на Филиппа, то на спрятавшуюся по шею в воде Луизу.— Чужло мое сердце, ничем хорошим это не кончится... Ну что ж, друг, прими мои поздравления... гм... с днем твоего рождения.

— И мои,— с ухмылкой добавил д'Альбре.

— Я тоже поздравляю тебя,— простодушно сказал Симон, не уловивший двусмысленности в словах Эрнана и Гастона.

— Благодарю вас, друзья,— смущенно пробормотал Филипп, а затем в полной растерянности ляпнул: — Ну, вот вы и приехали.

— Да,— кивнул Эрнан.— Приехали. И увидели.

Филипп еще больше смутился.

— Послушай, дружище, мне, право, неловко... Я очень сожалею...

— Ах, ты сожалеешь! — с неожиданной яростью рявкнул Шатофьер. — Он, видите ли, сожалеет! Как жаль, сказал волк, скушав овечку, и уронил скупую слезу над ее останками... Черт тебя подери, Филипп! Сестра моей покойной матери доверила мне свою дочь, и что же — на четвертый день ее соблазняет мой лучший друг, человек, который для меня как брат, чьей чести я без колебаний вверил бы невинность родной сестры... — Тут он осекся и искоса глянул на Гастона. — М-да, насчет невинности сестры я маленько загнул. И все же тебе следовало бы сперва подумать, как я к этому отнесусь — с циничным безразличием Гастона, которому глубоко наплевать, с кем спит Амелина, или...

— Прекрати, Эрнан! — резко оборвал его Филипп. — Прошу тебя, не горячись. Я признаю, что несколько поспешил, но пойми — я просто не мог ждать.

Эрнан недоуменно моргнул.

— Чего ждать?

— Свадьбы, разумеется.

В ответ на это заявление три пары глаз — голубые Гастона, кремнево-серые Эрнана и темно-карие Симона — в молчаливом изумлении уставились на него.

— Ну-ка повтори, что ты сказал, — сипло проговорил Эрнан.

— Я собираюсь жениться на твоей кузине, — невозмутимо ответил Филипп.

Эрнан не выдержал и зашелся громким кашлем.

— Друзья мои, — продолжал Филипп, почувствовав себя хозяином положения. — Боюсь, мы заставляем Луизу ждать. Давайте отойдем в сторонку и позволим ей выбраться из воды и одеться.

Не дожидаясь ответа, он подошел к берегу, где лежали его вещи, извлек из сумки полотенце, помахал им Луизе, затем положил его на грудь ее одежды и вновь повернулся к друзьям.

— Пойдем, скорее!

Все четверо углубились в лес и шли до тех пор, пока поляна и озеро не скрылись за деревьями. Оказавшись на небольшой прогалине, Филипп присел на траву. Его примеру последовали остальные.

— Братишка, — первым заговорил Гастон. — Ты это серьезно?

— Да.

— Послушай, не глупи. Разве ты не понимаешь...

— Я все понимаю, Гастон. Я знаю, что делаю.

— Ты валяешь дурака, вот что ты делаешь! Это же курам на смех, черт возьми! Да и не только курам... Пойми, наконец, что она тебе не ровня. Не спорю, она чертовски хороша, с ней приятно позабавиться, но нельзя же из-за этого терять голову и забывать о своем предназначении. И о своем достоинстве.

Эрнан побагровел и заскрежетал зубами.

— Ну-ну, дружище, — произнес он, гневно сверкая глазами. — Полегче! Потрудись-ка выбирать выражения, когда говоришь о моей родне. Я не потерплю...

— Ой, прекрати, — отмахнулся Гастон. — Я, конечно, прошу прощения за излишнюю резкость, у меня даже в мыслях не было оскорблять твои родственные чувства, но ведь ты сам прекрасно понимаешь, что Филипп — не ты и не твой отец, и то, что позволено было вам, для него непростительно. Он не принадлежит самому себе, от его поступков зависит будущее многих людей, и он не вправе ставить его под угрозу из-за своих детских капризов.

— А теперь ты послушай меня, Гастон, — заговорил Филипп с металлом в голосе, сознавая, однако, что кузен совершенно прав, и оттого еще пуще злясь. — Сегодня тридцать первое мая, день моего совершеннолетия. Отныне я самостоятельный человек; твоя опека надо мной закончена. Я благодарен тебе за все, что ты для меня сделал. Ты всегда был и навсегда останешься моим другом и старшим братом. Я по-прежнему буду прислушиваться к твоим советам, но не позволю тебе помыкать мной. Я решил жениться на Луизе и женюсь. Мне очень жаль, что ты так решительно настроен против это-

го брака, я хотел бы ощущать поддержку с твоей стороны, но это не изменит моих планов. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Гастон обреченно вздохнул:

— Да уж, куда более... А что будет с Амелиной? Вдруг она беременна?

— Это исключено!

— Так-таки исключено? — не унимался кузен. — А если нет? Почто тебе знать?

Симон дернул его за рукав.

— Гастон, отдай за меня Амелину. Мои родители согласны.

Д'Альбре поморщился. Он слышал это предложение не раз и не дважды. Симон был просто помешан на Амелине, и это обстоятельство привносило в его дружбу с Филиппом элемент соперничества.

— Ну, и что мне с тобой делать? — произнес Гастон. — Видно, Сатана наконец прислушался к твоим молитвам... А вдруг окажется, что Амелина ждет ребенка?

Симон метнул на Филиппа торжествующий взгляд и в припадке столь свойственного ему благодушия заявил:

— Я назову его своим!

— Браво! — с притворным воодушевлением воскликнул Гастон, похлопывая его по плечу. — Ты всегда был самым лучшим из нас, хотя далеко не самым умным. Что ж, ладно, если тебе удастся уболтать Амелину, я возражать не стану. А теперь, малыш, будь так любезен, поменяйся с Филиппом одеждой.

— Зачем? — спросили Филипп и Симон почти одновременно.

— Потому что после брачных игр твой наряд стал несколько непрезентабельным, — объяснил Филиппу Гастон. — А когда мы приедем в Кастель-Фьеро, ты должен выглядеть надлежащим образом.

— Ага... Кстати, что вы замышляете?

Переглянувшись с Шатофьером, Гастон ответил:

— Всеу свое время, братишка. Потерпи еще немного.

Филипп пожал плечами и взял из рук Симона его камзол.

— Скоро ты поймешь,— угрюмо отозвался Эрнан,— почему я медлил с вызовом Гийома на дуэль. Сначала он должен быть уничтожен морально, а лишь потом — физически.

Филипп уже начинал подозревать, что к чему.

— Похоже, сегодня день сюрпризов,— заметил он.

— Это уж точно,— сказал д'Альбре.— Мы приготовили для тебя сюрприз, ты нам сюрпризик подсунул... чтоб тебе пусто было. А твоему отцу и братьям мы скоро такой подарочек преподнесем, что им тошно станет.

Глава VI

«В час, назначенный Богом...»

На просторном дворе замка Кабель-Фьеро Филиппа приветствовала шумная толпа празднично одетых молодых людей. Филипп узнал многих своих друзей, представителей знатных и могущественных родов Гаскони и Каталонии, а также молодых сенаторов из поместных дворян и зажиточных горожан. Со стороны за господами с интересом наблюдали воины из их свиты, оруженосцы, пажи и слуги.

Когда возбуждение, вызванное появление Филиппа, пошло на убыль, молодые люди по знаку Гастона д'Альбре расступились, образовав широкий полукруг, в центре которого оказался Филипп. К тому времени он уже понял, что здесь происходит, и сердце его учащенно забилося.

Гастон сказал Шатофьеру, как бы ставя точку на затянувшемся споре:

— Что ж, ладно, Эрнан. Пожалуй, ты прав. Хотя я старше, но по праву хозяина первенство принадлежит тебе. Начинай.

Разговоры на площади мигом прекратились, и в воцарившейся тишине Эрнан важно подступил к Филиппу, вынул из ножен шпагу и церемонно отсалютовал ему. Филипп знал, что сейчас будут произнесены слова, которые круто изменят всю его жизнь, слова роковые и столь желанные им.

— Я, Эрнан де Шатофьер, граф Капсирский, перед лицом Господа Бога всемогущего и в присутствии благородных вель-

мож, признаю вас, государь Филипп, единственным и законным наследником герцогства Аквитания, княжества Беарн и Балеарских островов и графств Испанской Марки, в силу чего приношу вам присягу, как будущему своему сюзерену.

Эрнан вернул шпагу в ножны, преклонил перед Филиппом колени и вложил в его руки свои.

— Государь! В час, назначенный Богом, я стану вассалом вашим от графства Капсир со всем принадлежащим ему, что было пожаловано вашими предками мне и моим предкам. Клянусь служить вам верой и правдой, защищать вашу честь и ваше достоинство, как свои собственные, исполнять все обязанности вассала вашего, как требует того закон...

Слушая слова присяги, в общем традиционные, лишь несколько видоизмененные с учетом неординарности ситуации, Филипп внутренне переживал бурю разноречивых чувств. Формально эта присяга не имела никакой юридической силы и по сути была пережитком прошлого. К середине XV века в Галлии оставалось только две ступени феодальной иерархии: все галльские князья были вассалами короля, а все землевладельцы в галльских княжествах непременно были вассалами своего князя, и отношения подданства определялись не взаимными договорами в форме вассальной присяги, а законом, обязательным для всех. Однако в данном случае затеянное группой заговорщиков во главе с Гастоном и Эрнаном представление имело более чем просто символическое значение. Молодые вельможи во всеуслышание заявляли о том, что вопреки традиционным правам наследования и вопреки воле своего сюзерена, признают его наследником его младшего сына, и предлагали Филиппу согласиться с их требованиями. Иными словами, его принуждали публично предъявить свои претензии на родовой майорат. Это был самый настоящий бунт, акт вопиющего неповиновения законной власти.

— ...Если же я нарушу свой долг,— произносил последние слова присяги Шатофьер,— пусть покарает меня Бог и ваше правосудие, государь!

Филипп на мгновение замешкался, перефразируя форму-

лу принятия в вассалы.

— Сударь! Мы, Филипп, граф Кантабрии и Андорры, принимаем вашу присягу, дабы вступила она в силу в час, назначенный Богом. И в час сей вы становитесь вассалом нашим от графства Капсир со всем принадлежащим ему. Как ваш будущий сюзерен, мы подтверждаем все заверения и права, данные вам и вашим предкам нашими предками.

— Аминь! — произнес Эрнан и в знак скрепления присяги поцеловал распятие, поднесенное ему капелланом замка. Филиппу же целовать распятие не полагалось, так как считалось, что от государя достаточно данного им слова.

Потом пришла очередь Гастона д'Альбре. За ним, в порядке, установленном накануне жребием, принесли присягу около полусотни молодых гасконских и каталонских вельмож. Филипп выслушивал их и отвечал почти автоматически, а сам думал о том, что кроме согласия отца (которого он никогда не дождетя), существует единственный способ узаконить происходящее — резолюции Сенатов Аквитании, Беарна и Каталонии, лишаящие Гийома и Робера права наследования и требующие от герцога признания младшего сына наследником всего майората. В таком случае спорный вопрос будет вынесен на рассмотрение высших инстанций: король и Сенат Галлии должны будут решить будущее Аквитании и Каталонии, а судьба Беарна окажется в руках папы и императора Римского, как номинальных суверенов, *патронов* княжества.

Что касается провинциальных Сенатов, то в их благоприятном решении Филипп ничуть не сомневался. А вот с королем и Сенатом Галлии было гораздо сложнее. Дядя Филиппа, Робер III, возможно, и рад был бы помочь племяннику, но уж очень шатким было его положение на престоле, и представлялось весьма сомнительным, чтобы он пошел на открытую конфронтацию с герцогом Аквитанским. Галльский же Сенат, как обычно, погрязал во внутренних склоках, раздираемый региональными противоречиями, и заведомо был неспособен принять сколько-нибудь серьезное решение.

С Беарном и Балеарами дела обстояли не лучше. Короли Италии традиционно избегали вмешиваться в отношения

галльских князей, а папа Павел VII, сильно обеспокоенный растущим могуществом рыцарского ордена Сердца Иисусова, вряд ли захочет портить отношения с герцогом Аквитанским — одним из самых верных своих сторонников.

Так что вопрос о наследовании, скорее всего, надолго повиснет в воздухе. Филипп со всей отчетливостью увидел свое будущее: он будет вынужден многие годы провести на чужбине, ожидая смерти отца — человека, которого он хоть и не любил, но глубоко уважал и от всей души желал ему долгой жизни...

Наконец отзвучали слова последней вассальной присяги, и Филипп с облегчением вздохнул. Он уже порядком устал от этой изнурительной церемонии, первоначальная эйфория уступила место мрачным раздумьям о предстоящем изгнании, и только мысль о Луизе согревала его. Он страстно желал, чтобы скорее настала ночь, ему не терпелось вновь оказаться в ее объятиях и забыться...

К Филиппу подошел Гастон д'Альбре — уже облаченный в роскошную мантию с регалиями верховного судьи Беарна, которым он был избран полтора года назад. Он обратился к присутствующим со следующими словами:

— Господа! В соответствии с моими полномочиями, я принимаю к рассмотрению Беарнского Сената поднятый здесь вопрос о праве наследования и объявляю, что в течение недели извещу всех distinguished сенаторов Беарна о месте и времени проведения слушаний. Также я обращаюсь к верховным судьям Аквитании и Каталонии с предложением в ближайшее время провести подобные слушания в Аквитанском и Каталонском Сенатах, дабы согласованный вердикт был вынесен всеми тремя Сенатами к осени сего года и предложен к вниманию государя нашего Филиппа, князя-протектора Гаскони и Каталонии, властителя Беарна и Балеарских островов!

На этом церемония была закончена.

— Боюсь, — тихо проговорил Гастон, обращаясь к Филиппу, — не жить тебе больше в Тарасконе.

— Я это знаю, — кивнул Филипп. — Придется мне уехать в

Кантабрию.

— В Кантабрию? Но почему? Зачем так далеко убегать?

— А где же мне деваться? Если отец не признает меня наследником, а он уж точно не признает, то я должен буду покинуть его владения.

— Так поселись в Андорре. Это приданное твоей матери, и с сегодняшнего дня твой отец никаких прав на него не имеет. Теперь ты совершеннолетний, а Андорра принадлежит к королевскому домену.

— Так то оно так. Но с другой стороны... гм... вернее, со всех сторон она окружена землями отца, и в этом крохотном анклавe я буду чувствовать себя как в тюрьме. К тому же там нет ни одного приличного замка.

— Тогда езжай в Тулузу, — предложил Гастон. — Тебе даже не придется навязываться королю, он сам тебя пригласит.

— Да, разумеется. К этому его обяжет фамильный этикет: ведь я его полуродной племянник, мало того — формально я наследник престола. Он примет меня с распростертыми объятиями и даже виду не покажет, как нежелательно ему мое присутствие в Тулузе. Я поступлю по-свински, если воспользуюсь этим. Не считай меня наивным, кузен, я тоже кое-что смыслю в дипломатии. В общем, я уже все решил — я поеду в Кантабрию... После свадьбы, конечно.

Д'Альбре вздохнул.

— Что ж, ладно, воля твоя. Женись на этой девице, отправляйся в Кастилию, и чтоб тебя... — Он снова вздохнул, и на лице его отразилась печаль. — Мне тебя будет очень не доставать, братишка. Ты даже не представляешь, как я привязан к тебе.

— Ты тоже дорог мне, Гастон, — растрогано ответил Филипп. — Ты мне как брат, как родной брат, а Амелина... Амелинка, родная моя сестричка... И Эрнан... И другие...

Гастон ободряюще похлопал его по плечу.

— Ну, все, довольно мрачных дум! Мы же не на похоронах. Нам предстоит недолгая разлука, только и всего. Выше голову, дружище, держи хвост трубой. У нас праздник, скоро торжественный пир, а пока суть да дело, ступай отдохни пару часиков. И всплакни, если тебе от этого полегчает.

— Я не буду отдыхать,— сказал Филипп.— И плакать не стану. Сейчас я поеду в Тараскон — нужно сообщить обо всем отцу.

— В этом нет нужды. Твой отец узнает обо всем от своих лазутчиков. Он подослал их еще вчера, когда до него дошли слухи о наших приготовлениях. Во время церемонии здесь находилось двое его людей. Один уже уехал, а второй, по моим сведениям, все еще околачивается поблизости. Так что не беспокойся, твой отец будет прекрасно осведомлен.

Но Филипп покачал головой:

— Это не меняет дела. Все равно я должен ехать.

— Глупец! Тебе сильно хочется быть выгнанным в шею?

— Нет, вовсе не хочется. Но поступить, как советуешь ты, значит признать свою вину. А я не чувствую себя виновным, я не собираюсь скрываться от гнева отца. Пусть он сам прогонит меня, так моя совесть будет чиста.

— А если для очистки твоей совести отец решит упрятать тебя в темницу?

Филипп поежился.

— Все равно,— сказал он, храбрясь.— Все равно.

— Упрямец ты этакий! — проворчал Гастон.— Хорошо, я поеду с тобой. Где мне деваться, раз уж я сам эту кашу заварил!

Глава VII

Изгнание

— Прошу прощения, монсеньор,— виновато произнес начальник городской стражи, встречавший Филиппа и его друзей на подъемном мосту у главных ворот Тараскона. По всему было видно, что сейчас он предпочел бы находиться где-нибудь другом месте, только не здесь.— Господин герцог, отец ваш, строго-настрого велел не впускать ваше высочество ни в город, ни тем более во дворец... Право, мне очень неловко,— смущенно добавил начальник стражи после короткой паузы.— Ведь вы знаете, как мы к вам относимся. Но приказ

есть приказ, мы люди военные и привыкли повиноваться... Вы уж не обессудьте, монсеньор...

— Все в порядке, не беспокойтесь,— сказал Филипп, спешившись; его примеру последовали остальные молодые люди.— Я приехал лишь затем, чтобы сообщить отцу о происшедшем. Но вижу, это сделали и без меня.

— Слухами земля полнится, монсеньор. Ваш отец в ярости, и вам лучше не попадаться ему на глаза. Он хотел было издать указ о вашем аресте, но, слава Богу, преподобные отцы сумели отговорить его.

— Преподобные отцы? — переспросил Филипп, делая ударение на множественном числе.

— Падре Антонио и падре Марк,— пояснил начальник стражи,— какой-то священнослужитель из Тулузы. Он прибыл сегодня днем с посланием от его преосвященства архиепископа.

— Понятно,— сказал Филипп.— Наверное, мы с ним разминувшись. Да, кстати, я хотел бы переговорить с доном Антонио. Может, он согласится поехать со мной в Кантабрию.

Начальник стражи утвердительно кивнул:

— В его согласии можете не сомневаться. Его преподобие, узнав о случившемся, немедленно изъявил желание покинуть Тараскон и последовать за вашим высочеством, куда бы вы ни направились. Как раз сейчас он занят сбором ваших вещей.

— Вот и хорошо. Я не стану отвлекать его, так что будьте любезны, передайте ему, что я буду ждать его в Кабель-Фьеро.

— Непременно передам, монсеньор.

Филипп хотел еще что-то добавить, но не успел. В это самое время у ворот возникла суматоха, послышался громкий, не терпящий возражений приказ: «Дорогу его светлости!». Толпа зевак, собравшихся перед мостом, поспешно расступилась, освобождая проход. Начальник городской стражи тотчас вытянулся по струнке. Выражение его лица стало непроницаемым.

К мосту приближался герцог. Он шел быстрой походкой, держась неестественно прямо, как всегда, когда испытывал

крайнее раздражение. Его сопровождали телохранители и двое слуг с факелами.

Вслед за герцогом шло несколько его дворян, а также два духовных лица — падре Антонио и молодой человек лет двадцати восьми, одетый в длинную мантию черного цвета, обычный по тем временам дорожный наряд высокопоставленных священнослужителей. Преподобные отцы тихо о чем-то переговаривались и перебирали на ходу четки.

Герцог остановился в трех шагах от Филиппа — резко, не замедляя шаг, а просто прекратив в какой-то момент свое движение. Начисто проигнорировав почтительные приветствия молодых людей, он вперил в Филиппа жесткий взгляд и ледяным тоном заговорил:

— Сударь, вашему проступку нет оправдания. Заявив о своих претензиях на то, что по праву вам не принадлежит, вы поставили себя вне закона, и я отрекаюсь от вас как от своего сына. Вам уже четырнадцать лет, отныне вы лишь граф Кантабрии и Андорры и более никто. Забудьте дорогу к этому дому, который когда-то был для вас родным. Вам я сказал все.

Затем он смерил гневным взглядом спутников Филиппа.

— А с вами, господа, я вообще не хочу разговаривать. Вы, в большинстве своем взрослые сеньоры, пошли на поводу у честолюбивого юнца, чей разум помутился от жажды власти. Вы затеяли это смехотворное представление, чтобы угодить его бессмысленным амбициям. Вы провоцируете мятеж, междоусобицу! Хочу надеяться, что в последствии вы осознаете свои ошибки и одумаетесь. Прежде всего, это касается вас, племянник. — Он сурово посмотрел на Гастона. — При вашем высоком положении вам не пристало пускаться в авантюры. Это несовместимо с тем постом, который вы занимаете, поэтому я лишаю вас звания верховного судьи — вы оказались недостойным его.

Гастон отрицательно покачал головой:

— Смею заметить, государь мой дядя, что это не ваша прерогатива. Верховным судьей меня назначил Сенат, и лишь он вправе сместить меня с этой должности. И пока я верховный судья Беарна, я буду продолжать исполнять свои обязанно-

сти, которые, в частности, состоят в том, чтобы вершить правосудие в тех случаях, когда вы закрываете глаза на творящуюся несправедливость, когда возникают сомнения в беспристрастности вашего суда. Я не мог самолично привлечь ваших сыновей Гийома и Робера к ответственности за их гнусные выходки, потому как вы оказали им покровительство. Но я имею право инициировать процесс отрешения их от наследства — что, собственно, я и делаю.

— Замолчите! — раздраженно рявкнул герцог, переходя от ярости к бешенству. — Ни слова больше! Я не желаю вас слушать! Полагаю, Сенату хватит мудрости избавиться от верховного судьи, запятнавшего себя участием в мятеже против законной власти. А теперь убирайтесь прочь! Все! И вас, сударь, это касается в первую очередь, — вновь обратился он к Филиппу. — Вы не сын мне больше. Я отрекся от вас.

— Я сейчас же уеду, — спокойно ответил Филипп, глядя ему прямо в глаза. — Но имейте в виду: я не принимаю вашего отречения. Я по-прежнему буду чтить и уважать вас, как своего отца... насколько это будет в моих силах. Может, сегодня мы видимся в последний раз, поэтому я скажу вам все, что думаю. Вы никогда не любили меня, порой вы меня ненавидели, обвиняя в преступлении, которого я не совершал. Видя во мне не живого человека, а олицетворение всех обрушившихся на вас несчастий, вы лишь терпели меня — единственно потому, что в глазах общества я считался вашим сыном. Вы не утруждали себя быть справедливым со мной, нередко вы причиняли мне боль, но в моем сердце нет злобы — а только печаль. Печаль о том, что вы не смогли одолеть в себе ненависть, порожденную горем. Печаль о том, что я потерял отца, едва лишь родившись, что всю жизнь вы грубо отталкивали меня в ответ на мои попытки сблизиться с вами... Бог вам судья, отец, и я буду молить Всевышнего, чтобы он даровал вам прощение. — На какое-то мгновение Филипп умолк, переводя дыхание. Кроме всего прочего, его немного смущал пристальный взгляд молодого прелата в черном, который ни на секунду не отводил от него глаз. — От претензий на наследство я не откажусь. Не буду лукавить: я сам не знаю доподлинно, чего

во мне больше — жажды власти или заботы о чести и достоинстве нашего рода. Полагаю, что и того и другого поровну... Да, вот еще что. Завтра я женюсь. И как ваш сын я смиренно прошу, если не отцовского благословения, так хотя бы согласия вашего на мой брак.

— Ага! — произнес герцог и испытующе поглядел на Гастона. — Так вот чем было куплено ваше участие в этой аванюре!

Д'Альбре удрученно вздохнул и в ответ развел руками.

— Увы, нет. Амелина здесь ни при чем. Это двоюродная сестра Эрнана де Шатофьера.

Брови герцога поползли вверх. Дядя Эрнана, младший брат его отца, имел двух дочерей, старшей из которых еще не исполнилось восьми лет.

— Речь идет о моей кузине по матери, — уточнил Шатофьер.

Получив это разъяснение, герцог несколько раз моргнул, затем губы его искривились в презрительной усмешке:

— Ах, вот оно что! А я-то совсем забыл об этом семействе нищих оборванцев... — Тут к нему пришло понимание ситуации, и он грозно взглянул на Филиппа: — Вы это серьезно?!

— Да, — твердо ответил тот.

— Вам мало того, что вы натворили? Теперь вы хотите унижить мезальянсом весь наш род! Нет, определенно, вы сошли с ума! Если у вас осталась еще хоть толика здравомыслия, хоть капля уважения ко мне, к памяти наших предков, вы должны оставить свою затею.

Филипп упрямо покачал головой:

— Это исключено. В отличие от вас, я не считаю, что мой предстоящий брак унижит достоинство нашего рода и оскорбит память предков. А коль скоро речь зашла о предках, то должен напомнить вам, что основатель нашей династии был незаконнорожденный, мало того — зачатый в прелюбодеянии. К тому же, насколько мне известно, Карл Бастард был не единственным бастардом в нашем роду, а бастарды в глазах того самого света, мнением которого вы так дорожите, ничем не лучше мезальянса, на который я иду.

Герцог еще больше побледнел, а во взгляде молодого прелата промелькнуло что-то похожее на затаенную боль.

— Да, я признаю, что это будет мезальянс, — со всей решительностью, на которую он был способен, продолжал Филипп. — Но я не вижу в этом ничего постыдного — ни для меня, ни для вас, ни для всей нашей семьи. Я женюсь, и вы не в силах воспрепятствовать этому.

— Но и согласия своего я не дам, — жестко отрезал герцог. — И вообще, нам больше не о чем разговаривать. Я знать вас не хочу.

С этими словами он повернулся к Филиппу спиной и пошел прочь от уже дважды отвергнутого им сына. Слуги с факелами и личные телохранители последовали за своим господином, однако дворяне из свиты герцога и оба преподобных отца остались на мосту в обществе Филиппа и его друзей.

Некоторое время после ухода герцога все молчали, никто не решался заговорить первым. Филипп стоял неподвижно, в унылой задумчивости глядя себе под ноги, как вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Он вздрогнул от неожиданности, поднял глаза и увидел перед собой молодого прелата.

— Позвольте представиться, сударь, — произнес тот с выразительным акцентом, выдававшим в нем уроженца Рима. — Я Марк де Филиппо, недавно назначенный младшим викарием тулузской архиепархии.

— Очень мило, — рассеянно ответил Филипп. — Рад с вами познакомиться, преподобный отец.

— Я бы не хотел, чтобы вы называли меня отцом, — сказал викарий.

Странные нотки, прозвучавшие в его голосе, и фамилия, образованная от личного имени, что зачастую указывало на незаконнорожденность, заставили Филиппа попристальнее приглядеться к молодому прелату. У него были темные волосы и слегка смуглая кожа — но линия рта, форма носа, очертания подбородка, разрез широко расставленных небесно-голубых глаз и другие детали помельче определенно выдавали семейную схожесть.

— Говаривали, что я не единственный отверженный сын

моего отца,— промолвил потрясенный Филипп.— Я слышал, что еще до первого брака у него был роман...

— Логическим завершением которого было мое рождение,— невозмутимо подтвердил викарий.— Впрочем, давайте поговорим об этом позже и в другом месте.

— Да, конечно,— сказал Филипп, взяв себя в руки.— Сейчас я возвращаюсь в замок моего друга, Эрнана де Шатофьера. Если не возражаете, мы можем поехать вместе.

Викарий медленно кивнул:

— Пожалуй, так я и поступлю. Все равно делать мне здесь нечего. Я уже выполнил необходимые формальности, представился господину герцогу, как и надлежало, поскольку я буду курировать ортезскую епархию.— Он сделал короткую паузу.— Не скажу, что это была приятная процедура, и у меня нет желания оставаться здесь на ночь.

— Тогда решено. Я уверен, что мой друг будет рад такому гостю.— Филипп немного помолчал, потом добавил: — Сколько себя помню, я всегда мечтал иметь брата, которого не стыдился бы, и сейчас... Сейчас я в смятении. У меня появилась надежда...

— Думаю, мы не разочаруем друг друга,— сказал молодой прелат.

В четырнадцатый день своего рождения Филипп стал совершеннолетним, встретил свою первую любовь, обрел единокровного брата и был изгнан из отчего дома. Тот день был очень богат на события, и именно в тот день закончилось детство Филиппа.

Глава VIII

Дон Филипп, герцог Аквитанский

Близ полудня 24 апреля 1452 года, то есть без малого через семь лет после описанных в предыдущей главе событий, сквозь толпу на Главной площади Тараскона уверенно прокладывал себе дорогу роскошно одетый всадник на здоровенном вороном коне. Это был геркулесового телосложения ве-

ликан лет двадцати пяти – тридцати с виду, хотя на самом деле ему еще не исполнилось и двадцати одного года. Его богатый наряд, гордая и величественная осанка безошибочно свидетельствовали о знатности происхождения, а широкий белый плащ с черным восьмиконечным крестом тамплиеров указывал на принадлежность к рыцарскому ордену Храма Сионского.

Следом за вельможей-тамплиером ехал невысокий стройный юноша лет восемнадцати. Одет он был довольно скромно, но со вкусом. Взгляд его карих глаз выражал некоторую настороженность; он явно опасался, что толпа, пропустив гиганта, вновь сомкнется перед ним, и поэтому держал наготове шпагу, что немного придавало ему уверенности в себе.

Вскоре оба всадника пересекли площадь и остановились перед воротами внутренней крепостной стены, за которой находился герцогский дворец.

— Что угодно вашему преподобию, господин рыцарь? — почтительно осведомился старый слуга, который тотчас возник перед ними.

Великан с кошачьей грацией соскочил с коня. Вслед за ним, вложив шпагу в ножны, спешил и его спутник. Их лошадей по знаку слуги подхватили за поводья конюхи.

— Не называй меня преподобием, любезный Эмилио, — произнес рыцарь в ответ, и его густо загорелое лицо осветилось лучезарной улыбкой. — Плюнь на плащ и получше присмотришься ко мне. Неужели я так сильно изменился?

Старый Эмилио близоруко прищурился, затем всплеснул руками и радостно воскликнул:

— Батюшки! Господин де Шатофьер! Простите, что не признал вас сразу, монсеньор, старею уже... Так, значит, вы живы?

— Нет, — покачал головой Эрнан. — К сожалению, я погиб в Палестине, мир праху моему.

Слуга захихикал:

— Ах, прошу извинения, монсеньор. Это был глупейший вопрос. Просто я вельми рад видеть вашу светлость живым-

здоровым.

— Целиком и полностью разделяю твою радость, Эмилио. Господин герцог сейчас дома?

— Да, да, конечно. Его светлость как раз отдыхает в парке.

— Тогда проводи нас к нему.

И они пошли.

— Ай-ай! Как вы изменились, как возмужали, господин граф! — вновь заговорил Эмилио, на ходу разглядывая Эрнана. — Ну, совсем не узнать того мальчишку... Впрочем, уже тогда настоящего богатыря. Мы про вас частенько вспоминаем, монсеньор, особенно о том, как вы бились с господином Гийомом... — Он с отвращением сплюнул. — Пусть его душа вовек не знает покоя в пекле.

Подобно большинству старых слуг герцога, Эмилио откровенно восхищался поступком Эрнана, что при других обстоятельствах выглядело бы как вопиющее проявление нелояльности к господину. Но вот дела: герцог, и тот не затаил зла на виновника смерти своего старшего сына. Не будучи ослепленным отцовской любовью, он не питал никаких иллюзий относительно личных качеств Гийома и пришел к резонному выводу, что его постигла кара Божья, а значит, не пристало обижаться на оружие, избранное для этой цели Всевышним. Так или иначе, в отношениях между герцогом и Эрнаном не было враждебности, как, впрочем, и особой теплоты. После той дуэли они виделись лишь считанные разы, и все их встречи носили сугубо деловой характер. Затем Эрнан вступил в орден тамплиеров и покинул Гасконь, а в конце 1448 года присоединился к крестовому походу в Палестину, организованному Филиппом-Августом III Французским. С тех пор о Шатофьере не было ни слуху, ни духу, если не считать ложного известия о его гибели, которое он опровергнул самым решительным образом, вернувшись домой целым и невредимым.

Старый слуга проводил Эрнана и его спутника в большой парк, который с трех сторон был огражден зданием дворца, а с четвертой — собственно внутренней крепостной стеной, достаточно высокой, чтобы заглушить шум бурлящей снаружи

городской жизни.

Поскольку все уголки парка были знакомы Эрнану с детства, Эмилио сказал:

— А дальше вы уж идите без меня, милостивые государи. Нынче дон Филипп не в духе, и кто знает, не разгневается ли на меня, коли я его побеспокою.

— А где он сейчас?

— Верно, в беседке возле фонтана.

— Хорошо,— кивнул Эрнан.— Ступай по своим делам.

Слуга с поклоном удалился, а оба гостя не спеша двинулись вдоль широкой аллеи, ведущей к центру парка, где находился фонтан, построенный по мавританскому образцу. Натренированным глазом Эрнан отмечал малейшие признаки упадка и запустения, появившиеся здесь за последние семь лет, и сокрушенно качал головой. В прежние времена настоящим хозяином парка был Филипп. Он заботился о нем, присматривал за порядком, не позволял садовникам бить баклуши и щедро вознаграждал их за усердную работу. Тот же мавританский фонтан был сооружен одиннадцать лет назад на его собственные средства... Но теперь все это осталось в прошлом, в далекой стране их детства, обратный путь в которую им уже заказан.

Поседевший герцог Аквитанский сидел на дубовой скамье в просторной беседке возле фонтана, густо увитой зеленым плющом. Он сосредоточенно читал какую-то книгу и не сразу заметил гостей, которые остановились у входа и поснимали шляпы.

— Мое почтение, монсеньор,— вежливо поздоровался Эрнан.

Герцог чуть вздрогнул от неожиданности и посмотрел на посетителей.

— Добрый день, господин де Шатофьер,— невозмутимо ответил он.— Рад видеть вас в добром здравии. Я с самого начала подозревал, что слухи о вашей гибели несколько преувеличены... И вас приветствую, сударь,— кивнул он юноше, откладывая в сторону книгу.— Прошу садиться, господа.

Пока молодые люди устраивались на скамье с противоположной стороны круглого стола, герцог окликнул своего камердинера, который шатался поблизости, и велел принести для гостей угощение. Когда слуга отправился выполнять это поручение, герцог смерил Эрнана пристальным взглядом и промолвил:

— Как мне кажется, я могу смело поздравить вас с удачным возвращением.

— О да.— Эрнан выпрямил свои большущие ноги и весом откинулся на спинку дубовой скамьи, которая жалобно закрипела от такого бесцеремонного обращения.— Как видите, я цел и невредим, на здоровье грех жаловаться. Да и убытков не понес, напротив — лишь преумножил свое состояние.

— Однако этого нельзя сказать про весь ваш поход. Французский король-то в плену.

— Был в плену,— уточнил Шатофьер.— По последним сведениям, он откупился за семьдесят тысяч серебряных марок.

— Семьдесят тысяч,— медленно повторил герцог.— Не сказал бы, что дешево обходится Франции освобождение Гроба Господнего. Филипп-Август Третий правит своей страной уже двенадцать лет, за это время он предпринял три крестовых похода, не отвоевал ни пяди Святой Земли, зато растерял все свои северные земли, а вдобавок опустошил французскую казну. Между прочим, граф, вам известно, что герцог Нормандский объявил о разрыве союзнических отношений с Францией и обратился к Святому Престолу с просьбой возвести его в королевское достоинство?

— Да, я слышал об этом. Но удовлетворит ли папа его просьбу?

— Скорее всего, да. Лично я не вижу серьезных оснований для отказа. В договоре о союзе Нормандии с Францией есть пункт, согласно которому Нормандия оставляет за собой право беспрепятственного выхода из состава королевства в случае неудовлетворительного управления оным. А то, что дела во Франции обстоят из рук вон плохо, ясно даже ребенку.

— Бесспорно,— согласился Эрнан.

— И Франция сейчас не в том состоянии, чтобы противопоставить этому пункту договора свою военную мощь,— продолжал герцог.— Королю придется смириться с этим, как прежде он смирился с потерей Бретани, Фландрии и Франш-Конте. А что касается папы Павла, то хоть он и дал свое благословение на ваш поход, ему была не по душе эта авантюра. По его мнению, католическому миру следовало бы поберечь свои силы для похода против турок, и тут я всецело согласен с ним. Разумеется, весьма прискорбно, что Иерусалим до сих пор находится под игом неверных; но, с другой стороны, если последователям Магомета удастся захватить Константинополь, это обернется большой бедой для всего христианства — не только восточного, но и западного. Так что сейчас король Франции не пользуется благоволением Святого Престола, и очень сомнительно, чтобы папа встал на защиту целостности Французского государства. Возможно, герцогу Нормандскому будет отказано в титуле короля, однако ничто не помешает Нормандии возвратиться к прежнему статусу великого княжества.

— И таким образом,— веско добавил Эрнан,— Франция сожмется до тех пределов, в каких она была в начале правления Филиппа-Августа Великого... Гм. Почти до тех же пределов. Ведь графства Сент, Ангулем и Байонна и поныне остаются во владении французской короны.

Герцог проигнорировал этот довольно прозрачный намек и вместо ответа внимательно присмотрелся к спутнику Эрнана, на которого в начале разговора бросил лишь беглый взгляд.

Словно ожидавший этого момента, Эрнан торопливо произнес:

— Прошу прощения, монсеньор. Я забыл представить вам моего двоюродного брата Габриеля де Шеверни. Его сестра Луиза была замужем за вашим сыном Филиппом.

Юноша привстал и почтительно поклонился.

Герцог снова взглянул на Габриеля, но тут же виновато опустил глаза.

«Так-с! — удовлетворенно подумал Эрнан.— Похоже, Фи-

липп не ошибся. Это и впрямь напоминает раскаяние».

Воцарившееся в беседе тягостное молчание было прервано появлением слуг, принесших угощение для гостей герцога. Эрнан без лишних церемоний принялся за еду — он всегда был не прочь перекусить, а прогулка из Капель-Фьеро в Тараскон лишь подогрела его аппетит. Ободренный примером кузена, Габриель де Шеверни взял из вазы медовый пряник и наполнил свой кубок шербетом.

Постепенно между герцогом и Эрнаном завязался разговор, предметом которого был третий неудачный крестовый поход незадачливого Филиппа-Августа Третьего. В перерывах между поглощением солидных порций печенья с яблочным джемом и внушительных доз вина Шатофьер повествовал о битвах крестоносцев с сарацинами, об их победах и поражениях, откровенно признавая, что последних было гораздо больше, чем первых. В частности, Эрнан весьма детально описал обстоятельства пленения французского монарха египетским султаном, поскольку сам был непосредственным участником той роковой для короля схватки и лишь чудом избежал плена или смерти. О том, как Шатофьер и еще один рыцарь, Гуго фон Клипенштейн, вырывались из окружения, прокладывая себе путь в гуще врагов, среди крестоносцев ходили настоящие легенды. Эрнан, которому никогда не грозило умереть от скромности, не моргнув глазом пересказал одну из таких легенд, правда (следует отдать ему должное), наиболее близкую к действительности.

— Мой сын тоже воюет с неверными, — заметил герцог, воспользовавшись паузой в рассказе Эрнана, когда тот принялся дегустировать варенье из айвы. — Где-то в Андалусии.

— Уже не воюет, — с набитым ртом возразил Эрнан. — Не так давно между Кастилией и Гранадой вновь заключено перемирие.

Герцог удивленно приподнял бровь:

— А я об этом не слышал. Вы-то откуда знаете?

— Ну... — помедлив, произнес Шатофьер. — Это я узнал от вашего сына.

— Вы уже получили от него письмо?

— Мм... В некотором роде. Как мне стало известно, на прошлой неделе дон Альфонсо подписал с гранадским эмиром соответствующий договор.

— Дон Альфонсо? Почему он, почему не король?

— Филипп говорит, что в последнее время дон Фернандо здорово сдал, поэтому командование кастильской армией взял на себя дон Альфонсо.

— Понятно... Нет, постойте! — Глаза герцога вдруг сверкнули. — Вы сказали: «Филипп говорит». Что это значит? Вы получили от него письмо или все-таки...

— Да, — кивнул Эрнан. — Сейчас он гостит у меня в замке.

— Ясно. — Герцог немного помолчал, предаваясь мрачным раздумьям, потом спросил: — Филипп рассказывал о моем письме?

— Да.

Снова молчание.

— Ну что ж, — наконец заговорил герцог. — Это вполне естественно. Было бы глупо с моей стороны надеяться, что он мигом позабудет обо всех обидах и сразу же явится ко мне. Для этого Филипп слишком горд и самолюбив... Впрочем, кто бы не обиделся, если бы его, точно шелудивого пса, прогнали из родного дома. Не знаю, сможет ли Филипп простить мне это... и все остальное тоже.

В словах герцога было столько горечи, что растроганный Эрнан не сдержался:

— Филипп не злопамятен, монсеньор, и не таит на вас зла. — Затем он все же добавил: — А Господь милосерден.

Герцог тяжело вздохнул:

— То же самое сказал мне на прощание Филипп. Но тогда я не прислушался к его словам, я вообще не желал слушать его. И лишь потом, когда он уехал в Кастилию, я начал понимать, как много он для меня значит... Да простит меня Бог, я не любил ни одного из своих детей, а Филипп и вовсе был у меня на особом счету. Но вместе с тем, сам того не подозревая, я очень дорожил им и где-то в глубине души всегда им гордился. Филипп был отрадой для моего отцовского самолюбия, ведь Гийом и Робер... Что толку скрывать: я стыдился их

обоих, особенно Гийома. — Герцог угрюмо посмотрел на Эрнана. Однако в его взгляде не было ни враждебности, ни осуждения, ни порицания, а была лишь слепая покорность судьбе. — Теперь Гийом мертв, и мне приходится стыдиться только одного сына — Робера. По правде говоря, я даже рад, что он уехал в Марсан. Издали его пороки не так бросаются мне в глаза.

Герцог снова умолк, плеснул в свой кубок немного вина и выпил.

— А вот Филиппа мне не хватает, — задумчиво произнес он. — Почти семь лет мне понадобилось, чтобы понять это. Почти семь лет я потратил на борьбу с собой и со своей гордыней — ведь именно я должен был сделать первый шаг к примирению.

— И вы его сделали, монсеньор, — сказал Эрнан.

— Да, сделал. Но не слишком ли поздно? Я так долго и упорно отталкивал от себя Филиппа, что, боюсь, он не сможет и не захочет вернуться ко мне... как мой сын. Он будет здесь жить, будет моим наследником — но не сыном.

— Уверю вас, монсеньор, вы ошибаетесь, — убежденно ответил Шатофьер. — Филипп по-прежнему относится к вам с глубоким почтением. И кстати, коль скоро мы заговорили о наследстве. Как я понял, вы не только признаете Филиппа своим наследником, но и намерены передать ему во владение Беарн.

— Ах, это! — небрежно произнес герцог, будто речь шла о каком-то пустяке. — Да, я уступлю Филиппу Беарн с Балеарами, а также сделаю его соправителем Гаскони. Я не хочу, чтобы он находился подле меня только в ранге наследника, на положении мальчика на побегушках. После всего, что случилось семь лет назад, для него такая роль была бы унижительной.

«Это уж точно», — подумал Эрнан.

— А что касается меня, — продолжал герцог, — то я с радостью переложу часть государственных забот на его плечи. Я уже стар, а он молод и энергичен, да и способностей ему не занимать. По моим сведениям, он отлично справляется с Кантабрией и уже зарекомендовал себя Кастилии как зрелый го-

сударственный муж.

— Он зарекомендовал себя еще здесь, в Гаскони,— заметил Эрнан.— Когда сумел привлечь на свою сторону большинство вельмож и сенаторов.

Это уже был удар по лежачему. Герцог натянуто улыбнулся и перевел взгляд на Габриеля, который за все это время не обронил ни слова и лишь внимательно слушал их разговор. Он чувствовал себя неуютно в присутствии одного из самых могущественных князей католического мира.

— Господин де Шеверни,— мягко заговорил герцог.— Если не ошибаюсь, шесть лет назад вы несколько месяцев гостили у Филиппа в Кантабрии. Или это был ваш старший брат?

— Это был я, монсеньор,— ответил Габриель.— Я старший из братьев. В сентябре сорок пятого года я приехал по приглашению вашего сына в Сантандер и пробыл там до весны сорок шестого.

— То есть, до смерти вашей сестры?

— Я уехал через месяц после того, как она умерла. Вернее, явился отец и забрал меня. Он обвинил господина графа в смерти Луизы и...— Габриель глубоко вдохнул, набирая смелости.— Прошу прощения, монсеньор, но он считает, что это у вас вроде семейной традиции... мм... когда жены умирают при родах.

Герцог помрачнел, но не обиделся.

— Возможно, ваш отец прав, юноша,— глухо произнес он.— Ведь в Писании сказано, что грехи родителей искупают дети. И поверьте, я глубоко скорблю, что кара Божья обрушилась на вашу сестру, ни в чем не повинную девушку...— Герцог помолчал, думая о том, не затем ли Эрнан привел к нему Габриеля, чтобы заставить его испытывать угрызения совести.— А после этого вы больше не виделись с Филиппом?

— До вчерашнего вечера нет.

— Я слышал, что вы были очень дружны.

— Смею надеяться, монсеньор, что ваш сын до сих пор считает меня своим другом. Все эти годы мы с ним регулярно переписывались, хотя мой отец был против. Когда до нас дошли слухи о... о поведении господина графа, он расценил

это как оскорбление памяти Луизы, и настоятельно требовал, чтобы я порвал с ним всякие отношения.

— Но вы не сделали этого?

— Нет, монсеньор. Я пошел против воли отца, потому что не разделял его мнения о вашем сыне.

Герцог тяжело вздохнул.

— Да, безусловно, ваш отец слишком категоричен. Образ жизни Филиппа достоин осуждения, не спорю, но такой уж он по натуре своей. Среди людей нет безгрешных, у каждого человека есть свои недостатки, и любвеобильность Филиппа... будем откровенны, распутность — его несомненный порок. Боюсь, что это у него в крови, от рождения.

Разомлевший от выпитого вина, Эрнан хитро усмехнулся. По возвращении в родные края он первым делом навестил Гастона д'Альбре, и они очень приятно скоротали вечер, смакуя пикантные истории про толедского щеголя и повесу дон Фелипе из Кантабрии.

— Что верно, то верно, — произнес Шатофьер. — Филипп с самого детства был отъевленным сердцеедом, и ему ничего не стоило вскружить любой барышне голову. А уж в Кастилии он разошелся вовсю. Между прочим, сплетники поговаривают, что даже Констанца Орсини не устояла перед его чарами.

Герцог с трудом спрятал улыбку.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Филипп очень дружен с принцем Альфонсом и очень уважает его, чтобы соблазнить его жену. Это маловероятно.

— А вот насчет Марии Арагонской никаких сомнений нет, — продолжал гнуть свою линию Эрнан. — Не зря же принц Фернандо де Уэльва так взъелся на Филиппа. Еще бы! Ведь по милости вашего сына у него выросли *отакенные* рога. — И Шатофьер поднял кверху руки, показывая, какие именно. — Но, бесспорно, самая громкая победа Филиппа, это принцесса Бланка. Рассказывают, что с королем едва удар не приключился, когда он узнал о грехопадении своей старшей дочери.

Герцог кивнул:

— Да, слыхал я, что был отменный скандал. Впрочем, об этом романе так много говорят и говорят столь разное, что

я даже не знаю, чему верить, а чему нет; трудно понять, где кончается правда и начинается вымысел. Так, по моим сведениям, Филипп собирался жениться на Бланке; о серьезности его намерений свидетельствовал хотя бы тот факт, что осенью он испрашивал у святого отца разрешения на этот брак. И вдруг я узнаю, что король как-то впопыхах выдал Бланку за графа Бискайского. Вот уж не пойму зачем? — Герцог недоуменно пожал плечами. — Жаль, конечно, очень жаль. Бланка была бы отличной партией для Филиппа. Говорят, она хороша собой, умна, порядочна. К тому же отец сделал ее графиней Нарбоннской — еще когда прочил в жены Августу Юлию Римскому.

— М-да, славное приданное, — согласился Шатофьер. — Было бы весьма заманчиво присоединить Нарбонн к Гаскони. Если когда-нибудь Филипп вздумает потеснить своего дядю с престола, то он пожалеет, что в свое время не женился на принцессе Бланке.

Герцог испытующе поглядел на Эрнана, но от комментариев воздержался.

«Новое поколение, — подумал он, устало потупив свой взор. — Молодое, неугомонное, воинственное. Боюсь, очень скоро придет конец шаткому миру в Галлии...»

По соседству, за живой зеленой стеной из плюща послышалось шуршание гравия под ногами идущего человека. Шаги были быстрыми, уверенными, они раздавались все ближе и замерли у входа в беседку.

Герцог поднял глаза и увидел на пороге невысокого стройного юношу двадцати лет, с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами. Его костюм и сапоги были покрыты свежей пылью, а пестрое перо на шляпе сломано. На красивом лице юноши блуждала смущенная улыбка.

— Вот я и вернулся, отец, — взволнованно произнес он.

Только со второй попытки герцогу удалось встать.

— Добро пожаловать домой, Филипп, — тяжело дыша, сказал он и, опершись рукой на край стола, сделал один неуверенный шаг навстречу сыну. — Я рад, что ты вернулся ко мне... — Тут голос его сорвался на всхлип. Преодолевая вне-

запную слабость, он быстро подступил к Филиппу и после секундных колебаний крепко обнял его за плечи. — Прости меня, сынок. Если сможешь...

Филипп тоже всхлипнул. На глаза ему набежали слезы, но он не стыдился их. Только теперь он в полной мере осознал, как не хватало ему раньше отцовской любви и заботы. На протяжении многих лет между двумя родными по крови людьми стояла тень давно умершей женщины — жены одного, матери другого. Она мешала им сблизиться, понять друг друга, почувствовать себя членами одной семьи; она была камнем преткновения в их отношениях. И понадобилось целых два десятилетия, чтобы она, наконец, ушла туда, где ей надлежало быть — в царство теней, освободив в сердце мужа место для сына, а сыну вернув отца...

Вскоре у фонтана перед беседкой собрались почти все придворные герцога, а тот, отступив на шаг, все смотрел на Филиппа сияющими глазами. Впервые он видел в нем своего сына, свою кровь и плоть — а также кровь и плоть женщины, которую любил больше всего на свете.

— Господи! — прошептал герцог. — У тебя материнская улыбка, Филипп!.. Как я не замечал этого раньше?

— Раньше я не улыбался в вашем присутствии, отец, — тихо ответил тот. — Теперь обязательно буду...

Глава IX

Бланка Кастильская

Между событиями, описанными в двух предыдущих главах, лежит отрезок времени длиной почти в семь лет. О любви Филиппа к Луизе можно сочинить мелодраматическую историю с душещипательным финалом, а о его похождениях в Толедо — внушительный сборник новелл в жанре крутой эротики, но это завело бы нас далеко в сторону. Посему мы, не мудрствуя лукаво, сделали то, что сделали — одним махом перешагнули через семь лет и... остановились в растерянности. Жизнь — это песня, а из песни слов не выкинешь; так и

прожитые Филиппом годы на чужбине нельзя просто вычеркнуть из его биографии. И уж тем более, что при кастильском дворе его судьба тесно переплелась с судьбой другого героя нашей повести, вернее, героини, о которой сейчас и пойдет речь...

В разговоре герцога с Эрнаном де Шатофьером уже упоминалось о принцессе Бланке, старшей дочери кастильского короля, и о ее предполагаемой любовной связи с Филиппом. Мы намерены приподнять завесу таинственности над их отношениями, и тогда нашему взору откроется нечто весьма любопытное, совершенно неожиданное и даже курьезное. Вкратце, это сказ о том, как людской молвой было очернено доброе имя Бланки и как из невесты императора Римского она стала женой графа Бискайского.

Отношение Филиппа к Бланке с самого момента их знакомства было особенным, отличным от его отношения ко всем прочим женщинам — и не только потому, что их дружба носила крайне целомудренный характер, но еще и потому, что сама Бланка была необыкновенной девушкой. Когда весной 1447 года Филипп, извлеченный Альфонсо из кантабрийской глуши, приехал в Толедо, Бланке едва лишь исполнилось одиннадцать, и она только-только стала девушкой в полном смысле этого слова, но уже тогда она была необычайно привлекательна и желанна. Невысокая, хрупкая, изящная шатенка с большими темно-карими глазами, Бланка пленила Филиппа не так своей внешностью (которая была у нее вполне заурядной), как красотой своей внутренней, острым и гибким умом, кротостью и мягкостью в обхождении с людьми, умением понимать других и сопереживать, что непостижимым образом сочеталось в ней с властностью и высокомерием, а также некоторой язвительностью. Филипп избегал называть ее красавицей (что, по большому счету, было бы неправдой), но он считал ее прекрасной. Вскоре после их знакомства Бланка и Филипп стали закадычными друзьями, и это давало сплетникам обильную пищу для досужих домыслов, а у Альфонсо иной раз вызывало приступы ревности: он был очень привязан к старшей из своих сестер, а в глубине души — без-

надежно влюблен в нее.

Взрослея, Бланка все больше привлекала Филиппа, и все чаще его посещали мысли о женитьбе на ней, но поначалу он решительно гнал их прочь, потому как страшился одного этого слова — женитьба. Смерть Луизы сокрушила его наивные детские мечты о счастливом браке, об уютном семейном очаге, и впоследствии, даже смирившись с потерей любимой, он не подпускал ни одну женщину слишком близко к своему сердцу, панически боясь снова испытать горечь утраты. Впервые Филипп допустил для себя возможность новой женитьбы лишь в конце второго года своего пребывания в Толедо, когда он в очередной раз предпринял попытку наполнить свою старую дружбу с Бланкой новым содержанием и для начала решил запечатлеть на ее губах совсем невинный поцелуй. Как и во всех предыдущих случаях, ничем хорошим это не кончилось — Филипп в очередной раз получил от ворот поворот, а вдобавок пощечину, в награду за настырность. И именно тогда он раздосадовано подумал:

«Похоже, она станет моей женщиной не раньше, чем станет моей женой».

Эта мысль не на шутку испугала Филиппа, но и отделаться от нее было не так-то легко. Чем дальше, тем милее становилась ему Бланка, он уже безоговорочно признал, что она лучше всех на свете, и просто сгорал от желания обладать ею. Вместе с тем, его подозрения, что Бланка будет принадлежать ему только на брачном ложе, росли и крепили изо дня в день и постепенно превратились в уверенность, а затем — и в твердую убежденность.

В отличие от своих братьев Альфонсо и Фернандо, обе кастильские принцессы, Бланка и Элеонора, были воспитаны в духе строгой пуританской морали, исповедуемой их отцом, королем Фернандо IV, которого за чрезмерное ханжество современники прозвали Святошей. Особенно сильно это воспитание сказалось на Бланке: она с малых лет страшилась гнева Господнего, трепетала перед дьяволом и искренне считала слова «грех» и «преступление» синонимами. Хоть как ей ни нравился Филипп, хоть как он ее ни привлекал, она не до-

пускала даже мысли о возможной близости с ним вне брака. Правда, временами ей приходилось несладко от обуревавших ее «греховных желаний», но Бланка была девушка исключительной силы воли, и всякий раз ей удавалось преодолеть свою минутную слабость. Филипп все больше запутывался в ее сетях, и хотя он по-прежнему пускался в загулы и заслуженно пользовался репутацией опасного сердцееда, дело явно шло к тому, что рано или поздно он обратится к королю с просьбой руки его старшей дочери. А что касается Бланки, то она стала своего рода живой легендой кастильского двора, и многие отцы ставили ее в пример своим беспутным дочерям, которые не сумели устоять перед чарами Филиппа.

Однако в конце лета 1451 года положение резко изменилось. Вначале придворные обратили внимание, что Бланка, находясь на людях в обществе Филиппа, чувствует себя несколько скованно, держится с ним чересчур сухо и официально, а всякий раз при упоминании его имени почему-то смущается и тотчас переводит разговор на другую тему. Чуть позже было замечено, что Филипп, который сразу по переезде в Толедо приобрел себе роскошный особняк, вежливо отвергнув предложение Альфонсо поселиться во дворце, в последнее время вроде бы умерил свою гордыню и частенько оставался на ночь в покоях, отведенных ему на половине наследника престола. От вездесущих глаз двора не укрылись и загадочные ночные рейды Филиппа: поздно вечером он тайком прокрадывался к апартаментам принцесс, а на рассвете возвращался к себе, причем делал это с завидным постоянством. И тогда по дворцу, затем по всему городу, а вскоре и по всей Испании поползли упорные слухи о падении последней твердыни женской добродетели — принцессы Бланки Кастильской. Никому даже в голову не приходило, что очередной жертвой Филиппа стала вовсе не она, а ее младшая сестра, двенадцатилетняя крошка Элеонора, которую чаще называли просто Норой.

По правде говоря, Филипп и не думал соблазнять Нору, это получилось как-то само собой, без всякого умысла с его стороны. Он изо всех сил старался покорить неуступчивую Бланку,

пуская в ход все свои чары, прибегая к всевозможным ухищрениям и уловкам из своего богатого арсенала соблазнителя, и совершенно нечаянно, как бы мимоходом, влюбил в себя ее сестру. Для самого Филиппа это явилось полнейшей неожиданностью, поскольку он всегда смотрел на Нору, как на малое дитя.

Однако страсть Норы оказалась совсем не детской, во всяком случае, не по-детски самоотверженной. Не в пример Бланке, она с легкостью переступила через свое воспитание и принялась терроризировать Филиппа, беззастенчиво предлагая ему себя. В конце концов, он уступил ее домогательствам и сделал это по двум причинам: во-первых, назло Бланке, а во-вторых, потому что не смог устоять. Детская непосредственность Норы, ее веселый, жизнерадостный нрав очаровывали Филиппа; а кроме того, она была необыкновенно красива — той яркой, броской красотой, которой отличались многие представители дома Аквитанских. В третьем поколении в ней проявились фамильные черты ее родни по материнской линии, чем-то она живо напоминала Филиппу его милую сестренку Амелину — и в конечном итоге это решило исход дела.

Впрочем, к чести Филиппа надо сказать, что он до последнего боролся с искушением, и его первая близость с Норой произошла по ее инициативе и, в определенном смысле, против его воли. Бланка же, потеряв надежду образумить сестру и отговорить Филиппа от ночных свиданий с нею, стала как бы поверенной их любви, устраивала их встречи, ограждала Нору от любопытства придворных и слуг — да так рьяно, что в результате навлекла все подозрения на себя.

Король был, наверное, последним из вельмож Кастилии и Леона, до которого дошли слухи о якобы имеющей место любовной связи между Филиппом и Бланкой. Этот, на первый взгляд весьма странный факт в действительности объяснялся очень просто. Дон Фернандо был государем крутого нрава, и его поступки подчас были непредсказуемы; даже приближенные короля, пользовавшиеся его безграничным доверием, и те не решались хотя бы намеком сообщить ему о гре-

хопадении дочери, не без оснований опасаясь, что первый и самый мощный шквал королевского гнева обрушится на голову того, кто принесет ему эту дурную весть. Альфонсо же, единственный, кто не боялся отца, предпочитал держать язык за зубами. Подобно всем остальным, он заблуждался насчет предмета увлечения своего друга и втайне надеялся, что рано или поздно Бланка забеременеет от Филиппа, и тот будет вынужден жениться на ней.

Заговор молчания вокруг короля длился без малого три месяца. Наконец его младший сын, Фернандо де Уэльва, всеми фибрами души ненавидевший Бланку (а заодно и Филиппа, поскольку он действительно крутил любовь с его женой), преодолел свой страх перед отцом и наябедничал на сестру. Но об этом Филипп узнал позже. А в тот день, ближе к вечеру, в его особняк явился посланец от короля с приглашением незамедлительно прибыть во дворец. От себя лично посланец добавил, что королю обо всем известно, и он, дескать, «спокоен, как перед казнью», что было очень плохим предзнаменованием.

— Может, тебе лучше не ехать? — спросил у Филиппа падре Антонио. — Садись на лошадь и отправляйся в Сарагосу или Памплону. Погостишь там месяц-полтора, а тем временем тут все утрясется, король умерит свой гнев...

— То есть, вы предлагаете мне бежать, — невесело усмехнулся Филипп. — И тем самым признать свою вину.

— А разве ты не виновен? Пусть ты не соблазнял Бланку, но принцесса Нора на твоей совести.

— Да, на моей. И мне совестно, вы же знаете. Но, последовав вашему совету, я признаю за кастильским королем право судить меня как своего подданного. Меня — первого принца Галлии! Не забывайте, что я все еще остаюсь наследником престола. — (Филипп взял себе в привычку постоянно напоминать об этом, с тех пор как три года назад жена Робера III, Мария Фарнезе, разрешилась мертвым ребенком). — И я не намерен ронять свое достоинство позорным бегством.

— Ты подменяешь понятия, сын мой, — предостерег его преподобный отец. — Сейчас в тебе говорит не достоинство,

а гордыня. К тому же дон Фернандо ослеплен гневом и способен порешить тебя, будь ты хоть императором. Ты же знаешь, что он за человек. Потом он, конечно, будет сожалеть о своем поступке... — Дон Антонио тяжело вздохнул. — Но это будет потом.

— Я уже все решил, падре, — упрямо сказал Филипп. — Даже вы меня не переубедите. Лучше отпустите мне грехи... на всякий случай.

Фернандо IV принял Филиппа в своем рабочем кабинете и, едва заметным кивком головы ответив на приветствие, устремил на него жесткий, колющий, пронзительный взгляд своих холодных серых глаз. Филипп не смог удержаться от облегченного вздоха: судя по всему, дела обстояли не так плохо, как он полагал. Обычно, когда дон Фернандо был вне себя от злости, он выглядел спокойным и даже ласковым. Но сейчас его гнев выплескивался наружу — а это значило, что внутри он уже перебесился и самое худшее осталось позади.

«На ком же он отыгрался? — размышлял Филипп, постепенно успокаиваясь. — Неужели на Бланке? Задрал ей юбчонки и надавал по попке? С него станется... Бедняжка! Теперь она долго не сможет сидеть...»

(На самом деле следующие несколько дней не сиделось принцу Фернандо. Отец лупил его пониже спины, приговаривая: «Теперь будешь знать, как доносить на родную сестру!» Король Кастилии был человек воистину непредсказуемый).

Филипп стойко выдержал суровый взгляд и глаз не отвел, а смотрел в ответ кротко и доверчиво, и ласковая синева его глаз вскоре растопила лед в королевских глазах. Дон Фернандо тихо застонал и опустился в кресло за письменным столом.

— Прошу садиться, племянник.

Филипп устроился напротив короля и начал говорить:

— Государь мой дядя, я...

Тут дон Фернандо грохнул кулаком по столу, да так сильно, что опрокинул одну из чернильниц.

— Извольте не смотреть на меня с таким видом, будто ни-

чего не понимаете! Вы прекрасно знаете, зачем я вас вызвал, посему прекратите строить мне глазки и изображать из себя самую невинность.

— Боюсь, дядя,— заметил Филипп,— вы превратно истолковали мой взгляд. Я и не думал притворяться перед вами. Я лишь набирался смелости, чтобы попросить руки вашей дочери.

Эти слова мигом разрядили напряженную обстановку. Дон Фернандо откинулся на спинку кресла и удовлетворенно молвил:

— Ага!

— Я признаю свою вину, что так долго медлил,— продолжал Филипп.— Мне следовало раньше обратиться к вам с этой просьбой, но я никак не решался, хотя давно хотел, чтобы Бланка стала моей женой. И вот сейчас я офицер...— Он осекся на полуслове, так как глаза короля, за секунду до этого излучавшие умиротворение, вдруг стали бычьими и налились кровью.

Мгновение спустя дон Фернандо хищно зарычал, рывком вскочил на ноги, схватил со стола опрокинутую чернильницу и запустил ее в Филиппа. Только чудом Филиппу удалось уклониться от броска — чернильница пролетела возле его виска и разбилась, ударившись о каменный пол.

Дон Фернандо тяжело рухнул в кресло. Несколько минут они молчали, потрясенно глядя друг на друга, наконец король глухо проговорил:

— Я не извиняюсь за свою вспышку, ибо вы сами ее спровоцировали. Вы — дерзкий, развратный...— Он сделал паузу, успокаиваясь.— Вы что, племянник, держите меня за дурака? Думаете, я не знаю, которую из моих дочерей вы соблазнили?

Это был удар! Филипп даже хрюкнул от досады и огорчения. Он был уверен, что Бланка не предаст сестру и возьмет всю вину на себя.

«Что ты наделала, милочка?!— в отчаянии подумал он.— Что ты наделала...»

— А следовательно,— между тем продолжал король,— речь идет о вашем браке с Элеонорой.

— Однако,— осторожно возразил Филипп.— Осмелюсь заметить, дядя, что насчет Норы ни у кого нет никаких подозрений, тогда как Бланка...

Дон Фернандо заскрежетал зубами. Филипп скользнул взглядом по столу в поисках других чернильниц и с облегчением отметил, что все они находятся вне пределов досягаемости рук короля... Зато массивный серебряный подсвечник был совсем рядом!

— Ах да! — угрюмо произнес дон Фернандо. — Хорошо, что напомнили. Ведь вы не только соблазнили мою младшую дочь, но и опозорили в глазах всего света старшую. И что прикажете с вами делать?

— Понятно что. Женить меня на Бланке.

— А как же Элеонора?

— Про нее никто ничего не знает. Она еще юна, в глазах света не скомпрометирована и сможет подождать, пока император не разведется с Изабеллой Французской.

Дон Фернандо издал короткий нервный смешок. Филипп понял, что затронул еще одну болезненную для короля тему.

— Вы считаете меня таким наивным? Думаете, я еще надеюсь, что Августу Юлию удастся получить развод? Кабы не так! Дудки он его получит! Эта канитель с консилиумами длится уже четыре года и конца-краю ей не видно. Валерий Юлий и Гвидо Конти ни за что не позволят императору занять наследника престола.

— Тем более,— сказал Филипп.— Коль скоро Бланка осталась без жениха, позвольте мне жениться на ней. А что касается Норы, то ей это не к спеху. У вас будет достаточно времени, чтобы подыскать ей подходящую партию. К примеру, чем плох тот же Педро Арагонский?

Король гадко ухмыльнулся:

— Так вы, оказывается, печетесь про моих дочерей, словно отец родной!

— Я пекусь прежде всего о себе. Но в данном случае наши интересы совпадают: вы хотите уладить скандал с наименьшим уроном для вашей семьи, а я хочу жениться на Бланке. Не стану утверждать, что безумно люблю ее, но лучшей спут-

ницы жизни мне не найти. Осмелюсь предположить, что она обо мне такого же мнения.

Дон Фернандо утвердительно кивнул:

— И не ошибетесь. Когда я прослышал об этих сплетнях и вызвал Бланку к себе, она заявила, что вы соблазнили ее, и потребовала, чтобы я заставил вас жениться на ней.

— Тогда как же...

— Элеонора во всем созналась. Она обозвала Бланку обманщицей, обвинила ее в намерении увести чужого жениха и тоже потребовала... — Король умолк и сокрушенно покачал головой. — Нет, определенно, вы негодяй! Я слыхивал, что порой женщины из-за вас дерутся, но если бы мне кто-то сказал, что мои собственные дочери повздорят между собой, выясняя, кого же из них вы на самом деле соблазнили... — Он вздохнул. — Ладно, сантименты в сторону. Значит, вы хотите жениться на Бланке?

— Да, дядя. Относительно нее у меня вполне серьезные намерения. Я считаю, что лучшей королевы для Галлии не сыскать.

— Ого! Стало быть, вы метите на галльскую корону? А не слишком ли опережаете события? Король Робер не намного старше вас. К тому же ни он, ни королева Мария не бесплодны, и дети у них, возможно, еще будут.

Филипп покачал головой:

— Это несущественно. Тулузская династия изжила себя, и Робер Третий — последний из Каролингов на галльском престоле, независимо от того, будут у него дети или нет. Вскоре молодой Людовик Прованский станет совершеннолетним, уже сейчас он злобен, жесток и жаден к власти, так что волея-неволей лангедокским графствам и Савоие придется сплотиться вокруг Гаскони. Вот тогда пробьет мой час. Мой и Бланки.

— А вы уверены, что в ближайшем будущем ваши отношения с отцом наладятся?

— Мой брак с вашей дочерью заставит его смириться с неизбежным. Добрыми друзьями мы вряд ли станем, но своим наследником он меня признает.

— Та-ак, понятно. Вы меня убедили. Однако...— Дон Фернандо пришел в легкое замешательство. Филипп понял, что сейчас речь пойдет о весьма щекотливых для ханжи-короля аспектах его отношений с Норой.— Знаете, племянник, на мой взгляд, ваши поступки отличаются крайней непоследовательностью. Вы собирались жениться на Бланке, но не просили ее руки, а сперва пытались соблазнить ее. Когда же у вас это не получилось, вы совратили с пути истинного мою младшую дочь. Зачем, спрашивается?

— Поверьте, дядя, я глубоко сожалею...

— Ах, вы сожалеете! Хотя это отрадно. Но никакие сожаления и извинения с вашей стороны не вернут Элеоноре... э-э, беззаботного прошлого.

Когда до Филиппа дошло, что это — экспромтом придуманный королем эвфемизм, обозначающий девственность, он чуть не заржал от разобравшего его смеха. Впоследствии он нередко употреблял выражение «беззаботное прошлое» именно в таком смысле, но никому не говорил, кто его настоящий автор.

— А ведь могло случиться и нечто похуже,— продолжал дон Фернандо.— Или еще может случиться. Посему вот мои условия — слушайте их внимательно.

— Я весь внимание,— заверил его Филипп.

— Прежде всего, ни о каких... э-э, свиданиях с Элеонорой отныне и речи быть не может.

— Само собой, дядя.

— Далее, с объявлением о вашей помолвке с Бланкой следует повременить, чтобы я мог убедиться... ну, что с Элеонорой не произошло ничего такого, что может исправить только немедленный брак. Надеюсь, вы понимаете меня?

— Да, разумеется,— ответил Филипп, мысленно покатываясь от хохота.— Если окажется, что Нора беременна, я женюсь на ней.

Король покраснел и, точно застенчивая барышня, потупил глаза.

— Для пущей верности,— сказал он,— подождем до начала весны. А пока что пообещайте держать нашу договоренность в

секрете. От всех без исключения. Ни Альфонсо, ни Бланка, ни Элеонора не должны о ней знать. Пускай до поры до времени, пока все не прояснится и не улягутся страсти, это будет нашей маленькой тайной.

— Хорошо.

— Но вы должны обещать мне, что не передумаете. Теперь вы обязаны жениться на одной из моих дочерей — если не на Бланке, так на Элеоноре.

— Безусловно, — сказал Филипп. — Коль скоро я мечу на галльский престол, то поддержка Кастилии для меня очень важна. Если того потребуют обстоятельства, я женюсь на Норе... Хотя я предпочитаю Бланку.

Дон Фернандо кивнул:

— Да, я понимаю вас. Любой отец гордился бы такой дочерью, как Бланка, а любой муж — такой женой.

Пообещав королю хранить молчание и дав ему понять, насколько важен для него брачный союз с Кастилией, Филипп совершил роковую ошибку. Он не принял во внимание одно обстоятельство: Фернандо IV Кастильский был не только суров и крут нравом, но также на редкость коварен и вероломен. Гордясь своей старшей дочерью, он души не чаял в младшей и без колебаний решил принести в жертву Бланку ради счастья Норы. Последующие события наглядно показали Филиппу, как он был наивен и доверчив...

Это случилось в середине января 1452 года. Дон Фернандо отправил своего старшего сына Альфонсо в Сарагосу, к арагонскому королю Хайме III, якобы с тем, чтобы окончательно уладить пограничные споры и склонить Арагон к участию в весеннем походе против Гранадского эмирата. Ничего не заподозривший Филипп согласился сопровождать наследника престола, а когда оба принца, которые могли помешать планам дона Фернандо, достигли Сарагосы, в Толедо было объявлено о помолвке принцессы Бланки с племянником наваррского короля Александром Бискайским и о скорой их свадьбе.

Таинственность, с которой готовился этот брак, и неподобающая поспешность с его заключением немало удивили весь

кастильский двор. Не меньшее удивление вызвал и сам факт этого союза, в определенном смысле походившего на мезальянс. Граф Бискайский уже много лет был в большой немилости у своего дяди, Александра X Наваррского; он постоянно вздорил с ним, оспаривал у него корону, ссылаясь на свою принадлежность к старшей ветви, и плел против него всяческие интриги и заговоры. Король Наварры лишь по доброте душевной терпел выходки племянника, но порой его терпение иссякало, и тогда он отправлял графа в изгнание за пределы королевства. Во время последней из таких ссылок, находясь в Кастилии, Александр Бискайский, по-видимому, сумел уговорить дона Фернандо отдать за него Бланку, играя на том, что репутация старшей из кастильских принцесс здорово подмочена слухами о ее романе с Филиппом. Осведомленные лица из окружения короля Кастилии высказывали предположение, что дон Фернандо решил встать на сторону графа Бискайского в споре с его дядей и помочь ему заполучить наваррскую корону. А таинственность и поспешность эти самые осведомленные лица склонны были объяснять тем, что в противном случае наваррский король мог бы воспрепятствовать этому браку.

И только один человек, от которого Филипп не имел никаких секретов, разгадал истинные намерения дона Фернандо. Это был падре Антонио. Утром, на следующий день после объявления о помолвке он явился в королевский дворец и обратился к своему собрату падре Эстебану, духовнику Бланки, с просьбой как можно скорее устроить ему встречу с принцессой наедине.

Появление во дворце падре Антонио не вызвало никаких подозрений, поскольку он и преподобный Эстебан были очень дружны; а если кто-то и обратил внимание, что сразу вслед за этим Бланка пришла к своему духовнику, то, наверняка, счел это случайным совпадением. Бланка была девушка весьма набожная, чаще всех остальных посещала церковь, а нередко часами засиживалась у падре Эстебана, умного и образованного человека, всерьез занимавшегося теологическими изысканиями, и вела с ним длительные беседы на религи-

озную тематику.

Однако в тот день речь шла о более приземленных вещах, и разговаривал с Бланкой падре Антонио. Когда после приветствий и нескольких вежливых фраз преподобный Эстебан удалился, оставив их вдвоем у себя в кабинете, падре Антонио сказал:

— Надеюсь, принцесса, вы знаете, что Филипп для меня как сын родной, и потому я был безмерно огорчен известием о вашей помолвке с графом Бискайским.

— Я тоже огорчена,— откровенно призналась Бланка.— Для меня это так неожиданно... Но причем здесь Филипп?

Падре тяжело вздохнул:

— Боюсь, моя принцесса, то, что я сообщу вам, еще больше огорчит вас. Государь отец ваш не поведал вам о причинах своего странного решения?

— Ну...— Бланка замялась.— В общем, отец объяснил мне. Он сказал, что окончательно потерял надежду на развод Августа Юлия с Изабеллой Французской, и теперь намерен сделать меня королевой Наварры.

— В вашем голосе мне слышится сомнение,— заметил падре.

Где-то с минуту Бланка молчала, глядя на него, затем ответила:

— Вы правы, дон Антонио, я не верю тому, что сказал мне отец. Борьба за наваррский престол приведет к междоусобице в стране, и в конечном итоге Наварра будет разделена между Кастилией, Гасконью и Арагоном.

— Вы говорили отцу о своих сомнениях?

— Нет, падре. Я поняла, что он сам это знает. Он явно замышляет что-то другое, иначе... Если бы он хотел сделать меня королевой, то выдал бы замуж за принца Арагонского. Этот союз устранил бы многие недоразумения между нашими государствами. А так... Я сама теряюсь в догадках.

— В таком случае, принцесса, я помогу вам во всем разобраться. В силу определенных причин мне доподлинно известно, почему ваш отец устраивает этот брак.

— И почему же?

— Потому что граф Бискайский — единственный из более или менее достойных претендентов на вашу руку, которого дон Фернандо может женить на вас второпях, пока отсутствуют Филипп и ваш брат дон Альфонсо.

— Вы уже второй раз упоминаете Филиппа, — произнесла сбитая с толку Бланка. — Он-то здесь причем?

— Дело в том, принцесса, что осенью Филипп просил у дон-на Фернандо вашей руки и получил от него согласие — правда, с условием до весны держать это в тайне. — И падре рассказывал Бланке об уговоре, достигнутом между Филиппом и королем. — Как это не прискорбно, принцесса, но государь отец ваш обманул Филиппа, а с вами и вовсе обошелся жестоко. Ваш предстоящий брак с графом Бискайский продиктован вовсе не политическими соображениями. Он затеян для того, чтобы устранить вас с пути вашей сестры.

— Да, теперь я все понимаю, — тихо, почти шепотом произнесла Бланка. Губы ее дрожали, черты милого лица исказила гримаса отчаяния, а в красивых карих глазах стояли слезы. — Отец очень любит Нору. Очень... даже слишком. И когда она потребовала, чтобы ее выдали за Филиппа, он не мог ей отказать. Я все думала, на какую же хитрость он пойдет, но разве могла я предположить, что он... опустится до подлости!.. Если я буду замужем, Филипп женится на Норе, чтобы получить помощь Кастилии в борьбе за галльский престол, а я... — Тут она судорожно сглотнула, еле сдерживая рыдания. — Я принесена в жертву Нориному капризу!

— Еще нет, — мягко возразил падре. — Вас только определили в жертву, но заклятие еще не свершилось.

Во взгляде Бланки засветилась робкая надежда.

— Этого можно избежать? Но как?

— Если ваш брат дон Альфонсо и Филипп успеют вернуться в Толедо до дня вашей свадьбы, они смогут расстроить ее.

— Они не успеют, — с горечью заметила Бланка. — Отец все рассчитал.

Дон Антонио кивнул:

— Боюсь, вы правы. Я тоже думаю, что они не успеют в срок. Поэтому ради вас и Филиппа я готов взять грех на ду-

шу и во всеуслышание заявить, что еще месяц назад я тайно обвенчал вас.

Бланка вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

— Боже, милостивый! — выдохнула она. — Вы это сделаете?

— Да, сделаю, — решительно кивнул падре. — С вашего позволения, конечно. За согласие Филиппа я ручаюсь.

— Но ведь это будет ложью!

— Знаю. Я солгу. Вам же лгать необязательно — вы можете просто молчать и дожидаться приезда Филиппа. Еще вчера вечером я отправил к нему гонца с письмом, в котором изложил свой план. У меня есть небольшой приход, церковь Святого Иосифа, и я уже сделал в церковной книге запись о вашем браке — задним числом, семнадцатым декабря прошлого года. В этот день, согласно моему дневнику...

— Минуточку! — перебила его Бланка, с трудом переводя дыхание; глаза ее лихорадочно блестели. — Я в смятении, падре. Вы меня шокировали. Ваше предложение, это... это не только противозаконно, это богопротивно, это не по-божески. Такой, с позволения сказать, брак будет недействителен перед небесами.

— Это не имеет никакого значения, принцесса. Брак все равно будет признан недействительным с точки зрения закона и церковных канонов, но процедура его аннулирования займет определенное время.

— Уж отец позаботится, чтобы оно было сведено к минимуму.

Падре покачал головой:

— Не все так просто. Еще в конце осени Филипп спрашивал у Святого Престола согласия на брак с вами и получил его. Ваш отец тоже дал свое согласие — правда, только в устной форме и конфиденциально. В любом случае, архиепископ потребует тщательного рассмотрения дела, и непременно в присутствии Филиппа, чего, собственно, мы и добиваемся. Надеюсь, ваш брат, дон Альфонсо, сумеет убедить вашего отца изменить решение. А что до Филиппа, то будьте уверены,

он найдет способ заставить графа Бискайского отказаться от брака с вами.

В комнате надолго воцарилось молчание. Позабыв о правилах приличия, Бланка ожесточенно грызла коротко остриженный ноготь на своем большом пальце. Наконец она спохватилась, торопливо отняла руку ото рта и смущенно произнесла:

— Вы меня искушаете, преподобный отец. Должна признать, что соблазн очень велик.

— Вы любите Филиппа, не так ли? — видя, что она все еще колеблется, без обиняков спросил падре.

Бланка в замешательстве опустила глаза.

— Ну... — Немного помолчав, она совладала с собой и открыто взглянула на падре. — Вы задали прямой вопрос, дон Антонио, и это предполагает такой же прямой ответ. К сожалению, я не могу ответить вам прямо, поскольку сама еще не знаю ответа. Но если вы спросите меня, хочу ли я стать женой Филиппа, то я скажу: да. Я хочу, чтобы он всегда был со мной, хочу, чтобы он был спутником всей моей жизни. Я давно этого хотела и мечтала о том дне, когда мы поженимся. И будь у меня выбор, я бы не задумываясь предпочла его даже императору, потому что он мне нравится больше всех остальных. Если это и есть любовь, тогда я люблю Филиппа.

— Вы считаете, что будете счастливы с ним?

— Я надеюсь на это.

— Уверяю вас, принцесса, — проникновенно сказал падре. — Филипп не обманет ваших надежд. Я, конечно, не могу ручаться за его верность, но я знаю, как серьезно он относится к семье и браку. Вы всегда будете главной женщиной в его жизни, его супругой, матерью его детей... — Преподобный отец поднялся с кресла, понимая, что сделал все возможное, а остальное теперь зависит от Бланки. — Я не стану торопить вас с ответом. Время у нас еще есть, так что хорошенько все обдумайте и взвесьте.

— Хорошо, дон Антонио, — сказала Бланка. — Я подумаю.

К сожалению, этот разговор так и остался лишь разговором, и предложенный падре Антонио план не был приведен в

исполнение. Дальнейшее поведение Бланки не поддается никакому логическому объяснению. Впервые в своей жизни она лицом к лицу столкнулась с людской подлостью, и человек, который так жестоко, так коварно и вероломно обошелся с ней, был ее родной отец. Отец, которого она глубоко уважала, которым она искренне восхищалась, который всегда и во всем был для нее примером... Жестокое разочарование постигло юную шестнадцатилетнюю принцессу — не по годам умную и рассудительную девушку, но еще не подготовленную к встрече с суровой действительностью. Ее душа была по-детски чиста и непорочна, а сердце ранимое, и это ужасающее открытие напрочь парализовало ее волю, лишило ее сил и всяческого желания бороться за себя, за свое счастье...

С крушением идеала, которым был для нее отец, Бланка потеряла почву под ногами. Ей стало безразличным ее же собственное будущее, ей было все равно, что готовит ей день грядущий, она вообще не хотела жить. И когда накануне свадьбы к ней явился падре Антонио, чтобы узнать о ее решении, Бланка отказалась с ним встретиться и лишь велела передать ему короткое «нет».

А на следующее утро она безропотно пошла под венец, все плыло вокруг нее, как в тумане, губы ее сами по себе отрешенно промолвили: «да», — и она стала женой графа Бискайского. И только ночью, на брачном ложе, когда острая боль пробудила ее от этого жуткого полусна, Бланка с ужасом осознала, что она натворила...

Филипп прибыл в Толедо на второй день после свадьбы Бланки, когда она уже готовилась к отъезду в Наварру. До глубины души оскорбленный тем, что Бланка отвергла план падре Антонио, он даже не захотел попрощаться с ней и сразу бросился искать утешения в объятиях Норы, наскоро убедив себя в том, что именно она, а не ее старшая сестра, лучше всех на свете.

Теперь Филипп ни от кого не скрывал своей связи с Норой и в ответ на замечание короля, высказанное, кстати, в весьма мягкой форме, он очень грубо огрызнулся: дескать, это его

личное дело, как он ухаживает за своей будущей женой, и даже его будущий тесть не вправе совать свой нос в их постель. Дон Фернандо был немало смущен такой резкой и откровенно циничной отповедью, но молча проглотил оскорбление, чувствуя свою вину перед Филиппом.

Впрочем, надо отдать должное Филиппу: не собираясь скрывать эту связь, он, вместе с тем, не афишировал ее. К его большому удивлению, двор весьма скептически отнесся к слухам о грехопадении младшей дочери короля, и мало кто в это поверил. А тесную дружбу между ней и Филиппом придворные объясняли тем, что оба были очень привязаны к Бланке и, грустя по ней, находили отраду в обществе друг друга.

В отместку королю, Филипп решил заставить его поволноваться и все тянул с просьбой руки Норы. Дон Фернандо не рисковал торопить Филиппа, побаиваясь, как бы тот все не передумал, и жил в постоянном страхе потерять зятя, на которого возлагал большие надежды. Альфонсо же, так и не простивший отцу брак Бланки с Александром Бискайским, втайне злорадствовал, глядя на его мытарства. Ну а Нора, хоть ее и огорчило, что Филипп тайком собирался жениться на Бланке, все же была потрясена жестокостью отца, и чувство вины перед сестрой, которую она всем сердцем любила, нет-нет да давало о себе знать. Филипп, уже смилившийся с тем, что ему придется жениться на Норе, сильно подозревал, что это чувство вины со временем будет расти и в конце концов отравит их совместную жизнь, а призрак Бланки всегда будет стоять между ними...

А весной между Кастилией и Гранадой разразилась очередная война, вскоре закончившаяся очередным перемирием. Филипп также принял участие в походе против мавров во главе своего кантабрийского войска, и, уже находясь в Андалусии, он совершенно неожиданно получил от отца письмо, в котором тот просил его приехать в Тараскон.

Хотя рассудком Филипп не любил герцога, зов крови оказался сильнее воспоминаний о былых обидах, и читая письмо

отца, он не мог сдерживать слез радости. Это письмо означало, что подошло к концу его долгое изгнание, что он может вернуться в родной дом, в тот милый его сердцу уголок земли, который он называл своей родиной, в тот край, где он сделал свои первые шаги, где прошло его детство, где он познал счастье первое любви и впервые почувствовал себя мужчиной...

Глава X

Дон Филипп, принц Беарнский

В воскресенье 15 мая 1452 года, спустя ровно три недели после возвращения Филиппа домой, с раннего утра гудели все колокола кафедрального собора викариальной епархии Фуа, что в десяти милях от Тараскона. Сегодняшний выходной был необычным выходным, и месса в аббатстве Святого Бенедикта не была обычной воскресной мессой. Просторное помещение храма, освещенное сотнями зажженных свечей, было заполнено празднично наряженными сеньорами и разодетыми в пух и прах дамами и девицами, представлявшими сливки гасконского и каталонского дворянства. Все они мигом слетелись в Тараскон, едва лишь прослышав о намечаемых герцогом торжествах по случаю возвращения его младшего сына и наследника.

Отдельно от прочих господ и дам расположилась группа из десяти вельмож. Один из них был Эрнан де Шатофьер, которому отводилась особая роль в предстоящей церемонии. Остальные девять были самыми могущественными сеньорами Беарна. Сегодня должна состояться коронация их нового государя, принца Беарнского — уже шестого по счету с тех пор, как в середине прошлого столетия маркграф Филипп Воитель заключил с престарелым римским наместником Беарна Умберто Конти союз, женившись на его единственной дочери Валентине, и отобрал у Италии эту последнюю, еще оставшуюся под властью Рима, галльскую провинцию.

Обретя независимость от римской короны и находясь лишь номинально под патронажем императора, Беарн с

присоединенными к нему Балеарскими островами, которые маркграф освободил от мавров, не вошел в состав союза галльских княжеств, именуемого королевством Галлия, а так и остался независимым государством. И хотя властители Беарна не смогли добиться от Святого Престола и Палатинского Холма* придания их владениям статуса королевства, сама процедура восшествия на княжеский престол была сродни королевской.

Первый принц Беарнский, Филипп Воитель, был коронован здесь, в аббатстве Святого Бенедикта. Следующие четыре коронации состоялись уже в Бордо, столице всей Гаскони; но вот, спустя девяносто восемь лет эти древние стены собора вновь стали свидетелями торжественного ритуала облечения божественной властью потомка славного маркграфа, шестого принца Беарнского, Филиппа Красивого.

Кроме места коронации, обоих Филиппов роднило еще одно немаловажное обстоятельство. И тот, и другой вступали на княжеский престол при жизни своих отцов — и Карл, по прозвищу Бастард, и Филипп, по прозвищу Справедливый, присутствовали в этом соборе на коронации своих сыновей и разделяли с ними радость этого торжественного момента.

Герцог Аквитанский, облаченный в новую шитую золотом мантию и увенчанный герцогской короной, стоял на видном месте слева от алтаря и, пока его первый дворянин, г-н де Мирrado, оглашал акт передачи Беарна и Балеар, гордо смотрел на обоих своих детей, стоявших рядом у подножия алтаря. Да, да, их было двое — князь светский и князь духовный, двадцатилетний Филипп Аквитанский и тридцатипятилетний Марк де Филиппо, архиепископ Тулузский, примас Галлии и Наварры, который вскоре должен был венчать своего единокровного брата на княжение.

Как и Филипп, в детстве Марк испытал много страданий по вине отца — человека, которого современники называли Справедливым. Мать Марка, дочь одного обнищавшего ката-

---

* Дворец на Палатинском Холме в Риме был официальной резиденцией императоров.

лонского дворянина, днем прилежно исполняла обязанности фрейлины герцогини Шарлотты, а большинство ночей (и, надо сказать, с большей охотой) проводила в постели его сына. Родился Марк уже в Италии, куда герцог (тогда еще будущий герцог) отправил свою любовницу, как только прознал о ее беременности. Поступил он так из малодушия, из страха перед отцом, герцогом Робером, который осуждал сына за его легкомыслие и беспутность и знай угрожал лишить его наследства.

После смерти отца молодой герцог и дальше скрывал существование внебрачного сына, так как влюбился в Изабеллу Галльскую. А потом, потеряв ее, он возненавидел весь мир. Стремясь забыться и унять свою боль, он с головой погрузился в государственные заботы, и его нисколько не трогала судьба Марка. К счастью, мать герцога, женщина благородная, чуткая и сердечная, лишь на два года пережившая своего мужа, все-таки успела позаботиться о внуке. Только благодаря ей Марк с малых лет жил в достатке, воспитывался как настоящий вельможа, а впоследствии получил образование в самом престижном во всей Европе учебном заведении — университете Святого Павла в Риме. Правду о своем происхождении Марк узнал лишь на двадцать втором году жизни, а впервые увидел отца еще через семь лет, когда, получив степень магистра теологии, был назначен младшим викарием тулузской архиепархии и приехал в Галлию.

Понятно, что никаких сыновних чувств к герцогу Марк не испытывал, зато в их отношениях было уважение и взаимопонимание, а со временем между ними возникло что-то вроде дружбы. Почувствовав запоздалое раскаяние, герцог поспособствовал головокружительной карьере сына. За неполные пять лет тот из младшего викария стал коадьютором архиепископа, а еще год спустя, когда монсеньор Бартоломео Гаттани был отозван в Рим, чтобы занять в Курии пост камерлинга, папа Павел VII, уважив просьбу герцога Аквитанского, назначил Марка де Филиппо новым архиепископом Тулузским и посвятил его в ранг кардинала.

Помощь отца Марк принимал с благодарностью и пони-

манием, но так и не смог до конца простить ему свое полное обид и унижений детство безотцовщины. Не мог забыть он горькие слезы матери, которой за самоотверженную любовь было заплачено изгнанием и забвением, и которая умерла на чужбине, вдали от родины, снедаемая одиночеством и тоской... И может быть, именно та неосознанная враждебность, то откровенное осуждение, что иной раз появлялись во взгляде Марка в первые годы их знакомства, побудили герцога оглянуться назад, переосмыслить прошлое, по-новому оценить свои прежние поступки, свое отношение к Филиппу...

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — между тем читал г-н де Мирадо. — Мы, Филипп, милостью Божьей герцог Аквитании, принц Беарна и верховный сюзерен Мальорки и Минорки, маркграф Испанский, князь-протектор Гаскони и Каталонии, пэр Галлии, объявляем во всеуслышание, дабы сие стало известно всякому подданному нашему и всем нашим родичам, владыкам христианским, а также князьям неверным, что, признав сына нашего Филиппа, графа Кантабрии и Андорры, своим наследником и завещав ему все титулы, владения и полномочия, ныне принадлежащие нам, вместе с тем, дня сего, 15-го мая, года 1452-го от Рождества Христова, с согласия и одобрения его святейшества папы Павла Седьмого, его императорского величества Августа Двенадцатого, могущественных беарнских и балеарских сеньоров и Сената, мы отрекаемся от титула принца Беарна и верховного сюзерена Мальорки и Минорки со всем ему принадлежащим в пользу вышеупомянутого сеньора Филиппа, сына нашего, дабы правил он сими владениями, руководствуясь волей своею, по велению совести своей и с согласия подданных своих; правил мудро и грозно, достойно памяти славных предков наших и их деяний, для вящей славы всего рода нашего. Да пребудет с ним всегда и во всем помощь Божья и Его благодать. Аминь!

Огласив акт, г-н де Мирадо вручил символическую связку ключей министра княжеского двора своему преемнику на этом посту — невысокому худощавому юноше восемнадцати лет со светло-каштановыми волосами, первому дворянину нового принца, Габриелю де Шеверни.

Архиепископ подвел Филиппа к алтарю, поднял свой пасторальный жезл и произнес:

— Я, Марк, архиепископ Тулузский, милостью Божьей и папой Павлом уполномочен короновать присутствующего здесь Филиппа на княжение. И согласно моим полномочиям я провозглашаю его принцем Беарна и верховным сюзереном Мальорки и Минорки.

— Да будет так! — воскликнули вельможи.

За сим архиепископ отправил торжественную мессу во здравие нового принца. Сам Филипп не слышал ни единого слова молитвы, которую машинально произносили его уста вместе со всей паствой. Стоя на коленях у подножия алтаря, он весь ушел в себя, внутренне готовясь к предстоящей церемонии — коронации.

Но вот литургия подошла к концу и началось долгожданное действо. Камергеры сняли с Филиппа всю верхнюю одежду за исключением штанов и башмаков, после чего принялись облекать его в тяжелые от многочисленных украшений церемониальные княжеские одежды, которые вместе с другими атрибутами власти были разложены на аналое. Епископ Фуа прикрепил к его ногам золотые шпоры и тут же снял их, а епископ Ортезский повесил ему на шею массивную золотую цепь с усыпанным драгоценными камнями крестом. Архиепископ благословил меч — символ военного могущества, некогда принадлежавший Филиппу Воителю, и обратился к его потомку со следующими словами:

— Вручаю тебе меч сей с благословением Господним, дабы защищал ты имя Христово от неверных, еретиков и осквернителей, охранял свою страну, власть в которой дана тебе Богом, от внутренних и внешних врагов и поддерживал мир среди своих подданных.

Накануне Филипп недолго думал, кому быть новым главнокомандующим беарнского войска. Да тут, собственно, и думать было нечего.

— Великолепный и грозный сеньор Эрнан де Шатофьер, граф Капсирский, коннетабль Беарна! — объявил Габриель.

Важной походкой Эрнан приблизился к алтарю, принял

из рук Филиппа меч, поцеловал головку его эфеса и, преклонив колени, положил его на престол.

Преподобный отец Антонио, который участвовал в церемонии коронации как новый канцлер Беарна, достал из инкрустированной шкатулки княжеский перстень с печаткой и передал его архиепископу. Марк надел этот перстень на палец Филиппу, затем вложил в его правую руку скипетр суверена, а в левую — жезл правосудия. Филипп опустился на колени перед алтарем.

Также преклонив колени, архиепископ взял из дарохранительницы золотую княжескую корону, увенчанную большим рубином, а Габриель де Шеверни тем временем начал вызывать могущественных вельмож Беарна:

— Великолепный и грозный сеньор Гастон, граф д'Альбре!

К Филиппу подошел самый влиятельный из его подданных и его двоюродный брат.

— Великолепный и грозный сеньор Робер, виконт де Бигор!

Это был отец его друга, Симона де Бигора. Сам же Симон стоял поодаль и только тем и занимался, что исподтишка толкал локтем свою жену, г-жу Амелию д'Альбре де Бигор, которая не отводила от Филиппа сияющих глаз.

— Великолепный и грозный сеньор Филипп, граф д'Армандьяк! — продолжал вызывать Габриель. — Великолепный и грозный сеньор...

Девять могущественных беарнских вельмож стали полукругом перед алтарем, и тогда архиепископ возложил корону на чело Филиппа.

— Венчает тебя Господь! — раздались под сводами древнего собора слова прелата.

Девять вельмож по очереди прикоснулись к короне, присягнув на верность своему новому государю. Архиепископ помог Филиппу подняться с колен, повернулся с ним к пастве и торжественно провозгласил:

— Господа! Перед вами ваш принц Филипп, законный правитель Беарна и Балеарских островов, венчанный на княжение Господом Богом нашим. Да здравствует принц!

— Да здравствует принц! — хором повторили девять вельмож.

— Да здравствует принц! — подхватили остальные подданные Филиппа-старшего и Филиппа-младшего.

Вновь загудели колокола собора, и их медный перезвон, подхваченный колокольнями окрестных замков и сел, понесся все дальше и дальше, распространяясь, казалось, на весь мир.

В сопровождении прелатов, могущественных вельмож и свиты своих дворян Филипп направился к выходу из собора, где его ждала ликующая толпа простонародья и мелкопоместного дворянства. Церемония коронации порядком утомила его, тяжелые княжеские одежды давили на плечи, однако держался он гордо и величественно. Это был день его торжества, день его победы: за полмесяца до исполнения ему двадцати одного года Филипп Аквитанский, прозванный Красивым, третий сын герцога, стал не просто владетельным князем — но и суверенным государем.

На полпути к выходу взгляд Филиппа случайно... Впрочем, не так уж и случайно, встретился с ясным взглядом самой прекрасной из всех присутствовавших в соборе женщин — Амелины. Он украдкой улыбнулся ей, а в голову ему пришло несколько ну совсем неуместных в этом святом месте мыслей...

Глава XI

Неприятное известие

В толпе придворных и слуг, встречавших праздничную процессию на площади перед дворцом, Филипп сразу замечет человека, чье помятое, забрызганное грязью платье неприятно контрастировало с нарядными одеждами остальных присутствующих. На груди его ливреи были вышиты геральдические замки Кастилии и львы Леона. Присмотревшись внимательнее, Филипп признал в нем одного из штатных гонцов кастильского королевского двора.

«Так, так,— подумал он.— Значит, это случилось...»

В ответ на пытливый взгляд гонца Филипп утвердительно кивнул и спешился. Гонец подошел к нему, снял шляпу и опустился на одно колено. В руке он держал внушительных размеров пакет, скрепленный пятью королевскими печатями — четырьмя малыми в углах и большой гербовой посередине. Это была официальная депеша.

— Монсеньор,— произнес гонец.— Его величество король Кастилии и Леона Альфонсо Тринадцатый с прискорбием извещает ваше высочество о смерти своего августейшего отца, нашего возлюбленного государя дона Фернандо.

Филипп молча взял пакет, сломал печати, извлек письмо и бегло ознакомился с его содержанием, которое, если отбросить всю словесную шелуху, сводилось к нескольким лаконичным фразам. Филиппу, конечно, было жаль покойного короля, но нельзя сказать, что это известие слишком огорчило его. Он никогда не питал особой симпатии к Фернандо IV, а с некоторых пор перестал и уважать его.

Тем временем к Филиппу подошли отец с архиепископом. Он отдал Габриелю прочитанное письмо и сдержанно сообщил:

— Неделю назад умер король Кастилии.

Все присутствующие перекрестились.

— Это был выдающийся государь,— произнес герцог с неожиданной грустью в голосе. Он подумал о том, что покойный дон Фернандо был всего лишь на четыре года старше его.

— Да,— без особого энтузиазма кивнул Филипп.— Это большая потеря для всего христианства. Мир праху его.

— Вечный покой даруй ему, Господи,— добавил архиепископ.

— Дон Альфонсо опять вынужден воевать,— сказал Филипп.— Теперь с Португалией. Еще зимой граф Хуан отказался платить налоги в королевскую казну и не предоставил свое войско для похода против эмирата. А совсем недавно провозгласил Португалию независимым от Кастилии королевством. Себя он, понятное дело, назначил королем, правда, так и не нашел епископа, который согласился бы его короновать.

— Об этом конфликте я слышал,— сказал герцог.— Португалии не терпится последовать примеру Нормандии. Но дон Хуан не учел одного — Кастилия Фернандо Четвертого, это не Франция Филиппа-Августа Третьего. Так что же намерен предпринять новый король, Альфонсо Тринадцатый?

— Он собирается подавить мятеж, пока он не перерос в гражданскую войну и...

— И пока на сторону графа не встали иезуиты,— понял герцог.— Дон Альфонсо обратился к тебе за поддержкой?

— Самое странное, что нет. Он лишь сообщает о смерти дон-на Фернандо и о своем решении навести в Португалии порядок, а также высказывает пожелание, чтобы в случае необходимости рыцари Кантабрии немедленно собрались под знамена Леона.

— Вполне законное желание,— признал герцог.— Видно, дон Альфонсо уверен в собственных силах и не хочет вовлекать в конфликт третью сторону. Что ж, тем лучше для нас.

Филипп кивнул, хотя сам сомневался в этом.

— Король просит дать письменное распоряжение сенешалю Кантабрии вновь снарядить войско, что я сейчас и сделаю.

Герцог одобрил решение сына и вместе с архиепископом и падре Антонио поспешил встречать папского легата, кардинала Энцо Манчини, который как раз выходил из носилок.

— Любезный,— обратился Филипп к гонцу.— Когда ты будешь готов отправиться обратно?

— Уже завтра на рассвете, монсеньор. Меня предупредили, что дело не терпит отлагательства.— И перейдя на арабский язык, который Филипп выучил в Кастилии, он добавил: — У меня есть еще одно поручение, господин. Неофициальное.

— Какое?

— Письмо от известного вам лица. Король об этом ничего не знает.

Филипп настороженно огляделся вокруг себя. Отец стоял поодаль и разговаривал с папским легатом, но время от времени искоса посматривал на него. Дворяне и слуги, мигом сообразив, что речь идет о чем-то сугубо конфиденциальном,

деликатно отступили на несколько шагов. Зато Эрнан, который, проходя мимо, расслышал последние слова гонца, тотчас оказался рядом с Филиппом.

— Так, так, так! — произнес он по-арабски, и губы его растянулись в хитрой усмешке. — Тайный сговор с эмиром?

— Не паясничай, дружще! — огрызнулся Филипп, невольно краснея; он догадывался, от кого было письмо. И к гонцу: — Ну, давай, любезный!

Тот ловко извлек из-за отворота ливреи небольшой пакет, который Филипп сразу же спрятал в пышных складках своей мантии, даже не взглянув на него. Проверив на ощупь рельефные очертания печати, он убедился, что его догадка верна.

Филипп поманил к себе Габриеля и поручил его заботам гонца. Первый дворянин принца пригласил своего подопечного следовать за ним. К их компании присоединился Эрнан с явным намерением взять кастильца в оборот и выведать у него самые свежие толедские сплетни. А Филипп подошел к отцу и группе прелатов.

— Милостивые государи, — сказал он. — Прошу великодушно простить меня, но я вынужден покинуть вас — имею неотложную корреспонденцию.

— О да, конечно, — согласился герцог, отойдя с Филиппом в сторону. — Государственные дела не дают нам покоя ни днем, ни ночью... Гм. Это в равной степени относится и к делам любовным... Да что ты смущаешься, словно невинная девица! — добавил он с понимающей улыбкой. — Вот уж не думал, что знаменитого сердцеда дона Фелипе из Кантабрии так легко привести в замешательство... Ну, ладно, ступай разбирайся со своей корреспонденцией, а я тем временем немного отдохну. Когда же освободишься, непременно зайди ко мне. Есть одно дело, также не терпящее проволочек, а в следующие несколько дней нам вряд ли представится случай спокойно поговорить. Там, — герцог неопределенно махнул рукой, имея в виду город за внутренними стенами замка, — уже начались оргии. У нас вскоре будет то же самое.

— Добро, отец, — сказал Филипп. — Я постараюсь освободиться как можно быстрее.

Переодевшись, Филипп уединился в своем кабинете, первым делом распечатал второе письмо и умиленно улыбнулся, узнав почерк Норы. Однако улыбка напрочь исчезла с его лица, едва он прочел первые строки:

Любимый мой!

В эти печальные для всей нашей семьи дни, омраченные утратой царственного отца, я решила написать тебе, побуждаемая к тому тяжелыми грозowymi тучами, надвигающимися на ранее ясный и чистый небосклон нашей любви...

Сердце Филиппа екнуло и болезненно заныло. Еще ничего не зная о природе упомянутых Норой грозowych туч, он уже понял, что потерял ее так же нелепо и исключительно по своей вине, как прежде потерял Бланку...

...Король, брат мой, решил по окончании траура идти войной на графа Португальского (прости, Господи, его грешно — ведь он наш дядя!). Альфонсо уже подписал эдикт о лишении его всех титулов и владений за бунт и неповиновение королевской власти, однако он опасается, что в предстоящей войне иезуиты предоставят тайную помощь дяде Хуану, а то и открыто встанут на его сторону, спровоцировав в стране междоусобицу. Ввиду всего этого брат счел необходимым заручиться поддержкой императора Римского. Оказывается, еще при жизни, накануне твоего отъезда в Галлию, отец получил конфиденциальное послание от Августа Юлия, в котором тот сообщал, что вскоре папа Павел должен удовлетворить его ходатайство о расторжении брака с императрицей, поелику новый лекарский консилиум единодушно признал, что, подарив императору дочь, она стала бесплодной и уже не в состоянии родить ему сына. Правда, официальное решение консилиума еще не оглашено, но Август Юлий уверяет, что за этим дело не станет — вердикт окончательный и нуждается лишь в формальном утверждении со стороны святейшего отца, который обещает подписать его в середине мая вместе с актом о расторжении брака...

Дочитав до этого места, Филипп откинулся на спинку кресла и до боли закусил нижнюю губу. На лицо его набежала жгучая краска гнева и стыда. Теперь ему стало понятно, почему на прошлой неделе его гонец возвратился из Толедо без

какого бы то ни было конкретного ответа. И вовсе не потому, что Фернандо IV был при смерти.

Но ведь Альфонсо, его друг... Впрочем, нет. Прежде всего, он король Кастилии, и его первейшая обязанность — заботиться о благе своей страны. Если устроенный Фернандо IV брак Бланки с Александром Бискайским был, в сущности, капризом короля, проявлением его человеческой слабости, то решение Альфонсо XIII выдать младшую сестру за Августа XII Римского было продиктовано сугубо государственными соображениями.

С некоторых пор Италия активно стремилась к тесному политическому союзу с Кастилией, последние успехи которой в Реконките и не менее успешная внутренняя политика, направленная на централизацию и укрепление королевской власти, постепенно превращали ее в самое могущественное на западе Европы государство. С этой целью покойный император Корнелий IX выдал свою племянницу Констанцу Орсини за наследника престола Альфонсо Астурийского. С этой же целью впоследствии император Август XII возымел желание жениться на кастильской принцессе Бланке. А что касается его первого брака — с Изабеллой Французской, самой младшей из одиннадцати детей Филиппа-Августа II, то он не принес римской короне ни наследника престола, ни сколько-нибудь значительных политических дивидендов. Вскоре после смерти великого французского короля и восшествия на престол его внука Филиппа-Августа III Франция начала стремительно терять свое положение ведущей державы, чему в большой степени способствовали религиозные авантюры нового короля и бездарное правление страной в его отсутствие королевы Хуаны Португальской.

Отчаявшись извлечь из брака с Изабеллой Французской какую-либо выгоду и потеряв всяческую надежду на рождение наследника престола (а по римским законам таковым мог быть только сын), Август XII пять лет назад обратился к папе с прошением о разводе. Однако этому яростно воспротивились французские кардиналы, уязвленные в своей национальной гордости, а также сторонники Гвидо Конти, герцо-

га Неаполитанского, чей род мечтал о свержении династии Юлиев еще с незапамятных времен. Даже ближайший родственник императора, его дядя Валерий Юлий, исподтишка ставил палки в колеса племяннику, больше заботясь об интересах своего старшего сына, чем о благополучии государства и всего рода Юлиев.

Шло время, каждый следующий лекарский консилиум превращался в фарс, погрязая в бесплодных дискуссиях насчет предполагаемого бесплодия Изабеллы Французской, и уже никто всерьез не рассчитывал на благоприятный для Августа XII исход дела, как вдруг авторитетные ученые мужи совершенно неожиданно для всех пришли к единодушному согласию и признали императрицу более неспособной иметь детей. Несколько позже до Филиппа дошли слухи, что известие о браке Бланки с графом Бискайским переполнило чашу терпения молодого императора, и он оказал грубое давление на членов консилиума — как утверждали злые языки, не погнушался даже лично угрожать некоторым строптивым светилам медицинской науки физической расправой. Так оно было или нет, но Август XII торопился не зря, и если он действительно прибегнул к угрозам, то сделал это вовремя и с надлежащей решительностью.

Филипп малость посокрушался по тому поводу, что слишком медлил с женитьбой на Норе, и вместе с тем возблагодарил небеса, что к этому моменту не был помолвлен с ней официально, избежав, таким образом, еще большего унижения — публичного расторжения помолвки со стороны невесты. Его немного утешила и даже развеселила мысль о том, каково будет императору, когда он в первую брачную ночь обнаружит, что его жена, крошка Нора, уже была в употреблении и, мало того, для столь нежного возраста довольно опытна и искушена в любви.

«Вот, получай! — злорадствовал Филипп по адресу Августа XII. — Ешь не подавись!»

Из последующих строк письма явствовало, что император, пока что неофициально, попросил руки Норы и получил от Альфонсо согласие при условии, что Италия предоста-

вит Кастилии военную помощь в борьбе против Хуана Португальского. Взамен кастильский король обещал, что укрошенная Португалия станет приданным Норы, правда, с двумя существенными оговорками. Во-первых, графство будет и впредь оставаться под суверенитетом Кастилии, а во-вторых, впоследствии оно должно перейти во владение младших детей императора и Норы — наследник же римского престола не будет иметь на него никаких прав. Даже с такими оговорками Филипп нашел предложение Альфонсо весьма заманчивым для Августа XII: в последние двести лет у римских императоров постоянно болела голова, как бы пристроить своих младших отпрысков, не сильно притесняя при том прочих родственников и представителей других могущественных семей Италии.

Заканчивалось письмо Норы так:

...Предвидя вечную разлуку, я хочу еще хоть раз свидеться с тобой на прощанье, и, если ты не имеешь возможности приехать в Толедо, умоляю тебя присутствовать на торжествах в Памплоне, которые состоятся в начале сентября сего года по случаю восемнадцатилетия кузины нашей, наваррской принцессы Маргариты, и которые я посету, если будет на то воля Божья и согласие брата моего, короля.

Твоя навеки и любящая тебя,

Нора.

Филипп грустно усмехнулся.

«Что ж, Нора, прощай, — подумал он. — И прости за все. Мне жаль, что так получилось, но, видно, это судьба. Над нашей любовью с самого начала довлел рок, и может, так будет к лучшему. Ты станешь королевой Италии, я желаю тебе счастья, много детей, и пусть императорская корона утешит твою печаль. Ну, а я... Да что и говорить! Я как-нибудь проживу и без тебя, и без брачного союза с Кастилией».

С тяжелым вздохом Филипп аккуратно сложил письмо и спрятал его в шкатулку с прочей корреспонденцией, а потом еще несколько минут просидел в задумчивости, угрюмо глядя в пространство перед собой. Наконец он решительно тряхнул головой, прогоняя невеселые мысли, и вызвал секретаря.

ря. Приказав ему разыскать падре Антонио и под его руководством составить текст распоряжения на имя сенешаля Кантабрии, Филипп наскоро перекусил и, памятуя о своем обещании пораньше освободиться, поспешил к отцу.

Покои герцога находились в противоположном крыле дворца. Чтобы сократить путь, Филипп пошел через парк и на одной из аллей, в тени большого платана, неожиданно встретил Амелину. Кузина часто и прерывисто дышала после быстрого бега, щеки ее пылали густым румянцем, а распущенные длинные волосы в беспорядке разметались по ее плечам, золотыми волнами ниспадая ей на грудь и прикрывая лицо. Заметив из своего окна Филиппа, вышедшего в парк, она опрометью кинулась ему навстречу, горя желанием увидеться с ним наедине.

С детства знакомым Филиппу жестом Амелина убрала с лица волосы к правому виску и, чуть склонив набок голову, продолжала смотреть на него с любовью и обожанием. Пять лет назад она родила сына, но это нисколько не повредило ее фигуре. Будучи подростком, Амелина обещала стать ослепительной красавицей и таки превзошла все ожидания. Прелестный бутон раскрылся, превратившись в великолепную, изумительную по своей красоте душистую розу.

В Тараскон она приехала лишь вчера, поздно вечером, когда Филипп уже лег в постель, чтобы как следует выспаться перед коронацией. И если не считать мимолетного свидания рано утром и тех взглядов, которыми они обменивались в соборе и на обратном пути, это была их первая настоящая встреча после семи долгих лет разлуки...

Филипп смотрел на нее, не помня себя от восторга. Его охватывала сладкая, пьянящая истома, и он почувствовал, что давняя любовь к Амелине, которую некогда вытеснила из его сердца Луиза, возрождается в нем вновь и с новой силой.

Амелина подошла к Филиппу вплотную, положила руки ему на плечи и, запрокинув голову, потянулась губами к его губам.

«Ну, Симон, берегись!» — промелькнуло в его помрачен-

ном сознании.

Быстрые, жадные, жаркие поцелуи, слезы на глазах Амелины, которые он тут же высушивал нежными прикосновениями своих губ, слившееся воедино биение двух сердец... Все эти годы на чужбине Филиппу так недоставало ее, родной, милой сестренки, которая самозабвенно любила его, которая понимала его с полуслова. И вот она снова с ним, в ее взгляде он прочел былую любовь, умноженную на долгое ожидание, и готовность в любое мгновение отдаться ему целиком и полностью, до последней своей частички...

Вспомнив, что его ждет отец, Филипп отчаянным усилием воли заставил себя высвободиться из объятий Амелины, виновато поцеловал ее маленькую ладошку и бегом, не озираясь, бросился прочь от нее...

Глава XII

Брак — дело государственное

Они стояли перед первым из портретов, висевших в ряд на стене в личном кабинете герцога. Этот кабинет не использовался отцом в качестве рабочего, всеми текущими делами он обычно занимался в другом, более скромном и уютном, а здесь устраивал совещания с министрами, давал малые аудиенции и время от времени собирал ближайших родственников, чтобы сообща обсудить некоторые семейные проблемы.

На этот раз в кабинете было только двое — Филипп и его отец.

— Сын мой, — произнес герцог, взмахом руки указывая на портреты. — Ряд сей можно продолжить в прошлое на много-много лиц, но не пристало нам впадать в излишнюю гордыню, помещая здесь изображения всех наших августейших предков. Достаточно и одного короля — основателя мужской линии, чтобы постичь всю глубину родословной нашей, уходящей своими корнями в седую старину. — Отец остановился перед первым из портретов. — Ты, конечно, знаешь, что это Корнелий Пятый, король Италии, император Римский. Пло-

хонький он был государь, не в меру вспыльчивый и крайне легкомысленный человек. Толстяк, лакомка, сластолюбец, с детских лет он погряз в наслаждениях стола и постели. Единственное, что он умел делать, так это детей, и надо сказать, в этом деле не имел себе равных как среди христиан, так и среди мавританских, сарацинских и турецких вельмож... — Герцог перешел к следующему портрету. — Сын Корнелия, Карл, числился где-то в четвертом десятке его бастардов. Он появился на свет вследствие поездки герцогини Аквитанской в Рим погостить у своего кузена, императора, между тем как ее муж, герцог Карл Второй, воевал в Палестине за освобождение Гроба Господнего и откуда, к своему счастью, не вернулся, погиб в бою с сарацинами. По странному стечению обстоятельств, случилось это на следующий же день после того, как герцог получил письмо от своего младшего брата, в котором сообщалось, что на тринадцатом месяце его отсутствия герцогиня родила ему наследника... Гм, в свое время кое-кто усматривал между двумя этими событиями непосредственную связь... Брат покойного, герцог Людовик Третий, на беду своим потомкам, был слишком деликатный и нерешительный человек. Он не стал раздувать скандал и не требовал от короля и Сената признания Карла незаконнорожденным, а удовольствовался тем, что герцогиня-вдова от имени своего сына отказалась от претензий на герцогскую корону. Спустя шестьдесят семь лет этой юридической зацепкой воспользовался воспользовался Филипп, сын Карла, когда после смерти герцога Людовика Четвертого заявил о своих правах на Аквитанию. Разумеется, наследники покойного герцога сразу же возбудили дело о признании незаконнорожденности маркграфа Карла, но было уже поздно. Король Арманд Второй не стал вмешиваться в конфликт, а Аквитанский Сенат с распростертыми объятиями встретил своего нового правителя — Филиппа Первого... Полагаю, многие достопочтенные сенаторы, которые с ликованием приветствовали нашего предка Воителя, не были бы столь благодущны, умей они предвидеть будущее и знай, каким — скажем откровенно — негодяем будет их следующий герцог, Карл Третий...

Отец продолжал свой рассказ, переходя от одного портрета к следующему. Почти все, о чем он говорил, Филипп уже слышал прежде от других рассказчиков, причем неоднократно. Но даже ранее известное теперь виделось в новом свете — ведь ему также предстояло занять свое место в этом ряду правителей.

— Твой дед Робер, верный слуга престола Святого Петра, — произнося эти слова, герцог скептически скривил губы. — Огнем и мечом искоренял он катарскую ересь в Арагоне. Вкупе с Инморте он вел ожесточенную войну против тогдашнего регента Арагона Корнелия Юлия, который встал на защиту катаров... Инморте, — повторил герцог с ненавистью и отвращением в голосе. — За тридцать лет своего пребывания на посту гроссмейстера иезуитов он превратил орден в исчадие ада. Раньше, в начале этого и в конце прошлого столетия, рыцари Сердца Иисусова были истинными рыцарями веры Христовой. Вместе с Кастилией и Арагоном они мужественно боролись против мавров, своими собственными силами освободили от неверных крайний юго-запад Испании от Олисипо до мыса Сан-Висенте — не отрицаю, их ордену заслуженно достались эти земли под Лузитанскую область. Но с приходом к власти Инморте Лузитания стала такой же язвой на теле Испании, как и Гранадский эмират. Орден иезуитов превратился в вездесущее теократическое государство. Во всех трех областях ордена установлены драконовские порядки, введено поголовное рабство для всех плебеев и нехристиан; причем рабство не в нашем понимании этого слова, но рабство в той форме, в которой оно существовало в самые мрачные периоды истории Римской Империи и при египетских фараонах. Сколько раз я говорил отцу, что ересь катаров для Инморте только предлог, чтобы вторгнуться в Арагон и в конечном итоге завоевать его, но он не захотел прислушаться к моим словам. Да, конечно, увенчайся замысел Инморте, моего отца и папы Иннокентия успехом, нам бы достались графства Садаба, Хака, Лерида и Таррагона — но тогда на всей остальной части Арагона образовалась бы Арагонская область ордена Сердца Иисусова. Надеюсь, ты понимаешь, чем это было бы

чревато для нас?.. Можешь не отвечать, я вижу, что понимаешь. А вот твой дед не понимал этого, он был ослеплен религиозным фанатизмом, чистота веры была для него прежде всего. Он позабыл, что обязанность любого правителя — заботиться о благе своего государства, о благополучии людей, живущих на подвластных ему землях. И ничто не должно отвлекать нас, сильных мира сего, от выполнения этой миссии, возложенной на нас самим Богом, именем которого мы так часто прикрываемся, совершая неблагоприятные поступки. — Герцог говорил жестко, слова слетали с его губ, как приговор, который он выносил своему отцу. — По мне, так пусть наши церковные деятели улаживают все свои спорные вопросы на теологических семинарах и диспутах и не прибегают к военной силе, ибо оружие — плохой аргумент, в бою побеждает не тот, кто прав, а тот, кто сильнее.

Свой портрет отец прокомментировал так:

— Вот когда ты будешь рассказывать своему сыну о его предках, тогда сам и поведаешь ему, что я сделал хорошего в жизни, а в чем допустил ошибки.

Затем герцог перешел к последнему портрету.

— А это твоя мать Изабелла, — с грустью промолвил он.

Уже в который раз Филипп пристально вгляделся в округлое детское личико с невыразительными чертами. Его мать... Какой же она была в жизни — женщина, что родила его? Отец безумно любил ее, до помрачения рассудка любил. Ради нее готов был разжечь междоусобицу в королевстве, возненавидел родного сына за ее смерть, двадцать лет растратил впустую, живя одними лишь воспоминаниями о ней. Во всех без исключения балладах о родителях Филиппа непременно воспевается изумительная красота юной галльской принцессы, да и старые дворяне в один голос утверждали, что герцогиня Изабелла была блестящей красавицей. А вот на портрете она совсем неказистая. И не только на этом портрете, но и на трех остальных — в спальне отца, в столовой и в церемониальном зале — она такая же самая, ничуть не краше.

Быть может, предположил Филипп, его мать была красивой той особенной красотой, для которой художники еще не

изобрели соответствующих приемов, чтобы хоть в общих чертах передать ее мазками краски на мертвом холсте. Он уже сталкивался с подобным случаем. Как-то, без малого четыре года назад, дон Фернандо вознамерился было послать императору в подарок портрет Бланки, но ничего путного из этой затеи не вышло — все портреты были единодушно забракованы на семейном совете как в крайней степени неудачные, совершенно непохожие на оригинал. Некоторые мастера объясняли свое фиаско неусидчивостью Бланки, иные нарекали, что ее лицо слишком подвижное и нет никакой возможности уловить его постоянных черт, а знаменитый маэстро Беллини даже набрался смелости заявить королю, что с точки зрения художника его старшая дочь некрасивая. Филипп был возмущен этим заявлением не меньше, чем дон Фернандо. Уже тогда он находился во власти чар Бланки, все больше убеждаясь, что она — самая прекрасная девушка в мире, и речи маэстро показались ему кощунственными. Тогда, помнится, он взял слово и сгоряча обвинил самого выдающегося художника современности в бездарности, а все современное изобразительное искусство — в несостоятельности...

Филипп смотрел на портрет матери, а думал о Бланке. Он не мог понять, почему она отказалась стать его женой, почему отвергла план падре Антонио. Одно время Филипп пытался утешить себя тем, что Бланка просто не посмела перечить отцу, но этот аргумент не выдерживал никакой критики. Она была не из тех девушек, которые безропотно подчиняются чужой воле, пусть даже воле родителей. Добро бы у нее не было выхода — но ведь выход был! Ведь Бланка знала, что Филипп хочет жениться на ней, знала, что он просил у короля ее руки и испрашивал разрешения Святого Престола на их брак. Также она знала, что отец выдает ее за графа Бискайского отнюдь не по государственным соображениям. Падре Антонио рассказал ей обо всем, объяснил, как обстоят дела, четко обрисовал ситуацию и предложил блестящий план, который наверняка сработал бы. Но она отказалась!

Этого Филипп простить ей не мог. Он расценивал это, как предательство с ее стороны. Какими бы ни были причины

столь нелогичного поступка Бланки, бесспорно было одно: она предпочла ему графа Бискайского...

«Ну, почему? — в который уже раз мысленно спросил Филипп. — Почему ты это сделала?..»

— Ладно, — наконец отозвался герцог, нарушая молчание. — Мы отдали дань прошлому, теперь пришло время поговорить о настоящем и будущем. Присядем, Филипп.

Подстроил ли так отец с определенным умыслом, или же это получилось невзначай, но, сев в предложенное кресло, Филипп почти физически ощутил на себе взгляд своего тезки и прапрапрадеда, маркграфа Воителя. Давно почивший славный предок сурово взирал с портрета на своего здравствующего потомка и, казалось, заглядывал ему в самую глубь души, угадывая самые сокровенные его мысли...

Герцог устроился в кресле напротив Филиппа, положил локти на подлокотники и сплел перед собой пальцы рук.

— Надеюсь, сын, ты уже догадался, о чем пойдет речь. Вскоре тебе исполнится двадцать один год, ты уже взрослый человек, ты князь, суверенный государь, и в твоем возрасте, при твоём высоком положении, тебе совсем негоже быть неженатым.

Филипп кивнул:

— Полностью согласен с вами, отец. Признаться, я даже удивлен, что вы так три недели выжидали с этим разговором.

— Когда мне стало известно, — объяснил герцог, — что на следующий день после возвращения ты отправил к кастильскому королю гонца с письмом, в котором (но это лишь мои догадки, имей в виду) попросил у него руки принцессы Элеоноры, я решил обождать, пока ты не получишь ответ.

— Ага, вот оно как... — пробормотал Филипп, краснея. — Понятно...

Он умолк и в замешательстве опустил глаза. Он не знал, что ответить. Лгать не хотелось, а сказать правду... Ему было стыдно, он был ужасно зол на себя — и не только на себя. Из чувства обиды и мести он всячески оттягивал свой брак с Норой, а когда наконец решился, то получил отказ — и ни от кого иного, как от своего друга Альфонсо...

— Ты уж извини, сынок,— прервал его размышления герцог.— Я понимаю, что не вправе рассчитывать на предельную откровенность с твоей стороны. Это по моей вине в наших отношениях нет той доверительности, которая в порядке вещей во всех благополучных семьях. Я обещаю сделать все, чтобы приблизить день, когда ты, позабыв обо всех обидах, а не только простив их, примешь меня как отца, как своего искреннего друга и соратника, а не просто как человека, который породил тебя, от которого ты унаследовал свое имя и положение. Этот день, если он когда-нибудь наступит, будет самым счастливым днем в моей жизни. Я буду терпеливо ждать его, а пока... Пока Расскажи мне то, что считаешь нужным.

Филипп тихо вздохнул и произнес:

— Собственно, тут и рассказывать нечего. Если отбросить сантименты и говорить лишь по существу, то за минувшие полгода я, исключительно по своей глупости, потерял двух невест — сперва Бланку, а потом Нору.

— Ага... И за кого же выходит моя младшая кастильская племянница?

— За бывшего жениха старшей.

— За императора? Так он все же добился развода?

— Это самые свежие новости. На днях святейший отец должен расторгнуть брак Августа Юлия с Изабеллой Французской. Или уже расторгнул.

— Ясно...— С минуту герцог помолчал, затем снова заговорил: — А жаль. Я возлагал большие надежды на союз с Кастилией. Еще в отрочестве ты проявил непомерные властные амбиции, а с годами, как я подозреваю, они лишь усилились. В этом отношении ты не похож на меня. Гасконью, Каталонией и Балеарами ты явно не удовлетворишься, и я не ошибусь, предположив, что ты метишь на корону своего дяди Робера Третьего. Я от этого не в восторге, но не собираюсь отговаривать тебя или переубеждать. Для себя ты уже все решил, ты упрям, честолюбив, амбициозен, и ничто не в силах изменить твое решение. В конце концов, возможно, ты прав: Тулузцы слишком слабы, чтобы их род и дальше правил Галлией.

— Я убежден в своей правоте, отец. Для такой большой

страны нужна сильная королевская власть, иначе Галлия рано или поздно распадется на несколько крупных и десяток мелких государств. Уже сейчас ее лишь с натяжкой воспринимают как единое целое, а дальше будет еще хуже, особенно, если королева Мария все-таки родит ребенка. Пока я остаюсь наследником престола, пока жив Арманд Готийский, пока Людовик Прованский находится под королевской опекой, положение Робера Третьего более или менее прочное. Но это — шаткое равновесие, оно может нарушиться в любой момент. Менее чем через год граф Прованский станет совершеннолетним, маркиз Арманд уже стар и вряд ли долго протянет, а его внук, который корчит из себя странствующего рыцаря... — Филипп покачал головой в знак осуждения образа жизни, который вел наследник могущественного дона Арманда, маркиза Готии, графа Перигора и Руэрга. — Я познакомился с виконтом Готийским в Андалусии, где он примкнул к нашей армии во главе отряда наемников.

— И какое впечатление он на тебя произвел?

— Весьма противоречивое. Он загадочный человек, сущая серая лошадка. Никому не ведомо, что у него на уме, и я не берусь предсказывать, как он поведет себя, когда станет маркизом Готийским, — будет ли, подобно своему деду, твердым сторонником тулузской династии, поддержит ли меня, или же переметнется в стан провансцев. Что до савойцев, то с ними все ясно. Они либо примут сторону сильнейшего, либо — если увидят, что назревает грандиозная междоусобица, — быстренько выйдут из состава Галлии и попросятся под руку германского императора.

Герцог кивнул, соглашаясь с рассуждениями Филиппа.

— Наш род могуществен, он самый могущественный среди галльских родов, однако нам будет не по плечу противостоять возможному союзу Прованса, Савойи и Лангедока. Следовательно, нам нужны влиятельные союзники, чтобы по силе мы могли сравниться с объединенной мощью этой троицы.

— И тогда равновесие мигом нарушится в нашу пользу, — заметил Филипп. — Уверен, что в таком случае герцог Савойский и часть лангедокских графов переметнутся к нам.

— Вне всякого сомнения, так оно и будет. Герцог Савойи, насколько мне известно, не в восторге от человеческих качеств молодого графа Прованского, и я рассматриваю их союз лишь гипотетически, как самый неблагоприятный для нас вариант. Далее, виконт Готийский. Он и герцог Савойи — две ключевые фигуры в предстоящей игре, и от их позиции будет зависеть исход всей партии. А их позиция, в свою очередь, будет зависеть от нас, в частности от того, насколько удачно ты выберешь себе жену — предполагаемую королеву Галлии. Для этой роли как нельзя лучше подходили обе кастильские принцессы, особенно старшая, Бланка — ведь она еще и графиня Нарбоннская. Увы, не сложилось... А восемь лет назад король Арагона сделал мне весьма заманчивое предложение. Такое заманчивое, что с моей стороны было чистейшим самодурством отвергнуть его — и все же я отверг... Да ладно! Кто старое помянет, тому глаз вон.

Филиппу, конечно, было интересно, почему отец так сокрушается по поводу того, что некогда отказался принять старшую дочь Хайме III в качестве своей невестки. Однако он решил не уводить разговор в сторону и умерил свое любопытство, отложив выяснение этого вопроса до лучших времен.

— Что было, то было, отец. Коль скоро на то пошло, я тоже не безгрешен. Мой первый брак нельзя назвать удачным, и ваши упреки в тот памятный день были оскорбительны по форме, но совершенно справедливы по сути. Тогда я был безумно влюблен и поступил как обыкновенный человек, а не как государственный муж поступка. Друзья пытались образумить меня, даже Эрнан, и тот вынужден был признать... — Филипп не закончил свою мысль и махнул рукой, отгоняя от себя грустные воспоминания. — Но сейчас, — твердо продолжал он, — я намерен выбрать себе жену, исходя сугубо из государственных соображений, руководствуясь интересами всего нашего рода.

— Вот исходя из таких соображений, — с готовностью отозвался герцог, — я предлагаю на твое рассмотрение два варианта: либо брачный и политический союз с могущественным европейским государством, либо брак с богатой наследни-

цей, который позволит нашему роду стать не просто самым влиятельным, но и доминирующим во всей Галлии.

— Богатая наследница, это Маргарита Наваррская? — догадался Филипп. — Говорят, она дикая штучка.

— И очень выгодная для нас партия. Правда...

— Правда, — живо подхватил Филипп, — с добродетелью Маргариты... как бы сказать поприличнее?... словом, не все в порядке.

— Ты тоже не монах, сын мой, — парировал герцог. — Полагаю, что наследство — целое королевство, хоть и небольшое, — дает нам веские основания для снисходительности. Меня же волнует не сомнительная добродетель наваррской принцессы, а некоторые другие особенности ее характера.

— А именно?

— То, что ты сказал. Она дикая штучка.

Филипп самоуверенно усмехнулся:

— Ну, это уже моя забота. Я ей быстро когти обломаю.

— К сожалению, не так все просто. Чтобы обломать ей когти, как ты выражаешься, нужно сперва жениться на ней. А с этим как раз и может возникнуть заминка.

— Да, да, в самом деле, — произнес Филипп, ероша свои золотистые волосы. — Говорят, что Маргарита и слышать не желает ни о каком замужестве, а королю не достает решительности принудить ее к браку.

— То-то и оно. С тех пор, как умер принц Рикард и Маргарита стала наследницей престола, дон Александр почти ежемесячно получает весьма заманчивые предложения — и все их отклоняет. Сначала он поступал так по собственной инициативе, дескать, его дочь еще юна, пусть подрастет немного; а потом уже заартачилась сама Маргарита: не хочу, говорит, замуж, и хоть ей что — видать, еще не нагулялась вволю. Всякий раз, как только отец заводит с ней разговор на эту тему, она устраивает ему бурные сцены — то с криками и руганью, то со слезами — в зависимости от настроения. Когда же король пытается настоять на своем, Маргарита и вовсе выходит из себя и либо закатывает истерику, либо учиняет форменный погром, разбивая все, что подвернется ей под руку.

— М-да... Слышал я, что характер у Маргариты не ангельский.

— Можешь не сомневаться, она фурия, каких мало. В частности поэтому король и мечтает поскорее выдать ее замуж, надеясь, что тогда она остепенится.— Герцог хмыкнул.— Блажен, кто верует. Лично я полагаю, что ее только могила исправит. Маргарита пошла в свою мать не только внешностью, но и нравом — такая же неумная и сварливая, своенравная и капризная, без постоянных скандалов просто жить не может. Взять хотя бы ее последнюю выходку с Инморте.

— С Инморте? — переспросил Филипп.— А что между ними произошло?

Герцог удивленно приподнял бровь:

— Неужели ты ничего не слышал?

— Да вроде бы ничего... Нет, все-таки слышал. Говорят, в марте наваррский король крепко поссорился с гроссмейстером иезуитов... Стало быть, и здесь не обошлось без Маргариты?

— Ясное дело. В последнее время ни один громкий скандал в Наварре не обходится без участия Маргариты. А этот был особенно громким. Странно, что ты так мало слышал о нем.

— Тогда я был на войне,— коротко ответил Филипп.

— Ах да, конечно,— согласился герцог.— Как раз тогда ты воевал в Андалусии.— Вдруг он хитро прищурился и добавил: — Бои, а в часы затишья — хорошенькие мавританочки. Воистину, некогда было прислушиваться к сплетням.

Филипп покраснел.

«Вот те на! — изумленно подумал он.— Гастон-второй нашелся! Чудеса, да и только...»

— А что до скандала,— герцог вновь принял серьезный вид,— то приключился он вследствие того, что Инморте попросил у дона Александра руки принцессы. Для своего сына, разумеется.

— Ба! Для Хайме де Барейро?

— Вот именно. Гроссмейстер обратился к королю с этим нелепым предложением во время официального приема, в

присутствии многих блестящих вельмож и, что самое при-
скорбное, в присутствии Маргариты. Дон Александр, понят-
но, был возмущен...

— Еще бы! Эка честь — породниться с самим Вельзевулом.

— Не в том дело. До сих пор наваррский король лояльно
относился к иезуитам, чего я не одобряю. Однако он, как тебе
должно быть известно, человек весьма набожный и благоче-
стивый.

— Чересчур набожный,— заметил Филипп.— И до смеш-
ного благочестивый. Вот уже третий год кряду он заказывает
всем монастырям Памплоны еженедельные молебны во спа-
сение души Маргариты, а еще постоянно натравливает на нее
епископа Франциско де ла Пенью с его ханжескими пропове-
дями.

Герцог кивнул:

— Насчет молебна я того же мнения — это сверх всякой
разумной меры. По мне, уж лучше бы он употребил свое бла-
гочестивое рвение на искоренение иезуитской заразы в своей
стране. Будем надеяться, что недавний инцидент заставил его
призадуматься. Ну, в самом деле, где это видано, чтобы бра-
ка с принцессой, наследницей престола, добивался ублюдок
воинствующего монаха и какой-то неотесанной крестьянки...

— Дочери мелкого ростовщика,— внес уточнение Фи-
липп.— В Толедо говорят, что мать графа де Барейро была на-
половину еврейка, наполовину мавританка.

— Тем хуже... Нет, подумать только, граф де Барейро! В
свое время я воспринял это как пощечину, нанесенную Инно-
кентием Пятым всей европейской аристократии. Да простит
меня Господь, но, по моему убеждению, папа Инокентий был
не в себе, присваивая этому ублюдку графский титул.

— Так что было дальше?— нетерпеливо спросил Фи-
липп.— Что ответил гроссмейстеру король?

— А ничего. Он просто не успел ответить, вместо него от-
ветила Маргарита. Дон Александр собирался указать Инморте
на дверь, но принцесса опередила его.

— Представляю, что она сказала!

— Пересказывать ее слова не буду. Однако слова еще полбеды. Кроме всего прочего, Маргарита отлупила Инморте.

— Отлупила?! — рассмеялся Филипп. — Отлупила!.. О, это было незабываемое зрелище!

— Да уж, точно. Во всяком случае, Инморте надолго запомнит свое сватовство. Взбешенная Маргарита выхватила из рук графа де Сан-Себастьяна жезл верховного судьи и не в шутку, а всерьез принялась лупить им гроссмейстера.

— Ну и ну! А что же Инморте?

— Как ты понимаешь, он попал в весьма затруднительное положение. Стража и не помышляла вступаться за него, а вздумай он или его спутники применить силу против Маргариты, они были бы тут же изрублены в куски. Так что гроссмейстеру не оставалось ничего другого, как позорно бежать. И что уж самое интересное, принцесса преследовала его на всем пути от тронного зала до ближайшего выхода из дворца, гналась за ним, задрав юбки выше колен, а когда начала отставать, что было силы швырнула жезл ему в спину.

Филипп откинулся на спинку кресла и громко захохотал. Герцог подождал, пока он немного успокоится, а когда смех Филиппа перешел в тихие всхлипывания, продолжил свой рассказ:

— После этого инцидента Инморте заявил, что расценивает случившееся как оскорбление, нанесенное в его лице всему ордену, и намерен объявить Наварре войну.

— Ага! Теперь понятно, зачем ему понадобился этот спектакль со сватовством. Он хотел спровоцировать Маргариту к оскорбительной выходке, правда, недооценил ее бурного темперамента.

— Мне тоже так кажется, — сказал герцог. — Инморте можно назвать кем угодно, только не глупцом. Делая это абсурдное, смехотворное предложение, он, безусловно, рассчитывал на скандал, который даст ему повод к войне. К счастью для Наварры, папский нунций в Памплоне ни на мгновение не растерялся и решительно предостерег Инморте от объявления войны, угрожая ему санкциями со стороны Святого Престола. Гроссмейстер был вынужден подчиниться, поскольку

папа Павел не разделяет весьма благосклонного отношения своих предшественников к иезуитам и уж тем более не считает их передовым отрядом воинства Божьего на земле. Где там! По моей информации, Святой Престол очень обеспокоен стремительным ростом могущества ордена Сердца Иисусова, и папские нунции при всех европейских дворах получили тайное задание выяснить, какова будет реакция светской власти на официальное объявление иезуитов еретической сектой и наложение Интердикта* на все три области ордена — Лузитанскую, Мароканскую и Островную.

— Это будет мудрое решение,— одобрительно произнес Филипп.— Хотя и запоздалое. Теперь иезуиты большая сила, и единственно лишь Интердиктом их не устроишь.

— Поэтому святейший отец направил особые послания тем владыкам, в резко негативном отношении которых к иезуитам он ничуть не сомневается...

— И, разумеется, вы были в числе первых, кто получил такое послание.

— Естественно. Папа предложил нам воспользоваться празднествами по случаю восемнадцатилетия Маргариты Наваррской и направить в начале сентября в Памплону своих представителей, или же самим явиться туда, чтобы обсудить план совместных действий по ликвидации ордена иезуитов.

— Вот это правильно,— сказал Филипп.— Давно бы так... Но вернемся к Маргарите. Вижу, она презабавнейшая особа.

«И тебе под стать,— мысленно добавил герцог.— Два сапога пара».

— И что ты думаешь о моем предложении? — спросил он. Филипп поднял к своему лицу сжатую в кулак руку.

— При всех ее недостатках, Маргарита наследует наваррскую корону,— он выпрямил один палец.— Она знатного рода и имеет выдающихся предков,— второй палец.— Красива,— третий.— Умна,— четвертый.— Хотя и не добродетельна, но

---

*Интердикт — отлучение от церкви целой территории. В области действия Интердикта запрещены все виды богослужений, включая крещение и отпечение.

знает меру, весьма осмотрительна и, надеюсь, не будет так глупа, чтобы родить мне наследника от кого-то другого. — Филипп хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. — А что она вертихвостка и баламутка, это стерпеть можно.

— Итак, — подытожил герцог. — С одной кандидатурой мы разобрались.

— А кто вторая? Кого вы имели в виду — внучку германского императора или Анну Римскую?

— Принцессу Анну, конечно. Что касается Марии Геннегау, то я не считаю ее перспективной для нас партией. Ее дед слишком стар, а ее отца, герцога Зеландского, вряд ли изберут германским императором. По всей видимости, преемником Карла Шестого станет эрцгерцог Баварский.

— Значит, Анна Юлия, дочь Августа Двенадцатого и Изабеллы Французской, — задумчиво проговорил Филипп. — Но ведь она еще дитя.

— Не такое уж дитя. Она одного возраста с Элеонорой Кастильской, даже чуть старше. В середине лета ей исполнится четырнадцать.

— Это не имеет значения, отец. Принцесса Анна менее перспективная невеста, чем Маргарита Наваррская. Брак с ней будет лишь политическим союзом, но ни на пядь не увеличит наших владений.

— Точно так же, как и в случае с Элеонорой. Однако ты был не прочь жениться на ней. Боюсь, ты опять поддаешься эмоциям. Тебя отталкивают некоторые странности Анны, все эти сплетни о ней...

— Отнюдь, — живо возразил Филипп. — Дело вовсе не в этом. И вообще, с недавних пор я не склонен доверять сплетням. Я по своему опыту знаю, как они бывают несправедливы... Вернее, по горькому опыту Бланки — ведь ее оклеветали совершенно безосновательно.

— Даже так? — герцог посмотрел на Филиппа с таким недоверчивым видом, словно тот сообщил ему, что луна упала на землю. — Но... Впрочем, ладно, не будем уходить от темы нашего разговора. Ты сам, когда сочтешь нужным, расскажешь мне эту историю... и если сочтешь нужным. А пока вер-

немся к принцессе Анне. Почему ты считаешь политический союз с Италией малоперспективным?

Филипп понял, что отец решил устроить ему небольшую проверку на способность трезво оценивать политическую ситуацию.

— Один союз другому рознь, — уверенно заговорил он. — В случае моего брака с Бланкой или Норой Кастилия оказала бы безусловную поддержку моим притязаниям на галльский престол. Кстати, на моральную поддержку со стороны Альфонсо я могу рассчитывать и сейчас. Но Италия — совсем другое дело. Итальянцы никак не могут оправиться от сокрушительного поражения в войне с галлами двести пятьдесят лет назад и до сих пор относятся к нам с опаской. Римский Сенат неизменно блокирует любые попытки императоров вмешаться во внутренние дела Галлии, и надо сказать, не без веских на то оснований. С тех пор как Карл Великий заявил о своих претензиях на роль всемирного самодержца и наградил себя титулом императора Священной Римской Империи, Германия и Италия находятся в состоянии перманентной войны. Рим немало поспособствовал преждевременному распаду империи Карла, в результате чего возникли королевства Наварра, Арагон, Франция, Хорватия и великое герцогство Австрийское, а также доминион Галлия под римским протекторатом. Образование в начале XIII века самостоятельного Галльского королевства произошло не без содействия Германского Союза, и после этого между Италией и Германией установился довольно шаткий мир, основанный на невмешательстве как той, так и другой стороны в дела своих бывших провинций. А ежели Рим, в случае моего брака с Анной Юлией, окажет мне более осязаемую, чем просто моральную поддержку, в борьбе за галльский престол, германские князья тоже не останутся в стороне и в пику Италии поддержат Людовика Прованского. Ни Римский Сенат, ни император не пойдут на разжигание новой войны с Германией — а вдруг она закончится претворением в жизнь планов Карла Великого о создании Священной Римской Империи.

Герцог удовлетворенно кивнул:

— Ты совершенно прав, Филипп. Прости, что я подверг тебя этому маленькому испытанию, но мне хотелось выяснить, отдаешь ли ты себе отчет в том, на какую зыбку почву становишься, претендуя на галльский престол, и с какой осторожностью тебе следует выбирать союзников. Итак, решено — Маргарита Наваррская.

— Да, отец. Я женюсь на ней.

— Гм... Только не обольщайся раньше времени. Она девица очень вздорная и вполне способна отказать тебе.

— Даже несмотря на галльскую корону, которую я предложу ей вкупе со своей рукой и сердцем?

— Даже несмотря на это. Маргарита властна и честолюбива, этих качеств ей не занимать. Но ее честолюбие не безгранично, как у тебя, оно довольствуется существующими пределами маленькой Наварры. Год назад Хайме Арагонский просил руки Маргариты для своего сына, но она наотрез отказалась, хотя этот брак сулил ей не просто королевскую корону в будущем. При инфантильности принца Педро и его полном равнодушии к государственным делам, Маргарита в один прекрасный день могла бы стать единовластной правительницей Арагона. Однако ее это не прельстило.

— И каков ваш план? — спросил Филипп. — Ведь у вас есть план, не так ли?

— Да, есть. Я напишу дону Александру конфиденциальное письмо, получу от него предварительное согласие на ваш брак (а что он с радостью ухватится за наше предложение, я не сомневаюсь), и мы втайне от принцессы приступим к составлению брачного контракта — три месяца, полагаю, будет достаточно. А в сентябре, на празднествах, начнешь действовать ты. Постарайся очаровать Маргариту, влюби ее в себя. Ведь ты опытный сердцеед, многие женщины говорят, что ты просто неотразим, тут тебе и карты в руки. Будем надеяться, что ты не оплошаешь.

— Будем надеяться, отец, — улыбнулся Филипп той особенной улыбкой, какой он улыбался, предвкушая очередное любовное приключение. Но эта улыбка предназначалась во все не далекой Маргарите, а близкой и родной Амелине...

Глава XIII

Амелина

Пир по случаю коронации Филиппа, как, собственно, и все пиры, начался в торжественной и приподнятой обстановке, с напыщенными речами и изысканными здравицами в адрес нового принца Беарнского, а закончился грандиознейшей попойкой. Даже большинство женщин и почти все distinguished прелаты, кроме разве что архиепископа Марка и падре Антонио, были изрядно пьяны, не говоря уж о светских вельможах, которые, за редкостным исключением, вроде Филиппа или герцога, давно потеряли счет кубкам выпитого вина.

Всех присутствующих в определенной степени подзадоривал Эрнан де Шатофьер. Он и прежде не отличался умеренностью в еде и выпивке, еще будучи тринадцатилетним подростком мог заткнуть за пояс любого взрослого выпивоху, а по возвращении со Святой Земли и вовсе не знал себе равных. Именно с его подачи, когда веселье было в самом разгаре, речь зашла о похождениях Филиппа в Кастилии. Подавляющему большинству присутствующих эта тема пришлась по вкусу. Юные (и не очень юные) дамы строили обескураженному Филиппу глазки, а молодые (и не только молодые) господа наперебой рассказывали пикантные истории с выдуманными и, разумеется, особо интригующими подробностями, то и дело бросавшими Филиппа в краску.

В конце концов он решил не обращать внимания на эту болтовню, тем более что ему было не привыкать к подобным сплетням, и в ответ, с такой же наглой откровенностью, с какой смотрели на него некоторые дамы, принялся глазеть на Амелину. Какая все-таки красавица его кузина! Какая у нее приятная молочно-белая кожа, какие роскошные золотистые волосы, какие прекрасные голубые глаза — будто чистые лесные озера в погожий летний день... Филипп вспомнил их встречу в парке, нежные объятия, жаркие поцелуи — и его вновь охватила такая пьянящая истома, что он даже пошат-

нулся и чуть было не опрокинул свой кубок с вином.

— Ты будто бы и немного выпил,— удивленно прошептал герцог, сидевший рядом с ним во главе стола.— С чего бы...— Тут он осекся, увидев томную поволоку в глазах Амелины, и только грустно усмехнулся, вспоминая свою бурную молодость.

А Симон де Бигор, который поначалу раз за разом одергивал жену, наконец понял всю тщетность своих потуг и стал искать отраду в вине, благо Амелина не забывала следить за тем, чтобы его кубок не пустовал. Симон и оказался первым, кто напился до беспамятства. Пьянствовал он молча, лишь под конец, заплетаясь языком, грозно предупредил Амелину:

— Ты-ы... это... смо... смотри м-мне-э... бе... бе... бес-с-сты-жая...— И, как подкошенный, бухнулся ей на руки.

Двое слуг подхватили бесчувственного Симона и вынесли его из банкетного зала. Вместе с ним покинула зал и Амелина, и после ее ухода Филипп откровенно заскучал. Он чувствовал себя вконец уставшим и опустошенным и с большим нетерпением ожидал окончания пира. Однако значительная часть гостей явно собиралась развлекаться до самого рассвета, так что Филиппу, как хозяину и виновнику торжества, пришлось оставаться в зале до тех пор, пока все более или менее трезвые из присутствующих не разошлись спать. Только тогда, в сопровождении Габриеля де Шеверни, он направился в свои покои, подчистую проигнорировав весьма прозрачные намеки некоторых дам, которые были не прочь очутиться в его постели. Филиппу совсем не улыбалось провести ночь с пьяной в стельку женщиной, к тому же сейчас все его помыслы занимала Амелина, и он мог думать только о ней...

Войдя в свою спальню, Филипп с разбегу плюхнулся в кресло и вытянул ноги.

— Черт! Как я устал!..

Габриель опустил перед ним на корточки и снял с его ног башмаки.

— Пожалуй, я пойду ночевать к себе,— произнес он.— Сегодня мое присутствие в ваших покоях было бы нежелатель-

ным.

— А? — лениво зевнул Филипп. — Уже подцепил себе ба-рышню?

— Нет, монсеньор, никого я не подцепил. Напротив... Ну-ка, отклонитесь немного. — Он отстегнул золотую пряжку на правом плече Филиппа, скреплявшую его пурпурного цвета плащ.

— Ба! Как это понимать? Напротив — это значит, что тебя кто-то подцепил? А какая, собственно, разница, кто первый проявил инициативу — мужчина или женщина? По мне, все едино.

Габриель отрицательно покачал головой:

— Быть может, я неправильно выразился, монсеньор...

— Черт бы тебя побрал! — раздраженно ругнулся Филипп. — Да что ты заладил, в самом деле: монсеньор, монсеньор! Сейчас мы наедине, так что забудь про титулы. Ты не просто мой дворянин, ты мой друг — такой же, как Эрнан, Гастон и Симон. Даже если на поверку ты окажешься мужеложцем, я все равно буду считать тебя своим другом, ибо ты брат Луизы... Гм. Похоже, я шокировал тебя?

Габриель молча кивнул, расстегивая камзол Филиппа.

— Ну что ж, прошу прощения. Это мне так, к слову пришлось. Понимаешь, я терпеть не могу мужеложцев... — Он передернул плечами. — Брр... Какая мерзость! Мужчина, который пренебрегает женщинами, потому что ему больше по вкусу мужчины — ну, разве может быть что-то противоестественнее, отвратительнее?... Другое дело женщины, что любят женщин. Я их не одобряю, но и не склонен сурово осуждать. В конце концов, их можно понять — ведь так трудно не любить женщин, особенно красивых женщин. — Филипп весело взглянул на сконфуженного Габриеля. — Впрочем, ладно. Оставим эту тему, чтобы случаев не пострадала твоя добродетель. Объясни-ка лучше, что означает твое «напротив».

— Оно касается вас, — ответил Габриель.

Филипп встрепенулся, мигом позабыв об усталости.

— Меня?! Ты думаешь, Амелина придет?

— Уверен.

— Она тебе что-то сказала?

— Нет. Но она так смотрела на вас...

— Я видел, как она смотрела. — Филипп с вожделением облизнулся. — Но с чего ты взял, что она придет?

— Догадался. Она с таким рвением опаивала господина де Бигора, что на сей счет у меня не осталось ни малейших сомнений.

— Гм, похоже, ты прав, — сказал Филипп, затем, после короткой паузы, виновато произнес: — Бедный Симон!..

— Да, бедный, — согласился Габриель.

— Ты осуждаешь меня? — спросил Филипп. — Только откровенно.

Габриель помолчал, глядя на него, потом ответил:

— Не знаю. Мне не хотелось бы судить вас по моим меркам. А что касается госпожи Амелии, то... В общем, я думаю, что господин де Бигор сам виноват. Он женился на девушке, которая не любила его. Вот я возьму себе в жены только ту, которую полюблю и которая будет любить меня.

Филипп печально вздохнул, вспомнив о Луизе, сестре Габриеля, но в следующий момент оживился в предвкушении встречи с Амелиной, а на его щеках заиграл лихорадочный румянец нетерпения. С помощью Габриеля он быстро разделся, и вскоре на нем осталось лишь нижнее белье из тонкого батиста, а вся прочая одежда была аккуратно сложена на низком столике рядом с широкой кроватью.

Габриель протянул было руку, чтобы откинуть полог, но тут же убрал ее, едва лишь коснувшись пальцами шелковой ткани. Лицо его мгновенно покраснело до самых мочек ушей.

— Вам больше ничего не нужно? — спросил он.

— Все в порядке, можешь идти, — ответил Филипп. — Вижу, тебе не терпится поскорее улизнуть.

— Ну... Полагаю, госпожа Амелия не хотела бы, чтобы кто-нибудь увидел ее ночью в ваших покоях.

— Да, ты прав. В таком случае проверь, не вздумал ли какой-нибудь усердный служака встать на страже возле самого входа, а если да, то прогони его в конец коридора. За Гоше можно не беспокоиться — он вышколенный слуга, даже мне

не признается, что видел у меня женщину... Пожалуй, это все. Будь здоров.

— Доброй вам ночи,— кивнул Габриель и торопливо покинул комнату.

С минуту Филипп стоял неподвижно, уставившись взглядом в дверь, и гадал, как долго ему осталось ждать Амелину и придет ли она вообще. Вдруг за его спиной послышался весьма подозрительный шорох. Он вздрогнул, резко обернулся и увидел, что из-за полога кровати выглядывает хорошенькая девичья головка в обрамлении ясно-золотых волос. Ее большие синие глаза встретились с его глазами.

— Ну! — нетерпеливо отозвалась она.

— Амелина... — пораженно прошептал Филипп. Теперь он понял, почему так смущался Габриель — в комнате пахло женскими духами!

Амелина соскочила с кровати на устланный мягким ковром пол, подошла к обалдевшему Филиппу и взяла его за руки. У него томно заняло сердце.

— Габриель угадал...

— Я все слышала. Он будет молчать?

— Будет, не сомневайся.— Филипп смерил ее изящную фигурку быстрым взглядом: она была одета лишь в кружевную ночную рубашку, доходившую ей почти до лодыжек.— Ты что, вот так и пришла?

Амелина тихо рассмеялась.

— Конечно, нет, милый. Хотя я и сумасшедшая, но не до такой же степени! Я разделась тут, а платье спрятала за кроватью.

— Боже мой!.. Ты...

— Да,— сказала она, страстно глядя ему в глаза.— Я уже все решила. Давно решила. Я знала, что рано или поздно это произойдет. И когда мы получили известие о твоём возвращении, я чуть не потеряла голову от счастья. Я ехала в Тараскон не на твою коронацию, а чтобы увидеть тебя, чтобы... чтобы быть с тобой здесь, в твоей спальне, чтобы принадлежать тебе... Ну, почему ты не целуешь меня, Филипп? Дорогой мой, любимый...

Он рывком привлек ее к себе и покрыл ее лицо нежными поцелуями. Затем опустился на колени и обнял ее ноги.

— Амелинка, родная моя сестричка...

— Нет, Филипп, — твердо произнесла Амелина. — Я больше не хочу быть твоей сестричкой — ни родной, ни двоюродной. Я хочу быть твоей любимой.

Филипп потерся щекой о ее бедро. Сквозь тонкую ткань рубашки он чувствовал тепло живого тела — такого соблазнительного и желанного. Амелина ерошила его волосы; ему было невыразимо приятно, и он постанывал от наслаждения.

— А знаешь, милый, никто не верит, что между нами ничего не было. Даже Гастон. Когда наш лекарь сказал ему, что я еще девственница, брат долго хохотал, затем разозлился, обозвал мэтра дураком и невеждой и чуть было не прогнал его. Мне едва удалось уговорить Гастона, чтобы он изменил свое решение.

— Бедный лекарь, — с улыбкой произнес Филипп. — За правду пострадал.

— А Симон, глупенький, так и не понял, что это он сделал меня женщиной.

Филипп по-прежнему стоял на коленях и обнимал ее ноги.

— У вас есть сын, Амелинка.

— Да, есть. Жаль, что не ты его отец.

— Симон мой друг, — в отчаянии прошептал Филипп.

— А я твоя подруга, и я люблю тебя. Больше всего на свете люблю. В детстве я так мечтала стать твоей женой, да и Гастон хотел, чтобы мы поженились, и очень неохотно выдал меня за Симона.

— Но ведь ты не возражала.

— А с какой стати мне было возражать? Если бы ты знал, что я пережила, когда мне стало известно о твоей женитьбе на кузине Эрнана. Я была убита, я думала, что умру, я не хотела жить! А Симон все утешал меня... И вообще, он такой милый, такой добрый, так меня любит... — Внезапное всхлипывание оборвало ее речь. — Но ты... Ты всегда был для меня самым лучшим, самым дорогим, самым милым, самым... са-

мым... Господи! Да все эти годы я жила одной лишь мыслью о тебе...— Она всхлипнула снова.— Когда умерла твоя жена, я была беременна... Увы!.. И к счастью для Симона... Иначе я сбежала бы от него, приехала бы к тебе в Кантабрию, жила бы там с тобой, как твоя любовница, и чихала бы на все сплетни, на все, что бы обо мне ни говорили, как бы меня ни называли. Главное, что я была бы с тобой.

— Мне тебя очень не хватало, сестренка. Я часто думал о тебе, там, на чужбине...

Амелина вздрогнула всем телом. Филипп поднял голову и враз вскочил на ноги.

— Амелиночка, не надо плакать, родная моя. Все, что угодно, только не это. Или я тоже заплачу, я это умею.

Глаза его вправду увлажнились. Он взял ее руку и провел ею по своей щеке.

— Вот видишь! Не надо, прекрати, любимая.

— А ты делай что-нибудь, не стой, как вкопанный.

Филипп подхватил ее на руки и забрался вместе с ней на кровать.

— И что же теперь будет с Симоном?— спросил он то ли у нее, то ли у себя.

— Не знаю... И знать не хочу... Прости меня, Господи, грешную!— И Амелина прижалась губами к его губам в страстном поцелуе.

«Прости меня, Симон, грешного»,— напоследок подумал Филипп, со всей ясностью осознав, что уже не сможет спасти мир от появления еще одной прелюбодейки.

Да и не хочет этого.

Глава XIV

*В которой мы знакомимся
еще с двумя персонажами нашей повести,
а затем надолго прощаемся с ними*

Когда во время охоты он неожиданно упал с лошади, то считал это лишь очередным звеном в длинной цепочке досад-

ных неприятностей сегодняшнего дня — далеко не лучшего дня в его жизни. Он даже не подозревал, что именно в этот день ему улыбнулась удача, а впоследствии и вовсе позабыл об инциденте, случившемся вслед за этим и во многом предопределившим его дальнейшую жизнь... Впрочем, обо всем по порядку.

Травля оленя была в самом разгаре, поэтому неудивительно, что никто из ее участников, включая слуг, не заметил его падения. Он же не позвал на помощь, не затрубил в рог, а лежа под кустом, страстно благодарил Бога, что при таком внезапном падении не разбился, ничего не сломал, даже как следует не ушибся и лишь отделался легким испугом.

«Ну, нет! — подумал он. — На сегодня с меня хватит. Я уже сыт по горло и олениной, и всяческой дичью пернатой, и вообще этой чертовой охотой — глядишь, еще объежусь... Вернусь-ка я лучше обратно. От греха подальше...»

Окрестности были знакомы ему с детства. Кряхтя, он поднялся с травы и уверенно двинулся навстречу своей судьбе.

Небольшой замок, служивший ему охотничьей резиденцией в этих краях, находился невдалеке. Молодой вельможа шел не спеша, мурлыча себе под нос какую-то песню, по-видимому, собственного сочинения, так как время от времени он изменял в тексте отдельные слова и целые строки, недовольно морщился, если у него что-то не получалось, и удовлетворенно хмыкал, когда находил удачную метафору.

Углубленный в это занятие вельможа-поэт не смотрел, куда несут его ноги, что нередко случается с каждым из нас, когда мы идем по знакомой местности, имея вполне определенную цель и думая о каких-нибудь отвлеченных вещах. Позже он вспомнил, что по пути сделал большой крюк, но только небрежно пожал плечами: эка невидаль, всяко бывает. Ему и в голову не пришло, что может, это не случайность, не простое стечение обстоятельств, что как раз тогда, когда он приблизился к широкой трактовой дороге, рассекавшей пополам безбрежное море окружающего леса, как раз в том самом месте, прямо перед ним, раздался исполненный отчаяния крик:

— Спасите! На помощь!

Вернувшись из мира поэтических грез к суровой действительности, в которой люди страдают и умирают по-настоящему, а не понарошку, молодой вельможа поспешил на голос и вскоре увидел троих бродяг, окруживших посреди дороги одинокого всадника. Двое пытались стащить свою жертву с седла, а третий крепко держал за узду старую пегую клячу, такую жалкую с виду, что к ней никак не подходило гордое название «лошадь».

Не замедляя шаг, вельможа выхватил из ножен меч, одновременно поднес к губам мундштук охотничьего рожка и коротко протрубил в него. Резкий, пронзительный звук разнесся вокруг.

Бродяги вздрогнули и дружно повернули головы. Увидев на опушке вооруженного сеньора, они на мгновение остолбенели, а затем, не сговариваясь, бросились наутек в разные стороны.

«Труссы!» — презрительно подумал вельможа, подходя ближе к спасенному им путешественнику.

Это был седовласый старик лет шестидесяти, но еще довольно крепкий на вид и коренастого телосложения. Он был одет в поношенное крестьянское платье из грубой домотканой материи, выдавшую виды соломенную шляпу и побитые старые башмаки, которые едва держались на его ногах.

Узнав своего спасителя, старик торопливо спешил и отвесил ему низкий поклон.

— Ваша светлость!

— Кто они такие? — спросил вельможа, имея в виду сбежавших бродяг. — Ты их знаешь?

— Нет, монсеньор, не знаю. Злодеи какие-то. Много их нынче развелось. Требовали, чтобы я отдал им коня и кошелек. А у меня-то кошелька и вовсе нет. Несколько су в за подкладкой — вот и все мое богатство... Не считая лошади, конечно.

— И оружия у тебя, как вижу, нет.

— Ничегошеньки, монсеньор.

— Так какого же черта ты сунулся в лес, коли безоружный? Смерти искал?

— Никакого ни черта,— испуганно перекрестился старик.— Меня Бог ведет.

— Ба! Да что ты говоришь?! Подумать только — сам Бог... А кто ты, собственно, такой?

— Готье меня зовут, монсеньор. Я служил на конюшнях отца вашей светлости — царство ему небесное! — пока не призвал меня Господь.

— Куда призвал?

— Сперва в монастырь, а теперича вот велел отправиться в путь.

Вельможа смерил старика оценивающим взглядом.

«Сумасшедший. Определенно, у него не все дома...»

— Говоришь, Бог ведет? Так почему же он привел тебя к разбойникам?

— Но ведь и спас от них, монсеньор,— возразил ему старик.

— Верно, спас... Гм. С моей помощью.

— Ну да, монсеньор, с помощью вашей светлости. И это большая честь для меня.

— Очень интересно! — сказал вельможа. — И куда же тебя Бог ведет? — спросил он таким тоном, каким обычно спрашивают: «Куда тебя черти несут?»

— Этого я сказать не могу,— серьезно ответил старый Готье, не уловив откровенной иронии в последних словах собеседника. — Это великая тайна, монсеньор.

— Тайна? — нахмурился вельможа. — Даже для меня?

— О, монсеньор! Для меня тоже.

— Ну и делишки! А как Господь указывает тебе путь?

— В том-то и дело, монсеньор! Каждое утро, просыпаясь, я уже знаю, что буду делать днем.

— Ах, так! Чудеса, да и только! Стало быть, ты знал, что я спасу тебя?

Готье отрицательно покачал седой головой:

— Нет, монсеньор, не знал. Но Господь известил меня, что сегодня я должен заночевать в охотничьем лагере вашей светлости.

Вельможа вдруг насторожился и подозрительно поглядел на него.

— А ты случаем не хитришь, любезный?

— О нет! — с жаром запротестовал старик, открыто и просто душно глядя ему в глаза. — Как я могу лгать вашей светлости! Так мне Бог сказал, и это святая правда.

— Станный ты человек, — констатировал вельможа. — Но как бы то ни было, получишь у меня и еду, и ночлег... А Бог что, запретил тебе брать оружие?

— Нет, монсеньор, не запрещал. Но у меня ничего не было.

— Что ж, это поправимо. Раз ты служил у моего отца, то я дам тебе оружие; так у Господа будет гораздо меньше хлопот с тобой. Уж очень неблагодарное это занятие — спасать кого-то чужими руками. И не больно надежное такое покровительство, осмелюсь утверждать. Не споткнись моя лошадь на ровном месте, лежал бы ты сейчас мертвый посередине дороги... Если, конечно, Господу не вздумалось бы ради забавы сразить твоих обидчиков стрелами небесными.

Он отказался от предложенного старым Готье весьма сомнительного удовольствия прокатиться на его кляче, и оба пошли пешком. Дорогой они разговаривали о зове Божьем, который вел старика к неведомой цели. Молодой вельможа уже остерегался открыто подтрунивать над Готье — все больше и больше он убеждался, что его неожиданный спутник не в своем уме.

Глава XV

Маргарита Наваррская

— По-моему, сегодня я чертовски хороша. А, Матильда?

Слова эти, произнесенные нежным и мелодичным голосом, принадлежали очаровательной юной девушке, рассматривавшей свое отражение в большом, в человеческий рост,

зеркале с таким откровенным умилением, которому наверняка позавидовал бы сам Нарцисс. Девушка очень нравилась себе, и в этом не было ничего удивительного, поскольку нравилась она всем без исключения, особенно мужчинам. Высокая стройная блондинка с приятными, безукоризненно правильными чертами лица, бархатистой матово-бледной кожей и большими голубыми глазами, она была живым воплощением классического идеала женской красоты. Она была красавицей без каких-либо «но» и «вот только», даже в простом крестьянском платье она смотрелась бы не менее привлекательно, чем в своем богатом наряде с множеством дорогих украшений. Все эти шелка, лучшие сорта бархата и парчи, тончайшие кружева, золото и драгоценные камни не выдерживали никакого сравнения с сиянием ее глаз, блеском роскошных волос, нежной белизной ее кожи, страстным огнем ее чувственных губ. И хотя девушка была принцессой, и ей еще не исполнилось восемнадцати лет, немало мужчин не понаслышке знали, какие душистые у нее волосы, как сладки ее коралловые губы, как нежна на ощупь ее кожа, каким томным бывает ее взгляд — ибо принцесса эта была Маргарита Наваррская, дочь короля Александра X.

Маргарита уже оделась, прихорошилась, отпустила всех своих дам и горничных и теперь просто вертелась перед зеркалом, любуясь собой и восхищаясь своим великолепным нарядом. Обращалась она к единственному, кроме нее самой, живому существу в комнате. То была скорее подруга, чем фрейлина принцессы.

Невысокая черноволосая и черноглазая девушка лет пятнадцати, чья кроткая красота терялась в ярких лучах ослепительной красоты Маргариты, восторженно встрепенулась и перевела свой мечтательный взгляд на принцессу.

— Простите, сударыня. Вы что-то сказали?

— Да, Матильда. Мне стало интересно, что же такого особенного ты увидела в окне?

Девушка, которую звали Матильда, смущенно опустила глаза.

— Ничего, сударыня. Ничего особенного. Просто я задума-

лась.

— О чем?

— О чем? — растерянно повторила Матильда. — Не знаю, сударыня. Будто бы и думала и чем-то, но уже не могу вспомнить, о чем.

Маргарита кивнула:

— Порой так бывает. Это в порядке вещей, особенно в твоём возрасте. Однако ты слишком уж часто уносишься в заоблачные дали, — добавила она с легким упреком, — и совсем не слышишь, что я тебе говорю.

— Мне очень жаль, сударыня, — виновато произнесла девушка. — Извините. Верно, вы что-то сказали, а я не расслышала?

— Я спросила, как я выгляжу. Хороша ли я сегодня?

— Вы прекрасны, как всегда, сударыня, — искренне ответила Матильда. — Просто заглядень!

— Но-но, дорогуша! — игриво погрозила ей пальцем Маргарита. — Ты не шибко заглядывайся. В твоём возрасте пора начинать присматриваться к парням... — Вдруг она помрачнела, отошла от зеркала и опустилась в кресло. — Только было бы к кому присматриваться. Все мужчины такие негодяи!

За три года службы у принцессы Матильда, девушка умная и смышленная, довольно хорошо изучила ее нрав, и эти симптомы были ей знакомы. Она присела рядом с Маргаритой и участливо спросила:

— Вы поссорились с господином Раулем?

Маргарита негодуяще фыркнула:

— Да кто он такой, чтобы я с ним ссорилась! Он просто впал в немилость, и сегодня утром я велела ему убираться прочь. В последнее время он обнаглел сверх всякой меры, вообразил себя властелином моего сердца, вздумал указывать мне, что я должна делать. Возомнил о себе невесть что лишь на том основании, что спит со мной... Вернее, спал. Сегодня я приказала вышвырнуть его из дворца, пусть он отправляется в свое имение и там..... — Маргарита сказала, что, по ее мнению, должен делать г-н Рауль в своем имении, но из деликатности мы заменили ее слова многоточием.

Стыдливая Матильда в отчаянии возвела горé очи, однако промолчала. А Маргарита, тяжело вздохнув, продолжала:

— Да и я хороша, раз позволила этому самодовольному ничтожеству вскружить мне голову. Поделом мне! А ведь сначала он был так мил со мной, так обходителен, такой очаровашка... Ах, золотко! Все мужчины такие подлые создания, просто жуть берет. Для них не существует бескорыстной любви, во всем они ищут для себя выгоду. Если кто-то нравится мне, меня мало трогает, какое положение он занимает. Мне нужна только его любовь. Взамен я дарю ему свою — но ему этого оказывается мало. Почему такая несправедливость?

— Может быть, потому что вы принцесса?

— Да, я принцесса. Но ведь я также и женщина. Мне не улыбается властвовать в постели, я хочу отдаваться. А тупицы-мужчины понимают это так, будто я принадлежу им целиком, душой и телом. Поначалу их, конечно, сдерживает, что на людях я отношусь к ним, как принцесса к своим подданным. Но проходит совсем немного времени, и всякий, со свойственным мужчинам тщеславием, вбивает себе в голову, что мое превосходство над ним лишь показное, что на самом деле ему достаточно прикрикнуть на меня, и я враз подчинюсь его воле.

— Неужели они все такие? — спросила Матильда, устремив на принцессу задумчивый взгляд своих красивых черных глаз.

— Нет, не все. Кроме этих наглых, эгоистичных, самовлюбленных негодяев, есть еще сумасброды, вроде кузена Иверо. Рикард весь пошел в отца — тот некогда похитил у императора дочь и женился на ней, а теперь его сынок мечтает провернуть нечто подобное со мной. Можно не сомневаться, что случись это, мой папочка, в отличие от покойного Корнелия Юлия, был бы только рад и с превеликим удовольствием назвал бы Рикарда своим сыном.

— Господин Рикард любит вас.

— Не спорю. Если кто-то и любит меня бескорыстно, так это Рикард. В сущности, он хороший человек. Я не верю ни единому слову из того, что говорит мне о нем Жоанна.

— Да, да,— сказала Матильда.— Я тоже заметила, что госпожа Жоанна не очень высокого мнения о господине Рикарде. Она плохо думает о нем.

— Глупости! — отмахнулась Маргарита.— Она говорит о нем всякие гадости, это верно. На самом же деле он ей нравится, и она хочет выйти за него замуж, поэтому для подстраховки старается очернить его в моих глазах — чтобы я случайно не покусилась на него. Но меня не проведешь. Я знаю, что Рикарду плевать на корону, ему нужна только я.

— Так почему же вы...

— И ты туда же! — возмущенно перебила Матильду принцесса.— Вы что, уже спелись с Еленой? Она, сводница такая, все уши мне прожужжала, рассказывая, как страдает ее милый братец, как он сохнет по мне. Что, мол, мешает мне утешить его? А сама бережет свою невинность для первой брачной ночи, чтобы похвастаться перед мужем: вот видишь, какая я порядочная и неиспорченная, не поддаюсь губительному влиянию кузины-развратницы... Тьфу на нее!

— Боюсь, сударыня,— не унималась Матильда,— вы превратно истолковали мои слова. Я вовсе не предлагаю вам взять господина Рикарда в любовники. Я только хотела спросить, почему бы вам не выйти за него замуж.

— Нет-нет, я правильно тебя поняла. И ты, и Елена, и дядюшка Клавдий, и мой дражайший отец — все вы предлагаете мне одно и то же, только в разной форме. Ну, нетушки, ничего у вас не получится! Утешить его я, конечно, утешу, и очень скоро, может быть, на днях... А может и нет. Чесно говоря, я боюсь приближать его к себе, у него с головой не все в порядке. Пока мы с ним просто друзья, он держит себя в рамках приличия, но когда наша дружба перерастет в нечто большее... Эх, помани мое слово, Матильда, я еще горько пожалею об этом.

Девушка растерянно покачала головой:

— Простите, сударыня, но я не понимаю вас.

— Поймешь, когда мы с Рикардом разойдемся.

— А почему вы должны разойтись?

— Какая же ты неугомонная! — несколько раздраженно произнесла Маргарита.— Ну, как ты не можешь понять, что

на одном Рикарде свет для меня клином не сошелся. Кроме него, есть еще много интересных мужчин.

— Ах, сударыня! — воскликнула Матильда, всплеснув руками. — Подумайте, наконец, о своей бессмертной душе!

— Ой! — Маргарита подскочила, как ужаленная. — Снова за свое?

Матильда потупилась.

— Прошу прощения, сударыня, я не нарочно. Я просто подумала, что с каждым днем вы все глубже погружаетесь в пороке, и...

— Замолчи! Я ведь запретила тебе читать мне нотации. А ты злоупотребляешь моей благосклонностью.

— О нет, сударыня, я и не думала злоупотреблять вашей добротой ко мне. Просто вчера монсеньор Франсуа...

— Франциско, Матильда. Когда уже ты научишься правильно говорить? Твое блуаское произношение порой раздражает меня... Так ты вчера снова была на исповеди у нашего драгоценнейшего епископа?

— Да, сударыня, была.

— И, разумеется, вы опять обсуждали мое поведение?

— Ну, да. Монсеньор Франциско сказал, что если я люблю вас, то должна заботиться о спасении вашей души. Он рассказывал, как страдают в аду блудницы... — Матильду передернуло. — Это ужасно, сударыня! Мне страшно подумать, что рано или поздно вас постигнет кара Божья.

Маргарита досадливо поморщилась.

— Хватит, золотко, — ласково промолвила она. — Моя душа принадлежит мне, и я как-нибудь сама позабочусь о ее спасении. Ну а что до монсеньора епископа, то отныне я запрещаю тебе ходить к нему на исповедь. Ка-те-го-ри-чес-ки.

— А как же...

— Я попрошу Бланку, чтобы она рекомендовала тебя своему духовнику, падре Эстебану. Он тоже изрядный ханжа, но человек весьма порядочный и тактичный. Ясно?

— Умгу...

— Это мой приказ, Матильда. Я не хочу, чтобы ты стала истеричкой по милости этого бешеного пса в епископской ман-

тии...

— Сударыня! — Матильда испуганно перекрестилась. — Как вы можете говорить так о его преосвященстве?!

— А так, просто. Могу и все. *Его преосвященство* поступает с тобой непорядочно. Он попросту использует тебя. Использует по просьбе моего отца, кстати, — чтобы через тебя влиять на меня. Думаешь, это за твои красивые глазки наш епископ вызвался стать твоим духовником, духовником простой фрейлины? Отнюдь! Это он сделал по наущению папеньки. Вот скажи: много вы с ним говорите о тебе самой?

— Нет, не очень много.

— А большей частью обо мне, верно?

— Верно. Монсеньор Франциско говорит, что я совершаю мало грехов; однако грешить можно не только поступками, но и бездействием. И самый большой мой грех — это то, что я не прилагаю всех усилий, чтобы помочь вам встать на праведный...

— Все, хватит! — решительно оборвала ее Маргарита. — Тема исчерпана. При следующей встрече передай монсеньору епископу, что о своих грехах я буду говорить с ним сама, а ты впредь будешь обсуждать свои прегрешения с преподобным Эстебаном. Понятно?

— Да. Только...

— Что еще?

— Я вот вспомнила, что вы давеча сказали о госпоже Елене. Вы назвали ее сводницей.

— Так оно и есть.

— Вы ошибаетесь, сударыня. По мне, госпожа Елена очень воспитанная и порядочная барышня. Она тактична, внимательна к другим, такая жизнерадостная и остроумная. Коль скоро на то пошло, я бы хотела быть похожей либо на нее, либо на госпожу Бланку.

— А на меня? — с лукавой усмешкой спросила Маргарита.

Матильда в замешательстве опустила глаза и виновато пробормотала:

— Я очень люблю вас, сударыня. Поверьте. Больше всех других я люблю вас и моего братика...

— Но быть похожей на меня не хочешь,— закончила ее мысль принцесса.— И правильно делаешь. Я, кстати, тоже не хочу, чтобы ты походила на меня. Ты только посмотри на тех фрейлин, которые во всем подражают мне. Жалкое зрелище! Если меня называют ветреной и легкомысленной и лишь слегка журят за мое поведение, то их сурово осуждают. В глазах света они потаскушки, ибо между мной и ими существует большая разница — я принцесса, наследница престола, женщина ни от кого не зависимая, а они девицы на выданье с изрядно подмоченной репутацией. Но также я не хочу, чтобы ты походила на кузину Елену, эту притворялю и лицемерку, которая только изображает из себя порядочную барышню. Девственница — а в мыслях еще более развратна, чем я; вот такая Елена на самом деле. Она с вожделением смотрит на любого симпатичного парня, даже на своего брата... и, кстати, на него особенно. Уж лучше бери пример с Бланки. Вот она действительно порядочная женщина, почти ангел.

— О да, сударыня,— с готовностью кивнула Матильда.— Я очень люблю госпожу Бланку... Конечно, после вас и моего братика,— последние два слова она произнесла с тоской в голосе.

— Все скучаешь по нему?

— А как же мне не скучать? Скоро будет три года, как мы не виделись, а у него все не получается навестить меня.

— Наверное, он уже позабыл тебя,— высказала свое дежурное предположение Маргарита, и, как всегда, Матильда обиделась.

— Вы ошибаетесь, сударыня, этого быть не может. Вы просто не знаете Этьена, он совсем не такой, он хороший. Этьен очень хочет навестить меня, но у него никак не получается. Учтите, сударыня, он только на год старше меня, а ему приходится управлять всем нашим имением. Правда, оно небольшое, но после отца осталось столько долгов...

Эта песенка о долгах уже порядком набила Маргарите оскомину. В припадке великодушия она предложила:

— А хочешь, я оплачу все ваши долги?

— Вы?— изумленно переспросила Матильда.— Вы опла-

тите?

— А почему бы и нет? Считай это вознаграждением за три года безупречной службы. Но только при одном условии: Этьен должен немедленно приехать в Памплону и погостить здесь самое меньшее месяц. У меня больше нет сил терпеть твои приступы меланхолии. Согласна?

— Ах, сударыня, вы так добры ко мне! Даже не знаю, как благодарить вас...

— Ты довольна?

— Не то слово, сударыня. Я так... так рада, что скоро увижу Этьена. Ведь я очень по нему соскучилась, я очень его люблю. Если бы вы знали, как я его люблю!

Страстность в голосе Матильды не на шутку встревожила Маргариту.

— Умерь-ка свой пыл, дорогуша! — предупредила она. — Смотри не переусердствуй в своей сестринской любви, иначе пойдешь по стопам Жоанны... — Тут принцесса испуганно ойкнула и машинально зажала рукой рот, видимо, забыв, что сказанного назад не вернешь, и этим только выдала себя.

Матильда вздрогнула и посмотрела на нее с опаской и недоверием. Розовый румянец мигом сбежал с ее щек.

— То, что вы сказали, сударыня, — дрожащим голосом произнесла она, — это правда?

— Ну... в общем... — растерянно пробормотала Маргарита, в мыслях ругая себя за несдержанность. — Боюсь, золотко, ты неверно поняла меня. Жоанна впрямь любит Александра, любит не как брата, а как мужчину. Но она понимает, что это чувство греховное, и находит в себе силы противостоять соблазну.

Однако Матильда не удовольствовалась таким объяснением и отрицательно покачала головой.

— Вы врете, сударыня, — напрямик заявила она. — Будь это так, вы бы не зажимали себе рот. Ведь сколько раз вы говорили, что госпожа Елена влюблена в господина Рикарда, но никогда не зажимали потом рот... Почему вы пытаетесь обмануть меня? Я же не глупенькая и все равно не поверю.

Не выдержав ее взгляда, Маргарита со вздохом опустила глаза.

— Да уж, — сокрушенно произнесла она. — Ты не глупенькая, это точно. Ты наивна, но не глупа. Это я дура, что растерялась. Мне следовало сразу исправиться — а теперь уже поздно.

— Господи милосердный! — воскликнула Матильда. — Ее же черти в аду будут мучить!

Маргарита поднялась с кресла, подошла к ней и обняла ее за плечи.

— Ну вот, опять за чертей. После душеспасительных бесед с монсеньором Франциско тебе всюду черти мерещатся... Успокойся, не принимай это близко к сердцу. До ада Жоанне еще далеко, а что касается Александра, то ему и без того давно уготовано местечко в самом мрачном углу преисподней. Скорее, им угрожает ад на этом свете, если их проступок получит огласку. Ты будешь молчать?

— Я буду... Обещаю вам... — Матильда зябко поежилась. — Это ужасно! Неужели госпожа Жоанна не понимает, какой это большой грех?

— Прекрасно понимает, можешь не сомневаться. И сейчас Жоанна кается, что совершила его, вот почему она стала такой набожной. К ее чести надо сказать, что ее раскаяние вызвано осознанием своей вины, а не тем, что Бланка разоблачила ее связь с братом — это случилось гораздо позже. Так что молись лучше за спасение этих грешных душ, а не моей.

— Я буду молиться... за госпожу Жоанну.

— А за Александра?

— Нет, не буду. Не хочу. Он злой человек, сударыня.

Маргарита промолчала и еще больше нахмурилась. В том, что граф Бискайский стал отпетым негодяем, отчасти был виновен ее отец. Порой, думая об этом, она испытывала что-то вроде угрызений совести: ведь если бы не злая воля их деда, короля Рикарда, наваррская корона принадлежала бы Александру. Осознание этого неприятного факта заставляло Маргариту еще сильнее ненавидеть кузена.

— Ладно, — отозвалась она, нарушая тягостное молчание. — Мне пора к отцу. Не стоит испытывать его терпение.

Мне передали, что он очень возбужден; видно, опять строит планы насчет моего замужества...— Маргарита вздохнула.— А ты, Матильда, оставайся здесь. Когда явится Бланка, скажи пусть подождет — я только отошью очередного претендента и сразу вернусь.

Глава XVI

Король и его дочь

Дон Александр, десятый по счету король Наварры, носивший это имя, устремил на свою дочь утомленный, исполненный мольбы взгляд, подобно тому, как многолетний узник смотрит на опостылевшего ему надзирателя.

— Сударыня, возлюбленная дочь моя, — отрешенно заговорил король, стоя перед Маргаритой посреди просторного кабинета. — Я пригласил вас к себе для весьма серьезного разговора. Через три месяца вам исполнится восемнадцать лет. Вы уже взрослая, вы — наследница престола, посему должны с надлежащей ответственностью...

— Ой, прекрати, папочка! — громко фыркнув, перебила его Маргарита. — К чему такие напыщенные речи, что за муха тебя укусила? Небось, опять получил от кого-то заманчивое предложение и с новой силой загорелся желанием выдать меня замуж?

Дон Александр в замешательстве опустил глаза. Он не просто любил свою дочь, он обожал и боготворил ее — единственную оставшуюся в живых из троих его детей. После смерти младшего сына король души в ней не чаял, так панически боялся потерять и ее, что впоследствии этот страх перед возможной утратой перерос в страх перед самой Маргаритой. Никогда и ни в чем он не мог перечить ей — будь то какие-либо серьезные желания, или же детские, порой бессмысленные капризы.

— Но, доченька, — ласково и нерешительно промолвил дон Александр. — Это действительно необходимо. Я уже стар, и смерть моя не за горами, а Наварре нужен будет король.

— Отец! — искренне возмутилась принцесса. — Что вы говорите?! Ужель вы сомневаетесь в моих способностях как государственного мужа... то бишь, государственной жены? Жены мудрой, справедливой и твердой в решениях — как говаривал некогда Гораций о вас, мужчинах.

Поскольку отец забыл пригласить ее сесть, она пригласила себя сама. Король в задумчивости продолжал стоять.

— Лично я, сударыня, ничуть не сомневаюсь в ваших способностях, — ответил он. — Но сейчас речь идет о другом. Как моя единственная дочь, вы, разумеется, унаследуете всю полноту королевской власти в Наварре, однако пора уже подумать и о продолжении рода нашего. Муж вам необходим хотя бы для того, чтобы в законном браке с ним вы родили наследника престола.

— Как ты наивен, папочка! — насмешливо произнесла Маргарита. — Неужели ты всерьез полагаешь, что зачатие происходит лишь с благословения церкви?

— Ой, доченька! — укоризненно покачал головой дон Александр. — Как ты можешь...

— Могу, и запросто. Если тебе не терпится заиметь внука, так прямо и скажи. Я перестану осторожничать, и надеюсь, через год-полтора ты уже будешь дедушкой.

— Не сыпь мне соль на раны, бесстыжая! — в отчаянии простонал король. — И в кого ты только пошла, такая вертихвостка?

— В мою матушку, в кого же еще. Ведь не зря говорят, что я пошла в нее всем — и внешностью, и характером. Правда, она умела сдерживать себя, скрывать свои недостатки. Насколько мне известно, она, не в пример мне, была непревзойденной мастерицей по части лицемерия, так виртуозно изображала из себя степенную даму, что нередко и тебя вводила в заблуждение.

— Да как ты смеешь! — вскипел король.

— А вот и смею. Или, быть может, ты станешь оспаривать тот факт, что в свое время ревновал ее к дядюшке Клавдию? И не без веских оснований, полагаю...

— Замолчи, Маргарита! — прорычал король, багровый от

стыда и негодования.— Немедленно замолчи! Не смей очернять память своей матери.

— Ты сам напросился, отец. Мог бы обойтись и без нравоучений. С меня достаточно Матильды де Монтини, которая чуть ли не каждый день читает мне нотации. Кстати, про Матильду. Ваш монсеньор Франциско де ла Пенья, чтоб он сдох... то бишь, скорее бы его назначили кардиналом и забрали отсюда к чертовой матери... прошу прощения, в римскую курию...

— Маргарита!..

— Я еще не кончила, государь. Милый вашему сердцу епископ не на шутку взялся преследовать Матильду, и подозреваю, не без вашего на то согласия. Отныне я строго-настрого запретила ей исповедоваться у него... На том основании, разумеется, что это слишком большая честь для простой фрейлины.— Маргарита криво усмехнулась.— Передайте его преосвященству, что я очень ценю его время. Так ценю, что если он снова вздумает приставать к Матильде, я сама выбью эту глупую мысль из его плешивой башки.

— Не богохульствуй, дочка!— перекрестился король.

— Э нет, государь, погодите. Еще неизвестно, кто из нас богохульствует. Как прикажете понимать заказанные вами молебны, над которыми смеется вся Наварра? Говорят, даже монахи-августинцы не могли поначалу удержаться от хохота, молясь за спасение моей души. И, к вашему сведению, смеются-то главным образом не над самым молебном, но над вами и надо мной. Не говоря уж о том, что вы выставяете на посмешище себя и меня, вы также вводите в искушение ни в чем не повинных людей, невольно принуждая их смеяться над святым таинством молитвы... В общем так, папуля. Если ты сию минуту не прекратишь читать мне мораль, я сейчас же встану и уйду.

Глаза короля вдруг налились кровью.

— И никуда ты не уйдешь!— с неожиданной твердостью произнес он, взяв со стола какой-то свиток.— Ты останешься здесь ровно настолько, сколько мне потребуется, чтобы поговорить с тобой о твоём предстоящем браке.

— Нет,— покачала головой Маргарита, внутренне холодея от дурных предчувствий. Только теперь она заметила, что ее отец был, что называется, под градусом — не то, чтобы пьян, но и не совсем трезв; очевидно, перед приходом дочери он опрокинул кубок-другой для храбрости.— Нет! — повторила принцесса со всей решительностью, на которую в данный момент была способна.— Об этом и речи быть не может.

— Может! — властно ответил дон Александр, направляясь к ней.— Может и должно! Трепещи же теперь, беспутница, терпение мое лопнуло! Хватит мне потакать твоим капризам! В конце концов, я король, твой государь и отец, и ты обязана подчиниться моей воле — как моя дочь и моя подданная.

— Ой, как страшно! — насмешливо произнесла Маргарита, но в голосе ее слышалась дрожь. Ей в самом деле было страшно: таким тоном, властным и непреклонным, отец не разговаривал с ней еще никогда. Впрочем, никогда раньше он не вел серьезных разговоров на подпитии, он вообще редко пил, и, видимо, с непривычки хмель сильно ударил ему в голову.

— Я долго терпел твои выходки,— между тем продолжал король.— Я всячески ублажал тебя, ни в чем тебе не перечил, надеялся, что, повзрослев, ты образумишься. Но мои надежды оказались напрасными. Ты так и не поумнела, ты осталась такой же легкомысленной, как и пять лет назад. Ты не желаешь заботиться о себе и о своих будущих детях, о благе всей нашей страны, тебе чужды государственные интересы, у тебя есть лишь один интерес — ты сама, да и то ты не думаешь о грядущем, но только о сегодняшнем дне.

— Ты ошибаешься, отец,— робко возразила Маргарита.

— Это уже не важно. Может быть, я в чем-то и ошибаюсь, но факт остается фактом: по твоей вине, из-за твоего глупого упрямства мы упустили несколько выгодных политических союзов. Ты уже отвергла предложения Рикарда Иверо, Педро Арагонского, Педро Оски, Тибальда Шампанского, Гийома Бретонского, Карла Бургундского и многих других весьма достойных претендентов. Ладно, забудем про них. Но следующего жениха я не упущу. Нетушки! — С этими словами он помахал перед лицом дочери свитком, который держал в ру-

ке.— Знаешь ли ты, что это такое? Это письмо от герцога Аквитанского, он хочет женить на тебе своего младшего сына, Красавчика. И я согласен, без всяких оговорок согласен. Брачный союз Наварры с Гасконью позволит тебе и молодому Филиппу Аквитанскому претендовать на галльский престол, вот так-то! Герцог не настаивает на немедленном ответе, он вообще просил ничего не говорить тебе, пока к нам на празднества не приедет его сынок-сердцеед и не окрутит тебя, но у меня на сей счет другие планы. Я уже все решил. Красавчик придет на празднества не окручивать тебя, а жениться на тебе. Такова моя королевская воля!

Маргарита глубже вжалась в кресло и захныкала.

— Какой ты жестокий, папочка! — тоном обиженного ребенка произнесла она, как всегда, когда отец пытался навязать ей свою волю; прежде этот прием срабатывал безотказно.— Какой ты бессердечный, безжалостный...

Король злорадно ухмыльнулся:

— Ну нет, доченька, теперь этот номер у тебя не пройдет. Я хотел с тобой по-хорошему, но ты оказалась вздорной, упрямой, эгоистичной девчонкой... Весьма сожалею, дорогая, у меня просто нет иного выхода, кроме как заставить тебя повиноваться. Когда-нибудь ты еще поблаговаришь меня за это.

— Ну, папочка! — взмолилась Маргарита, готовая вот-вот разрыдаться.— Прошу тебя, не надо. Очень тебя прошу...

Но дон Александр был непреклонен:

— Надо, дочка, надо. Так я решил, и так оно будет. Четвертого сентября, накануне праздничного турнира, состоится твоё венчание с Филиппом Аквитанским, так что через три месяца мы будем праздновать не только твоё восемнадцатилетие, но и твою свадьбу.

— Но па...

— Через три месяца, — продолжал король, не обращая внимания на протесты дочери, — ты уже будешь замужней женщиной. Однако я не намерен выжидать еще три месяца, я и так уже много ждал и терпел. Посему я решил сейчас же, тут же обручить тебя с Филиппом Аквитанским.

— Ах, папочка! Ну не...

— Прошу тебя, дорогая, перестань хныкать и утри слезы. С минуты на минуту сюда явятся члены Государственного Совета, которым я объявлю о своем решении. И если ты вздумаешь возражать, — тон короля сделался угрожающим, — если ты воспротивишься моей воле, то даю тебе слово, что я...

Его угроза так и осталась недосказанной. В этот самый момент стекло в одном из окон кабинета со страшным грохотом разлетелось вдребезги, черная с белым оперением стрела, точно молния, пролетела в нескольких дюймах над головой короля и с натужным стоном вонзилась в противоположную стену. Дон Александр громко охнул, схватился за сердце и, как подкошенный, рухнул на пол.

— Отец! — испуганно вскрикнула Маргарита и кинулась к нему.

Глава XVII

*В которой мы снова встречаемся
с Бланкой Кастильской*

Будучи глубоко набожной, Бланка, тем не менее, регулярно пропускала утренние богослужения, так как любила поспать допоздна. Затем она подолгу нежилась в большой лохани с теплой водой, прогоняя остатки сна, а первым ее выходом в свет было посещение дневной службы. По пути Бланка заглядывала к Маргарите, и ежели та была в хорошем расположении духа (или наоборот — в очень дурном), то в церковь они шли вместе.

Однако в тот день ее обычный распорядок был нарушен. Известие о происшедшем в королевском кабинете инциденте застало Бланку еще лежавшей в постели, но уже не спавшей. Скомкав ритуал утреннего омовения до банального мытья, она наскоро перекусила, оделась и поспешила в покои Маргариты, где ее наваррская кухня как раз предавалась одному из своих любимых занятий — устраивала разгон фрейлинам и горничным, вымещая на них всю свою злость и досаду.

С появлением Бланки Маргарита наконец уgomонилась и

велела всем присутствующим, кроме Матильды де Монтини, убираться прочь. Когда дверь за последней из уходящих фрейлин закрылась, Бланка взволнованно спросила:

— Что случилось, кухня?

— Да ничего особенного, — сухо ответила Маргарита. — Какой-то полоумный пробрался на дворцовую площадь, вообразил, что это стрельбище, и принялся палить по окнам из арбалета. Его тут же схватили.

— А что с дядей?

— С ним все в порядке. Он отделался легким испугом.

— Правда? — облегченно вздохнула Бланка. — А мне говорили, что у него сердце...

— Глупости все! Он просто притворялся... Хотя сначала, может, и нет, у меня самой душа в пятки ушла, когда раздался грохот разбитого стекла, но потом он точно притворялся. «Ах, доченька, близится мой смертный час. Будь умницей, будь послушной, не огорчай больного старика...» Тьфу! А как только я дала ему слово, что к Рождеству выйду замуж, то он сразу воспрянул духом: «Милое дитя! Ты возвращаешь меня к жизни...» Нет, это надо же быть таким лицемером! Как глупо я выглядела, когда обливалась слезами, умоляла его не покидать меня, обещала сделать все, что он хочет, только бы он не умирал... — Она гневно топнула ножкой. — Попалась! Как малое дитя попалась! Папуля все-таки исхитрился заставить меня выйти замуж.

— За кого?

— Этого мы не уточняли. Хоть одно хорошо: отец оставил за мной право выбора из числа одобренных им кандидатур.

— И ты сдержишь свое обещание?

— А как иначе? Ведь я дала слово, к тому же... — Тут Маргарита слегка поежилась. — В конце концов, все обернулось не так уж и плохо. Могло быть гораздо хуже. Это свихнувшийся стрелок подвернулся очень кстати. Он спас меня от публичного унижения.

— Какого?

Маргарита вздохнула.

— Сегодня я чуть не доигралась. Отец получил такое заманчивое предложение, что едва не набрался решимости силой выдать меня замуж. Он даже назначил дату бракосочетания — четвертое сентября.

— И кто жених? Я его знаю?

— Еще бы не знать. Это Красавчик.

— Филипп Аквитанский? — переспросила кастильская принцесса, невольно краснея.

— Вот именно. Ваш дон Фелипе из Кантабрии. Видно, он уже нагулялся и решил обзавестись семьей. А заодно присоединить Наварру к Гаскони и с нашей помощью отобрать у своего дяди галльскую корону. Властолюбец!

— Из Филиппа получится хороший король, — заметила Бланка, отворачиваясь к окну. — В отличие от Робера Третьего, у него будет не только титул, но и реальная власть. Можно не сомневаться, он сделает Галлию великой страной.

— Что ж, тебе виднее, — сказала Маргарита. — Если ты так говоришь, то так оно и будет.

Дрожь в голосе Бланки попеременно с горечью была ей хорошо знакома. Но это впервые кастильской принцессе изменило самообладание в присутствии посторонних, в данном случае — Матильды, что очень встревожило Маргариту. Жизнь Бланки при наваррском дворе с каждым днем становилась все более невыносимой, и в любой момент она могла сорваться — а это грозило непредсказуемыми, но наверняка весьма плачевными последствиями для всей наваррской королевской семьи.

Маргарита подошла к Бланке и обняла ее за плечи.

— Прости, душенька, я не нарочно. Я уже заметила, что ты избегаешь любых разговоров о Красавчике, но разве могла я подумать, что это такая болезненная для тебя тема.

Бланка отстранилась от нее и смахнула с ресниц непрошеную слезу.

— Да нет, ничего... Все в порядке. Я просто...

— Ну! — подбодрила ее Маргарита. — Смелее! Ты никак не можешь забыть его, верно? И это вполне естественно. Ведь он

был твоим первым мужчиной, а такое не забывается. Даже я, и то помню, как в первый раз...

— Ошибаешься, кузина, — мягко, но решительно перебила ее Бланка, садясь в кресло. — Дело совсем не в этом.

— А в чем же? — Маргарита присела на диванчик по соседству. Матильда, как обычно, устроилась на мягкой подушке у ног своей госпожи. — Только не увиливай. Либо отвечай начистоту, либо давай переменяем тему. Я понимаю, что тебе больно вспоминать Филиппа Аквитанского, тем паче говорить о нем. Ведь ясно, как Божий день, что кузен Бискайский в подметки ему не годится — ни по своим человеческим качествам, ни, как я подозреваю, по мужским.

По всему было видно, что Бланка страшно смутилась. Однако сказала:

— Насчет человеческих качеств ты совершенно права. Но что касается мужских, как ты выразилась, то... Словом, я не в курсе.

Маргарита вскинула брови.

— Да что ты говоришь?!

— Правду говорю. К твоему сведению, все эти сплетни про меня и Филиппа — беспардонная ложь.

Маргарита уставилась на Бланку с таким потрясенным видом, словно та призналась ей, что втайне исповедует иудаизм.

— Ты это серьезно? Ты не шутишь?

— Какие тут шутки! Мы с Филиппом были друзьями, и только. Не больше, не меньше. Другое дело, что в прошлом году он просил моей руки, но... в общем, отец отказал ему.

— В самом деле? Но почему? С какой стати он предпочел кузена Бискайского? Это же глупо!

— Да, это было глупо, — с горечью подтвердила Бланка. — Более чем глупо. Не только глупо, но и под... — Тут она запнулась.

— Так что же произошло?

Немного помедлив, Бланка сказала:

— Пожалуй, я последую твоему совету и не стану увиливать. Я просто не отвечу. То, как отец обошелся со мной, не

делает чести его памяти.

— Понятно. О мертвых только хорошее.

— Да, — коротко ответила кастильская принцесса.

Некоторое время они молчали. Бланка теребила кружева на своих манжетах и время от времени грустно вздыхала. Матильда с искренним сочувствием глядела на нее. Маргарита напряженно о чем-то размышляла.

— Вот так сюрприз! — наконец отозвалась она. — Оказывается, дела обстоят еще хуже, чем я думала раньше.

— В каком смысле хуже? — спросила Бланка.

— В самом прямом. Раньше я считала тебя просто застенчивой, ужасно скрытной, донельзя деликатной, стыдливой до неприличия; но на поверку ты еще и забитая, невежественная девочка. Теперь я понимаю, что заблуждалась относительно истинной причины твоего отвращения к мужу. На самом деле ты брезгуешь Александром не потому, что после Красавчика он тебе неприятен. Тебе становится тошно при одной мысли о нем не только потому, что некогда он согрешил с Жоанной. В конце концов, это не настолько тяжкий грех, чтобы...

— Маргарита! — резко оборвала ее Бланка, встревожено косясь на Матильду. — Думай, о чем говоришь! И при ком говоришь.

— А, вот оно что! — Маргарита тоже взглянула на Матильду. — Она и так все знает. Сегодня я ей проболталась, ты уж прости меня. Матильда с таким жаром говорила о своей любви к брату, что я взяла и бухнула ей про Александра и Жоанну. Дескать, одни уже доигрались, другие, Елена и Рикард, на подходе, а тут еще ты со своим Этьеном. Но не беспокойся, кузина, Матильда умеет молчать. Правда, Матильда?

Девушка с готовностью кивнула.

— О да, сударыни, я буду молчать. Никому ни единого словечка, обещаю вам.

— Вот и чудненько, — сказала Маргарита. — Итак, на чем я остановилась. Ах, да, на твоем целомудрии в замужестве...

— А может, не надо? — попросила Бланка, вновь краснея.

— Нет, душенька, надо. Прежде я избегала таких разговоров, щадила твою застенчивость. Я не сомневалась, что у тебя

был роман с Красавчиком, и терпеливо ждала, пока ты не забудешь его настолько, чтобы завести себе нового любовника. Но теперь, когда выяснилось, что...

— Кузина! Прекрати немедленно, прошу тебя. Иначе я встану и уйду... К тому же мне пора в церковь.

— Ну, нет, тебе еще не пора в церковь. У нас впереди почти час времени, и если ты останешься у меня, мы пойдем в церковь вместе. Добро?

— Ладно, — кивнула Бланка. — Но если ты будешь...

— Да, буду. Ради твоего же блага я продолжу наш разговор. Разумеется, в любой момент ты можешь уйти — воля твоя, и удерживать тебя я не стану. Но я настоятельно советую тебе выслушать меня. Обещаю не злоупотреблять твоим терпением.

Бланка обреченно вздохнула:

— Хорошо, я выслушаю тебя. Только постарайся... э-э, по-деликатнее.

— Непременно, — пообещала Маргарита. — Я буду очень разборчива в выражениях. Но прежде всего, давай внесем ясность: кузен Бискайский был первым и единственным твоим мужчиной?

— Да, — с содроганием ответила Бланка и тут же в припадке откровенности добавила: — Лучше бы совсем никого не было!

— То-то и оно, дорогуша. Ты испытываешь отвращение не только к Александру, как человеку и мужчине (впрочем, как человек, он в самом деле мерзок), твоё отвращение к нему постепенно распространяется на все мужское. Если ты и дальше будешь вести такой образ жизни, как сейчас, то боюсь, что в конце концов тебе станут противны все мужчины без разбора. И тогда ты начнешь баловаться с девочками, вот так-то. И не просто баловаться, что в общем простительно, а отдавать им предпочтение перед мужчинами. — В устах наваррской принцессы это прозвучало как суровый приговор судьбы, как самое худшее, что может случиться с женщиной.

— Маргарита! — негодуя воскликнула Бланка. — Прекрати! Ты такую... такую чушь несешь!

— Так-таки и чушь? Поверь, я рада была бы ошибиться...

— И ошибаешься!

— Не спорю. Может быть, в чем-то я ошибаюсь, многое упрощаю. Но, без сомнений, главная твоя беда в том, что ты живешь как монашка.

— А как мне, по-твоему, следует жить?

— Как нормальной женщине.

— То есть, ты предлагаешь мне завести любовника?

— Ну да, вот именно! Найди себе хорошего парня, крути с ним любовь, рожай от него детей — наследников Бискайи. Пусть дражайший кузен Александр хоть лопнет от злости, но он даже пикнуть против этого не посмеет. Ах, какая это будет жестокая и утонченная месть, подумай только!

— Сударыня, — отозвалась Матильда с осуждением в голосе. — Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— А?! — Маргарита грозно уставилась на нее. — Опять проповедь?

— Вовсе нет, сударыня, это не проповедь. Я просто хочу предупредить вас, что вы, может, по незнанию, совершаете тяжкий грех, подбивая госпожу Бланку на прелюбодеяние.

Маргарита удрученно покачала головой:

— Ну, и дура ты, Матильда, в самом деле! Ты ровным счетом ничего не поняла. Дитя малое! Неужели ты не видишь, как Бланка страдает? Неужели тебе невдомек, что главная причина ее страданий — неурядицы в личной жизни?

— Я вижу, сударыня, я понимаю, но...

— Ты предлагаешь ей быть верной женой и снова пустить к себе в постель мужа?

При одной мысли об этом Бланка содрогнулась.

— Ну... — Матильда в растерянности захлопала ресницами. Прежде все в жизни представлялось ей простым и однозначным. Было добро и зло, белое и черное, праведное и грешное, истинное и ложное — но теперь...

— Кузина, — сказала Бланка, вырывая Матильду из затруднения. — Если ты думаешь, что это решит все мои проблемы, то ошибаешься.

— Я так не думаю. Я знаю, что тебя тяготит твое положение при моем дворе. Он, конечно, не столь блестящ, как кастильский...

— Не преуменьшай, кузина, твой двор великолепен. Однако...

— Однако хозяйка в нем я. А при кастильском дворе ты привыкла повелевать, привыкла быть в центре внимания, привыкла к всеобщему поклонению. В Кастилии тебя любили и почитали больше, чем твоего отца, Альфонсо и Нору, не говоря уж о Фернандо, Констанце Орсини или Марии Арагонской. Но тут ничего не попишешь. Это мой двор и моя страна, и даже при всей моей любви к тебе я не потерплю твоих попыток играть здесь первую скрипку. Ты уж прости за прямоту, Бланка...

— Все в порядке, я не в обиде. Ты совершенно права: это твой двор, и с моей стороны было бы свинством претендовать на роль хозяйки в нем.

— А между тем,— заметила Маргарита.— Женюсь на тебе, кузен Бискайский рассчитывал, что с твоей помощью он станет королем, и наверняка пообещал твоему отцу сделать тебя хозяйкой всей Наварры.

Тут Бланка гордо вскинула голову.

— Ты же знаешь, кузина, я никогда не позарюсь на то, что не принадлежит мне по праву. Могу заверить тебя, что в своих притязаниях на наваррский престол мой муж не получит никакой поддержки ни от меня, ни от Альфонсо, ни от Кастилии вообще. Более того, при необходимости я сама воспрепятствую свершению его планов. Больно мне нужна твоя маленькая Наварра — после всего, что я упустила в своей жизни.

Последние слова кастильская принцесса произнесла с откровенной пренебрежительностью, но горечь, прозвучавшая в ее голосе, помешала Маргарите обидеться.

— Да уж,— согласилась она,— ты многое упустила. Однако я склонна считать, что в случае с кузеном Бискайским ты сама сглупила. Ведь ты у нас такая властная и решительная — что помешало тебе воспротивиться этому браку? К тому времени тебе уже исполнилось шестнадцать, ты стала полноправ-

ной графиней Нарбоннской, и даже отец не смог бы лишить тебя этого титула без согласия галльского короля и Сената. В крайнем случае, ты могла бы бежать в Галлию и попросить покровительства у кузена Робера Третьего. Я уверена, что он не отказал бы в помощи невесте своего племянника.

— Да, ты права,— печально ответила Бланка.— Я сглупила, вернее, смалодушничала. Я проклиная себя за ту минутную слабость, которая обернулась такой катастрофой. Да простит меня Бог, порой я проклиная отца за то, что он сделал со мной. Я потеряла все... даже дружбу Филиппа.

Маргарита хотела спросить почему, но потом сама догадалась.

— Ага! — сказала она.— Красавчик предлагал тебе бежать с ним в Галлию?

— Ну... вроде того. Был один план, но я, дура, отказалась... Боже, какая же я дура!

Маргарита внимательно посмотрела ей в глаза.

— Все-таки ты влюблена в него, правда?

Бланка горько усмехнулась:

— Какое теперь это имеет значение? Если я и любила Филиппа, то недостаточно сильно, чтобы пойти против воли отца.

Но Маргарита покачала головой:

— Твои рассуждения слишком наивны, кузина. Это в поэмах моего незадачливого поклонника, графа Шампанского, любовь придает людям силы, подвигает на героические поступки, а в реальной жизни сплошь и рядом происходит обратное. Не исключено, что твои нежные чувства к Филиппу Аквитанскому сыграли с тобой злую шутку, и ты...

— Не надо, Маргарита,— перебила ее Бланка, чувствуя, что вот-вот заплачет.— Довольно. К чему эти разговоры? Все равно прошлого не вернешь. Теперь я замужем, а Филипп... Он просит твоей руки.

— И, небось, ты назовешь меня дурой, если я отвергну его предложение?

— Не назву,— ответила Бланка и улыбнулась уже не так горько, как прежде.— Но не могу гарантировать, что я этого

не подумаю.

Маргарита зашлась звонким смехом. Вслед за ней позволила себе засмеяться и Матильда.

— Кстати, сударыни,— сказала она, решив, что до сих пор ее участие в разговоре было недостаточно активным.— Вы знаете, что семь лет назад мой братик служил пажом у дона Филиппа-младшего?

— Знаю,— ответила Маргарита.— Кажется, я знаю про твоего брата все, что знаешь ты.

— Ан нет, сударыня, вы еще не все знаете.

— Неужели? — шутливо изумилась наваррская принцесса.— Это непорядок. Так что же я о нем не знаю?

— Что он сегодня приехал.

— В Памплону?

— Да, сударыня. Легок на помине. Вы даже не представляете, как я рада! Братик вырос, еще похорошел...

— И где он?

— Совсем недавно был здесь, вернее, там.— Матильда указала на чуть приоткрытую дверь, ведущую в комнату дежурной фрейлины.— Мы с ним так мило беседовали, но затем поднялся весь этот гвалт, пришли вы...

— Постой-ка! — настороженно перебила ее Маргарита.— Значит, он был здесь?

— Да.

— А сейчас где?

— Не знаю, сударыня. Он ушел.

— Когда?

— Когда вы вернулись от государя и велели всем уходить.

— А ты видела, как он уходил?

— Нет, не видела. Но ведь вы велели...

— Да, я велела. Но, как и ты, я не видела, чтобы отсюда уходил парень. Я вообще не видела здесь никаких парней.— Маргарита перевела свой взгляд на указанную Матильдой дверь и, как бы обращаясь к ней, заговорила: — Вот интересный вопрос: мне придется встать и самой открыть ее, или же достаточно будет просто приказать: «Откройся»?

Глава XVIII

*В которой появляется
еще один герой нашей повести*

Не успела Маргарита договорить последнее слово, как дверь распахнулась настежь, и красивый черноволосый юноша шестнадцати лет, едва переступив порог, бухнулся перед принцессами на колени. Был он среднего роста, стройный, черноглазый, а его правильные черты лица выказывали несомненное родственное сходство с Матильдой.

— А вот и он,— прошептала пораженная Матильда.

— Что вы здесь делаете, милостивый государь?— грозно спросила Маргарита, смерив его оценивающим взглядом.

«Какой красавчик!— с умилением подумала она, невольно облизывая губы.— Парень, а еще посмазливее своей сестры... Боюсь, Рикарду снова придется ждать».

— Ну, так что вы здесь делаете?— повторила Маргарита уже не так грозно.

— Смиренно прошу у ваших высочеств прощения,— ответил юноша, доверчиво глядя ей в глаза.

Принцесса усмехнулась:

«Ага! Так он еще и нахал!»

— А что вы, сударь, делали до того, как отважились просить у нас прощения?

— Смилюйтесь, сударыня! Я здесь человек новый и не знал, как вы обычно выпроваживаете своих придворных. Поначалу я не мог понять, что здесь происходит, и очень боялся некстати явиться пред ваши светлые очи и подвернуться вам под горячую руку, ведь вы, сударыня, опять же прошу прощения, разошлись не на шутку. Так что я решил обождать, пока буря утихнет...

— А потом?

— Потом вы разговорились...

— А вы подслушивали. И не предупредили нас о своем присутствии. Разве это порядочно с вашей стороны?

— Но вы должны понять меня, сударыня,— оправдывался парень.— Вы говорили о таких вещах... э-э, не предназначенных для чужих ушей, что я счел лучшим не смущать вас своим появлением.

— Какая деликатность! — саркастически произнесла Маргарита, бросив быстрый взгляд на обескураженную Бланку. — Стало быть, вы все слышали... господин де Монтини, я полагаю?

— Да, сударыня. И я, право, не знаю, что мне делать.

— Прежде всего, подняться с колен,— посоветовала Маргарита, смягчая тон.

Монтини без проволочек выполнил этот приказ, все так же доверчиво глядя на наваррскую принцессу. А та между тем продолжала:

— И хотя ваше поведение, сударь, было небезупречно, я все же прощаю вас. Надеюсь, моя кастильская кухня присоединится ко мне — при условии, конечно, что вы тотчас забудете все случайно услышанное вами.

Бланка утвердительно кивнула, украдкой разглядывая Монтини. В ответ юноша бросил на нее восхищенный взгляд и почтительно поклонился.

— Милостивые государыни, я не могу ручаться, что позабуду о вашем разговоре. Но вместе с тем осмелюсь заверить вас, что никто, кроме ваших высочеств, не заставит меня вспомнить хотя бы слово из услышанного.

Это следовало понимать так: «Рассказать, я никому не расскажу, однако никто не запретит мне использовать полученные сведения в своих личных целях».

— Хорошо,— сказала Маргарита, приняв к сведению хитрость Монтини.— Вы можете садиться, сударь.

Юноша устроился на указанном наваррской принцессой невысоком табурете в двух шагах от дивана, но при этом, как бы невзначай, сел с таким разворотом, чтобы смотреть в упор на принцессу кастильскую. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Маргариты, и она исподтишка ухмыльнулась.

— Если память не изменяет мне,— отозвалась Бланка, нарушая неловкое молчание,— вас зовут Этьен.

— Да, сударыня, Этьен. Правда, с тех пор как наша семья, получив наследство переехала из Блуа в Русильон, мое имя зачастую переименовывают на галльский лад — Стефано.— Он ослепительно улыбнулся.— Так что я сам толком не знаю, как же меня зовут на самом деле.

— С собственными именами порой возникает настоящая неразбериха,— живо подхватила Бланка.— К примеру, кастильское Хайме по-французски произносится Жак, по-галльски и по-итальянски Жакомо, а в библейском варианте — Иаков. Мой духовник, кстати, ваш тезка, падре Эстебан, как-то рассказывал мне, что Иисуса Христа по-еврейски звали Йешуа...

Маргарита слушала кузину, с трудом скрывая свое удивление. Собственно, было бы неверно утверждать, что Бланка избегала мужского общества. Она была девушка общительная и любила поговорить с интересными людьми, независимо от их возраста и пола, а беседы о вещах серьезных и вовсе предпочитала вести с мужчинами, которые были ближе ей по складу ума, чем большинство женщин. Однако сейчас в ее поведении чувствовалось нечто такое, что заставило Маргариту насторожиться. Это «нечто» было на первый взгляд незначительное, почти незаметное и, тем не менее, чрезвычайно важное.

«Определенно, этот парень приглянулся Бланке,— решила Маргарита.— Он застал ее врасплох, когда она не в меру разоткровенничалась, вроде как встретил голую на реке. И если он не дурак... А он точно не дурак. Вон как строит ей глазки, кует железо, пока горячо. Что ж, недаром говорят, что нет худя без добра.— Про себя принцесса вздохнула.— Похоже, мне придется уступить его Бланке. Жаль, конечно, он милый парень, и мы с ним приятно провели бы время. Но чего не сделаешь для лучшей подруги... А Рикарду, считай, повезло».

Между тем разговор от Иисуса Христа, которого на самом деле звали Йешуа, перешел на гонения первых христиан. При случае был упомянут император Нерон, который в поисках вдохновения велел поджечь Рим, дабы, глядя на охваченный огнем город, воспеть падение древней Трои. За сим естествен-

ным образом всплыла сама Троя с прекрасной Еленой, авантюристом Парисом и печально известным яблоком раздора. Тут Маргарита испугалась, что Бланка, того и гляди, примется цитировать Овидия или Вергилия, и торопливо вмешалась — тяжелый и высокопарный слог древнеримской поэзии навел на нее тоску.

— Господин де Монтини,— сказала она.— У меня создается впечатление, что мы с вами уже где-то встречались. Может быть, это потому, что вы очень похожи на Матильду?

— Не только поэтому, сударыня. Вы могли видеть меня, когда шли к государю отцу вашему.

— Да, да, вспомнила. Дело было в галерее. Вы еще стояли, как вкопанный, и даже не поклонились мне.

— Ах, сударыня!— виновато произнес Монтини.— Прошу великодушно простить меня за столь вопиющую неучтивость. Но будьте снисходительны ко мне. Я был так потрясен вашей красотой, что меня буквально парализовало. Я увидел самую прекрасную на всем белом свете женщину после...— Он демонстративно запнулся с таким видом, будто нечаянно выдал свои самые сокровенные мысли.

Маргарита была девушкой сообразительной и тотчас догадалась, что значит это «после» и к кому оно относится.

«Чертеноч! Он уже заигрывает с Бланкой».

— Ну да, конечно,— сказала она, выстрелив в кастильскую принцессу насмешливым взглядом.— Для любящего брата во всем мире не сыщешь женщины краше его сестры.

Щеки Бланки вспыхнули алым румянцем. Монтини лицемерно потупился, мастерски изображая смущение. И только Матильда приняла все за чистую монету.

— Я тоже люблю братика,— с очаровательной наивностью ответила она.— Очень люблю.

Маргарита зашлась нервным кашлем, чтобы не расхохотаться.

— Знаю... знаю... Ты рада, что он приехал?

— Ах, сударыня, я так счастлива!— Матильда вскочила с подушки и поцеловала Этьена в щеку.— Я безумно счастлива снова видеть его.

— Ваша сестра, господин де Монтини, настоящее чудо,— сказала наваррская принцесса.— Я ее очень люблю.

— Я тоже,— с неожиданным пылом отозвалась Бланка.

Маргарита и вовсе обалдела.

«Однако же!— подумала она.— У парня железная хватка. И как ловко он это провернул! У него точно есть опыт обольщения девиц, причем немалый... Ай да Бланка! Так вот какие мужчины привлекают нашу скромницу — ловеласы, распутники, соблазнитель...»

— И что же привело вас в Памплону?— спросила она у Этьена.

— Главным образом, желание повидаться с Матильдой,— ответил он.— А тут еще представился удобный случай: господин герцог направил к государю отцу вашему посла, господина де Канильо, для ведения каких-то переговоров. Я вызвался сопровождать его, поскольку это совпадало с моими давними планами навестить сестру.

— А что мешало вам самому приехать, и то значительно раньше? Больше года Матильда ждала вас, а вместо этого получала письма, в которых вы сообщали, что задерживаетесь.

Этьен явно смутился и промолчал.

— Его дела задерживали,— вступилась за брата Матильда.— Ведь он еще молод, а ему приходится управлять имением. Это нелегкое дело, сударыня.

Маргарита иронически усмехнулась. У нее зародилось подозрение, что в Русильоне Этьена задерживали отнюдь не хозяйственные дела — во всяком случае, не только хозяйственные.

— Ваша сестра рассказывала, что вы служили пажом у молодого Филиппа Аквитанского. Это так?

— Да, сударыня. Вернее, служил я при дворе господина герцога, но некоторое время был в свите его младшего сына. Правда, недолго, потому что вскоре монсеньор Аквитанский-младший был вынужден покинуть Тараскон и уехал в Кастилию. А я вернулся в Русильон, поскольку господин герцог счел меня бунтовщиком и уволил со службы.

— Значит, вы были участником тех событий?

Монтини замялся.

— Участник, это слишком громко сказано, сударыня, — после недолгих колебаний ответил он. — Я был просто очевидцем. Сочувствующим очевидцем.

«Хоть и нахал, но знает меру, — заключила Маргарита. — Скромность ему не чужда».

— Меня всегда интересовала эта история, — сказала она. — Но все версии, которые я слышала, были из третьих рук и нередко противоречили одна другой...

— А как же граф д'Альбре? — вмешалась Бланка.

— Ха! Этот хвастунишка? Да я не поверила ни единому его слову! Он противоречил не только другим, но и сам себе. Ну, прямо из кожи вон лез, лишь бы выставить себя в самом лучшем свете. И бывают же такие люди!

— А вот Елена считает его очаровательным, — заметила Бланка.

Маргарита фыркнула.

— Тоже мне, авторитет нашла! — произнесла она, удачно копируя одно из излюбленных выражений Бланки. — Елена считает очаровательным любого мужчину, который умеет говорить комплементы. Но речь сейчас не о ней. Господин де Монтини, я хотела бы услышать ваш рассказ, как очевидца тех событий. Тем более, сочувствующего очевидца.

— Но прошу учесть, сударыня, — предупредил Этьен, — что тогда мне было девять лет. Не исключено, что я помню далеко не все существенное, а из того, что запомнил, не все понял и, возможно, кое-что превратно истолковал.

— Невелика беда, — успокоила его Маргарита. — Вы рассказываете, а мы уж как-нибудь разберемся. Отделим, как говорится в Писании, зерна от плевел.

Монтини охотно принялся исполнять желание наваррской принцессы. Повествуя о событиях семилетней давности, он слушал себя краем уха, а подчас и вовсе не слышал того, что говорил. Все его внимание было приковано к Бланке, и раз за разом он обжигал ее страстными взглядами, притворяясь, что старается делать это незаметно.

Этьен был парнем смышленным и сразу понял, что нравится Бланке. Он, впрочем, с детства привык к тому, что нравится многим женщинам, однако то обстоятельство, что он понравился дочери и сестре королей Кастилии, переполняло его сердце законной гордостью. Случайно подслушанный им разговор взбудоражил его воображение, дал ему широкий простор для самых смелых фантазий и честолюбивых надежд. Он скорее мечтал, чем думал о чем-то, скорее грезил, чем мечтал, и скорее даже бредил, чем предавался грезам, упиваясь своими мечтами и трепеща в предвкушении самой великой победы всей своей жизни...

А Бланка никак не могла справиться со своими мыслями, которые кружились в ее голове, с калейдоскопической быстротой сменяя друг друга, и без какой-либо логической последовательности сплетались в причудливые узоры, поднимая в ней бурю противоречивых чувств. Не подозревая о присутствии Этьена, она в разговоре с Маргаритой открыла ему свою душу и теперь чувствовала себя перед ним будто раздетой догола. Это было такое дразнящее ощущение, что Бланка еле сдерживалась, чтобы не вскочить с места и... Тут она не знала, что ей делать дальше — то ли убежать прочь, замкнуться в своей спальне и плакать от стыда и унижения, сколько ей хватит слез, или же кинуться Монтини на шею, пусть он обнимает ее, целует, пусть делает с ней все, что хочет, пусть сделается таким близким ей, чтобы она не стыдилась своей наготы перед ним, чтобы исчез, наконец, тот настырный, тревожный, неприятный зуд в груди, чтобы прошло ее отвращение к себе и своему телу, оставшееся ей в память о ночах, проведенных с мужем, одна только мысль о которых вызывает непреодолимое желание снова и снова мыться в тщетном стремлении смыть с себя грязь от его прикосновений...

— А вы замечательный рассказчик, господин де Монтини,— одобрительно констатировала Маргарита, когда Этьен закончил.— Вам бы книги писать, я совсем не шучу. Ваш рассказ, бесспорно, самый интересный и увлекательный из всего, что я слышала о тех событиях. Правда, в нем есть некоторые огрехи, но их можно объяснить тем, что вы сами не очень

прислушивались к тому, что говорили.

— Это все от усталости,— отозвалась Матильда, снова вступаясь за брата.— Ведь он только приехал, устал с дороги, а потому такой невнимательный.

Маргарита ухмыльнулась и насмешливо взглянула на Бланку, затем вновь перевела свой взгляд на Монтини.

— Раз так, то не смею вас задерживать, сударь. Хорошенько отдохните, а вечером мы продолжим нашу занимательную беседу. Вам уже предоставили комнату?

— Да, сударыня.

— Где?

— В гостевых покоях на первом этаже.

Маргарита покачала головой:

— Это совсем не годится. Брат моей любимой фрейлины вправе рассчитывать на более внимательное отношение.— На какую-то секунду она задумалась.— Итак, поступим следующим образом. Самое позднее к завтрашнему вечеру этот негод... господин Рауль де Толоса должен освободить свою квартиру... свою бывшую квартиру, а пока что... Матильда, ступай разыщи кузена Иверо, представь ему своего брата и от моего имени попроси, чтобы он на денек-другой уступил ему одну из своих комнат... Гм... А чтобы Рикард не вздумал приревновать, скажи, что я приглашаю его пообедать со мной.— С этими словами она протянула Этьену руку для поцелуя.— Приятно было познакомиться с вами, господин де Монтини.

— Мне тоже,— тихо произнесла Бланка. Она вся задрожала, когда он, вроде как нечаянно, вопреки тогдашнему обычаю, прижался губами к ее ладони.

Как только Матильда и Этьен вышли из комнаты, плотно закрыв за собой дверь, Маргарита пристально поглядела на Бланку и спросила:

— Ну? Как тебе понравился братик Матильды? Хорош, не так ли?

Бланка встала с кресла, пересела на диван рядом с Маргаритой и положила голову ей на плечо.

— Господи! — прошептала она. — Что со мной происходит? Я будто горю вся... сгораю...

— Ты влюбилась?

— Нет... Не знаю... Я ничего не знаю!

— Зато я знаю: в тебе вспыхнула страсть. Поэтому ты вся и горишь. Ты сгораешь от страсти. Со мной тоже так было... Когда-то. Очень давно. В самый первый раз. — Маргарита мечтательно улыбнулась. — У нас гостил Альберто Фарнезе, теперешний герцог Пармский, и я, одиннадцатилетняя девчонка, влюбилась в него по уши. Будто с ума сошла. На третью ночь я тайком пробралась в его спальню и залезла к нему в постель. В потемках он принял меня за одну из фрейлин моей матушки — со всеми вытекающими из этого последствиями. А утром... О! Я никогда не забуду выражения его лица, когда он проснулся и увидел меня... Бланка, ты вся дрожишь!

Бланка еще крепче прижалась к ней.

— Мне зябко, Маргарита.

— Но ведь только что ты горела.

— А теперь мне зябко. Мне... мне страшно. Я боюсь...

— Чего ты боишься?

— Себя боюсь. Своих мыслей и...

— И желаний, — помогла ей Маргарита. — Ты испытывала что-то похожее к Красавчику?

Бланка долго молчала, прежде чем ответить.

— Да, — сказала она. — Только это сильнее. Когда меня влекло к Филиппу, я всегда вовремя останавливалась. А сейчас я боюсь, что не сумею остановиться. Что со мной, Маргарита?

— Ты взрослеешь, вот и все. Твой Филипп пробудил в тебе женщину, Александр сделал тебя женщиной, а этот парень, надеюсь, научит тебя быть женщиной. Все это естественно, и тебе нечего бояться. Отбрось все страхи, подчинись своим желаниям, и ты увидишь, как это прекрасно — любить и быть любимой. Ведь сам Господь говорил, что суть нашей жизни — любовь.

— Ах, кузина! — в отчаянии простонала Бланка. — Не мучь меня. Прошу тебя, не мучь... Пожалуйста...

Маргарита вздохнула:

— Ты сама себя мучишь, золотко. И не только себя — меня тоже.

Это была истинная правда. Последние четыре месяца Маргарита жила в постоянном страхе перед будущим. Ее пугали возможные последствия громкого скандала, который разразится, когда Бланка (а когда-нибудь она все же решится на это) потребует развода с Александром, публично обвинив его в кровосмешении. Сам по себе скандал был бы даже выгоден Маргарите, так как позволял ей избавиться от своего политического противника — графа Бискайского, хотя при этом пострадала бы и Жоанна, которую наваррская принцесса по-своему любила. Но в данных обстоятельствах окажется затронутой фамильная честь кастильского королевского дома, и гнев могущественного соседа, скорее всего, обрушится на всю Наварру, без разбора, кто конкретно виноват в несчастьях Бланки — любимицы всей Кастилии и любимой сестры короля. Минимум, что сделает Альфонсо XIII, это денонсирует все мирные договоры и умоет руки, позволив своим воинственным и падким на чужие земли вассалам действовать по собственному усмотрению. А тогда и Гасконь с Арагоном не останутся пассивными наблюдателями — с какой стороны ни глянь, под угрозой будет поставлено существование Наварры как самостоятельного государства.

«Боюсь,— подумала Маргарита,— мне все-таки придется выйти за Красавчика...»

— Бланка,— произнесла она вслух.— Ты должна пообещать мне одну вещь.

Кастильская принцесса подняла голову:

— Да?

— Когда тебе станет совсем невмоготу, когда ты решишь потребовать развода...

— Ты же знаешь, кузина, что я никогда...

— Не зарекайся. То, что в детстве тебя убедили в нерушимости брачных уз, еще не значит, что ты будешь думать так всегда. Лучше пообещай мне, что ничего не предпримешь, не посоветовавшись со мной.

Бланка утерла платочком слезы с лица и вопросительно посмотрела на Маргариту.

— Хорошо, обещаю. Но что ты задумала? Неужели собираешься помочь мне?

— Да. Кажется, я знаю, как уладить твой развод с Александром без лишнего шума и не устраивая скандал.

— И как же?

Маргарита промолчала. Она знала как. Она знала, что ей делать, и, если понадобится, она сделает это. При необходимости она сделает Бланку вдовой — а вдовам незачем требовать развода.

Глава XIX

Лето 1452 года

После возвращения Филиппа герцогский дворец в Тарасконе, который в последние годы выглядел как никогда унылым и запущенным, вновь ожил и даже как-то помолодел. За короткое время Филипп собрал в своем окружении весь цвет молодого гасконского и каталонского дворянства. Его двор не уступал королевскому ни роскошью, ни великолепием, и лишь условия Тараскона, небольшого местечка в междугорье Пиренеев, не позволяли ему стать самым блестящим двором во всей Галлии. Иногда Филипп подумывал над тем, чтобы переселиться в Бордо или, еще лучше, в Тулузу, но за семь лет изгнания он так сильно истосковался по родным местам, что решил пожить здесь, пока не утолится его жажда за прошлым.

Впрочем, мысли о переселении Филиппу подсказывало главным образом его тщеславие. И в Тарасконе он не чувствовал недостатка в блестящем обществе, даже имел его в избытке. Особенно радовало Филиппа, что рядом с ним снова были друзья его детства, по которым он очень скучал в Кастилии. В первую очередь это относилось к Эрнану де Шатофьеру, Гастону д'Альбре и Симону де Бигору. Они по-прежнему оставались лучшими друзьями Филиппа — но теперь они были также его ближайшими соратниками, главными сподвижниками, людьми, на которых он мог всецело положиться и кото-

рым безоговорочно доверял.

В определенном смысле к этой троице присоединился и Габриель де Шеверни — он был братом Луизы, и уже этого было достаточно, чтобы Филипп испытывал к нему искреннее расположение. Семь лет назад они подружились и даже после смерти Луизы поддерживали приятельские отношения, частенько переписываясь. Из-за запрета отца Габриель не имел возможности навестить Филиппа, когда тот жил в Толедо, да и в Гаскони он оказался только благодаря чистому недоразумению

Некоторое время после пленения французского короля Эрнан де Шатофьер считался погибшим, и руководство ордена тамплиеров явно поспешило с официальным сообщением о его героической смерти. Как только это известие дошло до Гаскони, управляющий Капсира огласил завещание Эрнана, в котором среди прочих фигурировало имя Габриеля де Шеверни — ему было завещано поместье близ Каркассона. К чести юноши надо сказать, что когда он приехал вступать во владение наследством, а вместо этого встретился с живым кузеном, то лишь обрадовался такому обороту событий. В радости Габриеля не было ни тени фальши, и его бескорыстие очень растрогало Эрнана, который уже успел увидеть в глазах других своих родственников тщательно скрываемое разочарование. Со словами: «Да пропади оно пропадом! Все равно я монах», — Шатофьер подарил Габриелю один из своих беарнских замков, дающим право на баронский титул, а в новом завещании переписал на него львиную долю земель, не входящих в родовой майорат, наследником которого по закону был младший брат отца Эрнана.

А потом приехал Филипп и назначил Габриеля министром своего двора, соответственно округлив его владения. Единственное, что огорчало юношу, так это разлука с родными. Отец категорически отказался переехать с семьей в Гасконь и поселиться в новеньком, опрятном замке своего старшего сына. Он даже не захотел навестить его...

Ближе всего Габриель сошелся с Симоном. И хотя последний был на четыре года старше, в их дружбе доминировал Ше-

верни, что, впрочем, никого не удивляло, поскольку Симон, не будучи глупцом, как таковым, тем не менее в своем интеллектуальном развитии остановился на уровне подростка. Филипп не мог сдерживать улыбки, когда видел двадцатидвухлетнего Симона, играющего со своим пятилетним сыном, и всякий раз ему на память приходило меткое выражение из письма Гастона д'Альбре: «У нашего взрослого ребенка появилось маленькое дитя».

Сам Гастон, уже разменявший четвертый десяток, стал зрелым мужчиной, а во всем остальном изменился мало. Он был вместилищем множества разных недостатков, слабостей и пороков, которые в сочетании между собой каким-то непостижимым образом превращались в достоинства и в конечном итоге составляли необычайно сильную, целеустремленную натуру. Филипп никак не мог раскусить Гастона: то ли он только притворялся таким простым и бесшабашным рубашой-парнем, то ли умышленно переигрывал, акцентируя внимание на этих чертах своего характера, чтобы у постороннего наблюдателя сложилось впечатление, будто его простота и прямота — всего лишь показные. Даже цинизм Гастона (впрочем, доброжелательный цинизм), который вроде бы был неотъемлемой частью его мировоззрения, и тот иногда казался Филиппу напускным, во всяком случае, слишком наигранным.

У Гастона было шесть дочерей, рожденных в законном браке, и столько же, если не больше, бастардов обоих полов. Филипп по-доброму завидовал плодовитости кузена, достойной их общего предка, маркграфа Воителя, — и все же в этой доброй зависти чувствовался горький привкус. При всей своей любвеобильности Филипп не знал еще ни одного ребенка, которого мог бы с уверенностью назвать своим. Было, правда, несколько подозреваемых (в том числе и недавно родившаяся дочка Марии Арагонской, жены принца Фернандо), но весьма двусмысленное положение полу-отца очень тяготило Филиппа, лишь усугубляя его горечь. Хотя, с другой стороны, по возвращении домой он то и дело ловил себя на том, что с нежностью думает об оставшихся в Толедо малышах, кото-

рые, возможно, были его детьми, и до предела напрягает память, представляя их лица, в надежде отыскать фамильные черты.

Как-то Филипп поделился своими заботами с Эрнаном, но тот сказал ему, что это гиблое дело, и посоветовал выбросить дурные мысли из головы.

— Ты сам виноват,— заключил он под конец.— Перепрыгиваешь из одной постели в другую и уже через неделю не можешь вспомнить, когда и с кем спал. Хоть бы вел записи, что ли. Ну, а женщины... Вообще-то женщины не по моей части, но все же я думаю, что им верить нельзя — особенно в таких вопросах и особенно неверным женам. Тебе бы немного постоянства, дружище, хоть самую малость. О верности я не говорю — это, право, было бы смешно.— И в подтверждение своих последних слов Шатофьер рассмеялся.

За последние семь лет внешне Эрнан сильно изменился — вырос, возмужал, из крепкого рослого паренька превратился в могучего великана, стал грозным бойцом и талантливым полководцем,— но о переменах в его характере Филипп мог только гадать. Первый из его друзей был для него самым загадочным и непрогнозируемым человеком на свете. Шатофьер имел много разных лиц и личин, и все они были одинаково истинными и одинаково обманчивыми. Хотя Филипп знал Эрнана с детских лет, он каждый раз открывал в нем что-то новое и совсем неожиданное для себя, все больше и больше убеждаясь, что это знание — лишь капля в море, и уже давно оставил надежду когда-нибудь понять его целиком.

Вскоре Эрнан принял в свои руки бразды правления всем гасконским воинством. По представлению Филиппа герцог назначил Шатофьера верховным адмиралом флота, а отец Симона, Робер де Бигор, уступил ему свою шпагу коннетабля Аквитании и Каталонии в обмен на графский титул. Как старший сын новоиспеченного графа, Симон де Бигор автоматически стал виконтом, что дало насмешнику Гастону д'Альбре обильную пищу для разного рода инсинуаций. В частности, он утверждал, что таким образом Филипп, опосредствованно через отца, компенсировал Симону некоторые неудобства,

связанные с ношением на голове известных всем предметов. И хоть упомянутая сделка носила чисто деловой характер, Филипп все же отдавал себе отчет, что в едких остротах Гастона была доля правды...

Спустя неделю после первой ночи с Амелиной Филипп волей-неволей вынужден был признать, что до сих пор заблуждался, считая Бланку, а затем Нору лучше всех на свете, и пришел к выводу, что никакая другая женщина не может сравниться с его милой сестренкой. Амелина готова была молиться на Филиппа, ее любви хватало на них обоих, с ней он познал то, чего не смогла ему дать даже Луиза — ощущение полной, почти идеальной гармонии в отношениях мужчины и женщины.

Луизу Филипп любил пылко, неистово, самозабвенно — как и она его; но между ними нередко возникали недоразумения, у каждого были свои интересы, разные, подчас диаметрально противоположные взгляды на жизнь, и они даже не пытались согласовать их, привести хоть к какому-нибудь общему знаменателю. Глядя с расстояния шести лет на свою супружескую жизнь, повзрослевший Филипп порой поражался тому, какая она была однобокая, однообразная. Они с Луизой были очень юны, почти что дети, и видели в любви только игру — интересную, захватывающую игру, играя в которую, надлежало отдавать всего себя без остатка. А поскольку самым интересным из всего прочего была, по их мнению, именно физическая близость, то любились они до изнеможения, и каждый день, просыпаясь, уже с нетерпением ожидали наступления ночи, чтобы со свежими силами отдаться любовным утехам.

С Амелиной у Филиппа все было иначе. Он знал ее с пеленок, они росли вместе, понимали друг друга с полуслова и даже без слов, между ними никогда не было секретов, нередко они разговаривали на такие щекотливые темы, что у Филиппа просто не повернулся бы язык заговорить об этом с кем-либо другим. Для них не имело значения, день сейчас или ночь, в постели они или вне ее, — им всегда было хорошо вдвоем.

Иногда в голову Филиппа закрадывались мысли, что, мо-

жет быть, это и есть настоящая любовь, а с Луизой у него было лишь пылкое детское увлечение... Но когда он вспоминал прошлое, сердце его так больно ныло, так тоскливо становилось на душе, что не оставалось ни малейшего сомнения: на самом деле он любил Луизу. Их любви явственно недоставало взаимопонимания, гармонического единства, эмоциональной насыщенности и разнообразия, но это чувство, безусловно, было первичнее, глубже, основательнее, чем то, которое связывало его с Амелиной. Смерть Луизы принесла ему не только душевные страдания, но и причинила самую настоящую физическую боль, будто он потерял частичку самого себя, своей плоти. Филипп прекрасно понимал, что если бы умерла Амелина, он бы так не страдал. Потому что не любил ее по-настоящему и, по правде говоря, не хотел бы полюбить. Филипп боялся (кстати, небезосновательно), что в таком случае он окончательно искалечил бы Симону жизнь, полностью, а не только частично, отняв у него жену.

Филиппу и так не давали покоя угрызения совести — ведь Симон был его другом, одним из трех самых близких его друзей. Время от времени, сжав волю в кулак, он предпринимал попытки прекратить свою связь с Амелиной, однако все его героические усилия пропадали втуне. Всякий раз Амелина раздражалась рыданиями, называла Филиппа жестоким, бессердечным эгоистом — а это было выше его сил. Он ничего не мог противопоставить женским слезам, тем более слезам своей милой сестренки, и уступал ей, мысленно упрекая себя за беспринципность и в то же время радуясь, что Амелина вновь окажется в его объятиях.

В этих обстоятельствах следует отдать должное Симону. Особым умом он не отличался, но и не был самодуром и никогда не обманывался насчет истинных чувств Амелины. За время, прошедшее от получения известия о прибытии Филиппа до его коронации, Симон почти смирился с мыслью, что рано или поздно жена изменит ему. Но когда это случилось, он поначалу вел себя, как сумасшедший, рыдал, как малое дитя, на все заставки проклиная мир, в котором живут эти неблагодарные и вероломные создания — женщины. Сгоряча он ре-

шил немедленно уехать с Амелиной из Тараскона, но едва лишь заикнулся об этом, как она закатила истерику и напрямик заявила, что скорее умрет, чем расстанется с Филиппом. Тогда Симон понял, что если и дальше будет настаивать на своем, то вообще потеряет жену, которую беззаветно любит, и предпочел делить ее с Филиппом, выбрав из двух зол меньшее. Он даже проявил несвойственное себе благоразумие и на людях старался не выказывать своего отчаяния, зато в постели с Амелиной не столько занимался любовью, сколько упрекал ее в «развратности и бесстыдстве», что, понятно, не способствовало улучшению их отношений.

Со своей стороны Филипп, не будучи эгоистом, по-братски «делился» с Симоном и при этом не жадничал. Чрезмерный пыл Амелины он охлаждал многочисленными романами с другими женщинами, избрав, по его же собственным словам, тактику активного сдерживания. Пока она была умерена в супружеской неверности, то и Филипп вел себя более или менее степенно; но как только Амелина выходила за рамки приличия, выставляя их связь напоказ, он расходился вовсю и менял любовниц чуть ли не ежедневно.

В амурных похождениях ни Эрнан, ни Габриель Филиппа не поддерживали, а Гастон д'Альбре с его циничным отношением к женщинам частенько портил ему *appetit*. Гастон был настоящим жеребцом и изменял своей жене, Клотильде де Труа, главным образом потому, что она одна не в состоянии была удовлетворить его животную похоть. К тому же почти каждый год Клотильда беременела и оттого не очень огорчалась частым загулам мужа, относясь к ним с пониманием и снисходительностью.

Полную противоположность Гастону представлял Габриель де Шеверни. Он был неисправным романтиком и не единожды говорил Филиппу, в ответ на предложение поухаживать за какой-нибудь барышней, что единственная женщина, за которой он согласится ухаживать, будет та, которую он полюбит. Такая достойная уважения принципиальность не на шутку тревожила Филиппа, который по своему опыту знал, как безжалостна бывает жизнь к идеалистам. Он чувствовал

себя в ответе за судьбу этого парня, брата Луизы — единственной женщины, которую он по-настоящему любил и которая умерла при родах его ребенка.

Что же касается Эрнана, то его вступление в ряды рыцарей ордена Храма Сионского явилось для Филиппа полнейшей неожиданностью. Если бы семь или восемь лет назад кто-нибудь сказал, что Шатофьер потеряет всяческий интерес к женщинам и, мало того, станет монахом, пусть и воинствующим, Филипп расценил бы это как глупую и не очень остроумную шутку. Однако факт был налицо: Эрнан не только строго соблюдал обет целомудрия, который принес, надевая плащ тамплиера, но и по возможности старался избегать женского общества. И хотя Эрнан никому не открывал свою душу, даже Филиппу — за исключением одного-единственного случая, когда умерла его молочная сестра, — но именно эти воспоминания наводили Филиппа на некоторые догадки, какими бы смехотворными они не казались на первый взгляд. Ни для кого из друзей Шатофьера не была секретом его детская любовь к Эжени, все знали, что ее смерть стоила Гийому жизни. Но кто бы мог подумать, что эта девушка-плебейка, дочь служанки, оставила в памяти Эрнана такой глубокий след, который и семь лет спустя отзывался в его сердце острой, неистребимой болью...

Первым шагом Филиппа в его восхождении на галльский престол и первым испытанием Эрнана, как гасконского полководца, был предпринятый ими поход на Байонну, которая тогда находилась под властью французской короны, являясь анклавом в окружении галльских земель.

Вкратце проблема состояла в следующем. В конце прошлого века, во времена бездарного правления герцога Карла III Аквитанского, прозванного Негодяем, его кузен, французский король Филипп-Август II, известный потомкам, как Великий, отторгнул от Гаскони ее северные графства Сент и Ангулем, а также юго-западный город-порт Байонну и почти все одноименное графство. После полувекового бездействия трех своих предшественников — Филиппа Доброго, Робера

Благочестивого и Филиппа Справедливого,— Филипп Красивый решил, что пора уже покончить со столь вопиющей исторической несправедливостью. Естественным образом, процесс восстановления статус-кво предстояло начать с Байонны.

И вот, в одну тихую летнюю ночь в конце июня, втайне от всех собранная армия гасконцев во главе с Филиппом и Эрнаном неожиданно для многих, в том числе и для герцога, вторглась на территорию Байоннского графства и, не встречая значительного сопротивления, в считанные дни оказалась под стенами Байонны. Одновременно эскадра военных кораблей из Сантандера вошла в устье реки Адур и заблокировала байоннский порт, замкнув кольцо окружения города.

Однако приказа о штурме Байонны Эрнан не давал. Вместо этого гасконцы принялись разбивать лагерь, и граф Рене Байоннский, наблюдавший за происходящим со сторожевой башни замка, удовлетворенно заявил своим приближенным:

— Все в порядке, господа, нам нечего беспокоиться. Коротышка-Красавчик и его молокосос-коннетабль намерены взять нас измором. Воистину говорится, что когда Бог хочет кого-то погубить, прежде всего лишает его разума. С нашими запасами пищи и питьевой воды мы продержимся дольше, чем они могут себе вообразить. А там, глядишь, соберутся с силами мои вассалы, да и кузен Филипп-Август не будет сидеть сложа руки и вскоре придет нам подмогу. Пойдемте обедать, господа. Если Красавчик считает Байонну легкомысленной барышней, на которую достаточно бросить один пылкий взгляд, чтобы она сама легла под него, то он глубоко заблуждается. Мы покажем ему, что Байонна — гордая и неприступная дочь Франции.

Говоря это, граф не учел двух обстоятельств. Во-первых, после разорительного крестового похода французская казна была совершенно пуста. Введение новых налогов и повышение уже существующих, а также очередные фискальные меры по отношению к еврейским ростовщикам и торговцам, не дали желаемого эффекта, позволив лишь на время залатать дыры в государственном бюджете. Так что у Филиппа-

Августа III попросту не было средств на снаряжение подмоги своему двоюродному брату, графу Байонскому; к тому же в самой Франции назревало всеобщее выступление баронов, которые решили воспользоваться ослаблением королевской власти, чтобы вернуть себе былые вольности. А что до вассалов, на которых граф Байоннский возлагал большие надежды, то они явно не торопились на помощь своему сюзерену, а некоторые даже присоединились к гасконскому воинству — как они уверяли, из чувства патриотизма. Этих мелкопоместных сеньоров раздражало засилье французов в Байонне, и они сочли за благо вновь стать подданными своего земляка.

Граф Байонский этого не знал, а потому категорически отверг мирное предложение Филиппа капитулировать и присягнуть ему на верность, допустив тем самым роковую (и последнюю в своей жизни) ошибку.

Получив отказ, Филипп промолвил: «С Богом, Эрнан», — и по приказу Шатофьера с громоздких повозок, которые во время похода двигались в арьергарде, поснимали сшитые из плотной мешковины чехлы. Вокруг них закипела лихорадочная работа, и вскоре на близлежащих холмах были установлены огромные длинноствольные орудия, темные отверстия которых зловеще смотрели на город. Гасконцы не помышляли о пассивной осаде — они собирались подвергнуть Байонну артиллерийскому обстрелу.

Граф Рене должен был предвидеть такое развитие событий. В то время пушки (или «огненные жерла», как их называли) еще не очень часто применялись в боевых действиях, ибо были несовершенны, довольно опасны в обращении, а их использование обходилось весьма дорого, однако Филипп был достаточно смел и богат, чтобы позволить себе подобную роскошь, сопряженную с риском. Он не принадлежал к числу вельмож старого пошиба и не цеплялся за изжившие себя традиции, согласно которым ведение войны с применением «дьявольских новомодных изобретений» расценивалось как таковое, что идет вразрез с кодексом рыцарской чести. Филипп был не только крупным землевладельцем и феодалным государем, но также и торговым магнатом. Снаря-

жаемые им экспедиции в Индию, Персию и Китай приносили ему огромные доходы, иной раз превышающие поступления в его казну от всех других видов хозяйственной деятельности. А весной сего года в сентандерском порту из трюмов принадлежащих Филиппу кораблей были отгружены не только рулоны персидских ковров, тюки с индийскими пряностями и китайским рисом, не только шелка, чай и экзотические фрукты, но также и хорошо просмоленные бочонки с высококачественным порохом из Византии. Так что для умного и предусмотрительного человека не было ничего неожиданного в том, что гасконская армия имела в своем распоряжении «огненные жерла» и людей, умевших с ними обращаться. На свою беду, Рене Байоннский не отличался ни умом, ни предусмотрительностью...

Под вечер загремело! Клубясь дымом, «огненные жерла» выплевывали ядра, которые медленно, но верно разрушали городские стены и ворота, а самые дальнобойные из них производили опустошения внутри города. Тем временем кантабрийская эскадра несколькими выстрелами в упор вывела из строя все корабли береговой охраны и вошла в порт, будучи готовой под прикрытием артиллерии высадить на берег десант.

Байоннский гарнизон был деморализован в первые же минуты огневого штурма. Граф, брызжа слюной, на чем свет стоит проклинал «вероломного и бесчестного Коротышку-Красавчика», но о капитуляции и слышать не хотел. С наступлением ночи стрельба поутихла, однако полностью не прекратилась — Эрнан велел канонирам изредка напоминать байоннцам о том, что день грядущий им готовит.

Подобные напоминания в ночи возымели свое действие, и на рассвете Байонна сдалась. Как оказалось впоследствии, одно из таких «напоминаний», раскаленное массивное ядро, попало в графский дворец, да так метко, что рухнул потолок той комнаты, где как раз находились, держа совет, граф, оба его сына и несколько его приближенных. И граф, и его сыновья, и все его приближенные погибли в завале, а уцелевшие байоннские вельможи расценили это происшествие,

как предостережение свыше, и приказали немедленно распахать все ворота. Они самолично явились пред очи Филиппа и заверили его, что им гораздо милее провозглашать по-галльски: «Да здравствует принц!», чем по-французски: «Да здравствует король!»

Филипп изволил в это поверить.

Эрнан де Шатофьер с помпой принял капитуляцию всей байоннской армии.

Однако Филипп не отдавал приказа о снятии осады. Он велел привести к нему тринадцатилетнюю дочь Рене Байоннского, Эвелину, которая после ночных событий стала наследницей графства, и вошел в город только после того, как она принесла ему клятву верности (он милостиво позволил ей не преклонять при этом колени).

Потом был подписан договор о присоединении Байонны к Беарну. Филипп учредил опеку над несовершеннолетней графиней Байоннской, ее опекуном назначил себя, по праву опекуна расторгнул ее помолвку с Анжерраном де ла Тур и тут же обручил ее с младшим сыном графа д'Армандьяка.

Трагедия закончилась фарсом. Не успела еще просохнуть земля на могиле отца, как дочь заснула в объятиях виновника его смерти...

Захват Филиппом Байонны прошел почти незамеченным на фоне драматических событий, происходивших в то же самое время на крайнем юго-западе Европы. Локальный и, казалось бы, незначительный конфликт между кастильским королем и его дядей, графом Португальским, повлек за собой последствия глобального масштаба.

Едва лишь в Португалии стало известно о римском военном флоте, идущем на подмогу королю Кастилии, тамошние вельможи, сторонники самозванного короля, в одночасье превратились в яростных приверженцев единого кастильского государства и, поджав хвосты, быстренько выдали в руки королевского правосудия мятежного графа. Таков был бесславный итог притязаний Хуана Португальского на роль суверенного государя, и на этом бы все и закончилось, если бы Август

XII не поставил во главе флота своего двоюродного брата Валентина Юлия Истрийского.

Девятнадцатилетний римский принц Валентин был не в меру горячим, воинственным и честолюбивым молодым человеком. После пышных проводов, устроенных ему в неаполитанском порту, вернуться домой, так и не приняв участия в настоящем бою, было для него равнозначно поражению. Получив известие о капитуляции Португалии и письменные заверения Альфонсо XIII в нерушимости его прежних обязательств перед императором, Валентин Юлий, однако, не повернул свои корабли назад. Обуреваемый гневом и досадой, он ввязался в неравный бой с мавританским военным флотом и подчистую сокрушил превосходящие силы противника, понеся при том незначительные потери.

Это был успех, достойный триумфа на родине, но окрыленный столь блистательной победой юный адмирал не остановился на достигнутом. Он направил свои корабли к Гибралтару, и уже к вечеру следующего дня этот стратегически важный город-порт оказался во власти итальянцев.

Представлялось очевидным, что горстка отчаянных храбрецов во главе с Валентином Юлием не в силах удержать в своих руках Гибралтар, и, в конечном итоге, весь римский флот будет разгромлен, а сам принц, если не погибнет, то попадет в плен. Но, к счастью, Альфонсо Кастильский вовремя сориентировался, и собранная им для похода на Португалию армия, совершив марш-бросок, ударила по Гранадскому эмирату с севера, а эскадра боевых кораблей из порта Уэльва атаковала Кадис. Учувя, откуда ветер дует, Хайме III Арагонский, не ставя никаких предварительных условий, в спешном порядке отправил на помощь итальянцам свой военный флот.

Как и в музыке, на войне экспромт, при наличии вдохновения, подчас приносит больше плодов, чем тщательно обдуманный и разработанный во всех деталях план. Менее чем за месяц Гранадский эмират пал, сам эмир был пленен, а почти вся Южная Андалусия, за исключением мыса Гибралтар и порта Малага, доставшихся соответственно Италии и Арагону, вошла в состав Кастильского королевства. Таким образом,

длившаяся более семи столетий Реконкиста в Испании была успешно завершена летом 1452 года.

Плоды этой блестящей победы пожинали не только Кастилия, Италия и Арагон. С благословения Филиппа балеарский флот участвовал в набегах на Мавританию, а в середине августа гасконская армия оккупировала город Джазаир, ставший впоследствии форпостом галльской экспансии в Северной Африке. Между тем иезуиты, пользуясь представившимся им случаем, расширили Мароканскую область ордена к северу, захватив портовый город Танжер, и остановили свое продвижение лишь на линии реки Ксар-Сгир, где встретились с арагонцами, которые тоже не теряли времени даром и взяли под свой контроль юго-восточную часть Гибралтарского пролива, а также весь Сеутский залив вплоть до мыса Кабо-Негро.

Валентин Юлий Истирийский, удостоенный по возвращении в Италию триумфа, даже не думал почивать на лаврах. Вскоре он отправился в Тунис, чтобы воевать там для вящей славы Рима и возрождения его былого могущества.

Так прошло лето 1452 года.

Глава XX

«Творцы истории»

В Памплону Филипп решил прибыть заблаговременно, чтобы наверняка опередить всех своих конкурентов — разумеется, за исключением Рикарда Иверо, который там жил. Слухи о том, что с недавних пор Маргарита не на шутку увлеклась своим кузеном, не столько тревожили Филиппа, сколько пробуждали в нем здоровый дух соперничества. Этьен де Монтини, которого в конце мая Филипп отправил в Памплону с тайной миссией и которому через сестру удалось втереться в доверие к принцессе, в своих секретных донесениях сообщал, что хотя Маргарита влюблена в виконта Иверо, выходить за него замуж не собирается, а все больше склоняется к мысли о необходимости брачного союза Наварры с Гасконью. Благодаря Монтини, Филипп был в курсе всех событий при

наваррском дворе, но иногда его разбирала досада, что в отчетах Этьена лишь вскользь упоминалось имя Бланки. Однако он не решался требовать подробностей, боясь признаться себе, что Бланка по-прежнему дорога ему...

За несколько дней до отъезда произошло событие, вследствие которого численность гасконской делегации сократилась почти на треть, — обнаружилось, что Амелина беременна. При других обстоятельствах Симон де Бигор только бы радовался этому известию, но сейчас его возможную радость омрачали мучительные сомнения: от кого же у Амелины ребенок — от него или от Филиппа? Он угрожал ей и на коленях умолял признаться, чье дитя она носит под сердцем, и немного успокоился, лишь когда Амелина, положив руку на Евангелие, поклялась всеми святыми, что этот ребенок — его.

В приступе жесточайших угрызений совести Филипп и Амелина решили сгоряча, что впредь будут любить друг друга только как брат и сестра, и поспешили сообщить эту утешительную весть Симону. Гастон д'Альбре скептически отнесся к их скоропалительному решению, правда, не отрицал, что до окончания памплонских празднеств этот обет братско-сестринской любви будет соблюдаться — хотя бы потому, что Амелина, в связи с ее положением, остается в Тарасконе.

Вместе с Амелиной вынуждены были остаться и другие гасконские и каталонские дамы, поскольку у герцога и Филиппа жен не было, а жена Гастона тоже ожидала ребенка, и следовательно, некому было возглавить женскую часть делегации. Так постановил экстренно созданный семейный совет, большинство на котором принадлежало молодежи. Кузены Филиппа разной степени родства с редкостным единодушием ухватились за возможность избавиться от своих жен, чтобы вволю порезвиться при наваррском дворе, славившемся своими соблазнами.

Такое бессердечное со стороны мужчин решение, несказанно огорчившее дам, впоследствии обернулось большой удачей, чуть ли не даром Провидения, ибо по пути в Памплону поезд гасконцев подвергся нападению...

Это произошло пополудни, милях в десяти от границы Беарна с Наваррой. К счастью, опытный проводник вовремя заподозрил что-то неладное, и гасконцы успели надлежащим образом подготовиться к встрече с возможной опасностью. Однако в первый момент, когда меж деревьями замелькали черно-красные одежды рыцарей-иезуитов, у многих болезненно сжались сердца — если не от страха, то от суеверного ужаса.

Замешательство среди гасконцев, впрочем, длилось недолго и вскоре уступило место предельной собранности. Расстояние между противниками было небольшим, так что после обмена десятком стрел и дротиков, не причинившим ни одной из сторон никакого вреда, герцог, подняв руку с мечом, зычным голосом произнес:

— Вперед, господа! — и, пришпорив лошадь, помчался навстречу врагу.

Следом за ним, с оружием наизготовку, дружно двинулись все остальные. Иезуиты, которые рассчитывали внезапностью нападения внести сумятицу в ряды гасконцев, оказались лишенными этого преимущества и поначалу даже были ошарашены их неожиданной агрессивностью.

Уклонившись от копья своего первого противника, Филипп на ходу полоснул его мечом, да так удачно, что тот не удержался в седле и свалился наземь. Не утруждая себя проверкой, убит он или только ранен (это было делом оруженосцев и слуг), Филипп ворвался в гущу врагов, рубя налево и направо. Рядом с ним, плечом к плечу, бились Габриель де Шверни, Симон де Бигор, Робер де Русильон, еще два Филиппа и два Гийома — д'Армандьяки и Сарданские.

Отряд иезуитов превосходил гасконских рыцарей в численности, но этот перевес с лихвой компенсировался значительным количеством слуг из свиты гасконцев, часть которых вместе с оруженосцами помогала своим господам непосредственно в бою, а остальные, вооруженные луками и арбалетами, обстреливали фланги, не позволяя иезуитам обойти гасконцев с тыла.

Потери обеих сторон пока что были незначительными: по

несколько человек убитыми и около десятка раненных, в числе которых оказался и Эрнан. Именно в этот день его угораздило надеться в тяжелые турнирные доспехи и, вдобавок, облачить в железные латы своего Байярда — молодого перспективного жеребца, которого он решил испытать на выносливость. При первом же столкновении изнуренный конь не устоял на ногах, и вместе с ним на земле очутился его хозяин. К счастью для Эрнана, иезуитов затем оттеснили, и жизни доблестного коннетабля опасность пока не угрожала. Слуги торопливо перенесли его под прикрытие фургона, а несчастный Байярд так и остался лежать на поле боя, закованный в железные латы, тяжесть которых не позволяла ему подняться на ноги.

В самом центре линии обороны герцог, со свойственными ему спокойствием и хладнокровием, мастерски орудовал мечом, отбивая удары иезуитов и метко разя их в ответ. На нем не было ни единой царапины, и своим примером он поддерживал мужество в сердцах воинов, которые, хоть и были в меньшинстве, успешно отражали атаки врага.

На правом фланге, где сражался Филипп, дела обстояли еще лучше. Руководимые им рыцари, главным образом молодежь, неумолимо продвигались вперед, и те поверженные иезуиты, что еще оставался в живых, тут же попадали под кинжалы оруженосцев и слуг, как свиньи под ножи мясников.

Филипп одобрительными возгласами приободрял друзей, а сам с нарастающим беспокойством поглядывал на противоположный фланг, где события разворачивались не в пользу Гастона д'Альбре и Робера де Бигора. Филипп не сомневался в победе, он был не вправе хотя бы на мгновение допустить обратное — но вот какую цену им придется заплатить за нее? Пока еще держится левый фланг, гасконцы находятся в более выгодном положении, и потеря среди них значительно меньше. Но у Гастона и графа де Бигора слишком мало людей — еле-еле, каким-то чудом им удастся сдерживать натиск иезуитов. Вот-вот, и... Нет! В последний момент иезуиты вынуждены были ослабить давление на левом фланге и перебросить часть рыцарей на правый, где особенно опустошительно хо-

зайничала гасконская молодежь. На какое-то время равновесие было восстановлено — но надолго ли?..

За первым рядом нападавших Филипп заметил всадника в блестящих доспехах и в шлеме, увенчанном пучком разноцветных перьев. Судя по роскошной одежде и властным жестам, которыми он сопровождал свои приказы, это был предводитель отряда.

— Эй, Габриель, Робер, Симон! — окликнул Филипп друзей, которые бились рядом. — Давайте доберемся до того петуха!

С их помощью Филипп пробился к «петуху», как он окрестил предводителя, и пока друзья оттесняли иезуитов, налетел на него с занесенным мечом.

— Защищайтесь, сударь! Полно вам прятаться за спинами подчиненных!

Предводитель молча принял его вызов, и между ними завязалась жестокая схватка. На сей раз Филипп встретил достойного противника.

Иезуиты попытались было вновь сомкнуться и окружить нескольких смельчаков, но поздно спохватились — в образовавшуюся брешь уже ринулись гасконцы, и предводитель нападавших оказался отрезанным от остальных своих рыцарей.

Ряды иезуитов дрогнули, однако Филипп понимал, что даже гибель «петуха» не остановит дальнейшего кровопролития. С болью в сердце он думал о том, что, возможно, кому-то из близких ему людей суждено будет пасть в этом бою; особенно он беспокоился за отца и Гастона. Ожесточенно сражаясь с предводителем, Филипп мысленно взывал к небесам, моля их не допустить победы ценой жизнью его друзей и родственников.

И небеса как будто прислушались к его страстным мольбам. Внезапно за спинами иезуитов из-за ближайшего холма выплеснулся на прогалину стремительный поток белых плащей, блестящих лат, разномастных лошадей, сияющих на солнце лезвий обнаженных мечей и полощущихся на ветру штандартов ордена Храма Сионского, что в глазах радостно потрясенных гасконцев выглядело неоспоримым доказатель-

ство безграничной милости Господней. Громко, зычно раздался боевой клич: «Боссеан!» — и неожиданное появление тамплиеров поставило крест на всех надеждах иезуитов преломить ход сражения. Зажатые с обеих сторон превосходящими силами противников, они были обречены на поражение.

Воспользовавшись секундным замешательством «петуха», Филипп плашмя огрел его мечом по голове, измяв роскошный плюмаж, затем корпусом и руками вытолкнул очумевшего иезуита из седла.

— Габриель! — крикнул он. — Займись этим мерзавцем и присмотри, чтобы его не прикончили. Он мой пленник. — А сам, пришпорив лошадь, помчался дальше.

С появлением тамплиеров схватка, начавшаяся как яростное противоборство, вылилась в поголовную резню. Мало кому из черно-красных рыцарей удалось избежать смерти. Герцог, такой хладнокровный в бою, теперь дал волю своему гневу. В молодости он люто возненавидел иезуитов за зверства, которые они творили в Арагоне во время войны с катарами, и после смерти отца изгнал их всех из Гаскони и Каталонии, сравнял с землей их командорства и запретил деятельность ордена Сердца Иисусова в своих владениях. Герцог призвал не брать ни одного врага в плен, заявив, что в любом случае все пленники будут казнены.

Благодаря своевременному вмешательству тамплиеров потери среди гасконцев оказались незначительными. Из числа знатных господ погиб один только Ги де Луаньяк — камергер герцога. К превеликому облегчению Филиппа, никто из его друзей не пострадал и даже не был сколько-нибудь серьезно ранен. Лишь Гастон д'Альбре под конец схватки вывихнул руку — он так увлекся, преследуя уносивших ноги иезуитов, что позабыл об усталости, а когда у него закружилась голова, не удержался в седле и упал с лошади; остальные же вообще отделались мелкими царапинами и ссадинами. Филипп слегка ушиб себе колено, у него неприятно зудели онемевшие руки, но он счел это сущими пустяками, когда, к радости своей, убедился, что на его лице нет ни малейших повреждений.

«Хотя шрамы украшают мужчину, — рассуждал он, — мне

они ни к чему. Меня вполне устраивает то, что есть».

К этому времени Эрнан уже пришел в сознание и теперь, сидя на траве, обалдело таращился на усеянное телами иезуитов поле боя. Вдруг он изумленно воскликнул:

— Да это же Клипенштейн, чтоб мне пусто было! Гуго фон Клипенштейн! Он самый, клянусь хвостом Вельзевула!

Гигант-всадник лет тридцати пяти, по всей видимости, предводитель отряда, остановил своего коня и повернулся к Эрнану. Остальные тамплиеры вместе с гасконцами продолжали добивать иезуитов.

— Брат де Шатофьер! Вот так встреча! — Он подъехал ближе, спешил и участливо спросил: — Вы ранены?

— Ну... В общем... — смущенно пробормотал Эрнан. Только с некоторым опозданием он сообразил, в какую щекотливую ситуацию попал. Все это время, пока вокруг кипел бой, пока его друзья бились не на жизнь, а на смерть, сам он пролежал в безопасном местечке, даже не вынув из ножен меч. — В общем, мелочи. Ничего серьезного.

— Уж поверьте, ничего серьезного, — поспешил на выручку другу Филипп, который проезжал мимо. — Просто господину де Шатофьеру не повезло. Он упал и немного ушибся. — Филипп спрыгнул с лошади и смерил оценивающим взглядом могучую фигуру прославленного воина, который за свои подвиги в Палестине заслужил прозвище Гроза Сарацинов. — Господин фон Клипенштейн, у меня просто нет слов, чтобы выразить всю глубину своей признательности за столь своевременную помощь. Благодаря вам мы избежали больших потерь, и многие жены и дети будут до конца своих дней вспоминать в молитвах имена героев, спасших от неминуемой смерти их супругов и отцов.

— Это обязанность каждого христианина — помогать ближнему своему в годину бедствий, — скромно ответил тамплиер. — Слава Богу, мы успели в самый раз. Эти еретики еще хуже магометан. И как их только земля носит!

— Ума не приложу, — задумчиво произнес Филипп. — За чем мы им понадобились?

— Говорят, — отозвался Эрнан, поднимаясь на ноги, — что

отдельные отряды иезуитов с молчаливого согласия своих командоров занимаются разбоем на большой дороге.

— Что-то такое я слышал,— кивнул Филипп.— Но, насколько мне известно, этим промыслом они занимаются небольшими бандами и уж тем более не афишируют своей принадлежности к ордену.

— Что правда, то правда,— согласился Шатофьер.— Обычно они переодеваются и избегают нападать на вооруженные отряды. А тут черт-те что: все одеты в иезуитскую форму, да еще и с боевыми штандартами. Если не ошибаюсь, это знамена командорства Сан-Себастьян.

— М-да, в самом деле... Чертовщина какая-то!

Клипенштейн деликатно прокашлялся.

— Прошу прощения, милостивый государь,— обратился он к Филиппу.— Как я понимаю, вы монсеньор Аквитанский-младший.

— А отныне и ваш должник,— ответил Филипп.— Какими ветрами, столь счастливыми для нас, занесло вас в наши края?

Тамплиер улыбнулся:

— Смею надеяться, что ваш край вскоре станет не чужим и для меня.

— О! — радостно произнес Эрнан.— Вас назначили главой одного из гасконских командорств? И какого же?

— Берите выше, брат. Магистр Рене де Монтальбан после ранения в Палестине решил удалиться на покой в наш мальтийский монастырь и попросил гроссмейстера освободить его от обязанностей прецептора Аквитанского...

— Стало быть, вы назначены его преемником,— понял Филипп.— Очень мило. Но как вы оказались именно здесь? Верно, уже начали проводить смотр командорств?

— Нет, монсеньор, только собирался. Прежде всего, я хотел представиться вам и вашему отцу, как этого требует устав нашего ордена, но в Тарасконе я вас уже не застал, поэтому вместе с отрядом отправился вдогонку за вами. По счастью, я избрал более короткий путь, чем вы.

— И представились нам самым лучшим образом,— добавил Филипп.— Думаю, нет нужды особо оговаривать, что ни у меня, ни у моего отца не будет никаких возражений против вашей кандидатуры, как прецептора Аквитанского. Надеюсь, теперь вы присоединитесь к нам? По моим сведениям, король Наварры пригласил вас участвовать в праздничном турнире в числе семи зачинщиков.

— Это так, монсеньор. Однако я вынужден отказаться от вашего любезного предложения продолжить путь вместе. До начала турнира еще более двух недель, и я намерен за это время посетить несколько ближайших командорств.

— Что ж, удачи... Но, полагаю, вы согласитесь провести этот вечер и ночь в моем замке Кагельбелло, что в трех часах езды отсюда. Мы остановимся там на пару дней, чтобы похоронить погибших и позаботиться о раненных.

— О да, конечно,— сказал Клипенштейн.— Мы с удовольствием воспользуемся вашим...— Вдруг лицо его вытянулось от удивления, и он во все глаза уставился на предводителя иезуитов, которого, уже без шлема, вел к ним Габриель.— Ба! Родриго де Ортегал! Прецептор Наваррский собственной персоной. Ну и дела!

Филипп внимательно всмотрелся в холодные, безмолвные черты лица иезуита.

— А хоть и сам Инморте. Кто бы он ни был, это не мешает нам допросить его с пристрастием.

— А еще лучше немедленно повесить его на ближайшем суку, как лесного разбойника,— послышался рядом голос герцога. Он подъехал к ним на лошади, с окровавленным мечом в руке и посмотрел на прецептора ненавидящим взглядом. Затем повернулся к своему оруженосцу: — Эй, Лоррис! Неси веревку. Сейчас мы вздернем этого мерзавца.

— Постой, Лоррис! — властно произнес Филипп.— Это мой пленник, отец.

— Ну и что? Любои иезуит заслуживает смерти. А прецептор — подавно.

— Простите, отец,— Филипп был непреклонен,— но это Беарн, государь здесь я, и мне решать, как поступить с моим

пленником. Первым делом его следует допросить. Надеюсь, в Кастельбелло найдется мало-мальски искусный палач, который сумеет развязать ему язык.

Клипенштейн покачал головой:

— Боюсь, что безнадежно, монсеньор.

— Что вы имеете в виду? — спросил Филипп.

— Все посвященные в тайны ордена иезуиты крепко держат язык за зубами. Разумеется, я не стану утверждать, что Инморте навел на них чары, но мне известно несколько случаев, когда попавшие в плен к сарацинам и маврам командиры ордена сходили с ума под пытками, так и не проронив ни слова.

— Точно, — подтвердил Эрнан. — Я тоже об этом слышал.

— Ага, — сказал Филипп и вновь поглядел на прецептора.

В ответ тот лишь искривил губы в едва заметной ухмылке. Лицо его оставалось таким же холодным и беспристрастным, а взгляд был преисполнен решимости, в нем ярко пылал огонь фанатизма.

«Нет, — понял Филипп. — Он не заговорит. Он умрет или сойдет с ума, но будет молчать до конца. Что-что, а подбирать верных соратников Инморте умеет. Пожалуй, лучше будет последовать совету отца и вздернуть его. Однако...»

И тут Филипп принял решение, которое потрясло и возмутило не только герцога, патологически ненавидевшего иезуитов, но и всех без исключения гасконцев и тамплиеров. Он отпустил Родриго де Ортегаля на свободу!

Когда страсти поутихли, Филипп уточнил, что прецептор может сесть на лошадь и беспрепятственно удалиться на двести шагов в любую сторону, после чего он становится свободным в полном смысле этого слова, без каких-либо гарантий личной неприкосновенности.

Такое разъяснение положило конец ропоту недовольства, а кое-кто даже нашел решение Филиппа весьма остроумным. Около дюжины тамплиеров и примерно столько же гасконцев принялись готовиться к погоне за иезуитом, как только он отъедет на двести шагов. Но прежде, чем принять дарованную ему свободу зайца, преследуемого сворой гончих псов, Родри-

го де Ортегаль изъявил желание переговорить с Филиппом с глазу на глаз.

Эта просьба показалась крайне подозрительной. Прецептора тщательно обыскали на предмет обнаружения спрятанного оружия, но ничего не нашли. После недолгих раздумий Филипп попросил присутствующих оставить их наедине.

Когда все отошли на достаточное расстояние, прецептор заговорил:

— Монсеньор, вы подарили мне жизнь... вернее, дали мне шанс спасти свою жизнь, и теперь я у вас в долгу...

— Забудьте об этом! — презрительно оборвал его Филипп. — Я не нуждаюсь в вашей признательности. Тем более что я поступил так вовсе не из милосердия, которого вы не заслуживаете. Я полностью согласен с отцом, что вам самое место на виселице, но не хочу марать свои руки кровью пленника.

— Ну что ж, — произнес иезуит. — В таком случае, расценивайте то, что я вам скажу, как если бы вы допросили меня с пристрастием. Но учтите, что тогда я не сказал бы вам ничего. Да и сейчас скажу далеко не все — но лишь то, что сочту нужным.

— Ладно, меня это устраивает. Я слушаю.

— Я получил приказ гроссмейстера уничтожить вас.

Филипп громко фыркнул.

— Знаете, — саркастически произнес он, — я почему-то сразу заподозрил, что вы не собирались пригласить нас на общую трапезу.

— Боюсь, монсеньор, — заметил прецептор, — вы неверно поняли меня. Мне и моим людям было приказано уничтожить именно вас. До остальных ваших спутников нам не было никакого дела. Даже до вашего отца — хотя он наш лютый враг.

— Вот как! И чем я заслужил такую высокую честь?

— Вы приговорены к смерти тайным судом нашего ордена. Вы не единственный приговоренный, но вы один из первых в нашем списке. Так что берегитесь, монсеньор. Сегодня вам повезло, но нас это не остановит. Если я останусь в жи-

вых, то сделаю все возможное, чтобы довести дело до конца. Если же нет, приговор исполнит кто-то другой.

В лицо Филиппу бросилась краска гнева и негодования.

— Ваш гнусный орден слишком много возомнил о себе! Кто вы такие, чтобы судить меня?!

— Мы творцы истории, — невозмутимо ответил Родриго де Ортегаль. — За нами будущее всего человечества. Мы рука Господня на земле.

— Карающая длань, — иронически добавил Филипп.

— И творящая. Творящая историю и карающая тех, кто стоит на нашем пути к грядущему всемирному единству. И именем этого единства, к которому мы стремимся, суд нашего ордена приговорил вас к смерти. Вас следовало бы уничтожить еще раньше, но мы недооценили исходящую от вас опасность. Однако в последнее время линии вашей судьбы проявились...

— Я не цыган, господин иезуит, — вновь перебил его Филипп. — И не верю в судьбу. Я верю в вольную волю и Божье Провидение.

— Это несущественно, монсеньор. При всей вашей вольной воле свобода вашего выбора ограничена множеством факторов, отсюда и вырисовываются линии вашей судьбы. И поверьте, эти линии, все до единой, представляют смертельную угрозу для нас и нашей цели. Другими словами, что бы вы ни делали, вы будете лишь вредить нам в достижении всемирного единства.

— Того самого единства, — криво усмехнулся Филипп, — которое вы уже установили на территории своих областей? О, в таком случае можете не сомневаться: я буду вредить вам, ибо вы несете миру не единство, а всеобщее рабство и мракобесие. Ваше будущее — жуткий кошмар; вы не творцы истории, но ее вероятные могильщики, а если вы и являетесь чьей-то рукой на земле, то не Господней, а дьявольской. Будьте уверены — а ежели спасетесь, то так и передайте своему хозяину, — что я приложу все усилия, дабы стереть ваш орден с лица земли. Я твердо убежден, что этим окажу большую услугу всему христианскому миру и совершу богоугодное деяние.

— Ваша убежденность достойна уважения, монсеньор,— ответил Родриго де Ортегаль.— Теперь я вижу, что вы действительно серьезный противник. И очень опасный.— Лицо прецептора приобрело прежнее непроницаемое выражение.— Я сказал вам все, что хотел.

...Поздно ночью в Кастельбелло явились измотанные бешеной скачкой тамплиеры и гасконские рыцари, которые преследовали Родриго де Ортегаль. Иезуиту удалось оторваться от погони.

А Филипп долго думал над тем, что сообщил ему прецептор. В конце концов он решил не рассказывать о смертном приговоре никому, даже Эрнану, которому всецело доверял. И Эрнану — особенно.

«Если он узнает об этом,— так обосновал свое решение Филипп,— то будет ходить за мной по пятам, не даст мне покоя ни днем, ни ночью. И главное — ночью... Нет, это будет слишком! Я уж как-нибудь сам о себе позабочусь».

Глава XXI

Безумие Рикарда Иверо

В то лето виконту Иверо шел двадцать первый год. Он был внушительным племянником короля Наварры, сыном и наследником самого могущественного после короля наваррского вельможи — донна Клавдия, графа Иверо, а по линии матери, Дианы Юлии, он приходился двоюродным братом ныне царствующему императору Августу XII. Был он высокого роста, строен, светловолос и красив, как античный бог, правда, не в пример богам, он не мог похвастаться физической силой и выносливостью — и это, пожалуй, был единственный его недостаток. Рикард, казалось, имел все, что нужно для полного счастья — молодость, красоту, здоровье, знатность и богатство,— однако счастливым себя не чувствовал. В четырнадцать лет его угораздило без памяти влюбиться в свою троюродную сестру Маргариту, и с тех пор вся его жизнь была подчинена одной цели — добиться от нее взаимности.

Шли годы. Рикард вырослел, вместе с ним выросла Маргарита, и все длиннее становилась вереница ее любовников, на которых он взирал со стороны, снедаемый ревностью и отчаянием. Маргарита относилась к нему лишь как к брату, наотрез отказываясь видеть в нем мужчину. А в то же самое время его родная сестра Елена была просто без ума от него, и вряд ли бы ее остановил страх перед грехом кровосмешения, если бы не упрямство Рикарда, для которого во всем мире не существовало другой женщины, кроме Маргариты. Вдобавок ко всему, еще одна троюродная сестра Рикарда, Жоанна Бискайская, с некоторых пор всерьез вознамерилась стать его женой и с этой целью старалась настроить против него Маргариту. А поскольку Жоанна не отличалась особым умом и в своих интригах была слишком прямолинейна, Рикард вскоре о ее кознях прознал и всеми силами души возненавидел ее.

Когда же, наконец, его мечта осуществилась, и Маргарита (отчасти назло Жоанне) подарила ему свою любовь, Рикард совсем потерял голову. Если раньше он обожал Маргариту, то после первой близости с ней он стал боготворить ее, и с каждой следующей ночью все неистовее. Впрочем, и Маргарита со временем начала испытывать к Рикарду гораздо более глубокое чувство, чем то, которое она привыкла называть любовью. Все чаще Маргарита стала появляться на людях в обществе Рикарда, а с конца июня они проводили вместе не только ночные часы, но и большую часть дня, словно законные супруги. Многие в Наварре уже начали поговаривать, что наконец-то их наследная принцесса остепенилась, нашла себе будущего мужа, и теперь следует ожидать объявления о предстоящей свадьбе.

Однако сама Маргарита о браке не помышляла. До Рождества, когда она обещала отцу выйти замуж, была еще уйма времени, спешить с этим, по ее мнению, не стоило, и все разговоры на эту тему, которые то и дело заводил с ней Рикард, неизменно заканчивались бурными ссорами. Обычно это случалось по утрам, а к вечеру они уже мирились, и в качестве отступной Рикард преподносил Маргарите в подарок какую-нибудь сногшибательную вещицу, все глубже погрязая в тря-

сине долгов.

В тот июльский вечер, о котором мы намерены рассказать, он подарил ей в знак очередного примирения после очередной утренней ссоры изумительное жемчужное ожерелье, влетевшее ему в целое состояние.

Почти час потратила наваррская принцесса, вместе с Бланкой и Матильдой изучая подарок Рикарда, рассматривая его в разных ракурсах и при различном освещении и примеряя его друг на дружке. С этой целью Маргарита трижды, а Матильда дважды меняли платья. Бланка не переодевалась только потому, что ей было далеко идти до своих покоев, а все платья наваррской принцессы были на нее слишком длинными.

Рикард весь сиял. Он опять был в ладах с Маргаритой, критическое восприятие действительности, которое обострялось у него по утрам, к вечеру, как обычно, притупилось, все тревоги, опасения и дурные предчувствия были забыты, будущее виделось ему в розовых тонах, а в настоящем он был по-настоящему счастлив.

Вволю налюбовавшись собой и своим новым украшением, Маргарита звонко поцеловала Рикарда в губы.

— Это задаток, — пообещала она. — Право, Рикард, ты прелесть! Таких восхитительных подарков я не получала еще ни от кого, даже от отца... Между прочим, сегодня и папуля мне кое-что подарил. Вот, говорит, доченька, взгляни. Может, тебя заинтересует.

— А что за подарок? — спросила Бланка.

— Сейчас покажу.

Маргарита вышла из комнаты, а спустя минуту вернулась, держа в руках небольшой, размерами с книгу, портрет.

— Ну как, кузина, узнаешь?

Невесть почему (а если хорошенько вдуматься, то по вполне понятным причинам) Бланка покраснела.

— Это Филипп Аквитанский...

— Он самый. Нечего сказать, отменная работа. Только, по моему, художник переусердствовал — слишком смазлив твой Филипп на портрете. Вряд ли он такой в жизни.

— А вот и ошибаешься,— пожалуй, с излишним пылом возразила Бланка.— По мне, этот портрет очень удачный, и художник несколько не польстил Филиппу.

— Вот как! — произнесла Маргарита, облизнув губы.— Выходит, не зря его прозвали Красавчиком.

— А если начистоту, — язвительно заметил Рикард, глядя на портрет с откровенной враждебностью,— то гораздо больше ему подошло бы прозвище Красавица.

Бланка укоризненно посмотрела на Рикарда, а Маргарита улынулась.

— И в самом деле. Уж больно он похож на девчонку. Если бы не глаза и не одежда... Гм. Он, наверное, не только женщинам, но и мужчинам нравится. А, кузина?

Бланка смутилась. Ее коробило от таких разговоров, и она предпочла бы уклониться от ответа, однако опасалась, что Маргарита вновь обрушит на нее град насмешек по поводу ее «неприличной стыдливости».

— Ну... в общем... Был один, дон Педро де Хара, прости Господи его грешную душу.

— Он что, умер?

— Да. Филипп убил его на дуэли.

— За что?

— Ну... Дон Педро попытался... это... поухаживать за Филиппом. А он вызвал его на дуэль.

— За эти самые ухаживания?

— Мм... да.

— Какая жестокость! — отозвался Рикард.— Мало того, что дон Педро страдал из-за своих дурных наклонностей, так еще и поплатился за это жизнью.

Бланка смерила Рикарда испепеляющим взглядом.

— Прекратите язвить, кузен! — резко произнесла она.— Прежде всего, Филипп понятия не имел о дурных наклонностях дона Педро, а его... его ухаживания он расценил как насмешку над своей внешностью. Это во-первых. А во-вторых, вас ничуть не трогает горькая участь незадачливого дона Педро де Хары. Вы преследуете вполне определенную цель — очернить кузена Аквитанского в глазах Маргариты.

— Ладно, оставим это, — примирительно сказала наваррская принцесса. — Тебе, Рикард, следует быть осторожным в выражениях, когда речь идет о кумире Бланки...

— Кузина!.. — в замешательстве произнесла Бланка.

— А ты, дорогуша, не лицемерь, — отмахнулась Маргарита. — Не пытайся убедить меня в том, что Красавчик тебе уже разонравился... Гм. И он нравится не только тебе. Матильда, как ты находишь Филиппа Аквитанского?

Девушка с трудом оторвала взгляд от портрета и в растерянности захлопала ресницами.

— Простите?.. Ах, да... Он очень красивый, сударыня.

— И совсем не похож на девчонку?

— Нет, сударыня. Он похож на Тристана.

— На Тристана? — рассмеялась Маргарита. — Чем же он похож на Тристана?

— Ну... Он красивый, добрый, мужественный...

— Мужественный?

— Да, сударыня. Госпожа Бланка как-то говорила мне, что дон Филипп Аквитанский считается одним из лучших рыцарей Кастилии.

— А по его виду не скажешь.

— Тем не менее, это так, — заметила Бланка. — Филипп часто побеждал на турнирах, которые устраивал мой отец.

— И чаще всего тогда, — усмехнулась Маргарита, — когда королевой любви и красоты на турнире была ты... Да, кстати. Ты знаешь, что мой папочка пригласил его быть одним из зачинщиков праздничного турнира?

— Что-то такое я слышала.

— И это симптоматично. Похоже, отец намерен превратить турнир в состязание претендентов на мою руку. Уже доподлинно известно, что как минимум четыре зачинщика из семи будут мои женихи.

— Аж четыре?

— Да. Пятым, скорее всего, станет твой муженек — как-никак, он первый принц крови. А еще два места папуля, видать, приберег для Рикарда и кузена Арагонского, буде они изъявят

желание преломить копья в мою честь... Гм, в чем я позволю себе усомниться.

Рикард покраснел. Он никогда не принимал участия в турнирах, так как от природы был физически слаб.

— Один из тех четырех, как я понимаю, Филипп Аквитанский, — пришла на помощь Рикарду Бланка. — Второй граф Ооска. А еще двое?

— Представь себе, — сказала Маргарита. — Будет Эрик Датский.

— Тот самый бродячий принц?

— Да, тот самый.

— Прошу прощения, сударыни, — вмешалась в их разговор Матильда. — Но почему его называют бродячим принцем?

— Потому что он постоянно бродит по свету, то бишь странствует. Странствует и воюет. Кузен Эрик — шестой сын датского короля, на родине ему ничего не светит, вот он и шагает по всему миру в поисках какой-нибудь бесхозной короны. Недавно его погнали в шею с Балкан, так что теперь он решил попытать счастья на Пиренеях.

— А четвертый кто? — спросила Бланка. — Случайно, не Тибальд де Труа?

Маргарита усмехнулась:

— Он самый. Моя безответная любовь.

— Как это безответная? Ведь он влюблен в тебя.

— Это я имела в виду. Он любит меня — а я не отвечаю ему взаимностью

— В таком случае, ты неправильно выразилась, — заметила Бланка. — Это ты его безответная любовь.

Маргарита пожала плечами.

— Какая разница! — сказала она. — И вообще, не придирайся к словам. Ты сама не больно хорошо говоришь по-галльски.

— Зато правильно.

— А вы знаете, сударыня, — вновь вмешалась Матильда, обращаясь к Бланке. — В прошлом году госпожа Маргарита послала господину графу Шампанскому...

— Замолчи! — резко перебила ее Маргарита; щеки ее заалели. — Что послала, то послала. Он сам напросился.

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовалась Бланка.

— Да ни в чем. Просто Тибальд де Труа — настырный тип. Четыре года назад он совершал паломничество к мощам Святого Иакова Компостельского, чтобы помолиться за выздоровление своей жены, и проездом побывал в Памплоне. Тогда-то мы с ним и познакомились. И представь себе: на второй день он признался мне в любви — а в это самое время его жена была при смерти. Он, наверное, здорово обрадовался, когда вернулся домой и узнал, что она умерла.

— Не суди опрометчиво, кузина. Откуда тебе известно, что он обрадовался?

— А оттуда! Потому что спустя два месяца он попросил у отца моей руки. Когда же я отказала ему, он принялся терроризировать меня длинными письмами в стихах. У меня уже скопилось целое собрание его сочинений. Ума не приложу, что мне делать с этим ворохом бумаги.

— Вели переплести их в тома, — посоветовала Бланка. — Это сделает честь твоей библиотеке. Тибальд де Труа, несмотря на все его недостатки, выдающийся поэт.

— Может быть, может быть, — не стала возражать Маргарита. — Правда, ваш Руис де Монтихо ни во что его не ставит.

Бланка пренебрежительно фыркнула:

— Тоже мне, авторитет нашла! Его просто снедает зависть к таланту дна Тибальда. По мне, Руис де Монтихо — несерьезный поэт.

— А граф Шампанский, по-твоему, серьезный? Да более легкомысленного человека я еще не встречала!

— С ним лично я не знакома, — ответила Бланка, — поэтому не берусь судить, какой он человек. Но поэт он серьезный, даже гениальный. Хотя я не считаю себя большим знатоком поэзии, все же осмелюсь предположить, что потомки поставят Тибальда де Труа на одну доску с такими видными фигурами в литературе, как Вергилий, Гомер и Петрарка.

Слова «доска» и «фигуры» вызвали у Маргариты странную цепочку ассоциаций. В отличие от Бланки, страстной любительницы шахмат, наваррская принцесса терпеть не могла эту игру — за шахматной доской она откровенно скучала, и ее

клонило ко сну. Вслед за словом «сон» в ее голове завертелось слово «постель», повлекшее за собой приятные мысли о том, чем люди занимаются в постели помимо того, что спят.

Маргарита томно посмотрела на Рикарда и сладко зевнула.

— Ну все, друзья,— заявила она.— Хорошего понемногу. Поздно уже, пора ложиться баиньки. Рикард, проводи кухню до ее покоев. Господин де Монтини, небось, заждался от нее весточки.

Лицо Бланки обдало жаром, и чтобы скрыть смущение, она торопливо направилась к выходу. Исполняя просьбу Маргариты, Рикард последовал за ней.

Весь путь они прошли молча, думая каждый о своем. Но возле своей двери Бланка задержала Рикарда.

— Кузен,— сказала она.— Я очень волнуюсь за вас. Боюсь, это может плохо кончиться.

— О чем вы говорите?

— О ваших отношениях с Маргаритой. Она просто играет с вами в любовь. А вы тешите себя напрасными надеждами.

Рикард мрачно усмехнулся:

— Я не слепой, кузина. Я все вижу, все знаю. Но буду бороться до конца.

— А если...

— Прошу вас, не надо. Я не хочу сейчас думать об этом.

— Да поймите же наконец, что на одной Маргарите свет клином еще не сошелся.

— Увы, для меня сошелся.

— Неужели во всем мире нет другой женщины, достойной вашей любви?

— Почему же, есть,— ответил Рикард.— Даже две. Но, к сожалению, они обе не для меня. Ведь вы замужем, а Елена моя родная сестра.

Бланка удрученно покачала головой:

— Право, вы безумец, Рикард!..

Когда Рикард возвратился, Маргарита уже разделась и ожидала его, лежа в постели. На невысоком столике возле

кровати стоял, прислоненный к стене, портрет Филиппа.

— А это еще зачем? — с досадой произнес Рикард. — Чтоб лишний раз поиздеваться надо мной?

— А какое тебе, собственно, дело? — Маргарита поднялась с подушек, подвернув под себя ноги. — Пусть побудет здесь, пока его место не займет оригинал.

— Маргарита! — в отчаянии простонал Рикард. — Тырываешь мое сердце!

— Ах, какие громкие слова! Какая бездна страсти! — Она протянула к нему руки. — Ну, иди ко мне, мой малыш. Я мигом твое сердечко вылечу.

Рикард сбросил с ног башмаки, забрался на кровать и привлек ее к себе.

— Маргаритка моя Маргаритка, — прошептал он, зарываясь лицом в ее душистых волосах. — Цветочек ты мой ненаглядный. Как я смогу жить без тебя?..

— А зачем тебе жить без меня? — спросила Маргарита. — Давай будем жить вместе. Ты такой милый, такой хороший, я так тебя люблю.

— Пока, — добавил Рикард.

— Что «пока»?

— Пока что ты любишь меня. Но потом...

— Не думай, что будет потом. Живи сегодняшним днем, вернее, сегодняшней ночью, и все уладится само собой.

— Если бы так... Ты, кстати, знаешь, почему моя мать не одобряет наших отношений? Не только потому, что считает их греховными.

— А почему же?

— Оказывается, еще много лет назад она составила на нас с тобой гороскоп, и звезды со всей определенностью сказали ей, что мы принесем друг другу несчастье.

— Ты веришь в это?

— Боюсь, что верю.

— Так зачем же ты любишь меня? Почему ты не порвешь со мной?

Рикард тяжело вздохнул:

— Да хотя бы потому, что я не в силах отказаться от тебя. Ты так прекрасна, ты просто божественная...

— Я божественная! — рассмеялась Маргарита. — Ошибаешься, милый! Я всего лишь до крайности распущенная девчонка.

— Да, ты распущенная, — согласился Рикард. — Но все равно я люблю тебя. Я люблю в тебе и твое беспутство, я люблю в тебе все — и достоинства, и недостатки.

— Даже недостатки?

— Их особенно. Если бы их не было, ты была бы совсем другой женщиной. А я люблю тебя такую, именно такую, до последней частички такую, какая ты есть. Другой мне не надо.

— Я есть такая, какая я есть, — задумчиво произнесла Маргарита. — Тогда не гаси свечи, Рикард. Шила в мешке не утаишь.

Глава XXII

Грехопадение Матильды де Монтини

— Безобразие! — недовольно проворчал Гастон д'Альбре, развалившись на диване в просторной гостиной роскошных апартаментов, отведенных Филиппу во дворце наваррского короля.

— Еще бы, — отозвался пьяненький Симон де Бигор. — Это очень даже невежливо.

Он сидел на подоконнике, болтая в воздухе ногами. Находившийся рядом Габриель де Шеверни готов был в любой момент подстраховать друга, если тот вздумает вывалиться в открытое окно.

Последний из присутствующих, Филипп, стоял перед большим зеркалом и придирчиво изучал свое отражение.

— Что невежливо, это уж точно, — согласился он.

Все четверо только что возвратились с торжественного обеда, данного королем в честь прибытия гасконских гостей. Маргарита на обед явиться не соизволила, ссылаясь на отсут-

ствие аппетита, и именно по этому поводу Гастон с Симоном выражали свое неудовольствие. Филиппа же возмутила главным образом бесцеремонность принцессы: ведь ей ничего не стоило придумать более подходящий и менее вызывающий предлог — скажем, плохое самочувствие.

Впрочем, он не считал эту выходку Маргариты плохим знаком — скорее наоборот. По некотором размышлении Филипп пришел к выводу, что ее поступок свидетельствует о крайнем раздражении, обиде и даже уязвленной гордости. И причиной этому, вне всякого сомнения, был он. Скорее всего, Маргарита уже решила остановить свой выбор на нем — и теперь досадует из-за этого, чувствует себя униженной, потерпевшей поражение...

Филипп добродушно улыбнулся своему отражению в зеркале и дал себе слово, что в самом скором времени заставит Маргариту позабыть о досаде и унижении, которые она испытывает сейчас.

— Да перестань ты глазеть в это чертово зеркало! — раздраженно произнес Гастон. — Вот еще фронт, все прихорашивается и прихорашивается! И так уже смазлив до неприличия. Прямо как девчонка.

Филипп перевел на кузена кроткий взгляд.

— И вовсе я не прихорашиваюсь.

— Ну, так любишь себя.

— И не люблюсь. Я просто думаю.

— О чем, если не секрет?

Какое-то мгновение Филипп колебался, затем ответил:

— А вдруг Маргарита окажется выше меня? Ведь не зря меня прозвали Коротышкой, я действительно невысок ростом.

— Для мужчины, — флегматично уточнил Габриель.

— Зато она, говорят, высокая для женщины.

— Вот беда-то будет! — ухмыльнулся Гастон. — Настоящая трагедия.

— Ну, насчет трагедии ты малость загнул. Однако...

— Однако в постели с высокими женщинами ты чувствуешь себя не очень уверенно, — закончил его мысль д'Альбре. —

Что за глупости! Право, не понимаю: какая, собственно, разница, кто выше? Лично меня это никогда не волновало.

Филипп смерил взглядом долговязую фигуру кузена и хмыкнул:

— Ясное дело! Вряд ли тебе доводилось заниматься любовью с семифутовыми красотками.

Гастон хохотнул.

— Твоя правда, — сдался он. — Об этом я как-то не подумал. По-видимому, не суждено мне узнать, каково это — трахать бабу, что выше тебя.

Филипп брезгливо фыркнул. Несмотря на свой большой опыт по этой части (а может, и благодаря ему), он всячески избегал вульгарных выражений, когда речь шла о женщинах, и без особого восторга выслушивал их из чужих уст.

Симон, который все это время сидел на подоконнике, размахивая ногами и что-то мурлыча себе под нос, вдруг проявил живейший интерес к их разговору.

— А что? — спросил он у Филиппа. — Ты собираешься переспать с Маргаритой?

Филипп ничего не ответил и лишь лязгнул зубами, пораженный нелепостью вопроса.

Гастон в изумлении уставился на Симона.

— Подумать только... — сокрушенно пробормотал он. — Хотя я знаю тебя с пеленок, порой у меня создается впечатление, что ты строишь из себя идиота. Нет-нет, я уверен, что это не так, но впечатление, однако, создается. Не стану говорить за других, но лично для меня нет ничего удивительного, что Амелина погуливает на стороне. Еще бы! С таким-то мужем...

Симон покраснел от смущения.

— Ты меня обижаешь, Гастон. Ну, не догадался я, ладно. Как-то не думал об этом раньше.

— А что здесь думать, скажи на милость? Прежде всего, Филипп собирается жениться на Маргарите, и потом... Да что и говорить! Это же так безусловно, как те слюнки, которые текут у тебя при мысли о вкусной еде. Разве не ясно, что коль скоро такой отъявленный бабник, как наш Филипп, заявился

в гости к такой очаровательной шлюшке, как Маргарита, то без палок-тыкалок между ними никак не обойдется.

— Ты бы заткнулся, дружище, — вежливо посоветовал ему Филипп. — А то тебя слушать противно.

Гастон тряхнул головой.

— Чертова твоя деликатность! Просто уму непостижимо, как в тебе только уживаются ханжа и распутник.

Филипп хотел было ответить, что распущенность распущенности рознь и что разборчивость в выражениях еще не ханжество, но как раз в это мгновение дверь передней отворилась и в гостиную заглянул его паж д'Обиак — светловолосый паренек тринадцати лет с вечно улыбающимся лицом и легкомысленным взглядом бархатных глаз.

— Монсеньор...

— Ты неисправим, Марио! — раздраженно перебил его Филипп. — Пора уже научиться стучать в дверь.

— Ой, простите, монсеньор, — извиняющимся тоном произнес паж, тщетно пытаясь изобразить глубокое раскаяние, которое вряд ли испытывал на самом деле. — Совсем из головы вылетело.

— Это не удивительно, — прокомментировал Гастон. — У тебя, парень, только ветер в голове и гуляет.

— Совершенно верно, — согласился Филипп. — Я держу его у себя лишь потому, что он уникален в своей нерадивости... Так чего тебе, Марио?

— Здесь одна барышня, монсеньор. Говорит, что пришла к вам по поручению госпожи принцессы.

— Вот как! — оживился Филипп. — Что ж, пригласи ее. Негоже заставлять даму ждать, особенно если она посланница принцессы.

Он устроился в кресле, скрестил ноги и напустил на себя величественный вид.

Марио шире распахнул дверь и отступил вглубь передней.

— Прошу вас, барышня.

В комнату вошла стройная черноволосая девушка в нарядном платье из темно-синего бархата и склонилась перед Филиппом в глубоком реверансе. Гастон, Габриель и Симон при-

ветствовали ее почтительными поклонами, а Филип — кивком. Он даже сделал движение, как будто собирался подняться с кресла, однако в последний момент передумал. С его лица напрочь исчезло высокомерное выражение, уступив место благодушному умилению, а в глазах зажглись похотливые огоньки. Он непроизвольно облизнул губы и спросил:

— Мой паж не ошибся? Вас прислала госпожа Маргарита — или сама богиня Афродита?

Гастон д'Альбре исподтишка захихикал. А девушка в смущении улыбнулась и застенчиво произнесла:

— Я пришла с поручением от госпожи принцессы, монсеньор. Ее высочество весьма сожалеет о случившемся...

— Это насчет обеда?

— Да, монсеньор. Сегодня госпожа была не в духе... плохо себя чувствовала... и так получилось. Поэтому она приносит вам свои извинения и выражает надежду, что не очень обидела вас.

Филипп изобразил искреннее изумление:

— Обидела? Да ради Бога! Если госпожа принцесса не явилась на обед, значит у нее были на то основания. И не мне судить о том, достаточны они или нет.

Гастон тихонько фыркнул:

— Каков лицемер, а?

Девушка вновь улыбнулась и продолжила:

— Сегодня вечером у госпожи принцессы собираются молодые дворяне и дамы, состоится небольшой прием. Ее высочество просила передать, что будет рада, если вы и ваши друзья окажете ей честь своим присутствием.

«Так-так,— подумал Филипп.— Это еще лучше, чем я ожидал. Вечер в сравнительно узком кругу, интимная обстановка... Но черт! Какая прелестная девчушка! Неужто Маргарита умышленно подставила ее, чтобы отвлечь мое внимание от своей персоны? Гм, должен признать, что отчасти ей это удалось...»

— И когда состоится прием? — спросил он.

— Через час после захода солнца, то есть около девяти. Ее высочество пришлет за вами своих пажей.

— Прекрасно.

После этого в гостиной воцарилось неловкое молчание. Девушка робко смотрела на Филиппа, смущенно улыбаясь. Он же откровенно раздевал ее взглядом.

Гастон с равнодушным видом сидел на диване. Он и заговорил первым:

— Между прочим, барышня. Вы мне кого-то напоминаете. Вот только не вспомню, кого именно.

— Простите, монсеньор? — встрепенулась девушка. — Ах да! Возможно, вы знаете моего брата, Этьена де Монтини?

— Точно-точно, он самый... Так вы его младшая сестра — Матильда, если не ошибаюсь?

— Да, монсеньор, Матильда де Монтини.

— Красивое у вас имя, — сказал Гастон. — И вы тоже красивая. Правда, Филипп?

Тот утвердительно кивнул и одарил Матильду обворожительной улыбкой. Щеки ее из розовых сделались пунцовыми, она в замешательстве опустила глаза.

— Вы очень любезны, господа...

Гастон поднялся с дивана и расправил плечи.

— Ну, ладно, пойду предупрежу наших ребят, чтобы были готовы к половине девятого.

— Правильно! — обрадовался Филипп. — Обязательно предупреди. И вы, Симон, Габриель, тоже ступайте — переоденьтесь, отдохните немного.

Оба молодых человека подчинились. При этом Симон иронично усмехался, а вот Габриель почему-то был угрюм и подавлен...

Когда они остались вдвоем, Филипп ласково обратился к Матильде:

— Прошу садиться, барышня. Выбирайте, где вам удобнее. — Он заговорщически подмигнул ей, всем своим видом показывая, что самое удобное место у него на коленях. — Официальная аудиенция закончена и нам больше нет нужды следовать протоколу.

— Благодарю вас, монсеньор, вы очень милы,— смущенно ответила девушка.— Но лучше я постою. Тем более, что мне пора возвращаться к госпоже.

— Тогда я тоже постою,— сказал Филипп, поднимаясь с кресла.— И кстати, я вас еще не отпускал.

— Да, монсеньор?

— Я хотел бы узнать, кто будет присутствовать на сегодняшнем приеме. Из знати, разумеется.

— Ну, прежде всего, госпожа Бланка Кастильская. Не исключено, что будет ее брат, дон Фернандо.

— Вот как? Граф де Уэльва уже приехал?

— Да, монсеньор. Ее высочество как раз давала мне поручение, когда ей доложили о прибытии господина принца.

— Гм. А мне казалось, что он должен сопровождать свою сестру, принцессу Нору.

— Госпожа Элеонора приедет несколько позже, вместе со старшим братом, королем доном Альфонсо.

— Даже так! Ну что же... Итак, на приеме будут принцесса Бланка и, возможно, граф де Уэльва. Еще кто?

— Госпожа Жоанна, сестра графа Бискайского.

— А сам граф?

— Нет, он не... Вчера поздно ночью он возвратился из Басконии, и у него накопилось много неотложных дел.

«Ясненько,— подумал Филипп.— Маргарита и ее кузен настолько не переваривают друг друга, что даже избегают личных встреч...»

— Благодарю вас, барышня. Продолжайте, пожалуйста.

— Из всех, достойных вашего внимания, остались только господин виконт Иверо и его сестра, госпожа Елена.

— Виконт по-прежнему дружен с принцессой?— поинтересовался Филипп. Он не спеша расхаживал по комнате, медленно, но верно приближаясь к Матильде.

Девушка стыдливо опустила глаза.

— Ну, собственно... В общем, да.

— А ваш брат?

Если предыдущий вопрос привел Матильду в легкое и вполне объяснимое замешательство, то упоминание об Этьене явно обескуражило ее.

— Прошу прощения, монсеньор. Боюсь, я не поняла вас.

«Вот так дела! — изумился Филипп. — Неужели Маргарита изменила своим принципам и завела себе сразу двух любовников?.. Но с этим мы разберемся чуть позже».

Он подступил к Матильде вплотную и решительно привлек ее к себе. Девушка покорно, без всякого сопротивления, отдалась в его объятия.

— Монсеньор!.. — скорее простонала, чем прошептала она.

— Называй меня Филиппом, милочка... О Боже, какая ты хорошенькая! Ты просто сводишь с ума! И я вправду рехнусь... если сейчас же не поцелую тебя.

Что он и сделал. Его поцелуй был долгим и нежным; таким долгим и таким нежным, что у Матильды дух захватило.

Потом они целовались жадно, неистово. Отсутствие опыта Матильда восполняла самоотверженностью юной девушки, впервые познавшей чувство любви. В каждый поцелуй она вкладывала всю свою душу и с каждым новым поцелуем все больше пьянела от восторга, испытывая какое-то радостное потрясение.

Филипп подхватил полубесчувственную девушку на руки, перенес ее на диван и, весь дрожа от нетерпения, лихорадочно принялся стягивать с нее платье. Немного придя в себя, Матильда испуганно отпрянула от него и одернула юбки.

— Что вы, монсеньор! Это же... Ведь сюда могут войти... И увидят...

— Ну, и пусть видят... Ах, да, точно! — опомнился Филипп. — Ты права, крошка. Прости, я совсем потерял голову. Говорил же, что ты сводишь меня с ума. — Он обнял ее за плечи. — Пойдем, милочка.

— Куда? — трепеща спросила Матильда.

— Как это куда? Разумеется, в спальню.

Матильда вырвалась из его объятий.

— О Боже! — воскликнула она, отступая все дальше от него. — В спальню?.. Нет, не надо! Прошу вас, не надо...

Филипп озадаченно глядел на нее.

— Но почему же? Сейчас только шесть, времени у нас вдоволь, чтобы успеть приятно его провести. Будь хорошей девочкой, пойдем со мной.

Он встал с дивана и направился к ней. Матильда пятилась от него, пока не уперлась спиной в стену. Она сжалась, точно затравленный зверек; взгляд ее беспомощно метался по комнате.

— Прошу вас, монсеньор, — взмолилась Матильда. — Не надо!..

Филипп приблизился к ней вплотную.

— Надо, милочка, надо. Если, конечно, я нравлюсь тебе.

— Вы нравитесь мне! — горячо заверила она. — Я... я вас люблю.

— Так в чем же дело?

— Я боюсь... Мне страшно...

Филипп рассмеялся и звонко поцеловал ее дрожащие губы.

— Не бойся, со мной не страшно. Поверь, крошка, я не сделаю тебе больно. Напротив — ты получишь столько удовольствия, что тебе и не снилось.

Матильда в отчаянии прижала руки к груди.

— Но ведь это такой грех! — прошептала она. — Страшный грех...

Филипп все понял.

«Ага! Она, оказывается, не только невинна, что уже само по себе удивительно, она еще и святоша. Вот уж никогда бы не подумал, что Маргарита держит у себя таких фрейлин... Гм... А может быть, они с ней нежнейшие подружки?..»

С разочарованным видом он отошел от Матильды, сел в кресло и сухо промолвил:

— Ладно, уходи.

Матильда побледнела. В глазах ее заблестели слезы.

— О, монсеньор! Я чем-то обидела вас?

— Ни в коей мере. Я никогда не обижаюсь на женщин, даже если они обманывают меня.

— Обманывают! — воскликнула пораженная Матильда. — Вы считаете, что я обманываю вас?

— Да, ты солгала мне. На самом деле ты не любишь меня. Уходи, больше я тебя не задерживаю.

Девушка сникла и тихонько заплакала.

— Вы жестокий, вы не верите мне. Не верите, что я люблю вас...

Филипп застонал. У многих женщин слезы были единственным их оружием — но они сражали его наповал.

— Ты заблуждаешься, — из последних сил произнес он, стараясь выглядеть невозмутимым. — У тебя просто мимолетное увлечение, которое вскоре пройдет, может быть, и завтра.

Матильда опустила на устланный коврами пол и безвольно свесила голову.

— Вы ошибаетесь. Это не увлечение, я действительно люблю вас... По-настоящему... Я полюбила вас с того мгновения, как увидела ваш портрет. Госпожа Бланка много рассказывала про вас... много хорошего. Я так ждала вашего приезда, а вы... вы не верите мне!..

Не в силах сдерживаться далее, Филипп бросился к ней.

— Я верю тебе, милая, верю. И я тоже люблю тебя. Только не плачь, пожалуйста.

Лицо Матильды просияло. Она положила руки ему на плечи.

— Это правда? Вы любите меня?

— Конечно, люблю, — убежденно ответил Филипп и тут же виновато опустил глаза. — Но...

Быстрым движением Матильда прижала ладонку к его губам.

— Молчите, не говорите ничего. Я и так все понимаю. Я знаю, что не ровня вам, и не тешусь никакими иллюзиями. Я не глупа... Но я дура! Я дура и бесстыдница! Я все равно люблю вас... — Она прильнула к нему, коснулась губами мочки его уха и страстно прошептала: — Я всегда буду любить вас. Несмотря ни на что! И пусть моя душа вечно горит в аду...

Филипп промолчал, и только крепче обнял девушку, чувствуя, как на лицо ему набегают жгучая краска стыда. Он все-

гда испытывал стыд, когда ему удавалось соблазнить женщину. Но всякий раз, когда он терпел поражение, его разбирала досада.

— Мне пора идти,— отозвалась Матильда.— Госпожа, наверное, ждет меня.

— Да, да, конечно,— согласился Филипп.— О ней-то я совсем забыл. Когда мы встретимся снова?

Матильда немного отстранилась от него и прижалась губами к его губам. Ее поцелуй был таким невинным, таким неумелым и таким жарким, что Филипп чуть не разрыдался от умиления.

— Так когда же мы встретимся?— спросил он.

— Когда вам угодно,— просто ответила она.— Ведь я люблю вас.

— И ты будешь моей?

— Да, да, да! Я ваша и приду к вам, когда вы пожелаете... Или вы приходите ко мне.

— Ты живешь одна?

— У меня отдельная комната. Госпожа очень добра ко мне.

— Сегодня вечером тебя устраивает?

— Да.

— Жди меня где-то через час после приема.

Матильда покорно кивнула:

— Хорошо. Я буду ждать.

— Да, кстати. Как мне найти твою комнату?

Она объяснила.

Глава XXIII

Из которой явствует, что пантера — тоже киска

Большинство вечеров Маргарита проводила в своей любимой Красной гостиной зимних покоев дворца, но по случаю прибытия гасконских гостей она собрала своих приближенных в зале, где обычно устраивались праздничные вечеринки в сравнительно узком кругу присутствующих. Это было просторное, изысканно меблированное помещение с высо-

ким потолком и широкими окнами, на которых висели стянутые посередине золотыми шнурами тяжелые шелковые шторы. Сквозь полупрозрачные занавеси на окнах проглядывались очертания башен дворца на фоне угасающего вечернего неба. Поскольку в тот вечер танцев не намечалось, ложа для музыкантов пустовала, а пол был сплошь устлан андалузскими коврами. Чтобы придать обстановке некоторую интимность и даже фривольность, обе глухие стены зала по личному распоряжению Маргариты были в спешном порядке увешаны красочными гобеленами на темы античных мифов, преимущественно эротического содержания.

Ожидая прихода гостей, Маргарита сидела на диване в окружении фрейлин и, склонив на бок белокурую головку, вполуха слушала пение менестреля. На лице ее блуждало задумчивое выражение — скорее обеспокоенное, чем мечтательное, а ясно-голубые глаза были подернуты дымкой грусти.

Поодаль, в укрытом леопардовой шкурой кресле располагалась Жоанна Наваррская, княжна Бискайская — кареглазая шатенка двадцати лет, которую, при всей ее привлекательности, трудно было назвать даже хорошенькой. Ее фигура была нескладная, как у подростка, лицо не отличалось правильностью черт и было по-детски простоватым, с чем резко контрастировали чересчур чувственные губы. И тем не менее, во всем ее облике было что-то необычайно притягательное для мужчин; но что именно — так и оставалось загадкой. Жоанна держала в руках раскрытую книгу, не читая ее, и со скучающим видом внимала болтовне своей кузины Елены Иверо, лишь изредка отзываясь, чтобы сделать какое-нибудь несущественное замечание.

Ослепительная красавица Елена представляла собой полную противоположность кроткой и застенчивой Жоанне. Ей было семнадцать лет, жизнь была из нее ключом, она не могла устоять на одном месте и порхала вокруг кресла, словно мотылек, без усталости тараторя и то и дело заливаясь хохотом. Ее ничуть не волновало, как это смотрится со стороны, и что, возможно, такая суетливость не к лицу принцессе королев-

ской крови, которой с малых лет надлежит выглядеть важной и степенной дамой. Впрочем, мало находилось людей, которым хватало твердости хотя бы в мыслях порицать Елену за ее поведение. Что бы ни делала эта зеленоглазая хохотунья с пышной гривой волос цвета меди, она очаровывала всех своей жизнерадостностью и какой-то детской непосредственностью. Одна ее улыбка убивала в самом зародыше все возможные упреки в ее адрес. В присутствии Елены совсем не хотелось брюзжать о хороших манерах; куда приятнее было просто любоваться ею и вместе с ней радоваться жизни.

Но время от времени, когда взгляд Елены устремлялся на брата, она мрачнела и хмурилась, смех ее становился немного натянутым, а в глазах появлялась печальная нежность вперемежку с состраданием. Часа два назад Рикард крепко поругался с Маргаритой и фактически получил у нее отставку. Особенно огорчало Елену, что вскоре после такой бурной ссоры, изобиловавшей взаимными упреками и крайне обидными оскорблениями со стороны принцессы, Рикард, напрочь позабыв о мужской гордости, покорно явился на прием и сейчас жалобно смотрел на Маргариту, привлекая своим несчастным видом всеобщее внимание...

Ближе к парадному входу в зал, возле одного из окон, сидели за шахматным столиком Бланка Кастильская и Этьен де Монтини, которые с наглой откровенностью обменивались влюбленными взглядами, а подчас и соответствующего содержания репликами. Между делом они также играли в шахматы, вернее, Бланка давала Этьену очередной урок, передвигая изящные фигурки из яшмы и халцедона как за себя, так и за него. Кстати говоря, по части шахмат Бланка не знала себе равных во всех трех испанских королевствах*. В бытность свою в Толедо Филипп чаще всего проигрывал ей, изредка добивался ничьи, и лишь считанные разы ему удавалось обыграть умницу-принцессу, что весьма болезненно задевало его самолюбие.

В четверть девятого широкие двустворчатые двери па-

---

* Три испанские королевства — Кастилия, Наварра и Арагон.

радного входа в зал распахнулись, пропуская внутрь Филиппа с его друзьями — молодыми гасконскими вельможами. Все разговоры мигом прекратились, и в наступившей тишине герольд, который более получаса простоял у двери, ожидая этой минуты, торжественно объявил:

— Его высочество, великолепный и могущественный сеньор Филипп Аквитанский, суверенный князь Беарна, верховный сюзерен Мальорки и Минорки, граф Кантабрии и Андорры, гранд Кастилии и Леона, соправитель Гаскони, пэр и первый принц Галлии, наследник престола...— герольд перевел дыхание и скороговоркой закончил: — Рыцарь-защитник веры Христовой, кавалер орденов Золотого Руна и Корнелия Великого, почетный командор ордена Фернандо Святого, вице-магистр ордена Людовика Освободителя!

Маргарита встала с дивана и не спеша направилась к гостям. Лицо ее просветлело, а на губах заиграла приветливая улыбка.

— Рада с вами познакомиться, господин принц,— сказала она, протягивая ему руку, которую Филипп вежливо поцеловал.

— К вашим услугам, сударыня.

Маргарита смирив его оценивающим взглядом и, отбросив дальнейшие условности, сразу перешла в наступление:

— А вы совсем не похожи на воинственного и грозного государя, покорившего за шесть дней все Байоннское графство.

— Неужели?— принял ее игру Филипп.— А на кого я похож?

— На толедского щеголя и повесу дона Фелипе из Кантабрии.

— Как, на того самого?

— Да, на того самого дона Фелипе, о котором ходит столько разных сплетен и про которого мне много рассказывала кузина Кастильская.

Филипп взглянул в указанном Маргаритой направлении и послал Бланке легкий поклон. Она приветливо улыбнулась ему и кивнула в ответ головой. Одета в темно-зеленое платье, которое плотно облегалo ее гибкий стан, четко очерчивая

небольшую, но уже полностью сформированную грудь, Бланка выглядела такой милой и привлекательной, что в сердце Филиппа закралась черная зависть к графу Бискайскому.

— В таком случае, принцесса, — сказал он Маргарите, — мы оба разочарованы.

— Это почему?

— Потому, что я тоже обманулся в своих ожиданиях. Идя к вам, я представлял вас в образе безжалостной фурии, но переступив порог этого зала, увидел... — Тут он сделал многозначительную паузу.

— Ну, так кого вы увидели? — нетерпеливо спросила Маргарита.

— Мне почудилось, что я увидел ангела, сошедшего с небес на нашу бренную землю, — ответил Филипп, пристально глядя ей в глаза.

Маргарита растерялась, гадая, что это на самом деле — грубая лесть, или же в словах Филиппа таится подвох. Так и не придя к однозначному выводу, она построила серьезную мину и предостерегла:

— Будьте осторожны, сударь! Мой отец счел бы ваши слова богохульством.

— Это вы намекаете на роспись в соборе Пречистой Девы Марии Памплонской? — невинно осведомился Филипп.

За сим последовала весьма живописная сцена. Бланка вдруг закашлялась и неосторожным движением руки сбросила с шахматного столика несколько фигур. Жоанна весело улыбнулась, а Елена разразилась звонким смехом. И тем труднее было сдерживаться придворным Маргариты, которые отчаянно гримасничали, судорожно сцепив зубы и покраснев от натуги. Лишь только Матильда, любимица принцессы, позволила себе тихонько засмеяться, изящно прикрыв ладошкой рот.

Рикард Иверо еще больше помрачнел и бросил на Филиппа воинственный взгляд.

А Маргарита раздосадовано закусила губу. Ей были крайне неприятны воспоминания об этом инциденте полугодовой давности, когда известный итальянский худож-

ник Беллини, расписывавший витражи собора Пречистой Девы в Памплоне, испросил у наваррского короля позволения запечатлеть черты его дочери в образе Божьей Матери, но получил категорический отказ. Мало того, в пылу праведного возмущения дон Александр воскликнул: «Не потерплю святотатства!» — и эта фраза, к большому огорчению принцессы, стала достоянием гласности.

Чувствуя, что молчание из неловкого становится невыносимым, Маргарита спросила:

— И вы согласны с моим отцом?

Этим вопросом она явно рассчитывала поставить Филиппа в затруднительное положение — но не тут-то было.

— О да, конечно, — сразу нашелся он. — При всем моем уважении к выдающемуся таланту маэстро Беллини, я тоже не уверен, что он смог бы изобразить вас во всей вашей красоте. А как ревностный христианин, его величество не мог допустить, чтобы в образе Пречистой Девы вы выглядели хуже, чем есть на самом деле. Именно это, я полагаю, имел в виду ваш отец, говоря о святотатстве.

И опять Маргарита растерялась. Как и прежде, она не могла решить, глумится ли он над ней, или же говорит от чистого сердца.

— А почему вы так уверены, что на портрете я выглядела бы хуже?

— Да потому, — отвечал Филипп, — что не родился еще художник, способный сравниться в мастерстве с Творцом, по чьей милости я имею честь восторженно лицезреть самое совершенное из Его творений.

Маргарита улыбнулась и покачала головой:

— Однако вы льстец!

— Вовсе нет. Я лишь говорю, что думаю. Меня, конечно, нельзя назвать беспристрастным в отношении вас — я, право же, просто очарован вами, — но даже самый беспристрастный человек вынужден будет признать... — Вдруг он умолк и беспомощно развел руками, будто натолкнувшись в своих рассуждениях на неожиданное препятствие.

— В чем дело? — поинтересовалась Маргарита. — Почему вы молчите?

— Должен вам сказать, сударыня, что беспристрастных в отношении вас людей на свете не существует.

— Как же так? Объясните, пожалуйста.

— Здесь и объяснять нечего, моя принцесса. Дело в том, что все мужчины при виде вас не помнят себя от восторга, а женщины зеленеют от зависти.

— Гм, это похоже на правду, — сказала польщенная Маргарита. — Только вот что. С вашим тезисом насчет мужчин я, пожалуй, согласна. Но женщины — неужели они все такие завистницы? Ведь если послушать вас, так получается, что у меня нет ни одной искренней подруги.

— Этого я не говорил. Далеко не всегда зависть идет рука об руку с недоброжелательностью. Можно питать к человеку самые дружеские, самые искренние и теплые чувства, но вместе с тем неосознанно преуменьшать его достоинства. Беспристрастность, хоть мало-мальски объективное отношение к вам со стороны женщин подразумевает превосходство, а мне — прошу великодушно простить мою ограниченность — явно не доставляет фантазии даже умозрительно представить себе женщину совершеннее вас.

Маргарита покраснела от удовольствия.

— Однако есть еще старики, дети, священнослужители... евнухи, наконец.

— В вашем присутствии, принцесса, старики молодеют, дети взрослеют, евнухи вспоминают, что когда-то были мужчинами, а священнослужители начинают сожалеть о том дне, когда они, приняв обет, отреклись от мирских радостей.

«А он довольно мил, — подумала Маргарита. — Сначала угостил меня горькой пилюлей, а затем обильно сдобрил ее сладкой лестью».

— А вы очень милы и любезны, мой принц. Даже самые избитые комплименты в ваших устах приобретают какое-то особенное, неповторимое очарование. Но, кажется, мы слишком увлеклись обменом любезностей и заставляем ждать ваших друзей. Представьте мне их.

— Как вам угодно, сударыня. Надеюсь, графа д'Альбре вы еще не забыли?

— Разумеется, нет. Рада вас видеть, граф,— сказала принцесса, подавая Гастону руку для поцелуя.

— Эрнан де Шатофьер, граф Капсирский. Воевал на Святой Земле вместе с Филиппом-Августом Французским.

Маргарита приветливо кивнула.

— А впоследствии воевал против него в Байонне,— добавила она.— В вашем окружении, дорогой принц, я вижу лишь одного настоящего рыцаря — господина де Шатофьера — зато какого рыцаря! Премного наслышана о ваших подвигах, сударь. Говорят, вы чудом избежали плена... то бишь не чудом, а благодаря вашему невероятному мужеству и везению.

— Бесконечно милосердие Божие, моя принцесса,— скромно ответил Эрнан.

— Виконт де Бигор,— представил Филипп Симона.

— Уже виконт? А ваш батюшка, стало быть, граф? Очень мило... Да, кстати, как себя чувствует ваша жена?— спросила Маргарита, лукаво косясь на Филиппа.

Симон густо покраснел.

— Благодарю за участие, сударыня,— ответил он, глядя исподлобья на того же таки Филиппа.— Все в порядке.

Когда Филипп представил ей всех своих спутников (а таковых было больше десятка), Маргарита оперлась на его руку и сказала остальным:

— Прошу вас, господа, проходите, знакомьтесь с моими дамами. И смелее, не робейте, они у меня настоящие овечки, кроткие и застенчивые.

Филипп ухмыльнулся.

«Ну-ну!— подумал он.— Хороши овечки с томными и похотливыми глазами! Впрочем, и мои ребята не промах. Уж то-то они повеселятся!..»

Первым делом Маргарита познакомила Филиппа со своими кузинами Жоанной и Еленой. Ни с той, ни с другой у него содержательного разговора не вышло — Жоанна выглядела чем-то озабоченной, слушала невнимательно и отвечала невпопад, а возле княжны Иверо уже нарезал круги Гастон, и

Филипп, как настоящий друг, решил не мешать ему, — так что вскорости они с Маргаритой подошли к шахматному столику.

— Надеюсь, мне нет нужды представлять вас друг другу, — сказала Маргарита.

Бланка улынулась ему своей обворожительной улыбкой и немного виновато произнесла:

— Если, конечно, кузен Филипп еще не забыл меня.

— Да разве можно забыть вас, кузина! — с пылом ответил он, бережно взял руку кастильской принцессы и, по своему обыкновению (но вопреки испанскому обычаю, предписывавшему целовать воздух над ладонью женщины, не касаясь кожи), нежно прижался к ней губами.

Тотчас же он заметил, как в глазах молодого человека, который сидел напротив Бланки, сверкнула молния, а на его красивое лицо набежала тень досады. Филипп испытующе посмотрел на юношу.

— Господин де Монтини?

Этьен поднялся из-за стола и поклонился:

— К вашим услугам, монсеньор.

Вопреки этому заверению, в голосе его прозвучал вызов. Бланка с укоризной взглянула на Монтини и покачала головой. Маргарита же иронически усмехнулась.

Филипп высокомерно кивнул Этьену, разрешая ему садиться, и вновь повернулся к Бланке:

— Дорогая кузина, я был безмерно огорчен известием о смерти вашего отца. От меня лично и от всей моей родни приношу вам искренние соболезнования.

Бланка склонила голову, и Филипп невольно залюбовался ею. Она была изумительно хороша в печали, как и в любом другом настроении; она была просто восхитительна. Присмотревшись внимательнее, Филипп вдруг обнаружил, что за последние полгода в Бланке произошла какая-то перемена — незначительная, казалось бы, почти неуловимая, — но это уже была не та Бланка, которую он знал в Толедо. Несколько секунд Филипп озадаченно глядел на нее, пока, наконец, не сообразил: она стала женщиной и она счастлива в замужестве... Но в замужестве ли?

Это подозрение побудило его снова посмотреть на Монтини, и лишь тогда он обратил внимание, что одет тот если не в пух и прах, то уж наверняка не по своим скромным средствам. Чего только стоили элегантные сапожки из кордовской кожи и нарядный берет с павлиньим пером — не говоря уж о великолепном камзоле, украшенном множеством серебряных позументов.

«Очень интересно! — подумал Филипп. — Или он надул меня насчет долгов и теперь транжирит мои денежки, или... Черти полосатые! Неужто он окрутил Бланку? Если так, то понятно, почему он так мало писал о ней, негодный мальчишка!.. Впрочем, и я хорош. Нужно было послать двух шпионов — чтобы они следили друг за другом».

— Да, кстати, — отозвалась Маргарита. — У кузины есть для вас известие.

— Какое?

— Про Альфонсо и Нору, — ответила Бланка. — Мой брат Фернандо... вы знаете, что он уже здесь?

— Знаю.

— Так вот, Фернандо сообщил, что Альфонсо с Норой должны приехать не позже чем через четыре дня.

— Ага. Выходит, кузен Альфонсо, несмотря на послевоенные заботы, все-таки решил лично присутствовать на церемонии передачи невесты.

— Само собой, — заметила Маргарита. — Коль скоро принимать невесту будет сам жених...

— Император? — оживился Филипп. — Значит, слухи о его возможном приезде в Памплону не были пустой болтовней?

— Как видите, нет. Неделью назад Август Юлий со свитой высадился в Барселоне, и мы ожидаем его прибытия со дня на день. Кроме того, празднества намерены посетить короли Галлии и Арагона, а также наследный принц Франции с женой и несколько немецких князей.

— Ну и ну! — покачал головой Филипп. Он, конечно, знал, что под предлогом участия в торжествах в Памплону должны прибыть полномочные представители соседних государств, и был осведомлен о предмете предстоящих переговоров, одна-

ко не ожидал, что четыре делегации возглавят короли, а еще одну — наследный принц.

— Вижу, вы удивлены, — сказала Маргарита. — Почему?

Филипп нахмурил чело, изображая раздумье. Затем произнес:

— Сдаюсь, принцесса! По зрелом размышлении должен признать, что помолвка наследницы наваррского престола с могущественным соседом заслуживает внимания со стороны прочих государей.

Бланка весело усмехнулась, от души забавляясь замешательством кузины. Молодой человек, стоявший в стороне, но слышавший их разговор, — а это был Рикард Иверо — подошел ближе и остановился возле Монтини.

— С могущественным соседом? — переспросила Маргарита. — На кого вы намекаете?

Филипп с притворным огорчением вздохнул:

— Вы меня шокируете, сударыня! Я говорю о вашем нареченном, а вы притворяетесь, будто слыхом про него не слыхивали. И как, по-вашему, должен чувствовать себя человек, чья невеста говорит ему прямо в глаза, что не знает его? Вы убиваете меня своей черствостью.

Маргарита звонко рассмеялась.

— Право, это бесподобно! Кузина рассказывала мне о вашей экстравагантной манере ухаживания, и вот я убедилась, что она ничуть не преувеличивала. Вы действительно идете напролом.

— Неужели? — удивился Филипп. — А мне всегда казалось, что я предельно деликатен и корректен с женщинами. Я с глубочайшим уважением отношусь к Бланке и весьма ценю ее мнение. Но со всей ответственностью заявляю, что на сей счет она ошибается. — Он слегка поклонился ей. — Вы уж не обессудьте, кузина.

Бланка отрицательно покачала головой; в ее карих глазах плясали лукавые чертики.

— И вот еще что, сударыня, — продолжал Филипп, вновь обращаясь к Маргарите. — Я никак не возьму в толк, по чем вы могли судить о моей манере ухаживания.

— Как это по чем?! А что вы сейчас делаете, как не пытаетесь приударить за мной?

— Приударить? Побойтесь Бога, принцесса! У меня и в мыслях этого не было. К вашему сведению, ухаживать вообще не в моих привычках. Обычно я беру то, что мне приглянется, не трата попусту время на ухаживания. — С этими словами он в упор *пригляделся* к Маргарите.

— Однако! — протяжно и с выражением произнесла она. — Каков нахал! Такого нахала, как вы, я еще не встречала и вряд ли когда-нибудь встречу.

— Насчет этого будьте покойны. Как ваш будущий супруг, я беру на себя обязательство отныне ограждать вас от всех сомнительных типов, которые возымеют дерзкое намерение поухаживать за вами.

Рикард сжал кулаки и шагнул вперед.

— Кстати, мой принц, — сказала Маргарита. — Разрешите представить вам моего кузена, господина виконта Иверо... гм... верного слугу наваррской короны.

Филипп дружелюбно кивнул:

— Очень приятно, виконт. Я имел удовольствие познакомиться в Толедо с вашим отцом и проникся к нему глубочайшим уважением. Надеюсь, мы с вами тоже станем добрыми друзьями.

Если молнии в глазах у Монтини Филипп видел лишь мельком, то пылающий взгляд Рикарда извергал их непрерывно. На него нахлынула волна жгучей ненависти и безмерного отчаяния.

«Господи помилуй! — ужаснулся он. — Да это же сумасшедший! Сейчас он двинет меня в челюсть...» — И Филипп непроизвольно напрягся, готовясь отразить удар.

Маргарита и не думала вмешиваться, чтобы предотвратить столкновение. Казалось, ее вполне устраивал хороший мордобой, и она с интересом ожидала дальнейшего развития событий. Положение спасла Елена, которая, кокетничая с Гастоном, не переставала краем глаза присматривать за Рикардом. Как только ей стало ясно, что дело принимает дурной

оборот, она оставила своего ухажера, быстрым шагом пересекла зал и решительно взяла брата за руку.

— Пойдем, Рикард. Господин д'Альбре хотел бы с тобой переговорить. Прошу прощения, кузины, господин принц...— Затем она зло взглянула на Маргариту и сквозь зубы прошипела: — Вот сучка!

— Успокойся, кузина,— кротко, но с язвительными нотками в голосе ответила ей Маргарита.— Никто здесь не собирается обижать твоего возлюбленного братца. К тому же мы с принцем сейчас уходим... Извини, Бланка, мы ненадолго отлучимся.

Филипп вежливо распрощался с кастильской принцессой, и обе пары отошли от шахматного столика в разные стороны.

— Что с виконтом?— поинтересовался Филипп.

Маргарита небрежно махнула свободной рукой.

— Да ничего особенного. Просто порой на него находит дурь.

— Ревнует?

Щеки Маргариты вспыхнули алым румянцем.

— А разве у него есть повод для ревности?

— Ну, если вы считаете, что у незадачливого жениха нет никаких оснований испытывать неприязнь к своему счастливому сопернику...— Тут он многозначительно умолк.

Принцесса повернула голову и пристально посмотрела ему в глаза.

— А вам не кажется, что вы слишком самонадеянны?

— Нет, не кажется.— Филипп стойко выдержал ее взгляд и добавил: — А вот вы, принцесса, наоборот — не очень-то уверены в себе.

Он почувствовал, как дрогнула ее рука.

— Глупости!

— Вовсе нет. Вы пытались смотреть на меня сурово, но в ваших глазах была мольба.

Маленькие пальчики крепко вцепились в его руку.

— Это бесполезно, сударыня,— спокойно заметил Филипп.— Когда женщины причиняют мне физическую боль, я впадаю в экстаз.

Хватка ослабла.

— Да, насчет гостей,— бухнула Маргарита ни к селу, ни к городу, что свидетельствовало о состоянии крайнего смятения. Она лихорадочно искала зацепку, чтобы переменить тему, и по цепочке ассоциаций возвратилась к тому моменту, когда разговор соскользнул на зыбкую почву.— Я, конечно, не отрицаю, что среди них будут такие, кого прежде всего привлекают празднества, и, надеюсь, таких будет большинство. Вот, к примеру, французы. Говорят, Филиппу де Пуатье до смерти надоели его обычные собутельники, и он с радостью ухватился за возможность попойнствовать в новом окружении. Но далеко не все съезжаются из-за меня. Для некоторых это лишь удобный повод собраться вместе и при личной встрече, с глазу на глаз, без посредников, решить многие животрепещущие вопросы.— Принцесса на секунду умолкла и бросила на Филиппа быстрый взгляд.— Только не делайте вид, что для вас это собрание неожиданность. Я-то знаю, что ваш отец был одним из его инициаторов. И не думаю, что он держал вас в неведении.

— Я этого не говорил,— совершенно серьезно ответил Филипп. Он поддержал перемену темы разговора, рассудив, что для начала с Маргариты достаточно.— Но для меня неожиданность, что переговоры решили почтить своим присутствием первые лица всех заинтересованных государств. Не хватает только французского короля.

— Он все еще страдает от ран, полученных в Палестине,— сказала Маргарита и усмехнулась.— А также от уязвленной гордости. Сначала он попал в плен и вынужден был заключить с сарацинами унижительный мир; по возвращении на родину обнаружил, что Нормандия больше не хочет быть под его рукой; а в довершение всех его бед, один честолюбивый юнец принялся копать под Французское государство с юга.

— Байонна никогда не принадлежала королям Франции по праву,— возразил Филипп.— Сент и Ангулем тоже. Я лишь восстанавливаю историческую справедливость.— А после некоторых колебаний он добавил: — Пока что.

— Пока что? — переспросила принцесса. — А что будет дальше?

— Потом придет черед собственно Франции. Пора уже объединить все галльские земли, как южные, так и северные, в одно могущественное государство. В прошлом Галлия была единой страной от Ла-Манша до Средиземного моря; так должно быть и в грядущем.

Маргарита покачала головой:

— А знаете, я с самого начала подозревала, что ваше честолюбие не ограничивается только лишь короной вашего дяди Робера. Небось, по натуре своей вы завоеватель. Где-то в глубине души вы мечтаете покорить весь мир.

— Еще бы! Ведь я прямой потомок Филиппа Воителя. Да и как не мечтать о покорении мира с таким коннетаблем, как у меня.

Филипп кивнул в сторону Эрнана, который, находясь в окружении дам, развлекал собеседниц разбором душещипательных подробностей самых драматических сражений на Святой Земле. Гордо выпячивая грудь, поочередно поправляя шпагу и одергивая роскошный белый плащ с черным крестом тамплиеров, он говорил без умолку, благо нашел себе внимательных слушателей, и то и дело бросал на женщин испепеляющие взгляды. Впрочем, эти страстные взгляды еще ничего не значили; Эрнан смотрел так на любой предмет, живой и неживой, и тщетны были попытки некоторых барышень заигрывать с ним.

— Великолепный воин! — с искренним восхищением сказала Маргарита. — Наверное, при одном его виде иезуиты здорово оробели.

— Ясное дело, — ответил Филипп, с трудом пряча улыбку. Известие о нападении иезуитов на поезд гасконцев уже успело облететь пол-Испании, но конфуз, который приключился с Эрнаном, как-то прошел незамеченным.

— А вам известно, что Родриго де Ортегаль уже смещен с поста прецептора, арестован и вскоре предстанет перед судом ордена? Его преемник, господин д'Эперне, вчера заверил мо-

его отца, что господин де Ортегаль действовал самовольно и вопреки уставу, за что понесет суровое наказание.

— Гм... Если его и накажут, то не за нападение на нас, а за то, что он потерпел неудачу.

— Я тоже так думаю. Никто из самостоятельно мыслящих людей не сомневается, что Ортегаль действовал по прямой указке Инморте. В последнее время иезуиты обнаглели до крайности. Я слышала, что нападавшие даже не пытались скрыть своей принадлежности к ордену.

— Да, — подтвердил Филипп. — Видать, они были уверены в своем успехе и хотели, чтобы весь мир знал, какая участь уготована их врагам. Полагаю, это нападение было задумано, как предупреждение для всех остальных. Инморте наверняка известно, что на переговорах в Памплоне будет обсуждаться вопрос об отлучении его ордена от церкви.

— Давно пора это сделать, — одобрительно произнесла Маргарита. — Будь моя воля, я бы их всех... Нет, вы вы только представьте — этот ублюдок де Барейро еще имел наглость проситься в зачинщики турнира.

— Вот как! И что же ответил ваш отец?

— Конечно, отказал. Вернее, он просто проигнорировал его письмо. Но можно не сомневаться, что это иезуитское отродье все равно заявится на турнир и постарается испортить праздник. Если он победит, это станет настоящей катастрофой.

— Не волнуйтесь, принцесса, — успокоил ее Филипп. — Я не позволю ему это сделать.

Последние слова он произнес немного рассеянно. Его внимание уже переключилось на группу из трех человек, мимо которых они как раз проходили. Это были Симон, Габриель и Матильда. Признав в Габриеле земляка, девушка бойко тараторила по-франсийски; тот страшно смущался и отвечал ей односложными фразами. Симон, как мог, старался приободрить друга.

— Что вы так смотрите на Матильду? — с внезапно возникшим подозрением спросила Маргарита.

— Очаровательное дитя, — сдержанно ответил Филипп.

— И, боюсь, вы уже положили на нее глаз,— вздохнула принцесса.— Да и она явно равнодушна к вам. Когда пришла от вас, была так взволнована, а глаза ее очень странно блестели... Впрочем, не ей одной вы вскружили здесь голову.

— А кому еще?

— Мне, например.

— Это следует понимать как комплимент?

— Ну... Можете считать это авансом.

Филипп шутливо поклонился:

— Благодарю вас за комплимент, сударыня. Я принимаю ваш аванс и обещаю при первой же возможности его отработать.

Маргарита кокетливо взглянула на него и томным голосом произнесла:

— Давайте присядем, мой принц. Я немного устала.

Она расположилась на обитом мягким плюшем диване и взмахом руки отогнала прочь карлика-шута и двух фрейлин, не нашедших себе кавалеров. Филипп сел рядом с ней — и, как бы невзначай, гораздо ближе, чем это предписывалось правилами приличия. Но Маргарита не отстранилась. Мало того, она еще чуть-чуть придвинулась к нему, и их ноги соприкоснулись.

— Так я жду ответа на комплемент,— сказала она млея.

— А я обязан отвечать?

— Разумеется, нет. Но правила хорошего тона требуют...

— Ах, правила... Ну, это другое дело. И что вы хотите услышать?

— Что я тоже вскружила вам голову. Что вы чуточку влюблены в меня.

— Но это неправда!

— Разве я не нравлюсь вам?

— Нравитесь. Но я не влюблен в вас.

— Однако намерены жениться на мне.

— Не намерен, а просто женюсь. Без всяких намерений. Вас что-то не устраивает?

Маргарита раздраженно хмыкнула.

— Да нет, что вы! — саркастически произнесла она. — Все прекрасно. Вы не любите меня и, тем не менее, собираетесь жениться. Ведь это в порядке вещей — вступать в брак без любви.

— Конечно, в порядке вещей, — с непроницаемым видом ответил Филипп. — В нашем кругу все браки заключаются по расчету, а что до любви, то затем и существуют любовники и любовницы — чтобы любить их и чтобы они любили вас. Вот поманите к себе виконта Иверо и спросите у него о любви. Держу пари, что в ответ он сразу бросится целовать ваши ножки, которые, я полагаю, вполне заслуживают такого с ними обращения. — Последние его слова сопровождались откровенно раздевающим взглядом.

— Вот нахал! — покачала головой Маргарита. — И не просто нахал, а исключительный нахал.

«Ага, попалась, пташечка! — удовлетворенно подумал он. — Не так страшен черт, как его малюют. Те, кто говорил о крутом нраве принцессы, ничегошеньки не смыслят в женщинах. На самом же деле она просто агнец...»

Филипп ошибался, но его ошибка объяснялась не совсем обычным поведением Маргариты в этот вечер. Чуть ли не впервые за многие годы наваррская принцесса оробела перед мужчиной и не смогла проявить свой вздорный характер. Хищная пантера втянула острые когти и превратилась в безобидную кошечку, которая нежно жалась к хозяину, прося его о ласке.

— Кстати, о любовниках, — сказала вдруг Маргарита. — Вы только посмотрите! — И она украдкой кивнула в сторону шахматного столика.

Подавшись вперед, Бланка что-то шептала Монтини. Тот внимательно слушал ее и ласково улыбался. Взгляды обоих сияли, а выражения лиц не оставляли места для сомнений насчет характера их отношений.

— Они действительно любовники?

— Еще хуже. Боюсь, Бланка всерьез увлечена этим парнем. И ни от кого не скрывает своей связи с ним.

— Вот те на! — изумленно произнес Филипп. — Скромни-

ца Бланка, и вдруг... Уму непостижимо! Вот уж никогда бы не подумал, что она отважится на такое. — И он бросил на Монтини завистливый и, следует отметить, немного раздраженный взгляд.

— Вы огорчены? — с улыбкой спросила Маргарита. — Вам досадно?

Филипп покраснел.

— С чего вы взяли?

— Знаю я вашего брата. Сознайтесь, принц: ведь вы были уверены, что раз Бланка устояла перед вашими чарами, то уже никто не совратит ее с *пути истинного*. А тут появляется какой-то неотесанный провинциал и добивается успеха там, где вы получили от ворот поворот. Ясное дело, это больно задевает ваше самолюбие, и вы считаете, что Монтини нанес вам смертельное оскорбление.

— Да нет, — в замешательстве ответил Филипп, раздосадованный тем, как легко его раскусила Маргарита. — Просто я знаю Бланку с одиннадцати лет и, казалось бы, неплохо изучил ее характер, но... теперь я вижу, что мне это только казалось. Я даже подумать не мог, что всего за полгода она сумеет преодолеть свое строгое воспитание.

— Однако преодолела.

Филипп поглядел на Маргариту:

— Кажется, я догадываюсь, кто поспособствовал столь быстрой перемене.

— Ну-ну! — обиделась принцесса. — Чуть что, всегда виновата я. Вы вовсе не оригинальны в своем предположении. Почему-то все осуждают меня, а что до Бланки, так ей лишь вменяют в вину, что она, наивное и неопытное дитя, не смогла противостоять моему дурному влиянию. К вашему сведению, все это чистейшей воды измышления. Во всяком случае, не я учила Бланку называть Монтини милым в присутствии моего отца.

— Да что вы говорите? Не может быть!

— И все-таки было. Однажды, недели две назад, у нее вырвалось это словечко, разумеется, неумышленно. Мой отец не знал, где деться от смущения — так ему было неловко. Он ведь

порядочный ханжа, хоть и безобидный, совсем не такой, каким был покойный дон Фернандо. Правда, после этого инцидента у отца появилась идея велеть господину де Монтини покинуть Памплону, однако нам удалось урезонить его. Бланка попросила прощения и пообещала, что впредь подобного не повторится. В общих чертах она сдерживает свое обещание, на людях держится с Монтини в рамках приличия, хотя по-прежнему не скрывает своей связи с ним.

Филипп в растерянности покачал головой:

— Выходит, в Толедо я знал *совершенно* другую Бланку. Ну и ну! Кто бы мог подумать!.. А как относится к этому граф Бискайский?

— Еще никак. Все это время он был в Басконии, лишь только вчера вернулся и, вероятно, еще ничего не знает.

— А когда узнает? Могу представить, как он разозлится.

— Ну и пусть подавится своей злостью,— с неожиданной враждебностью произнесла Маргарита, а глаза ее хищно сверкнули.— Все равно ничего не поделает.

— Вы думаете, что граф так просто смирится с тем, что его место на супружеском ложе занял другой мужчина?

— Ха! Супружеское ложе! Чтобы вы знали, он с конца февраля близко к ней не подходит...— С некоторым опозданием Маргарита прикусила язык и опасно огляделась вокруг. К счастью, ее никто не услышал, кроме, конечно, Филиппа, у которого так и отвисла челюсть от изумления.

— О!!!— Этот короткий возглас в сочетании со взглядом, брошенным им на Бланку, стоил целой поэмы.— Черти полосатые! Неужели граф... Да нет, это смешно! В Толедо он вместе со своим дружкой Фернандо вел довольно разгульный образ жизни, имел кучу любовниц, а к мальчикам, как мне кажется, влечения не испытывал.

— С этим у него все в порядке,— подтвердила принцесса, мысленно браня себя за несдержанность.— То есть, к мальчикам он равнодушен, и за добродетель своих пажей я спокойна. Другое дело, горничные...

— Он путается со служанками?

— Да... В общем, да.— Маргарита мельком взглянула на Жоанну.— Главным образом со служанками.

— А что же Бланка?

— Ну, она... Просто она...

— Так что она?

— Она не пускает мужа к себе в постель,— скороговоркой выпалила Маргарита.— Он ей противен.

— Так какого же черта,— раздраженно произнес Филипп,— она вышла за него замуж?

— А разве у нее был выбор?— вкрадчиво осведомилась принцесса.

— Да, был.

— И альтернативой ее браку с кузенком Бискайским был брак с вами, я полагаю?

— Да.

— И кто же виноват в том, что вы не поженились?

— Отчасти я, отчасти она, отчасти покойный дон Фернандо...— Тут Филипп недоуменно приподнял бровь.— Разве Бланка вам ничего не рассказывала?

— Почти ничего.

— А мне казалось, что вы с ней близкие подруги.

— Да, мы подруги, но не настолько близкие, как мне хотелось бы. Свои самые сокровенные тайны Бланка предпочитает поверять кузине Елене. Вот с ней они действительно близкие, даже слишком близкие подружки.— В голосе Маргариты Филиппу почудилась ревность.— Они такие милашки, я вам скажу. Вечно шушукаются о чем-то, секретничают друг с дружкой и никого, в том числе и меня, в свою компанию не принимают. Обидно даже... А вам, дорогой принц, вижу, очень нравится Бланка.

— Еще бы!— с готовностью признал Филипп.

— А я?

— Мне нравятся все красивые женщины, моя милая принцесса. А вы не просто красивая — вы непревзойденная красавица.

— Следовательно, есть еще надежда, что вы полюбите меня?

— Оставьте все ваши надежды, сударыня.
— Какая категоричность, принц! Какая жестокость!
— Жестокость?
— Да! Разве не жестоко разговаривать так с женщиной, которой вы очень и очень нравитесь?

— Для меня это большая честь, ваше высочество, — с серьезной миной промолвил он. — И за какие заслуги я ее удостоился?

— Прекратите жеманничать, дорогой кузен! — огрызнулась Маргарита. — Единственная ваша заслуга состоит в том, что вы наглый, бесцеремонный, самовлюбленный... — тут она тяжело вздохнула, — и крайне очаровательный сукин сын.

«А ты, милочка, похоже, влюбилась в меня, — подумал Филипп. — Ну и дела! Определенно, сегодня вечер сюрпризов...»

Глава XXIV

Вечер сюрпризов продолжается

Филипп возвратился в свои апартаменты около полуночи. Он устало развалился в кресле, закрыл глаза и принялся было анализировать события уходящего вечера, но вскоре оставил это занятие. Мысли лениво ворочались в его голове, а если и ускоряли свой бег, то неслись совершенно не в том направлении. Так что Филипп просто сидел, отдыхая, загадочно улыбался сам себе и делал вид, будто не слышит приглушенного шепота, время от времени доносившегося из маленькой комнатухи по соседству, предназначенной для дежурного дворянина.

Минут через десять в комнату вошел Габриель. В руках он держал поднос с ужином. Филипп раскрыл глаза, взглянул на него и удивленно спросил:

— Почему ты? Я же велел прислать лакея, а самому отправляться спать.

Габриель что-то невнятно пробормотал, накрывая небольшой круглый столик рядом с креслом.

Филипп хмыкнул, безразлично пожал плечами и пересел с кресла на стул.

— Да, кстати,— сказал он, отпив глоток вина.— Кто сегодня дежурный по покоям?

— Д'Аринсаль.

— А между тем его нет. Запропастился где-то, негодник. Утром передашь ему, что это его предпоследний проступок у меня на службе. В следующий раз он может не возвращаться — пускай сразу сваливает в свое имение.

Габриель кивнул, сел в кресло и нервно забарабанил пальцами правой руки о подлокотник, явно порываясь что-то сказать, но, видимо, никак не решаясь.

— Угощайся,— предложил ему Филипп.

— Благодарю, я не голоден,— хмуро ответил парень.

— Что ж, воля твоя. Можешь идти, дружок. До утра ты свободен.

— Но ведь д'Аринсаль...

— Черт с ним. Пусть себе гуляет.

— Так, может, я подежурю вместо него? — с проблеском надежды спросил Габриель.

— Не надо. За покоеми присмотрит Гоше, а я...— Филипп не закончил и принялся ожесточенно расправляться с зажаренной куриной ножкой. Его грозный аппетит свидетельствовал о том, что он собирается провести бурную ночь.

Габриель тяжело вздохнул и поднялся с кресла.

— Пойду проверю, приготовлена ли постель.

Филипп отложил в сторону обглоданную кость и самодовольно усмехнулся:

— Не стоит беспокоиться, сегодня она мне не понадобится. Одна очаровательная девчушка согласилась предоставить мне уютное местечко в своей кровати.

В соседней комнате раздались сдавленные смешки. Но Габриель не расслышал их. Лицо его исказила жуткая гримаса боли, он резко повернулся и почти бегом вышел из комнаты, даже не пожелав Филиппу доброй ночи.

Тот проводил его озадаченным взглядом и покачал головой.

«Странно! — подумал он, возвращаясь к прерванному ужину. — Какая муха его укусила?»

Основательнее поразмыслить над поведением Габриеля Филиппу было недосуг. Наскоро, но сытно перекусив, он тщательно вымыл руки в серебряном тазике с уже остывшей водой и вытер их полотенцем. Затем вынул из канделябра зажженную свечу и вошел в комнатушку, откуда перед тем доносилось хихиканье. На первый взгляд она была пуста, однако при внимательном осмотре бросалось в глаза очень слабое, но весьма подозрительное покачивание задрнутого полога кровати.

— Марио!

Молчание.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал Филипп. — Отлуплю.

Из-за полога высунулась голова д'Обиака.

— Ах, простите, монсеньор, я малость вздремнул.

Филипп усмехнулся:

— Ладно, дремли дальше. Останешься здесь до возвращения д'Аринсаля.

— Слушаюсь, монсеньор. А д'Аринсаль вернется лишь к утру.

— Так ты знаешь, где он?

Лицо пажа расплылось в улыбке:

— Что делает — знаю, а где — нет.

— Понятно. Значит, ты остался вместо него?

— Да, монсеньор. Впрочем, мне и деваться было негде.

— У твоего соседа тоже девчонка?

— Угу.

— Ну, вы даете! В первую же ночь как с цепи сорвались... Кстати, не возражаешь, если я взгляну на твою кралю?

Не дожидаясь ответа, Филипп подошел к кровати и отодвинул полог.

— Мое почтение, барышня.

— Добрый вечер, монсеньор, — смущенно пролепетала хорошенькая темноволосая девушка.

— А у тебя губа не дура, Марио, — одобрительно заметил Филипп. — На какую-нибудь не позаришься.

— Ваша школа, монсеньор,— скромно ответил парень, по-
льщенный его похвалой.

— М-да, моя школа. А это,— Филипп указал на девушку,—
школа госпожи Маргариты. Тебе сколько лет, крошка?

— Тринадцать, монсеньор.

— Черти полосатые! Да тебе впору еще с куклами спать, а
не с парнями... Вот развратница-то!

Девушка покраснела.

— О, монсеньор!..

— Это я не про тебя, а про твою госпожу,— успокоил ее Фи-
липп.— Ну ладно, детки. Приятной вам ночи.— С этими сло-
вами он отпустил полог и направился к выходу.

— Взаимно, монсеньор,— бросил ему вслед д'Обиак.— Ба-
рышня де Монтини тоже лакомый кусочек.

В передней Филипп разбудил своего камердинера Гоше,
велел ему убрать со стола в гостиной и погасить все свечи, а
сам вышел в коридор. Два стражника, охранявшие вход в по-
кои, приветствовали его бряцанием оружия.

Следуя указаниям Матильды, Филипп спустился этажом
ниже и нашел коридор, соединявшей главное здание дворца
с более поздней пристройкой, где находились летние покои
принцессы и где, соответственно, в данный момент обитал
штат ее придворных.

Филипп шел, невнимательно глядя перед собой, поэтому не
заметил, что на его пути кто-то затаился. Когда он прибли-
зился, от стены внезапно отделилась мужская фигура и реши-
тельно преградила ему путь. Филипп резко затормозил, что-
бы не столкнуться с ней, и едва не потерял равновесие.

— Ч-чер-рт! Кто это?

— Я, монсеньор,— прозвучал в ответ тихий голос.

— Габриель?! Что ты здесь делаешь?

— Жду вас,— как можно спокойнее ответил Габриель, но
дрожь в его голосе выдавала волнение.— Чтобы проводить об-
ратно в ваши покои.

— Что за глупости!— изумился Филипп.— Слушай, дру-
жок, с тобой все в порядке?

— Да.

— По твоему виду этого не скажешь. Может быть, ты переутомился? Так ступай отдохни, а утром мы поговорим обо всем, что тебя тревожит. Ты уж прости, но сейчас у меня времени в обрез, негоже заставлять девушку ждать. Ну как, по рукам?

— Нет! — мелодичный тенор Габриеля сорвался на пронзительный фальцет. Он отступил на шаг и выхватил из ножен шпагу. — Нет, монсеньор. К ней вы не пойдете.

Филипп громко застонал и прислонился спиной к стене.

— Понятно! — выдохнул он. — Боже, какой я недотепа!

— Это уж точно, — подтвердил Габриель с какими-то странными интонациями в голосе. — Догадливостью вы впрямь не блеснули.

— Извини, я не заметил... Вернее, не обратил внимания. Ты с самого начала вел себя очень странно, но я как-то не придал этому значения.

— Еще бы! Ведь вы только и думали о том, как бы поскорее соблазнить Матильду.

Между ними повисла неловкая пауза. Филипп не собирався возражать или оправдываться. Габриель был настроен слишком агрессивно, чтобы воспринять его доводы.

— Ну ладно, — наконец, произнес он. — Здесь неподходящее место для разговора. Пойдем ко мне, там и потолкуем.

— Нет, — сказал Габриель. — Не пойду.

— Почему?

— Это мое дело, монсеньор.

Какое-то время Филипп сосредоточенно молчал, словно что-то считая в уме. Затем произнес:

— Боюсь, не слишком умная мысль пришла тебе в голову, друг мой любезный. Чует мое сердце, наломаешь ты дров... Послушай моего совета, обожди до завтра — утро вечера мудренее. Я обещаю поговорить с принцессой и с этим наглым молодчиком Монтини, и если у тебя серьезные намерения, то я чин чином попрошу от твоего имени руки Матильды...

— Вам не терпелось сделать из меня второго Симона? — неожиданно грубо огрызнулся Габриель.

Филипп печально вздохнул:

— Пожалуйста, не сыпь мне соль на рану. Второго Симона из тебя не выйдет хотя бы потому, что Матильда — ты уж прости за откровенность — никак не тянет на вторую Амелину. Поверь, мне больно видеть страдания Симона. Я и сам из-за этого страдаю, но ничего поделать не могу... А что до Матильды, то я обещаю и пальцем ее не касаться. Твоя любовь для меня священна. Ты брат Луизы, и оскорбить твою любовь все равно, что оскорбить ее светлую память. — Он положил руку ему на плечо. — Пойдем ко мне, ладно?

Габриель упрямо покачал головой:

— Нет, не пойду.

Филипп раздосадовано крикнул.

— Ну что ж, поступай как знаешь. Но если напортачишь, пеняй только на себя. Учти: Матильда девушка порядочная, застенчивая и крайне впечатлительная. Одно твое появление среди ночи оттолкнет ее от тебя... А, черт! Вижу, все это без толку. Дай-ка я пройду.

— Куда? — Габриель снова напрягся.

Филипп задержал дыхание, подавляя внезапный приступ раздражения.

— Самым разумным выходом было бы сейчас же позвать стражу и велеть ей взять тебя под арест. На моем месте Эрнан так бы и поступил. — Он отобрал у Габриеля шпагу и швырнул ее вглубь коридора. — К твоему сведению, Матильда не единственная хорошенькая девушка, которая живет в этом здании. Не к ней я иду, не к ней! Да буду я проклят вовеки, если когда-нибудь трону ее. Такая клятва тебя устраивает?

Не дожидаясь ответа, Филипп решительно отстранил Габриеля и быстрым шагом пошел дальше.

Глава XXV

*В которой мы вместе с Маргаритой узнаем,
почему Филипп отвергает догмат*

о непорочном зачатии Сына Божьего

Хотя было уже далеко за полночь, Маргарита никак не могла уснуть. Укрытая до пояса легким пледом, она лежала под роскошным балдахином на широкой кровати и, заложив руки за голову, со скучающим видом слушала монотонное чтение своей фрейлины. Ночной туалет принцессы отличался особой изысканностью. Она была одета в очаровательнейшую ночную рубашку белого с пепельным оттенком цвета из такой тонкой, воздушной, почти невесомой ткани, что при желании ее можно было сжать в комок, который уместился бы в маленькой женской ладошке.

— Господь с тобой, душенька! — в конце концов не выдержав, оборвала фрейлину Маргарита. — Ну, разве можно так? Бормочешь себе под нос, словно монах десятую молитву. Это же тебе не псалтырь.

— Прошу прощения, сударыня, — с лицемерным смирением произнесла юная девушка. — Но мне в самом деле милее Священное Писание, чем вся эта светская писанина.

— Ах да, конечно, — криво усмехнулась принцесса. — Ведь ты у нас ханжа.

— И вовсе я не ханжа, — запротестовала девушка. — Просто порядочная женщина, вот и все.

— А женщина ли? — усомнилась Маргарита. — Внешне будто похожа — и сиськи у тебя на месте, и дырочка между ног есть, порой даже месячные случаются, — но все это лишь внешние признаки. А как там внутри? Чувствуешь ли ты себя женщиной? Держу пари, что нет. Ты просто маленькая сучка, Констанца, страсть как любишь корчить из себя святошу. У всякого нормального человека есть что-то от распутника, а что-то от ханжи — но только не у вас с Беатой. Верно, вы еще в материнской утробе поцапались и не смогли разделить между собой эти два качества, поэтому ты взяла себе все ханжество, а твоя сестра — всю распущенность. И вот результат: ты бросаешься на каждого встречного попа с просьбой о благословении, а Беата ложится под каждого встречного парня... И это в ее-то годы!

— Потому она и ходит у вас в любимицах,— обиженно заметила Констанца.— В отличие от меня, что, впрочем, не удивительно. Ведь порядочность при вашем дворе почитается чуть ли не преступлением.

Маргарита приподнялась на локте.

— Э-ге-ге, птичка певчая! Ну-ка живо перемени песенку, она мне что-то не по нутру. Советую тебе заткнуться по-хорошему.

— А я не могу больше молчать!— в праведном пылу отвечала девушка.— Совесть не позволяет...

— Совесть, говоришь?— хищно прорычала принцесса.— Сейчас мы потолкуем с твоей совестью!

Она сбросила с ног плед, в глазах ее зажглись недобрые огоньки. К счастью для незадачливой фрейлины, в этот критический момент дверь спальни приоткрылась и внутрь заглянула горничная Маргариты.

— Госпожа...

— В чем дело, Лидия?— недовольно отозвалась Маргарита.— Опять притащился Рикард? Так вели охране гнать его в шею и не тревожь меня понапрасну.

— Простите, сударыня, но это не господин виконт. Это монсеньор Аквитанский. Младший, разумеется.

— Ого!— Поджав под себя ноги, принцесса села в постели.— Чудеса, да и только!.. Что ж, пригласи его.

Горничная с сомнением поглядела на полупрозрачную ночную рубашку Маргариты, которая почти не скрывала ее прелестей, лишь окутывая их легкой туманной дымкой.

— На вас что-нибудь надеть, госпожа?

— Разве я голая?— раздраженно бросила Маргарита.— Пригласи принца, говорю тебе.

Горничная повиновалась, и через минуту в спальню вошел Филипп. Он оценивающе поглядел на принцессу и улыбнулся. Ее ночная рубашка произвела на него самое приятное впечатление, и где-то на задворках памяти он сделал себе заметку непременно раздобыть пару таких же рубашек для Амелины.

— Добрый вечер, кузен,— сказала Маргарита приветливо.— То бишь, доброй ночи... Представьте себе,— быстро заго-

ворила она, не давая Филиппу времени на извинения.— Это негодная девчонка едва не вывела меня из себя. Так что вы явились очень кстати.

Филипп присмотрелся к фрейлине, на которую поначалу бросил лишь беглый взгляд. Его брови изумленно взлетели вверх.

— Вот так сюрприз! Ты уже здесь, крошка! Но как ты успела?

— Прошу прощения, монсеньор? — не поняла девушка.

— Да брось притворяться! — отмахнулся Филипп. — Эка лицемерка! Будто я не разглядел тебя, когда ты нежилась в постельке с Марио...

Фрейлина подскочила, как ужаленная.

— Монсеньор! — негодуяще воскликнула она.

— Ах ты проказница! — Он игриво погрозил ей пальцем. — Пытаешься скрыть от своей госпожи, что лишила моего пажу невинности? Ну, нетушки, ничего у тебя не выйдет.

Тут Маргарита разразилась громким хохотом и принялась лупить кулаками подушку.

— Ой, умора! Ой, не могу!..

Смеясь, она выглядела еще соблазнительнее, и Филипп переключил все свое внимание на нее.

— Вы обознались, дорогой принц, — наконец объяснила принцесса. — Констанца здесь ни при чем. В постели с вашим пажом вы видели ее сестру Беату. Они близнецы.

— Так вот оно что! — рассмеялся Филипп. — А я уже не знал, что и подумать... — Он повернулся к фрейлине: — Виноват, барышня. Извините, что спутал вас с сестрой.

— И ступай спать, золотко, — добавила Маргарита.

Девушка молча поклонилась им обоим и вышла из спальни, наградив напоследок Филиппа далеким от восхищения взглядом.

— Никогда еще не встречала столь похожих и в то же время столь разных людей, как Констанца и Беата, — задумчиво промолвила Маргарита ей вслед.

— А кто они, собственно, такие? — поинтересовался Филипп.

— Племянницы его преостервененства нашего драгоценнейшего епископа. Он боготворит Констанцу, что не удивительно, и весьма прохладно относится к Беате, что тоже не удивительно. Только вот незадача — постоянно путает их... Ну, все, довольно об этих чудо-сестрицах. Присаживайтесь, кузен, не стойте, как истукан.

Филипп последовал ее совету и опустил на невысокий, обитый плюшем табурет, стоявший в ногах кровати.

— Кузина, я прошу простить меня за...

— Ой, не надо! Обойдемся без извинений. Они привнесут неловкость, а наша беседа началась так чудесно! Что бы ни привело вас ко мне, я все равно рада вашему визиту.— Она обхватила колени руками, чуть склонила голову и пристально поглядела на Филиппа.— Вот как! Вы чем-то взволнованы? Что-то произошло?

— Нет, ничего особенного. Просто мне не спится.

— Мне тоже, — подхватила Маргарита и с очаровательным бесстыдством добавила: — В последнее время я очень плохо засыпаю в одиночестве.

— И что вы предлагаете? — невинно осведомился Филипп.— У вас есть какое-нибудь средство от нашей бессонницы?

— Это намек?

— Намек? На что?

Маргарита фыркнула:

— Да будет вам, кузен! Давайте начистоту: ведь вы явились ко мне не просто так, а с совершенно определенной целью — заняться со мной любовью. Разве нет?

«Ты смотри! — подумал Филипп.— Как она набивается!»

— Ну, предположим, — ответил он, пытаясь проникнуть взглядом сквозь ее полупрозрачное одеяние, что, впрочем, не составляло большого труда для его острого зрения.

Маргарита откинулась на подушки и вытянула ноги. При этом ее ночная рубашка задралась, обнажив выше колен ее соблазнительные стройные ножки. Филипп с вожделением облизнулся.

— Так что,— сказала она, призывно глядя на него.— Начнем прямо сейчас или еще немного поболтаем?

Филипп сокрушенно покачал головой. Вызывающее поведение Маргариты несколько охладило его пыл.

— Кузина, вы...

— Да, я бесстыжая, не спорю. Зато я откровенна — говорю, что думаю, поступаю, как мне хочется, и не вижу в этом ничего предосудительного. Что толку скрывать от собеседника свои мысли и желания, если они ему предельно ясны?

— А какой смысл говорить о том, что ясно и без слов? — парировал Филипп.

— Так, по крайней мере, честнее. И, если хотите, порядочнее. На свете нет ничего постыднее ханжества, которое, на словах радея о благопристойности, оскверняет все, к чему только не прикоснется. Именно ханжество является виновником многих извращений. Человеку, убежденному в низменности всего плотского, иной раз бывает легче переступить грань, одевающую естественное от противоестественного, хотя бы потому, что он не всегда замечает ее.

— Полностью согласен с вами, кузина. Однако, кроме ханжеских правил приличия, существуют еще вполне разумные, обоснованные нормы человеческого поведения и общения. Если хотите, можете назвать их правилами хорошего вкуса, так как они скорее из области эстетики, нежели этики. Иногда бывает полезно умолчать кое о чем — и не ради некой абстрактной благопристойности, а из соображений... как бы это назвать?.. изящества, что ли. Есть вещи, о которых не стоит говорить напрямик, о них следует предполагать и строить догадки. Порой даже самые приятные, самые изумительные мысли, чувства, переживания, облеченные в слова, выглядят до крайности пошло и банально.

— Понятно. А я уже испугалась, что вы станете читать мне мораль.

— Упаси Бог, дорогая кузина! Я еще в своем уме. Кому-кому, но не мне наставлять вас на путь истинный. Тем более, что у меня нет уверенности, свернули ли вы вообще с этого пути.

— Гм... Наш господин епископ, пожалуй, не согласится с вами.

— А я, пожалуй, не соглашусь с вашим господином епископом. К счастью, не ему решать, кто заслуживает Спасения, а кто — нет.

— Но Богу,— удрученно вздохнула Маргарита; ясный взгляд ее вмиг потускнел.

Филипп озадаченно уставился на нее:

— Вот те на! Что это с вами? Вы боитесь гнева Господня?

— Иногда боюсь,— откровенно призналась она.— Главным образом по вечерам, если ложусь спать одна. Подолгу думаю о своей бессмертной душе, об адских муках, о чертях рогатых... Глупости, конечно... но страшно.

Филипп прищелкнул языком.

«Ну и ну! Кто бы мог подумать...»

— Не переживайте, кузина. Вам уготовано место в раю.

— А вам?

— Не знаю. Но если я лишусь вечного блаженства, то уж никак не за свое беспутство. Найдутся грехи посерьезнее.

— Стало быть, вы отрицаете существование греха сладострастия?

— Я убежден в *не смертности* этого *прегрешения*. И вообще: грех плотский, грех первородный — все это чушь собачья.

— Вот как! Вы отвергаете христианское учение?

— Вовсе нет. Я лишь отвергаю некоторые его абсурдные постулаты. На мой взгляд, авторы Священного Писания превратно истолковали истинное Слово Божье. Не может Господь считать саму первопричину жизни греховной, не верю я в это. Говоря о плотском грехе, Он, безусловно, подразумевал разного рода извращения — содомию, мужеложество, лесбийскую любовь... — Заметив, что Маргарита покраснела, Филипп поспешил добавить: — Впрочем, что касается последней, я не совсем уверен. Многие девушки просто обожают нежничать друг с дружкой, целоваться, ласкаться, спать в одной постельке — но в большинстве случаев это всего лишь невинные шалости... Гм, простите за нескромный вопрос: вам что, нравятся девушки?

— Да нет, не очень. Мне всегда больше нравились парни, похожие на девушек. Вроде вас, дорогой мой кузен. Тут я полностью солидарна с незадачливым доном Педро де Харой. Бедный, бедный дон Педро! Как жестоко он поплатился за то, что осмелился поднять на вас влюбленный взгляд. Объект его безответной страсти стал виновником его смерти — какая роскошная тема для трагедии?

Филипп покраснел.

«Ну, Бланка, погоди! Если это ты разболтала...»

«Вот, получай!» — злорадствовала Маргарита.

— Так значит, кузен, вы отвергаете тезис об изначальной греховности плоти?

— Начисто отвергаю. А утверждения, вроде «плоть от дьявола, душа от Бога», я и вовсе расцениваю как богохульство. Ведь именно Господь сотворил человеческую плоть и вдохнул в нее душу. Ерунда какая-то получается: по образу и подобию Божьему — и вдруг от дьявола. Нет, и плоть, и душа даны нам от Бога и, следовательно, изначально безгрешны.

— Но в таком случае,— заметила Маргарита,— непорочное зачатие Сына Божьего теряет свой сакраментальный смысл.

— А я не уверен, что непорочное зачатие в самом деле имело место.

— Как?! Вы не верите в Сына Божьего?!

— Почему же, верю.

— Однако отвергаете непорочность его зачатия.

— Скорее, подвергаю сомнению.

— И на каком основании?

— Мне думается,— с улыбкой ответил Филипп,— что Бог тоже равнодушен к плотским утехам.

Его слова возымели на Маргариту совершенно неожиданное действие. Вместо того чтобы рассмеяться этой, как считал Филипп, весьма остроумной шутке, она помрачнела, си- нева ее глаз приобрела свинцовый оттенок, словно перед грозой. Затем, так же неожиданно, щеки ее вспыхнули алым румянцем, а глаза возбужденно заблестели. Точно подброшен-

ная пружинной, она проворно соскочила с кровати и крепко схватила Филиппа за плечи.

— Вы что, издеваетесь надо мной?!

Он поднялся, не сводя с Маргариты удивленного взгляда.

— Помилуйте, кузина! Как я могу...

— Ведь вы хотите меня? Признавайтесь!

— О, милая Маргарита, — пылко прошептал Филипп, привлекая ее к себе. — Если сам Всевышний не устоял перед Девой Марией, то где уж мне, грешному. Ты так изумительна, что я...

Она запечатала его губы долгим и нежным поцелуем.

— Змея-искусительница! — сказал он, переводя дыхание. — Твоя рубашка сводит меня с ума.

— Так ты не отрицаешь существование змея-искусителя?

— Теперь я убедился, что она есть.

— Значит, ты любишь меня? — проворковала Маргарита.

— Безумно люблю.

— Меня одну любишь?

— Ну, нет! Это было бы слишком. На тебе одной свет клином не сошелся.

В ответ Маргарита вlepила ему пощечину.

— Да ты просто негодяй! Что тебе стоило солгать?! Ты... ты тупое, самодовольное ничтожество!

Филипп был поражен таким взрывом искреннего негодования.

— Что с тобой, Маргарита? Почему ты...

— Да потому что я люблю тебя, неблагодарный! — не выдержав, яростно вскричала она. — Только тебя! Одного тебя!

«А ведь это похоже на правду!» — в упоении подумал Филипп и вместо ответа сорвал с нее рубашку.

— Но она же сводит тебя с ума, — заметила Маргарита. Они были одного роста и ее быстрое дыхание обжигало его лицо.

— От твоего восхитительного тела я дурею еще больше. — Он игриво схватил зубами ее носик. — Сладкая ты моя! Сейчас я тебя съем.

— Давай, давай... — томно проговорила она. — Ешь меня, милый, поскорее... побольше! Я так люблю тебя, я так хочу те-

бя! Я дура, Господи, я влюбилась! — С этими словами Маргарита повалилась на кровать, увлекая за собой Филиппа.

«Вот ты даешь, Господи! — подумал он. — Она влюбилась...»

Глава XXVI

В тихом омуте...

Лишь через полчаса после ухода Филиппа Габриель, наконец, решил продолжить свой путь. За это время он ничуть не успокоился, напротив — еще больше возбудился и порядком растрепал свои волосы и одежду, когда испуганно метался по коридору, обуреваемый самыми противоречивыми чувствами.

На этаже было темно, поэтому Габриель извлек из кармана огарок свечи и зажег ее от огня. Затем он пересек из конца в конец длинный коридор и очутился в начале другого, по обе стороны которого через каждый несколько шагов выстроились в два ровных ряда двери, ведущие в комнаты фрейлин.

Габриель отсчитал пятую слева. Он остановился возле нее, набираясь решимости, чтобы постучать, но тут расположенная напротив дверь тихо отворилась, и в коридор выскользнул Симон де Бигор с зажженной свечой в руке.

— Габриель! — изумленно воскликнул он. — Ты? Вот так сюрприз!

— Ради Бога, потише! — сквозь зубы прошипел Габриель. — Зачем кричать? Пойдем, скорее!

Он схватил растерянного Симона за локоть и силой увлек его за собой.

— Что случилось, друг. Почему...

— Да помолчи ты, дубина!

Свернув за угол, Габриель остановился и лишь тогда отпустил руку Симона.

— Что это с тобой? — в недоумении спросил тот. — Какого черта...

— А ты какого черта? Разорался, как на площади. Неровен час, девчонки всполошатся и вызовут стражу.

Симон хмыкнул:

— Пожалуй, ты прав. Это я сглупил — незачем было кричать. Но представь мое удивление, когда я увидел тебя...— Вдруг глаза его округлились.— Возле двери Матильды! Так ты был у нее?

Краска бросилась Габриелю в лицо.

— Нет, не был,— сипло ответил он.— Ни у кого я не был.

— А почему же ты здесь?

— Ну... Собственно... Просто так, прогуливаюсь.

Симон фыркнул:

— Так уж я тебе и поверил... Однако постой!— Он поднес свечу ближе к Габриелю и смерил его изучающим взглядом.— Ага! Взъерошенные волосы, покрасневшее лицо, потрепанная одежда — видать, одевался наскоро...— Симон покачал головой.— Нет, это потрясающе! С ума сойти: ты отбил у Филиппа девчонку! Вот здорово! Да он просто лопнет со злости!

— Что за вздор ты несешь! Ничего такого не было...

— Так-таки и не было?— ухмыльнулся Симон.— Хватит заливать, меня не проведешь. Я вовсе не глупый, я все замечаю... Ну, и как она в постели, хороша?.. Ах да, я же забыл, что это у тебя впервые. Тебе понравилось?

— Прекрати!— даже не воскликнул, а скорее прорычал Габриель.

Симон озадаченно взглянул на него и пожал плечами.

— Ладно, воля твоя. Не хочешь говорить, не надо. Да, кстати, почему ты так рано уходишь?

— А ты почему?

— Фи!— брезгливо поморщился Симон.— Мне просто не повезло. Шлюха чертова! Бах-трах, легкий вздох, свечку в руки — и будь здоров. Бревно бесчувственное!

— А может, ты сам виноват, что не сумел расшевелить ее?

— Еще чего скажешь! Я же не мальчишка какой-нибудь, вроде тебя. Я человек женатый...

— И рогатый,— неожиданно съязвил Габриель. Он не имел обыкновения, подобно остальным, подтрунивать над Симонем, но сейчас, доведенный до белого каления его расспросами, не смог придержать свой язык.

— Эх, ты! — обиженно произнес Симон. — А еще друг...

— Прости, я не хотел. Как-то само собой вырвалось.

— Я ведь так люблю Амелину, — затащил Симон свою старую, уже порядком набившую Габриелю оскомину, песенку. — Я боготворю ее. А она, негодница...

— Она пообещала больше не изменять тебе.

— Зато раньше изменяла. Еще как изменяла!

— И ты решил отомстить ей? Ну-ну, давай, времени впереди много — может, свое отквитаешь.

Теперь пришла очередь смущаться Симону.

— Нет, что ты! Это так... нечаянно. — Он взял Габриеля за руку и с мольбой в голосе добавил: — Только не говори ничего Амелине. Если она прознает об этом, снова загуляет с Филиппом. Вообще никому не говори... Ну, пожалуйста, пообещай, что будешь молчать. Хочешь, на коленях попрошу?

— Не стоит, я и так ничего не скажу. При условии, что и ты забудешь о нашей встрече.

— Безусловно! Я нем, как статуя.

— В таком случае, я тоже нем, — ответил Габриель. — Доброй ночи, Симон.

— А разве ты не идешь к себе?

— Нет. Я... э-э... я немного прогуляюсь.

Симон добродушно усмехнулся:

— Ага, проказник, еще захотел! Ну что ж, ступай прогуливайся... Гм, только смотри не забегайся.

Габриель проводил долгим взглядом уходящего Симона, затем свернул за угол и вскорости снова оказался перед дверью Матильды.

«Ступай-ка ты прочь, дружок, — сказала ему здравая часть рассудка. — Дождись утра. Это не самый лучший способ завоевать благосклонность порядочной девушки — заявиться к ней среди ночи и признаться в любви».

«Почему же? — отозвалась другая часть, одуревшая от страсти. — Все в порядке. Я нравлюсь ей, но она не хочет этого понять, так как вбила себе в голову, что влюблена в Филиппа».

«Глупости! — возразил здравый смысл. — Это чистой воды самообман».

«Вовсе нет,— упорствовала дурь.— Это правда».

Как обычно, дурь взяла верх над доводами здравого смысла. Габриель постучал.

Ему показалось, что прошло несколько долгих часов, прежде чем за дверью послышалось шуршание шелковых юбок и тихий стук поднимаемой щеколды. Наконец дверь отворилась, и на пороге появилась Матильда. В этот поздний час она как будто не собиралась ложиться спать и была одета в то же самое платье, что и на вечернем приеме у принцессы.

Увидев совсем не того, кого ожидала увидеть, Матильда вскрикнула:

— О Боже! Кто это?.. Вы?! А я думала...

— Он не придет,— сипло сказал Габриель и едва сдержался, чтобы не закашляться.

— О... О ком вы говорите?

Поскольку Матильда стояла спиной к освещенной комнате, Габриель плохо видел ее лицо, но был уверен, что она покраснела.

— Может, мне лучше войти?

— Войти? Вам? Ко мне?— в замешательстве переспросила девушка.— Но...

За спиной Габриеля раздался скрип двери. Матильда испуганно охнула и схватила его за рукав.

— Ну, входите же! Скорее!

Габриель не заставил просить себя дважды. Одним прыжком он очутился в комнате и быстро затворил за собой дверь.

— Это Розалия,— шепотом объяснила Матильда.— Она известная сплетница и если что-то увидела, то завтра разболтает по всему дворцу, еще и приплетет с три короба... Господи! Что обо мне подумают?! А все вы, вы!

Габриель мрачно усмехнулся, и от его усмешки девушку прошибла дрожь.

— А окажись на моем месте Филипп, вам было бы все равно, что о вас подумают?

Матильда истощно ойкнула, закрыла глаза и прислонилась к стене, пытаясь удержаться на ногах. Лицо ее мертвенно

побледнело. Габриель помог ей дойти до кресла и сесть, а сам встал перед ней на колени, сжав ее руки в своих.

— Простите, если я нечаянно причинил вам боль.

Матильда наконец раскрыла глаза и мягко, но решительно высвободила руки.

— Вы здесь ни при чем. Просто я переволновалась. И вообще, я слишком впечатлительная. Так это он прислал вас ко мне?

Бесстыжая! Развратница!.. Любимая...

Взгляд Габриеля упал на кровать с задернутым пологом, и сердце его больно сжалось при мысли о том, что бы случилось, приди к ней Филипп.

— Нет, я сам пришел. Сказать, чтобы вы его не ждали. Я убедил его оставить вас в покое.

— Понимаю,— прошептала Матильда.— Вы печетесь о моей душе. Вы так добры ко мне, благодарю вас... Нет!— вдруг воскликнула она, заламывая руки.— Это неправда! Я не могу лгать, не могу благодарить вас... Я грешница, Господи! Я законченная грешница и я не хочу каяться. Зачем вы беспокоитесь обо мне? Кто я вам такая? Вас не должно волновать, что я гублю свою душу.

— Однако волнует.

— Но почему?

— А вы не догадываетесь?— кротко спросил Габриель.

Матильда внимательно посмотрела на него.

— Кажется, я догадываюсь... О Боже! Только не это!

— Да!— Габриель вновь схватил ее руки и покрыл их страстными поцелуями.— Я люблю вас, Матильда. Я полюбил вас с первого взгляда — но буду любить всю жизнь.

Где-то с минуту оба молчали. Матильда собиралась с мыслями, а Габриель не сводил с нее исполненного нежности взгляда. Немного успокоившись, она решительно покачала головой:

— Нет, так нельзя. Вы не должны любить меня. Это неправильно, несправедливо. Любовь должна быть взаимной, иначе будет беда. Я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня, я не хочу причинять вам боль.

— Тогда не надо причинять мне боль. Сделайте так, чтобы я не страдал.

— Но как?

— Ответьте на мою любовь, полюбите меня...— Габриель в отчаянии схватился за голову.— Боже, что я несу!.. Простите, барышня, я не то хотел сказать, совсем не то. Я лишь прошу дать мне шанс. Не отталкивайте меня, позвольте мне заслужить вашу любовь. Вот увидите — вы полюбите меня. Мне нужно только время...

— Нет, сударь,— решительно произнесла Матильда.— И не надейтесь. Вам у меня ничего не светит. Прошу вас, поскорее разлюбите меня. Пока еще не поздно — разлюбите. Вы никогда не добьетесь от меня взаимности, я никогда не смогу полюбить вас. Это невозможно, бесполезно, безнадежно.

«Что ж, придется овладеть ею силой,— заявила дурь.— Она упорствует в своем заблуждении».

«Если я сделаю это,— предостерег здравый смысл,— то навсегда потеряю ее».

На этот раз Габриель склонен был прислушаться к доводам разума.

— Я не разлюблю вас,— сказал он.— Я буду любить вас всегда.

— Ну, пожалуйста,— взмолилась Матильда.— Забудьте обо мне. Не любите меня, не надо. Я... я люблю другого.

— Филиппа? Но он же не любит вас.

— Нет! — вскричала Матильда.— Он тоже любит меня. Он сам это сказал.

— Ах да, конечно! — с нескрываемым сарказмом произнес Габриель, поднимаясь с колен.— Конечно, он любит вас. Он очень щедр на любовь. Чего-чего, а любви у него хватает на всех хорошеньких женщин.

Матильда прикрыла лицо руками, будто защищаясь. Плечи ее ссутулились и вздрагивали от едва сдерживаемых рыданий.

— Прошу вас, не мучьте меня. Мне и без того больно... Я так несчастна!

Она рывком вскочила с кресла и бросилась к распятию, висевшему на стене рядом с кроватью.

— Ты уже караешь меня, Господи! Ты не пожелал ждать моей смерти, Ты решил покарать меня тотчас... Велик мой грех, Господи, и кара Твоя справедлива.

Габриель подбежал к ней, судорожно сжимая кулаки.

— Замолчите! — простонал он. — Не называйте мою любовь карой. Ради всего святого, не говорите так... Это жестоко, это бессердечно!

— Ах! — выдохнула Матильда. — Простите меня. Я не хотела обидеть вас. Я сама не знаю, что говорю... Прошу вас, умоляю: забудьте обо мне. Я недостойна вашей любви. Я беспутная, пропащая. Не надо любить меня.

— Я люблю вас, Матильда, — пылко ответил Габриель. — Какой бы вы ни были, грешной или праведной, порядочной или беспутной, я все равно буду любить вас.

— Но ведь это безнадежно! Я никогда не смогу ответить вам взаимностью.

— Вы же совсем не знаете меня. Дайте мне только шанс, и я заслужу вашу любовь. Не будьте так категоричны. Прошу вас, подумайте, не спешите с ответом.

— Здесь нечего думать, — упрямо покачала головой Матильда. — Мое сердце навсегда отдано другому. Я буду принадлежать только ему — или вообще никому.

«Вот видишь!» — назидательно отозвалась дурь и что было силы ударила Габриэлю в голову.

— Ну, нет, бесстыжая! — воскликнул он, хватая ее в объятия. — Ты будешь принадлежать мне!

Матильда не кричала, не звала на помощь. Она была так напугана, так потрясена происходящим, что даже не пыталась сопротивляться...

Когда на рассвете Филипп вернулся от Маргариты, что-то дернуло его заглянуть в комнату дежурного дворянина, и там он с удивлением обнаружил, что полог кровати отброшен, сама кровать пуста, а в небольшом кресле рядом, понурился голо-

ву, неподвижно сидит Габриель. Сперва Филиппу показалось, что он спит.

— Вот чудеса!

Габриель вздрогнул и поднял голову — оказывается, он не спал.

— Прошу прощения, монсеньор. Я велел Марио и его девчонке убираться прочь.

— Какой ты суровый! — с улыбкой произнес Филипп. — Но нет, постой! — Он подошел ближе, присел на кровать и всмотрелся ему в лицо. — Что-то случилось?

— Вы были правы, — с жутким спокойствием ответил Габриель. — Наломал я дров.

— Вы поссорились? Матильда прогнала тебя?

— Хуже.

— Хуже?! — Филипп так и подпрыгнул. — Что «хуже»? Ну! Отвечай, черт бы тебя побрал!

— Э... Я... того... против ее воли...

— Матерь Божья! Ты что, изнасиловал ее?!

Габриель утвердительно кивнул. Глаза его бездумно блуждали по комнате.

Филипп схватился за голову, затем вскочил на ноги, затем будто передумав, сел, снова встал, нервно прошелся из угла в угол, вернулся обратно к кровати, в ярости сорвал с нее полог и, не разуваясь, бухнулся в постель.

— Вот-те на-те, елки-палки зеленые! — наконец прорвало его. — Что же ты наделал, сукин сын?! Ну, и сюрпризик ты мне преподнес, нечего сказать, хороший! Ах ты ж... Черт! Даже не знаю, как тебя назвать. Все лето девки наперебой цеплялись тебе на шею, стоило лишь пальцем шевельнуть, чтобы они легли под тебя и сами юбки позадирали... Ан нет! Он, видите ли, искал единственную и неповторимую, любовь всей своей жизни. А когда нашел... Ну все, баста! Это мне наглядный урок. Впредь я не потерплю в своем окружении не только педерастов, но и девственников старше шестнадцати лет — этих сопливых юнцов, которые сторонятся женщин, забивая себе голову романтическими бреднями о чистой и возвышенной любви, ночью втихаря рукоблудят, а в конечном итоге стано-

вятся насильниками... — Филипп остыл так же внезапно, как и взорвался. — Ладно. Теперь рассказывай.

Габриель поведал ему обо всем, кроме своей встречи с Си-моном. Филипп внимательно выслушал его, ни разу не перебив, затем, помолчав немного, медленно произнес:

— Да-а, хорошенькое дело!.. Ты, кстати, отдаешь себе отчет в последствиях своего поступка? Ведь Матильда не просто фрейлина принцессы — она ее любимица, а может, и любовница. Если Маргарита решит, что ты должен понести наказание, вряд ли я смогу выручить тебя. Разумеется, я употреблю все свое влияние, чтобы урезонить ее, но она чертовски своенравная девушка и вполне может заупрямиться. Учти, я не намерен из-за твоей глупой выходки ставить под угрозу такой перспективный брачный союз. Уразумел?

— Да... Я понимаю...

— И что ты думаешь делать?

— Не знаю. Я ничего не думаю. Не могу думать. — Габриель весь поник и громко всхлипнул. — Я... я не хочу жить!..

Кряхтя, Филипп встал с кровати.

— А ты поплачь, — посоветовал он. — Вот увидишь, сразу полегчает. Я серьезно. Порой и мужчинам можно всплакнуть — только скупое, по-мужски. Ты же еще мальчишка, так что плачь, не стесняйся. Пожалей себя, пожалей Матильду — и поплачь. Вот сейчас я пойду спа-а... — Филипп не удержался и во весь рот зевнул. — Устал, как собака! Эта затейница Маргарита... Впрочем, ладно. Утром мы все обмозгуем на свежую голову, а сейчас ложимся баиньки.

Габриель молча кивнул. Он уже приготовился последовать совету Филиппа, когда останется в одиночестве, и теперь еле сдерживал слезы.

В дверях Филипп остановился.

— Да, к твоему сведению. Я велю страже не выпускать тебя из покоев без моего ведома. А то гляди, еще что-нибудь выкинешь.

Глава XXVII

Отверженный принц

Было без малого час ночи, но не гас свет в кабинете Александра Бискайского. Сидя в удобном кресле за широким рабочим столом, он внимательно изучал пожелтевшие от времени свитки, датированные четырьмя предыдущими столетиями. Иногда он прерывал чтение и впадал в задумчивость, отрешенно глядя в пространство перед собой; затем возвращался к действительности и брал следующий свиток.

— Ничего нет,— наконец, пробормотал граф, отложив в сторону последний документ.— Ничегошеньки... Проклятье!..

Он забарабанил пальцами по столу и в который уже раз нетерпеливо взглянул на часы.

«Странное дело! К чему такая таинственность, черт бы его побрал? Не иначе, как что-то назревает. Что-то очень важное...»

Вдруг за его спиной раздался тихий скрип двери. Александр резко оглянулся и увидел на пороге свою сестру Жоанну.

— Почему ты здесь, дорогая? Поздно уже.

— Я не могу заснуть, Сандро. Я так соскучилась по тебе, а ты лишь только приехал — и сразу за дела. Неужто они часок-другой не подождут?

— Дела никогда не ждут, сестренка. И вообще, зря ты пришла. Если дядя прознает, что ты была у меня ночью, опять разборы начнутся: «Ах, доченька, ты разрываешь мое сердце!..»

Губы Жоанны тронула вымученная улыбка.

Брат ласково смотрел на нее — единственное существо, которое он по-настоящему любил, в то же время презируя всех остальных, лютой ненавистью ненавидя весь мир, который так жестоко и подло обошелся с ним. Внук короля, сын его старшего сына, имевшего глупость умереть раньше отца, Александр был лишен дедом законного наследства — королевской короны. Покойный король Рикард, будучи весь-

ма благосклонным к младшему сыну, теперешнему королю, крайне неприязненно относился к старшему, а после его смерти обратил всю свою нелюбовь на Александра. Он принудил его, одиннадцатилетнего мальчишку, отречься от всех прав на престол, и с тех пор жизнь Александра была отравлена ненавистью, злобой и завистью. В течение многих лет его ни днем, ни ночью не оставляла в покое мысль, что не будь его отец таким строптивым и непослушным сыном или проживи он хотя бы на четыре года дольше, то Александром X, королем Наварры, был бы другой человек. А именно — он, Александр Бискайский.

Год за годом, капля за каплей, этот яд все глубже проникал в его душу. Со временем сердце его ожесточилось, он перестал верить в Бога и бояться ада, неистовая и поначалу бессильная ярость сменилась глубоким цинизмом, холодным расчетом и постоянным лицемерием. У Александра не было ни одного друга, он вообще забыл, что значит слово «дружба». Все его мысли и чувства подчинялись одному императиву: во что бы то ни стало вернуть утраченную корону. К людям он относился с презрением и пренебрежением, но тщательно скрывал это — да так мастерски, почти виртуозно, что лишь единицам удавалось разглядеть за внешним лоском блестящего и респектабельного вельможи уродливую сущность озлобленного, беспринципного властолюбца.

Женясь на Бланке, граф видел в ней не женщину, не будущую спутницу жизни, но, прежде всего, орудие для достижения поставленной цели. Зная о нежной привязанности Альфонсо к старшей из своих сестер, он рассматривал этот брак, как весьма удачный в тактическом и стратегическом плане ход. Наваррский король, кстати, по достоинству оценил дипломатический успех племянника и дважды за последние полгода отправлял его во главе немногочисленного и плохо подготовленного войска на подавление крестьянских мятежей в Стране Басков, втайне рассчитывая, что там он встретит свою смерть.

Но все надежды Александра пошли прахом, когда Бланка узнала о его связи с Жоанной. Сам по себе ее отказ делить

с ним постель не так чтобы очень огорчил его — однако затем последовал полный разрыв между ними, и жена стала относиться к нему с откровенной враждебностью. Было бы по меньшей мере наивно объяснять все происшедшее крайней набожностью Бланки и, как следствие, глубочайшим отвращением, которое она испытывала к кровосмешению. Будь Александр порядочным человеком, она бы, конечно, простила его, как простила Жоанну, тем более что его порочная связь с сестрой продлилась всего несколько месяцев и прекратилась задолго до их женитьбы. Но нам известно, при каких обстоятельствах был заключен их брак. С самого начала Бланка не питала никаких нежных чувств к Александру и уже на второй неделе супружеской жизни полностью разочаровалась в нем, а еще спустя неделю возненавидела его всеми фибрами души. Она была девушка умная и проницательная, довольно быстро у нее сложилась целостная картина его неизменной натуры, и она с ужасом поняла, что за человек ее муж и какие побуждения им движут.

Давнее прегрешение Александра послужило лишь поводом для разрыва, но никак не причиной одного, хотя Бланка, возможно, придерживалась иного мнения. Она без зазрения совести шантажировала его, угрожая разоблачением и бракоразводным процессом. Положение графа стало еще более отчаянным, когда Альфонсо взошел на престол. Задумай теперь Бланка избавиться от мужа и попроси в этом помощи у брата, то остаток своей жизни Александру придется провести в бегах, скрываясь от вездесущих убийц, направляемых рукой кастильского короля. Одна-единственная слабость обернулась для графа Бискайского настоящей катастрофой. Иронией судьбы, единственным чистым и непорочным, что еще оставалось в нем, была любовь к родной сестре — чувство, которое во все времена в равной степени сурово осуждалось и церковью, и обществом.

Сама Жоанна испытывала к Александру скорее жалость, нежели любовь. Куда более серьезным ее увлечением был Рикард Иверо, которого она всеми правдами и неправдами стремилась заполучить в мужья. А что касается брата, то Жоан-

на чувствовала к нему глубокую привязанность. Она знала его лучше, чем кто-либо другой, даже он сам. За показным благородством, за тщательно скрываемой низостью ей виделась страдающая душа, искалеченная жестокой действительностью, обидами и унижениями, которые ему довелось изведать в отрочестве. С ней и только с ней он становился таким, каким был от природы — *человечным*. Уступив в позапрошлом году настойчивым домогательствам брата, Жоанна надеялась, что любовь, пусть и греховная, хоть чуточку смягчит его сердце, умерит исступленную ненависть к людям. Но надежды ее не оправдались...

Жоанна пододвинула табурет и села, облокотившись на край заваленного бумагами стола.

— Все мечтаешь о короне?

— Вот именно, — кивнул Александр. — Мечтаю и только. Сегодня, в некотором смысле, знаменательный день. Это, — он указал на свитки, разбросанные по столу, — последние из документов, где хотя бы вскользь упоминается о наследовании наваррского престола. Так, во всяком случае, утверждает Мондрагон. Он говорит, что за время моего отсутствия тщательнейшим образом перерыл весь государственный архив.

— Но ничего не нашел?

— Увы. Нигде не подвергается сомнению первоначальная формула наследования: «После смерти короля Наварры его преемником становится его старший сын. Он и провозглашается Сенатом королем Наварры, если у большинства достойных сенаторов не найдется против этого существенных возражений, достойных пересмотра традиционных правил, освященных обычаями предков и одобренных святой католической церковью», — процитировал граф. — Позже были внесены уточнения, касающиеся тех случаев, когда умерший король вообще не имеет потомков, а последняя поправка была принята восемь лет назад и предусматривает наследование престола старшей дочерью в отсутствие сыновей. Случай с нашим отцом не имел прецедентов в Наварре и никогда не рассматривался даже умозрительно, а практика других стран... Нет, на соседей лучше не ссылаться — это возымеет прямо

противоположный эффект. Так что все мои попытки найти хоть какую-нибудь юридическую зацепку закончились полным провалом.

— Так ты признаешь свое поражение? — с робкой надеждой спросила Жоанна.

— Вовсе нет! — жестко произнес Александр. — Это еще не поражение, я лишь потерпел временную неудачу. Придется в корне менять тактику, идти другим путем. Прежде я пытался подвергнуть сомнению корректность первоначальной формулы — что престол наследует старший сын, но теперь я намерен плясать от нее.

Жоанна растерянно покачала головой.

— Я не понимаю тебя, Сандро. Сколько раз ты говорил мне, что дядя стал королем в строгом соответствии с этим положением: ведь когда умер наш дед, он был единственным и, следовательно, на тот момент старшим его сыном.

— Старшим из живых. Но не старшим вообще. Пока меня не было, Мондрагон взял на себя инициативу и обратился к Лотарю фон Айнсбаху, видному теологу из Тулузского университета, с просьбой дать исчерпывающее толкование порядка престолонаследия с позиций современной богословской науки...

— Постой-ка! Это не тот ли самый преподобный Лотарь, который на прошлой неделе приехал к нам по приглашению епископа?

— Тот самый. О его приглашении позаботился Мондрагон. Сегодня вечером я имел с отцом Лотарем длительный разговор. Оказывается, он с большим воодушевлением принял предложение Мондрагона и уже наметил основные тезисы трактата, в котором аргументировано доказывается, что формула «преемником короля становится его старший сын» подразумевает передачу божественного начала королевской власти строго по старшей линии — и смерть нашего отца раньше деда ничего не меняет. Пока мы с тобой живы, ни дядя, ни тем более Маргарита не принадлежат к старшей ветви наваррского дома. Старшая ветвь — мы, а я — старший в роду. Вдобавок, — тут Александр поднял кверху указательный па-

лец,— попытки обосновать претензии дяди на старшинство в роду тем, что якобы с преждевременной кончиной нашего отца между мной и дедом утратилась непосредственная связь, здорово смахивают на ересь, ибо подвергают сомнению бессмертие души.

— Разве?— грустно усмехнулась Жоанна.— С каких это пор ты начал верить в бессмертие души?

— А ни с каких. Но это нисколько не помешает мне использовать подобные аргументы, чтобы убедить в своей правоте олухов, верящих во всякую чушь о Боге и бессмертной душе... Прекрати гримасничать, Жоанна! И оставь свою проповедь при себе. С меня довольно того, что я исправно хожу в церковь.

— Это еще больший грех, Сандро: притворяться, что веришь, когда в сердце нет ни капельки веры.

— Хватит, я сказал!— прикрикнул граф, хлопнув ладонью по столу.— Не заводись, прошу тебя... Так вот, преподобный Лотарь собирается уже в самом скором времени представить свой трактат на рассмотрение конгрегации священной канцелярии и уверен, что не позднее следующего Рождества папа одобрит его и внесет в список Вселенской Суммы Теологии.

— Неужели? Ты полагаешь, что святейший отец поддержит твои притязания? Но ведь он весьма благосклонен к дяде — да и к Маргарите тоже, хоть и порицает ее за беспутство.

— А я не собираюсь обращаться к нему за поддержкой. Единственное, что от него требуется, это одобрить трактат, в котором ни разу не упоминается Наварра, как, впрочем, и любая другая страна. Вопрос о престолонаследии рассматривается там в общем, безотносительно к какому-либо конкретному случаю, и вместе с тем, применительно ко всем католическим королевствам и княжествам. Я очень рассчитываю на то, что трактат будет одобрен. В конце концов, все его выводы полностью соответствуют ныне действующим нормам римского права, в неизменности которых кровно заинтересован род Юлиев. Ну а папа, сам Юлий, будет не прочь оказать родственникам услугу, тем более важную, что в последнее время среди высшей итальянской знати весьма сильны настроения

в пользу элективной монархии — чтобы императора избирал Сенат, как это было в древности, еще до Корнелия Великого. Вот тогда я и предъявлю свои права, ссылаясь на их каноническую обоснованность. Вот тогда и посмотрим, дорогой дядюшка, кто будет смеяться последним! — При этом в глазах его вспыхнула такая жгучая ненависть, что Жоанну заколотил озноб.

— Сандро, милый! — взмолилась она. — Только не надо крови! Дай мне слово, что обойдешься без крови. Прошу тебя, очень прошу. Иначе я расскажу обо всем па... — она покраснела и опустила глаза, — дяде.

Губы Александра искривились в ухмылке:

— Папочке, верно? Он для тебя папочка. Тебя не трогает, что твой настоящий отец... Хотя ладно. Не беспокойся, сестренка, я не кровожадный. К силе я прибегну разве что в крайнем случае и уж тем более не собираюсь посягать на жизнь милых моему сердцу узурпаторов — дяди и кузины. Ведь если я буду хоть как-то, даже косвенно причастен к их смерти, Сенат откажется провозгласить меня королем и отдаст корону дядюшке Клавдию. Нет, такой вариант меня не устраивает. Лучше я подожду год-полтора, исподволь буду вербовать себе сторонников, а когда папа одобрит трактат о престолонаследии, подниму этот вопрос на Сенате, затею громкий процесс и выиграю его.

— А ты уверен в успехе?

— Конечно, уверен. На худой конец, придется немного повоевать — если дядя не захочет уступить корону по добру по здорову. Мондрагон, однако, не советует обострять ситуацию, требуя немедленного отречения. Мол, старику осталось всего ничего и не стоит ради каких-нибудь нескольких лет затевать междоусобицу. Возможно, я так и поступлю: пусть Сенат провозгласит меня наследником престола и регентом королевства, дядя спокойно доживает свой век в сане короля, а Маргарита... Да пошла она к черту, эта великосветская шлюха! Пускай поступает, как ей заблагорассудится, — то ли остается здесь, то ли уезжает к мужу, кто бы он ни был, и там предает-

ся разврату,— мне-то какая разница...— Вдруг Александр по-мрачнел.— Вот только...

— Ну! — оживилась Жоанна.— Что еще?

— Только бы она не вышла за кузена Рикарда или Красавчика-Аквитанского. Тогда моим надеждам конец, и никакой трактат их не воскресит.

— Почему?

Граф нервно поскреб ногтями свою гладко выбритую щеку.

— Ну, насчет кузена Иверо, тут и ослу понятно. За него горой станут все сенаторы-кастильцы из Риохи и Алавы: а как же, внук их обожаемой доньи Елены де Эбро — будущий король Наварры! В таком случае сторонники Маргариты и сторонники Рикарда сомкнутся и вместе составят непробиваемое большинство в Сенате.

— Это я понимаю, Сандро. Но причем здесь Филипп Аквитанский?

— Ха! Спрашиваешь! Да притом, что под боком у нас Гасконь с ее военной и политической мощью. Притом, что кузен Альфонсо — его закадычный дружок. Притом, что Красавчик в совершенстве владеет даром обвораживать людей — и женщин, и мужчин — всех! Притом, наконец, что моя милая жена с одиннадцати лет сохнет по нему и вполне способна устроить мне большую пакость, если я вздумаю чем-то обидеть ее кумира. Да он просто наплюет на неблагоприятное для него решение Сената и силой оружия завладеет Наваррой.

— Значит, брак Маргариты с Красавчиком ставит крест на всех твоих планах?

— Пожалуй, что да. С ним шутки коротки. Это не дядя, панькаться не будет. В случае чего, натравит на меня своего верного пса, Эрнана де Шатофьера, как когда-то натравил его на старшего брата — и все, нету больше Гийома Аквитанского. Так что я буду вынужден смириться, признать свое поражение и стать примерным подданным Маргариты... если, конечно, ей хватит ума выйти за Красавчика.

— Уж на это ей ума хватит,— заверила его Жоанна, в голо-

се ее послышалось облегчение. — И если не ума, так безумия точно.

Безапелляционный тон сестры не на шутку встревожил графа.

— Что ты имеешь в виду?

— Еще на прошлой неделе Маргарита решила согласиться на этот брак. Дескать, выходить замуж все равно придется, а молодой Филипп Аквитанский самый предпочтительный вариант. Здесь, кстати, не обошлось без содействия Бланки: она ей все уши прожужжала, расхваливая Красавчика. А сегодня... Сегодня была настоящая умора — Маргарита влюбилась, как малая девчонка.

— Да ты что?!

— Вот именно. Верно, ты правду говорил о его чарах. Он вел себя дерзко, порой откровенно нагло, зло подшучивал над Маргаритой — а она лишь глупо улыбалась и ласково мурлыкала. Елена хохотала с нее до упаду. Да и мне было смешно смотреть, как наша Маргарита льнет к Красавчику. Он точно ее приворожил.

Александр резко вскочил на ноги и в растерянности заходил по комнате. На лице его застыло выражение глубокого отчаяния, а глаза лихорадочно блестили, излучая бессильную ярость. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Черт, черт, черт! Что же мне делать?! Что?..

— Оставь это, Сандро. Зачем даром мучить себя? Что было, то сплыло, прошлого не вернешь.

— Ну да, конечно. Кто старое помянет, тому глаз вон. Ты только и мечтаешь об этом. Еще бы! Маргарита тебе за сестру, дядя — папочка. Он удочерил тебя, вернул титул принцессы Наваррской, так что ты не осталась в накладе.

— Прекрати язвить! — неожиданно резко ответила Жоанна. — Грех упрекать меня за то, что я называю его отцом. Я ведь очень смутно помню наших родителей, а дядя всегда относился ко мне как отец. И вообще, причем здесь титул принцессы? В конце концов, я и так принцесса — по рождению.

— Но меня раздражает...

— Да, тебя раздражает дядина доброта ко мне, раздражает его готовность примириться с тобой, если ты откажешься от своих претензий. Это раздражает тебя, потому что не отвечает твоим представлениям о нем, как о жестоком, бесчестном узурпаторе; потому что тебе будет гораздо труднее ненавидеть его, когда ты признаешь, что в сущности он хороший человек. А между тем, из ненависти к нему ты черпаешь свои силы; жажда мести стала смыслом всей твоей жизни... Разве можно так, Сандро? Если ты не веришь в бессмертие души, подумай хоть о земном существовании. Ведь ты попусту тратишь свою жизнь, гоняясь за химерами. Разве ты терпишь лишения? Разве ты испытываешь стеснение в средствах? Нет, у тебя всего вдоволь и ты можешь иметь все, что пожелаешь. Так чего, чего же тебе еще не хватает?

Граф остановился и устремил на сестру пронзительный взгляд.

— Чего мне еще не хватает, спрашиваешь? Власти! Вот что я хочу — никем и ничем не ограниченной власти! — произнес он в каком-то жутком исступлении. — И чтобы заполучить ее, я готов на все — даже целовать задницу Инморте...

— Инморте! — испуганно воскликнула Жоанна. — Сандро, милый, опомнись! Ведь иезуиты грешники, еретики, они продали свои души дьяволу.

— Так утверждает наш епископ, — невозмутимо заметил Александр. — Поверь, малышка, он преувеличивает. Впрочем, я тоже еретик и охотно продал бы свою душу дьяволу, да вот беда — лукавый явно не спешит ее покупать... И кстати, о грешниках. Что сказал бы монсеньор Франциско, узнай он о наших отношениях?

Жоанна тихо заплакала.

— Я каждый день молю Бога, чтобы он простил нас, — сквозь слезы произнесла она. — Грех наш велик, но Господь милостив... Да разве только мы грешники?! Может, Маргарита праведница? Или тот же Красавчик? Или Бланка?..

— Да-а, — вздохнул граф. — Нечего сказать, благочестивая компашка собралась. Что ни человек, то настоящее вместилище добродетели и кладезь целомудрия... Между прочим, ты

напомнила мне еще об одной грешнице — о моей так называемой жене. Говорят, она обнаглела до крайности. Завела себе любовника, рисуется с ним на людях, точно с законным мужем...

— Сандро! — укоризненно отозвалась Жоанна. — Как ты можешь! Кому-кому, но не тебе упрекать ее в этом.

— Совершенно верно, дорогая. Меня огорчает не то, что она завела любовника, но кого она взяла себе в любовники! Нищего дворянчика, которому не хватает собственных средств даже на приличную одежду.

— Это правда, Бланка содержит его. Но не беспокойся, не из твоего кармана.

— Да знаю, знаю. Она скорее умрет, чем примет от меня хоть динар. — Граф горько усмехнулся. — И опять же, не об этом речь. Неужели ты не понимаешь, что ее выбор унижает меня в глазах двора? Это она так мстит мне — тонко, изощренно... Пойду-ка я потолкую с ней по душам.

— Прямо сейчас?

— Именно сейчас. Я хочу застать ее в постели с этим добрым молодцем, так она будет поуступчивее. Надеюсь, они еще не уснули. А ты, сестренка, ступай спать, поздно уже... — Будто в подтверждение его слов, глухо пробили часы на главной башне дворца. — Вот черт! Мне нужно идти к... Впрочем, пусть он подождет.

— Кто это — он? — встревожилась Жоанна.

— Будешь много знать, скоро состаришься, — ответил Александр и, ласково взглянув на сестру, добавил: — Не волнуйся, не Инморте.

Глава XXVIII

*Свято место пусто не бывает,
или о том, как граф воочию убедился,
что если жена не спит со своим мужем,
значит, она спит с любовником*

Александр не ошибался, рассчитывая застать Бланку в объятиях Монтини; не ошибался он и в том, что час ночи она

еще не спит. По обычаю кастильского двора Бланка ложилась в постель очень поздно и просыпала около десяти утра. В первые месяцы после переезда в Памплону, где не было такого милого обычая, она, расставшись с Маргаритой, возвращалась в свои покои и еще два-три часа скучала в обществе сонных фрейлин или же вызывала своего канцлера и обсуждала с ним текущие дела в Нарбоннском графстве.

Однако, начиная с июля, привычки Бланки несколько изменились. Хотя, как и прежде, она засыпала во втором часу, обычно еще до полуночи Монтини уводил ее в спальню. Этьен был очень милый парень и, несмотря на столь нежный возраст, имел богатый опыт в любви. С ним Бланка сделала для себя неожиданно приятное открытие, основательно поколебавшее внушенную ей с детства уверенность, что физическая близость есть не что иное, как естественный способ удовлетворения животной похоти, которой Господь наказал человечество за грехи их прародителей — Адама и Евы, сделав ее неотъемлемым и прискорбным спутником любви и брака.

От природы пылкая и страстная, Бланка была воспитана в худших традициях монашеского ордена Святой Кармелии, чьим сестрам кастильский король доверил после смерти жены опеку над обеими малолетними дочерьми. Как и всякий закоренелый святоша, дон Фернандо был искренне убежден, что строгое пуританство и ханжеская мораль пойдут лишь на пользу добродетели юных принцесс; так что ни о каком их воспитании как будущих женщин и речи быть не могло. Бланке с большим трудом давалось осознание своей женственности, гораздо труднее, чем ее младшей сестре, ибо она, в отличие от Норы, чересчур близко к сердцу принимала всю несусветную чушь о взаимоотношении полов, которую ей втолковывали монахини. Даже сам факт деления человечества на мужчин и женщин доставлял Бланке массу хлопот, вызывая чувство душевного дискомфорта.

Выйдя замуж, она еще не успела разобраться в своих ощущениях, как падкая на деньги горничная Жоанны Наваррской продала ей секрет своей госпожи. Потрясенная до глубины души Бланка утвердилась во мнении, что сестры-вос-

питательницы были совершенно правы, говоря о греховности всего плотского. Она нашла себе утешение в том, что теперь имеет веские основания не пускать мужа в свою постель, благо монахини, которые всячески замалчивали интимные стороны человеческих отношений, не особенно распространялись о некоторых обязанностях, налагаемых на женщину браком, и не внушили ей должного уважения к супружескому ложу. Последнее было большим счастьем для Бланки. Ведь мало того, что она возненавидела мужа; ей становилось тошно при одной только мысли о возможной близости с ним. Вдобавок Бланка прониклась отвращением и к собственному телу, «похотливому и греховному», и поначалу решила было очиститься целомудрием в замужестве, отнеся, таким образом, отказ жить с мужем, как полагается супругам, к числу своих добродетелей.

Однако с течением времени этот благочестивый замысел мало-помалу терял свою первоначальную привлекательность. Бланка уже не была девственницей, не была она также холодной и бесчувственной, и ее женское естество все настойчивее требовало своего. Бланку приводили в отчаяние ее «дикие желания», она вела ожесточенную и бескомпромиссную борьбу со своими «низменными страстями», но все ее благие усилия пропадали втуне — воспоминания о ночах, проведенных с мужем, никак не давали ей покоя. И что хуже всего, тогда она, вперемешку с омерзением, испытывала ни с чем не сравнимое наслаждение!.. Все чаще и чаще внутренний голос вкрадчиво нашептывал ей, что как горький привкус во рту запивают глотком доброго вина, так и неприятный осадок тех ночей можно без следа растворить в других ночах, заглушить потоком новых воспоминаний, лишенных горечи предыдущих...

Но еще больше, чем для улады тела, Бланка нуждалась в мужчине для утешения души. Она невыразимо страдала от той тяжелейшей формы одиночества, скрасить которое не в состоянии никакая, даже самая тесная дружба — но только любовь. И бессознательно она уже была готова к тому, чтобы влюбиться в первого приглянувшегося ей молодого челове-

ка привлекательной наружности, неглупого, с хорошими манерами и приятного в общении. К счастью, таковым оказался Монтини — хоть и распущенный, но весьма порядочный парень.

Совершив прелюбодеяние, Бланка первым делом внесла определенные коррективы в перечень всех смертных грехов. Если главным оружием Норы в борьбе со своим ханжеством были легкомыслие и полная неспособность к самоанализу, то Бланка противопоставляла ему свой изощренный ум. С поистине иезуитской изворотливостью она убедила себя, что супружеская измена не заслуживает сурового осуждения, если изменяешь с любимым человеком и мужу, недостойному верности.

Впрочем, до окончательного раскрепощения Бланке было еще далеко. Как и прежде, она шокировала подруг своими нелепыми, абсурдными, карикатурными представлениями о приличии, приходя в смущение от самых невинных женских разговоров, в которых ни одна нормально воспитанная девушка не нашла бы ничего постыдного. В постели с Этьеном Бланка чувствовала себя скованно и неловко, принимая в штыки каждую новую его ласку. Ее неотступно преследовал страх перед разного рода извращениями — этими коварными ловушками, которые в изобилии расставил на тернистом пути любви враг рода человеческого. Как-то раз она в пылу страсти она укусила Монтини, да так сильно, что тот взвыл от боли, а на плече у него впоследствии появился внушительный синяк. Потрясенная своим поступком, Бланка немедленно прогнала Этьена прочь, сгоряча обвинив его в том, что якобы он умышленно довел ее до такого состояния, и затем целую неделю не подпускала его к себе.

В конце концов она сменила гнев на милость, однако за время опалы Монтини сделал для себя ошеломляющее открытие. Он вдруг понял, что любит ее всем сердцем, любит как женщину, а не как принцессу, и оттого очень испугался. Пока еще не поздно, Этьен пытался бежать из Памплоны, но Бланка вовремя спохватилась и отрядила в погоню за ним дюжину королевских гвардейцев, которые быстро изловили беглеца и

вернули его назад во дворец. Увидев горькие слезы возлюбленной, Этьен мигом позабыл обо всех своих страхах и сомнениях, бросился ей в ноги, моля о прощении, и, конечно же, был прощен. С тех пор он старался не думать о будущем и жил только текущим днем...

Когда граф Бискайский без предупреждения ворвался в спальню жены, утомленные любовники едва лишь погрузились в легкую дрему. Бланка вскрикнула от неожиданности и подхватила с подушки. В лицо ей бросилась краска негодования.

— Вы?! — гневно произнесла она. — Вы осмелились нарушить мой запрет?!

Александр остановился возле кровати, держа в руке зажженную свечу. За дверью слышалось встревоженное кудахтанье сонной горничной.

— Погодите, сударыня, не кипятитесь. Я пришел совсем не для того, чтобы проситься к вам в постель. Тем более что место в ней, похоже, занято всерьез и надолго.

— Ах, какое великодушие, граф! Какой широкий жест! Я, право, польщена... Гм... Так чему же я обязана честью вашего визита?

Граф вставил свечу в пустой подсвечник на туалетном столике, пододвинул ближе к кровати низенький табурет и осторожно опустился на него.

— Чему, спрашиваете? Скорее, кому. — И он вперился взглядом в оробевшего Монтини.

— Даже так! — Вдруг Бланка сообразила, что она совершенно голая, и торопливо натянула на плечи одеяло. Этьену и вовсе захотелось укрыться с головой. — Ну и ну! Это уже интересно.

— Очень интересно, сударыня. Даже интригующе: принцесса Кастилии, старшая дочь короля, в постели с нищим попрошайкой. Да-а, порой жизнь подносит нам презабавнейшие курьезы...

— Если вы намерены и дальше разговаривать в таком тоне, — предупредила Бланка, бледнея от гнева, — можете не

утруждать себя. Лучше уж сразу убирайтесь к чертовой матери.

— Ай, ай, ай! — удрученно покачал головой граф. — Как быстро вы учитесь у Маргариты всем ее порокам — и разврату, и сквернословию! Куда и девалась ваша застенчивость, изысканность в речах... — Он умолк, так как Бланка уже готова была взорваться. — Впрочем, ладно. Прошу прощения за грубость и предлагаю в дальнейшем обходиться без взаимных упреков и оскорблений. Скажем так: лежащий подле вас молодой господин, несмотря на свои бесспорные достоинства, все же недостаточно знатен и богат... мм... для такой высокой должности, как любовник принцессы.

Монтини не знал, где ему деться от стыда и унижения. В словах графа он почувствовал кислый привкус правды — тот самый привкус, который уже давно набил ему оскомину.

— Это не ваше дело, сударь! — зло ответила Бланка. — Вас это не должно касаться.

— Однако касается. Так касается, что даже кусается. Ведь вы, сударыня, хотите того или нет, в глазах всего мира являетесь моей женой. Мне не безразлично, с кем вы делите постель, так как об этом судачат все, кому не лень. И, добавлю, исподтишка насмеются надо мной. Вы выставляют меня на всеобщее посмешище.

— Скажите еще спасибо, что не на позорище. А я могу это сделать, вы знаете.

Александр тяжело вздохнул:

— Да уж, знаю. Крепко вы держите меня в узде, нечего сказать... Итак, сударыня, после этой словесной разминки, перейдем к делу.

— К какому еще делу? У меня, к счастью, нет с вами никаких общих дел.

— Речь идет об одном милом молодом человеке, который...

— Об этом милом молодом человеке я как-нибудь сама позабочусь, — оборвала его Бланка. — Не смейте вмешиваться в мою личную жизнь, господин граф. Вы потеряли на это право.

— Но я хочу предложить вам полюбовную сделку,— настаивал Александр.— Надеюсь, она удовлетворит нас обоих... всех троих.

Однако Бланка была непреклонна:

— Ничего у вас не выйдет, милостивый государь. Я не собираюсь ронять свое достоинство, заключая с вами какую бы то ни было сделку. Довольно с меня и нашего брака — самого прискорбного события всей моей жизни... Коломба! — громко позвала она.

Тотчас дверь отворилась, и в спальню прошмыгнула молоденькая смуглолицая горничная.

— Что вам угодно, моя госпожа?

— Граф покидает нас. Проводи его к выходу, чтобы он случайно не заблудился.

— Но, сударыня... — начал было Александр.

— Аудиенция закончена, милостивый государь, — кротко произнесла Бланка. — Еще одно слово, и я велю страже вышвырнуть вас вон. Уразумели?

Граф все уразумел. Ему был хорошо знаком этот тон — ровный, сдержанный, чуть ли не ласковый. Таким вот тоном покойный дон Фернандо в былые времена объявлял смертные приговоры провинившимся дворянам и чиновникам. Таким же тоном в тот памятный февральский день Бланка запретила ему под страхом разоблачения переступить порог ее покоев. В состоянии крайнего раздражения она производила еще более жуткое впечатление, чем даже ее отец, ибо производила свои угрозы не только ласково, но и нараспев. Александр вновь вздохнул, поднялся с табурета и молча направился к двери.

— Ага! — в последний момент вспомнил он, вернулся к столику, вынул из подсвечника свою свечу, пояснив с мрачной улыбкой: — Чего доброго, еще швырнете мне в спину, — и лишь затем вышел.

— Интересно, о какой это сделке он говорил? — первым отозвался Монтини, когда горничная затворила за собой дверь. — Что он хотел предложить?

— Наверняка собирался дать тебе денег,— сказала Бланка, положив голову ему на грудь.— Полагаю, тысяч десять, не меньше.

— Но зачем? Чтобы откупиться от меня? Бланка, родная, неужели ты подумала, что я соглашусь? Да ни за что! Ты мне дороже всех сокровищ мира.

— Знаю, милый. Но он не это имел в виду. По-видимому, он хотел, чтобы ты прикупил себе земель и стал зажиточным сеньором. Чтобы он, видишь ли, не стыдился тебя, как моего любовника.

— О!..

— Какая низость! — гневно продолжала Бланка.— Предлагать свои грязные деньги! Ну, нет! Пусть лучше я опустошу нарбоннскую казну, но сама, без его помощи, соберу нужную тебе сумму.

— Дорогая! — с горечью произнес Этьен.— Опять за свое? Пожалуйста, не надо. Мне и так досадно, что я вынужден брать у тебя на расходы, а ты... Да пойми же, наконец, как это унижительно — быть на содержании у любовницы. Ты, конечно, прости за откровенность, но факт остается фактом: моей дружбы ищут лишь всякие лизоблюды, а те, с кем бы я сам хотел дружить, относятся ко мне свысока. Еще бы — выскочка, содержанец. Вот если бы я смог как-то отличиться, завоевать себе положение...

Тут Бланка вскочила и села в постели. Глаза ее радостно засияли.

— Ах, совсем забыла! Кажется, я нашла тебе достойную службу.

— Правда? — оживился Этьен.— Надеюсь, военную?

— Разумеется. И ни где-нибудь, а в королевской гвардии. Несколько дней назад подал в отставку один из лейтенантов. Маргарита пообещала выхлопотать его патент для тебя — отец ей не откажет. Так что ты уже, считай, лейтенант гвардии.

— Лейтенант?! — изумленно воскликнул Монтини.— Да это же курам на смех. Я — лейтенант! Ни единого дня на службе, а уже лейтенант!

— Эка беда! Пусть и курам на смех, зато при дворе ты будешь важной персоной.

— И опять же, выскочкой.

— Ошибаешься, милый. Патент-то вручу тебе не я, а король — причем по просьбе Маргариты. Ты понимаешь, что это значит?

— Ну, и что?

— Вот глупенький! Всем известно, что Маргарита не раздает милости направо и налево, она благоволит лишь к тем, кого уважает. Когда при дворе узнают, что ты назначен лейтенантом по ее личной просьбе, то сразу поймут, что она не просто терпит тебя из-за Матильды и ради нашей с ней дружбы, как утверждают злые языки; ведь никакая дружба не заставит ее сделать услугу несимпатичному ей человеку. Этим Маргарита покажет, что ты у нее в фаворе, что она уважает тебя. А раз так, то и отношение двора к тебе изменится. Я здесь чужая, — в голосе Бланки явственно проступила грусть. — Для сторонников короля я прежде всего жена графа Бискайского, для сторонников графа важно то, что я с ним не в ладах, и моя благосклонность ни тем, ни другим не указ. А Маргариту обожают все — и друзья, и враги; ее любимцы здесь в почете хотя бы потому, что они ее любимцы...

— Постой-ка! — вдруг всполошился Монтини. — Ведь я даже не рыцарь. Какой из меня лейтенант?

Бланка улынулась:

— Будь покоен, за этим дело не станет. Хоть завтра я могу посвятить тебя в рыцари. Не забывай, что я полновластная графиня Нарбонна, пэр Галлии.

— Это шутка? — спросил Этьен.

— Конечно, шутка. Я же не хочу, чтобы придворные насмешники измывались над тобой: дескать, заслужил рыцарские шпоры в постели. А если без шуток, то я попрошу кузена Аквитанского. Мы с ним добрые друзья, и он не откажет мне в этой услуге.

Монтини посмотрел ей в глаза.

— А знаешь, дорогая, такой очаровательной женщине, как

ты, опасно обращаться к Красавчику за услугой. Глядишь, он потребует благодарности — на свой манер.

И они весело рассмеялись.

Глава XXIX

Поруганная

После ухода Габриеля Матильда долго лежала на кровати, тупо уставившись невидящим взглядом в потолок. Ее охватило какое-то жуткое оцепенение. Ей отчаянно хотелось заплакать, но, несмотря на все старания, глаза ее оставались сухими. Тугой комок подступил к ее горлу и застрял там намертво, не желая ни возвращаться обратно, ни вырываться наружу.

Прошло довольно много времени, прежде чем Матильде удалось стряхнуть оцепенение. Она села в постели и медленно, будто в трансе, принялась сбрасывать с себя измятую, местами разорванную одежду. Раздевшись донага, Матильда тщательно вытерла кровь — и лишь тогда комок в ее горле, наконец, подался, слезы хлынули из ее глаз, и она безудержно зарыдала, горько оплакивая свою поруганную невинность, свои разрушенные иллюзии, свои безжалостно растоптанные мечты...

Когда начал заниматься рассвет, Матильда, выплакав все слезы и немного успокоившись, встала с постели, надела на себя чистую нижнюю рубашу и длинный пеньюар, вступила босыми ногами в тапочки и торопливо покинула комнату. Она больше не могла оставаться там, где над ней так жестоко наглумились, ей было страшно наедине со своими мыслями, и она решила пойти к Маргарите. Матильда знала, что накануне принцесса рассорилась с Рикардом Иверо, поэтому надеялась застать ее в спальне одну или, в худшем случае, с Констанцей де ла Пенья. В последние два года Маргарита плохо засыпала сама и обычно, когда у нее не было мужчин, брала к себе в постель дежурную фрейлину.

Когда Матильда вошла в спальню, Маргарита лежала ничком на кровати. Принцесса была сама, но ее нагота, ском-

канное постельное белье и разбросанные подушки свидетельствовали о том, что она весьма бурно провела первую половину ночи.

— Решил вернуться, милый? — нежно промурлыкала Маргарита, услышав тихий скрип двери.

— Это я, сударыня, — дрожащим голосом отозвалась Матильда.

— Ты? — Принцесса перевернулась набок и озадаченно взглянула на нее. — Почему ты не спишь? У тебя такой измученный вид... Что случилось?

— Н-ничего, сударыня. Просто... Просто я хочу побыть с вами.

Маргарита вздохнула:

— Боюсь, не к добру это. Слишком уж часто ты набиваешься ко мне — смотри, как бы это не вошло в привычку. Изредка побаловаться можно, но... Ладно, замнем. Честно говоря, я даже рада, что ты пришла. Иначе довелось бы будить Констанцу, а мне сейчас не шибко хочется видеть ее кислую мордашку. К тому же она пристаёт ко мне еще настырнее, чем ты. Тоже мне, порядочная!.. Ну, ложись, не стой, как вкопанная. Только сперва подай мне рубашку, она должна валяться где-то там, возле тебя.

Матильда подобрала с пола сей кокетливый наряд, скромно именуемый ночной рубашкой, и отдала его своей госпоже. Маргарита облеклась в полупрозрачную дымку, делавшую ее еще более соблазнительной, нежели в голом виде, а Матильда тем временем сбросила с ног тапочки, сняла с себя пеньюар и забралась на кровать. Обхватив Маргариту за талию, она крепко прижалась к ней.

— Ну вот! — с грустью произнесла принцесса. — Что я говорила! Пожалуй, тебе пора замуж.

— Нет, — прошептала Матильда, зарываясь лицом на ее груди. — Не надо... Не хочу...

— А что же ты хочешь? Остаться старой девой?

— Не знаю, сударыня, я ничего не хочу. Я... я хочу в монастырь!..

— Ага! — выдохнула Маргарита с явным облегчением. — Понятненько! — Она взяла Матильду за подбородок и подняла к себе ее лицо. — Если речь зашла о монастыре, значит ты влюбилась.

Матильда потупила глаза.

— Так я угадала? — не унималась Маргарита. — И кто он, этот счастливец?.. Ну-ка, ну-ка! Ведь это Красавчик-Филипп, верно?

Матильда утвердительно кивнула и вдруг разразилась громкими рыданиями.

— Да что ж это в самом деле? — растерялась принцесса. — Прекрати реветь, успокойся. Объясни, что стряслось?

— Он... Он... — начала было Матильда, но слезы помешали ей говорить.

— Неужели он обидел тебя?!

— Нет, не... не он... Это... это его... господин де... де Шеверни.

— Де Шеверни? Тот приятный молодой человек, с которым ты проболтала весь вечер?

— Д-да... Он... он оскорбил... оскорбил меня.

— Боже правый! — вскричала Маргарита. — Он изнасиловал тебя?!

В ответ девушка кивнула и разрыдалась пуще прежнего.

Принцесса села, опершись спиной на подушки, подтянула ноги и положила голову Матильды себе на колени.

— Поплачь, девочка, поплачь, милая, — нежно приговаривала она, глядя ее по спине и волосам. — Плачь, сколько можешь, тогда станет не так больно... Ах, он негодяй! Мерзкий насильник! Да я ему... Я покажу ему, подлецу такому. Ой, и покажу — чтоб другим неповадно было. Он у меня попляшет, помяни мое слово. Так получит, что после этого ад ему раем покажется... Нет, это уму непостижимо! С виду такой вежливый, такой застенчивый молодой человек — и на тебе! — Маргарита тяжело вздохнула. — Как плохо я знаю мужчин!..

Чуть погодя она принялась выспрашивать у Матильды подробности происшедшего; девушка отвечала ей, сдабривая

каждую фразу обильным потоком слез, так что к концу повествования она наплакалась всласть и приутихла. Выслушав ее, принцесса вновь легла и привлекла Матильду к себе.

— Бедняжка ты моя глупенькая! Разве ты не понимаешь, что сама напросилась!

— О да, сударыня, прекрасно понимаю. Эта справедливая кара Божья за мои грехи, за мою развратность.

— За что, за что?!— изумилась Маргарита.— Какие еще грехи? Какая развратность? Да ты в своем уме, детка?!

— Это правда, сударыня. Я уже согрешила в мыслях, я поддавалась соблазнам Искушителя. Я развратна своими помыслами.

— Бред собачий! Попридержи эту религиозную чушь для падре Эстебана, а мне мозги не пудри. Речь сейчас о другом. Вы с господином де Шеверни оба хороши; я даже затрудняюсь сказать, кто из вас больше виноват. Парень влюбился в тебя до умопомрачения, совсем потерял голову, а ты еще провоцировала его. Ну разве можно так обращаться с человеком, у которого крыша поехала? Вместо того чтобы посочувствовать ему, проявить жалость, сострадание, ты откровенно издевалась над ним, и, подозреваю, еще почище, чем рассказала мне. Если ты в чем-то и согрешила, так это нарушила заповедь Господню не искушать. Филипп, кстати, тоже издевался надо мной, но с определенным умыслом — чтобы я сама бросилась ему на шею. У него и в мыслях не было довести меня до белого каления, а затем попросту отшить... Черт возьми! Да попытайся он отколоть нечто подобное, я бы живо позвала стражу, велела привязать его к кровати и...— Маргарита прокашлялась.— Гм, ладно. Вернемся к нашим баранам... Н-да, и в самом деле к баранам, вернее, к барашкам — к двум глупым барашкам. Я, право, ума не приложу, что мне с вами делать — с тобой и господином де Шеверни. Во время приема, надо сказать, он произвел на меня очень приятное впечатление...

— Он негодяй,— сонно промямлила Матильда.— Я ненавижу его... И Красавчика ненавижу — он обманщик и подлец... Все мужчины подлецы... лжецы... Я их всех ненавижу...

— Ну-ну!— посуровела Маргарита.— Ты это брось! Без

мужчин жизнь была бы скучна. Кого тогда прикажешь любить? Одних девчонок? Нет уж, уволь... Ах, душенька, ну и надела ты мне хлопот со своим сумасшедшим поклонником! Как же теперь поступить с ним? Примерно наказать его, что ли? Можно, конечно, это напрочь выбьет дурь из его глупой башки — но ведь больно ударит и по тебе. Поди тогда найди тебе приличного мужа. Как там ни крути, а ты у нас, почитай, из самых низов. Лично я вижу только один выход из ситуации — но, боюсь, моя идея тебе не понравится. Ты ведь догадываешься, к чему я веду, Матильда?

Девушка не ответила. Измученная переживаниями, она наконец успокоилась и забылась в глубоком сне, тихо посапывая маленьким носиком. Она была так восхитительно красива, что Маргарита не удержалась и поцеловала ее.

— Спи, моя детка, спи, дорогая. И пусть сон принесет тебе облегчение...

Принцесса закрыла глаза, мысленно возвращаясь в объятия Филиппа. Тотчас кровать под ней будто провалилась, какое-то неведомое течение подхватило ее и быстро понесло сквозь густеющий туман дремоты в самую пучину сладких грез.

Глава XXX

В которой походя решается

*судьба Матильды, а Филипп начинает понимать,
что явно поспешил с переоценкой ценностей*

Молоденький паж провел Филиппа на крытую террасу с видом на дворцовый парк, где при хорошей погоде Маргарита имела обыкновение обедать в узком кругу друзей. На этот раз за столом компанию ей составляли две постоянные ее соотрапезницы — Бланка и Жоанна, а также Этьен де Монтини, занявший место своей сестры, которая по вполне понятным причинам сегодня отсутствовала.

Пустовало и кресло справа от Маргариты — с начала июня и вплоть до последнего дня его неизменным хозяином был

Рикард Иверо. Но сегодня Маргарита не пригласила его к себе. Также не предвиделось присутствие сестры Рикарда, Елены.

Когда появился Филипп, Маргарита, и до того удивившая Бланку и Жоанну бесконечными проволочками с началом обеда, отколола нечто вообще из ряда вон выходящее — она встала из-за стола и почти бегом бросилась ему навстречу.

— А вот и наш милый кузен,— проворковала она, глядя на него с откровенным восхищением.— Вы уж не взывайте, что мы начали без вас...

— Э, нет, кузина,— живо возразил Филипп.— Так не пойдет. Ведь это я должен извиняться за опоздание.— Он галантно поцеловал ее руку и почтительным кивком приветствовал остальных присутствующих.— Во всем виноват мой паж. Я сказал ему, что меня ни для кого нет, имея в виду моих придворных. Но он понял эти слова буквально и целых полчаса заговаривал зубы вашему посланнику, в то время как я беседовал с... мм... с одним из моих дворян — о чем я рассчитываю потолковать с вами несколько позже.

— Да,— кивнула Маргарита.— Об этом мы непременно поговорим — но чуть позже. А пока, прошу вас к столу, кузен.

Филипп расположился в кресле Рикарда Иверо, первым делом отпил из кубка глоток вина и произнес:

— Направляясь к вам, я заметил на площади римские флаги и штандарты. Вы не знаете, с какой это стати? Неужели прибыл император?

— Нет,— ответила Маргарита.— Только консул Гай Орсини Калабрийский с известием о приближении императорского поезда. Самого Августа Юлия мы ожидаем к вечеру.

— Ах да, теперь вспомнил. Утром меня пытались разбудить по поручению отца, но спросонку я заявил, что и сотня консулов не помешают мне выспаться.

— Еще бы! — едко заметила Бланка.— Ведь вы так утомились.

Филипп озадаченно уставился на нее. Эти симптомы были ему хорошо знакомы. В дурном расположении духа Бланка становилась крайне язвительной, и горе было тому, кто в

такие моменты подворачивался ей под горячую руку (вернее, острый язычок) да еще осмелится пререкаться с нею.

«Вот как! Вижу, ты очень привязана к Матильде...»

— Вы правы, кузина,— с готовностью согласился он, лишая Бланку повода для дальнейших злых остроумий.— Я в самом деле чувствовал себя уставшим, и даже приезд императора не заставил бы меня... Однако постойте! Если Август Юлий лично приезжает за своей невестой, то и венчание должно состояться сразу же после передачи.

Маргарита пожала плечами.

— Ясное дело! Ведь в противном случае итальянские ханжи-патриции лопнут от негодования: ах, какое вопиющее нарушение правил приличия! Венчание назначено на десятое число. На десятое сентября, разумеется...

— Очень существенное уточнение,— съязвила Бланка.— Не то кузен подумал бы, что на десятое декабря.

Маргарита бросила на нее быстрый взгляд и продолжала:

— Так вот, десятого сентября Август Юлий и Нора обвенчаются здесь, в Памплоне, а уже на следующее утро отправятся в Рим, где по их прибытии состоится коронация новой королевы Италии.

— Можно подумать,— вставила Бланка,— что до их прибытия.

— А можно подумать,— раздраженно ответила Маргарита,— что у тебя больше неприятностей, чем у меня, что я меньше твоего переживаю за Матильду, что в конце концов... Ведь это ребячество, кузина!

К удивлению Филиппа, Бланка не огрызалась и даже попросила прощения за несдержанность, хотя видно было, что она очень расстроена.

«Взрослеет»,— отметил он с умилением отца, в один прекрасный день обнаружившего, что его дочь из нескладного подростка превратилась в очаровательную юную девушку.

После этого инцидента разговор за столом увял и лишь изредка молодые люди обменивались скупыми бессодержательными репликами. Когда подали десерт, Жоанна, не любившая сладкого, молча поднялась со своего места.

— Ты уже уходишь? — спросила ее Маргарита.

— Пожалуй, да. Если я не ошибаюсь, у вас намечается разговор не для чужих ушей.

— А разве ты чужая? Оставайся. Мы люди простые, откровенные, нам нечего от тебя скрывать.

— Однако я пойду.

Маргарита небрежно передернула плечами.

— Воля твоя, сестренка. И пожалуйста — про Рикарда никому ни слова. Передай Александру, что если он станет болтать...

— Не надо угроз, Маргарита. Я просто попрошу его молчать. Меня он послушается.

— Вот и хорошо.

Проводив Жоанну взглядом, Маргарита повернулась к Филиппу:

— Представьте, кузен! Этот бешеный идиот...

— Сиречь виконт Иверо? — усмехнулся Филипп, по достоинству оценив такую оригинальную характеристику бывшего любовника принцессы. — И что же с ним приключилось?

— Он едва не покончил с собой.

— Да что вы говорите?!

— Так оно и было. Этой ночью он пытался выброситься с восточной башни, но его спас кузен Бискайский. Порой у Александра бывает бессонница — вот он и шатался ночью по дворцу и случайно забрел именно в эту башню. Жоанна рассказывала, что он спокойно сидел на парапете меж двух зубцов, как вдруг появился кузен Иверо и, точно лунатик, не видя ничего вокруг, направился к краю башни. К счастью, Александр вовремя сообразил, что происходит, и в последний момент помешал ему совершить эту глупость.

— Невеселая история, — констатировал Филипп и, как бы из праздного любопытства, поинтересовался: — А что могло толкнуть его к самоубийству?

— Наверное, долги, — смущенно ответила принцесса. — Так он сказал кузену Бискайскому.

— И вы верите в это?

— Ну... Он задолжал ростовщикам свыше восьмидесяти тысяч,— будто оправдываясь, сообщила Маргарита; щеки ее сделались пунцовыми.

— Восемьдесят тысяч?! — ошарашено произнес Филипп. — Ничего себе! Да ведь это в три или четыре раза превышает годовой доход графства Иверо. Как только он ухитрился растранжирить такую уйму денег?

— Мало ли как! Этот остолоп на все способен.

Бланка сокрушенно покачала головой:

— Ты бессердечная, кузина. На кого же, как не на тебя, потратил он эти деньги. На все эти роскошные и безумно дорогие подарки... — Она вздохнула. — Да разве в деньгах дело...

— Помолчи, Бланка! — вскипела Маргарита. — Мне и без твоих комментариев тошно.

— А меня тошнит от твоей черствости! — огрызнулась кастильская принцесса. — И от твоего самодурства. Такой закоренелой эгоистки, как ты, я еще не встречала. Ты любишь только себя, до других тебе нет дела. Ради тебя Рикард готов был на все, а ты... ты использовала его, забавлялась с ним, как с игрушкой, пока он тебе не надоел, а затем без сожаления вышвырнула прочь, едва лишь у тебя появился новый кумир. — Тут Бланка выстрелила в Филиппа глазами, и в ее взгляде тому почудилась ревность. — Тебе и в голову не приходило, что Рикард такой же человек, как и ты, и его боль не менее реальна, чем твоя. Если кто и виноват в том, что едва не случилось, так это ты со своей жестокостью.

— Нет, вы только поглядите, какая защитница нашлась! — с издевкой произнесла Маргарита. — Так что же ты здесь сидишь и попусту треплешь языком? Ступай-ка лучше к Рикарду, помоги Елене утешить его и заодно присмотри за ней самой — как бы она не перестаралась в своем рвении.

Перебранка между принцессами грозила вылиться в крепкую ссору. Поэтому Филипп, не долго думая, стукнул кулаком по столу и громко сказал:

— Ну, все, хватит! Что вы, как дети! — Он помолчал, давая принцессам время успокоиться, затем продолжил: — Дорогие кузины, я прекрасно понимаю, в чем действительная причи-

на вашей раздражительности, и прошу не вымещать свое дурное настроение друг на друге. Давайте лучше перейдем к делу.

— Вот именно,— отозвалась Маргарита.— Поговорим, наконец, о Матильде.

Бланка кивнула:

— Да, пора уж. Вы начнете, Филипп?

— Пожалуй, да. Прежде всего, я хотел бы выразить свое сожаление по поводу случившегося. Безусловно, я признаю, что поступку господина де Шеверни нет оправдания, но вместе с тем настаиваю на непредвзятом отношении к нему и прошу учесть смягчающие его вину обстоятельства.

— А разве он заслуживает этого?— осведомилась Маргарита.

— Ну, разумеется, принцесса! Даже самый закоренелый преступник вправе рассчитывать на справедливый суд,— назидательно произнес Филипп, украдкой поглаживая ее ногу.— Тем более, что я не считаю господина де Шеверни преступником.

— Ах так!— не удержался от негодующего восклицания Монтини.— Кто же он тогда?

Филипп смерил его ледяным взглядом:

— К вашему сведению, милостивый государь, господин де Шеверни выразил готовность встретиться с вами в поединке и позволить вам без труда убить себя. Но, боюсь, это не будет выходом для вашей сестры, да и вам не сделает большой чести.— Он повернулся к Бланке:— Вас можно на пару слов, кузина? Вы не возражаете, Маргарита?

Маргарита не возражала, а Монтини возражать не посмел.

Бланка согласно кивнула и поднялась из-за стола. Они отошли к краю террасы и остановились возле высокого парапета.

— Бланка,— заговорил Филипп, переходя на кастильский,— скажите по старой дружбе: вы, все трое, уже пришли к определенному решению?

— Да. А вы?

— Я буду просить руки Матильды для Габриеля де Шеверни.

— Мы примем ваше предложение.

Филипп вздохнул:

— Вот и хорошо.

— По вашему виду не скажешь,— заметила Бланка.— Вы вздыхаете, как за покойником. В чем дело, Филипп?

— Не по душе мне этот брак, Бланка. С тяжелым сердцем я взялся за сватовство. По мне, лучше бы Габриель в тюрьме посидел, чем женился на Матильде.

— Вы тоже так считаете?

— А вы?

— Я — да. Но Маргарита и Эть... господин де Монтини думают иначе. Они вроде бы пекутся о Матильде, хотят устроить ее будущее, искренне желают ей только добра, но не понимают, не хотят понять, что это значит для самой Матильды. Какой бы там ни был господин де Шеверни замечательный человек, у нее уже сложилось весьма неприглядное мнение о нем, и вряд ли кто-то способен внушить ей уважение к нему, не говоря уж о любви. Ну, а там, где нет ни любви, ни уважения... Словом, я очень боюсь, что их супружеская жизнь будет сущим адом.

Филипп кивнул:

— Полностью согласен с вами, Бланка. Я даже собирался предложить Матильде отступную — одно из моих личных поместий в Кантабрии, дающее право на баронский титул и около шестисот скудо чистого годового дохода.

— О! Внушительная отступная. Пожалуй, это меняет дело. Будучи баронессой, Матильда сможет найти себе достойную партию, даже если все произошедшее с ней получит огласку. Я почти уверена, что в свете ваших условий Маргарита и Этьен пересмотрят свое решение.

Филипп угрюмо покачал головой:

— Не все так просто, кузина. Я сказал, что собирался предложить отступную; но не сказал, что предложу ее. К сожалению, Габриель не согласен. Он хочет жениться на Матильде,

глупец этакий! Сколько я его не отговаривал, но он уперся рогом, и ни в какую.

— И ради его каприза вы готовы пожертвовать счастьем Матильды? — с упреком произнесла Бланка.

Филипп опять вздохнул.

— Будь это просто каприз, я бы велел заключить его под стражу и немедленно отправить в Тараскон. Но Габриель не капризничает — он спятил. Он помешался на Матильде, как... как Рикард Иверо на Маргарите, и, подобно ему, вполне способен наложить на себя руки. Он уже пообещал мне покончить с собой, если Матильда не станет его женой.

— Боже правый! Он серьезно?

— Очень боюсь, что да. Габриель на редкость упрямый парень, коли вобьет себе что-то в голову, его уже ничем не переубедишь. Конечно, со временем он остынет и поймет свою ошибку, но тогда будет слишком поздно.

— А если назначить свадьбу, скажем, на конец весны, когда Матильде исполнится шестнадцать? Надеюсь, к тому времени господин де Шеверни трезво оценит ситуацию и передумает, а Матильда получит предложенную вами отступную.

— Это был бы неплохой выход. Но Габриель очень умен, его не проведешь. Он мигом учуял подвох, едва лишь я заикнулся о возможных проволочках. Вот его окончательное решение: бракосочетание должно состояться самое позднее через месяц. Я сдаюсь, кузина. Я совершенно беспомощен.

— А как вы смотрите на то, чтобы я поговорила с господином де Шеверни?

Филипп ослепительно улыбнулся:

— Бланка, солнышко, ведь этого я и хочу! У вас просто изумительный дар убеждать людей. Так что потолкуйте с Габриелем, попытайтесь отговорить его от брака с Матильдой. Этим вы меня очень обяжете.

— Но учтите, Филипп, я ничего не обещаю.

— А я и не рассчитываю на успех. Однако чем черт не шутит. Значит, договорились?

— Договорились,— кивнула Бланка. Она чуть вздернула подбородок и быстро вдохнула, будто собираясь еще что-то

сказать, но затем плотно сжала губы, опустила глаза и покраснела.

— Смелее! — приободрил ее Филипп. — Чего стесняться? Доверьтесь мне. Как-никак, я ваш старый друг и кузен.

— Ну... Есть один человек...

— Этьен де Монтини?

— Да... он...

— И что ему надо? Рыцарские шпоры?

Бланка удивленно подняла бровь:

— А как вы догадались?

— Это же элементарно, радость моя. Господин де Монтини, как мне известно, не принадлежит к числу знатных вельмож; попросту говоря, он беден. Но вместе с тем он горд и очень тяготится своим теперешним положением... гм... Ладно, не будем об этом. Так вот, нетрудно догадаться, что для своего возвышения господин де Монтини избрал военное поприще, и сейчас он нуждается в рыцарском достоинстве, чтобы занять должность, которую вы ему подыскали... Простите за праздное любопытство, Бланка, но можно поинтересоваться, что это за должность?

— Лейтенант гвардии, — немного растерянно ответила она.

— Лейтенант гвардии? — повторил Филипп. — Что ж, для начала неплохо... Итак, завтра вас устроит?

— Завтра?

— А зачем мешкать? Как раз завтра я собираюсь посвятить в рыцари нескольких моих дворян, отличившихся в бою с иезуитами. Факт присутствия в их числе господина де Монтини вряд ли привлечет особое внимание. Так мы договорились?

— Да, конечно. Благодарю вас, Филипп, вы очень милы.

— Э, нет, солнышко, ты еще не знаешь, как я мил, — энергично возразил он. — Вот если бы наша дружба не остановилась на полпути и нашла свое логическое продолжение в любви... — Филипп многозначительно умолк, страстно глядя ей в глаза. В этот момент у него зародилось подозрение, что, несмотря на все случившееся полгода назад, даже несмотря

на предательство (как он считал) со стороны Бланки, она была и остается для него самой лучшей женщиной на всем белом свете. После секундных колебаний он протянул руку и легонько провел пальцем за ее ушком. — Ах, Бланка, Бланка, ну почему ты такая упрямая девчонка? Какой черт тебя дернул, что ты отказалась от предложения падре Антонио?.. Сладкая ты моя...

— А это еще зачем? — почти простонала она, злясь на себя за то, что такое легонькое, едва ощутимое прикосновение, тем не менее, вызвало у нее неожиданно сильное возбуждение. — На нас же смотрят!

— Именно этого я и хочу. Пусть чуточку поревнуют.

С виноватой улыбкой Бланка повернулась к столу и тут же оторопела.

— Ну, ничего себе «чуточку»! Боже, что это с Маргаритой?! Да никак она ревнует? И еще как ревнует! Такой грозной я ее никогда не видела... Возвращаемся, Филипп. Скорее, пока не началась буря.

— Пожалуй, надо поспешить, — согласился Филипп, предлагая ей руку. — Не хватало еще, чтобы вы снова сцепились... Станный вы, однако, народ, женщины. Неужели вам невдомек, что меня хватит на вас обеих, и при этом ни одна не останется внакладе?

В ответ Бланка лишь негодуя фыркнула.

Вернувшись к столу, Филипп без дальнейших проволочек попросил от имени Габриеля руки Матильды и, получив согласие, выразил желание, чтобы бракосочетание состоялось в самое ближайшее время. Маргарита предложила сыграть свадьбу в ее загородной резиденции Кастель-Бланко, куда она намерена пригласить молодых вельмож — своих гостей по окончании официальных торжеств. Поскольку никаких возражений ни от кого не последовало, на том и порешили.

Отобедав, молодые люди еще немного поболтали о всяких пустяках, затем Бланка во исполнение своего обещания послала Этьена де Монтини за Габриелем, строго-настрого велев ему не затевать с ним ссоры, а сама, попрощавшись с Филиппом и Маргаритой, отправилась к себе.

Не успел Филипп проводить ее изящную фигурку вожделенным взглядом, как Маргарита очутилась у него на коленях и обхватила руками его шею.

— Сегодня отец сказал мне, что наш брачный контракт уже готов к подписанию.

— Ну да. А что?

— Как это что! Я жду, не дождусь, когда стану твоей женой.

От неожиданности Филипп нервно закашлялся. Появился перед ним Сатана собственной персоной, он бы, пожалуй, здорово испугался, но удивлен был бы куда меньше, ибо в существовании Князя Тьмы нисколько не сомневался. Маргарита похлопала его по спине.

— С тобой все в порядке, милый? Что стряслось?

— Ничего особенного,— ответил он, с трудом уняв кашель.— Слюной подавился... Так о чем мы говорил? Ах да, помолвка. Если не возражаешь, объявим о ней сразу после турнира.

— Угу. А вскоре поженимся,— проворковала она, запуская свои тонкие пальчики в его золотистую шевелюру.— Это будет просто замечательно!

«Чтоб я сдох!»— подумал ошеломленный Филипп.

Перед ним было лишь жалкое подобие той гордой, независимой, своенравной красавицы, очаровавшей его накануне вечером. Правильные черты ее лица безвольно расплылись, голос звучал вяло и отталкивающе, а ее большие голубые глаза смотрели на него с собачьей преданностью.

«Боже!— ужаснулся он.— Что я наделал!..»

Между тем Маргарита крепче прижалась к нему и сказала:

— Кстати, ты всегда покидаешь женщин среди ночи?

— Нет, крайне редко. Лишь когда вынуждают обстоятельства.

— И какие же обстоятельства были этой ночью?

— Я беспокоился за Габриеля. Когда мы расстались, он был не в себе, и я очень боялся, что он сделает какую-нибудь глупость. Как видишь, мои опасения подтвердились.— Тут Филипп малость покривил душой, причина его ухода была гораздо банальнее. Днем ему не удалось как следует отдох-

нуть с дороги, и он раньше времени выбился из сил, но не хотел выказывать это перед принцессой.

Маргарита наклонила голову и нежно коснулась губами его губ.

— В таком случае, милый, за тобой должок.

Филипп улыбнулся:

— А я не люблю оставаться в долгу.

— Тогда начнем?

— Как? Прямо здесь?

— Нет, я предпочитаю заниматься этим в постели.— Она ловко соскочила с его колен и, смеясь, протянула ему руку.— Пошли, пока я еще в состоянии ходить. А то тебе придется нести меня на руках.

— Без проблем,— ответил Филипп и подхватил ее на руки.

Глава XXXI

*В которой Филипп знакомится
с регламентом турнира и узнает некоторые
подробности из личной жизни Симона*

В четыре пополудни Филипп вернулся в свои апартаменты, чтобы подготовиться к встрече с императором, однако тут его ожидало разочарование. Незадолго до этого во дворец прибыл курьер с сообщением, что начальник императорского поезда допустил ошибку в расчетах и итальянские гости не успевают прибыть в Памплону засветло. Поэтому Август XII отложил свой въезд в город до утра следующего дня, решив остановиться на ночь в одной из резиденций наваррского короля, что в трех часах езды от Памплоны.

Таким образом, у Филиппа неожиданно освободился весь вечер. Идти обратно к Маргарите ему не хотелось: на сегодня он был сыт ею по горло и чувствовал какое-то опустошение при одной лишь мысли о ее ласках. К тому же перед его уходом принцесса велела пажам разыскать Рикарда Иверо. Она собиралась потолковать с ним о ночном инциденте, а Филип-

па совсем не прельщала перспектива присутствовать при ее разборках с бывшим любовником.

Бланка была занята. После длительного, но безрезультатного разговора с Габриелем, который так и не внял доводам здравого смысла, она теперь беседовала с Матильдой — вернее, утешала бедную девушку, буквально убитую известием о своем предстоящем замужестве. С трудом поборов желание пойти и отлупить Габриеля, раздосадованный Филипп отправился на розыски Эрнана, но вместо него нашел только его камердинера Жакомо, который сообщил, что Шатофьер, прихватив с собой Симона, поехал осмотреть ристалище и там немного поразмяться.

Тогда-то Филипп вспомнил, что должен установить возле отведенного ему шатра на ристалище свой щит с гербом и собственноручно поднять знамя, тем самым засвидетельствовав, что он, как зачинщик, уже прибыл на турнир и готов сразиться с любым посвященным рыцарем. Недолго думая, Филипп решил воспользоваться случаем, чтобы совместить полезное с приятным — выполнить необходимые формальности и увидеться с друзьями.

По пути к ристалищу он отпустил поводья лошади, предоставив ей не спеша идти за слугами, а сам приступил к чтению только что полученной копии регламента состязаний, из коего следовало, что праздничный турнир по случаю восемнадцатилетия наследной принцессы Наварры начнется утром 5 сентября «на ристалище в ложбине, близ славного города Памплоны» и продолжится четыре дня. Филипп бегло просмотрел перечень предполагаемых ратных забав, особо отметив для себя весьма экзотическую охоту за сарацинами (Альфонсо Кастильский обещал привезти два десятка плененных мавританских воинов), и вернулся к первому дню состязаний, когда в единоборствах с копьями и в тяжелых доспехах будет разыгрываться самый престижный приз состязаний. В этом виде Филипп выступал в числе рыцарей-зачинщиков. Кроме него зачинщиками были также Александр Бискайский, Тибальд де Труа, Педро де Ооска, принц Эрик Дат-

ский, барон Ричард Гамильтон и командор Гуго фон Клипенштейн, по прозвищу Гроза Сарацинов.

Вечером накануне турнира среди рыцарей, изъявивших желание сразиться с зачинщиками, должна состояться жеребьевка, призванная определить, в каком порядке они будут выходить на ристалище. А если желающих окажется больше тридцати пяти, то жребий отсеет лишних — так, чтобы каждый зачинщик сразился с пятью противниками, после чего маршалы турнира определяют четверку сильнейших рыцарей, которые затем разыграют между собой венец победителя.

У Филиппа был добавочный стимул стремиться к победе, и не столько из тщеславия, сколько потому, что победителю турнира предоставлялось право выбрать королеву любви и красоты — а он не хотел, чтобы Маргариту выбрал кто-нибудь другой. Кстати сказать, с выбором королевы дон Александр попал в весьма затруднительное положение. Согласно традиции, этот почетный титул принадлежал самой знатной из присутствовавших на турнире дам и девиц, обычно жене устроителя, либо старшей его дочери, либо жене его старшего сына. Так, в бытность Филиппа в Кастилии, на королевских турнирах место в украшенной гирляндами цветов ложе занимали поочередно Констанца Орсини, жена Альфонсо, и Бланка. По логике вещей, королевой на предстоящем турнире должна была стать Маргарита, ведь и турнир-то устраивался в ее честь. Но, с другой стороны, на празднествах ожидалось присутствие двух настоящих королей — Галлии и Кастилии, и пяти принцесс, королевских дочерей, — Бланки и Элеоноры Кастильских, Изабеллы и Марии Арагонских, а также Анны Юлии Римской. В этих обстоятельствах дон Александр, со свойственной ему деликатностью, не отважился назначить свою дочь королевой, изначально поставив ее как бы выше других дам и девиц, не менее знатных, чем она, и решил поступить в лучших традициях рыцарских романов — переложить бремя выбора на будущего победителя. Он был уверен, что кто бы ни победил (а что победит зачинщик, он не сомневался), королевой будет избрана Маргарита — Ричард Гамильтон и Гуго фон Клипенштейн, как истые рыцари, поступят так

из уважения к хозяйке празднеств, а Филипп, Тибальд Шампанский, Педро Оска и Эрик Датский претендуют на ее руку. Графу Бискайскому лавры сильнейшего не грозили — он был неплохим полководцем, но никудышным бойцом, и король принуждал его к участию в турнирах лишь в тайной надежде, что когда-нибудь он серьезно покалечится.

На месте предстоящих баталий лихорадочно кипела подготовительная работа. Плотники сооружали помост для почетных гостей и сколачивали на близлежащих холмах временные трибуны для мелкопоместного дворянства и плебса, на самом ристалище косари скашивали высокую траву, а землекопы разравнивали бугры и затапывали землей рытвины.

Роскошные шатры зачинщиков уже были возведены; возле каждого из них был установлен деревянный навес с яслями для коней. Подъезжая к своему шатру, Филипп внимательно оглядывался по сторонам в надежде увидеть друзей, но на ристалище не было ни единого всадника — лишь только рабочие да гурьба ребятишек из окрестных сел.

— Вот черт! — произнес он с досадой. — Разминулись все-таки...

Оруженосец развернул знамя Гаскони и при помощи двух слуг поднял его над шатром. Филипп ничего не делал, лишь наблюдал за их работой, но его присутствие при сием действе было обязательно — на турнирном жаргоне это называлось поднимать собственноручно. Затем на специальной жерди справа от входа в шатер был укреплен щит с гербом, касаясь которого концом своего копья противники должны вызывать Филиппа на поединок.

Когда все формальности были выполнены и Филипп уже собирался в обратный путь, из небольшой рощицы шагах в трехстах позади шатров показались два всадника. Они во весь опор неслись к нему, размахивая руками и что-то выкрикивая на ходу. Один из них, могучего телосложения великан на громадном коне, был, несомненно, Эрнан. Вторым всадником, чья лошадь, в сравнении с Шатофьевовым Байярдом, больше походила на пони, оказался Симон.

Друзья подъехали к Филиппу и спешились.

— Привет, соня! — захохотал Эрнан. — Проспался, наконец?

— Говорят, ночью ты был у принцессы, — вставил словечко Симон. — Ну как, здорово развлекся?

Филипп содрогнулся.

— Ой! Не напоминай!

— Что, объелся?

— Да вроде того, — уклончиво ответил Филипп и решил переменить тему: — Так вы уже размялись?

— Да вроде того, — передразнил его Эрнан. — И даже чуток отдохнули в той рощице. Этак самую малость... — Он сухо прокашлялся. — Черт! Жажда замучила. Пожалуй, пора возвращаться.

Филипп это предвидел.

— Может, сначала перекусим?

— А? — оживился Эрнан. — У тебя есть жратва?

— Естественно... Гоше, — велел он слуге, — занеси котомку в шатер. Давайте войдем, ребята, укроемся от солнца. Вот жара адская, не правда ли? Если такое будет твориться и во время турнира, дело дрянь.

— Будет хуже, если зарядит дождь, — заметил Эрнан. — К жару я привык в Палестине. А вот дождь... Терпеть не могу, когда чавкает грязь под ногами лошадей.

Внутри шатра они устроились на мягкой подстилке из соломы, накрытой сверху плотной тканью, и принялись за еду. Филипп маленькими глотками потягивал из бутылки вино и, добродушно усмехаясь, наблюдал, как его друзья с уписывали за обе щеки внушительные куски хорошо прожаренного мяса.

Наконец Эрнан удовлетворенно похлопал себя по животу и сыто отрыгнул.

— Очень даже неплохо, — проворчал он, отбросив в сторону пустую бутылку и извлекая из котомки следующую. — Это, как я понимаю, наваррское. Великолепное вино, нечего сказать.

— Гасконское лучше! — хором возразили Филипп и Симон, затем недоуменно переглянулись и громко рассмеялись.

Эрнан тоже захохотал:

— Экие мне патриоты! У дураков, говорят, мысли сходятся.

Симон мигом унял свой смех.

— Ты меня обижаешь, Эрнан.

— Это насчет чего?

— Насчет дураков, разумеется.

— А-а! — протянул Шатофьер, ничуть не удивившись. Зная Симона с детства, он давно привык, что порой тот принимает шутки за чистую монету. — Ты уж прости, дружок, что я лишний раз напомнил о твоём несчастье... Кстати, Филипп, а вот у меня действительно есть причина для обиды. Оказывается, твой будущий тесть пригласил зачинщиком Гамильтона.

— Ну и что? Судя по рассказам, Ричард Гамильтон — добрый рыцарь.

Эрнан состроил презрительную гримасу.

— Да уж, добрый! Много хуже меня. Я должен быть на его месте. Ведь я лучше, я сильнее.

— Не спорю. — (Филипп решил не беречь рану друга и умолчал о том, что поначалу король собирался пригласить седьмым зачинщиком Шатофьера, но, получив письмо от Гамильтона, отдал предпочтение шотландцу.) — Надеюсь, ты не упустишь случая доказать свое превосходство?

— Непременно! Я покажу этому выскочке, где раки зимуют.

— Между прочим, — Филипп достал копию регламента. — Ты можешь записаться еще до жеребьевки — но только начиная с третьего круга.

— Я уже записался, — ответил Эрнан. — Пятнадцатым.

— Не хочешь рисковать?

— Конечно, нет! Ведь когда придет время бросать жребий, незанятыми останутся лишь четырнадцать первых и, возможно, еще несколько последних мест — и на них будут претендовать не менее полусотни рыцарей. А я не хочу, чтобы глупая случайность помешала мне участвовать в турнире. Лучше быть пятнадцатым, чем вообще никаким.

С этими словами Эрнан вновь запустил руку в котомку.

— Ай-ай-ай! — произнес он, вынимая последнюю бутылку. — Осталась единственная и неповторимая.

— Не грусти, — утешил его Филипп и протянул ему свою, полную на две трети. — Вот. С меня достаточно.

— И мою можешь взять, — добавил Симон. — Там осталась почти половина.

Шатофьер одобрительно хмыкнул:

— Вот и ладошки. Вы, ребята, настоящие друзья... Ну что ж, коль скоро у меня есть что пить, я побуду здесь до приезда императора. Передайте Жакомо...

— Это излишне. Август Юлий изменил свои планы. Он прибывает завтра утром.

— Ах, так! Тем лучше. Тогда я чуток сосну в твоём шатре, не возражаешь?

— О чем речь! Спи, сколько влезет.

— Так я и сделаю, спешить-то мне некуда. Во дворце меня никакая барышня не ждет... Кстати, о барышнях. Слыхал я, что ты остался с носом. Это правда?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я о той смазливой девчужке, сестре Монтини, — Эрнан лукаво прищурился. — Говорят, ты положил на нее глаз, но она отвергла твои домогательства и предпочла Габриеля. Прошлой ночью у них уже состоялось свидание.

— Ба! — изумился Филипп. — Говорят? Кто?

— Спроси у Симона. Это он рассказал.

Филипп повернулся к Симону:

— А ты откуда знаешь?

Тот почему-то смутился.

— Я... ну, я сам видел, как Габриель выходил из ее комнаты.

— Ага, понятно. Ты разговаривал с ним?

— Да.

— И он не просил тебя держать язык за зубами?

— Ну... собственно... это...

— Все-таки просил?

Симон виновато заморгал.

— Да, просил.

— Ах, ты трепло несчастное! — негодуяще рявкнул Эрнан. — Какого тогда дьявола ты разбалтываешь чужие секреты?! К твоему сведению, Филипп, этот пустомеля уже по всему дворцу раззвонил про Габриеля и его барышню.

Филипп укоризненно поглядел на Симона и вдруг улыбнулся.

— Стало быть, ты видел, как Габриель выходил от Матильды? Ладненько. — Тут он ткнул его пальцем в грудь. — Но ты то что делал на половине фрейлин в это самое время?

— Точно, — подхватил Эрнан. — Воистину: сей вопрос достоин пристальнейшего изучения!

Симон покраснел, как вареный рак, и, запинаясь, пробормотал:

— Я?.. Я просто... просто так...

— Ой, не заливай! — отмахнулся Шатофьер. — Если тебе удастся водить за нос Амелину, и она искренне убеждена в твоей верности, то со мной этот номер не пройдет. Думаешь, я не знаю про дочь лурдского лесничего?

— А? — Филипп озадаченно взглянул на внезапно скисшего Симона, затем вопрошающе посмотрел на Эрнана: — О чем ты говоришь, дружище? При чем здесь дочь лурдского лесничего?

— А при том, что у этой самой дочери есть три дочурки, чертовски похожие на верного супруга госпожи д'Альбре де Бигор.

— Да ты шутишь! — воскликнул ошарашенный Филипп.

— Нет, клянусь хвостом Вельзевула. Он путается с нею с тринадцати лет, а старший их ребенок родился за полгода до его женитьбы на Амелине.

— Черти полосатые! Симон, это правда?

Симон и не шелохнулся, как будто вовсе не расслышал вопроса. Ссутулив плечи и опустив глаза, он был похож на пойманного с поличным преступника, который прекрасно понимал, что выкручиваться бесполезно.

Филипп вновь обратился к Эрнану:

— Но как же так? Почему я не знал?

— Да потому, что никто не знал... Гм, почти никто — за исключением лесничего, нескольких слуг, держащих свои языки на привязи, и матери Симона.

— Его матери?!

— Ну, да. Она-то и подыскала для милки своего сына покладистого мужа, который постоянно находится в разъездах и не задает лишних вопросов насчет того, откуда у его жены берутся дети. Надобно сказать, что наш Симон, хоть и простоват с виду, но хитрец еще тот. Он так ловко обставлял свои амуры с той девицей, что даже его товарищи, с которыми он отправлялся якобы на охоту, ничего не подозревали. Я и сам проведал об этом лишь недавно.

— Как? От кого?

— Э, нет. Позволь мне не открывать своих источников информации.— Эрнан вздохнул.— Впрочем, зря я тебе рассказывал. Теперь у вас с Амелиной появился повод наплевать на свое обещание и возобновить шуры-муры.

Филипп энергично затряс головой, словно прогоняя жуткое наваждение.

— Нет, это уму непостижимо... Я не могу поверить!.. Симон, ты... ты... Ведь ты был для меня идеалом... идеалом супружеской верности. Я всегда восхищался твоей преданностью Амелине и... даже завидовал тебе — что ты способен так любить... А теперь... Нет! Я вернусь во дворец. Мне надо переварить это... привыкнуть... осознать... смириться...— И он, как ошпаренный, вылетел из шатра.

Вскоре послышался стук копыт уносящейся прочь лошади. А Шатофьер повернулся к Симону и назидательно произнес:

— Вот так рушатся идеалы!

— Жирный боров!— пробормотал Симон, бесцельно блуждая взглядом по шатру.— Зачем ты рассказал Филиппу?

— И вовсе я не жирный,— возразил Эрнан.— Я большой и могучий, это во-первых. А во-вторых, поделом тебе. Поменьше надо трепаться о чужих прегрешениях, коль у самого рыльце в пуху. И потом, меня до жути раздражает твое посто-

янное лицемерие. Строишь из себя святошу, житья не даешь Амелине, все упрекаешь ее...

— Ведь я люблю Амелину! Я так ее люблю...

— А зачем тогда водишься с той девицей?

— Ну... Это так... несерьезно...

— Разве? И трое детей — тоже несерьезно? Какой же ты еще мальчишка, Симон! Вот когда повзрослеешь... гм, если, конечно, повзрослеешь когда-нибудь... — Эрнан растянулся на подстилке и широко зевнул. — Да ладно, что с тобой говорить! Лучше я чуточку вздремну, а ты, малыш, ступай себе с Богом...

Едва Симон вышел из шатра, как за его спиной раздался громкий храп. Несмотря на скверное настроение, он все же не удержался от смеха:

— Да уж, нечего сказать, чуточку вздремнул...

Глава XXXII

Жуткий сон Шатофьера

Вообще, Эрнан не имел обыкновения храпеть во сне. За годы, проведенные в крестовом походе, он приучился спать тихо и чутко, а громогласный храп в процессе засыпания был лишь своего рода вступлением *fortissimo con brio*^{*}, быстро переходящим в *pianissimo*^{**} его обычного сна. Симон еще не успел покинуть пределы ристалища, как Эрнан перевернулся на бок и утих.

И виделся Шатофьеру самый популярный из его снов, к которому он привык настолько, что даже во сне отдавал себе отчет в том, что это всего лишь сон.

...Тихая и душная палестинская ночь, лагерь крестоносцев, на посту — уснувшие стражники, да и он сам, монсеньор де Шатофьер, гроссмейстер ордена Храма Сионского, безмятежно дремлет в роскошном шатре на вершине холма. За перегородкой слышится ровное сопение его оруженосцев, звучащее как аккомпанемент к подозрительному шепоту, доно-

^{*}*fortissimo con brio* — громко, с задором (итал., муз.).

^{**}*pianissimo* — очень тихо (итал., муз.).

сящемуся снаружи. Эрнан знает, что это за шепот: в который уже раз коварные сарацины пробираются в лагерь, чтобы убить гроттмейстера и тем самым обезглавить могущественное христианское войско. Однако их надеждам сбыться не дано: всякий раз Эрнан вовремя просыпается, собственноручно расправляется с сарацинами, а потом задает взбучку часовым, которые проворонили вылазку врага. Под конец все войско радуется благополучному исходу этого инцидента, а менестрели ордена спешно слагают героическую балладу, прославляющую отвагу и бдительность вождя тамплиеров...

К большому огорчению Эрнана, на сей раз ему не удалось вновь пережить все перипетии ночного происшествия, и вместо того, чтобы проснуться во сне, он проснулся на самом деле и удивленно огляделся по сторонам.

«Ну и дела! — промелькнуло в его голове. — Кажись, я в Филипповом шатре на ристалище... Да, так оно и есть... Это же Наварра, чтоб мне пусто было!.. Но откуда здесь сарацины?»

С пробуждением Эрнана шепот не пропал, а напротив, стал громче. Теперь уже это был не шепот, но спокойный разговор двух человек на арабском языке.

«Нет, это не сарацины, — наконец сообразил Эрнан, обнаружив, что смысл произносимых слов ускользает от его понимания. — Мавры?.. Нет, не мавры... Христиане, провалиться мне на этом месте!.. Как безбожно они коверкают арабский...»

Он весь обратился в слух, и первая же понятая им реплика буквально сразила его наповал:

— Она должна умереть, хочешь ты того или нет. Я уже вынес ей смертный приговор.

Эрнан осторожно протянул руку к лежавшему рядом мечу.

«Вот поди ж ты! Оказывается, я присутствую на тайном судилище, где вместо латыни используют арабский язык... Да-а, очень некстати для этих самозванных судей я здесь вздремнул... А как же Байярд? Они что, слепые?.. Впрочем, нет. Похоже, он опять сорвался с привязи...»

Тут отозвался второй (Эрнан понял, что это был второй,

лишь из контекста разговора — чужой язык и плотные стенки шатра делали голоса собеседников неразличимыми):

— Боюсь, мне придется смириться с этим.

— Тем более, — заметил первый, — что она поступила с тобой по-свински.

— Да, ты прав...

Затем возникла долгая пауза.

«Интересно, — подумал Эрнан. — Кто *она*? С кем *она* поступил по-свински? А что, если мне выйти и спросить у них напрямик: „О чем вы толкуете, господа?“ Гм... Нет, это будет не слишком разумно с моей стороны — сперва нужно подробнее узнать, что они задумали... К тому же их явно больше, чем двое».

И в самом деле, по соседству слышалась басконская болтовня. Эрнан определил, что разговаривали трое, судя по лексикону — слуги, несколько раз кряду они упомянули о какой-то «тряпке».

Наконец двое возле шатра Филиппа возобновили свою беседу:

— Ну как, решился?

— Я уже сказал: мне придется смириться.

— То есть, ты согласен пассивно поддерживать меня? Это меня не устраивает. Теперь мы одной веревкой связаны, так что будь любезен разделить со мной ответственность. И не увиливай — без твоей помощи мне придется туго.

— А я не увиливаю. Просто хочу получить гарантии, что мы равноправные союзники. Я не собираюсь таскать для тебя каштаны из огня.

— О нет, будь в этом уверен. Конечно, мы союзники. А она стоит у нас на пути, само ее существование — смертельная угроза для нас... по крайней мере, для меня. Либо она, либо я — другой альтернативы нет. Ну, а ты... В конце концов, она отступилась от тебя — так что же ты колеблешься? Вот я бы на твоём месте...

— Это точно. Тебе чужды сантименты.

«Так, так, так, — отозвалась та часть сознания Эрнана, которая занималась анализом услышанного. — Она отступилась

от второго. Очень важная информация! А для первого она представляет смертельную угрозу... или для его планов — порой честолюбцы отождествляют поражение со смертью, по себе знаю... Неужели?..»

Последовавшие за тем слова первого подтвердили его догадку:

— Когда речь идет о власти, сантименты излишни и даже вредны. Ради короны я готов пожертвовать всеми без исключения родственниками... Гм, присутствующие не в счет.

— Ай, брось! В твоих глазах моя жизнь не стоит и гроша. Просто сейчас я полезен тебе и не стою на твоём пути.

— Зато эта сучка... прости, кузина — вот она стоит.

— Кузина... — не сдержавшись, прошептал Эрнан. — Все-таки кузина. Понятно...

Первый употребил именно это слово, а не какой-нибудь его арабский эквивалент. Догадка Шатофьера переросла в убеждение. Теперь он знал обоих злоумышленников, хотя одного из них впервые увидел лишь вчера, а с другим вообще никогда не встречался.

После длительного молчания разговор продолжился, перейдя в более практическое русло:

— Так что выберем — яд или кинжал?

— Только не яд.

— Почему?

— Слишком опасно и не наверняка.

— Разве? По мне, это самый верный способ.

— А я так не думаю. Смерть от отравления вызовет серьезные подозрения. Начнется расследование — а для нас это нежелательно.

— Согласен. Но я не вижу другого выхода. Ведь кинжал, веревка и тому подобное еще хуже.

— Ну, не скажи. Кинжал, к примеру, тем хорош, что убийство легко свалить на другого. У меня есть одна идея, но это будет очень дорого стоить. Впрочем, большую часть денег мы затем вернем, но потери неизбежны.

— Деньги меня не волнуют. Так что у тебя на уме?

— Устроим это через три недели. Маргарита планирует поездку в свой замок...

— Аж через три недели?!

— Не беспокойся, все нормально. Это самый подходящий срок.

— Ладно, что дальше.

— Об этом позже. Я еще не просчитал все детали.

— А кого подставить, уже решил?

— Позже, я сказал.

По-видимому, он привлек внимание собеседника к выполнившим свою работу слугам, так как последовал ответ:

— Ах да, ты прав. Здесь нам не стоит задерживаться.

— Правильно. И пусть нас поменьше видят вместе — на всякий случай, чтобы никто ничего не заподозрил.

«Поздновато хватились, ребята! — злорадно прокомментировал Эрнан. — Вы у меня на крючке, и гореть мне в адском пламени, если в самом скором времени вы не познакомитесь с топором палача».

— Добро. Тогда я поехал.

Послышалось конское ржание.

— Будь рассудителен, кузен, — бросил вслед уезжающему тот, что остался. — Не горячись, не нервничай. Все обойдется.

«Ну, это еще как сказать, господин граф! — Эрнан заранее предвкушал свой триумф. — Не думаю, что виконт Иверо согласится с вами, когда предстанет перед судом Сената по обвинению в покушении на убийство наследницы престола...»

Спустя некоторое время вместе со слугами тронулся в обратный путь и второй злоумышленник. Чуть отклонив полог шатра, Эрнан проводил их долгим взглядом, пока все четверо не исчезли в сгустившихся сумерках. Тогда он выбрался наружу и огляделся вокруг: над соседним шатром гордо развевалась «тряпка» — знамя Бискайи. Байярда нигде видно не было.

Эрнан положил два пальца в рот и вывел замысловатую трель. Минуту спустя, радостно фыркая, к нему подбежал конь. Шатофьер потрепал его длинную гриву.

— Молодчина, Байярдик! Ты даже не представляешь, какую услугу оказал всем нам, когда сорвался с привязи. Только что здесь о таких приятных вещах говорилось — брр! — волосы дыбом встают. Дикие звери — сущие агнцы по сравнению с людьми. Это я начал понимать давно. Был один тип, Гийом Аквитанский, и была... — Он печально вздохнул. — Давно это было... А в крестовом походе я окончательно убедился: что неверные, что христиане — все на один пошиб. Деньги, земли, слава, власть наконец — вот их главные стимулы в жизни... Хотя почему «их»? Можно подумать, что я равнодушен к власти. А Филипп — другого такого властолюбца на всем белом свете не сыщешь! Мы с ним два сапога пара, и мир еще услышит о нас — содрогнется, когда услышит! Это не пустое бахвальство, у меня чутье такое — а оно меня еще никогда не подводило. Кто десять лет назад первым увидел в Филиппе наследника Гаскони? Гастон говорит, что он, и он искренне верит в это, наш драгоценный граф д'Альбре. Ну и пусть себе верит — чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало, — а мне все равно, я на такие мелочи не размениваюсь. Запомни, Байярд, что я тебе скажу: будет наш Филипп великим государем, чертовски великим — Филиппом Великим, вот кем! А я в его коннетаблях чувствую себя гораздо ближе к жезлу грессмейстера тамплиеров, чем если бы был одним из магистров ордена... Ты, верно, спрашиваешь, к чему я это веду? Охотно отвечу. Я, знаешь ли, тоже хорош и ради власти способен на многое. Но хладнокровно убить женщину... И какую женщину! Королеву среди женщин! Она — само совершенство. Прекрасная, обаятельная, умная, величественная, властная... Скажу тебе по секрету, Байярд: вчера, увидев ее, я впервые в жизни пожалел, что принял обет целомудрия. Грешно, конечно, и я должен гнать прочь подобные мысли, но они, подлые, обнаглели вконец — ну, никак не хотят оставить меня в покое, хоть ты лопни! И что мне с ними делать, с мыслями этими, ума не приложу. Вот какая женщина Маргарита Наваррская!.. Да, ты прав, она беспутна, легкомысленна. Но разве можно ставить ей это в вину? Лично я не решусь... Нет, определенно, Филиппу повезло, что он женится на ней. Лучшей хозяйки

для Гаскони... гм, и королевы для всей Галлии нету и быть не может. Совет им да любовь... Ну, а что до меня, — Эрнан снова вздохнул, — то я всегда буду ему преданным другом, а ей — верным рыцарем... Что ж, поехали, Байярдик, во дворце нас, наверняка, заждались... Впрочем, нет, погоди! В шатре осталась непочатая бутылка великолепного вина. Негоже оставлять ее здесь — чудесный букет!

Глава XXXIII

Победитель турнира и его избранница

День 5 сентября выдался ясным, погожим и совсем не знойным. Напрасны были опасения, высказываемые накануне, что в тяжелых турнирных доспехах рыцари рискуют изжариться живьем под палящими лучами солнца. Будто специально по этому случаю природа несколько умерила невыносимую жару, которая стояла на протяжении двух предыдущих недель.

Пока герольды оглашали имена высоких гостей и их титулы, Филипп, как и прочие зачинщики, сидел на табурете у входа в свой шатер и скользил взглядом по сторонам. На близлежащих холмах расположилось около двадцати тысяч зрителей из поместного дворянства и простолюдов, а справа от шатров зачинщиков протянулся вдоль арены почетный помост для знатных господ, дам и девиц самых голубых кровей. В самом центре помоста находилась небольшая, но, пожалуй, самая роскошная ложа, убранная знаменами, на которых вместо традиционных геральдических символов были изображены купидоны и пронзенные стрелами сердца. Эта ложа пока что пустовала — она предназначалась для будущей королевы любви и красоты с ее свитой.

Слева от центра помоста располагались королевские ложи, в том числе и кастильская. Именно туда раз за разом бросал взгляды Филипп — там, вместе со своим братом Альфонсо, сестрой Элеонорой и невесткой Констацей, находилась прин-

цесса Бланка, которую он, позабыв былые обиды, снова стал считать личшей женщиной в мире.

К превеликой досаде Филиппа, Бланка не собиралась уступать его настойчивым ухаживаниям, а держалась с ним ровно, по-дружески и хранила верность Монтини, которого он вскоре возненавидел всеми фибрами души.

Если днем Филипп упорно добивался любви у Бланки, то ночью он с не меньшим рвением занимался любовью с Маргаритой. За прошедшие с момента их знакомства две недели наваррская принцесса сильно изменилась — и, увы, далеко не в лучшую сторону. Любовь оказалась для нее непосильной ношей. Она слишком привыкла к легкому флирту, привыкла к всеобщему поклонению и, хотя проповедовала равенство в постели, в жизни всегда стояла над мужчинами. Но вот, влюбившись по-настоящему (или полагая, что влюбилась по-настоящему), гордая и независимая Маргарита Наваррская не выдержала испытания на равенство и полностью покорилась объекту своей внезапной страсти. Это несказанно огорчало Филиппа. Будучи любвеобильным, он, тем не менее, очень серьезно относился к браку и хотел видеть в своей жене верную подругу, единомышленницу и соратницу — но не покорную рабыню, беспрекословно исполняющую все его прихоти. Он вообще любил своенравных и независимых женщин...

Торжественное открытие турнира подошло к концу. Все высокие гости были названы и протитулованы; затем герольды огласили имена зачинщиков состязаний. Публика на холмах приветствовала их весьма бурно — мужчины выкрикивали «слава!», женщины хлопали в ладоши и громко визжали.

Филипп обратил внимание, что при представлении Александра Бискайского не был упомянут его титул графа Нарбоннского, коим он был благодаря браку с Бланкой; а чуть раньше, когда оглашали имена присутствующих на турнире вельмож и дам, Бланка была названа сестрой и дочерью королей Кастилии, графиней Нарбоннской — но не графиней Бискайской.

«Что же это такое? — недоумевал Филипп. — Не спит с ним, да еще всячески отмежевывается от него. Надо будет как-то

порасспросить Маргариту в постели — с пристрастием, так сказать...»

Когда стали зачитывать окончательный список рыцарей, по праву первенства либо волею жребия, допущенных к первому дню состязаний, Филипп наострил уши. Вчера вечером, когда он ложился спать, к нему заявился Шатофьер и сообщил, что какой-то неизвестный господин обратился через своего слугу к трем первым рыцарям во второй семерке с просьбой уступить ему право вызова Филиппа Аквитанского и получил от них согласие. Естественно, Филиппу было интересно, кто же так жаждет сразиться с ним.

Одиннадцатым в списке значился Серхио де Авила-и-Сан-Хосе. Филипп знал этого кастильского кабальеро и недолголюбил его за откровенную симпатию к иезуитам, к тому же тот принадлежал к партии графа Саламанки, номинальным вождем которой был Фернандо де Уэльва, — но вместе с тем, никаких трений личного характера между ними не возникало.

— Гм, очень странно... Кстати, Габриель, тебя не удивляет, что первым оказался Хайме де Барейро?

Габриель, исполнявший на турнире обязанности его главного оруженосца, отрицательно покачал головой:

— Ничуть не удивляет. Это все Инмorte наколдовал.

Филипп криво усмехнулся. Он скептически относился к рассказам о колдовских способностях гроссмейстера иезуитов. И тем более не верил, что Инмorte мог наколдовать, находясь в сотнях миль от Памплоны.

Покончив со списком вызывающих рыцарей, главный герольд разразился многословной и банальной сентенцией о рыцарской доблести, немеркнувшей славе ратных подвигов, любви прекрасных дам и прочих подобных вещах. Король Наварры дал знак рукой, маршал-распорядитель турнира повторил его жест, громко заиграли трубы, заглушив последние слова герольда, и на арену въехали семь первых рыцарей.

— Великолепный и грозный сеньор Хайме, граф де Барейро, — объявил герольд и сделал выразительную паузу.

От группы отделился всадник в черных, как ночь, доспехах и уверенно направился к первому от помоста шатру.

— Вызывает на поединок великолепного и грозного сеньора Александра, графа Бискайского.

На лице графа отразилось искреннее удивление, которое Филипп ошибочно принял за испуг и презрительно фыркнул.

Когда последний из первой семерки рыцарей, виконт де ла Марш, вызвал единственного оставшегося свободным после шести предыдущих вызовов зачинщика — а им оказался как раз Филипп, все семь пар противников заняли свои места по оба конца арены.

Приглашение маршала-распорядителя, неуместные откровения герольдов, призывное завывание труб — и, выставив вперед копыя, Александр Бискайский и Хайме де Барейро понеслись навстречу друг другу.

Противники сшиблись, копыя у обоих разлетелись в щепки, но при этом граф Бискайский потерял равновесие, и лишь в последний момент ему удалось ухватиться за шею вставшей на дыбы лошади и избежать падения. Маршалы единодушно признали его побежденным.

Как бы невзначай, главный герольд обронил:

— Слава победителю, великолепному и грозному сеньору Хайме де Барейро.

С невозмутимым видом граф де Барейро направился к шатру, ранее принадлежавшему графу Бискайскому. По правилам состязаний, место потерпевшего поражение зачинщика занимал рыцарь, победивший его.

Между тем на трибунах начались беспорядки. Противники иезуитов, искренне возмущенные весельем сторонников последних, вознамерились проучить наглецов, и вскорости стычки переросли в грандиозную потасовку. Пока стражники вместе с королевскими гвардейцами унимали буянов, высокие гости от всей души забавлялись этим зрелищем.

Наконец страсти поостыли и турнир возобновился. Филипп без особых усилий вышиб из седла виконта де ла Марш, а возвращаясь обратно, увидел, что над шатром Александра Бискайского уже развевается красно-черное знамя ордена

иезуитов-меченосцев, под которым выступал граф де Барейро.

В пяти остальных поединках первого круга уверенную победу одержали зачинщики. Особенно лихо расправились со своими противниками Гуго фон Клипенштейн и Тибальд де Труа, граф Шампанский.

Когда на арену въехала вторая семерка рыцарей, Филипп ожидал вызова со стороны Серхио де Авилы-и-Сан-Хосе, но упомянутый кабальеро предпочел сразиться с графом Оской. Зато следующий...

— Великолепный и грозный сеньор Хуан Родригес...— объявил герольд.

«Родригес... Родригес...— лихорадочно перебирал в памяти Филипп, тем временем как закованный в блестящие латы всадник с опущенным на лицо забралом и черным щитом без герба и девиза приближался к его шатру.— Есть что-то знакомое — но что?»

— ...вызывает на поединок великолепного и грозного сеньора Филиппа Аквитанского!

К Филиппу подбежал один из младших герольдов.

— Монсеньор, вызвавший вас рыцарь отказался сообщить свое настоящее имя, ссылаясь на принесенный им в прошлом году обет в течение пяти последующих лет совершать ратные подвиги инкогнито.

— Так вот оно что! — сказал Филипп.— Стало быть, Родригес — вымышленное имя?

— Да, монсеньор. И у нас нет никакой уверенности, что этот господин на самом деле посвященный рыцарь и вправе скрестить с вами копьё. Так что вы можете...

— Правила мне известны, сударь,— перебил герольда Филипп.— Коли сей рыцарь принес обет, я не буду настаивать, чтобы он нарушил его, публично назвав свое имя. Я готов переговорить с ним с глазу на глаз.

Когда все семеро рыцарей выбрали себе противников, маршал-распорядитель велел немного обождать с началом поединков, а главный герольд в изысканных выражениях

объяснил публике, в чем причина заминки. Филипп и «Хуан Родригес» съехались в центре арены.

— Господин рыцарь, — сказал Филипп. — Меня вполне удовлетворит, если вы сообщите свое настоящее имя и какого вы рода. Даю слово чести, что никому не открою ваше инкогнито без вашего позволения.

В ответ «Хуан Родригес» приподнял забрало.

— Ба! — пораженно воскликнул Филипп. — Родриго де Ортегаль! Выходит, грош цена заверениям вашего преемника, что вы находитесь под стражей.

— Он не солгал, — сухо ответил бывший прецептор. — Но четыре дня назад я бежал из тюрьмы.

— Чтобы взять реванш?

— Да! — Глаза его засияли ненавистью. — Я требую смертного поединка.

— А я отказываюсь, господин иезуит. Мы будем сражаться турнирным оружием.

— Ага, вы испугались!

Филипп бросил на Родриго де Ортегаль презрительный взгляд.

— Вы пытаетесь рассердить меня, но напрасно стараетесь. Я стою неизмеримо выше вас и любых ваших оскорблений и не позволю вам испортить праздник кровавым побоищем.

— Ну что ж, — произнес иезуит. — У меня не остается иного выхода, как публично обозвать вас трусом.

Филипп побледнел.

— В таком случае, я буду вынужден сообщить маршалам, что не считаю вас вправе сразиться со мной. И тогда, если вы не скажете им свое имя, вас с позором выдворят с ристалища, а назоветесь — арестуют, как беглого преступника.

Бывший прецептор опустил забрало на лицо.

— На сей раз ваша взяла, монсеньор. Но берегитесь, — в его голосе проступили зловещие нотки, — и покрепче держитесь в седле. Если я сшибу вас, пощады не ждите.

— Хорошо, господин иезуит, я приму это к сведению...

Филипп крепко держался в седле, и при первом же столкновении Родриго де Ортегаль был повержен.

— Мы еще встретимся, монсеньор,— простонал иезуит, когда Филипп проезжал мимо него, направляясь обратно к шатру.

— Надежда умирает последней,— высокомерно усмехнулся он.

Во втором круге выбыл из состязаний Педро Оска, и его место занял Серхио де Авила-и-Сан-Хосе, впрочем, ненадолго — после следующего круга над пятым от помоста шатром взвилось знамя Монтальбанов.

Эрнан де Шатофьер доказал свое превосходство над Ричардом Гамильтоном, причем весьма эффектно: тот с такой силой грохнулся оземь, что не смог самостоятельно подняться, и его пришлось уносить с ристалища.

В четвертом круге потерпел поражение Эрик Датский — при столкновении он потерял стремя. Эрнан залихватски сразил второго своего противника, который в красивом падении сломал пару ребер и вывихнул руку. Филипп запросто расправился с Анжерраном де ла Тур, племянником покойного графа Байонского и бывшим женихом его дочери. Гуго фон Клипенштейн, как и в трех предыдущих случаях, виртуозно вышиб из седла очередного претендента на лавры победителя Грозы Сарацинов. Граф Шампанский одержал ратную победу над своим главным соперником на поэтической ниве Руисом де Монтихо. А шатер, принадлежавший ранее графу Оске, оказался злополучным — уже третий раз кряду он поменял хозяина.

К началу пятого, последнего круга, явно определилась тройка сильнейших — Гуго фон Клипенштейн, Тибальд де Труа и Филипп Аквитанский. Право продолжить борьбу оспаривали также граф де Барейро и Шатофьер, причем если первый одержал четыре невыразительные победы, то Эрнан имел на своем счету только две — зато блестящие.

Когда на арену въехали последние семь рыцарей, Филипп не смог спрятать улыбки, увидев среди них д'Альбре. Гастон имел возможность записаться заранее, но не воспользовался этой привилегией. Поначалу он боялся, что полученный в бою с иезуитами вывих руки помешает ему принять участие в

турнире, а потом, когда боль прошла, все же решил дожидаться жеребьевки, надеясь попасть в первую или вторую семерки. В итоге Гастон оказался самым последним — тридцать пятым. Никакого выбора у него не было, и он с обреченным видом направился к шатру единственного еще не вызванного зачинщика — Гуго фон Клипенштейна.

Впрочем, отчаивался Гастон рано. Во время схватки лошадь Клипенштейна неожиданно споткнулась, ее хозяин не удержался в седле, и за здорово живешь д'Альбре прослыл победителем легендарного воина.

«Господи! — ужаснулся Филипп. — Теперь хвастовства-то будет!.. Нет, лучше сразу повеситься».

Приговор маршалов, одобренный королями, был так же скор, как и очевиден: сильнейшими рыцарями первого дня признавались Филипп Аквитанский, Тибальд де Труа, Эрнан де Шатофьер и Хайме де Барейро. Жребий определил, что сначала Филипп должен сразиться с Шатофьером, а затем граф де Барейро померится силами с графом Шампанским.

Трижды сходились Филипп и Эрнан в центре арены и трижды, переломив копыя, расходились ни с чем. Наконец Филипп сообразил, что друг откровенно поддается ему, и так разозлился, что в четвертой схватке одержал над ним уверенную победу.

Хайме де Барейро без особого труда вышиб изрядно при томившегося графа Шампанского из седла. Как и подозревал Филипп, иезуитский отпрыск берег свои силы для решающих схваток.

А Тибальд де Труа, поднимаясь с помощью оруженосца на ноги, сокрушенно пробормотал:

- Безбожникам сам черт помогает.
- Ясное дело, монсеньор, — поддакнул оруженосец.
- Зато в поэтическом поединке ни Бог, ни черт не помогут бы ему.
- Ясное дело, монсеньор.
- Да этот тупица и двух строчек не слепит, — утешал себя Тибальд. — Он-то, наверняка, и читает со скрипом.
- Ясное дело, монсеньор.

— Нет, ты посмотри, какая идиотская ухмылка! Вот кретин, подумать только!.. Ч-черт! Кажись, я здорово ушибся...

По сему наступил кульминационный момент состязаний — в очном поединке Филиппу и графу де Барейро предстояло определить, кто из них станет победителем первого дня турнира.

Филипп занял свое место в конце арены и сосредоточился. Заиграли трубы, герольды понесли какой-то вздор о прекрасных очах, с надеждой и нетерпением взирающих на доблестных рыцарей. Наконец был дан сигнал к началу схватки, и двое претендентов на звание победителя во весь опор ринулись навстречу друг другу.

За какую-то секунду до столкновения Филипп привстал на стременах и резко выбросил руку с копьём вперед, целясь противнику в забрало. Сила и внезапность удара сделали свое дело — острое копьё Хайме де Барейро лишь слабо чиркнуло по щиту Филиппа, а сам граф, потеряв равновесие, свалился вниз головой с лошади, несколько раз перекувыркнулся на траве и остался лежать неподвижным. Как потом оказалось, он получил легкое сотрясение мозга и сломал правую ключицу.

Зрители, от простолюдинов до вельмож, словно обезумели. Даже самые знатные и очень важные господа вскочили с мест, исступленно аплодировали и громкими криками приветствовали победителя, а восхищенные дамы срывали со своих одежд украшения и посылали эти трогательные подарки Филиппу.

Главный герольд начал было что-то говорить, но его слова потонули во всеобщем реве. Тогда он глубже вдохнул воздух и, надрывая глотку, заорал:

— Слава победителю, великолепному и грозному сеньору Филиппу Аквитанскому!

На трибунах иезуитофобы вновь принялись лупить иезуитов — теперь уже от излишка радости.

Между тем к Филиппу приблизились маршалы и оруженосцы, помогли ему спешиться, сняли с него шлем, панцирь и рукавицы и проводили на помост к наваррскому королю.

Дон Александр обнял Филиппа, расцеловал в обе щеки и торжественно произнес:

— Вы проявили необыкновенное мужество и ловкость, мой принц. Теперь покажите, каков у вас вкус — выберите королеву наших празднеств.

Снова взвыли трубы и главный герольд, предварительно бросив в толпу несколько напыщенных фраз, наконец соизволил сообщить, что сейчас победитель турнира предстоит избрать королеву любви и красоты.

Рядом с Филиппом возник паж, державший в руках подушку из красного бархата, на которой покоился золотой венец королевы — тонкий обруч, украшенный зубцами в виде сердец и наконечников стрел.

В некотором замешательстве Филипп огляделся по сторонам — прекрасных дам и девиц вокруг было вдоволь. Еще накануне он решил в случае своей победы не выбирать Маргариту. Ей была необходима сильная встряска; она должна была избавиться от наваждения, парализовавшего ее волю, порабо­тившего ее дух; надо было заставить ее разозлиться, вспомнить, что она принцесса, дочь короля, наследница престола; чтобы чувство обиды и унижения разбудило в ней прежнюю Маргариту, которая так нравилась Филиппу.

«Кого же выбрать?» — напряженно размышлял Филипп. Бланку? Хотелось бы, да нельзя. Его выбор должен быть начисто лишены­м сексуального подтекста, иначе удар не достигнет цели. Тогда будет уязвлено не самолюбие Маргариты, но ее любовь; а ревность, как известно, дурной советчик.

Изабелла Арагонская? Золотые волосы, зеленые глаза, снежно-белая кожа, безупречная фигура — словом, писаная красавица. Если бы решение зависело от Эрика Датского... Однако победителем был Филипп, и он сразу же отверг кандидатуру Изабеллы. Она была женой наследного принца Франции, страны, с которой он с недавних пор находился в состоянии необъявленной войны. Да и тот же сексуальный подтекст отнюдь не исключался: сто против одного, что сплетники не замедлят сочинить сногшибательную историю, памятуя о том,

как некогда герцог Аквитанский отказался стать тестем старшей дочери арагонского короля.

Что ж, решил Филипп, придется остановить выбор либо на Констанце Орсини, жене Альфонсо, либо на королеве Галлии Марии Фарнезе... Но на ком? Обе молоды, привлекательны; в конце концов, обе итальянки.

А впрочем! В голову ему пришла великолепная идея, как с честью выйти из затруднительного положения. Он не отдаст предпочтение ни одной из королев, но и не обидит при том других принцесс (кроме Маргариты, разумеется), предложив корону дочери самого почетного из высоких гостей, первого среди равных, чьи предки в былые времена завоевали полмира.

В наступившей тишине Филипп уверенно прошествовал мимо Маргариты и остановился перед соседней ложей, убранной знаменами с изображением черного орла на белом поле. Он взял с подушки золотой венец и, преклонив колено, протянул его молоденькой светловолосой девушке четырнадцати лет. Та недоверчиво взглянула на него своими большими карими глазами и даже в некоторой растерянности захлопала длинными ресницами. Филипп улыбнулся ей в ответ и утвердительно кивнул.

Самая сообразительная из окружавших девушку матрон приняла из рук Филиппа венец и возложила его на белокурую головку избранницы.

Главный герольд наконец опомнился и, сияясь перекричать громогласные здравицы и шквал рукоплесканий, сипло заорал:

— Слава Анне Юлии Римской, королеве любви и красоты!
Таково было достойное завершение первого дня турнира.

Глава XXXIV

Королева любви и красоты предъявляет претензии на галльский престол

К вечеру Памплона как с ума сошла. На улицах и площадях столицы целую ночь не стихало веселье. Простые наваррцы всюду праздновали восемнадцатилетие своей наследной принцессы. Возбужденные ратным зрелищем и подогретые вином горожане разошлись не на шутку. Они не ограничились одними лишь невинными забавами: то тут, то там дело, знай, доходило до рукоприкладства относительно лиц, заподозренных в симпатии к иезуитам, а сотня сорвиголов разгромила и сожгла дотла таверну, которую, на беду ее хозяина, почему-то облюбовали рыцари Сердца Иисусова. Когда утром следующего дня королю доложили о последствиях народных гуляний, бедный дон Александр за голову схватился.

Благо к этому времени все высокие гости уже были во дворце, где после продолжительного перерыва на отдых состоялся пир. Филипп явился на него свежий, взбодренный недавним купанием; но стоило ему сделать глоток вина, как на него с новой силой навалилась усталость, и едва начался пир, он с таким нетерпением ожидал его окончания, что почти ничего не съел.

Сегодняшние состязания отбили аппетит также и у Маргариты. Она вообще не соизволила явиться к праздничному столу, ссылаясь на плохое самочувствие, чему Филипп охотно поверил. Прекрасно знали о причине ее недомогания и остальные гости. Кое-кто даже мысленно упрекал Филиппа за проявленную невежливость в отношении хозяйки праздника, однако большинство склонялось к мысли, что Филипп сделал удачный выбор, выказав почтение императорской дочери, чей род правил Италией еще в те времена, когда весь остальной мир прозябал в варварстве.

Сам Филипп был просто очарован юной принцессой. Его приятно поразил ее гибкий мальчишеский ум, сочетавший

в себе детскую непосредственность с вполне зрелой рассудительностью и начисто лишенный той специфической женской практичности, которая подчас вызывала у Филиппа раздражение. Вскоре между ними завязался такой оживленный разговор, что на губах у присутствующих начали появляться понимающие улыбки.

Впрочем, ни обстоятельства, ни состояние духа Филиппа не располагали его к активным ухаживаниям. К тому же в поведении Анны не было и намека на жеманность или кокетство, она держалась с ним скорее как со старшим товарищем, а не как с представителем противоположного пола. Большей частью их разговор носил нейтральный характер, а если и касался взаимоотношений мужчин и женщин, то опосредствовано. Так, например, Анна спросила, кого из дам он желал бы видеть в ее свите в течение четырех последующих дней, и Филипп с удовольствием назвал имя Бланки Кастильской, прочие же кандидатуры оставил на усмотрение самой королевы. Анна одобрила его выбор, с каким-то странным выражением заметив, что у него, мол, губа не дура, а затем пообещала, что в ее окружении каракатиц не будет — только хорошенькие девушки.

Чуть позже к Филиппу подошел маршал-распорядитель турнира и осведомился, намерен ли он отстаивать титул сильнейшего в завтрашних групповых состязаниях. Филипп ответил отказом, объяснив под добродушный хохот пирующих, что пленен чарами своей королевы и собирается, как верный рыцарь, находиться при ней, чтобы защищать ее от всяческих поползновений со стороны других претендентов.

Затем Филиппу пришлось выручать из неловкого положения графа Шампанского. Как мы уже знаем, в схватке с Хайме де Барейро Тибальд здорово ушибся и не был уверен, сможет ли на следующий день стать во главе одной из партий в общем турнире. Но и отказываться он не решался, поскольку ушиб, даже самый сильный, в рыцарской среде принято было считать сущим пустяком. Видя, как смутился Тибальд, когда к нему направился маршал, Филипп в спешном порядке взял слово и заявил, что в свите королевы любви и красоты, поми-

мо дам и девиц, должны находиться и кавалеры — хотя бы для того, чтобы заботиться об упомянутых дамах и девицах.

Присутствующие сочли это несколько забавное требование, тем не менее, вполне законным. В числе прочих кандидатур в кавалеры Филипп назвал также имя Тибальда де Труа, который с радостью ухватился за его предложение. По сему, к всеобщему удовлетворению, предводителями двух противоборствующих партий были назначены Эрнан де Шатофьер и Гуго фон Клипенштейн.

С окончанием общей трапезы окончились и мучения Филиппа. Достопочтенные господа принялись за десерт, а дамы и притомившиеся за день рыцари разошлись по своим покоям.

Возвратясь к себе, Филипп застал в гостиной весьма живописную картину. Посреди комнаты на устланном коврами полу сидели Габриель де Шеверни, Марио д'Обиак и Марк д'Аринсаль и перебирали какие-то лежавшие перед ними вещицы, внимательно рассматривая каждую из них. Там было несколько кружевных манжет, пара дамских перчаток, один оторванный от платья рукав, десяток носовых платков с вышитыми на них гербами и инициалами, множество разноцветных лент для волос, а также всякие милые безделушки, вроде брошек, булавок и застёжек.

— А это еще что такое? — произнес Филипп, скорее констатируя сам факт наличия этих вещей и их количество, чем спрашивая, откуда они взялись. Их происхождение было для него очевидно.

— Подарки от дам, монсеньор, — с улыбкой ответил д'Обиак. — Во время турнира господин де Шеверни велел их перехватывать, чтобы не раздражать вас.

— Понятненько. Ты, кстати, переусердствовал, Габриель. Меня они вовсе не раздражают — ведь это так трогательно! — Он присел на корточки и бегло взглянул на вещицы; затем сказал: — Ни чулок, ни подвязок, как я понимаю, нет.

— Чего-чего? — обалдело переспросил Габриель.

— Ну да, конечно, — будто не слыша его, продолжал Филипп. — Слишком изысканная публика для таких пикантных

подарков... Стоп! — Он выудил из кучи безделушек великолепной работы брошь и осмотрел ее со всех сторон. — Вот это да! Если только я не ошибаюсь... Кто ее прислал?

— Принцесса Кастильская, — ответил д'Аринсаль. — Старшая, госпожа Бланка. Подарки принимал я.

Одобрительно мурлыча, Филипп приколот брошь к левой стороне камзола.

— Пусть Монтини побесится, чтоб ему пусто было.

— Да, насчет Монтини, монсеньор, — отозвался д'Обиак. — Сегодня ему здорово помяли бока, когда он разнимал на трибунах дерущихся.

— Так ему и надо, выскочке! — обрадовался Филипп. — Гм... Спасибо за приятную новость, Марио.

— Рад вам служить, монсеньор.

— Знаю, старина. И будь уверен, ценю это. Но на сегодня твоя служба закончена. Как, собственно, и Марка. — Тут он щелкнул пальцами. — Да, вот еще что. Чей это рукав?

— Одной юной и чертовски симпатичной барышни из окружения госпожи Анны Юлии. Имя, к сожалению, я позабыл.

— Ах да, вспомнил! Я видел в римской ложе девушку без рукава... как бишь ее зовут?.. Диана Орсини, вот как! Что ж, возьмем на заметку. — Он облизнулся. — Ну, ладно, ребята, вы свободны, ступайте. Сегодня будет дежурить Габриель.

С этими словами Филипп проследовал в соседнюю комнату, где при помощи Габриеля сбросил с себя верхнюю одежду и облачился в просторную бело-пурпуровую тогу — одну из пяти, подаренных ему императором Августом. Развалившись на диване, он сладко потянулся, широко зевнул и лишь тогда с удивлением заметил стоявшего в дверях д'Обиака.

— Чего тебе, Марио?

Парень растерянно заморгал.

— Я думал, монсеньор, что сегодня моя очередь дежурить в ваших покоях...

— И договорился с Беатой де ла Пенья, — понял Филипп. — Ладно, черт с тобой, оставайся. Когда она придет?

— В полночь.

— Вот в полночь и приступишь... мм... к дежурству. А пока ступай в гостиную и не вздумай подслушивать, иначе велю вышвырнуть тебя вон. Все понял? Теперь вон отсюда, пока я не передумал.

Д'Обиак опрометью выскочил из комнаты и плотно затворил за собой дверь.

Габриель пододвинул ближе к дивану стул и присел.

— Интересно,— произнес Филипп.— Как сейчас Маргарита?

— Очень расстроена, но довольно спокойна,— ответил Габриель, хотя вопрос был чисто риторическим.— Велела читать ей Новый Завет.

— О! Это серьезно... Стало быть, ты виделся с Матильдой? Как она?

Габриель понурился и промолчал.

— Бросил бы ты эту затею, дружок,— сочувственно сказал Филипп.

— Нет,— упрямо покачал головой Габриель.— Я добьюсь ее любви.

— Что ж, воля твоя...

Некоторое время оба молчали. Несмотря на усталость, с лица Филиппа не сходило озабоченное выражение.

— Наверное, вам пора ложиться,— отозвался наконец Габриель.

— А я и так лежу,— полушутя ответил Филипп.

— Вас что-то грызет?

Вместо ответа Филипп вскочил с дивана, вступил ногами в тапочки и важно прошеествовал по комнате к противоположной стене и обратно. Глядя на его тогу и торжественно-взволнованное лицо, Габриель невольно подумал, не собирается ли он произнести какую-то напыщенную речь.

Речи, однако, не последовало. Филипп с разбегу плюхнулся на диван и выдохнул:

— Анна! Я без памяти влюблен в нее.

Габриель озадаченно приподнял бровь:

— Но ведь только вчера вы говорили, что лучшая из женщин...

— Бланка! Конечно, Бланка. Но это совсем другое. Как женщина, Анна меня мало привлекает — хоть с виду она изящна, и личико у нее красивое, и фигурка ладненькая, слишком уж много в ней всего мальчишеского. Я не пылаю к ней страстью — но хочу жениться на ней.

— А что с Маргаритой?

— Пусть ее разыгрывают Оска, Шампань и Иверо. А я пас.

— Это почему? — удивился Габриель.

— А потому... Впрочем, ладно. Объясню по порядку. Вот скажи, кто такая Маргарита?

— Наследная принцесса Наварры, разумеется.

— А что такое Наварра?

— Ну, королевство. Небольшое, и все-таки королевство.

— Для меня это несущественно. Что мне наваррская корона, если я претендую на галльскую.

— Но ведь именно брачный союз с Наваррой дает вам хорошие шансы на галльский престол.

— Теперь уже нет. Кое-что изменилось. Ты знаешь, кто такая Анна Юлия Римская?

— Принцесса Италии, дочь Августа Двенадцатого.

— А еще?

— Дочь Изабеллы Французской.

— То-то и оно! А Изабелла Французская является единственной дочерью короля Филиппа-Августа Второго от его третьего брака с Батильдой Готийской, сестрой ныне здравствующего маркиза Арманда Готийского, графа Перигора и Руэрга, который пережил не только своего сына, но и обоих внуков.

— Обоих?! — пораженно переспросил Габриель.

Филипп вздохнул, впрочем, без излишней грусти.

— Да, печальная история, нечего сказать. Бедный дон Арманд! Сначала умер сын, затем старший внук, а полмесяца назад — и младший, который имел глупость получить ранение, сражаясь с маврами. Покойный виконт Готийский был еще тот тип — при своем положении вел образ жизни бродяги-рыцаря, искал на свою голову приключений и, наконец, доискался. Представляю, каково сейчас старому маркизу. Наверное,

это несладко — остаться на склоне лет круглым сиротой... Гм, почти круглым. Не считая племянницы, бывшей императрицы, недавно ушедшей в монастырь, у него есть еще Анна — его двоюродная внучка и...

— И наследница майората, — подхватил Габриель, поняв, в чем дело. — Если вы с Анной Юлией объедините свои родовые владения, в ваших руках окажется добрая треть Галлии.

— Вот именно. Женившись на Анне, я смогу в любой момент заявиться к королю и прямо сказать: ну-ка, дядя, освободи место на троне... Конечно, я так не поступлю. Королевская власть священна, и негоже ронять ее, низвергая помазанника Божьего. Но я потребую от дяди и Сената безусловного признания меня наследником престола и соправителем королевства. Постепенно в моих руках сосредоточится вся реальная власть, а за дядей Робером останется лишь титул, от которого он, надеюсь, отречется добровольно, без принуждения с моей стороны. А если нет, я предложу Сенату принять закон о дуумвирате. Самое большее через пять лет мы с Анной станем королем и королевой.

— Подобные рассуждения я уже слышал, — заметил Габриель. — Но тогда речь шла о Наварре и о госпоже Маргарите.

— И о Наварре, и о Маргарите придется позабыть. Теперь я должен жениться на Анне хотя бы для того, чтобы помешать ей выйти за Людовика Прованского. В данных обстоятельствах мы с ним — главные претенденты на ее руку. В следующем месяце графу Людовику исполнится четырнадцать, он станет совершеннолетним и не замедлит посвататься к Анне. Прибавь к Провансу Готию, Руэрг и Перигор, не забудь также о поддержке герцога Савойи, который примет сторону сильнейшего, — и корона в руках у этого мальчишки. Поверь, я искренне сожалею о кончине виконта Готийского, помешавшей моим планам объединить Галлию и Наварру в одно государство. Но если ему суждено было умереть бездетным, то умер он вовремя и, к счастью, я узнал об этом до официального объявления о помолвке с Маргаритой.

— А кстати, откуда вы узнали? Что-то я не слышал никаких разговоров.

— Лишь вчера вечером император получил письмо от маркиза Арманда, так что слухи еще не успели распространиться. А поведала мне об этом Анна, полагаю, не без умысла — то ли по наущению отца, то ли по собственной инициативе. Но как бы то ни было, мне определенно дали понять, что я совершаю большую ошибку, сватаясь к Маргарите.

— А что думает по этому поводу ваш отец? Или он еще ничего не знает?

— Да нет, знает. Перед уходом мы успели переговорить. Но тогда я был слишком возбужден, чтобы принимать такое важное решение.

— А теперь?

— Теперь я вижу, что других вариантов нет. — Филипп потянулся и зевнул. — Значит так, Габриель, будет тебе поручение. Разыщешь моего отца — он, должно быть, еще пирует, — и передашь ему, что я...

Что именно следовало передать герцогу, Филипп сказать не успел. В этот момент дверь настежь распахнулась и в комнату, спотыкаясь, вбежал д'Обиак. Не устояв на ногах, он грохнулся ничком на пол.

Следом за ним вошла Маргарита. Завидев ее, Габриель мигом вскочил на ноги, а Филипп лишь перевернулся набок и подпер голову левой рукой, приняв позу древнего римлянина, возлежащего в триклинии за обеденным столом.

— Добрый вечер, принцесса, — сказал он, весело поглядывая на пажа, который сидел на полу и потирал ушибленные колени. — Присаживайтесь, пожалуйста. Вы уж простите, что я не приветствую вас стоя, но для этого имеется уважительная причина: я очень устал.

Бросив на него испепеляющий взгляд, Маргарита села в кресло напротив дивана и гневно произнесла:

— Слышанное ли дело, сударь, чтобы наследной принцессе в ее дворце преграждал путь какой-то паж!

— Я в отчаянии, ваше высочество! — с виноватым видом отозвался д'Обиак, поднимаясь на ноги. — Но, осмелюсь заметить, что вы превратно истолковали мои намерения. Я лишь хотел по форме доложить монсеньору...

— Молчи, негодный мальчишка! — визгливо выкрикнула Маргарита. — Поди вон!

— И в самом деле, Марио, — поддержал принцессу Филипп. — Уберись-ка отсюда по добру по здорову. И ты, Габриель, тоже ступай. Разыщи моего отца и передай ему, что я согласен. Пусть действует.

Габриель молча поклонился и вышел. Вслед за ним, затравленно озираясь на принцессу, из комнаты выскользнул д'Обиак.

Когда дверь закрылась, Филипп, не меняя позы, холодно взглянул на Маргариту и с наигранным безразличием осведомился:

— Итак, сударыня, не соблаговолите ли объяснить, что привело вас ко мне в столь поздний час?

Глава XXXV

Сватовство по-гасконски

Что ответила Маргарита на эту вежливо-издевательскую реплику, мы узнаем несколько позже; а сейчас последуем за Габриелем де Шеверни, который отправился выполнять поручение Филиппа.

Герцога он разыскал без труда. Как и предполагал Филипп, его отец еще не покинул пиршественный зал и как раз беседовал с императором Римским, который излагал ему свою теорию о том, что подлинным автором написанной в начале прошлого века «Божественной комедии» был вовсе не наследный принц Италии Марк-Антоний Юлий, а некий Данте Алигьери, придворный поэт императора Августа X. Ловкий и изворотливый политик, в частной жизни Август XII был воплощением кристальной честности и порядочности. Не понаслышке зная, как тяжелы муки творчества и какие крепкие узы связывают художника с каждым его творением, он всей душой ненавидел плагиат и не прощал этот грех никому, даже собственным предкам.

Габриель уже несколько минут расхаживал по залу, то и

дело бросая на герцога и императора нетерпеливые взгляды, но не решался подойти ближе и вмешаться в их разговор. Август XII первый заметил его и, прервав свой неторопливый рассказ, произнес:

— Мне кажется, достопочтенный, что дворянин твоего сына страстно желает поведать тебе нечто крайне важное и безотлагательное.

Он обращался к герцогу в единственном числе, так как разговор велся на той своеобразной итализированной латыни, которая в те времена еще довольно широко употреблялась в среде римской аристократии и в международном общении.

Проследив за взглядом императора, герцог утвердительно кивнул, сразу же извинился, что вынужден отлучиться, и поднялся с кресла. Габриель спешно направился к нему.

— Вас прислал мой сын? — спросил герцог.

— Да, монсеньор. Он велел передать, что согласен.

— А конкретнее?

— К сожалению, монсеньор, обстоятельства не располагали к тому, чтобы давать мне более конкретные указания. Однако из нашего разговора, предшествовавшего появлению этих обстоятельств, можно с уверенностью предположить, что монсеньор сын ваш не станет возражать, если вы воспользуетесь удобным случаем и попросите у императорского величества руки его дочери.

— Благодарю вас, барон. Ступайте и, если позволят упомянутые вами обстоятельства, передайте Филиппу, что я немедленно этим займусь.

Габриель поклонился и отошел в сторону, но зал не покинул, решив дожидаться более определенных результатов.

Между тем герцог вернулся на свое место и снова попросил у императора прощения за вынужденную отлучку. Терпеливо выслушав в ответ пространные рассуждения о незавидной участи державных мужей, которых даже в редкие минуты досуга не оставляют в покое государственные дела, герцог сказал:

— Увы, ты прав, Цезарь^{*}. Вот и сейчас дворянин моего сына вернул меня с небес на землю. Если не возражаешь, я хотел бы поговорить с тобой о вещах более приземленных, чем поэзия.

Август XII заметно оживился.

— С превеликим удовольствием, достопочтенный. Не угодно ль тебе сообщить о предмете предстоящей беседы?

По тому, как замешкался с ответом герцог, окружавшие его и императора дворяне догадались, что намечается конфиденциальный разговор. Все они в одночасье вспомнили о каких-то неотложных делах, и вскоре двое могущественных вельмож остались в этой части зала одни.

— Август Юлий, — веско произнес герцог. — Как ты, наверное, догадался, речь пойдет о твоей дочери Анне.

— Я предполагал это.

— В таком случае я не вижу оснований хитрить и изворачиваться...

Август XII сделал нетерпеливый жест.

— Прости, что перебиваю, достопочтенный, но я даже настаиваю на откровенности. Когда дело касается наших детей, это слишком серьезно, чтобы прибегать к обычным дипломатическим уверткам. В данной ситуации прямо — самая лучшая политика. Прежде чем ты скажешь то, что я надеюсь от тебя услышать, я хотел бы ради установления между нами полного доверия сообщить, что вчера получил от Арманда Готийского письмо. Он просит как можно скорее выдать Анну замуж, ибо хочет удостовериться, что после смерти, приближение коей чувствует все явственнее, его владения попадут в надежные руки.

— И как ты находишь эту просьбу? — поинтересовался герцог.

— Вполне законной. Я считаю, что человек, от которого моя дочь получит в наследство половину Лангедока, а затем, возможно, и королевский венец, — такой человек вправе ставить мне определенные условия. К тому же Анна, несмотря

^{*}Цезарь — принятое в Средние века обращение к королю Италии.

на свой юный возраст, уже зрелая девушка и, думаю, раннее замужество пойдет ей только на пользу... — Тут щека императора нервно дернулась, но герцог предпочел не замечать этого. — Особо distinguished Арманд обратил мое внимание на двух возможных кандидатов в мужа Анны, самых достойных по его мнению; это твой сын и граф Людовик Прованский. Надобно сказать, что я согласен с ним.

— Извини за нескромный вопрос, Цезарь, но кому из них двоих ты отдаешь предпочтение?

— Разумеется, твоему сыну. Граф Людовик в свои тринадцать лет уже успел отличиться далеко не с лучшей стороны. Он не тот человек, кого я желал бы видеть мужем моей единственной дочери. — Император пристально посмотрел герцогу в глаза. — Я понимаю это так, что ты... — он сделал выжидательную паузу.

— Да, Цезарь. От имени моего сына Филиппа я прошу у тебя руки твоей дочери Анны Юлии.

Губы императора тронула добродушная улыбка:

— Я согласен, distinguished. Если ты не возражаешь, наши министры могут тотчас приступить к составлению брачного контракта. А что касается гарантий выполнения нашей устной договоренности...

— Август Юлий! — гордо вскинул голову герцог. — Я ничуть не сомневаюсь в нерушимости твоего слова.

— И равно не позволишь подвергать сомнению нерушимость своего, — добавил император. — Боюсь, ты неверно понял меня, distinguished. Я лишь хотел сказать, что составление брачного контракта может затянуться, а между тем было бы желательно еще до его подписания внести определенную ясность в наши отношения, чтобы не только мы, но и все прочие не сомневались в серьезности наших намерений. Поверь, я гораздо больше, чем ты, заинтересован в этом браке — и как отец Анны, и как король Италии. Твой сын непременно станет великим государем. Наследство моей дочери лишь облегчит ему выполнение своего предназначения, но ничто не в силах воспрепятствовать его возвышению. И я, разумеется,

кровно заинтересован в том, чтобы наши страны жили в мире и согласии друг с другом.

— Ты льстишь моему отцовскому тщеславию, Цезарь.

— Вовсе нет, мой благородный вельможа, это не лесть. Должно быть, тебе известно, что я всерьез занимаюсь астрологией, и мои скромные достижения в этой области знания высоко ценятся многими видными учеными не только христианского, но и арабского мира. Так вот, еще восемь лет назад я составил гороскоп на твоего сына, а затем ежегодно уточнял полученные результаты — звезды определенно сулят ему великое будущее, и чем дальше, тем определеннее, — а звезды, поверь мне, никогда не лгут, надо только суметь правильно истолковать их предсказания. Теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему я не хочу упускать такого зятя, как твой сын.

«Ты смотри, — подумал герцог. — Наши желания в точности совпадают. Такой невестки, как Анна, я тоже не хочу упускать».

— Кроме того, — продолжал император, — твой сын явно нуждается в более твердых гарантиях, нежели мое приватное обещание. Ведь поверив мне на слово, он будет лишен возможности жениться на Маргарите Наваррской — мы же не сарацины какие-то, чья неугодная Богу вера позволяет им иметь по несколько жен сразу.

— Твоя правда, Цезарь.

— В таком случае, ничто не мешает нам объявить о предстоящей помолвке... — Вдруг император усмехнулся и добавил: — А ведь нас, чего доброго, сочтут плохими родителями, если узнают, с какой неподобающей поспешностью мы распорядились судьбой наших детей. Но на сей счет у меня есть идея.

Он встал с кресла и поднял руку, призывая всех к вниманию.

— Господа! Я рад сообщить вам приятную для меня и, возможно, небезынтересную для вас новость. После продолжительных консультаций с достопочтенным герцогом Аквитанским мы наконец пришли к обоюдному согласию, и с чувством глубокого удовлетворения я сообщаю, что отдаю дочь

мою Анну в жены высокородному принцу Филиппу, сыну герцога и наследнику Гаскони.

Вельможи в зале одобрительно зашумели — правда, не все. Король Наварры обалдело взглянул на герцога и императора, расточавших в ответ на поздравления лучезарные улыбки; потом украдкой ущипнул себя за руку и, убедившись, что не бредит, мысленно выругался. Дурные предчувствия, овладевшие им, когда Филипп избрал королевой любви и красоты Анну, оказались не напрасными. А ведь еще накануне дочь уверяла его, что ее брак с Филиппом Аквитанским дело решенное, — и на тебе!..

«Ну, все! — злобно подумал король, не в силах сдержать зубовный скрежет. — Хватит мне панькаться с нею! Терпение мое лопнуло... Да, да, лопнуло! — в бессильной ярости храбрился он. — Остались Оска, Шампань, племянники Педро и Рикард — и вот с одним из них она непременно поженится. Если потребуется, силой приволоку ее к алтарю...»

Глава XXXVI

*В которой Маргарита избавляется
от наваждения, а Филипп видит сладкие сны*

Теперь, после этого небольшого отступления, вернемся к Филиппу и Маргарите. Как мы уже знаем, Филипп, оставшись наедине с принцессой, сказал:

— Итак, сударыня, не соблаговолите ли объяснить, что привело вас ко мне в столь поздний час?

Маргарита резко вскочила на ноги.

— Извольте хотя бы не лежать в присутствии дамы! Ишь, как развалились! Как... как ленивая свинья!

Филипп вздохнул и принял сидячее положение.

— Это даму удовлетворит? Или дама желает, чтобы я упал перед ней на колени?

Лицо Маргариты вспыхнуло ярким румянцем негодования.

— Что за тон, милостивый государь?! Нет, каков нахал! А вырядился — тоже мне, римский сенатор!

— Галльский,— машинально уточнил Филипп.— Вы меня поражаете, любезная кузина. Я не понимаю, что вам от меня надо.

Вдруг Маргарита вся как-то сникла, опустилась рядом с ним на диван, положила голову на его плечо и тихонько заплакала.

— Ну, это уже никуда не годится,— растерянно пробормотал Филипп.— Прекрати, слышишь!

— Помолчи,— сквозь слезы взмолилась Маргарита.— Прощу тебя, молчи... Жестокий ты, бездушный!..

Так они и сидели: она плакала, а Филипп, превозмогая сон, думал о том, сможет ли он когда-нибудь понять этих удивительных и загадочных созданий — женщин.

Наконец Филипп поднял тяжелые, точно налитые свинцом веки.

— Хочешь остаться со мной?

Маргарита вытерла влажное от слез лицо о его тогу и утвердительно кивнула:

— Да, хочу.

— Ну, так пойдем. Только прихвати свечу, не то споткнемся.

В спальне Филипп скинул с себя тогу и нижнее белье и забрался в постель.

— Раздевайся сама,— сказал он Маргарите.— У меня нет сил помогать тебе.

Маргарита быстренько разделась донага и спросила:

— Свечу гасить?

— Нет, не надо,— ответил Филипп, восхищенно глядя на нее.— Боже, ты такая хорошенькая! Я никак не могу налюбоваться тобой... Иди ко мне, милочка.

Маргарита юркнула под одеяло, крепко прижалась к Филиппу и покрыла его лицо жаркими поцелуями. Ее поцелуи были столь страстными, что Филипп, мигом позабыв об усталости, с таким пылом принялся осыпать ласками ее тело, будто бы в нем через края расплескивалась энергия.

Впрочем, хватило его ненадолго. Вскоре он выдохся и бесильно уронил голову на ее прелестный животик.

— Что с тобой, милый? — спросила Маргарита.

— Прости, дорогая, не могу. Я слишком устал...

Маргарита удрученно вздохнула:

— Что ж, на нет и суда нет... Только вот так и лежи.

— Хорошо. Я усну у тебя на коленях, — сонно пробормотал Филипп и умолк.

Спустя некоторое время Маргарита прошептала:

— Ты еще не спишь, Филипп?

— Нет. Я думаю.

— О чем?

— О турнирах. О том, что они делают с людьми. Ведь это противоестественно — лежать в постели с такой восхитительной женщиной и ничего с ней не делать.

— Да, ты прав. Ненавижу турниры!

В спальне опять воцарилось молчание, и вновь первой его нарушила Маргарита:

— Вот что я тебе скажу, Филипп...

— Да?

— Мы не можем пожениться.

Филипп подтянулся к подушке и изумленно спросил:

— Как! Ты уже знаешь?

— Знаю, давно знаю. Просто до сих пор я боялась посмотреть правде в глаза.

— Не понял.

— Мы не созданы друг для друга. Между нами нет настоящей любви, есть только безумная страсть. Мы способны заниматься любовью дни и ночи напролет, но никогда не станем друзьями, соратниками, единомышленниками. С самого начала каждый из нас стремился подавить другого, подчинить его своей воле — ты оказался сильнее и победил. Я не могу, не хочу мириться с этим.

— Стало быть, та даешь мне отставку?

Этот невинный вопрос вызвал совершенно неожиданную реакцию. Маргарита уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала. Филипп поднялся на локте и тронул ее за плечо.

— Что с тобой?.. Прекрати реветь... Ч-черт! — Он всхлипнул: плач Маргариты был очень заразительным. — Хоть скажи, почему плачешь — может, я тоже всплакну.

— Н-не м-могу... Я не могу дать отставку. Я... я хочу тебя, хочу всегда быть с тобой... Это какое-то наваждение! Ведь я не люблю тебя, ведь я... я... я... О-о, как я тебя ненавижу!

Маргарита подхватила, опрокинула Филиппа навзничь и уселась на него сверху.

— Прошу тебя, умоляю, откажись от меня. Будь великодушным, дорогой... Будь безжалостным, непреклонным, ни за что не женись на мне. Пожалуйста, не губи меня, дай мне жить по-человечески... Ну! Ну! Ну! — и в исступлении она принялась наотмашь хлестать его по щекам.

Налицо были явные признаки истерики, поэтому Филипп, не долго думая, влепил ей две сильные пощечины и резко оттолкнул ее от себя. Упав на бок, Маргарита мигом успокоилась и тихонько захныкала.

— Я буду великодушным, жестоким и непреклонным, — заявил он. — Я не позволю тебе губить свою жизнь. Ты свободна.

Маргарита перестала хныкать.

— Правда? Ты отказываешься от меня? — с робкой надеждой и немалой долей горечи в голосе переспросила она.

— Наотрез. Я не хочу прослыть деспотом и эгоистом, единолично присвоившим такое бесценное сокровище, как ты. Ведь никто в здравом уме не поверит, что ты не изменяешь мне по собственной воле. Обо мне будут рассказывать ужасные истории, как я измываюсь над тобой, чтобы принудить к верности. Постепенно вокруг тебя возникнет ореол мученицы... Черт возьми! Снова плачешь?

— Это я от радости, дорогой... И самую чуточку — от грусти. Когда ты уедешь, мне будет очень не хватать тебя... А ты будешь вспоминать обо мне?

— Ах, милочка, — сонно пробормотал Филипп. — Я никогда не забуду тебя. У тебя такое прекрасное тело, ты такая страстная, такая нежная, такая сладкая...

— А как же галльская корона? — всполошилась Маргарита. — Неужели ты откажешься от своих претензий? Не верю. Не могу поверить. Ты что-то затеваешь — но что?

Филипп не ответил. Усталость наконец одолела его, и он уснул мертвым сном. Маргарита нежно коснулась губами его лба, затем осторожно соскользнула с кровати и не спеша оделась. Вынув из подсвечника зажженную свечу, она в последний раз взглянула на спящего Филиппа — и в тот же момент лицо его озарила счастливая и безмятежная улыбка.

«Интересно, что ему снится? — думала Маргарита, направляясь к двери. — Или кто?.. Может, Бланка?.. Теперь это не важно. Между нами все кончено. И пусть ему снится кто угодно — но только не я...»

А Филиппу снились Перигор, Руэрг и Готия. В его вещем сне они представлялись ему в виде трех ступеней к возвышению перед алтарем собора Святого Павла в Тулузе, где по традиции происходит коронация королей Галлии. И видел он усыпанную драгоценными камнями золотую корону королевства Галльского, которую возлагает на его чело Марк де Филипп, архиепископ Тулузский, милостью Божьей венчая своего брата на царство в одном из могущественнейших европейских государств...

Глава XXXVII

Брат и сестра

Дверь тихо отворилась, и в спальню, освещенную двумя коптящими огарками свечей, вошла стройная рыжеволосая девушка, одетая в платье из темно-коричневого бархата.

Она осмотрелась вокруг и удрученно покачала головой. В комнате царил полнейший бардак; на полу была беспорядочно разбросана одежды, а ее владелец, юноша лет двадцати со всклокоченными светло-русыми волосами, лежал в разобранной постели, уткнувшись лицом в подушку. Он даже не шелохнулся на звук открывшейся и закрывшейся двери, по-видимому, не расслышав ее тихого скрипа.

— Ты еще не спишь, Рикард? — шепотом спросила девушка.

Юноша повернул голову и уставился на нее тусклым взглядом. Темные круги под глазами — то ли от недосыпания, то ли от частых попок, — делали его похожим на енота.

— Привет, сестренка, — вымученно улыбнулся он. — Как видишь, бодрствую.

Тяжело вздохнув, Елена присела на край кровати и взяла брата за руку.

— Да, вижу. Чего-чего, а бодрости и жизнелюбия тебе в последнее время не занимать.

— Все насмехаешься?

— Отнюдь. Я лишь пытаюсь вразумить тебя, непутевого, но, боюсь, только время зря трачу. А вот другие впрямь над тобой смеются. И громче всех Маргарита... Кстати, ты разговаривал с отцом?

— Когда?

— Та-ак, понятно. Стало быть, он не захотел даже повидаться с тобой перед отъездом. Про маму я и не говорю, она...

Рикард мигом вскочил, сел в постели и растерянно заморгал.

— Как?! Они уехали?

— Да, — кивнула Елена. — Сегодня утром. Они решили не оставаться на празднества. Забрали обеих сестренок и уехали в Калагорру.

— Но почему?.. Неужели из-за меня?

— Из-за кого же еще! Пойми, наконец, что им стыдно за тебя, за твое поведение. Мама ужасно злится, а отец... Да что и говорить! Ты всегда был его любимцем, он так гордился тобой, но теперь...

— Ну, так пусть отречется от меня, если стыдится. Пусть лишит меня наследства — тогда и по моим долгам будет вправу не платить.

— Да что ты такое несешь?! — в отчаянии воскликнула Елена. — Ты в своем уме? Опомнись, братишка!

Какое-то мгновение Рикард непонимающе глядел на сестру, затем резко привлек ее к себе и уткнулся лицом в ее плечо.

— Прости, родная. Я сам не знаю, что говорю... Это безумие! Я спятил, я сумасшедший...

Елена нежно терлась щекой о его волосы. Ее красивое лицо расплылось в гримасе мучительного наслаждения, а глаза томно блеснули.

«Вот дура! — думала она о Маргарите. — Это же надо иметь такой извращенный вкус, чтобы променять его на Красавчика... И поделом ей!»

— Рикард, — спустя некоторое время отозвалась Елена. — Не знаю, к добру ли это, но час назад произошло событие, которое должно немного утешить тебя.

Рикард отстранился. В глазах его вспыхнула робкая надежда.

— Неужели Маргарита так обиделась на Красавчика, что расторгла помолвку с ним?

— Не совсем так. Никакой помолвки и в помине не было.

— Ну так будет.

— А вот и не будет! Это все досужие домыслы. В действительности Красавчик женится на нашем племяннике.

— На каком еще племяннике?

— Тьфу ты! — поморщилась Елена. — Вот недотепа! Пить надо меньше, братишка, так соображать будешь быстрее. Я имею в виду нашего племянника женского пола или же, если тебе так больше нравится, племянницу пола мужского.

— Красавчик женится на Анне?! — наконец дошло до Рикарда. — Врешь!

— А вот и не вру. Оказывается, кузен Август Юлий и герцог Аквитанский давно вели переговоры об этом, а сегодня на банкете они объявили, что вскоре будет подписан брачный контракт. Поэтому Красавчик отдал венец Анне — как своей невесте. А с Маргаритой он, получается, просто развлекался. Нечего сказать, ловко водил ее за нос! И если она поверила, что он намерен жениться на ней, то так ей и надо... Рикард! Что с тобой?

Она ожидала от него какой угодно реакции — от буйного веселья с танцами и плясками до полного недоверия, — но

только не того, что случилось на самом деле: он бухнулся ничком на постель и безудержно зарыдал.

Елена пододвинулась к брату и, положив его голову себе на колени, терпеливо дожидалась, пока он успокоится. Выплакавшись, Рикард вытер влажное от слез лицо о платье сестры, затем поднялся и сжал ее руки в своих.

— Ты вернула меня к жизни, родная. Я... я будто очнулся после кошмарного сна. Теперь у меня есть цель. Я снова хочу жить!.. Но мне нужна Маргарита...

Елена печально вздохнула:

— У тебя лишь одно на уме — Маргарита. И чем она околдовала тебя, вот уж не пойму.

— Я тоже не пойму, сестренка... Боже, какой я глупец! Зачем я так страдаю из-за нее?..

— Вот именно — зачем? Она не стоит того, чтобы ты так изводился, выставлял себя на посмешище, пытался покончить с собой... Слава Богу, кузен Бискайский поверил, что это из-за долгов, и не раззвонил по всему дворцу о том инциденте.

Рикард мрачно усмехнулся:

— Вернее сказать, слава Богу, что он не поверил правде, иначе наверняка раззвонил бы.

— Что ты говоришь?

— Сначала я рассказал ему правду. Не знаю, что на меня нашло; я был просто не в состоянии лгать и выкручиваться. Но кузен не поверил, что, впрочем, не удивительно. У него только две страсти в жизни — деньги и власть, а остальное ерунда. Он так и сказал мне: ерунда, чушь собачья. Тогда-то я и вспомнил о долгах, да еще приплел, что отец намерен лишить меня наследства. Вот этому Александр охотно поверил и... — Тут он обхватил голову руками и протяжно застонал. — Господи Иисусе! Как это мерзко, отвратительно!.. Вот что, Елена, мне надо срочно поговорить с Маргаритой. Сейчас же, немедленно.

— Сейчас? Да ты спятил! Уже далеко за полночь, и Маргарита, скорее всего, спит. А если не спит, то наверняка знает

все и злая, как сто гадюк. Не нарывайся на неприятности, это не лучший способ восстановить с ней хорошие отношения.

— Дело безотлагательное, сестренка,— настаивал Рикард.— Государственной важности.

— Какой бы важности оно ни было,— возразила Елена,— до утра подождет.

— Нет, не подождет. Я не подожду. Я не могу жить ни минуты с этой тяжестью на сердце.

— Так поделись со мной. Расскажи, что тебя мучит. Ведь никто не понимает тебя лучше, чем я.

— Нет. Я расскажу только Маргарите.

Елене так и не удалось урезонить брата. Обычно Рикард был предельно откровенен со старшей и самой любимой из своих сестер — но на этот раз он заупрямился, и в конце концов ей пришлось уступить.

— Ладно,— со вздохом согласилась она,— попытаюсь устроить тебе эту встречу. Вот только сперва приоденься, умойся, а то вид у тебя уж очень неряшливый.

Рикард на мгновение замялся, затем как-то виновато глянул на сестру и нерешительно, будто оправдываясь, произнес:

— Тогда выйди на минутку... Или отвернись.

Елена грустно улыбнулась и отошла к окну.

— Кстати,— отозвался Рикард, надевая чистое белье.— Ты все еще путаешься с графом д'Альбре?

— Нет, он уже увлекся Изабеллой Арагонской. У меня ему ничего не светило, и он решил попытать счастья у другой. Впрочем, его выбор нельзя назвать удачным. Она его быстро отошьет.

— Это правда?

— Так мне кажется. Говорят, кузина Изабелла донельзя добродетельна и ни разу не изменяла своему мужу. Хотя, по моему мнению, Филипп де Пуатье не заслуживает ее верности.

— Я не о том спрашиваю, сестренка. Это правда, что Гастону д'Альбре у тебя ничего не светило?

— Само собой. Ведь тебе известно, для кого я берегу свою невинность.

Слова эти были произнесены вполне будничным тоном, как бы между прочим, но на сей счет Рикард не питал никаких иллюзий: начиналась старая песенка. Он мысленно выругал себя за несдержанность и тут же совершил еще одну ошибку, выпалив сгоряча:

— Прекрати, Елена! Я не допущу, чтобы ты стала второй Жоанной.

Она резко повернулась к нему. В ее глазах застыло изумление.

— Ты-то откуда знаешь?!

— А ты?

Несколько долгих секунд они молча глядели друг на друга. Затем Елена отошла от окна и присела на кровать рядом с братом. Ее красивые брови сдвинулись и между ними залегли морщинки.

— Мне рассказала Бланка. Как-то я не могла уснуть и пошла к ней — а она как раз поссорилась с Монтини. Мы чуточку выпили... ну, не совсем чуточку — в самую пору для того, чтобы мы начали плакаться и поверять друг дружке свои сокровенные тайны. Стыдно вспомнить, что я в ту ночь наговорила... Вот тогда мы и стали близкими подругами.

— То-то я и смотрю, что в последнее время вы неразлейвода, — заметил Рикард, довольный тем, что ему удалось избежать очередного, вернее, дежурного объяснения в любви. — Даже Маргарита отошла на второй план.

— В этом нет ничего странного. У нас с Бланкой много общего, гораздо больше, чем у меня или у нее с Маргаритой. Не это удивительно — а то, что поначалу мы друг друга на вид не переносили.

— Понятно, — сказал Рикард. — И когда вы поженитесь?

Елена звонко рассмеялась:

— У тебя и Маргариты мыслишки вертятся в одном направлении. Увы, это так же невозможно, как и наш брак с тобой... — Она мигом оборвала свой смех и помрачнела. — Ну почему я твоя сестра?

Рикард вздохнул:

— Думаю, Господь порой не прочь зло подшутить над людьми... Ах, если бы вместо тебя моей сестрой была Маргарита!

— Зачем? Чтобы ты не мог любить ее? Или чтобы смог полюбить меня?

— И то, и другое, — ответил Рикард. Он быстро застегнул камзол и обул башмаки. — Ладно, пойдем. Вот потолкую с Маргаритой и только тогда окончательно решу, стоило ли мне вообще родиться в этом дурацком мире, где обе женщины, с каждой из которых я был бы счастлив, недоступны для меня.

Глава XXXVIII

Прошлого не вернешь

Почти четверть часа пришлось простоять Рикарду в приемной апартаментов принцессы, дожидаясь возвращения сестры. Наконец Елена явилась; вид у нее был встревоженный.

— Маргарита еще не спит, — сказала она, — и согласна поговорить с тобой. Только недолго.

— Как там она?

— Паршиво. Слишком уж спокойная, а это не к добру. Боюсь, я сглупила, согласившись помочь тебе. Надо было...

— Все в порядке, сестренка. Не беспокойся.

— Тебе легко сказать — не беспокойся... Ну, ладно, ступай. — Она поцеловала его в губы. — И будь умницей... безумец ты мой!..

Маргарита ждала Рикарда в библиотеке. Она сидела в широком кресле в дальнем от двери углу, неподвижная, как статуя, и даже не шелохнулась, когда он вошел, лишь устремила на него тяжелый взгляд своих прекрасных голубых глаз. Свет от трех горевших в настенном канделябре свечей придавал ее бледному лицу зловещий багровый оттенок.

— Прошу садиться, кузен. Надеюсь, ваша сестра передала вам, что я не расположена к длительной беседе?

— Да, кузина,— ответил Рикард, устраиваясь в соседнем кресле. Сердце его упало: обращение на вы в личном разговоре и подчеркнутая официальность тона не сулили ничего хорошего.

— Итак,— продолжала Маргарита, глядя мимо Рикарда,— если я правильно поняла вашу сестру, вы намерены сообщить мне нечто весьма важное.

— Чрезвычайно важное. Но, прежде всего...

— Ага! Значит, ты выдвигаешь предварительные условия?

— Не условия. Всего лишь несколько вопросов.

— Хорошо,— снизошла она,— я отвечу на твои вопросы. Спрашивай.

Рикард сделал глубокий вдох, набираясь смелости.

— Маргарита, ты уже знаешь о помолвке Красавчика с Анной?

Принцесса поджала губы. Профиль ее заострился, глаза потемнели. Она резко повернулась к нему лицом.

— Да, знаю. А тебе какое дело?

— Для меня это очень важно. И ты знаешь почему — потому что я люблю тебя.

— Ну и что? Мне-то какое дело?

Рикард криво усмехнулся:

— О, насчет этого я не питаю никаких иллюзий, сударыня. Вы никого не любите; вы просто неспособны полюбить. Любовь для вас пустой звук... Впрочем, нет, ошибаюсь. В вашем лексиконе это эвфемизм, обозначающий состояние возбуждения перед и во время физической близости. Ведь сколько раз вы говорили мне в постели, что любите меня...

Маргарита вскочила на ноги. К лицу ее прихлынула кровь, а пальцы судорожно сжимались и разжимались.

— Замолчи, негодяй! Ты ничего не понимаешь. Я... я люблю...

— Ах да, совсем забыл! — саркастически произнес Рикард. — Вы же любите Красавчика!.. Гм... Однако здорово он отблагодарил вас за столь преданную любовь.

Принцесса упала обратно в кресло и закрыла лицо руками.

— Ты такой же бессердечный ублюдок, как и все остальные. Вы, мужчины, все на один пошиб. И ты... ты тоже... У тебя нет ни капли сочувствия. А я считала тебя самым чутким, самым отзывчивым из мужчин... Но ты... ты оказался... — Тут она не выдержала и горько зарыдала.

Растроганный до глубины души Рикард мигом бросился ей в ноги.

— Прости меня, милая, прости. Я сказал так сгоряча, не подумав... Ну, пожалуйста, не плачь. Бей меня, мучь — только не надо плакать, родная.

Наконец Маргарита успокоилась и, то и дело всхлипывая, заговорила:

— Ты не представляешь, Рикард, какой он подлец, какая бессовестная скотина, этот... этот подонок! Сегодня я ходила к нему... когда еще не знала о его помолвке. Я пришла сказать ему, что передумала выходить за него замуж, а он... Вместо того, чтобы честно признаться, что у него появились другие планы и наши желания полностью совпадают, он заставил меня... он это умеет, проклятый!.. заставил меня унижаться перед ним, просить, умолять... О, как я его ненавижу!..

Она крепко прижалась к Рикарду, зарылась лицом в его волосы и спросила:

— Ты по-прежнему любишь меня?

— Еще больше, чем прежде, — пылко ответил он. — За это время я понял, как дорога ты мне, что ты для меня значишь. Ты стала смыслом всей моей жизни. Помимо тебя, Маргарита, я не вижу, ради чего еще мне стоит жить. Теперь я знаю, что только любовь к тебе и тайная надежда когда-нибудь добиться взаимности обуздывали во мне самые дурные наклонности, не позволяли им взять верх над тем добрым, что есть в каждом человеке... Но стоило мне потерять тебя — и я оказался способным на такую гадость, на такую мерзость...

— Ты о попытке самоубийства?

— Нет, не только. Но об этом позже, а сейчас...

— Да, ты прав, — согласилась Маргарита, поднимая его лицо к себе. — О делах мы поговорим утром, а сейчас... — Она наклонила голову и нежно поцеловала его в губы. — Знаешь, у

меня такое чувство, будто вернулось лето. Наше с тобой лето... Я тоже многое поняла за это время. Я не люблю и никогда не любила Красавчика. Я люблю тебя.

Рикард схватил ее за плечи.

— Это правда? — с дрожью в голосе переспросил он. — Это не почудилось мне? Я не ослышался? Ты... ты любишь меня?

— Да, люблю. Может, я не так понимаю это слово. Может, мое чувство к тебе на самом деле не любовь... Но если я и люблю кого-то, если я вообще способна кого-нибудь любить, так это только тебя. До нашей размолвки я даже представить не могла, как ты стал мне дорог, как мне будет тебя не хватать. Возможно, это всего лишь привычка — ну что ж, пусть будет так, мне нравится такая привычка. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной, хочу снова и снова слышать твои заверения в любви, хочу заниматься с тобой любовью, хочу засыпать и просыпаться в твоих объятиях. В постели ты прекрасный любовник, но что гораздо важнее, ты замечательный друг, лучший из друзей, и я очень нуждаюсь в тебе, нуждаюсь в твоей ласке, в твоей заботе, в твоём понимании и участии. И если это не любовь, тем хуже для любви.

Рикард слушал ее со смешанным чувством удивления, недоверия и какого-то радостного потрясения. Он уже привык к резким перепадам в настроении Маргариты, но в таком взвинченном состоянии видел ее впервые. В ее искренности сомневаться не приходилось, она была слишком возбуждена, чтобы сознательно кривить душой, однако вопрос состоял в том, было ли это правдой или просто попыткой самообмана, стремлением оскорбленной женщины выдать желаемое за действительное.

— Ты серьезно, дорогая? Ты не разыгрываешь меня?

— Клянусь, милый, я люблю тебя. Прости за ту нашу ссору, прости за все, что я наговорила тебе в тот день... и на следующий тоже... Господи, как я была слепа! Ты на целую голову выше Красавчика — не только ростом, но и во всех других отношениях. Он подлый обманщик, беспринципный властолюбец, а ты... Ты хороший, ты честный, ты порядочный, ты так любишь меня, так мне предан. Ты самый лучший, самый пре-

красный человек из всех, кого я знаю. Я так соскучилась по тебе, любимый, я так тебя хочу. Ведь ты останешься со мной, правда? Ведь ты не уйдешь? Мы снова будем вместе, снова будем любить друг друга, и все у нас будет по-прежнему...

Чем больше лестных слов сыпалось в его адрес, тем больше Рикард хмурился. Все это было неспроста. Вне всякого сомнения, Маргарита говорила, что думала; но при всем том она явно что-то недоговаривала, что-то скрывала, пытаясь оттянуть неизбежное, и тем временем подслащивала горькую пилюлю, которую ему рано или поздно все же придется проглотить.

— Нет, дорогая,— оборвал он ее,— по-прежнему ничего у нас не выйдет.

— Почему?— удивилась принцесса.— Разве мы не любим друг друга? Разве мы не будем счастливы вместе? Ну, скажи: что теперь мешает нам?

— Неопределенность в наших отношениях, вот что. Я чертовски устал, Маргарита. У меня больше нет сил жить в постоянном страхе перед грядущим днем, дрожать при одной лишь мысли о том, что я могу потерять тебя. Если это вернется, я не выдержу, я сойду с ума.

— О нет, милый! Я никогда не разлюблю тебя, верь мне.

— И ты согласишься освятить нашу любовь перед Богом? Ты станешь моей женой?

Маргарита вздохнула и высвободилась из его объятий.

— Это невозможно, Рикард. Все, что угодно, только не это. Брак всегда был камнем преткновения в наших отношениях, он был причиной всех наших ссор. Пожалуйста, не надо об этом, я не хочу ссориться с тобой. Я очень люблю тебя, ты мне очень нужен.

— И это все, чего стоит твоя любовь?— с горькой улыбкой, больше похожей на гримасу боли, произнес Рикард.— Не сказал бы, что много. Несмотря на все заверения, твоей любви ко мне явно чего-то недостает. А именно, готовности разделить со мной не только постель, но и всю свою жизнь.

— Не говори так, дорогой!— воскликнула Маргарита и тут

же в смущении опустила глаза. — Да, это правда, у меня будет муж... Но любить я буду тебя!

— Весьма тронут, сударыня. Ваши слова делают мне честь... А в мужья, стало быть, я вам не гожусь? Недостоин, наверное?

— Ах, Рикард, не в том дело, — почти что простонала она.

— А в чем же тогда? Объясни мне, непонятливому. Нынче ты не на шутку разоткровенничалась, так будь же откровенной до конца. Ну!

Маргарита сплела пальцы рук, положила их себе на колени и сосредоточенно посмотрела на него.

— Беда в том, Рикард, что я очень плохая девочка. Я вконец испорченная. Капризная, самовлюбленная, эгоистичная, развращенная властью, богатством и всеобщим поклонением — и это лишь малая толика моих отрицательных черт; в действительности я еще хуже... Молчи! Я знаю, что ты любишь меня со всеми достоинствами и недостатками, со всем хорошим и плохим, что у меня есть; но речь сейчас о другом. Когда-нибудь я унаследую престол, и я хочу быть настоящей правительницей Наварры, а не женой правителя; королевой, а не женой короля. Как бы я ни любила тебя, как бы ни нуждалась в твоей любви, я не хочу делиться с тобой властью.

— Но ведь я не честолюбив, Маргарита. Я люблю тебя, а не твое наследство, и корона мне ни к чему. Поверь...

— Я верю тебе. Я не сомневаюсь в твоей искренности. Уже-то знаю, каков ты на самом деле. При других обстоятельствах из тебя вышел бы идеальный супруг для такой честолюбивой женщины, как я. Но, себе на беду, ты производишь из знатного наваррского рода. Твой отец пользуется большим уважением в Наварре, особенно в ее кастильской части. После моего отца он самый влиятельный человек в стране, и волей-неволей ты унаследуешь от него и это уважение, и это влияние. К сожалению, рассчитывать на то, что со временем ты растеряешь полученный в наследство авторитет, не приходится. Ты слишком честный, порядочный, добродушный и даже простодушный. С такими качествами из тебя вряд ли выйдет хороший правитель, но подданные будут любить те-

бя, для них ты будешь олицетворением доброго и справедливого короля в противоположность мне — злой и коварной королеве. Сейчас ты далек от государственных дел, политика не твоя стихия, однако, женившись на мне, ты против воли будешь втянут в эту трясину. И когда в один прекрасный день мои подданные скажут: «Королева нам не указ! У нас есть король, потомок Александра Завоевателя по мужской линии, пусть он нами правит», — тогда у тебя не будет даже того слабого оправдания, что ты никогда не занимался делами государства.

Рикард поднялся с колен, глядя на Маргариту с каким-то суеверным ужасом.

— И только поэтому ты отказываешь мне?

— Да, только поэтому. Не будь ты сыном Клавдия Иверийского, внуком Елены де Эбро, я бы с радостью вышла за тебя замуж и была бы счастлива с тобой. Ты прекрасный человек, Рикард, я тебя очень люблю, но, увы, судьба распорядилась иначе. Прости меня, дорогой.

— Боже! — в отчаянии прошептал он. — Кого я полюбил? Я полюбил чудовище!

— Рикард...

— Да, Маргарита, ты чудовище. Жажда власти, неограниченной, неоспоримой власти, так испортила тебя, что в тебе мало что осталось человеческого. Ты ничем не лучше кузена Бискайского! Тот свихнулся на мысли об утраченной короне, а ты заразилась от отца чувством неполноценности, которое преследует его с тех пор, как он взшел на престол, поправ законные права сына своего старшего брата. В тебе также сильно это чувство, порождающее угрызения совести, и ты стремишься самоутвердиться, убедить себя в законности своих прав, подчиняя этой цели все остальное — от личной жизни до государственных интересов. Ты отказываешься от счастья, от любви; мало того, ты упускаешь возможность укрепить королевскую власть, объединив Внутреннюю Наварру, Риоху и Алаву в единый домен. И ради чего все это? Ты пренебрегаешь мной, собой, целостностью страны единственно ради того, чтобы никто не мог подвергнуть сомнению неде-

лимость твоей власти. Ты, повторяю, чудовище. Ты политическая и моральная извращенка.

— Какой ты жестокий, Рикард! — тоном обиженного ребенка произнесла Маргарита. — Жестокий! Жестокий!

— Это ты жестокая, и, прежде всего, по отношению к себе. Ты калечишь свою жизнь и калечишь мою. Но я не позволю тебе и дальше измываться надо мной — лучше смерть, чем такая жизнь.

С этими словами Рикард направился к выходу.

— Нет!!! — закричала ему вслед Маргарита, вскочив с кресла. — Нет! Не надо! Не делай этого!

У двери он остановился.

— Я не собираюсь покончить с собой — если ты это имела в виду. К сожалению, у меня не хватит мужества на вторую попытку самоубийства. Увы!..

— Не покидай меня! — взмолилась Маргарита. — Вернись, ты мне очень нужен. Я люблю тебя.

— Нет, дорогая, тебе не удастся завлечь меня этими словами. Слишком часто ты повторяешь их в последние минуты, чтобы они производили на меня магическое действие. Я уже устал от них и более не хочу слышать никаких признаний — ни в любви, ни в ненависти. Если ты в самом деле любишь меня, если так сильно нуждаешься во мне, скажи только «да», и я буду твоим — но целиком и на всю жизнь. Ни на что меньшее я не согласен, меня не устраивает должность обер-любовника при твоём дворе. И вообще, тебе стоило бы подумать, прежде чем предлагать эту унижительную роль *мне* — внуку римского императора... Хорошенько поразмысли, Маргарита, и реши наконец, что в тебе сильнее — любовь ко мне, если таковая имеется, или страх потерять власть. Даю тебе неделю сроку, как раз до намеченной тобою поездки в Кастель-Бланко — и ни днем позже. К тому времени ты должна сделать выбор, только смотри не опоздай.

— Но, Рикард...

— Это все. На сегодня все. Следующий наш разговор состоится лишь тогда, когда ты примешь мое предложение... или

вовсе не состоится. До свидания, Маргарита. Или прощай — это зависит только от тебя.

Оставшись одна, Маргарита бессильно опустилась на пол возле кресла, уткнулась лицом в его мягкое сидение и вновь зарыдала. Той ночью она впервые в жизни прокляла корону, которая достанется ей от отца. Так это случилось впервые — но далеко не в последний раз...

Глава XXXIX

Еще раз к вопросу о братьях и сестрах

— Что ты тут делаешь, Жоанна? Уже третий час ночи.

Граф Бискайский стоял посреди гостиной своих апартаментов и вопросительно глядел на сестру, которая сидела перед ним в кресле, сложив на коленях руки. Как ни старалась она казаться спокойной, но мелкая дрожь ее пальцев, озабоченное выражение лица и лихорадочный блеск в глазах выдавали ее крайнее возбуждение.

— Я ждала тебя, Сандро. Где ты был столько времени?

— Ждала? — Граф проигнорировал ее вопрос; не говорить же ей, в самом деле, что сложились обстоятельства иначе, она бы вряд ли когда-нибудь увидела его, да и наверняка не захотела бы его видеть. — Зачем ты ждала меня?

— Нам надо поговорить.

— Среди ночи? Ты что, не могла дожждаться утра?

— Я не могла уснуть, Сандро. Я узнала, что помолвка Маргариты с Филиппом Аквитанским не состоялась, и подумала...

Граф пододвинул стул к ее креслу и сел.

— Ну, и что ты подумала?

— Понимаешь, — сказала Жоанна, нервно перебирая пальцами оборки своего вечернего платья. — Теперь у тебя снова появились шансы на престол, а я... Словом, есть один человек...

Александр широко ухмыльнулся, оскалив зубы.

— Молодой человек, — уточнил он. — Молодой, интересный, привлекательный, сильный, мужественный, большой

и добрый. Любовь с первого взгляда, как я понимаю. При наваррском дворе есть такой милый обычай — влюбляться мгновенно и без памяти. И ненадолго.

— Нет, Сандро, это всерьез... Так ты знаешь, кто он?

— О, дьявол! Конечно, знаю.

— И... что ты о нем думаешь?

— Ха! Что я могу думать о нищем варваре? Только то, что он нищий варвар.

— Этого я и боялась, — горько вздохнула Жоанна.

— Чего?.. Ну-ка, ну-ка! — Александр подался вперед и испытующе посмотрел ей в глаза. — Неужели он настолько повредился в уме после падения, что намерен просить твоей руки?

Жоанна молча кивнула.

— Вот оно что! — с расстановкой произнес граф. — Понятно.

Лицо его нахмурилось, лоб и щеки покрылись густой сеткой неведь откуда взявшихся морщин. Какое-то время они оба молчали. Жоанна кусала нижнюю губу и умоляюще глядела на брата, который напряженно о чем-то размышлял. Наконец он спросил:

— Ты уже обращалась по этому поводу к дяде?

— Нет, Сандро, он ничего не знает. Еще никто не знает. Я решила сначала посоветоваться с тобой.

— Вот как! А почему не с Маргаритой?

— Я... Боюсь, она не одобрит мой выбор.

— И правильно боишься... А впрочем, кто знает? Маргарита женщина парадоксальных решений. Не исключено, что она уговорит дядю дать согласие на этот мезальянс — просто так, шутки ради, ведь она у нас известная проказница.

— А ты, Сандро? Ты-то что думаешь?

— Я думаю, что не надо спешить. Обожди чуток. Хотя бы две недели. Ты же совершенно не знаешь его. Присмотрись к нему, убедись, что он вправду любит тебя, а не охотится за богатым приданным.

— Нет, он не такой, он хороший — я знаю.

— Однако нелишне будет удостовериться. Если ты согласишься покамест держать это в тайне, я наведу о нем кое-какие справки и заодно пораскину мозгами, как бы умаслить дядю и Маргариту, чтобы они не противились вашему браку.

— Правда? — не веря своим ушам переспросила Жоанна. — Ты сделаешь это?

— Да, сестренка. Ведь я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. Ну как, согласна?

— О да, конечно! Ты так добр ко мне, Сандро.

Лицо графа нервно передернулось, и лишь усилием воли ему удалось совладать с собой.

— Ладно, договорились. А теперь ступай спать, поздно уже.

— Спокойно ночи, Сандро, — сказала Жоанна, поцеловала брата в щеку и быстро, будто боясь, что он передумает, покинула гостиную.

Александр бухнулся в освободившееся кресло и облегченно вздохнул. Все это время, с момента объявления о помолвке между Филиппом Аквитанским и Анной Юлией Римской, он находился на грани нервного срыва, и только сейчас напряжение стало понемногу спадать. Разумеется, он был бы плохим стратегом, если бы не предвидел возможности примирения Рикарда Иверо с Маргаритой — на этот случай у него был разработан план незамедлительной ликвидации весьма ненадежного сообщника. Но события развивались так стремительно, что не успел он отдать соответствующие распоряжения, как неожиданное вмешательство Елены, явившейся среди ночи к брату, напрочь спутало все его карты.

Когда же ему доложили о ночной встрече Рикарда с принцессой, граф вообще запаниковал и решил было пуститься в бега, даже пробрался по тайному ходу в предместье Памплоны, где держал наготове конную заставу; но в конечном итоге оказалось, что дела обстоят не столь уж плачевно. Судя по всему, Маргарита не собиралась мириться с бывшим любовником, а тот, в свою очередь, предпочел не упускать возможности одним махом поправить свое финансовое положение и отвести от себя угрозу лишения наследства.

Теперь Александр мог спокойно приступить к устранению ставшего опасным сообщника, подстроив ему несчастный случай, однако... Успех его грандиозного замысла во многом зависел от кузена Иверо. Рикарду отводилась ключевая роль в предстоящем фарсе, и просто так, механически заменить его кем-нибудь другим, тем более в последний момент, не представлялось возможным. У Александра был небогатый выбор — или отказаться от всей этой затеи и спрятать концы в воду, или все-таки рискнуть, понадеявшись, что безумие, алчность и ненависть возьмут в Рикарде верх над нехотевшей проснувшейся совестью, а его раздоры с Маргаритой будут продолжаться.

Решение было предопределено — и тем не менее граф долго и мучительно размышлял. Стоило ему вспомнить о совести, и она тут как тут — вернее, то, что осталось от нее после многих лет нравственного выхолащивания. «Ты так добр», — сказала Жоанна. «Добр... добр... добр...» — как удары колокола звучало в его голове. Это и был голос совести. Жоанна заменяла ему утраченную совесть — а теперь он потерял и ее. Она ушла... И хоть он сам решил отказаться от нее — той памятной ночью, две недели назад, — все же она ушла. И сказала на прощание: «Ты так добр... добр... добр...»

— Замолчи, проклятая! — схватившись за голову, просто-напросто Александр. — Замолчи! Замолчи!..

Он потерял свою совесть — даже ту, которая не была его собственной. Впрочем, теперь совесть ему ни к чему — ни своя, ни чужая. Корона лежит за пределами добра и зла, над ней не властны нравственные законы.

Глава XL

Обо всем понемногу

Когда на следующий день утром Филипп явился к Анне, чтобы согласно обычаю сопровождать королеву любви и красоты на ристалище, она приветствовала его такими словами:

— Стало быть, принц, теперь ты мой жених?

— Да, принцесса,— ответил он, вежливо поцеловав ее руку.— Вчера вечером Цезарь, отец твой, дал свое согласие на наш брак.

— В таком случае, почему ты целуешь только мою руку?— с лукавым видом спросила Анна.— Вот уж не думала я, что ты так застенчив!

Филипп слегка опешил. Хотя свидетели этой сцены были все свои — герцог, император и по несколько придворных с обеих сторон,— ему стало неловко. А к его вящему удивлению, Август XII с довольной ухмылкой посоветовал дочери:

— А ты сама поцелуй жениха, Анна.

Ну что ж, если женщина просит... Под одобрительный шумок присутствующих Филипп легонько обнял Анну за талию и наклонил голову с намерением по-братски чмокнуть ее, но едва их губы соприкоснулись, она тотчас перехватила инициативу и крепко, взасос поцеловала его. Ее поцелуй выказывал хоть и не слишком большой, но все же вполне достаточный опыт в таких делах, и был по-мужски агрессивен.

«Вот те на! — мысленно выругался Филипп. В его памяти мигом всплыли некоторые туманные слухи о странных пристрастиях римской принцессы, затем он вспомнил, с каким выражением лица она вчера одобрила его интерес к Бланке, и вовсе обалдел: — Черти полосатые! Выходит, все эти сплетни не праздная болтовня злых языков. Моя маленькая проказница в самом деле увлекается девчонками...»

Позже, когда они следовали во главе праздничной процессии по пути к ристалищу, Анна сделала Филиппу знак, чтобы он склонился к ее носилкам.

— А ты хорошо целуешься, мой принц. Мне понравилось.

— Ты тоже не лыком шита,— ответил Филипп, стремясь скрыть замешательство под личиной нарочитой грубости. Мальчишеская прямолинейность Анны, ее непосредственность, начисто отвергавшая все ухищрения своего пола, раз за разом сбивали его с толку.— Прости за нескромный вопрос, принцесса, но...

— Если тебя интересует, девственница ли я,— перебила его Анна,— то да. Мужчин у меня еще не было.

«Чертова девственница!» — раздраженно подумал Филипп, а вслух сдержанно произнес:

— А между тем, дорогая моя королева, мужчина может дать тебе то, на что не способна ни одна женщина.

— Оригинальная мысль, — ничуть не смутившись, ответствовала римская принцесса. — Будем надеяться, что ты на деле докажешь мне справедливость своих слов... Только не обольщайся — это произойдет в нашу первую брачную ночь, и никак не раньше.

«Ну, вот!» — удрученно констатировал Филипп. — Нашла коса на камень. Дело явно идет к тому, что вскоре в нашей развеселой компашке появится еще один парень — моя жена».

Но на этом сюрпризы в то утро не закончились. По прибытии на ристалище Анна подошла к Маргарите и совершенно серьезно заявила, что откажется от венца королевы любви и красоты, если ее наваррская кузина не согласится разделить с ней этот титул. После бессонной ночи Маргарита выглядела измученной и опустошенной. Она весьма вяло поблагодарила Анну за любезность и без каких-либо условий приняла ее предложение. Таким образом была устранена возникшая накануне неловкость, когда на турнире по случаю дня рождения Маргариты царствовала другая принцесса. (Между прочим, сплетники и остряки были склонны искать этому более пикантные объяснения; истины ради признаем, что некоторые из них оказались не так уж далеки от действительности.)

По приглашению Филиппа в почетной ложе королевы любви и красоты прочно окопались (якобы для заботы о дамах, но на самом же деле, чтобы оправдать свое неучастие в турнире) Тибальд де Труа, Оттон Савойский, Педро Арагонский, а также несколько друзей и родственников Филиппа, среди которых был Гастон д'Альбре. Этот последний благо-разумно попросил убежища, скрываясь от целой оравы рыцарей, жаждавших сразиться с победителем легендарного Грозы Сарацинов. Филипп сжалился над ним, но прежде заставил кузена дать страшную клятву никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминать в его присутствии о своей победе над Гуго фон Клипенштейном.

Коль скоро было упомянуто о свите королевы любви и красоты, то надо отметить, что дам и девиц в свое окружение Анна подбирала тщательно и с большим знанием дела. Филипп по достоинству оценил ее утонченный вкус, позволивший ей собрать вокруг себя великолепный букет очаровательных личек и потрясающих фигур. Обилие красавиц, однако, не повлияло на его планы, и, отдав должное Анне, как своей невесте, он вскоре подсел к Бланке с явным намерением воспользоваться благоприятными обстоятельствами для решительного штурма ее защитных порядков; к счастью, Монтини, имевший обыкновение являться в самые неподходящие моменты, теперь был лишен такой возможности.

Но Бланка недолго терпела приставания Филиппа. Чувствуя, что ее сопротивление начинает таять, она ласково велела ему убираться прочь, пригрозив, что в противном случае уйдет сама и больше в ложу не возвратится. Внешняя кротость ее тона не обманули Филиппа, и он предпочел ретироваться, проклиная Монтини на чем свет стоит и невольно перебирая в уме различные способы его физического устранения.

Чтобы досадить объекту своей безответной страсти, Филипп, с позволения Анны, принялся ухаживать за Дианой Орсини — той самой, что накануне прислала ему в подарок оторванный от своего платья рукав. Как оказалось впоследствии, эта черноволосая и синеглазая девчушка пятнадцати лет, представительница младшей ветви одного из самых могущественных в Италии родов и любимица римской принцессы, не разделяла вкусов своей подруги и госпожи. Диану больше привлекали парни, нежели девчонки, а Филипп вовсе очаровал ее, и уже к вечеру она была готова отдать ему не только рукав, но и всю свою одежду с невинностью в придачу. Филиппа не пришлось уговаривать принять этот дар: по его искреннему убеждению, все сочли бы его глупцом и невежей, откажись он ответить взаимностью на любовь такой милой и очаровательной девушки.

Что же касается Бланки, то она, видимо, на зло Филиппу, взяла себе в кавалеры наследного принца Арагона Педро — весьма инфантильного молодого человека с безвольны-

ми чертами лица и таким же безвольным характером. Кста-ти сказать, некогда они были помолвлены, но потом их отцы разошлись во взглядах на дальнейший ход Реконкисты, по-ссорились и даже малость повоевали между собой за Южную Валенсию, которая в конечном итоге досталась Кастилии. А с тех пор как Бланку, так и Педро, преследовали неудачи в личной жизни. За это время двадцатичетырехлетний наследник арагонского престола успел дважды жениться и дважды овдо-веть и от обоих браков не заимел ни одного ребенка.

По мнению Филиппа, Педро был бы идеальной партией для честолюбивой Маргариты; брак с ним позволял ей стать в будущем единоличной правительницей сразу двух коро-левств — Наварры и Арагона. Однако она резко отрицатель-но относилась к своему арагонскому кузену; его вялость, сла-бохарактерность и инфантильность вызывали у нее отвраще-ние. Хотя вне спальни принцесса привыкла властвовать над мужчинами, она все же терпеть не могла глупых и безволь-ных парней. Ее привлекали молодые люди иного склада — та-кие, например, как Тибальд де Труа, граф Шампанский, став-ший после самоустранения Филиппа главным претендентом на руку Маргариты.

В определенном смысле Тибальд был совершенством: ум-ный, волевой и целеустремленный, он, вместе с тем, отли-чался крайней непрактичностью и безудержной мечтатель-ностью. Самым главным его увлечением была поэзия, затем он любил женщин, веселые пирушки, охоту, турниры и про-чие мирские развлечения — а в государственных и хозяй-ственных делах был полный профан. Тибальд откровенно со-крушался по поводу того, что богатство и высокое положение непременно сопряжены с властью. Его неспособность вести дела была просто потрясающа. Он развращал своих управля-ющих одного за другим. Даже кристально честный человек, поступив к нему на службу, не мог долго устоять перед ис-кушением быстро обогатиться и в конце концов начинал во-ровать. В то время Шампань была самой дурно управляемой провинцией во всем Французском королевстве, которое тоже управлялось не ахти как хорошо, и Тибальд, помимо того, что

был без памяти влюблен в Маргариту, надеялся, что она, выйдя за него замуж, возьмется навести порядок в графстве, да и вообще взвалит на себя все заботы по его управлению.

Принцесса, однако, не спешила обнадеживать Тибальда. Разойдясь с Филиппом и не помирившись с Рикардом, она полдня просидела в почетной ложе в гордом одиночестве, была мрачнее тучи и притворялась, будто внимательно следит за ходом турнира. Только к вечеру Маргарита немного ожила, но, к большому огорчению Тибальда и к немалому смущению своего отца и императора, принялась отчаянно заигрывать с Анной, благо римская принцесса также не оставалась равнодушной к своей наваррской кухне. Этот мимолетный и довольно нетрадиционный роман, несомненно, омрачил бы празднества, не будь внимание большинства гостей целиком приковано к происходящим на арене событиям.

А турнир, надо признать, удался на славу. Безусловно, он был одним из лучших ратных игрищ за всю историю подобных состязаний — и по уровню организации, и по составу участников, и по накалу страстей. Бесспорным героем турнира стал Эрнан де Шатофьер, доказавший всем, что он не только талантливый военачальник, но и непревзойденный боец. В групповом сражении возглавляемый им отряд одержал уверенную победу, а сам Шатофьер в очном поединке одолел Гуго фон Клепенштейна и был единодушно признан лучшим рыцарем второго дня. Вдохновленный своим успехом, Эрнан выиграл все главные призы и в последующих соревнованиях, не оставив ни единого шанса даже великолепному Грозе Сарацинов. Все женщины на турнире сходили по нему с ума, но он по-прежнему продолжал блюсти обет целомудрия, и один только Бог, возможно, догадывался, что в действительности скрывалось за его личиной непоколебимого святоши...

Через день после окончания турнира, 10 сентября 1452 года, Италия обрела новую королеву. Это знаменательное событие произошло в соборе Пречистой Девы Марии Памплонской, где епископ Франциско де ла Пенья с высочайшего соизволения его святейшества папы Павла VII сочетал браком

императора Августа XII Юлия и кастильскую принцессу Элеонору.

А вечером накануне венчания был подписан брачный контракт между Филиппом Аквитанским-младшим и Анной Юлией Римской, наследницей галльских графств Перигора, Руэрга и Готии. Точную дату бракосочетания предстояло еще согласовать, но была достигнута принципиальная договоренность, что свадьба состоится в Риме вскоре после Рождества, а пока что к Анне в услужение будет приставлена свита из гасконских дворян, чтобы от имени Филиппа заботиться о ней, как о его невесте.

На последнем пункте Филипп настаивал особо, и когда в числе молодых людей, удостоенных этой чести, он назвал Этьена де Монтини, стало понятно почему. В отличие от других счастливиц, которые радовались перспективе провести три месяца в императорском дворце на Палатинском Холме, Монтини был отнюдь не в восторге и волком смотрел на Филиппа, то и дело бросая умоляющие взгляды на Бланку. Однако она не могла ничего поделать: хотя Этьен был лейтенантом наваррской гвардии и подчинялся королю, он, как гасконский подданный, не смел ослушаться приказа Филиппа, даже если бы терял при этом лейтенантский чин.

Бедняга Монтини сошел со сцены, даже не попрощавшись как следует с возлюбленной. Всякий раз, чувствуя себя беспомощной, Бланка ужасно злилась; когда же, вдобавок, у нее были месячные, она норовила сорвать свою злость на первом попавшемся ей под горячую руку и зачастую ни в чем не повинном человеке. Тем же вечером, но чуть позже, оставшись с Этьеном наедине, Бланка обвинила его во всех смертных грехах и прогнала прочь, а на следующий день во время свадьбы и утром 11-го числа, когда римские гости тронулись в обратный путь, всячески избегала его. Так что мы не ошибемся, если скажем, что Монтини покидал Памплону с тяжелым сердцем, терзаемый дурными предчувствиями.

Перед отъездом Август XII, улучив свободную минуту, отвел Филиппа в сторону и тихо сказал ему:

— Пожалуй, я должен поблагодарить учителя моей жены за проявленное усердие.

Филипп обалдело уставился на своего будущего тестя. Он все утро ловил на себе странные взгляды императора и, в общем, догадывался, в чем дело, но такой откровенности не ожидал. Между тем Август XII положил ему руку на плечо и продолжал:

— А я-то думал, что избежал этой участи, когда принцесса Бланка вышла за графа Бискайского. Вот нерадивые у меня осведомители — ну, куда не годные... Впрочем, мы с тобой квиты, — с некоторой долей злорадства добавил он. — Моя дочь тоже не подарок.

Филипп рассеянно кивнул. От Дианы Орсини он узнал, что увлечение Анны девчонками было далеко не столь невинным, как ему казалось прежде. Последние полтора года при императорском дворе активно возрождались хорошо забытые традиции древнеримских весталок, и Август XII, потеряв надежду образумить свою горячо любимую, но беспутную дочь путем уговоров, угроз и наказаний разной степени тяжести, видел только одно средство — поскорее выдать Анну замуж и переложить все заботы на плечи ее супруга. Так он, собственно, и поступил.

«Однако семейка у нас будет! — сокрушенно думал Филипп. — Что муж, что жена, оба бабники».

На прощание они с Анной обменялись вежливыми колкостями по поводу того, кому после их свадьбы достанется Диана Орсини. Сама девушка явно отдавала предпочтение Филиппу, от которого была без ума, и в последнюю ночь то и дело заходила слезами, не желая расставаться с милым. Филипп был очень нежен с ней и утешал ее тем, что спустя три месяца они снова увидятся и больше не расстанутся никогда...

С окончанием официальных торжеств большинство гостей наваррского короля поспешили разъехаться по домам — но так поступили не все гости. Формальным поводом для оставшихся послужило заявление Маргариты, что через две недели, 26 сентября, состоится ее бракосочетание. Правда,

она не изволила сообщить имя избранника, но сам факт назначения точной даты сужал круг подозреваемых до четырех человек, с которыми король Наварры имел предварительные договоренности, полностью готовые к подписанию брачные контракты и разрешение Святого Престола на брак; это были Тибальд де Труа, Рикард Иверо, Педро Оска и Педро Арагонский. Что же касается истинной причины задержки части делегаций Франции, Галлии, Арагона и Кастилии в Памплоне, то о ней можно было судить хотя бы на том основании, что король Робер III, вынужденный срочно возвратиться в Тулузу, поручил вести переговоры от имени всей Галлии известному иезуитоненавистнику герцогу Аквитанскому. Кроме того, при наваррском дворе появились некие таинственные личности, одетые как купцы, но с повадками знатных господ, — по утверждению сведущих людей, эмиссары королей Англии, Лотарингии и Бургундии, германского императора, а также великого герцога Фландрского. Таким образом, в Памплоне собрались представители всех стран, где были сильны позиции иезуитов; они обсуждали план совместных действий в свете предстоящего отлучения ордена от церкви и наложения на все его области Интердикта.

При других обстоятельствах Филипп принял бы деятельное участие в переговорах, но, как мы уже упоминали, Маргарита пригласила молодых вельмож погостить недельку в ее загородной резиденции Кастель-Бланко — небольшом замке вблизи реки Арагон, все стены и башни которого были выстроены из белого известняка, так что он вполне оправдывал свое название*. Принцесса рассчитывала, что ее гостям придется по вкусу смелая, можно сказать, революционная идея на время избавиться от назойливых придворных и всласть порезвиться в обществе равных себе вельмож, не ограничивая свою свободу предписаниями дворцового этикета и не боясь уронить свое высокое достоинство в глазах знати среднего и мелкого пошиба, поскольку присутствия таковой не предвиделось.

---

* Кастель-Бланко (Castel-Blanco) — буквально, «Белый Замок».

Как и предполагала Маргарита, ее идея была принята на ура, и рано утром 13 сентября четыре десятка знатных молодых людей в сопровождении одной только личной прислуги и вооруженной до зубов охраны покинули Памплону и отправились на юг, где находилась цель их путешествия — уютный белый замок, заблаговременно укомплектованный многочисленным штатом пажей и слуг, чтобы с самой первой минуты пребывания в нем вельможи не испытывали никаких неудобств.

В этой компании высокородных и могущественных дам и господ было, однако, три исключения. Во-первых, Маргарита уважила просьбу Эрика Датского и пригласила в Кастель-Бланко Ричарда Гамильтона, который хоть и происходил из древнего шотландского рода Гамильтонов, но принадлежал к одной из младших его ветвей и был куда более известен своими военными подвигами в Палестине и на Балканах, нежели поместьями на юге Шотландии. Во-вторых и в-третьих, помимо традиционных забав, вроде прогулок, охоты, купания в реке, Маргарита решила развлечь высоких гостей небольшим пикантным представлением — сельской свадьбой, как она ее называла, и с этой целью прихватила с собой Габриеля и Матильду.

Накануне Филипп и Бланка предприняли последнюю отчаянную попытку отговорить Габриеля от брака с Матильдой, но он упорно стоял на своем. Сама Матильда чувствовала себя точно приговоренной к смерти, ее отношение к Габриелю ничуть не улучшилось, и каждый день, а то и по несколько раз ко дню, она умоляла его, Маргариту и Этьена изменить свое решение, однако все трое оставались глухи к ее мольбам, и в конце концов бедняжка, если не смирилась со своей участью, то, во всяком случае, покорилась неизбежному. Филипп всей душой жалел Матильду; он видел, как в ней с каждым днем растет и крепнет ненависть ко всем без исключения мужчинам, — и тогда ему становилось безмерно жаль Габриеля...

Кастель-Бланко находился более чем в двадцати милях от Памплоны, и молодые люди, хоть и отправились в путь рано утром, прибыли к месту назначения поздно вечером. Все

были утомлены дорогой, а Филипп, к тому же, чертовски зол. Весь день он гарцевал на лошади возле кареты, в которой ехала Бланка, жалуясь ей вначале на жару, а позже — на усталость, но она упорно не желала понимать его намеков и большей частью отмалчивалась, желая показать ему, как низко он пал в ее глазах после той выходки с Монтини. Помимо этого, у Бланки была еще одна, не менее веская причина не пускать Филиппа к себе в карету: только что у нее закончились месячные, и она, чувствуя повышенную возбудимость, не без оснований опасалась, что ей не хватит сил успешно противостоять его домогательствам. Так Филипп и проехал весь путь верхом под аккомпанемент издевательских смешков, время от времени доносившихся из следовавшей впереди кареты, на дверцах которой красовался герб графства Иверо; это Гастон д'Альбре в обществе княжны Елены комментировал ей очередную неудачу своего кузена.

По прибытии в замок молодые люди наскоро отужинали и сразу разошлись по отведенным им покоям, чтобы успеть как следует отдохнуть перед намеченным на следующий день развлечением — сельской свадьбой. Филипп также собирался уходить к себе, но Маргарита задержала его и попросила зайти к ней якобы для серьезной беседы. Разговор их вправду был серьезным, и к концу Маргарита так расстроилась, что Филиппу пришлось утешить ее, оставшись с ней на всю ночь.

Глава XLI

Грустная свадьба

С легкой руки Маргариты словосочетание «сельская свадьба» всегда будет вызывать в памяти Филиппа гнетущую атмосферу тоски и безысходности, царившую в маленькой часовне Капель-Бланко, когда настоятель небольшого монастыря, что в двух милях от замка, сочетал Габриеля и Матильду узами законного брака. Низенький толстячок-аббат с круглым, как луна, благообразным лицом был так неприятно поражен похоронным видом невесты, что вдруг заторопился и

чуть ли не наполовину скомкал всю церемонию, а заключительное напутствие произнес таким мрачным тоном, каким в пору было бы говорить «*requiescat in pace*»^{*}.

Задумка Маргариты явно не удалась. Веселье было подрублено на корню, и широко разрекламированная ею сельская свадьба превратилась в бездарный фарс. К ее немалой досаде, падре Эстебан, духовник Бланки, единственный священнослужитель, к которому наваррская принцесса чувствовала искреннюю симпатию, наотрез отказался венчать молодых, весьма резко заявив, что не будет принимать участия в этой богопротивной затее, — и большинство гостей каким-то образом об этом прознало. Возможно, потому на праздничному банкете молодые вельможи, опрокинув за здоровье новобрачных кубок-другой, постарались выбросить из головы виновников так называемого торжества и занять свои мысли другими, более приятными вещами.

Мало-помалу обильные возлияния дали о себе знать. Присутствующие оживились, их лица все чаще стали озаряться улыбками, посыпались шуточки, раздались непринужденные смешки, а затем разразился громогласный гомерический хохот. Пир, наконец, сдвинулся с мертвой точки и сразу же пошел вскачь. Знатная молодежь пьянствовала вовсю, позабыв о чувстве меры и приличиях, невзирая на все свое высокое достоинство. Даже Филипп, вопреки обыкновению, изрядно нахлестался и раз за разом подваливал к Бланке с не очень скромными предложениями — но она была еще недостаточно навеселе, чтобы принять его бесцеремонные ухаживания.

Часов в десять вечера порядком захмелевшая Маргарита объявила, что новобрачным пора ложиться в постель. К удивлению Филиппа, добрая половина участников пиршества, главным образом неженатые молодые люди, вызвались сопровождать молодоженов в их покои. Лишь немногим позже он сообразил, что все эти принцы королевской крови решили поучаствовать в игре, которой они неоднократно были свидетелями, но еще ни разу не снисходили до того, чтобы

^{*} «*Requiescat in pace*» — «Да почует в мире» (лат., церк.).

самим вступить в схватку за обладание подвязкой невесты. Филипп никак не мог пропустить такого диковинного зрелища и пошел вместе с ними, также прихватив с собой Бланку, которая не нашла в себе мужества отказать ему. Поняв, в чем дело, за ними потянулись и остальные пирующие.

Дорогой осовелые господа весело болтали и наперебой отпускали в адрес молодоженов соленые остроты, а первую скрипку в этой какофонии, бесспорно, играл Филипп де Пуатье. Водрузив свою центнеровую тушу на плечи двух дюжих лакеев, он густым басом распевал какую-то развязную песенку крайне неприличного содержания; ее, наверняка, сочли бы неуместной даже на свадьбе свинопаса с батрачкой. При этом некоторые относительно трезвые гости обратили внимание на гримасу глубокого отвращения, исказившую безупречно правильные черты лица жены наследного принца Франции, Изабеллы Арагонской.

Между тем Филипп, цепко держа Бланку за запястье, обмозговывал одну великолепную идею, только что пришедшую ему в голову: схватить даму своего сердца на руки и, решительно подавив возможное сопротивление, немедленно утащить ее к себе — а потом хоть трава не расти. Однако, по зрелом размышлении, он пришел к выводу, что для такого смелого и мужественного поступка ему недостает, как минимум, двух кубков доброго вина, и твердо постановил воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы наверстать упущенное. Словно догадываясь, какие мысли роятся в голове Филиппа, Бланка опасливо косилась на него, но высвободить свою руку не пыталась.

Очутившись в просторной спальне новобрачных, разгоряченные вином вельможи большинством голосов потребовали, чтобы сперва Габриель полностью раздел Матильду и только затем отдал им на растерзание ее подвязку. В те времена еще был в ходу обычай перед первой брачной ночью выставлять голую невесту на всеобщее обозрение и в присутствии шумной компании друзей жениха укладывать ее в постель. По крайней мере, Филиппу с Луизой пришлось пережить подобное, и потому он спьяну поддержал это требова-

ние, начисто проигнорировав умоляющие взгляды Матильды, которые она бросала на него, Бланку и Маргариту.

Тяжело вздохнув, Габриель принялся исполнять желание их высочеств. От волнения его зазнобило, а на лбу выступила испарина. Матильду пробирала нервная дрожь; она зябко ежилась под откровенными взглядами и, сгорая от стыда, страстно молила небеса ниспослать ей быструю смерть.

Когда на девушке оставались лишь чулки, туфли и короткая нижняя рубаша из тонкой полупрозрачной ткани, Бланка твердо произнесла:

— Ну все, милостивые государи, довольно. По-моему, хватит.

В ее звонком голосе прозвучала такая властность, что пьяные хихиканья женщин, возбужденные комментарии и похотливые ахи да охи мужчин мигом улеглись, и все присутствующие немного протрезвели.

— Кузина права, — сдержанно отозвалась Маргарита. — Пожалуй, достаточно. А теперь, дорогие дамы и женатые господа, отойдите-ка в сторону. Пускай господа неженатые малость поразвлекутся.

Все дамы, женатые господа и господа, причислившие себя к таковым, торопливо отступили к стене, оставив посреди комнаты семерых молодых людей, жаждавших выяснить между собой, кто же из них первый станет женатым. Габриель опустился перед Матильдой на колени, дрожащими руками снял с ее правого чулка отделанную кружевом подвязку и, глубоко вдохнув, наобум бросил ее через плечо.

И пошло-поехало!.. Филипп множество раз присутствовал на свадьбах, но никогда еще не видел столь яростной, жестокой, беспощадной борьбы за брачную подвязку. Зрители громко хохотали, пронзительно визжали, некоторые, согнувшись пополам, тряслись в истерике, и все дружно подзадоривали дерущихся, каждый из которых, раздавая пинки и тумаки направо и налево, стремился первым подхватить с пола подвязку. Улучив момент, сразу двое, Педро Оска и Тибальд Шампанский, одновременно нырнули вниз, протягивая руки

к драгоценному талисману, но столкнулись лбами и грохнулись на пол. Остальные пятеро навалились на них сверху.

Однако злополучная подвязка не досталась никому из претендентов. Видимо, в пылу борьбы кто-то невзначай подцепил ее, но, не заметив этого, сделал резкое движение — как бы там ни было, подвязка вылетела из образовавшейся кучи-малой, описала плавную дугу и приземлилась точно у ног Жоанны Наваррской.

— Вот и все,— спешно констатировала Маргарита, побаиваясь, что увлеченные борьбой мужчины того и гляди набросятся на ее кузину. — Победила Жоанна... Гм. Это очень кстати, сестренка. Тебе давно пора замуж.

Жоанна покраснела и, скрывая смущение, быстро наклонилась к подвязке — якобы для того, чтобы подобрать свой трофей.

— Ну, ладно, друзья,— между тем продолжала Маргарита. — Поразвлеклись и хватит. Пускай теперь порезвятся наши молодые. Пора им тоже вступить в противоборство... Разумеется, любовное.

Большинство присутствующих добродушно загоготало на грубую шутку наваррской принцессы, а Бланка закусила губу и нахмурилась.

«Боюсь, это вправду будет походить на противоборство,— подумала она, сочувственно глядя на убитую горем Матильду. — Но вовсе не любовное...»

Молодые вельможи задержались в брачных покоях еще ровно настолько, чтобы распить бурдюк вина. При этом умудренные опытом сердцееды, мастера в деле ублажения дам, среди коих был и Филипп, дали Габриелю несколько ценных, квалифицированных, но очень пикантных советов, от которых бедная Матильда так и села на кровать, искренне сожалея, что не может провалиться сквозь пол.

Постепенно спальня опустела. Чуть дольше остальных задержалась в ней Бланка. Она подошла к Матильде, молча обняла ее и расцеловала в обе щеки; затем, чувствуя, что на глаза ей наворачиваются слезы, почти бегом бросилась к выходу. Наконец, молодожены остались наедине.

Какое-то время в спальне царила напряженная тишина, лишь из-за двери доносилась неразборчивая болтовня и громкие смешки вельмож, покидавших брачные покои. Габриель сбросил с себя камзол и башмаки и робко подступил к Матильде, которая сидела на краю широкого ложа, ссутулив плечи, и исподлобья пугливо глядела на него.

Сердце Габриеля заныло в истоме. Он хотел сказать Матильде так много ласковых слов, он так любил ее, он ее обожал... А она ненавидела и презирала его — за ту единственную ошибку, которую он совершил три недели назад, ослепленный страстью, полностью потеряв рассудок и контроль над собой. Лишь теперь Габриель понял, к чему привело его упрямство в паре с безумием. Он на всю жизнь связал себя с женщиной, которая испытывает к нему отвращение, которая гнушается его, в глазах которой он олицетворение всего самого худшего, самого низменного, что только может быть в мужчине. С каждой ночью, с каждой их близостью, ее отвращение будет лишь усиливаться, а вместе с ним будет расти ее ненависть к нему, и постепенно его жизнь превратится в ад. Он никогда не дождется от нее ответной нежности, теплых слов поддержки и понимания. Они всегда будут чужими друг другу, мало того — врагами...

Все ласковые слова вдруг застряли у него в горле. Он резко, почти грубо, произнес:

— Ты сама снимешь чулки, или это сделать мне?

Глава XLII

Решительный штурм

Едва лишь Бланка вышла из покоев новобрачных, тотчас рядом с ней возник Филипп, и его пальцы вновь сомкнулись вокруг ее запястья.

— Дорогой кузен,— раздосадовано сказала она.— Пожалуйста, отпустите меня.

— И не подумаю, моя бесценная кузина,— кротко возразил он.— Почему бы нам не пойти вместе?

— Хотя бы потому, что нам не по пути. Я иду к себе.

— Но зачем?

— Как зачем? Поздно уже.

— Поздно? — удивился Филипп. — Не смешите меня, Бланка. Уж я-то знаю, когда для вас настает «поздно».

— Сегодня я устала, — объяснила она. — К тому же у меня плохое настроение — и вам известно из-за чего... Оставьте меня в покое, прошу вас.

— Ни за что!

— Учтите: по доброй воле я с вами не пойду, — предупредила Бланка. — Конечно, вы можете применить грубую силу, но тогда я буду сопротивляться.

— О нет, солнышко, до этого дело не дойдет. Раз вы устали, я не смею задерживать вас.

— Так отпустите! — Бланка попыталась высвободить руку, но Филипп хватки не ослаблял. — Как же я пойду, скажите на милость?

— Очень просто — мы пойдем вместе.

Бланка тяжело вздохнула:

— Вы несносный, Филипп!

— Вовсе нет, дорогая. Просто я пленен вашими чарами.

Пока они пререкались, не трогаясь с места, остальные дамы и господа уже начали спускаться по лестнице. Оглянувшись, Маргарита окликнула их:

— Кузина, принц! Почему вы отстаете?

— Кузина Бланка устала, — ответил за двоих Филипп. — Она возвращается к себе и попросила меня сопровождать ее. Разумеется, я не могу отказать ей в этой услуге.

В ответ на эту беспардонную ложь Бланка лишь поджала губы и с достоинством промолчала. Она понимала, что любые возражения или опровержения только ухудшат ее положение.

Молодые люди весело рассмеялись, пожелали им обоим доброй ночи и приятных развлечений и пошли своей дорогой. Но прежде, чем их голоса утихли, чуткие уши Бланки все же уловили несколько прозрачных намеков и неприличных

острот, уточнявших особо пикантные моменты ее предполагаемого времяпрепровождения с Филиппом.

— А вы ничуть не изменились, кузен, — обиженно сказала она.

— В каком смысле?.. Эй, парень! — поманил он пажа с фонарем, который задержался, чтобы в случае надобности прислужить им. — Посвети нам, будь так любезен.

Паж молча поклонился и прошел вперед. Филипп и Бланка последовали за ним.

— Так в чем же я не изменился? — спросил Филипп.

— Вы остались таким же настойчивым и бесцеремонным нахалом, каким были всегда.

— Что за слова, Бланка? Вы меня обижаете. Какой же я нахал?

— Как это какой? Самый обыкновенный... Впрочем, нет, необыкновенный. Вы нахал, каких мало.

— Ну, если на то пошло, вы тоже не промах.

— Я?!

— А разве нет? Когда некая знатная дама говорит «милый» своему любовнику в присутствии дяди своего мужа — как прикажете это называть? Ярчайшим образцом застенчивости?

Бланка смущенно опустила глаза и ничего не ответила. Остаток пути они прошли молча. Филипп нежно мял ее руку в своей руке, а она уже не пыталась вырваться.

Покои Бланки находились в той же северной башне, только на верхнем уровне, рядом с покоями Маргариты, Елены и Жоанны. У ее двери паж остановился, ожидая дальнейших распоряжений.

— Ступай, — сказал ему Филипп. — Ты свободен.

— Э нет, любезный! — сразу всполошилась Бланка. — Поймай. Ты должен проводить господина принца.

— Это излишне, — возразил Филипп. — Я сам найду дорогу. Ступай, парень.

— Нет, стой!

— Можешь идти, я сказал.

— А я говорю: стой!

Паж не двигался с места и лишь одурело таращился на препиравшихся господ.

— Так мне можно идти или еще подождать? — наконец не выдержал он.

— Ступай, — ответил Филипп, а после очередного «Нет, стой!» Бланки, быстро повернулся к ней: — А как же насчет того, чтобы посидеть вместе, поболтать?

— У меня не то настроение, Филипп.

— Так будет то. Я мигом подниму ваше настроение.

Бланка отрицательно покачала головой.

— Об этом и речи быть не может. Пожалуйста, уходите.

Филипп изобразил на своем лице выражение глубочайшего замешательства.

— Ах да, понимаю, понимаю. И прошу простить мою недогадливость.

Бланка недоуменно взглянула на него, подозревая какой-то подвох:

— О чем вы? Я не...

— Ну все, замнем это дело. Еще раз прошу простить меня. Примите во внимание, что сегодня я перебрал. Я спьяну увязался за вами, не сообразив, что вы всего лишь хотели отлучиться на пару минут. Конечно, я подожду вас здесь.

Щеки Бланки вспыхнули густым румянцем. Она рывком распахнула дверь и гневно выкрикнула:

— Ну, проходите! И будьте вы прокляты...

С самодовольной ухмылкой Филипп отвесил ей шуточный поклон.

— Только после вас, сударыня.

Они пересекли узкую переднюю и вошли в небольшую уютную комнату, обставленную, как будуар. Несмотря на то, что Бланка провела в своих новых покоях всего лишь одну ночь, они чувствовались обжитыми и уже пахли своей хозяйкой — в воздухе витал тонкий аромат жасмина и еще чего-то невыразимо приятного, чем всегда пахло от Бланки и от всех ее личных вещей.

Дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась и в об-

разовавшуюся щель просунулась голова горничной. Увидев свою госпожу с мужчиной, она мгновенно исчезла.

Бланка расположилась на диванчике в углу комнаты и жестом указала Филиппу на стоявшее рядом кресло. Филипп машинально сел, не сводя с нее восхищенного взгляда. Он любовался ее изящными, грациозными движениями, живой мимикой ее лица, тем, как она усаживается и сидит, — он любовался ею всей. Бланка была одета в изумительное платье из великолепной золотой парчи, которое удачно подчеркивало ее естественную привлекательность, превращая ее из просто хорошенькой в красавицу. Филипп почувствовал, что начинает терять остатки трезвости.

— Здорово я сыграл на вашей деликатности, не правда ли? — лукаво улыбаясь, сказал он. — Между прочим, вы знаете, как называет вас Маргарита? Стыдливой до неприличия, вот как. И она совершенно права. Порой вы со своей неуместной стеснительностью сами ставите себя в неловкое положение. Это ваше уязвимое место, и я буду не я, если не найду здесь какой-нибудь лазейки в вашу спальню. Как раз сейчас я думаю над тем, в чем бы таком *ужасающе постыдном* мне вас обвинить, чтобы вы могли опровергнуть это только одним способом...

— Прекратите, бесстыжий! — негодуя перебила его Бланка. — Немедленно прекратите!

В это самое мгновение в голове у Филиппа что-то щелкнуло — видимо, начало действовать выпитое в брачных покоех вино, — и она закружилась вдвое быстрее. И, естественно, вдвое быстрее он замолотил языком:

— Но почему «прекратите»? Нельзя ли покороче: «прекрати»? Что ты в самом деле — все выкаешь да выкаешь? Ладно еще когда мы на людях, но с глазу на глаз... Черт возьми! Как-никак, ты моя троюродная сестричка. Даже больше, чем троюродная, почти двоюродная — ведь мой дед и твоя бабка были двойняшки. Близнецы к тому же. Ну, доставь мне удовольствие, милочка, называй меня на ты.

Бланка невольно улыбнулась. Эта песенка была ей хорошо

знакома. Всякий раз подвыпивши, Филипп настойчиво начинал выяснять у нее, что же мешает им быть на ты.

— Нет, — решительно покачала она головой. — Ничего у вас не выйдет.

— Ваше высочество считает меня недостойным? — едко осведомился Филипп. — Ну да, как же! Ведь вы, сударыня, дочь и сестра кастильских королей, а я — всего лишь внук короля Галлии. Мой род, конечно, не столь знатен, как ваш, а мой предок Карл Бастард, как это явствует из его прозвища, был незаконнорожденным... Ха! Черти полосатые! Он же и ваш предок! Значит, мы оба принадлежим к одному сонмищу ублюдков...

— Филипп!..

— Мы с тобой одной веревкой связаны, дорогая, — продолжал он, все больше возбуждаясь. — Мы просто обязаны быть на ты. И никаких возражений я не принимаю.

— Ну, а потом вы потребуете, чтобы мы... сблизилась, не так ли? Дескать, коль скоро мы с вами на ты, то и наши отношения, как вы поговариваете, должны быть «на надлежащем уровне».

Филипп хлопнул себя по лбу.

— Ага! Так вот что вас волнует! Ну, если на то пошло, мы можем сначала сблизиться.

Он одним прыжком пересел с кресла на диван рядышком с Бланкой, как бы нечаянно обнял ее за талию и привлек к себе.

— Что вы делаете, нахал! — воскликнула она, изворачиваясь. — Что вы...

— Как это что? Иду на сближение, — с невозмутимым видом пояснил Филипп, однако глаза его лихорадочно блестели. Он отбросил с ее лба непокорную прядь волос и запечатлел на нем нежный поцелуй. — Вот мы и сблизилась... Гм. По крайней мере, частично.

— Свинья! Наглец!

— А вы невежа.

— Да неужели?!

— А разве нет? За кем, свет души моей, я ухаживаю последние три недели? Ясное дело, за вами. И что в ответ? Ме-

ня не замечают! Ради кого я отослал господина де Монтини в Рим — жаль, что не в Пекин? Разумеется, ради вас...

— Ах! — саркастически произнесла Бланка. — Так, значит, это было сделано для моего блага!

— Вот именно. Он чувствительно мешал нашей любви.

— Так, так, так...

— А вы жутко обиделись на меня.

— Ай-ай-ай! Какая черная неблагодарность с моей стороны! — Она предприняла еще одну, впрочем, безуспешную попытку вырваться из его объятий. — Ведь мне следовало сразу же броситься вам на шею.

Филипп важно закивал с умиротворенным видом пастыря, чей беспутный прихожанин наконец решил взяться за ум.

— Итак, ты осознала свою вину. Что ж, отрадно... Но раскаиваешься ли ты?

— Раскаиваюсь? — искренне возмутилась Бланка. — Ну, это уже слишком! Может, мне еще стать на колени и попросить прощения?

— Гм... В общем-то, неплохая идея.

Слово «колени» вызвало у Филиппа цепочку тривиальных ассоциаций, побудивших его к активным действиям. Левой рукой он сделал молниеносный выпад вниз с явным намерением задрать ее юбки, но Бланка ни на мгновение не теряла бдительности. Она тут же лягнула его ногой и закатила ему звонкую пощечину — он почувствовал себя на седьмом небе от блаженства.

— Бесстыжий нахал! Похотливый самец! Гнусный извращенец!

С двумя первыми характеристиками Филипп, по-видимому, был согласен. Во всяком случае, против них он не возражал, чего нельзя было сказать о последней, которая очень огорчила и даже оскорбила его.

— Я извращенец? Да что вы говорите, Бланка?!

— А нет? Как же иначе вас называть после тех ваших советов господину де Шеверни?.. Брр! — Бланку всю передернуло. — Бедная Матильда не знала, где ей деться от стыда.

Филипп оторопел. Он выпустил Бланку из объятий и, широко распахнув глаза, в молчаливой растерянности глядел на нее.

— О Боже!.. — наконец выдавил из себя он. — Бланка! Что ты нашла гнусного, а тем более извращенного, в моих советах Габриелю? Признаю, они были слишком откровенны, довольно нескромны, и мне, пожалуй, не следовало давать их при Матильде и прочих женщинах. Но из-за этого называть меня гнусным извращенцем... Черти полосатые! — Он схватил Бланку за плечи и быстро заговорил, прожигая ее насквозь пламенным взглядом: — Ты меня убиваешь, детка! До сих пор я полагал, что Нора была уникальна в своем невежестве, на тебя я даже подумать не мог — ведь ты у нас такая умница, такая вдумчивая и рассудительная. Я всегда считал тебя донельзя стеснительной, ужасно скрытной и потайной, но мне и в голову не приходило, что ты такая забитая, затурканная... Господи, да что и говорить! Когда мы с Норой... мм... сблизились, ей еще не исполнилось тринадцати лет, она была наивной и невинной девчушкой и понятия не имела, что значит быть женщиной. Тебе же скоро семнадцать, ты замужем, у тебя есть любовник — и ты такое несешь! Такой вздор, такую несусветицу!.. Позор твоему мужу — впрочем, если он вправду не спит с тобой, это отчасти оправдывает его. Но Монтини нет никакого оправдания. Позор ему, позор! Он не достоин быть любовником такой изумительной женщины, как ты. Твой Монтини — мужлан неотесанный.

— Филипп!

Он с вожделением облизнулся и нетерпеливо потер руками, точно в предвкушении некоего редчайшего лакомства.

— Обожаю девственниц, — сообщил он. — А ты настоящая девственница. Ты неиспорченная, целомудренная девчонка, чистая душой и помыслами, достойная воспитанница монахинь-кармелиток. — Его глаза засияли каким-то удивительным сочетанием нежности и похоти. — Я научу тебя любви, Бланка, хочешь? Поверь, нет ничего постыдного в тех ласках, которыми мужчина одаривает женщину и наоборот. Какие бы ни были те ласки, главное, чтобы они доставляли им

обоим удовольствие не в ущерб их здоровью, а все остальное неважно... Ну, скажи: «хочу», милочка. Одно-единственное слово или просто кивок головы — и со мной ты испытаешь такое наслаждение, какого еще не знала никогда и ни с кем.

— Вы просто чудовище! — пораженно вскричала Бланка.

— Да, я чудовище, — подтвердил Филипп, притягивая ее к себе. — Я дракон. Грр!

Он попытался ухватить зубами ее носик. Бланка увернулась и наградила его еще одной пощечиной.

— Отпустите меня, вы, пьяная свинья!

— Я не свинья, я дракон. Пьяный дракон. А ты знаешь, милочка, что больше всего любят драконы — и пьяные и трезвые? Они просто обожают кушать невинных девушек — таких, как ты, например. А поскольку я дракон, голодный и пьяный дракон, то сейчас я тебя съе-е-ем! — последнее слово Филипп прорычал.

Одной рукой он прижал Бланку к себе, а другой принялся расстегивать ее корсаж. Она увертывалась, извивалась, брыкалась, лягалась, но вырваться из его объятий ей не удавалось.

— Прекратите немедленно! Я буду вас бить.

— Бей, — равнодушно ответил Филипп. Он как раз сосредоточил свое внимание на застегках, которые почему-то не хотели выполнять своей основной функции — расстегиваться.

— Я буду кусаться, — предупредила Бланка.

— Об этом я только и мечтаю.

— Негодяй ты! — сказала она и вдруг всхлипнула.

Оставив в покое корсаж, Филипп взял Бланку за подбородок и поднял ее лицо к себе. На ее длинных ресницах, словно капли росы, блестели слезы.

— Что с тобой, милая? Почему ты плачешь?

— Вы... ты насилуешь меня. Ты заставляешь... принуждаешь...

Он провел большим пальцем по ее розовым губам, которые непроизвольно напряглись и задрожали.

— А если я не буду принуждать, ты согласишься? Ну, не отказывайся, солнышко, ведь я *так* тебя хочу. Я никого еще не хотел так, как тебя. Я просто дурею от тебя.

Бланка отрицательно покачала головой:

— Нет, Филипп.

— Но почему? Разве я не нравлюсь тебе?

Бланка промолчала. Продолжая удерживать ее в объятиях, Филипп свободной рукой погладил сквозь ткань юбок и платья ее бедро, затем пальцами пробежал вдоль стана к груди, пощекотал ее подбородок, шею, за ушком... Бланка глубоко и часто дышала, вся пылая от стыда и сладостного возбуждения.

— Так я что, не нравлюсь тебе? — повторил свой вопрос Филипп.

— Почему же, нравишься, — дрожащим голосом, почти умоляюще, ответила Бланка. Как-то само собой она перешла на ты, понимая, что в данной ситуации обращение во множественном числе выглядело бы по меньшей мере комично. — Даже очень нравишься. Но я люблю другого.

— Господина де Монтини?

— Да, его.

— А если бы не любила, согласилась бы стать моей?

Бланка смущенно опустила глаза.

— Да, — после непродолжительного молчания призналась она. — Тогда бы я согласилась.

Филипп вздохнул и просто положил руку ей на колено.

— Ты заблуждаешься, Бланка. На самом деле ты не любишь Монтини, ты просто увлечена им. Ты не можешь его любить, я в этом уверен.

— И, наверное, потому, — саркастически произнесла она, — что он мне не ровня?

— Вовсе нет, солнышко. Уж я-то знаю, с какой легкостью любовь преодолевает все кастовые предрассудки... Но сейчас речь о другом.

— О чем же?

— О том, как ты восприняла мои советы Габриелю.

— Это бесстыдство!

— Вот именно. Ты считаешь это бесстыдством — и не только то, что я дал эти советы в присутствии женщин, но и то, что я вообще даю такие советы. Следовательно, Монтини с тобой ничего подоб...

В этот момент Бланка зажала ему рот рукой.

— Имей же совесть, Филипп!

Филипп мягко, но решительно отнял ладонь от своего рта и по очереди поцеловал каждый изящный пальчик.

— А между тем, — продолжал он, как ни в чем не бывало, — господин де Монтини весьма опытный в таких делах молодой человек. Он не какой-нибудь неуклюжий юнец, который только то и умеет, что залезть на женщину, а спустя пару минут слезть с нее...

— Замолчи!

— Нет, Бланка, я не буду молчать, — в обличительном порыве заявил Филипп. — Я открою тебе глаза на истинное положение вещей. Ну, сама подумай: чем можно объяснить тот факт, что на третьем месяце любовной связи с таким отъявленным повесой, как Монтини, ты все еще остаешься забитой, невежественной девственницей?

— Я...

— Этому есть лишь одно объяснение. Ты не любишь Монтини. В постели с ним ты чувствуешь себя скованно, неудобно, неуверенно. Ты не отдаешься ему полностью и не позволяешь ему отдаваться тебе целиком. Ты стесняешься его, тебя неотступно преследует страх оказаться в неловком положении. И перед кем? Перед человеком, которого ты якобы любишь! Я почти уверен, что ты не раз отталкивала Монтини, когда он, по твоему мнению, «заходил слишком далеко», предлагал тебе «постыдные ласки»...

— Ну все, хватит!

Бланка решительно встала, явно намереваясь указать ему на дверь. Однако Филипп был начеку — он тут же сгреб ее в объятия и усадил к себе на колени.

— Отпусти меня! Сейчас же отпусти!

— Спокойно, птишка! — произнес Филипп с металлом в голосе. — Если ты сию минуту не уймешься, клянусь, я прене-

брегу своими принципами и изнасилую тебя. Сегодня ты так возбуждаешь меня, что я, пожалуй, решусь на этот поступок.

— И покроешь себя позором!

— А кто об этом узнает? Да ты скорее умрешь, чем обмолвишься кому-нибудь хоть словом. Еще и горничной строго-настрого прикажешь держать язык за зубами. Или я ошибаюсь?

Бланка обреченно вздохнула, признавая его правоту.

— Нет, не ошибаешься.

— То-то и оно,— удовлетворенно констатировал Филипп.— Вот мы и пришли к согласию. Теперь, милочка, устраивайся поудобнее — ты даже не представляешь, какое для меня удовольствие служить тебе креслом,— и будь паинькой. Я ведь совсем не хочу применять к тебе силу. Я вообще не люблю принуждать женщин, а тебя — особенно. Потому что ты лучше всех на свете.

— Врешь! Ты говоришь это всем женщинам, которых хочешь соблазнить.

— Но только не тебе. Тебе я не вру. Я просил твоей руки не потому, что ты была скомпрометирована теми дурацкими слухами. Право, если бы я женился на всех девицах, чья репутация была подмочена из-за меня, я был бы обладателем одного из самых больших гаремов во всем мусульманском мире. Но я не мусульманин, я принц христианский, и я собирался взять себе в жены ту, которая нравилась мне больше всех остальных. Тебя, сладкая моя, тебя, любимая. Ты просто прелесть, ты чудо... О, боже, ты сводишь меня с ума!

На этот раз ему быстро удалось расстегнуть корсаж и обнажить ее плечи и грудь. Поначалу Бланка не могла собраться с силами для решительного отпора, памятуя угрозу Филиппа изнасиловать ее, а чуть погодя ей пришлось направить все свои усилия на то, чтобы преодолеть дикое возбуждение, вмиг поднявшееся в ней от легоньких, но бесконечно нежных прикосновений к ее коже его пальцев и губ.

— Не надо... прошу тебя... — умоляюще прошептала она.

— Неужели я чем-то хуже твоего Монтини? — спросил Филипп, страстно глядя ей в глаза. — Скажи: чем?

Бланка до боли закусил губу, еле сдерживаясь, чтобы не выкрикнуть: «Да ничем!» — и самой поцеловать его.

Филипп прижал голову Бланки к своей груди и зарылся лицом в ее душистых волосах. Она тихо постанывала в истоме, а ее руки все крепче обвивались вокруг его туловища. Наконец Филипп поднял к себе ее лицо и пылко прошептал:

— Я люблю тебя, Бланка. В самом деле люблю. Я так жажду, что мы не поженились... А ты любишь меня?

Вместо ответа она закрыла подернутые поволокой карие глаза и чуть разжала губы. Наклонив голову, Филипп коснулся их своими губами — а мгновение спустя они слились во едино в жарком поцелуе.

Целовалась Бланка умело (в этом Монтини нельзя было упрекнуть), а ее губы были так сладки, что Филипп совсем одурел. Он опрокинул ее навзничь и, не обращая внимания на протестующие возгласы, отчаянные мольбы и угрозы, запустил свои руки ей под юбки. При этом обнаженная правая нога Бланки оказалась меж ног у Филиппа, и, скорее машинально, чем осознанно, она пнула коленом ему в пах.

Удар вышел не очень сильным, но вполне достаточным, чтобы Филипп, взыв от боли, сложился пополам и бухнулся с дивана на пол. Бланка приняла сидячее положение, одернула платье и прикрыла обнаженную грудь.

— Коломба! — громко позвала она.

Тотчас в комнату вбежала молоденькая горничная. Она плотно сжимала тонкие губы, ее смуглое лицо искажала гримаса едва сдерживаемого смеха, а большие черные глаза лучились весельем. Она явно была в курсе всего происходящего.

— Коломба, золотко, — сказала ей Бланка. — Господин принц собирается уходить. Проводи его, чтобы не заблудился.

Тем временем Филипп поднялся на ноги, но полностью выпрямиться еще не мог. На лице его отражалась адская смесь чувств — боли, досады, растерянности и недоумения. Горничная прыснула смехом и с издевкой заметила:

— Мне сдается, монсеньор, вам срочно надобно кой-куды сходить.

— Да иди ты туды!..— простонал он и пулей вылетел из покоев Бланки.

«Этот Монтини — наглец, каких еще свет не видел,— раздраженно думал Филипп, несясь по темному коридору галереи, соединявшей северную башню с восточной, где располагались его покои.— Когда-нибудь он доиграется, что я его порешу. И очень скоро...»

Глава XLIII

*В которой Филипп становится должником,
а Эрнан между тем пьянствует*

Когда Филипп вернулся в банкетный зал, там еще оставалось человек двадцать пирующих. Молодые люди разделились на две группы, одной из которых, чисто мужской, заправлял Эрнан де Шатофьер. Хорошо зная привычки своего друга, Филипп догадался, что он устроил поединок выпивох, уже успел опохмелить своих соперников до зеленых чертиков, и их безоговорочная капитуляция была лишь вопросом времени.

Душой второй компании была Маргарита. Она безжалостно измывалась над Тибальдом де Труа и графом Оской, проявляя при том незаурядное остроумие, утонченное коварство и почти полнейшее бессердечие, а несколько ее кузин и кузенов искренне забавлялись этим представлением.

Появление Филиппа было воспринято с неподдельным изумлением. На мгновение в зале воцарилась напряженная тишина; все присутствующие с немим вопросом уставились на него.

— Вот как! — озадаченно произнес Фернандо де Уэльва.— Вы уже кончили?

Сказанная им пошлость была весьма характерна для его отношений с Бланкой, которую он ненавидел так же люто, как нежно любил ее Альфонсо, а она, в свою очередь, отвечала обоим братьям взаимностью, любя старшего и презирав младшего. В этой семейной вражде Филипп всякий раз при-

нимал сторону Бланки, чем снискал себе глубокую ненависть Фернандо, и тот никогда не упускал случая уязвить его какой-нибудь едкой остротой — что, впрочем, в равной степени относилось и к Филиппу.

Грубая шутка Фернандо пришлась по вкусу большинству пирующих, и зал просто сотрясся от гомерического хохота, в котором особо выделялся сочный баритон Шатофьера и густой бас Пуатье. Филипп подошел ближе к компании Маргариты и устремил на кастильского принца пронзительный взгляд.

— Каждый думает в меру своей распущенности, кузен де Уэльва, — ответил он, когда смех немного поутих. — Что же касается меня, то я лишь проводил кузину Бланку до ее покоев.

— Однако долго вы ее провожали, — не унимался Фернандо. — Почти целый час... Ага! Понятненько! Все в порядке, господа. Моя сестра, оказывается, поселилась где-то по соседству, и кузену Аквитанскому пришлось отвозить ее.

— А к вашему сведению, — вставила словечко Маргарита, — ближайшее людское поселение, мужской монастырь августинцев, находится в двух милях отсюда. Так что нашему дорогому принцу пришлось здорово попотеть, чтобы уложиться в один час... Вы, случаем, лошадь не загнали, кузен?

Присутствующие так и покатались со смеху. Филипп не на шутку разозлился, но никакой достойной отповеди насмешникам, кроме грязных ругательств, не приходило в его затуманенную хмелем голову.

— А ему это не впервой, — заметил Фернандо. — В Толедо он имел обыкновение назначать по несколько свиданий в одну ночь.

— Ну и как? — вяло поинтересовался Педро Арагонский. — Успевал?

— Ясное дело, успевал. Он же вездесущ и неутомим.

— Какое счастье, что я оставил свою сестру в Шалоне, — с серьезной миной констатировал Тибальд де Труа. — Так я чувствую себя более или менее спокойно. Хотя, надо признаться, если я подолгу не вижу кузена Аквитанского, меня начинают мучить дурные предчувствия.

Опять хохот.

— Надеюсь, — отозвалась Маргарита, — с кузиной Бланкой по дороге ничего не случилось?

— А что с ней могло случиться? — с циничной ухмылкой произнес Филипп, наконец совладав с собой. — Кто-кто, но вы, Маргарита, должны знать, что ничего особенного. С вами же все было в полном порядке, вы даже не забеременели.

Смешки в зале мигом умолкли. От неожиданности Маргарита остолбенела. Королева Констанца Орсини, Жоанна Наваррская, Изабелла и Мария Арагонские стыдливо опустили глаза, а Тибальд де Труа и Педро Оска вскочили со своих мест и, сжав кулаки, медленно двинулись к Филиппу. Филипп ожидал их приближения с олимпийским спокойствием. Синева его глаз, обычно чистая и глубокая, как весеннее небо над Пиренеями, поблекла и стала напоминать скованное льдом зимнее озеро.

Эрнан тоже встал.

— Сейчас будет драчка! — громко сообщил он. — Двое на одного. Ну, ничего, невелика беда. Держитесь, государь, я иду на подмогу. Вместе мы их так отделаем... — И он ринулся к Филиппу.

Первой опомнилась Изабелла Арагонская. Она торопливо поднялась с кресла, быстрым шагом опередила Тибальда и Педро Оску и стала между ними и Филиппом.

— Умерьте свой пыл, господа! — чеканя каждое слово, произнесла она. — Ваше искреннее негодование несколько запоздало. Вам следовало бы чуть раньше выказать свое рыцарство — когда дон Фернандо и Маргарита оскорбляли отсутствующую здесь Бланку. Кузина Наваррская сама напросилась на неприятности, и нечего тут винить дона Филиппа. В конце концов, это его личное дело, где он был и с кем он был. А вы, дон Фернандо... Я не понимаю вас. Хотите вы того или нет, но Бланка ваша родная сестра. Своими пошлыми островами в ее адрес вы прежде всего оскорбляете свою семью, а значит, и самого себя. Мне стыдно, что у моей сестры такой муж.

Маргарита и Фернандо смутились под осуждающими

взглядами прочих дам и господ, которые, вдруг почувствовав себя неловко, поспешили переложить на них всю вину.

Филипп невольно залюбовался Изабеллой.

«Ах, какая она красавица! — с умилением подумал он, а взглянув искоса на пьяного вдрызг графа де Пуатье, удрученно вздохнул: — И досталась такому увальню...»

— Дон Педро, — снова заговорила Изабелла, властно глядя на графа Оску. — Я старшая дочь вашего короля. — Затем она перевела свой взгляд на графа Шампанского: — Я ваша наследная принцесса, дон Тибальд. И я приказываю вам обоим вернуться на свои места. — Она топнула ножкой. — Ну!

Тибальд де Труа и Педро Ооска неохотно повиновались, всем своим видом показывая, что поступают так против своей воли и только из уважения к женщине и принцессе.

Эрнан де Шатофьер тоже уселся и хлопнул по плечу сидевшего рядом виконта Иверо.

— Аларм отменяется, приятель. Продолжим-ка наше состязание.

Порядком кося глазами, Рикард внимательно посмотрел на Эрнана и в растерянности захлопал ресницами, по-видимому, не соображая, о чем идет речь, но потом все же неуверенно кивнул.

— Вот и ладошки, — сказал Шатофьер и поднял очередной кубок вина.

Между тем Изабелла подошла к Филиппу и взяла его за руку.

— Кузен, вы не откажете мне в одной маленькой услуге?

— Всегда рад вам служить, моя принцесса.

— В таком случае, побудьте моим кавалером до конца этого вечера. Сегодня мой муж не в состоянии позаботиться обо мне.

— Почту за честь, кузина, — вежливо поклонился Филипп.

Граф де Пуатье недовольно заерзал в своем кресле, однако возражать не стал, лишь потребовал себе еще вина.

Филипп и Изабелла отошли в противоположный конец зала, подальше от обеих компаний, и устроились в мягких креслах, немного повернутых друг к другу. На какое-то мгновение

их колени соприкоснулись, и Изабелла с такой поспешностью отдернула ногу, будто до боли обожглась. Ее щеки вспыхнули ярким румянцем, и Филипп с некоторым самодовольством отметил, что смутилась она вовсе не из страха оказаться в неловком положении — ведь их ноги надежно укрывал от посторонних глаз стоявший перед ними невысокий столик.

— Кузина,— первым заговорил он.— Примите мою искреннюю признательность за ту услугу, которую вы мне оказали... Да и не только мне — всем остальным тоже.

— Я сделала то, что сочла нужным сделать,— просто ответила Изабелла.— Не больше, но и не меньше.

— И все же позвольте мне считать себя вашим должником.

Она кротко улыбнулась, а в ее глазах зажглись лукавые искорки.

— Вы не очень обидитесь, если я не позволю?

— Но почему? — удивился Филипп.

— Честно говоря, я боюсь быть вашим кредитором, дорогой кузен. Насколько мне известно, у вас довольно своеобразное понимание долга перед дамой, к тому же вы, как и Господь Бог, привыкли воздавать сторицей. Поэтому я сразу списываю ваш долг и сжигаю все ваши векселя.

Филипп тихо рассмеялся.

«По-моему, я влюбляюсь,— решил для себя он, желая отомстить Бланке за ее неуступчивость.— Какое очаровательное дитя!.. Гм, дитя то дитя, да почти на три года старше меня».

Он нежно поцеловал ее руку и в то же мгновение почувствовал на себе хмурый взгляд своего тезки, графа де Пуатье.

— Ну вот,— сокрушенно констатировала Изабелла.— Так у нас с мужем всегда: когда он смеется — я невеселая, мне весело — он бычится.

— Искренне вам сочувствую. Боюсь, вы ставите себя под удар, продолжая оставаться в моем обществе.

Изабелла мило тряхнула своей белокурой головкой.

— Ваши опасения напрасны, кузен. Я уже поставила себя под удар, когда вмешалась в вашу ссору с кузенами Тибальдом и Педро. Дальше хуже не будет. Теперь не имеет принци-

пиального значения, сколько времени я проведу с вами наедине — четверть часа или четыре часа.

— Или всю ночь? — вкрадчиво поинтересовался Филипп.

— Или всю ночь, — повторила она с утвердительной интонацией. — Это ничего не изменит. Все равно завтра меня ожидает бурная сцена ревности.

— Гм... И на каком основании?

— Да ни на каком. Просто чуть ли не с самого первого дня нашего пребывания в Памплоне мой муж вбил себе в голову, что мы с вами тайком, как он выражается, крутим шуры-муры.

— Стало быть, у нас роман? А я не знал.

— Зато мой муж в этом уверен. А после того, как в этой ссоре я приняла вашу сторону, его уверенность наверняка переросла в убеждение.

— Ну, коли так, — произнес Филипп, устремив на нее нежный взгляд, — то что мешает нам подтвердить его убеждение? Ведь, как вы сами сказали, хуже все равно не будет.

Щеки Изабеллы вновь порозовели. Она потупила глаза и в замешательстве принялась перебирать тонкими пальцами оборки своего платья.

— Это следует понимать так, что вы меня соблазняете?

— Помилуй Бог, кузина, вовсе нет! Это вы меня соблазняете.

— Я?!

— Ну да. Ведь наш разговор вели вы, а я лишь пассивно поддерживал его. И именно вы спровоцировали меня на это предложение.

Изабелла еще больше смутилась.

— Поверьте, кузен, я ни о чем таком и не думала.

Филипп внимательно посмотрел ей в глаза:

— Вижу, вы не лукавите.

— Я же говорю, что вы ошибаетесь.

— Э нет, кузина, все не так просто. Может, сознательно вы не собирались провоцировать меня, но где-то в глубине души вам очень хотелось, чтобы я предложил вам свою любовь.

— Любовь? — произнесла вконец обескураженная Изабелла. — А вам не кажется, что вы слишком вольно трактуете это слово? Любовью нельзя разбрасываться направо и налево. Но вы, похоже, говорите о любви всем женщинам, которых хотите соблазнить.

— Вы рассуждаете точно так же, как Бланка, — с недовольным вздохом заметил Филипп.

Изабелла усмехнулась:

— То-то я и гляжу, что слишком уж близко к сердцу вы приняли пошлые остроты Маргариты и Фернандо. У меня сразу возникло подозрение, что вы ушли от кухни Бланки не солоно хлебавши, и потому были так взвинчены.

Теперь пришла очередь краснеть Филиппу. Однако он быстро совладал с собой и отпарировал:

— Если вы так проникательны, принцесса, то, может, скажете, почему кузен Эрик Датский смотрит на меня с таким видом, будто я сейчас отбиваю у него невесту. Кажется, он безнадежно влюблен в одну известную нам обоим даму, которая явно не спешит отвечать ему взаимностью.

— Но ведь она замужем, — возразила Изабелла, впрочем, без особой убежденности.

— Ну и что? Это же не мешает ей заигрывать с Гамильтоном.

Изабелла недоуменно взглянула на него:

— О чем вы говорите, кузен?

Ее изумление было таким неподдельным, что Филипп растерялся.

— Неужели я ошибся? Почему-то я был уверен, что это по вашей просьбе кузен Эрик выхлопотал для барона приглашение в Кастель-Бланко.

— Да, по моей. Об этой услуге меня попросила кухня Иве-ро. Сейчас она не в ладах с Маргаритой, недавно они крепко поссорились...

— Я знаю. Из-за ее брата.

— Вот именно. Поэтому Елена не хотела сама обращаться к Маргарите и попросила меня. Ну а я переадресовала эту

просьбу кузену Эрику, который хорошо знает Гамильтона по балканской кампании.

— Понятно,— сказал Филипп, а после короткой паузы добавил: — И все же странно. Мне казалось, что кузина Елена все-рез увлечена Гастоном д'Альбре.

Изабелла пренебрежительно фыркнула:

— Да бросьте вы, в самом деле! Если Елена кем и увлечена, так это своим братом. А что касается Гастона д'Альбре, то разве можно принимать его всерьез, когда он сам несерьезный? Вы уж простите за прямоту, но у меня сложилось весьма неприглядное мнение о вашем друге. Он груб, до крайности пошл, настырен, к тому же похотлив, как мартовский кот.

— В самую точку,— улыбнулся Филипп.— Таков наш Гастон. Быстро же вы его раскусили!

— Кстати,— сказала Изабелла, косясь в сторону.— Еще об одном вашем друге. Кажется, господин де Шатофьер победил.

С некоторым усилием Филипп оторвал взгляд от глубокого выреза ее платья и посмотрел в том же направлении. Последний из выпивох — противников Эрнана только что отключился, и теперь Шатофьер принимал поздравления от компании Маргариты. Он стоял, выпятив грудь, и, чуть пошатываясь, держался за спинку кресла.

— Черти полосатые! Да ведь он пьян!

— Разумеется! Как же ему быть трезвым после такой захватской попойки?

— Э нет, моя принцесса. Вы просто не знаете Шатофьера. Ни с того ни с сего он никогда не пьянеет. И если он пьян, значит, имеет на то основания.

Тем временем Эрнан взял в обе руки два наполненных вином кубка и неуверенной поступью двинулся через зал к Филиппу.

— Великолепный и грозный сеньор Эрнан де Шатофьер, граф Капсирский,— заорал он, довольно удачно подражая главному герольду турнира,— вызывает на поединок великолепного и грозного сеньора Филиппа Аквитанского, принца Беарнского, верховного сюзерена Мальорки и Минорки... э-э... графа Кантабрии и Андор-р-ры! — Это последнее раскатистое

«р-р-р» было произнесено так звучно и с таким смаком, что все присутствующие в зале, кто еще оставался при своей памяти, дружно захохотали.

— Неужели он играет? — с сомнением произнесла Изабелла. — Уж больно естественно у него все получается.

— Я думаю, — предположил Филипп, — что при необходимости он просто позволяет хмелю ударить себе в голову. Но сколько бы он ни выпил, ни капли здравомыслия не теряет.

Подойдя к ним, Эрнан поставил оба кубка на стол и бухнулся в соседнее кресло.

— Ну что, государь, посоревнуемся?

— Не возражаю, — ответил Филипп, внезапно почувствовав настоятельную потребность дозаправиться. Он взял в руки один из принесенных Эрнаном кубков, сделал приличный глоток и спросил: — Что стряслось, дружище? Почему ты пьян?

Шатофьер бросил быстрый взгляд на Изабеллу и, сохраняя пьяное выражение лица, но совершенно трезвым голосом заговорил:

— Слушай меня внимательно, Филипп... И пей, пей, не смотри на меня так... И вы, сударыня, тоже — сделайте вид, что я несу пьяный вздор... Так вот, сейчас я отключусь, а ты через час-полтора возвращайся к себе. Нам надо потолковать. Понял?

— Да. Но что...

— Об этом позже. Одно скажу: дело серьезное... Гм, ладно. Только что мне стало известно, что твой брат Робер плетет против тебя заговор. Но не тревожься понапрасну — я держу ситуацию под контролем... И еще раз повторяю: через час, максимум через полтора часа я жду тебя в твоих покоях. — Он снова взглянул на Изабеллу. — Ну, хорошо. Крайний срок — два пополночи. Если в четверть третьего тебя не будет, я тебе голову оторву. Уразумел?

— Да.

— А вас, сударыня, — обратился он к арагонской принцессе, — убедительно прошу держать все услышанное вами в тайне.

— Безусловно, граф,— кивнула она.

— Вот и ладушки! — Эрнан одним духом осушил свой кубок и пьяно завопил: — Где вино, черт возьми? Куда делись слуги? Эй вы, свиньи ленивые, несите еще вина.

С этими словами он запустил пустой кубок в ближайшего лакея, грузно откинулся на спинку кресла, умиротворенно закрыл глаза, а спустя пару секунд раздался могучий храп, который вызвал новый приступ гомерического хохота в окружении Маргариты.

— Отнесите господина графа в его покои,— велел Филипп двум подошедшим лакеям.— Нет-нет, возьмите третьего — вдвоем вы его уроните... А еще лучше, если вас будет четверо.

Когда четыре лакея вынесли Шатофьера из банкетного зала и смех пирующих поутих, Изабелла спросила у Филиппа:

— Он что, вправду заснул?

— Похоже на то. Но через полчаса он проснется и будет свеженький, как огурчик.

— Однако странный у вас друг!

— До странности странный,— согласился Филипп.— И жутко охоч до драматических эффектов.

— Да, кстати,— произнесла Изабелла.— Ваш брат Робер действительно интригует против вас?

— О нет, для этого он слишком прост и прямолинеен. По сравнению с ним даже Симон де Бигор может показаться гигантом мысли.

— Но ведь господин де Шатофьер...

— Он не доверяет женщинам, их способности молчать, поэтому решил пустить вас по ложному следу.

— Понятно. А вы, стало быть, доверяете женщинам?

— Не всем. Но вам — да.

— Спасибо. Я постараюсь оправдать ваше доверие,— сказала Изабелла и поднялась с кресла.

Следом за ней вскочил и Филипп.

— Вы уже покидаете меня?

— Мне пора уходить. Я не привыкла засиживаться так допоздна. Благодарю вас за приятную беседу, кузен...— Она

умолкла в нерешительности; на щеках ее заиграл слабый румянец смущения. Наконец она собралась с духом и робко добавила: — Окажите мне еще одну любезность, проводите меня до моих покоев.

Филипп одарил ее лучезарной улыбкой:

— С превеликим удовольствием, кузина.

К этому времени граф де Пуатье уже перестал что-либо соображать, кроме того, что в правой руке у него вместительный кубок, а в кубке — вино, которое надо пить. Изабелла даже не стала прощаться с ним. Ей было хорошо знакомо это агрессивное беспамятство, в которое впадал наследник французского престола, когда напивался в стельку. В таком состоянии он никого, кроме своей кормилицы, не узнавал, а всех прочих, кто пытался заговорить с ним, в том числе и родителей, посылал в очень неприличные и весьма отдаленные места.

Когда Филипп и Изабелла выходили из зала, за их спиной послышался едкий комментарий Маргариты:

— Приношу свои извинения, кузен Фернандо. Ведь поначалу я грешным делом подумала, что вы малость присочинили насчет нескольких свиданий в одну ночь...

Филипп ухмыльнулся. Он уже забыл о своей перебранке с Маргаритой. Будучи вообще злопамятным, Филипп, однако, не мог подолгу держать зла на хорошеньких женщин.

— Боюсь, принцесса, — произнес он, — что граф, муж ваш, сегодня вряд ли способен посетить супружеское ложе.

Изабелла сделала вид, что не поняла его тонкого намека, а сопровождавший их паж украдкой захихикал.

Глава XLIV

*В которой Филипп доказывает,
что не привык долго оставаться в долгу*

По пути в восточную башню они не разговаривали. Изабелла искоса поглядывала на Филиппа и то и дело заливалась краской. Во всем ее облике, в каждом ее движении чувство-

валось необычайное напряжение, будто она решала про себя какую-то мучительную дилемму.

Возле дверей ее покоев Филипп взял Изабеллу за обе руки и спросил:

— Так вы точно сожгли мои долговые расписки или только припрятали?

В ответ она смерила его томным взглядом и тихо, но с пылом, произнесла:

— Анна даже не представляет, как ей повезло с мужем. Надеюсь, когда-нибудь она поймет это и думать забудет про девчонок.

Изабелла рывком прижалась к Филиппу и жадно поцеловала его в губы. Но не успел он опомниться и заключить ее в объятия, как она быстро отстранилась от него, даже чуть оттолкнула, и скрылась за дверью.

Несколько секунд Филипп стоял, не двигаясь с места, и растерянно таращился на дверь. Затем он посмотрел на ухмылявшегося пажа, затем снова на дверь, наконец пробормотал: «Черти полосатые!» — и ворвался внутрь.

В два прыжка он пересек маленькую переднюю и вихрем влетел в прихожую, едва не столкнувшись с Изабеллой. Лицо ее было бледное, как мрамор; она прижимала руки к груди и прерывисто дышала. В полумраке комнаты, освещенной лишь одной свечой, ее изумрудные глаза сияли, как две яркие звезды.

«У меня еще никогда не было зеленоглазых женщин», — почему-то подумал Филипп.

Тут он увидел стоявшую в стороне горничную и прикрикнул на нее:

— Пошла вон!

Девушка растерянно заморгала и не сдвинулась с места. Филипп схватил ее за плечи и вытолкал в переднюю. Захлопнув за ней дверь, он сразу же бросился к Изабелле.

Они целовались наперегонки. Едва переведя дыхание, они снова и снова осыпали друг друга жаркими поцелуями... Но вдруг Изабелла положила свою белокурую голову ему на плечо и тихо заплакала.

Филипп растерялся. Женский плач выбивал его из равновесия, и всякий раз невесть почему на глаза ему тоже наворачивались слезы. Он усадил Изабеллу в ближайшее кресло, сам опустился перед ней на колени и сжал ее руки в своих.

— Не плачь, милая,— взмолился он.— Прошу тебя, не плачь. Если ты не хочешь, я не стану принуждать тебя.

— О нет, нет! Ты был прав. Я хочу, чтобы ты остался со мной.

— Но почему ты плачешь?

— Это я так... от счастья. Я уже оставила надежду когда-нибудь свидеться с тобой... Но вот, благодаря Маргарите, мы снова вместе, и ты опять целуешь меня... как и тогда...

— Ты все еще помнишь об этом?— спросил Филипп, нежными прикосновениями губ собирая с ее щек слезы.

— Да, помню. Все до последней мелочи помню.— В глазах Изабеллы заплясали изумрудные огоньки.— Я никогда не забуду ту неделю, которую ты провел у нас в Сарагосе.

— Я тоже не забуду...

— Особенно тот последний вечер, когда ты явился ко мне в спальню якобы для того, чтобы попрощаться со мной. И тогда мы чуть не переспали.

Филипп улыбнулся — мечтательно и с некоторым смущением.

— «Чуть» не считается, Изабелла.— Он крепче обнял ее и прижался лицом к ее груди.— Тогда мы здорово испугались.

— Как? Ты тоже?

— Еще бы! У меня аж поджилки тряслись.

— А мне сказал, что не хочешь лишать меня невинности вне брака.

— Надо же было как-то оправдать свое отступление. Да и скрыть испуг. Вот я и сказал, что первое пришло в голову.

— Подумать только!— томно произнесла Изабелла, запустив пальцы в его золотистую шевелюру.— У тебя — и поджилки тряслись!

— Тогда я был ребенком,— пробормотал Филипп, изнывая от блаженства; ему было невыразимо приятно, когда женщины трепали его волосы.— Я был невинным, неиспорченным

ребенком. Лишь через два месяца мне исполнилось тринадцать лет.

— А мне уже шел шестнадцатый.

— То-то и оно. Я остро чувствовал нашу разницу в возрасте, этим и объяснялась моя робость перед тобой. В моих глазах ты была взрослой барышней, и я боялся, что сделаю что-то не так, а ты будешь насмехаться.

— Я бы не насмехалась, Филипп. Потому что уже тогда была влюблена в тебя и очень жалела, что ты младше меня. Я считала твой возраст серьезным препятствием, но отец сказал, что это не беда, что со временем эта разница сгладится. В конце концов, моя бабушка, королева Хуана, была на целых пять лет старше моего деда Корнелия Юлия — и ничего, жили в любви и согласии. Отец был уверен, что из нас получится замечательная пара.

— А я полагал, что это была твоя идея.

— Это была наша общая идея. Когда я сказала отцу, что хочу стать твоей женой, то думала, что он лишь посмеется надо мной. Но он отнесся к этому очень серьезно. В письме к твоему отцу, предлагая обручить нас, он пообещал сделать меня наследницей престола, если твой отец, в свою очередь, завещает тебе Гасконь. Он пола...

— Да что ты говоришь?! — перебил ее пораженный услышанным Филипп. — Неужели так было?

— А ты не знал?

— Нет. Тогда отец вообще со мной не разговаривал, а потом, когда мы помирились... Думаю, он просто побоялся признаться мне в этом. Побоялся моего осуждения... Черт возьми! — Филипп досадливо закусил губу. — А как же твой брат? — после секундного молчания спросил он.

— Педро не будет королем. Это было ясно уже тогда и тем более ясно теперь.

— Твой отец намерен лишить его наследства?

Изабелла грустно вздохнула:

— Ты же знаешь, каков мой брат. Тряпкой он был, тряпкой и остался. Навряд ли он долго удержится на престоле и, надо отдать ему должное, прекрасно понимает это. Педро сам

не хочет быть королем. Он панически боится власти и вполне довольствуется своим графством Теруельским. Отец дал ему последний шанс — жениться на кузине Маргарите...

— Это безнадежно, уж поверь мне.

— Я знаю. И скажу тебе по секрету, что сегодня ты поцапался с будущим королем Арагона.

— С Фернандо?! О Боже!..

— Только никому ни слова,— предупредила Изабелла.— Об этом не знает даже Мария. Для пущей верности отец решил дожидаться, когда Маргарита со всей определенностью назовет имя своего избранника, и лишь тогда он объявит Марию наследницей престола.

— Но Фернандо! — воскликнул Филипп.— Он же отдаст Арагон на растерзание своим друзьям-иезуитам.

— Не беспокойся. Мой отец еще не стар и рассчитывает дожить до того времени, когда с иезуитами будет покончено.

— А если...

— Все равно не беспокойся. Мария властная женщина, пожалуй, еще властнее Маргариты, и не позволит Фернандо совать свой нос в государственные дела.

— Однако она любит его. При всем его скверном характере и дурных наклонностях, Мария просто без ума от него. А любящая женщина зачастую становится рабой любимого ею мужчины.

— Так таки и без ума? — криво усмехнулась Изабелла.— Ее безумная страсть к Фернандо нисколько не помешала ей переспать с тобой — и не единожды, кстати. Мария сама призналась мне в этом.

— Ну и что? С ее стороны это была лишь дань моде.

— Не скажи! Из ее слов я поняла, что представься ей снова такой случай, она без колебаний изменила бы своему безумно любимому мужу с тобой. И между прочим, Мария сама не уверена, от кого у нее дочка — от тебя или от Фернандо.

— Я тоже не уверен,— с горечью произнес Филипп.— Как бы мне хотелось знать наверняка... Ах! — спохватился он.— Но почему твой отец не посвятил меня в свои планы? Ведь через год я становился совершеннолетним, и мы могли бы поже-

ниться даже вопреки воле моего отца... Черт! Тогда бы он поломался немного, но в конце концов признал бы меня наследником без этой семилетней волокиты. И сейчас мы бы уже владели всей Галлией и потихоньку прибирали бы к рукам Францию и Бургундию... Как глупо все получилось!

Изабелла опять вздохнула:

— Да, отец сглупил. Он дожидался твоего совершеннолетия, не предпринимая никаких шагов, все ждал, увенчается ли успехом заговор молодых гасконских вельмож, а когда стало известно о твоей женитьбе, об этом мезальянсе...

— Тогда я просто потерял голову от любви, — быстро перебил ее Филипп. — Я проявил обыкновенную человеческую слабость, поддался чувству — что недопустимо в нашем положении. А сопротивление отца и друзей лишь укрепило меня в намерении жениться. Другое дело, будь мы с тобой помолвлены, пусть даже тайно — тогда бы все сложилось иначе.

— Да, — с грустью согласилась Изабелла. — Тогда бы все сложилось иначе. Особенно для меня... Узнав о твоей женитьбе, отец ужасно разозлился — и больше на себя и на меня, чем на тебя. Он упрекал себя за излишнюю осторожность и благодушие, а меня — за то, что я, взрослая девушка, не смогла соблазнить такого сопливого юнца, как ты. — Она нервно хихикнула. — Вот так-то. Поначалу отец собирался потребовать от Святого Престола, чтобы твой брак был признан недействительным, затем передумал, плюнул на все и выдал меня замуж. — Снова вздох. — Он предложил мне на выбор две кандидатуры — кузена Фернандо и этого... брр! — Она содрогнулась.

— И ты выбрала Филиппа Французского? Но почему его, а не Фернандо? Потому что он наследник престола?

— Нет, не потому. Я поступила так из-за тебя. Ведь женившись, ты уехал в Кастилию — а я не желала больше встречаться с тобой. Тогда я возненавидела тебя, я готова была тебя задушить... Если бы только я знала...

Филипп запечатал ее рот поцелуем. Он уже раз слышал подобные откровения от Амелины и не хотел услышать их вновь от другой женщины.

— Прошлого не вернешь, дорогая. Хватит горьких воспо-

минаний, давай займемся настоящим. Пойдем в спальню, у нас очень мало времени.

Изабеллу прошибла мелкая дрожь.

— Филипп... милый...

— Ты не хочешь? — удивленно спросил он. — Уже передумала?

Она напряглась и побледнела.

— Нет-нет! Я... хочу, но... Только не надо спешить. У нас еще полтора часа... даже больше... Прошу тебя, не спеши. Пожалуйста...

Филипп нежно прикоснулся ладонями к ее бледным щекам.

— Ты так боишься прелюбодеяния?

— Нет... нет... Я... я боюсь...

— Ты боишься вообще заниматься любовью?

Изабелла всхлипнула — раз, второй, третий...

— Да разве я когда-нибудь занималась любовью?! — истерически выкрикнула она и разразилась громкими рыданиями.

Филипп не пытался утешить ее. Он понял, в чем дело, и решил, что сейчас самое лучшее — дать ей выплакаться вволю.

Наконец Изабелла успокоилась и, то и дело шмыгая носом, заговорила:

— Мой муж — грязное, отвратительное, похотливое животное. Меня тошнит от одного его вида. Он... он... Каждый раз он насилует меня. Он настоящий изувер! Он делает мне больно... — Она прижала голову Филиппа к своей груди. — Боже, как мне больно! В первую ночь, когда я увидела его... это... его раздетого — я упала в обморок... а он... он пьяный набросился на меня и... — Ее затрясло от нового приступа рыданий.

Из глаз Филиппа тоже потекли слезы.

— Потерпи, милая, — захлебываясь, говорил он. — Потерпи немного. В следующем году я стану соправителем Галлии, и тогда объявлю Франции войну. Пора уже кончать с существованием нескольких государств на исконно галльских землях — я соберу их воедино и возрожу Великую Галлию, ка-

кой она была при Хлодвиге. Я освобожу тебя от этого чудовища, любимая, а его самого упеку в монастырь.

Изабелла мигом утихла.

— Любимая? Ты сказал: любимая?

— Да, я люблю тебя,— пылко ответил он.— Очень люблю.

— А как же тогда Бланка? А твоя кузина Амелия? А Диана Орсини?

Филипп вздохнул:

— Вы мне все дороги, Изабелла. Я всех вас люблю, даже не знаю, кого больше.— Он положил голову ей на колени.— Я закоренелый грешник и ничего не могу поделать с собой. Надеюсь, Господь простит меня. Ведь Он все видит и все понимает. Он знает, что я всей душой люблю каждую женщину, которой обладаю. Жаль, что сами женщины не хотят этого понять меня.

— Я понимаю тебя, милый,— ласково сказала Изабелла.— У тебя так много любви, что ее хватает на многих, и ни одна женщина недостойна того, чтобы ты излил на нее всю свою любовь. Ты еще не встретил такую... и, может, не встретишь никогда... Но мне все равно, я на тебя не в обиде. Не пристало мне, замужней женщине, пусть и ненавидящей своего мужа, требовать, чтобы ты любил только меня. Я удовольствуюсь той частичкой твоей любви, которая приходится на мою долю.

— О, как я тебя обожаю!— восхищенно произнес Филипп, поднимая голову.

Они долго и страстно целовались, а потом он подарил ей ту частицу своей любви и нежности, которая приходилась на ее долю...

Глава XLV

Ночное совещание

В прихожей его покоев было темно и пусто. Филипп прошел в соседнюю комнату, откуда слышалась унылая болтовня.

Там его ожидали д'Альбре и Бигор. Симон выглядел сонным, а Гастон злым.

— Почти все наши в сборе, — констатировал Филипп. — Но где же Эрнан?

— В мыльне. Гоше обливает его холодной водой, — проворчал в ответ Гастон.

Филипп прислушался — из мыльни доносился плеск воды и довольное рычание баритоном.

— У него отходняк, — хмуро добавил Симон.

Филипп снял с себя камзол, сел в кресло напротив друзей и спросил:

— Вы здесь по его милости?

— А по чьей же еще? — лениво проронил Гастон. — Чертов монах!

— Ты был у Елены Иверо? — сочувственно осведомился Филипп.

— У нее самой.

— Теперь ясно, почему у тебя такой кислый вид. Стало быть, Эрнан чувствительно помешал твоим забавам?

— Ну да. Этот евнух с гениталиями, считай, вытащил меня из постели.

С присущим ему грубоватым изяществом Гастон назвал постелью кресло, стоявшее в двух шагах от дивана, где располагалась Елена. Ему стыдно было признаться друзьям, что за три недели, проведенных в Памплоне, он ни разу не переспал с ней — как, впрочем, и ни с какой другой женщиной.

— А ты, Симон? Где ты был?

— Я?.. Я ничего... — Глаза его забежали. — Я просто...

— Он просто беседовал с графиней де Монтальбан, — прокомментировал Гастон. — Граф, ее муж, оказался слишком стар, чтобы быть приглашенным в Кастель-Бланко, и графиня скучала без него. Вот Симон и решил чуток поразвлечь ее. Ты же знаешь, какой он интересный и остроумный собеседник.

Филипп с серьезной миной кивнул, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Да, знаю. Ведь это общеизвестно.

— А ты что делал? — спросил у него д'Альбре. — Ну-ка, ну-ка! — он взял Филиппа за грудку, притянул его к себе и обнюхал всклокоченные волосы; затем толкнул его обратно в кресло. — Ну, и как она?

Филипп покраснел.

— Кто?

— Изабелла Арагонская.

— С чего ты вдруг...

— Да полно тебе! — отмахнулся Гастон. — Не изображай оскорбленную невинность. Только что ты валялся в постели с кузиной Арагонской, я это по запаху учуял.

— Ах, по запаху? Подумать только! Наша борзая взяла след.

— Твой сарказм неуместен, дружище. Нюх у меня действительно тонкий — пусть и не столь тонкий, как у борзой, однако я явственно чувствую аппетитный запах Изабеллы. Давеча я пытался приударить за этой недотрогой...

— И получил от ворот поворот, — злорадно вставил Симон.

— Всяко бывает, — невозмутимо ответил Гастон. — Когда тебя отвергает чужая жена или незамужняя девица, это всего лишь неудача, в этом нет ничего позорного. А вот один наш общий знакомый (из деликатности я не стану называть его по имени), так его порой отшивает собственная жена.

Симон понурился, а Филипп захихикал.

— Итак, — продолжал Гастон, — Франция получила от тебя уже вторую пощечину. Сначала ты отвоевал Байонну, а теперь оттрахал жену наследника...

— А ну, заткнись! — внезапно вскипел Филипп, глаза его гневно засверкали. — Если я еще раз услышу от тебя это слово применительно к женщинам, которых я лю... которые мне нравятся, — то пеняй на себя и не говори, что я не предупреждал.

Гастон обреченно вздохнул:

— В таком случае мне придется вообще позабыть это слово. Ведь ты лю... то есть, тебе нравятся все без исключения женщины, которых можно без отвращения тра... пардон, за-

ниматься с ними любовью в более или менее трезвом состоянии.

— Фу! — произнес Филипп, безглаголиво поморщившись. — Какой ты пошляк!

— Что правда, то правда, — слышался с противоположного конца комнаты голос Эрнана. Раскрасневшийся от холодного купания и укутанный в широкую белую простыню, он стоял у двери, ведущей в мыльню. — Филипп прав: как только в жизни появляется что-нибудь светлое и прекрасное, тут же приходит Гастон и все испошляет.

Д'Альбре демонстративно фыркнул:

— Чья бы корова мычала! Кому-кому, но не тебе, монаху чертову, разглагольствовать про светлое и прекрасное.

— Но и не тебе, жеребцу похотливому, — отпарировал Эрнан, вразвалку приближаясь к друзьям. — А ты, Филипп, хорошо устроился, как я погляжу. Такие шикарные покои, не то что у меня. Мне, к твоему сведению, приходится ютиться в одной жалкой комнатушке... Ну, не так, чтобы слишком жалкой, но все же это несправедливо.

— Вот когда станешь гроссмейстером тамплиеров, — заметил Гастон, — тогда и тебя будут принимать наравне с королями. Думаешь, мои апартаменты намного лучше?

— У тебя две комнаты. Меньшие, чем моя, но все-таки их две. И сени попросторнее. — Эрнан вздохнул и плюхнулся в свободное кресло. — Что ни говори, а граф графу рознь.

— Подчас и виконт графу рознь. — Гастон завистливо покосился на Симона. — Нашего друга поселили вместе с принцами, предоставили ему аж три большие комнаты, не считая передней и мыльни. Небось, Маргарита уже положила на него глаз. Будем надеяться, что вскоре он отквитает Амелине еще пару ветвей на своих рогах...

Тут Филипп не выдержал.

— Хватит! Прекратите это словоблудие!

В этот же момент из мыльни вышел слуга и почтительно осведомился:

— Вашим светлостям еще что-то надо?

— Нет, Гоше, ничего,— ответил Филипп,— ты свободен, ступай.— А когда слуга с поклоном удалился, он повернулся к Шатофьеру: — Ну, давай, дружище. Что стряслось? Только по существу, без околичностей.

Лицо Эрнана приобрело серьезное выражение.

— Буду говорить по существу, но околичностей нам не избежать.

— Ладно, валяй свои околичности. Но покороче, не испытывай моего терпения.

— Договорились,— удовлетворенно кивнул Эрнан.— Теперь ответь мне на такой вопрос, Филипп: как, по-твоему, охраняется Кастель-Бланко?

— Надежно. Как внутри, так и снаружи.

— Что ж, согласен. А эта башня?

— Как государственная тюрьма. В конце концов, здесь находятся апартаменты принцев королевской крови. Так же строго охраняется и северная башня, где разместились принцессы.

Шатофьер хмыкнул.

— Тогда выйди из своих покоев, чтобы провести смотр охраны.

— Ах, вот ты о чем! — усмехнулся Филипп.— В самом деле, ни в переходах, ни в галерее ты не встретишь ни одного стражника. Но все подходы на верхние уровни северной и восточной башен охраняются так, что и муха не пролетит без тщательного досмотра. И между прочим. Сам выйди в коридор и выкрикни что-нибудь вроде «ой-ой-ой!» — так сразу же к тебе сбежится дюжина стражников. Нет, дружище, все твои опасения напрасны. Охрана здесь невидима, но лишь до тех пор, пока в ней не нуждаются; а так она вполне надежна. А что касается отсутствия часовых в переходах и галерее...

— То это очень удобно,— продолжил его мысль Гастон.— Хоть сейчас наш Филипп может снова пойти к принцессе Изабелле, и если он будет осторожен, то никто никогда не узнает, где он был и сколько времени там провел... Гм, разве что по запаху — ведь она так аппетитно пахнет!

Эрнан прокашлялся, призывая к вниманию.

— Но в этом, кажущемся безобидным, удобстве есть не только светлая, романтическая, но и темная, зловещая сторона.

— Вот как! — насторожился Филипп. Хмурый вид Эрнана не предвещал ничего хорошего. — Выкладывай, что у тебя на уме!

Гастон и Симон подались вперед; глаза их лихорадочно заблестели.

— Прежде всего, — начал Эрнан, — немного пофантазируем... Нет-нет, чуток, самую малость. Так вот, на двух верхних уровнях северной башни обитает восемь дам, и все они принцессы крови — Маргарита и Жоанна Наваррские, Бланка Кастильская, Елена Иверо, Мария и Изабелла Арагонские, Адель де Монтальбан и, наконец, королева Кастилии Констанца Орсини. Есть, правда, еще брачные покои с Габриелем и Матильдой — но эта парочка не в счет. Если они и замышляют кого-то убить, так это друг дружку... Гм-м, далее. В нашей башне, на тех же уровнях, поселились семь принцев крови плюс один Симон де Бигор. Кроме основного коридора внизу, эти две башни соединены также верхним коридором галереи, и вот по этому коридору... Представим себе такую возможность — только не принимай это всерьез, Симон, я беру тебя к примеру, — итак, предположим, что наш Симон заимел зуб на какую-нибудь из восьми вышеупомянутых дам, скажем... скажем, на Марию Арагонскую.

Щеки Симона вспыхнули.

— Гнусная ложь! — пробормотал он, виновато пряча глаза. Филипп и Гастон вопросительно уставились на Эрнана.

— Что такое?

— Ничего особенного. Это наш с Симоном секрет, и я не намерен выдавать его... В том случае, конечно, — веско добавил Шатофьер, — если он будет хорошо вести себя... Значит, продолжим. По некоторым причинам Симон заимел зуб на Марию Арагонскую, и вот, темной ночью, когда все легли спать, он берет кнжал, никем не замеченный переходит по галерее на женскую половину, тихо стучит в дверь госпожи Ма-

рии...— Тут Эрнан умолк и покачал головой с таким видом, будто только сейчас обнаружил в своих рассуждениях изъян.

— Ну! — подстегнул его Филипп. — Что дальше?

— Дальше ничего. Я выбрал неудачный пример. Ни Мария Арагонская, ни ее горничная не впустят Симона внутрь, а скорее всего поднимут гвалт и вызовут стражу.

— Однако мысль твою я уловил. Кто-нибудь из нас, принцев, проявив некоторую осторожность, может явиться среди ночи к какой-нибудь из принцесс, ловко перерезать ей горло, затем прикончить горничную, как единственного свидетеля, и спокойно вернуться к себе... Ч-черт! Но это же вздор!

— Никакой это не вздор, — авторитетно заявил Эрнан. — Именно так собирается поступить Рикард Иверо с принцессой Маргаритой.

— О Боже! — испуганно взвизгнул Симон.

— Когда? — спросил практичный Гастон.

— Черти полосатые! — сказал Филипп. — Ты серьезно?

— Серьезнее быть не может. Ты помнишь наш первый разговор о лурдском лесничем?

— Да, — ответил Филипп, выстрелив взглядом в Симона. — Дело, кажется, было на ристалище...

— Вот-вот, на ристалище. В твоём шатре. А когда вы оба уехали, я там уснул, и виделся мне сон...

Разумеется, Эрнан поведал друзьям не о коварных сарацинах из своего сна. Он рассказал о не менее коварных христианах, которые имели обыкновение обсуждать свои преступные планы на арабском языке.

Филипп, Гастон и Симон слушали его, не перебивая. Когда Эрнан закончил, в комнате воцарилась гробовая тишина — все трое, каждый в меру своих умственных способностей, переваривали полученную информацию.

— Матерь Божья! — наконец выдавил из себя Филипп. — Граф Бискайский, виконт Иверо!.. Кто бы мог подумать!

— То-то и оно! Никто бы на них не подумал. Графа здесь нет. Он вдохновитель и организатор покушения, и остался в Памплоне, чтобы никто не заподозрил его в причастности к убийству...

— Не совсем так. Маргарита вообще не приглашала его в Кастель-Бланко.

— Это несущественно. Главное, что граф будет вне подозрений. Что же касается Рикарда Иверо, то он втихую сделает свое дело и будет таков. А всю вину свалит на другого.

— Как? — спросил Гастон.

— Этого я не знаю. Возможно, он собирается обронить на месте преступления чужую вещицу. Или, к примеру, оставить там же окровавленный кинжал предполагаемого козла отпущения. Есть много разных способов.

— И я, кажется, догадываюсь, — сказал Филипп, — кому отводится роль козла отпущения. Это Ричард Гамильтон. Он приглашен сюда по просьбе Эрика Датского, но на самом деле инициатива исходила от Елены Иверо. Возможно, ее попросил об этом брат.

Эрнан хмыкнул:

— Вероятно, ты прав. Когда я узнал, что Гамильтон едет с нами, то сразу на него подумал.

— Но почему? — отозвался Симон. — Зачем они хотят убить Маргариту?

Гастон громко застонал.

— О Господи! Неужели тебе не ясно, что после смерти Маргариты наследником престола станет граф Бискайский?

— Ну... Это мне ясно. Вправду ясно, Гастон, и не смотри на меня такими глазами. Я ведь имел в виду виконта Иверо. Ему-то зачем убивать Маргариту? Он же любит ее.

— От любви до ненависти один шаг, — ответил Эрнан. — Виконт не просто любит ее, он любит ее безумно и, видно, совсем выжил из ума, когда она отвергла его. Он истратил на подарки ей целое состояние, по уши погряз в долгах, еврей-ростовщики затравили его, требуя расплатиться по векселям. На него обрушился гнев родителей. Как мне стало известно, отец даже пригрозил ему лишением наследства, а тут еще Маргарита послала его подальше и бросилась на шею Филиппу. — Эрнан тяжело вздохнул. — Я понимаю его, сочувствую — но не оправдываю. Не люблю слабовольных людей, порой они способны на такие гнусности, что... Ай, ладно! В общем, пер-

вое, что отколол Рикард Иверо, получив отставку, это попытался покончить с собой. Но тут ему некстати помешал граф Бискайский...

— Откуда ты знаешь?! — изумился Филипп. — Ведь это держалось в строжайшем секрете.

— Я знаю все, что считаю нужным знать, — самодовольно отвечивал Эрнан. — Так вот, судя по всему, графу удалось убедить кузена, что не стоит убивать себя. Дескать, гораздо лучше отомстить обиднице, убив ее саму.

Филипп задумчиво кивнул:

— Все сходится. Абсолютно все. Даже то, почему Рикард Иверо не взял с собой камердинера — чтобы не было лишних свидетелей. А вчера я разговаривал с Маргаритой... — Тут до него кое-что дошло, он резко вскочил на ноги и вперился в Эрнана гневным взглядом: — И все это время ты молчал?! Ты никому ничего не сказал?!

— Нет, никому.

Филипп плюхнулся в кресло и обхватил голову руками.

— Боже правый! Черти полосатые! Три недели злоумышленники готовили покушение на наследницу престола, а этот... эта жирная свинюка спокойно себе пьянствовала и обжиралась.

— Эта жирная свинюка, — внушительно произнес Эрнан, впрочем, ничуть не обидевшись, — все три недели вместе со слугами следила за подозреваемыми и собрала неопровержимые доказательства их вины. Кроме того, вышеупомянутая свинюка обнаружила, что в дело замешано еще, как минимум, четыре человека — канцлер графа Бискайского, Жозеф де Мондрагон, двое слуг и один бывший монах, брат Гаспар.

— Весьма похвально, — ворчливо промолвил Гастон. — И если не секрет, можно полюбопытствовать, что эта свинюка намерена делать дальше?

— Она собиралась стеречь покои принцессы Маргариты и поймать преступника на горячем.

— Так чего же ты здесь развалился? — раздраженно произнес Филипп. — Валяй, сторожи, подстерегай!

— Вчера я еще сторожил,— невозмутимо ответил Шатофьер.— Мы, кстати, вдвоем охраняли принцессу — я снаружи, а ты в ее спальне.

Филипп пристально поглядел на Эрнана:

— Вот что я тебе скажу, дружище. Не знай я тебя так хорошо, как знаю, то, право слово, подумал бы, что ты по уши влюблен в Маргариту.

— Скажешь еще! Все, что я хотел, так это разоблачить злоумышленников.

— А разве подслушанного тобой разговора недостаточно? Почему ты не пришел тогда ко мне... ну, если не ко мне, то к Маргарите или к ее отцу, и...

— И сделал бы самый обыкновенный донос,— с неподдельным возмущением перебил его Эрнан.— Подобно лакею, случайно подслушавшему барский разговор. Ну, нетушки, я не доносчик! Я не хотел, чтобы злоумышленников судили, основываясь лишь на моих словах. Я позволил им подготовить злодеяние, тем временем собрал улики, узнал имена сообщников... Между прочим, о сообщниках. Один из них, брат Гаспар, бывший доминиканец, некогда служил в королевском казначействе, затем его уличили в подделке подписей и печатей, он едва не лишился головы и был приговорен к пожизненному заключению, но спустя полтора года, ровно две недели назад, его освободили под ручательство графа Бискайского.

— Черт! — выругался Филипп.

— То-то и оно. И теперь, на предстоящем допросе этот подделыватель документов расскажет очень много интересного, чего не смог бы рассказать на позапрошлой неделе. Думаю, он состряпал парочку писем или что-то вроде того, призванное скомпрометировать некую особу, предположительно барона Гамильтона. Эти письма либо будут подброшены графом Бискайским где-то среди бумаг принцессы в королевском дворце, либо будут в кармане у Рикарда Иверо, когда он пойдет на дело.

— А если он уже пошел на дело? — встревоженно спросил Гастон.

— Исключено. Сегодня ночью госпожа Маргарита может спать спокойно. Покушение состоится завтра.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Во-первых, Рикард Иверо сейчас пьян, как бревно...

— Бревно не пьет вино,— заметил Гастон.

— Зато люди подчас напиваются до такой степени, что превращаются в бесчувственные бревна. Я напоил его именно до такого состояния. Это во-первых. А во-вторых, Рикард Иверо сам признался мне, что покушение назначено на завтра. Когда я увидел, что он теряет над собой контроль, то завел с ним разговор о Маргарите. Виконт сразу же начал плакаться мне в жилетку, твердил, какая она жестокая, бессердечная, извращенная. Потом бухнул что-то о плахе, потом о топоре и по секрету сообщил, что завтра ночью произойдет такое, что заставит нас содрогнуться от ужаса. После этого он вырубился окончательно.

— Понятно,— сказал Филипп, чуть поостыв.— Но все же...

— Не беспокойся. На всякий случай я поставил Жакомо сторожить покои принцессы. Он спрятался в нише под лестницей и до самого утра глаз не будет спускать с ее двери. Так что и сегодня она в полной безопасности.

— И на том спасибо,— снова проворчал Гастон.— Успокоил...

— А я вот одного не понимаю,— отозвался Симон.— При чем здесь топор, о котором говорил виконт Иверо? Он что, собирается зарубить принцессу?

Д'Альбре устремил на своего зятя такой взгляд, как будто ожидал, что тот с минуты на минуту должен превратиться в осла.

— И за кого я только выдал мою единственную сестру!— удрученно пробормотал он.

— Любого преступника не покидает мысль о наказании,— снизошел до объяснения Филипп.— Это становится его навязчивой идеей. Поэтому Рикард Иверо и сболтнул о плахе с топором. Он прекрасно понимает, какое наказание ждет его в случае изобличения... гм... возможно.

— Что значит твое «возможно»? — оживился Эрнан.

Филипп чуть помешкал, потом вздохнул:

— Ладно, расскажу. Только воздержись от комментариев, Гастон, прошу тебя наперед... Как вы уже знаете от Эрнана, вчера я провел ночь с Маргаритой. Но это получилось неумышленно; поначалу она просто хотела излить мне душу...

— Видать, излияние получилось на славу, — заметил Гастон. — Хотел бы и я...

— Прекрати, Гастон! — рявкнул Эрнан. — Тебя же по-хорошему просят заткнуться. Еще одно слово, и я надаю тебе по лбу. Продолжай, Филипп.

— Поэтому я не стану пересказывать весь наш разговор, а лишь вкратце сообщу то, что имеет отношение к делу. Итак, первое. Маргарита решила выйти замуж за графа Шампанского...

— Искренне ему сочувствую, — вставил Гастон и тут же получил от Шатофьера обещанный щелчок.

— Однако, — продолжал Филипп, — любит-то она своего кузена Иверо.

— Да что ты говоришь! — это уже не сдержался Эрнан. Он не обратил никакого внимания на щелчок, который не замедлил вернуть ему Гастон. — Она все еще любит его?

— Ладно, скажем иначе: он ей очень дорог. Но если вы хотите знать мое мнение, то после вчерашнего разговора с Маргаритой я убежден, что она в самом деле любит его и страстно желает помириться с ним. Однако он отвергает любые компромиссы и твердо настаивает на браке.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Симон. — Если она любит виконта Иверо, почему выходит за графа Шампанского?

— Я тоже не понимаю, — признался Филипп. — Поступки женщин зачастую не поддаются логическому объяснению. Поэтому я не уверен, что Рикарда Иверо ждет казнь или тюрьма.

— А что, по-твоему, брачное ложе? — осведомился Гастон.

— Не исключено. В конце концов, виконт не преступник, а сумасшедший. Он просто помешан на Маргарите, и граф Бискайский решил воспользоваться его безумием.

— Значит, ты думаешь, что принцесса может простить виконта Иверо?

— Такой исход вполне вероятен. Маргарита женщина парадоксальных решений. Узнав обо всем, она может без лишних разговоров вцепиться ему в горло, но может и броситься ему на шею, растроганная такой пылкой и безумной страстью, готовностью скорее убить ее, чем уступить кому-нибудь другому.

— Ты не шутишь?

— Отнюдь. Насколько я понял, Маргарита панически боится потерять Рикарда Иверо, но никогда не рассматривала эту перспективу всерьез. Даже попытку самоубийства она восприняла как обычный шантаж с его стороны. Однако в последние дни ее начали мучить дурные предчувствия, и вчерашний разговор со мной она затеяла в подспудной надежде, что я сумею убедить ее пересмотреть свое решение насчет замужества.

— То есть, она хотела, чтобы ты уговорил ее выйти за виконта?

— Вот именно. Но я не стал этого делать. Напротив, я приложил все усилия к тому, чтобы она не передумала.

— Почему? — спросил Симон.

— Да потому, что меня не устраивает брак Маргариты с Рикардом Иверо; мне ни к чему укрепление королевской власти в Наварре. И коль скоро на то пошло, мне вообще непонятно, зачем она существует, эта Наварра — искусственное образование, слепленное из кастильских и галльских земель.

— Следовательно, — отозвался Эрнан, — ты против примирения принцессы с виконтом?

— Решительно против.

— В таком случае, ты должен согласиться, что ей нельзя ничего рассказывать, пока он не будет изобличен публично.

После секундных размышлений Филипп утвердительно кивнул:

— Пожалуй, ты прав.

— Значит, ты позволяешь мне действовать по моему усмотрению?

— Э нет, дружище, хватит самостоятельности. С этого момента командовать буду я. Сейчас ты ляжешь в кроватку, пару часиков поспишь, а на рассвете сядешь на Байярда и к полудню доберешься до Памплоны. Я дам тебе верительное письмо — предъявив его, ты будешь немедленно принят королем... Что качаешь головой? Не согласен? Отказываешься повиноваться своему сюзерену?

— Отказываюсь категорически. Ты снова предлагаешь мне стать доносчиком.

— Но какой же это будет донос?!

— Самый обыкновенный донос. И кроме того, — вкрадчиво добавил Эрнан, — уверен ли ты, что дон Александр захочет предавать огласке это дело? А не решит ли он замять некоторые его аспекты?

— То есть как?

— Элементарно. Король весьма благосклонен к Рикарду Иверо и мечтает женить его на своей дочери. К тому же отец виконта, дон Клавдий, очень влиятельный вельможа, дядя императора по жене, в кастильской Наварре его почитают гораздо больше, чем самого короля, и дон Александр может не захотеть вступать с ним в конфликт...

— Давай покороче. К чему ты клонишь?

— А не получится ли так, что король, выслушав меня, велит арестовать графа Бискайского, свалит на него всю вину, а Рикарда Иверо представит героем, расстроившим его преступные замыслы? Предварительно он, конечно, шепнет Маргарите: «Либо ты, доченька, выходишь за него замуж, либо я твоему милку буйну головушку отрублю», — и если она любит его, то, безусловно, согласится... Ну, отвечай! Не исключен ли такой вариант?

— Да, — вздохнул Филипп, уступая. — Этого исключить нельзя. И что ты предлагаешь?

— Компромисс. Я иду на некоторые уступки тебе, а ты — мне. Разумеется, было бы лучше дождаться завтрашней ночи

и поймать Рикарда Иверо на месте преступления, но раз ты не хочешь подвергать Маргариту опасности, я не буду настаивать. Вместо этого предлагаю во время завтрашней прогулки незаметно изловить виконта и, постращав пытками, вытянуть у него признание.

Филипп помотал головой:

— Об этом речи быть не может. Королевскую кровь надо уважать. Рикард Иверо — внук императора Римского, правнук короля Наварры. Даже дон Александр, его государь, не вправе подвергнуть его пыткам без согласия Судебной Палаты Сената.

— Ты невнимательно слушаешь меня, Филипп. Я не предлагаю подвергать его пыткам — но лишь постращать. Он ведь слабак и сразу расколется, стоит показать ему клещи для вырывания ногтей. Мы запротоколируем его признание в двух экземплярах, один из которых вручим королю, а другой — верховному судье Сената, графу де Сан-Себастьяну. Тогда виконту никак не избежать суда; и даже если затем король его помирует, замуж за него Маргарита не выйдет.

— Не выйдет, — эхом повторил Филипп.

— Вот я же и говорю...

— Ты не понял меня, Эрнан. Я сказал: *не выйдет*. Ничего у тебя не выйдет. Потому что я не одобряю эту авантюру.

— И мне это не нравится, — поддержал Филиппа Симон.

— А я согласен с Эрнаном, — решительно заявил Гастон.

Филипп озадаченно уставился на него:

— Как?! Ты ухаживаешь за Еленой, которая души в своем брате не чает, и, по идее, должен был бы поддержать мой вариант действий, дающий Рикарду Иверо шанс выкрутиться...

— Однако я поддерживаю Эрнана.

— Ну что ж, воля твоя. Все равно это ничего не меняет. Наши голоса разделились поровну, а значит, окончательное решение остается за мной. И я...

Шатофьер предостерегающе поднял руку.

— Э нет, не спеши. Симон еще не высказал своего мнения; он лишь заметил, что ему это не нравится. — Эрнан с суровостью судьи поглядел на Бигора. — Но клянусь Марией... Гм...

Пречистой Девой Марией клянусь, нравится ему это или не нравится, он поддержит мое предложение.

Симон опустил глаза и еле слышно произнес:

— Да, я, конечно, поддерживаю Эрнана... Но мне это не нравится...

— Шантажист! — раздосадованно буркнул Филипп. — Хотелось бы мне знать, на чем ты подловил Симона...

— Ну, так что? — торжествующе осведомился Эрнан. — Подчинишься решению своих друзей или прикажешь своим подданным повиноваться тебе?

— Ладно, лиса хитрющая, — обреченно сказал Филипп. — На этот раз твоя взяла. Выкладывай свой план.

— Итак, — начал Шатофьер, — в четырех милях от Капель-Бланко есть небольшое местечко Сангоса... Кстати, Филипп, твой Гоше надежный человек?

— Он предан мне как собака. Вдобавок чертовски сообразителен и умеет держать язык за зубами. Если тебе нужен помощник, то лучшего не найдешь.

— Вот и ладушки. Я его беру. А теперь внимание! — И Эрнан изложил свой план.

Выслушав его, Филипп покачал головой:

— Ты неисправимый авантюрист, дружище!

Шатофьер презрительно оттопырил губы.

— Что, испугался ответственности?

— Но это же противозаконно!

— Правда? А разве ты сам себе не закон?

— К тому же цель оправдывает средства, — веско добавил Гастон.

— А по-моему, все в порядке, — нехотя отозвался Симон, подчиняясь повелительному взгляду Шатофьера.

— Сдаюсь! — поднял руки Филипп. — План Эрнана принят единогласно, прения закончены. Вы, друзья, — обратился он к Бигору и д'Альбре, — ступайте к себе и хорошенько отоспитесь, завтра у вас будет нелегкий день. А мы с Эрнаном сейчас же приступим к составлению всех необходимых бумаг.

— И ведите себя как ни в чем не бывало, — предупредил Шатофьер. — Не вздумайте смотреть на виконта Иверо боль-

шими глазами. Будем надеяться, что он не вспомнит о своем признании. Но если вспомнит, пусть считает, что я спьяну не придал его словам значения и никому ничего не сказал. Было бы нежелательно спугнуть его.

— Мог бы и не предупреждать,— отвечал Гастон, вместе с Симоном направляясь к выходу.— Разве мы похожи на идиотов?.. Гм... Во всяком случае, я.

Когда они ушли, Филипп устремил на Эрнана проникновенный взгляд и доверительным тоном спросил:

— И все же, друг, признайся чистосердечно: почему ты не рассказал мне об этом раньше?

Кутаясь в простыню, Эрнан поднялся с дивана, подошел к окну и распахнул его настежь.

— Я боялся, Филипп,— ответил он, не оборачиваясь.— Боялся давать тебе много времени на размышления.

— С какой стати?

— Ты мог бы не устоять перед соблазном позволить злоумышленникам сделать свое дело — убить Маргариту. И лишь потом преступники были бы изобличены, вся королевская семья Наварры опозорена, ну а ты... Ай, что и говорить! У тебя было бы достаточно времени, чтобы как следует подготовиться к этому дню. И тогда не успел бы никто опомниться, как ты возложил бы на свое чело наваррскую корону, оставляя свою руку свободной для брака с какой-нибудь другой богатой наследницей. Хотя бы с той же Анной Юлией.— Эрнан тяжело вздохнул.— Политика — грязная штука. В ней цель оправдывает любые средства.

Глава XLVI

О том, как Бланка

оказалась в затруднительном положении

и как воспользовался этим Филипп

На следующий день события разворачивались именно так, как им и полагалось разворачиваться по замыслу Эрнана, правда, со некоторым запаздыванием во времени. Задержка

была вызвана тем, что большинство гостей Маргариты отсыпались после вчерашней попойки до двух, а кое-кто — до трех пополудни, и лишь в четвертом часу два десятка молодых людей изъявили желание отправиться на прогулку в лес, чтобы проветрить отяжелевшие с похмелья головы.

В числе оставшихся в замке была Изабелла Арагонская, которая замкнулась в своих покоях и, сославшись на плохое самочувствие, велела горничной никого к ней не впускать. В первый момент Филипп не на шутку встревожился, заподозрив, что ее муж прознал о случившемся прошлой ночью и жестоко избил ее. Однако чуть позже стало известно, что после вчерашнего у графа де Пуатье начался очередной запой; едва лишь проснувшись, он вызвал к себе виконта де ла Марш и графа Ангулемского — своих обычных собутыльников, в их компании быстро нахлестался и к часу пополудни снова впал в состояние полного беспамятства.

Не выехали на прогулку также Жоанна Наваррская, Констанца Орсини, Фернандо де Уэльва, Эрик Датский, Педро Оска, Педро Арагонский и еще с десятков вельмож. Поначалу от участия в прогулке отказывался и Рикард Иверо, но затем он поддался на уговоры сестры и изменил свое решение, так что Гастону не пришлось даже намекать Елене на желательность присутствия в их компании ее брата.

Углубившись в лес, молодые люди разделились на несколько небольших групп, каждую из которых сопровождали знавшие местность слуги. Маргарита была единственная, кто не взял с собой проводника. Кастель-Бланко был излюбленным местом ее отдыха, с десяти лет она по два-три раза в год выезжала вместе с придворными в эту загородную резиденцию, часто здесь охотилась или просто прогуливалась по окрестным лесам и знала их, как свои пять пальцев.

Быть ее спутниками на прогулке Маргарита предложила Филиппу и графу Шампанскому. Последний принял ее приглашение без особого энтузиазма — как оказалось, он был очень обижен на принцессу. Простой ночью, уже после ухода Филиппа, Маргарита едко высмеяла одну из поэм Тибаль-

да — по его собственному мнению, самую лучшую из всего им написанного. Талантливый поэт и прозаик, признанный потомками самой видной фигурой в галло-франкской литературе Позднего Средневековья, Тибальд был нетерпим к любой критике, но особенно его раздражали безосновательные нападки несведущих дилетантов, к числу которых он, при всей своей любви к ней, относил и Маргариту. Когда она чересчур разошлась, разбирая по косточкам поэму и походя отпуская ядовитые остроты в адрес ее создателя, Тибальд просто встал и в гордом молчании удалился. Насмешки Маргариты были столь язвительны, несправедливы и даже неприличны, что он до сих пор дулся на нее и довольно вяло поддерживал с ней разговор.

Филипп тоже не слишком охотно беседовал с наваррской принцессой. Он отвечал ей невпопад и знай искоса бросал быстрые взгляды на соседнюю группу, где был Рикард Иверо. Филипп нисколько не переживал за успех замысла Эрнана — в таких делах он полностью полагался на своего друга и был уверен, что все пройдет гладко. А его повышенный интерес к этой компании объяснялся другой причиной: кроме Рикарда и Елены Иверо, Гастона д'Альбре, Марии Арагонской и Адели де Монтальбан, там была также и Бланка, которая оживленно болтала с Еленой, не обращая на Филиппа никакого внимания.

— Эй, Бланка! — окликнула ее Маргарита, смекнув, наконец, в чем дело. — Присоединяйся к нам. Елена, отпусти кухню — у вас мало кавалеров, а нашей компании как раз недостает одной дамы.

Бланка взглянула на Филиппа и уже было покачала головой, но тут Елена с хитрой усмешкой произнесла:

— Кузина боится за свою добродетель. Она трепещет перед чарами кузена Аквитанского. Вчера он едва не соблазнил ее, и лишь отчаянным усилием воли ей удалось дать ему отпор. Так что не удивительно...

— Прекрати, кузина! — возмущенно воскликнула Бланка, вмиг покраснев. — Такое еще скажешь!

Она хлестнула кнутом по крупу своей лошади, подъехала к Маргарите и, с вызовом глядя на Филиппа, заявила:

— И вовсе я не боюсь!

Филипп взглядом поблагодарил Елену, которая ответила ему заговорщической улыбкой, и обратился к Бланке:

— Я в этом не сомневаюсь, кузина. Чтобы меня боялись, я должен быть страшным. А я совсем не страшный — я очаровательный и прекрасный.

Маргарита рассмеялась.

— Ну, разве это не прелесть, граф? — сказала она Тибальду. — Вы не находите, что у нашего принца оригинальная манера ухаживать?

Тибальд лишь мрачно ухмыльнулся. А Филипп склонился к Бланке и спросил:

— Так это правда?

— Что?

— То, что сказала кузина Елена. Об отчаянных усилиях.

Бланка негодуяще фыркнула и не удостоила его ответом.

Между тем группы молодых людей, по мере углубления в чащу леса, рассеялись и вскоре потеряли друг друга из виду. Маргарита уверенно вела своих спутников по хорошо знакомой ей лесной тропе. Они ехали не спеша, наслаждаясь погожим днем. Наваррская принцесса отчаянно паясничала, пытаясь расшевелить Тибальда, но все ее шуточки он либо игнорировал, либо отвечал на них кривыми усмешками и неуместными замечаниями весьма мрачного содержания. Тем временем между Филиппом и Бланкой завязался непринужденный разговор. Филипп сыпал остротами, она отвечала ему меткими добродушными колкостями, то и дело они заходились веселым смехом. Короче говоря, в эмоциональном плане эта парочка представляла собой полную противоположность минорному дуэту Маргарита — Тибальд.

В конце концов, принцесса не выдержала и раздраженно произнесла:

— Ну, и угрюмый вы тип, господин граф! А еще поэт!

— Вот именно, — проворчал Тибальд. — Я поэт.

— И куда же девался ваш поэтический темперамент? Волки съели? Вы претендуете на роль спутника всей моей жизни, а на проверку оказываетесь никудышным спутником даже для прогулки в лесу... А вот другой пример,— она кивнула в сторону Филиппа и Бланки.— Вы только посмотрите, как разворковались наши голубки. Кузен Аквитанский, по его собственному признанию, полный профан в поэзии. Но это ничуть не мешает ему заливаться соловьем.

— Неправда, он не профан,— вмешалась Бланка.— В Толедо Филипп слагал прелестные рондо́.

— Благодарю, кузина, за лестный отзыв,— вежливо отозвался Филипп,— но вы переоцениваете мои скромные достижения.

— Отнюдь!— с неожиданным пылом возразила она.— Это вы слишком самокритичны. Он скромничает, кузина, граф, не слушайте его. Вы знакомы с сеньором Хуаном де Вальдесом, дон Тибальд?

— Лично не знаком, к моему глубочайшему сожалению, принцесса,— ответил ей граф Шампанский.— Однако считаю господина де Вальдеса одним из своих учителей и лучшим поэтом Испании. Ваш новоявленный гений, этот Руис де Монтыхо, в подметки ему не годиться.

— Так вот,— продолжала Бланка,— сеньор Хуан де Вальдес как-то сказал мне, что у кузена Филиппа незаурядный поэтический дар, но он зарывает свой талант в землю. И я разделяю это мнение.

— Видите, граф,— вставила словечко Маргарита,— как они трогательно милы. И какая досада, что они не поженились! Это бы устранило последнее имеющееся между ними недопонимание, единственный камень преткновения в их отношениях.

— И что же это за камень такой?— все с тем же угрюмым видом осведомился Тибальд.

— Они расходятся во мнениях насчет характера их дружбы. Кузина решительно настаивает на целомудрии, а кузен Аквитанский... Нет, вру! Бланка вправду настаивает на этом,

но не очень решительно, а в последнее время даже очень нерешительно. В конце прошлой недели она призналась мне...

— Маргарита! — в замешательстве воскликнула Бланка. — Да замолчи ты, наконец! Как тебе не совестно!.. Ну все, теперь я ничего не буду тебе рассказывать, раз ты не умеешь держать язык за зубами.

— А ты и так не шибко поверяешь мне свои тайны, — огрызнулась Маргарита. — Все больше шушукаешься с Еленой. Впрочем, и она изрядная болтунья.

— И все же...

— Ладно, Бланка, прости, я не нарочно, — извинилась Маргарита и переключила свое внимание обратно на Тибальда: — Итак, граф, вам не кажется, что вы выглядите белой вороной в нашей жизнерадостной компании?

— Вполне возможно.

— Неужели вы еще в обиде из-за того стишка?

— Это не стишок, сударыня. К вашему сведению, это поэма.

— Пусть будет поэма. Какая разница!

— Разница большая, принцесса. Если вы не в состоянии отличить стихотворение от поэмы, то тем более не вправе судить о том...

— Ах, не вправе! — с притворным возмущением перебила его Маргарита. — Вы осмеливаетесь утверждать, что я, дочь короля и наследница престола, не вправе о чем-то судить?

— Да, осмеливаюсь. Я, между прочим, внук французского короля, но не стыжусь признаться, что преклоняюсь перед гением Петрарки, человека без роду-племени, ибо подлинное искусство стоит неизмеримо выше всех сословий. Человек, который считает себя вправе свысока судить о науках и искусстве единственно потому, что в его жилах течет королевская кровь, такой человек глуп, заносчив и невежествен.

— Ага! Это следует понимать так, что я августейшая дура?

— Ни в коей мере, сударыня. Просто вы еще слишком юны, и ваша хорошенькая головка полна нелепых предрассудков. Вы верите в свою изначальную исключительность, в свое неоспоримое превосходство над прочими людьми, стоящими

ниже вас по происхождению, так же слепо и безусловно, как верят евреи в свою богоизбранность. Но и то, и другое — чистейший вздор. Да, это правда: Бог разделил человечество на знать и плебс, чтобы господа правили в сотворенном Им мире, а все остальные повиновались им и жили по законам Божиим, почитая своего Творца. Без нас, господ, на земле воцарилось бы безбожие и беззаконие, и наш мир превратился бы в царство Антихриста.

— Ну вот! — сказала Маргарита. — Вы же сами себя опровергаете.

— Вовсе нет. Я не отрицаю божественного права избранных властвовать над прочими людьми. Я лишь утверждаю, что поелику все люди — и рабы, и князья — равны перед Творцом, то равны они все и перед искусством, как божественным откровением. Королевская кровь дает право на власть, славу и богатство, но человек, озаренный откровением свыше, приобретает нечто большее — бессмертие в памяти людской. Мирская слава преходяща — искусство же вечно. Владыку земного чтят лишь пока он жив, а когда он умирает, последующие поколения быстро забывают о нем.

— Но не всегда, — заметила Маргарита, довольная тем, что ей удалось раззадорить Тибальда. — Александр Македонский, Юлий Цезарь, Октавиан Август, Корнелий Великий, Карл Великий — их помнят и чтят и поныне.

— Но как их чтят! Главным образом, как персонажей легенд, баллад, хроник и романов. Они были великими государями, их деяния достойны восхищения потомков — но память о них не померкла лишь благодаря людям искусства, которые увековечили их имена в своих произведениях. А что касается самых заурядных правителей... — Тут Тибальд умолк и развел руками: дескать, ничего не напишешь, такова жизнь.

— Ну, а я? — лукаво улыбаясь, спросила Маргарита. — Меня тоже быстро забудут?

— Если только... — начал было граф, но вдруг осекся и смущенно потупил глаза.

— Если только, — живо подхватила принцесса, — я не выйду за вас замуж. О да, тогда потомки будут помнить меня! «А-

а, Маргарита Наваррская! Та самая, на которой был женат великий Тибальд де Труа? Ну, и вертихвостка она была!..»

Филипп, последние несколько минут внимательно слушавший их разговор, громко захохотал, взглядом приглашая Бланку посмеяться вместе с ним. Однако Бланка в ответ лишь вымучила вялую улыбку. Весь ее вид свидетельствовал о том, что она испытывает какое-то дразнящее неудобство, вроде камешка в башмаке, а ее явное замешательство указывало вдобавок, что обстоятельства, вызвавшие у нее чувство дискомфорта, были несколько деликатного свойства.

Поймав на себе умоляющий взгляд Бланки, Маргарита мигом смекнула, в чем дело, и придержала свою лошадь.

— Езжайте прямо по этой тропе, господа,— сказала она Тибальду и Филиппу.— Мы с кузиной вас скоро догоним.

Молодые люди продолжили путь, но не успели они отдалиться и на тридцать шагов, как позади них раздался окрик Маргариты:

— Пойдите, принц!

Филипп остановил коня и повернул голову. Бланка уже спешила и недоуменно глядела на Маргариту, которая, оставаясь в седле, с коварной ухмылкой сообщила:

— У кузины начали неметь ноги. Вероятно, у нее что-то не в порядке с чулками.

— Маргарита!— почти простонала Бланка, потрясенная такой откровенностью.

Филипп мигом сообразил, к чему клонит принцесса. Точно выброшенный из катапульты, он вылетел из седла и опрометью бросился к Бланке.

— Правильно!— одобрила его действия Маргарита.— Помогите кузине разобраться с этими дурацкими чулками... И помассируйте ее онемевшие ножки,— смеясь добавила она и удачи кнутом свою лошадь.— Поехали, Тибальд! Айда!

Граф не нуждался в повторном приглашении. Он тоже припустил своего скакуна, и вскоре оба исчезли за деревьями. Еще некоторое время издали доносился звонкий и чистый смех Маргариты, но затем и он стих в лесной чаще. Филипп остался с Бланкой наедине.

Они стояли друг перед другом раскрасневшиеся и запыхавшиеся — Филипп от быстрого бега, а Бланка от жгучего стыда и волнения. В руке она судорожно сжимала кнут.

— Оставьте меня... прошу вас...

Филипп демонстративно огляделся вокруг.

— Неужели здесь еще кто-то есть, что ты просишь нас оставить тебя?

— Филипп... прошу, оставь меня... Уйди...

— Это уже лучше,— усмехнулся он.— Но не совсем. Так просто я не уйду.

— А что... что тебе надо?

— Как что! А помочь тебе? Разобраться с твоими чулками, помассировать ножки. Ведь Маргарита просила...

— Маргарита бесстыжая! — взорвалась Бланка.— Она развратна, беспутна, вероломна! У нее нет ни малейшего представления о приличиях!

— Ну, солнышко, уймись,— успокоительно произнес Филипп.— Право, не стоит так горячиться. Маргарита очень милая девушка, зря ты на нее нападаешь. Но хватит о ней. Лучше займемся твоими чулками. Маргарита поручила мне позаботиться об этом, и я не могу обмануть ее ожиданий.— С этими словами он сделал шаг вперед.

Бланка тут же отступила на один шаг и угрожающе подняла кнут.

— Только попробуй,— предупредила она.— И я ударю.

— Бей,— с готовностью отозвался Филипп.— Я жду.

Она замахнулась.

— Сейчас ударю!

— Бей! — вскричал он тоном христианского мученика периода гонений.— Бей же!

— Вот... сейчас... сию минуту...

— Ну, давай! — Филипп добродушно улыбнулся, поняв, что она не ударит его.— В Андалусии мавританские сводники предлагали нам девочек с кнутами, но мне так и не довелось испытать на собственной шкуре всю прелесть этого пикантного развлечения.

Бланка в отчаянии швырнула кнут наземь и всхлипнула.

— Не могу... не могу...

— И не надо, — он подступил к ней вплотную и обнял ее за стан, — девочка ты моя без кнута.

— Филипп, — томно прошептала Бланка, положив ему руки на плечи. — Прошу, оставь меня

Он нежно поцеловал ее в губы, и она ответила на его поцелуй.

— Но ведь чулки...

— С ними я разберусь сама. Оставь меня пожалуйста... Уйди!..

— Понятно! — выдохнул он. — Выходит, Маргарита обманула меня. Тебе нужно...

— Нет, нет! — быстро перебила его Бланка; к ее лицу прихлынула кровь. — Ты ошибаешься! Просто... У меня... просто...

— У тебя месячные? — «помог» ей Филипп.

— Да нет же, нет! Такое еще... У меня...

— Так что у тебя не в порядке?

— Подвязки! — яростно воскликнула Бланка, отстраняясь от него и в неистовстве тряся его за плечи. — Подвязки! Вот что! Коломба чересчур сильно стянула их, и теперь мне больно... Прошу тебя, уходи. Сейчас же!

— Нет, — упрямо покачал головой Филипп. — Никуда я не уйду. Я не оставлю тебя на произвол судьбы.

Он снова привлек ее к себе.

— Филипп! — слабо запротестовала Бланка. — Не надо...

Он запечатал ее рот поцелуем.

— Надо, милочка.

— Не...

— Надо! — опять поцелуй.

— Ну, прошу тебя... — прошептала она из последних сил.

На сей раз Филипп крепко поцеловал ее.

— Ты ведь хочешь этого, правда? Хочешь, чтобы я помог тебе?

Бланка зажмурила глаза и кивнула.

— Вот то-то! — Филипп опустился перед ней на колени и подобрал ее юбки. — Да уж, — констатировал он, — твоя гор-

ничная явно перестаралась. Ну-ка, придержи свои юбки, милочка.

— Даже так! — возмутилась пристыженная Бланка. — Я еще должна их держать, пока ты... ты...

— У меня всего две руки, дорогуша, — спокойно заметил Филипп. — Если ты откажешься помочь, мне придется нырнуть тебе под юбки — о чем я, кстати, давно мечтаю... Так ты придержишь их или как?

С тяжелым вздохом Бланка все же повиновалась. С ловкостью заправской горничной Филипп снял подвязки и откатил книзу чулки.

— Та-ак, одно дело сделано. А теперь мы помассируем твои онемевшие ножки, — и он поглубже запустил обе руки ей под юбки.

Бланка испуганно ойкнула и затрепетала в сладостном возбуждении.

— Что ты делаешь, Филипп?!

— Массирую твои ноги, — ответил он, постанывая от удовольствия.

— Это... это уже не ноги, Филипп... Разве ты не видишь?..

— То-то и оно, что не вижу. Приподними-ка свои юбочки, чтобы я видел... Вот так... Еще чуть-чуть... еще... и чуток еще... И еще самую малость... Ну же!

— Негодяй! — всхлипнула Бланка и до конца задрала юбки. — Вот, получай! Подавись, чудовище!

Она вся пылала от стыда и в то же время испытывала какое-то мучительное наслаждение, демонстрируя перед Филиппом свою наготу.

Филипп облизнул свои враз пересохшие губы и принялся нежно массировать... нет, ласкать ее стройные ножки, забираясь все выше и выше.

— Филипп... что... о-ох!.. Что ты делаешь?.. Прекрати...

— Но ведь тебе это нравится. Тебе это приятно, правда? Ну, признавайся!

Вместо ответа Бланка истошно застонала и пошатнулась, теряя равновесие.

Филипп быстро встал с колен. Обхватив одной рукой ее талию, он прижал Бланку к себе и провел ладонью по ее шелковистым каштановым волосам.

— Ты так прекрасна, милочка! Ты вся прекрасна — с ног до головы. И я люблю тебя всю. Всю, всю, всю!..

Бланка еще крепче прильнула к Филиппу и подняла к нему лицо. Ее губы невольно потянулись к его губам.

— Сейчас я сойду с ума, — в отчаянии прошептала она. — Ты меня соблазняешь...

Филипп легонько коснулся языком ее губ, затем поцеловал ее носик.

— Признайся, милочка, ты любишь меня? Ну, скажи, что хочешь меня.

Бланка запрокинула голову и устремила свой взгляд вверх.

— Да! — вскричала она, будто взывая к небесам. — Да, чудовище, я хочу тебя! Ты даже не представляешь себе, как я тебя хочу!

Филипп весь просиял.

— Бланка, ты потрясная девчонка! — с воодушевлением сообщил он и повалил ее на траву.

— Филипп! — пролепетала она, извиваясь. — Что ты делаешь?..

— Как это что? — удивился он. — Я делаю именно то, что ты хочешь. — Он сполз к ее ногам и стал целовать их. — Ой!.. Да что с тобой, в самом деле? — Филипп поднял голову и озадаченно уставился на нее. — Ты чуть не расшибла мне нос.

Бланка села на траву и одернула юбки.

— Ты, конечно, прости, но так дело не пойдет, — решительно заявила она. — Здесь не место для *этого*. Нас могут увидеть.

— Кто? Птички?

— Нет, люди. Эта тропинка ведет к усадьбе лесника — не ровен час, кто-нибудь появится, когда... когда мы...

— Ну, и пусть появляется. Ну, и пусть увидит. Ну, и пусть позавидует мне... да и тебе тоже.

Бланка вздохнула:

— Какой ты бесстыжий, Филипп!

— Такой уж я есть,— согласился он и нетерпеливо потянулся к ней.— Иди ко мне, солнышко.

— Нет,— сказала Бланка, отодвигаясь от него.— Только не здесь.

— А где?

— В замке.

— В замке? Ты меня убиваешь, детка! Пока мы доберемся до замка, я умру от нетерпения, и моя смерть будет на твоей совести.

— Здесь совсем недалеко,— возразила Бланка.— Ведь мы ехали медленно. Через четверть часа мы будем на месте.

— А ты не передумаешь?

— Об этом не беспокойся.— Бланка пододвинулась к Филиппу и положила голову ему на плечо.— Теперь уже я тебя не отпущу. Теперь пеняй на себя, милый, так просто ты от меня не избавишься. Слишком долго я ждала этого дня...

На обратном пути Бланка то и дело смахивала с ресниц слезы. Филипп делал вид, что не замечает этого, не решаясь спросить у нее, почему она плачет.

Глава XLVII

На хорошего ловца зверь сам бежит

Присутствие рядом с Рикардом его сестры Елены Эрнан учел наперед и предполагал избавиться от нее при помощи Гастона. Для графини де Монтальбан у него был припасен Симон; а вот Мария Арагонская не фигурировала в его первоначальных планах. Впрочем, нельзя сказать, что это обеспокоило Шатофьера. Он лишь предвидел некоторые осложнения в связи с возникшей необходимостью отделаться от принцессы и уже просчитал в уме несколько вариантов дальнейших действий.

Однако проблема решилась сама собой, и никаких дополнительных мер Эрнану принимать не пришлось. Едва лишь он вместе с Симоном присоединился к компании, Мария

Арагонская, негодуяще фыркнув, демонстративно отъехала в сторону.

— Что стряслось, кузина? — спросила Елена, придерживая лошадь. — Вы покидаете нас?

— Пожалуй, да, — ответила Мария и бросила на Симона презрительный взгляд. — Я уже устала. И вообще, зря я выбралась на эту прогулку. Скучно, неинтересно... Вернусь лучше к мужу.

Видя, что решение Марии окончательное, Елена подъехала к ней.

— Что ж, ладно. Признаться, я тоже не в восторге от прогулки... Адель, — обратилась она к молоденькой графине де Монтальбан, — вы с нами?

Графиня украдкой взглянула на Симона, чуть зарделась и отрицательно покачала головой.

Елена хохотнула:

— Ну, как хотите, дорогуша, как хотите. Воля ваша. — Она прищипорила лошадь. — Всего хорошего, господа. Присмотрите за моим братом, ладно? Ему надо хорошенько развеяться после вчерашнего.

— Непременно, сударыня, — пообещал ей Эрнан. — Мы все будем присматривать за ним.

Мария Арагонская, не проронив ни слова, хлестнула кнутом по крупу своей лошади и последовала за Еленой. Когда обе девушки скрылись за деревьями, Гастон озадаченно спросил у Симона:

— Признайся, малыш, чем ты так напакостил госпоже Марии, что она шугается от тебя, как черт от ладана?

— Да ничего я ей не сделал, — растерянно ответил Бигор, покраснев, как варенный рак. — Совсем ничего.

— Он лишь попытался поухаживать за ней, — объяснил Эрнан. — О подробностях я деликатно умолчу.

Д'Альбре ухмыльнулся:

— И что он в ней нашел, вот уж не пойму! Худоцава сверх меры, ноги как тростинки, грудь еле заметна, да и лицом не очень-то вышла. Трудно поверить, что Изабелла Юлия — ее родная сестра.

— Замолчи, Гастон! — резко произнес Эрнан. — Не забывай, что с нами дама.

Адель де Монтальбан наградила Эрнана чарующей улыбкой. Подобно большинству женщин, присутствовавших на турнире, она была чутьточку влюблена в него.

— Господин д'Альбре глубоко не прав, — сказала графиня. — Он судит лишь по внешности, а между тем кузина Мария очень душевная и чуткая женщина, хорошая подруга. Она высокомерна, но не заносчива, не чванится и не смотрит на всех сверху вниз, как ее гордычка-сестра. И если на то пошло, сам Красав... кузен Аквитанский одно время ухаживал за ней.

— Вот как! — Гастон склонил голову, будто в знак признания своей неправоты. — Тогда я беру назад все свои слова и покорнейше прошу вас, сударыня, простить меня. Кузен Филипп для меня непререкаемый авторитет, и дамы, что привлекают его внимание, достойны всяческого восхищения. Теперь я преклоняюсь перед госпожой Марией Юлией с ее худенькими ногами и девственной грудью. А ее маню-у-усенький носик и вовсе сводит меня с ума.

Гастон откровенно провоцировал графиню на ссору, в надежде, что она обидится и оставит их компанию. Но семнадцатилетняя Адель де Монтальбан оказалась девушкой непосредственной и не слишком застенчивой; ее ничуть не покорило от грубости Гастона. К тому же она твердо решила держаться подле Симона.

— Однако вы шут, господин д'Альбре, — спокойно ответствовала Адель. — И между прочим, о ногах. У кузины Елены, к вашему сведению, довольно узкие бедра, да и грудь не ахти какая. Конечно, лицом она хороша, право, писаная красавица. Но характер у нее такой капризный, что не приведи Господь.

— Вот и получай, дружище, — злорадно сказал Эрнан. — Сам напросился... Ну, так что? Мы поедем куда-нибудь или попрежнему будем топтаться на месте?

— А куда ты предлагаешь ехать? — спросил Симон с таким наигранным безразличием, что Адель де Монтальбан недоуменно уставилась на него, заподозрив неладное.

— В часе езды отсюда, — быстро заговорил Эрнан, стре-

мясь поскорее замять неловкость,— если меня, конечно, верно информировали, находится усадьба здешнего лесника.

— Вас верно информировали, граф,— меланхолично отозвался Рикард Иверо.— Но не совсем точно. В часе *быстрой* езды — это другое дело. А если не спеша, да еще с дамой, то весь путь займет добрых два часа.

— Ах, бросьте, кузен! — обиделась Адель.— За кого вы меня принимаете, за какую-то неженку? Да я в своем дамском седле езжу не хуже, чем ваша сестра в мужском. Если хотите, можем посоревноваться.

— И тогда вы вспотеете,— предпринял очередную попытку отвадить ее Гастон.— А женщинам негоже потеть... Кроме как в постели с мужчиной, разумеется.

— Это мое личное дело, когда мне потеть, где, как и с кем,— огрызнулась юная графиня.— Во всяком случае, не с вами.— Она демонстративно повернулась к нему спиной и продолжила, обращаясь якобы к Эрнану, тогда как на самом деле ее слова были адресованы Симону: — Кузина Маргарита говорила, что вблизи усадьбы лесника протекает глубокий ручей, где можно искупаться... Это к вопросу об упревании, столь уместно затронутым господином д'Альбре. Потом, в доме лесника есть несколько спальных комнат, где можно отдохнуть,— она выстрелила своими бойкими глазами в Симона.— По словам кузины, там есть все условия, чтобы остаться даже на ночь.

«Вот бесстыжая-то!» — раздраженно подумал Гастон и открыл было рот для очередного язвительного замечания, но тут Эрнан опередил его.

— Друзья,— произнес он с видом кающегося грешника.— Я должен сделать одно признание.

— Какое? — поинтересовалась Адель.

— Еще утром я отослал своего слугу к леснику с дюжиной бутылок самого лучшего вина, которое я смог найти в погребах Кастель-Бланко. Я думал, что прогулка начнется значительно раньше, и предполагал сделать там привал на обед, но поскольку...

— Ах, как прелестно! — перебила его графиня, захлопав в

ладоши.— Ведь мы можем сделать привал на ночь. Я очень хочу искупаться в том ручье — его так расхваливала Маргарита! А, кузен?

Рикард отрицательно покачал головой:

— Вы себе езжайте, а я остаюсь.

— Но почему? Вино там есть, еда, думаю, найдется. Есть где спать...

— И есть с кем спать,— вставил д'Альбре.— Правда, Симон? Адель смерила его испепеляющим взглядом.

— Если вы хотите смутить меня, то зря стараетесь. Может быть, в Гаскони этого не знают, но здесь всем известно, что мой муж давно бессилен как мужчина. Он женился на мне лишь в надежде, что я рожу ему наследника, и его графство не достанется моему беспутному братцу. Что, собственно, я и намерена сделать в самое ближайшее время. Я не вижу, чем плох ваш зять как отец моего будущего ребенка... Вы уж простите меня за такую откровенность, милостивые государи.

— Весьма прискорбная откровенность,— пробормотал слегка обескураженный Гастон.

— И вот еще что, господин д'Альбре,— добавила Адель.— Мне начинает казаться, что вы просто сгораете от желания избавиться от меня. Возможно, я ошибаюсь, и это лишь игра моего воображения, но ваше вызывающее поведение заставляет меня предположить, что мое присутствие в вашей компании чем-то вас не устраивает.

— Вы ошибаетесь, сударыня,— поспешил вмешаться Эрнан, видя, что их перепалка принимает нежелательный оборот.— Поверьте, мы очень польщены тем, что внучка великой королевы Хуаны Арагонской отдала предпочтение именно нашей компании. А что касается моего друга, графа д'Альбре, то я приношу вам извинения за его бестактность. Всею виной его дурной характер и невоспитанность, к тому же... Прошу отнестись к нему снисходительно. Ведь вы сами были свидетелем того, как госпожа Елена лишила его своего общества.

— Ах, вот оно что! — рассмеялась графиня.— Я как-то вы-

пустила это из внимания. Да, господин д'Альбре, вас действительно можно понять. Искренне вам сочувствую.

Гастону хватило благоразумия не огрызаться.

— Вот и ладушки, — подытожил Эрнан. — Мир нам да любовь. Как я понимаю, все, кроме господина Иверо, согласны отправиться на ночевку в усадьбу лесника... Минуточку! — С притворным изумлением он огляделся по сторонам. — А где же запропастился наш проводник? Друзья, вы не заметили, куда подевался этот негодяй?

— Кажется, он поехал вслед за кузинами Марией и Еленой, — промолвила Адель де Монтальбан. — Да, точно! Так оно и было.

— Ну и ну! — покачал головой Эрнан. Он, естественно, не собирался признаваться, что сам велел проводнику немедленно исчезнуть, сунув ему в руку пару серебряных монет. — Что же нам делать? Ведь без господина виконта мы в два счета заблудимся в этом лесу.

— Кузен, — обратилась графиня к Рикарду, который, понурившись, сидел на коне и с безучастным видом слушал их разговор. — Неужели вы бросите нас на произвол судьбы?

— Нет, почему же, — хмуро отозвался он. — Я проведу вас к замку.

— Ну-у! — разочарованно протянула Адель.

— А там покажу тропинку, что напрямик ведет к усадьбе.

— И мы попадем туда аккуратно к заходу солнца, — констатировал Эрнан.

— А тогда уже похолодает, и я не смогу искупаться в ручье, — добавила Адель. — Пожалуйста, Рикард, не упрямитесь. Что вы такой мрачный? Перестаньте, наконец, хмуриться.

— И в самом деле, — поддержал ее Гастон. — Ваша сестра, виконт, просила позаботиться о вас, проследить, чтобы вы развеялись. Что же мы скажем ей, когда вы вернетесь с прогулки вот такой — как в воду опущенный?

— Вам не помешал бы кубок доброго вина, — заметил Эрнан.

При упоминании о вине Рикард весь содрогнулся и в то же время невольно облизнул пересохшие губы.

— Я вчера изрядно напился...

— Тем более вам надо похмелиться,— настаивал Шатофьер.— Это должно помочь, ведь подобное лечат подобным. У вас такой угнетенный, подавленный вид... Да вам просто необходимо выпить!

Рикард заколебался.

— Собственно, я бы не отказался, но... Мне нужно в замок.

— Прямо сейчас?

— Нет, чуть позже. К ночи.

— Ага!— с заговорщическим видом закивал Эрнан.— Понятно! У вас свидание, верно?

— Ну... В некотором роде...

— Однако до наступления ночи еще много времени. Если мы поспешим, то будем в усадьбе где-то в начале шестого. Там сделаем привал, перекусим, выпьем, немного отдохнем, а часам к девяти вернемся в Кабель-Бланко... Не все, конечно,— он быстро взглянул на графиню де Монтальбан.— Кто захочет, может искупаться и переночевать в доме лесника. А я — так и быть! — поеду вместе с вами. А, виконт?

— Я и вправду не прочь напиться,— в нерешительности промямлил Рикард.— Сегодня у меня... у меня отвратительное настроение.

— Ну, кузен! — подзадорила его Адель.— Соглашайтесь.

— Ладно,— вздохнул Рикард.— Я согласен.

А в голове у него пронеслась шальная мысль: если он хорошенько напнется и не сможет взобраться на лошадь, чтобы вовремя вернуться в замок, то...

Рикард припустил коня настолько, насколько это позволяла ему лесистая местность. Четверо его спутников мчались следом, не отставая. Адель де Монтальбан справлялась с лошадью ничуть не хуже своих спутников. Ее слова, что в верховой езде она ни в чем не уступает мужчинам, оказались не пустой похвалой.

Приблизительно в то же время, когда Филипп разбирался с подвязками Бланки, пятеро наших молодых людей выехали на вершину холма и увидели в двухстах шагах перед собой опрятный двухэтажный дом посреди большого двора, об-

несенного высоким частоколом. С противоположной стороны усадьбы, возле самой ограды, голубой лентой извивался широкий ручей.

— Ого! — изумленно воскликнул Симон. — У лесника, видно, губа не дура — такой домище себе отгрохал! У него, наверное, целая орава ребятишек.

— Вовсе нет, — вяло возразил Рикард. — Лет двадцать назад, когда еще не был до конца построен Кабель-Бланко, этот особняк служил охотничьей резиденцией Рикарду Наваррскому, отцу графа Бискайского. А лесник здесь новый, у него нет ни жены, ни детей. Сам он родом из Франции...

— Вот как! — перебил его Эрнан. — Значит, раньше Кабель-Бланко принадлежал графу Бискайскому?

— Да. Восемь лет назад король отобрал у Александра этот замок вместе с охотничьими угодьями и подарил его Маргарите на ее десятилетие.

— Понятно...

— И лесник живет один в таком большом доме? — отозвалась графиня. — А как же лесные разбойники?

— Разбойничьих банд здесь нет, — ответил Рикард. — Но время от времени эту усадьбу грабят — правда, все местные крестьяне, и то по мелочам, чтобы не сильно злить Маргариту.

Эрнан слушал его разъяснения и поражался, с какой нежностью Рикард выговаривает имя женщины, которую сегодня ночью собирается убить.

«Кто бы мог подумать, — мысленно сокрушался он, — что можно убивать не только из ненависти, но и из любви! Воистину, пути Господни неисповедимы... Впрочем, пути Сатаны тоже...»

В припадке сентиментальности Эрнану вдруг пришло в голову, а не послать ли ему к черту все политические соображения, немедленно разыскать Маргариту и рассказать ей все — пусть она сама решает, как поступить с Рикардом. Однако он быстро преодолел свою минутную слабость. В конце концов, Филипп его друг и государь, интересы Филиппа — его интересы, и служить ему — его первейшая обязанность...

Тем временем они въехали во двор и приблизились к конюшне, возле распахнутых ворот которой их встречал слуга Эрнана, Жакомо.

— *Те люди уже явились, монсеньор,* — сообщил он с почтительным поклоном.

— Какие люди? — удивленно спросила Адель.

— Да, Жакомо, что за люди? — Эрнан украдкой подмигнул слуге, давая ему понять, что дама не посвящена в их планы. — И где, кстати, хозяин усадьбы?

— Мастер лесник отправился за хворостом, — сказал чистую правду Жакомо, а дальше принялся импровизировать, приправляя правду вымыслом: — Тут неподалеку был пойман преступник, и из Сангосы прибыли люди, чтобы на месте допросить его.

Адель охнула:

— Преступник? Бог мой!.. Симон, помогите мне. — Опершись на его плечо, она спрыгнула с лошади. — А где эти... *эти люди?*

— В подвале, госпожа.

— Они п-пытают его? Но почему не слышно...

— Его еще не допрашивали, госпожа. Но если и будут пытаться, криков вы не услышите. Под домом не подвал, а настоящее подземелье. Некогда Рикард Наваррский, наследник престола, устроил там пыточную камеру, где тайком мордовал схваченных врагов и своих слуг, заподозренных в измене. Жуткий был тип, отец нынешнего графа Бискайского. Там, в той камере, я такие инструменты видел!..

Графиня вздрогнула и прижалась к Симону.

— Очень интересно, — сказал Эрнан. — А как ты думаешь, Жакомо, *эти люди* не станут возражать, если мы спустимся к ним, чтобы взглянуть на преступника?

— Думаю, что нет, монсеньор.

— Только без меня! — Адель брезгливо поморщила нос. — Ненавижу преступников, они так противны!.. Лучше я пойду купаться, пока еще не похолодало. Вы со мной, Симон?

Тот вопрошающе взглянул на Шатофьера. Эрнан улыбнулся ему одними лишь уголками губ и утвердительно кивнул.

Симон понял, что на его долю выпало далеко не самое худшее — отвлекать внимание графини.

— Да, Адель. Конечно, я провожу вас.

— А может, искупаемся вместе? — спросила она, уже направляясь вместе с ним к небольшой калитке, выходявшей к ручью.

Гастон глядел им вслед, ухмыляясь.

— Наш Симон разгулялся вовсю. Но, надеюсь, хоть одно доброе дело он сделает... вернее, не дело, а будущего графа де Монтальбан. И у меня появится еще один племянник — сын мужа моей сестры.

— Однако ты циник еще тот, — покачал головой Эрнан. Он подождал, пока калитка за Симоном и Аделью затворилась, и обратился к Рикарду, готовый в случае отказа мигом сгрести его в охапку и зажать ему рот: — Так что, виконт, сходим поглядим на преступника?

Рикард понуро кивнул:

— А почему бы и не взглянуть? Ведь я тож... Вот только выпить бы мне...

— Жакомо сейчас все приготовит. А пока идемте, господа, посмотрим на преступника.

Через несколько минут после того, как молодые люди свернули за угол дома, где находился вход в подземелье, у ворот ограды появился мужчина лет шестидесяти с охапкой хвороста в руках. Жакомо быстрым шагом направился к нему.

— Преступника уже привезли, хозяин, — сказал он.

— Да, я видел, — произнес лесник с сильным акцентом. — И пусть господа простят, что я не поспешил приветствовать их. Не шибко мне хотелось встречаться со злодеем.

— Да ничего, ничего. Все в порядке, хозяин.

Лесник тяжело вздохнул:

— Ох, не нравятся мне эти дела, вельми не по нутру. Боюсь, перепадет мне от госпожи, что я без ее позволения...

— Не беспокойся, хозяин, госпожа еще поблагодарит тебя. Ведь бумага у тебя есть — так чего же переживать? Покажешь ее госпоже, когда она потребует. Пойми, ты делаешь ей большую услугу.

— Это я разумею...

— Вот и ладушки,— ухмыльнулся Жакомо, подражая Шатофьеру.— Да, еще одно. Вместе с нами приехал господин с женой, сейчас они купаются в ручье, а когда воротятся, будь так любезен, накорми их, попотчуй тем вином, что я привез, и приготовь им постель. Возможно, они захотят отдохнуть, а то и останутся переночевать.

— О, с этим нет проблем,— заверил его лесник.— За господином с женой я поухаживаю с великой охотностью. Мне приятно будет послужить гостям, которые не имеют никаких жутких дел.

— Им ты скажешь, что мы взяли вино и отправились прогуляться пешком в лесу. Что мы приехали с преступником, они не знают, и не говори им ничего.

— Хорошо, хорошо...

— А если кто-нибудь сюда наведается, ты ни о чем не знаешь.

— Ну, конечно, конечно...

— А также позаботься о наших лошадях,— добавил Жакомо и направился к углу дома, за которым скрылись господа.

А тем временем трое молодых людей вошли в дальнее помещение подвала, которое до жути напоминало самую настоящую пыточную камеру.

В помещении находилось четверо человек. Один из них был Гоше, слуга Филиппа; он сидел за ветхим столом, напротив одетого в черное человека лет тридцати пяти — сорока. На столе стояла початая бутылка вина, три зажженные свечи и чернильница. Перед человеком в черном лежало несколько листов чистой бумаги и полдюжины новых перьев.

В противоположном конце камеры пылал вставленный во вделанное в стену кольцо факел. Рядом, возле жаровни с тлеющими углями, хлопотали двое раздетых до пояса громил, раскладывая на полу зловещего вида инструменты, о назначении которых было нетрудно догадаться.

Завидев вошедших господ, все четверо вскочили на ноги и поклонились.

— Ваша светлость,— сказал Гоше Шатофьеру.— Вот те самые люди, которых мы ждали: младший секретарь управы города Сангосы мэтр Ливорес, а также мастер городской палач с подручным.

— Молодчина, Гоше! — одобрительно произнес Эрнан.

— А где же преступник? — спросил Рикард, тревожно озираясь по сторонам.

— Ну, раз вы уже пришли, господа,— ответил секретарь,— то и его должны вскоре привести.

С этими словами он вопросительно взглянул на Эрнана, но тот притворился, будто не понял его взгляда.

— А вы не скажете,— не унимался Рикард,— в чем состоит его преступление?

— Разве вы не знаете? — искренне удивился мэтр Ливорес.— Впрочем, мне тоже сообщили об этом лишь по приезде сюда. К вашему сведению, сударь, нам предстоит допрашивать преступника, обвиненного в покушении на жизнь ее высочества Маргариты Наваррской.

— О Боже! — в ужасе содрогнулся Рикард.— Как же так!.. Господи помилуй!.. Кто?.. Кто?..

— И этот преступник,— невозмутимо продолжал секретарь, даже не подозревая, как он развлекает этим Шатофьера.— Представьте себе, милостивый государь, этот преступник — не кто иной, как сам господин виконт Иверо.

Глава XLVIII

*В которой Тибальд мирится с Маргаритой
и встречается со старым знакомым*

Спустя час после того, как Тибальд и Маргарита остались вдвоем, отношения между ними значительно улучшились. Вначале они, по требованию принцессы, мчали во весь опор, убегая от обескураженной Бланки и приготовившегося к решительным действиям Филиппа. Потом, замедлив шаг, Маргарита еще немного поупрямилась, но в конечном итоге попросила у Тибальда прощения за вчерашние злые остроты,

оправдываясь тем, что сказаны они были спьяну и не всерьез. В первое Тибальд охотно поверил — еще бы! — но в искренности второго утверждения он позволил себе усомниться.

Вместо того, чтобы продолжать оправдываться, Маргарита прибегла к более верному способу убедить своего собеседника, что он несправедлив к ней, — она принялась с выражением декламировать эту злосчастную эпическую поэму, послужившую причиной их ссоры.

Тибальд весь просиял. Его роман в стихах «Верный Роланд» уже тогда снискал себе громкую славу, но тот факт, что Маргарита знала его наизусть, польстил ему больше, чем все восторженные отзывы и похвалы вместе взятые. Когда через четверть часа Маргарита устала и голос ее немного осип, Тибальд тут же перехватил инициативу и был восхищен тем, с каким неподдельным интересом она его слушает.

Так они и ехали не спеша, увлеченно повествуя друг другу о похождениях влюбленного и чуточку безумного маркграфа Бретонского, верного палатина франкского императора Карла Великого. Маргарита первая опомнилась и звонко захохотала:

- Нет, это невероятно, граф! Что мы с вами делаем?
- Насколько я понимаю, декламируем моего «Роланда».
- Слава Богу, что не «Отче наш».
- В каком смысле?
- Вы что, не знаете эту пословицу: «Женщина наедине с мужчиной...»

— Ага, вспомнил! «Не читает „Отче наш“».

— Ну да. Вот уже солнце садится, а мы все... Да что и говорить! Держу пари, что кузену Красавчику даже в голову не пришло читать Бланке свои рондо.

Тибальд усмехнулся:

— Не буду спорить, принцесса. Потому что наверняка проиграю.

— Бедный Монтини! — вздохнула Маргарита. — Зря он поехал в Рим.

— Это вы о ком?

— О любовнике Бланки... уже о ее бывшем любовнике. Наверное, сейчас он сходит с ума.

— Он ее очень любит?

— Точь-в-точь, как ваш Роланд. Был себе хороший парень, в меру распушенный, в меру порядочный, но повстречал на своем пути Бланку — и все, погиб.

Тибальд снова усмехнулся.

— Да у вас тут все дамы отъявленные сердцеедки, как я погляжу.

— Возможно. Но к Бланке это не относится. Она у нас белая ворона — скромная и застенчивая... Впрочем, ни скромность, ни застенчивость не мешала ей кусать Монтини в постели.

Тибальд нахмурился:

— Постыдитесь, сударыня! У госпожи Бланки есть все основания обижаться на вас. Негоже рассказывать другим то, что она вверила вам по секрету.

— А вот и нет! Она мне этого не вверяла. Мне рассказал кузен Иверо. Как-то во время купания он заметил на плече Монтини сочный синяк от укуса. Так что никаких секретов я не выдаю. Или вы считаете иначе?

Тибальд хранил гордое молчание, хмурясь пуще прежнего.

— Что с вами, граф? — спросила Маргарита. — Если вам не по нутру, что некоторые женщины кусаются в постели, так и скажите... Гм... На всякий случай... Что вы молчите?

— Я думаю, как назвать вашу болтовню.

— И что вы надумали?

— Это копание в грязном белье.

— Да ну! Вы такой стеснительный, господин Тибальд!

— Вы преувеличиваете, госпожа Маргарита. Стеснительность не является моей отличительной чертой. Однако, по моему убеждению, для всякой откровенности существует определенная грань, переступать которую не следует, ибо тогда эта откровенность становится банальной пошлостью.

— Да вы, похоже, спелись с Красавчиком, — с явным неудо-

вольствием произнесла принцесса. — Недели три назад, прежде чем впервые лечь со мной в постель, он...

— Замолчите же вы! — вдруг рявкнул Тибальд; лицо его побагровело. — Как вам не стыдно!

Маргарита удивленно взглянула на него:

— В чем дело, граф? Я что-то не то сказала?

— Вот бесстыжая! — буркнул Тибальд себе под нос, но она расслышала его.

— Ага! Выходит, я бесстыжая! Да вы просто ревнуете меня.

— Ну, допустим... Да, я ревную.

— И по какому праву?

— По праву человека, который любит вас, — ответил он, пылко глядя на нее.

— Ах да, совсем забыла! Ведь в каждом своем письме вы не устаете твердить: прекрасная, божественная, драгоценная — и так далее в том же духе. А из «Песни о Маргарите», которую вы прислали мне в прошлом году, и вовсе следует, что солнце для вас восходит на юго-западе, из-за Пиренеев. Вы что, вправду путаете стороны света?

— Не насмехайтесь, Маргарита. Вы же прекрасно понимаете, что это была поэтическая аллегория.

— Что, впрочем, не помешало вам написать мне этим летом, что вы отправляетесь на свой личный восток, чтобы снова увидеть свое солнышко ясное.

— И опять же я выразился фигурально. Я...

— Ну, и как вы находите свое солнышко? — не унималась Маргарита. — Скажите откровенно, вы не разочарованы?

— Напротив. Оно стало еще ярче, ослепительнее. Оно сжигает мое сердце дотла.

— Однако вы еще не предложили этому солнышку свою мужественную руку и свое горящее сердце.

— А я уже предлагал. В прошлом году. Солнышко ясное помнит, что оно мне ответило?

Опустив глаза, Маргарита промолчала. Щеки ее заалели.

— Вы прислали мне, — после короткой паузы продолжал Тибальд, — большие олени рога, чтобы — как было сказано в сопроводительном письме — немного утешить меня, по-

сколько настоящие, мужские, наставить мне отказывается. Было такое?

— Да, — в смятении подтвердила она. — Так я и сделала.

— Это была не очень остроумная шутка. Но язвительная. — Тибальд пришпорил коня. — В моей охотничьей коллекции хватает оленьих голов с рогами, — бросил он уже через плечо, — и мне ни к чему еще одна пара, даже подаренная вами.

Маргарита также ускорила шаг своей лошади и поравнялась с Тибальдом.

— Не принимайте это близко к сердцу, граф. Я признаю, что тогда переборщила, мне очень стыдно, и... и хватит об этом. Лучше поговорим о чем-то другом. Например, о нашей влюбленной парочке, о Бланке и Красавчике.

— Сударыня! Опять вы...

— Да нет же, нет! Ни слова об укусах и прочих пикантных штучках. Поговорим о романтической стороне их отношений.

— Романтической? — скептически переспросил Тибальд.

— Ну, конечно! Бланка до крайности романтическая особа, да и Красавчик не промах. А я была бы не прочь посмотреть, как они занимаются любовью на лоне природы.

— Принцесса! — возмущенно воскликнул Тибальд. — Извольте прекратить...

— Нет уж, это вы извольте прекратить строить из себя святошу, — огрызнулась Маргарита. — Лицемер несчастный! Будто бы я не читала ваши «Рассказы старой сводницы», в которых вы бессовестно подражаете Бокаччо.

Тибальд покраснел.

— Это... знаете ли... — пристыжено пробормотал он. — У каждого есть свои грехи молодости. Десять лет назад — тогда мне было шестнадцать, — и я...

— Тогда вы лишь недавно потеряли невинность, но сразу возомнили себя великим сердцеедом и большим знатоком женщин. Я угадала?

— Ну, в общем, да.

— Так почему бы вам не переписать эти рассказы с учетом накопленного опыта. И добавить к ним новеллу про Красавчика с Бланкой — если хотите, ее мы напишем вместе.

— Гм. В таком случае, у нас выйдет не новелла, а поэма.

— Тем лучше. И на каком языке мы будем ее слагать — на галльском или французском? Но предупреждаю: французский я знаю плохо.

Тибальд хмыкнул:

— А разве есть такой язык?

— А разве нет? — удивилась Маргарита.

— Конечно, нет. То, что вы называете французским, на самом деле франсийский — на нем говорит Иль-де-Франс, Турень, Блуа и Западная Шампань. В разных областях Франции разговаривают на очень разных языках — анжуйском, бургундском, нормандском, бретонском, лотарингском, фламандском...

— Ой! — с притворным ужасом вскричала Маргарита. — Довольно, прекратите! У меня уже голова идет кругом. Боюсь, вы меня не поняли. Говоря о французском, я имела в виду язык знати, духовенства, в конце концов, просто образованных людей.

— То есть, франсийский? Но, увы, он явно не дотягивает до уровня общезнаменитого языка.

— А какой же дотягивает?

— Никакой.

— Да ну! — покачала головой Маргарита. — И что же с вами, бедными французами, случится?

— Ясно что. Когда-нибудь все французы станут галлами.

Маргарита удивленно подняла бровь:

— Вы тоже так думаете?

— А почему «тоже»?

— Потому что так считает Красавчик. По его мнению, Франция и Галлия должны быть и непременно станут единой державой — как это было когда-то в древности.

Тибальд кивнул:

— Тут он совершенно прав. И не суть важно, как будет называться это объединенное государство — Великой Францией или Великой Галлией, кто выиграет в объединительном споре — Париж или Тулуза...

— А вы как думаете?

— По-моему, Париж проиграет. Как ни парадоксально это звучит, но галлам повезло, что более трехсот лет в новое время они находились под властью Рима. Не говоря уж о положительном культурном влиянии Италии, жесткая, централизованная власть римской короны заставила галлов сплотиться в борьбе против господства чужеземцев. За три с половиной столетия в составе Римской Империи, они стали единым народом даже в большей степени, чем сами итальянцы. Вся галльская знать разговаривает на одном языке — лангедокском или, если хотите, галльском, а различия между говорами простонародья далеко не такие значительные, как у нас во Франции. Единственное, чего не хватает Галлии для ее успешной экспансии на север, это сильной королевской власти.

— Таковая вскоре появится, — со вздохом ответила Маргарита. — Ладно, оставим это. Вернемся к Бланке с Красавчиком и к нашей поэме о них. Вы, кстати, не передумали?

— Если вы настаиваете...

— Я лишь предлагаю вам свою помощь, — уточнила принцесса. — У вас богатый мужской опыт, у меня — женский. Итак, мы будем писать нашу поэму на галльском языке...

— Лучше на латыни.

— На латыни? Но тогда у нас получится скорее научный трактат, а не поэма. «*De amoris natura et de amore in natura*»*. Каково?

Вместо ответа Тибальд резко осадил своего коня.

— Нет. Название неправильное.

— Вам не нравится? — спросила Маргарита, также остановившись.

— В общих чертах нравится. Но его следует уточнить: «*De Margaritae amoris natura et de eicum amore in natura*»**.

— Как это понимать, граф?!

— А вот так! — Тибальд спешил, подошел к Маргарите и протянул ей руку. — Давайте я помогу вам сойти с коня.

— Зачем?

* «О природе любви и о любви на лоне природы» (лат.).

** «О природе любви Маргариты и о любви с ней на лоне природы» (лат.).

— Чтобы немедленно приступить к работе над трактатом. Заодно проверим — может быть, и у вас непорядок с чулками.

— Ага! Значит, вы набиваетесь?

— А как набиваюсь, так что?

Маргарита весело фыркнула и ловко соскочила с седла прямо в объятия Тибальда. Их губы сомкнулись в страстном поцелуе.

— А ты хорошо целуешься, — сказала она, переводя дыхание.

— Вы тоже не промах, — поделился своим впечатлением Тибальд.

— Прекрати выкать! — враз посуровела Маргарита. — Вот за что я не выношу французов — они даже в постели говорят мне «вы». — Она запустила пальцы в его буйную шевелюру. — Просто обожаю брюнетов!

— Но ведь и Красавчик, и Рикард Иверо блондины, — с ревнивыми нотками в голосе заметил Тибальд.

— Потому-то мне нравятся брюнеты, — сказала Маргарита и вновь поцеловала его. — Так пойдем же!

— Куда?

— Сейчас увидишь.

Держа лошадей за поводья, они взобрались на знакомый нам холм, который более часа назад миновала компания, ведомая Рикардом Иверо. Маргарита указала на дом, возле которого мы уже побывали.

— Что это? — спросил Тибальд.

— Усадьба лесника.

— Ничего себе усадьба лесника! Это больше похоже на охотничью резиденцию вельможи.

— Так оно раньше и было. Но теперь здесь живет лесник. И сейчас мы навестим его.

— А зачем?

Маргарита вздохнула и кокетливо покосилась на графа.

— Вот ты недотепа, Тибальд! Уже вечер, холодает, и время для «amore in natura» не очень подходящее. А так у нас будет кров над головой, и мы сможем всласть позаниматься любовью, невзирая ни на какие капризы погоды.

— Значит, ты согласна? — просиял Тибальд.

— А как согласно, так что? Думаешь, мы случайно забрели сюда?

— А нет?

— Конечно! Перед отъездом я сказала мажодорму Ка-
стель-Бланко, чтобы к вечеру меня не ждали. Уже тогда я ре-
шила провести с тобой ночь в усадьбе лесника. Сейчас мы по-
ужинаем — я чертовски голодна! — а потом займемся любо-
вью.

Теперь уже вздохнул Тибальд. Тяжело вздохнул.

— Что случилось? — тревожно осведомилась принцесса.

— Да так, ничего особенного. Просто я подумал, что все-
таки ты странная девушка, Маргарита.

— В каком смысле? — спросила она, останавливаясь у во-
рот усадьбы.

— Да в любом. В частности, ты сказала «займемся любо-
вью» точно таким же тоном, как и «поужинаем».

— Это тебе показалось, Тибальд.

— Отнюдь. Ты холодная, как льдинка, дорогая.

— Ты тоже, милый.

— Я?

— А разве нет? Будь ты так безумно влюблен в меня, как
утверждаешь, и желай ты меня так страстно, как хочешь это
показать, то не обратил бы внимания на мой тон. Одно лишь
мое предложение заняться любовью прозвучало бы для тебя
райской музыкой, ты должен был бы плясать на радостях и...

— И целовать землю под твоими ногами, — саркастически
добавил Тибальд.

— Вот именно. И не только землю под моими ногами, но
и мои ноги. И вообще, всю меня.

— Какая же ты бесстыжая! — восторженно вскричал он, за-
ключил ее в объятия и стал покрывать ее лицо жаркими по-
целуями.

Но тут Маргарита резко отстранилась от него.

— погоди. К нам, кажется, идут.

И в самом деле — пока они пререкались, из дома вышел

лесник, с которым мы уже имели случай познакомиться, и поспешил навстречу своим новым гостям.

— Не называй меня Маргаритой, — предупредила она Тибальда. — Для этого человека я кто угодно, только не принцесса Наваррская.

— С какой стати? Ведь он твой слуга.

— Он меня еще ни разу не видел, но наверняка боится, как геенны огненной. У него не все в порядке с головой...

— Чокнутый лесник? Этого еще не хватало!

— Да не бойся. Говорят, он добродушный малый и вполне безобиден. У него лишь одна навязчивая идея... Тсс! Об этом молчок!

Тем временем лесник приблизился к ним и отвесил почтительный поклон. Вдруг глаза его округлились от изумления.

— Ваша светлость! — воскликнул он по-франсийски. — Господин граф!

Тибальд был удивлен не меньше его.

— Вот те на! Да это же слуга моего покойного отца!

— Он самый, монсеньор, — еще раз поклонился лесник. — Готье меня зовут. Ваша светлость еще спасли меня от разбойников, когда я шел исполнять волю Господню... Ах, простите, милостивые государи! — всполошился он. — Прошу, проходите в дом. Сейчас я позабочусь о ваших лошадях, накормлю их овсом, напою студеной водой из колодца...

— Так ты знаешь этого человека? — озадаченно спросила Маргарита.

— Да, знаю. Мы встретились с ним при весьма интригующих обстоятельствах. — Тибальд повернулся к Готье: — А как ты очутился в этих краях?

— Господь привел, Господь привел... Ах, как я рад видеть вашу светлость, как приятно поговорить на родном языке! А госпожа, верно, жена вашей светлости?

Тибальд не знал, что и сказать.

— А как же иначе, — вместо него ответила Маргарита. — Конечно, жена. Так ты говоришь, что Господь привел тебя в эти края?

— Ну да, ваша светлость, он самый. Господь Всевышний.

— И это Всевышний назначил тебя лесником?

— О, сударыня, не насмехайтесь! — серьезно произнес Готье. — Лесником-то назначила меня госпожа Наваррская, но с благословения Господня.

Принцесса фыркнула. А Тибальд спросил:

— Так ты уже исполнил волю Божью?

— Да, монсеньор, исполнил. Все, что велел мне Господь, я сделал.

— Ну-ка, ну-ка! — отозвалась Маргарита. — Что-то я припоминаю. Это не ты, случайно, пустил стрелу в окно королевского кабинета?

— Да, сударыня, я самый.

Тибальд в изумлении вытаращился на Готье:

— Это был ты?!!

Лесник молча кивнул.

— Но зачем?

— Так велел мне Господь, монсеньор.

— Ты уверен?

— А как же! Я услышал Его приказ. Такова была воля Божья. И госпожа принцесса считает так же.

— А? — удивилась госпожа принцесса. — С чего ты взял, что она так считает?

— А с какой тогда стати она назначила меня лесником? — вопросом на вопрос ответил Готье. — Меня ведь сперва в тюрьму упекли. — Он сокрушенно вздохнул. — Оказывается, все злодеи — законченные идиоты.

Маргарита ухмыльнулась и прошептала Тибальду по-латыни:

— Это была не тюрьма, а приют для умалишенных.

— Ну-ну! — криво усмехаясь, произнес граф. — Однако здорово он тебя боится! Аж трясется от страха.

— А может, принцесса просто пожалела тебя? — обратилась к Готье Маргарита. — Поэтому освободила из заточения.

Но тот был непреклонен:

— Нет, сударыня. Ее высочество знала, что это была воля Божья, и не я выстрелил — выстрелил сам Господь моей рукою.

— Из моего арбалета, — добавил Тибальд.

— Воистину так, — подтвердил Готье.

— Да ну! — изумилась Маргарита. — Это ты дал ему оружие?

Пока они шли к дому, Тибальд в нескольких словах поведал ей о своем падении на охоте, приведшему к спасению Готье от разбойников.

— Ну и дела! — задумчиво промолвила принцесса. — Как непостижимо переплетаются судьбы людские.

— На все воля Провидения Господнего, — назидательно отозвался Готье с видом человека, посвященного в самые сокровенные тайны мироздания.

— У тебя уже кто-то гостит? — спросила Маргарита, заметив в конюшне лошадей.

Лесник забеспокоился:

— Ну... В общем-то, да, сударыня. Один господин с женой. Они искупались в ручье, поужинали и совсем недавно отправились спать. К сведению ваших светлостей, на втором этаже у меня несколько барских спален, и ежели вы с монсеньором графом захотите отдохнуть...

— Спасибо, любезный Готье, так мы и сделаем. И поужинаем тоже. Надеюсь, у тебя найдется, что поесть?

— О да, сударыня. Конечно, найдется. Даже пара бутылок доброго вина еще...

— Постой-ка! — перебила его Маргарита. — Но лошадей у тебя целый табун. Откуда же взялись остальные?

— Это другие господа их оставили, — в замешательстве ответил лесник. — Они оставили мне на попечение своих лошадей, а сами гурьбой пошли в лес. Только один господин с женой...

— А кто они, собственно, такие, этот господин с женой?

— Увы, ваша светлость, не знаю. Я не любопытен излишне. Видать, они гости моей госпожи — как и вы, верно... Ну, и еще

за ужином они называли друг друга Симоном — это господин, и Аделью — это госпожу.

— Ага! — рассмеялась Маргарита. — Понятно. Графине де Монтальбан не терпится родить своему мужу наследника.

— О да, сударыня, да, — с готовностью закивал лесник. — Как видите, они еще засветло отправились в спальню... Надеюсь, ваша светлость вскоре тоже подарит монсеньору ребенка. Первая жена господина графа, царство ей небесное, так и не...

— Замолчи! — рявкнул смущенный Тибальд. — Не суй свой нос не в свое дело.

— Но почему же? — ласково промурлыкала Маргарита, положив руку ему на плечо. — Мастер Готье дело говорит. Ведь дети — это так прекрасно.

— О да, сударыня, да, — подтвердил лесник и горестно вздохнул. — Жаль, что у меня нет ни жены, ни детишек... Да и поздно мне их заводить, старому монаху-расстриге...

Глава XLIX

Сказка от Тибальда де Труа

Пожинав, они уединились в одной из спален. Покои на втором этаже действительно были барские, предназначенные для отдыха господ, выбравшихся на охоту, но перегородки между комнатами были довольно тонкими, и из соседней спальни слышались сладострастные стоны, которые еще больше возбудили Тибальда. Он рывком привлек к себе Маргариту и жадно поцеловал ее, но она тут же высвободилась из его объятий.

— Погоди чуток. Прежде всего, нам надо поговорить.

Принцесса скинула башмаки, забралась на кровать и села, обхватив колени руками. Граф устроился рядом на невысоком табурете.

— Тибальд, — серьезно произнесла Маргарита. — Ты еще не отказался от идеи жениться на мне?

— Сейчас я хочу этого еще больше, чем раньше, — так же

серьезно ответил он. — Четыре года назад я без памяти влюбился в тебя, и со временем это чувство лишь окрепло.

— Гм... И можно подумать, что все эти годы ты хранил мне верность душой и телом.

— Душой да, но что касается тела... Знаешь, Маргарита... — Тибальд замялся. — Кому-кому, но не тебе упрекать меня в беспутстве, ибо ты сама не монашка.

— Раз так, почему же ты любишь меня?

— Потому что ты ангел, — без тени насмешки произнес Тибальд.

Маргарита откинулась на подушки и разразилась звонким хохотом.

— Я ангел? Бесстыжая, развратная, вертихвостка — и ангел?

— Совершенно верно, Маргарита. Ангелы бывают разные. Бывают небесные, бывают падшие; а ты — земной ангел. Не без греха, не без пороков, но мне все равно — я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Теперь что касается твоих чувств ко мне. Спрашивать о том, любишь ли ты меня, я не буду. Я уверен, что в данный момент ты меня любишь.

— В самом деле?

— В самом деле. Насколько я тебя знаю, Маргарита, ты любвеобильная женщина и любишь всякого мужчину, с которым ложишься в постель... Прости, я не совсем точно выразился. Ты ложишься в постель только с теми мужчинами, к которым испытываешь определенное влечение, именуемое тобой любовью.

— Ты в этом уверен?

— А разве это не так? Скажи откровенно, сама себе скажи — мне можешь не говорить.

Маргарита промолчала, задумчиво глядя мимо Тибальда.

— О тебе рассказывают всякие небылицы, — между тем продолжал он. — Но в одном все сплетники единодушны: у тебя никогда не было нескольких мужчин одновременно. В определенном смысле ты убежденный однолюб. «Любить» и «заниматься любовью» для тебя синонимы, ты не видишь различия между этими двумя понятиями, а потому у тебя никак

не укладывается в голове, как я могу, в душе храня тебе верность, искать утешения на стороне. Другое дело, что ты непостоянна, ты часто влюбляешься и меняешь мужчин, как перчатки. Но если ты увлечешься кем-нибудь, то остаешься верной ему до тех пор, пока с ним не порвешься... Впрочем, сейчас у тебя, кажется, кризис. Ты стоишь на перепутье, чего с тобой еще никогда не случалось.

— И что же это за кризис такой? — в замешательстве произнесла Маргарита. — Просвети-ка меня, недотепа.

— И не пытайся изобразить недоумение, милочка. Ты прекрасно понимаешь, о чем я веду речь. После разрыва с Красавчиком ты бросилась в объятия Анны Юлии лишь затем, чтобы забыться, и этот, с позволения сказать, роман я комментировать не буду. Оба Педро — Оска и кузен Арагонский — вызывают у тебя устойчивую антипатию, поэтому они мне не соперники. Далее, ты назначила конкретную дату бракосочетания — а из этого следует, что ты выйдешь либо за меня, либо за Рикарда Иверо. Вот тут-то и проблема, ты сама еще не решила, кого выбрать. Тебя влечет и ко мне, и к нему — и тебе это в диковинку, тебя это сводит с ума. Ты предложила мне заняться с тобой любовью, но вместе с тем ты влюблена в кузена Иверо, то есть сейчас ты любишь нас обоих.

— Прекрати! — выкрикнула Маргарита с отчаянием в голосе. — Прекрати сейчас же!

Она уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала. Тибальд пересел на край кровати и взял ее за руку.

— Поплачь, девочка, — нежно сказал он. — Тебе надо плакать. Ты вконец запуталась, и я понимаю, как тебе тяжело. Облегчи свою душу...

Выплакав все слезы, Маргарита поднялась, села рядом с Тибальдом и положила голову ему на плечо. Он с неописуемым наслаждением вдыхал аромат ее душистых волос.

— Тибальд, — наконец отозвалась она. — Ты, хоть ты, можешь убедить меня в том, что я должна выйти замуж именно за тебя?

— Если всей моей любви к тебе недостаточно...

— Рикард тоже любит меня. Он просто свихнулся на мне.

— А я...

— Пока что ты в своем уме.

— Но если ты отвергнешь меня, я сойду с ума.

— Вы всего лишь поменяетесь местами — к Рикарду вернется рассудок, а ты свой потеряешь.

— Мало того, — добавил Тибальд, — я стану сатанистом. Я продам душу дьяволу.

— Зачем?

— Чтобы он поскорее сделал тебя вдовой, и я смог бы жениться на тебе.

— Коль скоро на то пошло, Рикард тоже готов продать душу дьяволу... или кузену Бискайскому, что, собственно, без разницы. Чует мое сердце, он уже позволил Александру втянуть себя в какие-то грязные интрижки... — Принцесса вздохнула. — Так что и в этом отношении вы с ним на равных.

— Что ж... Тогда просто покорись судьбе.

— А разве ты знаешь, что мне предназначено?

— Кажется, знаю. Ты должна стать моей женой.

— А с чего ты взял, что это моя судьба?

— Только не смейся, Маргарита...

Она подняла голову и вопросительно поглядела ему в глаза:

— Ты имеешь в виду этого чокнутого Готье и ту пресловутую стрелу?

— А почему ты подумала именно о них? — с серьезным видом осведомился Тибальд.

Маргарита слегка смутилась.

— Но ведь это была чистая случайность, — будто оправдываясь, сказала она. — Всего лишь совпадение и ничего более.

— А вот я считаю иначе.

— Воля Божья?

— Зачем так высоко метить? Бери чуть ниже — просто судьба. Почти как в сказке.

— В какой сказке?

— Да так, к слову пришлось. Вот только что вспомнил одну славянскую сказку...

— Славянскую?! Ты знаешь славянские сказки? И много?

— Всего ничего. Не больше дюжины.

— Ты просто чудо! — произнесла Маргарита, глядя на него с каким-то детским восторгом. — Я-то ни одной немецкой толком не помню — а ты знаешь целую дюжину славянских! А они какие?

— Сказки, как сказки. Немного причудливые, непривычные для нас, но в целом...

— А та, которую ты вспомнил, о чем она? И почему ты ее вспомнил?

— Ну... Впрочем, лучше будет, если я вкратце перескажу ее содержание. Тогда ты сама все поймешь. Согласна?

— Еще бы! Я жутко люблю сказки. До десяти лет я требовала от кормилицы, чтобы она рассказывала мне их на ночь — все новые и новые... Ладно, расскажи мне свою славянскую сказку, перед тем как... как мы ляжем в постельку.

— Итак, — начал Тибальд. — Жил-был на свете один король, и было у него три сына...

— Фи! — скривилась Маргарита. — Старо, как мир.

— Старо, как сказка, — уточнил Тибальд. — Мне продолжать?

— Да, конечно!

— Так вот, двое старших принцев для нас особого интереса не представляют, но младший, по имени Hansnarr * ...

— Ха! — перебила его принцесса. — Славянский язык так похож на немецкий?

— Не думаю. Просто эту сказку мне поведал один немец, который услышал ее от какого-то странствующего славянского монаха. Он называл младшего сына короля Hansnarr...

— Монах так называл?

— Нет, немец. Он говорил мне, как звучит это имя в оригинале, но, каюсь, я запамятовал. Поэтому пусть будет Hansnarr.

— Ни в коем случае, — возразила Маргарита. — Ты же не

---

* Hansnarr — Глупый Ганс, немецкий эквивалент Иванушки-дурачка. Здесь и дальше Тибальд путает две разные сказки — про Иванушку-дурачка и про Ивана-царевича.

немец. Называй младшего принца... ну, скажем, Жоанчик Балбес.— Она хихикнула.— Однако имечко у него дурацкое!

— А в той сказке он и есть дурак.

— Гм... Никто из известных мне дураков не согласился бы носить дурацкое имя.

— Не паясничай, Маргарита! Твоего же отца называют Александром Мудрым, не спрашивая у него позволения.

— Ага! Теперь понятно. Выходит, Жоанчик стал Балбесом таким же образом, как мой отец Мудрым? Тогда все ясно. Можешь продолжать.

— Так вот. Когда принцы подросли и стали мужчинами, король, отец их, решил, что пришла пора им жениться. Дал он каждому по стреле...

— Вот!— с притворным пафосом воскликнула Маргарита.— Вот они, стрелы!

— К чему я и веду,— сказал Тибальд.— Слушай дальше, тут-то и начинается завязка. Этот король дал своим сыновьям стрелы, велел им выйти в чисто поле и выстрелить в три разные стороны.

— Зачем?

— Чтобы они нашли себе невест.

— Да ну! Неужели он думал, что если принцы бабахнут в небо, так тотчас же оттуда свалятся им невесты?

— Отнюдь. Королевская воля была такова: пусть каждый принц пустит наобум стрелу, и девица красная, которая подберет ее, станет его женой.

— Надо же такой король был!— прокомментировала Маргарита.— И звали его, небось, Какой-то-там Остолоп. Сыновья, узнав о его решении, наверное, одурели от счастья... Ха! А если стрелу подберет не девица красная, но мужлан неотесанный?

Тибальд вздохнул:

— Ни одну из стрел мужчина не подобрал. Старшему сыну досталась княжна, среднему — купеческая дочь, а младшему — жаба.

— Тьфу! Так я и знала, что ничего путного из этой королевской затеи не выйдет. Надо сказать, королю еще крупно

повезло, ведь все три стрелы могли попасть к жабам или к козам, или к овцам... И что же делал тот третий, Жоанчик?

— Отец заставил его жениться на жабе.

— Пречистая Дева Памплонская! Какое самодурство, какая изощренная жестокость! Мало того, что он Балбес, так ему еще жабу в жены подсунули.

— Словом, повенчались они... — из последних сил продолжал Тибальд.

— Жоанчик с жабой?

— Да.

— Побей меня гром! Как мог восточный патриарх допустить такое святотатство?

Тибальд громко застонал:

— О нет! Я этого не вынесу! Твои дурацкие комментарии доконают меня.

— Но ведь и сказка дурацкая. Я не пойму, в чем ее смысл.

— Да в том, что принцесса оказалась сущей жабой... То бишь, жаба оказалась самой настоящей принцессой.

— На что ты намекаешь? — грозно осведомилась Маргарита.

— Ни на что я не намекаю! — вскричал Тибальд и опрокинул ее навзничь. — Та жаба, на которой женился Балбес, была вовсе не жабой, а заколдованной красавицей-принцессой. В конце сказки Жоанчик освободил ее от злых чар, и зажили они счастливо, стали рожать детей...

— И что из этого следует?

Он жадно поцеловал Маргариту в губы.

— А то, что я не Балбес. Я не выходил в чисто поле и не пускал стрелу наобум. Но я спас от разбойников чокнутого Готье и дал ему арбалет, из которого он выстрелил прямо в окно королевского кабинета, чем помешал своему отцу выдать тебя замуж — говорят, за Красавчика. Филипп Аквитанский, конечно, не злой колдун, но мне все равно, злой он или добрый. Главное, что я, именно я, посредством помощи, оказанной мною Готье, спас тебя от этого брака.

— Избавил от злых чар, — задумчиво добавила Маргарита и вдруг содрогнулась всем телом. — Боже милостивый! Бо-

же... Как мне тогда повезло! — Она рывком прижалась к Тибальду. — Какое счастье, что я не вышла за Красавчика!.. И все ты, ты! По сути, ты спас меня от него.

— Ты так боишься его? — спросил Тибальд, пораженный ее пылом.

— Он страшный человек... Нет, он, в общем, хороший — как друг. Но если бы я стала его женой... Брр!.. Лучше не будем о нем.

— Ладно, не будем. Вернемся к нам с тобой.

— А тут больше не о чем говорить, — грустно произнесла Маргарита. — Я уже все решила.

Сердце Тибальда екнуло. С дрожью в голосе он спросил:

— И каков твой приговор?

— Твоя дурацкая сказка убедила меня. Я покорюсь своей судьбе. Вскоре мы поженимся. Надеюсь, ты готов к свадьбе?

Тибальд выпустил Маргариту из своих объятий и обессилено положил голову на подушку.

— Ты не шутишь, дорогая?

— Такими вещами я не шучу. Я согласна стать твоей женой.

Несколько долгих секунд оба молчали. Наконец Тибальд произнес:

— Ты говоришь это таким тоном, будто собираешься похоронить себя заживо.

— Возможно, так оно и есть, — отрешенно ответила Маргарита. — Очень может быть... Разумеется, ты можешь отказаться от этого брака, сделать благородный жест — уступить меня Рикарду...

Тибальд поднялся и крепко схватил ее за плечи.

— Нет, нет и нет! Я никому тебя не уступлю. Я не такой благородный, как ты думаешь. Я настоящий эгоист и себялюб... и еще тебялюб. Я люблю тебя и сделаю тебя счастливой. Клянусь, ты никогда не пожалеешь о своем выборе.

— Хотелось бы надеяться, — вяло промолвила принцесса. — Очень хотелось бы... Скажи, Тибальд, та твоя «Песнь о Маргарите», она ведь так хороша, так прелестна... Но я ни разу не слышала, чтобы ее пели менестрели. Почему?

Он взял ее за подбородок и ласково взгляделся в синюю бездну ее больших прекрасных глаз.

— Неужели ты так и не поняла, что я написал ее только для тебя? Для тебя одной...

Глава L

Прозрение

Филипп раскрыл глаза, уставился мутным взглядом на пламя догорающей свечи и вяло размышлял, спал он или же только вздремнул, а если спал, то как долго. Вдруг по его спине пробежал холодок: ведь если он спал, то не исключено, что все происшедшее с ним ему лишь приснилось. Он в тревоге перевернулся на другой бок и тут же облегченно вздохнул. Жуткий холодок исчез, его сменила приятная теплота в груди и глубокая, спокойная радость. Нет, *это* ему не приснилось!

Рядом с ним, тихо посапывая носиком, в постели лежала Бланка. Она была совершенно голая и даже не укрытая одеялом. Ее распущенные волосы блестели от влаги, а кожа пахла душистым мылом. Широкое ворсяное полотенце лежало скомканное у нее в ногах.

«Совсем умаялась, бедняжка,— нежно улыбнулся Филипп.— Милая, дорогая, любимая...»

Их первая близость была похожа на изнасилование по взаимному согласию. Едва очутившись в покоях Бланки, они стремглав бросились в спальню, на ходу срывая с себя одежду. Они будто хотели за один раз наверстать все упущенное ими за многие годы, всласть налюбоваться за те пять лет, на протяжении которых они были знакомы, неистово рвались в объятия друг к другу, но так и оставались лишь добрыми друзьями. Они жаждали излить друг на друга всю нежность, всю страсть, весь пыл — все, что накапливалось в них день за днем, месяц за месяцем, год за годом в трепетном ожидании того момента, когда из искорок симпатии, засиявших в их глазах при первой же встрече, когда из дрожащих огоньков душевной привязанности, что впоследствии зажглись в их сердцах,

когда, наконец, из жара физического влечения, пронзавшего их тела сотнями, а затем и тысячами раскаленных иголок, вспыхнуло всепоглощающее пламя любви...

Осторожно, чтобы не разбудить Бланку, Филипп сел в постели, взял ее влажное полотенце и зарылся в него лицом, задыхаясь от переполнявшего его счастья. На глаза ему навернулись слезы, он готов был упасть на колени и зарыдать от умиления. Ему отчаянно хотелось кататься на полу, в иступлении лупить кулаками пушистый ковер и биться, биться головой о стену... Впрочем, последнее желание Филипп сразу подавил — главным образом потому, что если Бланка проснется и увидит, как он голый стоит на четвереньках и бодает стену, то гляди еще подумает, что у него не все дома.

Наконец Филипп встал с кровати и повесил на шею полотенце. После нескольких тщетных попыток вступить в миниатюрные комнатные тапочки Бланки, он махнул на все рукой, взял свечку и босиком вышел из спальни в соседнюю комнату, а оттуда проследовал в мыльню, посреди которой стояла довольно большая деревянная лохань, наполовину заполненная еще теплой водой. Положив полотенце на длинную скамью и поставив там же свечу, Филипп быстро забрался в лохань и по грудь погрузился в воду. При одной только мысли, что эта самая вода недавно ласкала тело Бланки, его охватила сладкая истома. Он в блаженстве откинул голову и закрыл глаза.

Перед мысленным взором Филиппа со стремительностью молнии пронеслись все пять лет его жизни в Толедо, начиная с того дня, когда на первом приеме у Фернандо IV он увидел хрупкую одиннадцатилетнюю девчушку, лишь неделю назад ставшую девушкой, и оттого смущенную, обескураженную и даже угнетенную новыми, непривычными для нее ощущениями. Вопреки строгим правилам дворцового этикета, она жалась к своему брату Альфонсо, ища у него поддержки и утешения. Сначала Филипп посмотрел на нее просто с интересом, вполне объяснимым — как-никак, она была его троюродной сестрой. А потом, когда их взгляды встретились...

Впрочем, тогда он еще ничего не почувствовал. Но именно с того момента, именно в тот самый миг его первая возлюб-

ленная и его единственная любовь окончательно и бесповоротно превратилась в тень прошлого. Сердце Филиппа стало свободным для новой любви, однако боль и горечь утраты еще были свежи в его памяти, и за эти пять лет ни одна женщина не смогла стать для него тем, кем была Луиза, — и не потому, что они ей и в подметки не годились, как он пытался убедить сам себя. На самом же деле Филипп панически, до ужаса боялся снова потерять любимого человека, и потому боялся снова полюбить, полюбить по-настоящему. Он хранил в своей памяти образ Луизы, как щитом, прикрывая им свое сердце, что позволяло ему увлекаться женщинами, влюбляться в них, заниматься с ними любовью, не любя их всем своим естеством. Он даже не замечал, как этот образ со временем менял свои очертания: светло-каштановые волосы постепенно темнели, фигура становилась хрупче, глаза — бойче, живее, ум — острее, манеры — более властными и мальчишескими. И вот, в один прекрасный день Филипп внимательнее всмотрелся в образ своей любимой и вдруг понял, что она жива, что она рядом с ним. Он осознал, какую пустоту носил в своей душе все эти годы, лишь когда ее целиком заполнила другая женщина, и он захлебывался слезами, в последний раз оплакивая давно умершую Луизу и радуясь рождению новой любви...

Выйдя из мыльни, Филипп обнаружил, что дверь в спальню чуть приоткрыта и оттуда доносится оживленное шушуканье. Он мигом обернул полотенце вокруг бедер, на цыпочках подкрался к двери и прислушался. В спальне болтали две девушки. Большею частью говорила гостья Бланки, но тараторила она так быстро и с таким жаром, что Филипп ровным счетом ничего не разобрал, за исключением того, что разговор велся по-кастильски и предметом обсуждения был он сам.

На какое-то мгновение после тихого «да» Бланки, произнесенного в явном замешательстве, в спальне воцарилась тишина, которая затем взорвалась звонким, жизнерадостным и очень заразительным смехом Елены Иверо.

— Ах ты моя маленькая проказница!.. Нет, подумать только! Ты... Ты...

Филипп тактично постучал в дверь, вдобавок громко покашлялся и вошел в спальню.

— Добрый вечер, принцессы. Как поживаете?

Обе девушки сидели в обнимку на краю кровати. Елена была одета в вечернее платье темно-синего цвета, Бланка — в розовый кружевной пеньюар. Перед ними стоял невысокий столик, обильно уставленный всяческими яствами и напитками.

— Рада вас видеть, кузен,— с улыбкой произнесла Елена.— Особенно в таком виде. И между прочим, ваше обращение «принцессы» совсем неуместно.

— В самом деле?— сказал Филипп, усевшись на табурет напротив девушек и принимаясь за еду.— А как же мне подobaет обращаться?

— Как мужчине, вошедшему в спальню дамы в одной лишь набедренной повязке. Приблизительно так: «Добрый вечер, кузина. Какой сюрприз, что вы здесь!»— это ко мне. А затем: «Бланка, солнышко, как ты себя чувствуешь? Кузина не будет возражать, если я сейчас же тебя поцелую?»

Филипп рассмеялся. Он искренне симпатизировал Елене и не устал восхищаться ее неистощимым жизнелюбием. Он от всей души надеялся, что эта жажда жизни поможет ей с достоинством принять жестокий удар, который обрушится на нее уже завтра, когда она узнает, что ее единственный брат, человек, любимый ею скорее как мужчина, оказался безумцем и преступником.

— Боюсь, нас раскусили, Бланка,— произнес Филипп, все еще посмеиваясь, но в смехе его проскальзывала грусть, навеянная мыслью о Рикарде.— Должен покаяться, кузина: недавно мы совершили грех прелюбодеяния. Да простит нас Бог!— И он лицемерно возвел горé очи.

— То-то я и слышала, как вы хныкали в мыльне. Знать, вымаливали у Господа прощение.— Елена хитро усмехнулась.— А Бланка, в виду отсутствия падре Эстебана, исповедывалась мне.

— А?— Филипп вопросительно взглянул на Бланку.— Исповедывалась?

— Ну, не совсем исповедывалась, — немного смущаясь, ответила она. — Просто я рассказала кузине о...

— Обо всем, что произошло, — подхватила Елена. — Начиная с того момента, как коварная Маргарита оставила вас наедине с подвязками.

Филипп чуть не подавился куском мяса, с трудом проглотил его и закашлялся.

— Вы шокированы, кузен? — осведомилась княжна.

— Ну... По правде говоря, я не ожидал, что Бланка будет с вами так откровенна.

— И тем не менее она со мной откровенна. Только со мной, и только с глазу на глаз.

— Елена моя лучшая подруга, — вставила Бланка.

— А как же Маргарита?

— Маргариту я тоже люблю, но... Мы с ней слишком разные.

— Вот именно, — сказала Елена. — Зачастую Маргарита не понимает Бланку, потому что смотрит на жизнь совершенно иначе. Естественно, это не способствует откровенности — тем более со стороны такой застенчивой особы, как наша Бланка.

— Ну, а вы, кузина? Лично я не рискну назвать вас застенчивой. Скромной, порядочной — да. Но отнюдь не застенчивой.

Елена с благодарностью улыбнулась:

— Вы безбожно льстите мне, кузен; это насчет скромности. А что касается нас с Бланкой, то несмотря на всю нашу несхожесть, мы прекрасно ладим. Она понимает меня, я понимаю ее, и в определенном смысле я знаю о ней больше, чем она — сама о себе.

— Вот как! — удивилась Бланка.

— Ну, разумеется! Ведь не зря же говорят, что со стороны виднее. Свежий взгляд на вещи отмечает то, на что сжившиеся с ними не обращают внимания в силу многолетней привычки. К примеру, еще до вашего приезда, кузен, у меня не было никаких сомнений, что вы с Бланкой... — Елена насмешливо покосилась на нее. — Иными словами, я предвидела это и знала, что рано или поздно...

— Прекрати, кухня! — обиженно воскликнула Бланка.

— Э, нет, милочка, — ласково возразил Филипп. — Это очень интересно. И я не вижу причин стесняться, если вы с Еленой действительно такие близкие подруги. Прошу вас, кухня, продолжайте.

— А тут и продолжать нечего. Только и того, что однажды Бланка сама призналась мне, что она просто без ума от вас и страстно желает... э-э... сойтись с вами *поближе*.

— Я этого не говорила! — запротестовала Бланка.

— Такими словами, нет. Но вспомни, дорогуша, что ты рассказывала о себе и кузене Филиппе той ночью, когда мы влюбились друг в друга.

Во второй раз за последние несколько минут Филипп чуть не подавился.

— Что?!! — ошарашено произнес он. — Я не ослышался?

— И опять вы шокированы! — весело рассмеялась княжна. — Нет, нет, это вовсе не то, о чем вы подумали. Просто однажды нам обоим не спалось, вот мы и болтали всю ночь, делись своими секретами... Тогда-то мы, собственно, и сдружились по-настоящему. А Маргарита нафантазировала себе невесту что. Дескать, мы в одночасье воспылали нежнейшей любовью — так это выраженьице и прилипло к языку. На самом же деле Маргарита просто ревнует Бланку и знай поддевает нас: «Как вам не совестно, кухни! Стыдище-то какое!» И прочее в том же духе... — Елена негодуяще фыркнула. — Чья бы корова мычала! Сама она, когда у нее нет парней, тащит к себе в постель фрейлин, а чего только стоят ее шуры-муры с кухней Анной. Это вообще черт-те что... — Княжна растерянно умолкла. — Ах, простите, друзья! Что-то я разговорилась не в меру. Я вообще ужасная болтуня. Дайте мне только повод, и я вас до смерти заговорю. Боюсь, кузен, вы глубоко заблуждаетесь относительно моей скромности... Ну, ладно. Я пришла сюда не для того, чтобы надоедать вам своей пустой болтовней...

— Что вы, кухня!..

— Ай, прекратите, кузен! — отмахнулась Елена. — Я страшно не люблю лицемерия, пусть даже из вежливости. Я пре-

красно понимаю, что сейчас вы хотите остаться наедине с Бланкой, и она хочет того же. Поэтому я не отниму у вас много времени, лишь выполню поручение кухни Арагонской и тотчас уйду.

— Вы имеете в виду Изабеллу? — уточнил Филипп, невольно краснея под ревнивым взглядом Бланки.

Елена снова улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке не было ни веселья, ни иронии, ни лукавства.

— Похоже, что в нашей милой королевской компании назревает громкий скандал, — с серьезным видом произнесла она, подобрала край своего платья и вынула из пришитого к нижней юбке накладного кармана сложенный в несколько раз лист бумаги. — Это письмо вам, кузен. Как видите, оно не запечатано, и я не стану утверждать, что не читала его.

Филипп в смятении развернул письмо, написанное мелким, почти бисерным почерком, но явно второпях, и быстрым взглядом пробежал его неровные, местами скачущие и налезавшие друг на друга строки.

— Carajo*! — в сердцах выругался он, настолько потрясенный, что даже не обратил внимания, как покоробило от этого обеих девушек. — Черти полосатые! Пресвятая Богородица, спаси нас и помилуй...

Отведя таким образом душу, Филипп внимательно перечитал письмо с самого начала:

Мой милый друг!

Когда кухня Елена вручит тебе эту прощальную записку, которую я не решаюсь назвать письмом, я буду уже далеко отсюда, и мы с тобой больше никогда не свидимся. Навряд ли я смогу убедительно объяснить тебе причины моего поступка, да и не намерена делать это. Возможно, ты скажешь, что я сошла с ума, но по мне лучше такое безумие, чем та жизнь, на которую обрекает меня брак с этим чудовищем — моим мужем. Сама же я не считаю себя сумасшедшей, напротив — я, наконец, прозрела и поняла, в каком аду провела последние шесть лет. Я не хочу возвращаться обратно в это пекло, я больше не могу жить так, как жила прежде.

*Carajo! (от carajar — совокупляться) — грубое испанское ругательство.

После того, как ты ушел от меня, я всю ночь не сомкнула глаз. Я была безмерно счастлива и глубоко несчастна. Я чувствовала себя очищенной от всей накопившейся во мне скверны и в то же время я осознала, что после всего происшедшего между нами, такого светлого и прекрасного, я скорее умру, чем позволю мужу снова осквернить меня, я убью себя прежде, чем эта отвратительная жаба вновь прикоснется ко мне. Я была в отчаянии, я не знала, что мне делать, я готова была тут же повеситься — и вовсе не страх перед гневом Всевышнего удержал меня от этого поступка. Я хочу жить, хочу любить, но еще больше (и это я поняла благодаря тебе) я хочу быть любимой. Ты любил меня лишь полтора часа — но какое я познала блаженство! Ты разбудил меня от жуткого сна, ты заставил меня прозреть, и теперь я знаю, что мне нужно. Я хочу, чтобы меня любили — ведь это так прекрасно, когда тебя любят! Я до конца своих дней буду благодарна тебе за этот урок. Да благословит тебя Господь, Филипп, и ниспешет тебе долгие годы счастливой жизни.

У меня есть друг, верный друг, который любит меня и готов ради меня на все, — и ты знаешь, кто он. Еще неделю назад он предлагал мне бежать вместе с ним. Сегодня на рассвете я приняла его предложение, но с условием, что бежим мы немедленно. Я рассказала ему все, и он согласился. Он знает о нас с тобой, и он понимает меня, потому что любит. А для меня это самое главное. Пусть даже я пока не люблю его, но полюблю непременно — в ответ на его любовь и преданность. Я знаю, я верю, что буду счастлива с ним. И если мне суждено будет вскоре погибнуть в чужом краю, так и не достигнув того, что посулил мне Эрик, то я хоть умру счастливой.

Мы уезжаем прямо сейчас, как только я допишу это письмо и отдам его Елене. У меня начинается новая жизнь, и я перечеркиваю всю прежнюю. Я отрекаюсь даже от своих детей. Да простит меня Бог, но я всегда ненавидела их, с самого их рождения, — ведь они также и дети того чудовища, которое испоганило мою юность. Мне горько и больно, но в жилах моих детей течет дурная кровь, и ты сделаешь Франции большую услугу, если выполнишь свое обещание и лишишь их наследства. Возможно, мне придется отречься и от своей веры, и я сделаю это без колебаний — ведь Бог един и, думаю, Ему все равно, как люди крестятся, славя Его. Но об этом пусть те-

бе расскажет Елена — я ей во всем доверилась и надеюсь, что не ошиблась в выборе.

У меня уже нет ни сил, ни времени, ни желания писать дальше. Я сказала тебе все, что хотела сказать. Прости за сбивчивый слог. И прощай, милый.

Не пишу, что твоя, ибо это уже не так, но просто —

Изабелла.

Филипп тяжело вздохнул и, ни мгновения не колеблясь, передал письмо Бланке.

— Да, скандал будет отменный, — согласился он. — Шикарный скандал намечается. Надеюсь... То бишь боюсь, что это окончательно добьет Филиппа-Августа Третьего.

Елена посмотрела на него долгим взглядом. Между тем Бланка углубилась в чтение письма, и по мере того, как она пробегала глазами все новые и новые строки, выражение ее лица менялось. Первоначальная ревность уступила место недоверчивому удивлению, которое вскоре переросло в глубочайшее изумление, затем она прошептала: «Матерь Божья!» — и в голосе ее явственно слышалось искреннее сочувствие и даже одобрение.

— Так вы боитесь, кузен? — наконец произнесла Елена, не отводя от него пристального взгляда. — Или все-таки надеетесь?

Филипп опять вздохнул:

— Не буду лукавить, кузина, я на это надеюсь. Филипп-Август Третий, хоть авантюрист и до крайности безалаберен, все же порядочный человек и любим подданными. Он всю свою жизнь не покладая рук трудился во благо Франции — и не его вина, но беда его, что результаты оказались прямо противоположными.

— Вы его расхваливаете, — сказала Елена, — и тем не менее...

— И тем не менее для меня более предпочтителен король Филипп Шестой, который самое большее за десять лет разбазарит всю страну, доведет ее до нищеты и разорения, и каждая собака в крестьянском дворе, не говоря о людях, люто возненавидит его.

— И тогда Франция сама попросится под руку галльского короля, — подытожила княжна. — Я вас правильно поняла?

— Совершенно верно, кузина.

— Однако вы честолобец!

— Не возражаю, я честолобив. Но вместе с тем замечу, что воссоединение Франции с Галлией не просто мой каприз, это неизбежный процесс. Рано или поздно все галльские государства объединятся в одно — Великую Галлию. В конце концов, французы — те же галлы, разве что нахватались сверх меры германских слов и взяли себе дурную привычку «съедать» конечные гласные...

— Какой же ты бессердечный! — вдруг выкрикнула Бланка, сжимая в руке письмо Изабеллы; на длинных ее ресницах блеснули слезы. — Во всем ищешь для себя выгоду. И как только я могла полюбить такого... такое чудовище!

— Ну вот, — с грустной улыбкой констатировала Елена. — Первая семейная ссора. А сейчас последует сцена ревности.

— Вовсе нет, — чуть успокоившись, ответила Бланка. — Никакой ревности. Ведь это было вчера, и это... Это так трогательно, так прекрасно!

— Прекрасно?

— Да, Елена, прекрасно. Кузина Изабелла поступила правильно, она мужественная женщина. Когда я впервые увидела графа де Пуатье, то поняла, как мне повезло, что я не родилась лет на пять раньше — глядишь, меня бы выдали за эту мерзкую скотину. А потом... Вчера, когда он затянул эту гнусную песню, я посмотрела на Изабеллу — у нее был такой взгляд, там было столько боли, отчаяния и безысходности, что я.... Право, будь моя воля, я бы тотчас прикончила его, — последние слова она произнесла с тем жутким умиротворением, с той неестественной кротостью, с какими ее отец выносил смертные приговоры. — Но тебе этого не понять, кузина. Пока не понять — потому что ты еще... это...

— Потому что я еще девственница, — помогла ей Елена. — Нет, это потрясающе, Бланка! Недавно ты рассказывала о таких пикантных вещах, а теперь, в присутствии кузена Филиппа, стесняешься произнести это совершенно невинное слово...

Но именно такую я тебя и люблю. — Она обняла Бланку и расцеловала ее в обе щеки. — Вы, случаем, не ревнуете, кузен?

— Ни капельки, — заверил ее Филипп. — Друзья Бланки — мои друзья.

— А значит, мы с вами друзья. Вот и хорошо! Может, тогда выпьем, как говаривают немцы, на брудершафт?

— То есть на ты? Великолепная идея! Ведь мы не такие уж дальние родственники — король Галлии Людовик Пятый был нашим общим прапрадедом. К тому же у меня с трудом поворачивается язык говорить «вы» хорошеньким девушкам, в особенности таким красавицам, как... как ты, Елена.

Они выпили на брудершафт.

— Итак, — произнесла затем княжна, — мне рассказывать про Изабеллу и Эрика сейчас, или отложим до утра?

— Сейчас, но только в общих чертах, — ответила Бланка. — Куда они направились? Что это за намек на возможное отречение от Господа Иисуса?

— И тебя это больше всего смущает, — улыбнулась Елена. — Не беспокойся, Изабелла не собирается отречься от христианства. Речь идет лишь о переходе в греческую веру.

— Ага! — сообразил Филипп. — Кузен Эрик возвращается на Балканы.

— Да. К весне в Далмации и Герцеговине снова намечается восстание против византийского господства, и на этот раз большинство тамошних вельмож склонны признать Эрика своим вождем, правда, с условием, что он примет православие.

— И Изабелла вместе с ним?

— Да. Чтобы выйти за него замуж. После обращения в греческую веру ее брак с кузеном Пуатье будет считаться недействительным, вернее, сомнительным по православным канонам, и любой греческий епископ может освободить ее от всех обязательств.

Филипп понимающе кивнул:

— Итак, наши беглецы вскоре поженятся и, если их предприятие увенчается успехом, через год станут правителями Далмации и Герцеговины. Что ж, недурно. В плане своего об-

щественного положения кузина Изабелла теряет немного... кроме истинной веры, конечно,— добавил он, лукаво взглянув на Бланку.— Да и кузен Эрик не прогадал, влюбившись в Изабеллу Юлию,— ее родовое имя Филипп произнес с особым нажимом.

— О чем ты?— спросила Елена.

— Кажется, я понимаю,— отозвалась Бланка, укоризненно глядя на Филиппа.— И во всем-то он ищет политическую подоплеку, несносный такой!.. А впрочем, кузина, в этом что-то есть. Балканские славяне, хоть они и греческого вероисповедания, в политическом отношении больше тяготеют к Риму, чем к Константинополю, поэтому брак кузена Эрика с троюродной сестрой царствующего императора значительно укрепит его позиции.

— Ах!— в притворном отчаянии всплеснула руками Елена.— Почему тогда я не бежала с Эриком! Ведь я же двоюродная сестра Августа Юлия.

Все трое весело рассмеялись, и последние тучи над их головами рассеялись.

— Да, кстати,— спросил Филипп.— Когда они бежали?

— Сегодня утром, в восьмом часу, когда все остальные еще отходили после вчерашней попойки. Кузен Эрик оставил для Маргариты письмо, в котором сообщает, что вынужден незамедлительно вернуться на родину, и приносит извинения за свой поспешный отъезд. А что касается Изабеллы, то она «проболеет» до завтрашнего вечера — к тому времени они с Эриком уже наверняка будут в Беарне...

— Черти полосатые!— не очень тактично перебил ее Филипп.— Надо было сказать мне раньше. Я бы...

— Я в этом не сомневалась, кузен, и потому убедила Эрика скорректировать свои планы, выбрав более длинный, но совершенно безопасный маршрут. Вместо того, чтобы ехать в Барселону, он послал туда гонца с приказом для капитана своего корабля не мешкая отплыть в Порт-Вендор, а дворяне из его свиты, которые остались в Памплоне, должны присоединиться к нему и Изабелле в Лурде...

— Я сейчас же напишу распоряжение коменданту лурдского гарнизона...

— Не стоит, кузен. Это вже сделано.

— Кем?

— Господином де Шатофьером.

— Так он в курсе?!

— Да. Я посоветовала Эрику довериться твоему коннетаблю, и он последовал моему совету. Граф Капсирский любезно согласился помочь им и дал сопроводительное письмо, которым предписывается комендантам всех гасконских гарнизонов оказывать содействие нашим беглецам и обеспечить им надежную охрану, пока они не взойдут на корабль Эрика.

А Филипп угрюмо покачал головой:

— М-да, вижу, у вас все схвачено, все учтено, и на мою долю ничего не осталось... Но нет! Кое-что все же осталось. Я возьму под защиту горничную кухни Изабеллы. Когда граф де Пуатье узнает, что она покрывала свою госпожу, то наверняка вознамерится порешить ее.

Елена усмехнулась:

— И это учтено, кузен. С сегодняшнего утра девушка находится в моем услужении, и то, что она делает, исходит от меня. По сути, она выполняет мои приказания.

— Эх! — вздохнул Филипп. — Ладно, сдаюсь.

— И все-таки, — произнесла Бланка. — Почему Изабелла доверилась именно тебе? Почему не своей сестре?

— Ну, прежде всего потому, что Мария вчера много выпила, к тому же ночью у нее был Фернандо. Вот Изабелла и обратилась ко мне, ведь я известная авантюристка. — Елена звонко рассмеялась. — А кроме всего прочего, за мной был небольшой должок.

— Это насчет Гамильтона? — поинтересовался Филипп.

— Да, точно. И ты, небось, думаешь, что у меня с ним роман?

— Я уже не знаю, что мне думать, — откровенно признался он.

— Скоро узнаешь. Скоро все узнают. Это будет еще один сюрприз... — Елена встала с кровати и расправила платье. —

Ладно, я побежала. Вижу, кузен, ты уже наелся и теперь поедаетшь взглядом Бланку... Нет-нет, все в порядке. Не уверяй меня, что мое присутствие тебе не мешает. Не люблю лицемерия, повторяю, пусть даже из самых лучших побуждений. Я и так засиделась у вас, а мне надо еще разыскать Рикарда. Боюсь, он снова надрался до чертиков и валяется где-то в полной отключке. — Она удрученно вздохнула. — Бедный мой мальчик! Просто ума не приложу, что мне с ним делать. В последнее время он ведет себя так странно, что я... Ой! Я опять заболталась. Будь он неладен, мой длинный язык! Всего хорошего, друзья.

С этими словами Елена торопливо вышла из спальни, но минуту спустя она вихрем ворвалась обратно и застала Филиппа и Бланку, стоявших возле кровати и целовавшихся.

— О Господи! — пробормотала она в полном замешательстве. — Что на меня нашло?!.. Простите меня, ради Бога. Я такая бестактная, я вовсе не скромная. Но я... Я это из лучших побу... Ох!.. Прости, кузен, прости, Бланка, но раз уж я вернулась... В общем, скажи мне, Филипп: ты действительно любишь Бланку? Только откровенно.

— Да, — ответил он. — Я ее *очень* люблю.

— И она *очень* любит тебя. Пожалуйста, не обижай ее, *очень* прошу... Ведь она просто *обожает* тебя.

— Не обижу, — пообещал ей Филипп. — Не волнуйся, Елена. Бланка сама не даст себя в обиду.

— Ты только не подумай ничего такого, кузен...

— Что ты, кузина! Уверяю тебя, я ничего такого не думаю. Сейчас я вообще не в состоянии о чем-либо думать.

Елена закатила глаза и протяжно застонала.

— Ах, да, да! Вот я недотепа! Ну, что ж это со мной, в самом деле?!

Она подобрала юбки и стремглав выбежала из спальни, громко хлопнув за собой дверью.

— Елена замечательная девушка, — сказал Филипп, снова подумав о Рикарде. — Такая веселая, общительная, непосредственная. И очень душевная. У тебя хорошая подруга.

— Да,— согласилась Бланка.— Она прекрасная подруга. Я ее очень люблю.

— И она тебя *очень* любит. А как переживает за тебя, надо же!— Он пристально посмотрел ей в глаза.— Интересно, чем ты ее приворожила? Несмотря на ее пылкие заверения, мне все-таки кажется, что она безотчетно испытывает к тебе...

— Филипп!— воскликнула Бланка, чуть не задохнувшись от негодования.— Думай, что говоришь!

— Я говорю, что думаю, милочка,— кротко ответил Филипп.— Ты так прекрасна, что перед тобой не устоит никто — ни женщины, ни мужчины... Ну, ладно, замнем это дело.

Он бережно опустил Бланку на кровать, сам прилег рядом с ней и нежно поцеловал ее в губы.

— Филипп,— прошептала она.— Боюсь... Боюсь, я сейчас не смогу...

— Я тоже не смогу, дорогая.— Он ухватил губами прядь ее волос и потянул к себе.— Так я еще никогда не уставал.

— Мы с тобой будто сдурели.

— Да-а, здорово у нас получилось. Ты хочешь спать?

— Нет... То есть, не очень. Я уже немного выпалась, но... Понимаешь, мне немного больно...

— Понимаю,— сказал Филипп.— И кстати, мне тоже больно. Ты меня всего искусила.

— Ах, милый!..— сказала Бланка, прильнув к нему.— Я... я совсем потеряла голову.

— И мы выделывали с тобой все, что я посоветовал тогда Габриелю,— продолжал он.— Тебе не стыдно?

— Нет, Филипп, не стыдно. Ни капельки не стыдно.

— Правда? И почему?

— Потому, что я действительно люблю тебя. Больше всего на свете люблю. Елена не ошиблась, она поняла это раньше меня.

— А ты когда поняла?

— Только сегодня. Там, в лесу, когда ты ласкал меня. Тогда я поняла, что давно люблю тебя. С самого начала, с первой нашей встречи. Боже, как я была глупа!.. Помнишь тот день, когда ты приехал в Толедо?

— Да, любимая, помню. Прекрасно помню — как будто это происходило вчера.

— Тогда я... Тогда у меня...

— Тогда ты стала девушкой, — помог ей Филипп.

— Да. Первый раз. И я была страшно напугана. Но Альфонсо утешил меня. Он сказал, что теперь я уже взрослая и могу выйти замуж. А когда я увидела тебя — ты был такой красивый! — то решила для себя: вот мой будущий муж.

— Правда?

— Да. Ты смотрел на меня, улыбался, украдкой строил мне глазки, и я подумала, что быть женщиной не так уж и плохо, если это позволит мне стать женой такого милого, такого очаровательного, такого... Я видела, с каким восхищением глядели на тебя все мои старшие подруги и даже взрослые дамы. Они просто умрут от зависти, думала я, когда мы с тобой поженимся... А потом... потом мне сказали, что я стану королевой Италии...

— И ты перестала интересоваться мной как мужчиной?

— Не совсем так. Я заставила себя видеть в тебе только друга. И все же... Когда у тебя был роман с Норой, я сходила с ума от ревности. Тогда я часто менялась с ней платьями и... иногда я даже надевала ее белье. Теперь я понимаю, что мне очень хотелось оказаться на ее месте; в ее одежде я чувствовала себя как бы чуточку ею. Поэтому я и подстраивала все так, чтобы люди думали, будто я встречаюсь с тобой. Зря Нора благодарила меня за такое самопожертвование — я делала это для себя, для своего удовольствия, хотя сама об этом не подозревала. И знаешь, мысль о том, что в меня украдкой тычут пальцами, что за моей спиной шушукаются, была мне приятна. Я сгорала от стыда, но вместе с тем чувствовала себя на верху блаженства. А когда отец вызвал нас с Норой и Альфонсо и грозно произнес, обращаясь ко мне: «Ах ты бесстыжая, развратная девчонка!» — я чуть не задохнулась от счастья...

— И даже тогда ты не поняла, что любишь меня? И не раскрыла мне глаза на то, что я люблю тебя.

— Наверно, я испугалась, Филипп. Я всегда боялась тебя, боялась потерять из-за тебя голову. И, кажется, мои опасения

не были напрасными... Я так убеждала себя, что люблю Этьена — он очень милый, очень добрый, очень хороший. Но ты... ты...

Филипп крепко обнял ее и поцеловал.

— И что же мы будем делать, Бланка? Теперь, когда мы знаем, что любим друг друга?

— Не знаю,— всхлипнула она и зарылась лицом на его груди.— Ничего я не знаю. Я не хочу думать о будущем.

— А надо...— Филипп не успел развить свою мысль, поскольку в этот самый момент раздался громкий стук в дверь.

Глава LI

Эрнан отказывается что-либо понимать

Бланка торопливо натянула на себя и Филиппа одеяло и спросила:

— Кто там?

— Эрнан де Шатофьер,— послышался за дверью знакомый баритон.— Прошу прощения, сударыня, но...

— Я здесь,— отозвался Филипп.— Что тебе надо?

— Тебя. И немедленно.

— Что-то стряслось?— всполошился Филипп, тут же соскочил с кровати и начал второпях одеваться.— Он не сознался?

— Да нет, сознался,— ответил Эрнан с какими-то странными интонациями в голосе.— Однако палачам пришлось хорошенько поработать!

— Матерь Божья!— ужаснулся Филипп.— Вы что, пытали его?! Вы его изувечили?

— Нет-нет, ни в коем случае. Но его пришлось долго бить. Очень долго, черт возьми! Целый час мы запугивали его пытками, палачи показывали ему клещи, плети, прочие свои причиндалы, детально описывали, как их используют, какую жуткую боль они причиняют — а он хоть бы хны...

— Так вы добились от него признания?

— Вернее, мы выбили из него признание. Это было не шибко приятное зрелище. Он ведь такой хрупкий, такой неженка, он так пронзительно визжал, то и дело терял сознание...

— Прекрати! В каком он состоянии?

— Сейчас в плачевном. Но через неделю-другую будет в норме... чтобы достойно взойти на эшафот.

— О чем это вы? — озадаченно спросила Бланка; она уже натянула на ноги чулки, вступила в тапочки и закуталась в пеньюар. — О ком вы говорите?

Филипп растерялся, не зная, что ей ответить.

— Сударыня, — произнес за дверью Эрнан. — Право, мне очень неловко, но в связи с отсутствием госпожи Маргариты я вынужден обратиться за помощью к вам.

Филипп и Бланка обменялись взглядами.

— Хорошо, — сказала она и, оценивающе поглядев на свой длинный пеньюар, добавила: — Одну минуту, граф.

Пока Филипп одевался, Бланка расправила на кровати одеяло, зажгла в канделябре еще две свечи и спрятала в сундук все свое белье и верхнюю одежду. Затем она присела на край кровати перед столиком с остатками ужина и пригласила Шатофьера войти.

Эрнан выглядел уставшим и до предела взвинченным. Во всем его облике сквозила растерянность вперемежку с недоумением.

— Я, право... — начал было он, но Бланка решительно перебила его:

— Отбросим формальности, граф. Я знаю вас как очень тактичного и воспитанного человека, и не сомневаюсь, что без веских причин вы бы не решились поставить меня... поставить всех нас в неловкое положение. Прошу вас садиться, сударь.

Эрнан осторожно опустился на табурет, где прежде сидел Филипп. Сам Филипп устроился подле Бланки.

— Дорогая, — сказал он, видя, что Шатофьер колеблется. — Приготовься услышать от моего друга дурные вести. Он соби-

рается поведать нам еще об одном скандале в нашей милой королевской компании.

— И эти вести,— добавил Эрнан,— гораздо хуже, чем ты полагаешь, Филипп.

— Вот как?

— А в чем, собственно, дело?— осведомилась Бланка.— Насколько я поняла из ваших слов, граф, вы кого-то допрашивали. Вы раскрыли какой-то заговор?

Эрнан сдержанно кивнул.

— И небось,— продолжала она,— в нем замешан... мм... мой муж?— последние два слова Бланка произнесла с презрительной иронией.

— Да,— подтвердил Филипп.— Граф Бискайский вместе с виконтом Иверо запланировали убийство Маргариты.

При этом известии Бланка не вскрикнула от ужаса, как ожидал Эрнан, и не сверкнула в гневе глазами, как предполагал Филипп, и даже не вздрогнула — что, по мнению обоих, было бы вполне естественной реакцией. Она лишь поджала губы и побледнела, а пальцы ее рук судорожно сцепились. В спальне воцарилась гнетущая тишина.

— Я опасалась чего-нибудь в этом роде,— наконец произнесла Бланка со зловещей кротостью в голосе.— Еще летом я предупреждала Маргариту, что она играет с огнем. Это правда, она не давала Рикарду никаких надежд и не уставала повторять, что не выйдет за него замуж. Но держалась она с ним не как с любовником, а как с супругом. Она сильно привязала его к себе, а он... Он так безумно любил ее, что, когда был отвергнут, вовсе потерял голову... Бедный Рикард! Бедная Елена!.. А мой муж — мерзкий, отвратительный негодяй! Это он во всем виноват, он воспользовался безумием Рикарда и подбил его на преступление. Надеюсь, он не уйдет от расплаты. Надеюсь, ему отрубят голову — чего он давно заслужил.

От этих слов Бланки, от ее жуткого, неестественного спокойствия по спине Эрнана пробежал озноб. Несколько секунд он ошеломленно глядел на нее, затем с трудом промолвил:

— Будем надеяться, моя принцесса, что граф не избежит

заслуженной кары — и людской, и Божьей. А вместе с ним — и виконт Иверо.

Взгляд Бланки смягчился. Наряду с холодной решимостью в ее глазах появилась грусть.

— Маргарита помилует Рикарда, в этом я не сомневаюсь. Ведь он не преступник — он безумец.

Эрнан тяжело вздохнул:

— Увы, сударыня, все не так просто. Господин виконт в своем безумии зашел слишком далеко. Он уже переступил ту грань, за которой кончается милосердие. Вначале я тоже жалел его и сочувствовал ему — пока не узнал, как обстоят дела.

— Есть что-то еще? — спросила Бланка. — Что-то, о чем не сказал Филипп?

— К сожалению, да. Задумай виконт совершить покушение на жизнь госпожи Маргариты в пылу страсти, побуждаемый ревностью и отчаянием, его, безусловно, можно было бы простить. Но...

— Но? — Бланка вся напряглась и немного подалась вперед.

— Но? — эхом отозвался Филипп. Едва лишь увидев Эрнана, он почувствовал что-то неладное. А чуть позже у него возникло подозрение, что Шатофьер узнал нечто, потрясшее до глубины души, и теперь, пусть и неумышленно, он оттягивает тот момент, когда ему придется сообщить эту ужасную весть. — Да скажи, наконец, что стряслось!

— Сударыня, — заговорил Эрнан, обращаясь главным образом к Бланке. — Как вы, наверное, догадались из нашего разговора с Филиппом, я только что...

— Да, вы допрашивали сообщника — это я поняла. И кто же он?

— Сам виконт Иверо.

Бланка вздрогнула и недоверчиво поглядела на него.

— Боже правый! Вы...

— Да, моя принцесса. Я сознаю, что нарушил закон, ибо допрашивать принца королевской крови с пристрастием допустимо только с позволения короля и Судебной Палаты Сената... Впрочем, его просто били, и я готов нести за это ответ-

ственность — за то, что велел нанятым мною людям избить господина виконта. Я искренне сожалею, сударыня, поверьте. Но я не раскаиваюсь. Полученные таким путем сведения оправдывают те незаконные средства, к которым я вынужден был прибегнуть.

— И что это за сведения? — холодно спросила Бланка, всем своим видом показывая, что доводы Эрнана не убедили ее.

— Между прочим, — добавил Филипп, с укоризной глядя на друга, — я не давал тебе таких полномочий. Указания были четкими и ясными — запугивать, но не применять насилие.

— К счастью, мне хватило ума не следовать твоим указаниям.

— К счастью?!

— Именно так — к счастью. К счастью для Жоанны Наваррской.

— Она-то здесь при чем?

— А при том, что сегодня ровно в час пополудни Рикард Иверо должен встретиться в верхнем коридоре галереи с неким сообщником, предположительно, с самим графом Бискайским, и помочь ему в убийстве княжны Жоанны.

— Пресвятая Богородица! — воскликнула Бланка. — Да что вы говорите, граф?!

Ошарашенный Филипп с немым вопросом уставился на Эрнана, который тем временем невозмутимо продолжал:

— В этом самом преступлении и сознался виконт Иверо. Он утверждает, что абсолютно непричастен к заговору Александра Бискайского с целью убийства госпожи Маргариты и ничего не слышал о нем.

— Но разговор...

— Не напоминай мне об этом! — раздраженно рявкнул Шатофьер. — Я ничего не понимаю! Ровным счетом ничего. Я вдолбил в свою тупую башку, что собеседником графа был Рикард Иверо — будто бы он единственный отверженный принцессой любовник... Но ведь все, решительно все свидетельствовало против виконта. И этот разговор на ристалище: «Она поступила с тобой по-свински... Она отступилась от тебя», и эти слова, что присутствующие не в счет, когда речь шла о

родственников — неужели я превратно истолковал их?.. Нет, я отказываюсь что-либо понимать! Или я глупец и редкостный тупица, или же... Тысяча чертей! Из-за своей дурацкой самоуверенности я чуть было не позволил Александру Бискайскому совершить сразу два убийства — сестры и кузины. Мне просто повезло, что Рикард Иверо, непричастный к покушению на принцессу Маргариту, все же оказался замешанным...

— Повезло?! — гневно оборвала его Бланка. — Вам повезло! Да вы с ума сошли!.. Боже милостивый! Как же так?.. Как мог Рикард... Как он мог?.. Он... Он...

Филипп обнял ее за плечи и привлек к себе, чтобы утешить, но тут Бланка, так же внезапно, как и взорвалась, взяла себя в руки и успокоилась.

— Прошу прощения за мою несдержанность, — сказала она Эрнану. — Но вы должны понять меня. Елена Иверо моя лучшая подруга, и я... я просто не могу поверить, что ее брат способен на такое... на такую мерзость. Он совсем спятил, он сумасшедший, он полностью потерял рассудок. Зачем, ну зачем ему убивать Жоанну? Что она ему сделала?.. Да, конечно, порой она поступала не совсем порядочно по отношению к нему, но разве это повод для убийства? Это... — Бланка коснулась ладонью лба, словно желая убедиться, что у нее нет жара. — Это похоже на какой-то жуткий кошмар!

— Да, — согласился Эрнан. — Это самый настоящий кошмар. Но и это еще не все.

— А что еще? — Бланка сложила руки на коленях. Ее бледное лицо не выказывало ровно никаких эмоций, взгляд был отрешенным. — Говорите, граф, я готова услышать все, что угодно.

— Виконт Иверо пошел на это преступление ради денег.

— Что?! — воскликнул Филипп.

Щека Бланки нервно дернулась.

— Не может быть! — почти простонала она.

— Он сам в этом признался. Граф Бискайский скупил у ростовщиков все его долговые обязательства — на восемьдесят тысяч скудо — и пообещал отдать их виконту после убийства княжны Жоанны.

— Но почему? — произнес Филипп. — Зачем графу Бискайскому убивать свою сестру?

Эрнан нахмурился и как-то странно поглядел на Бланку.

— Виконт Иверо сказал, что все, кому надлежит это знать, знают почему... Я тоже знаю — вернее, догадываюсь.

— Знаете?! Но откуда? Кто вам сказал?

— Я сам догадался, сударыня. Обычно братья и сестры не стесняются нежничать друг с дружкой на людях — и это вполне естественно. Однако... Последние три недели я тщательнейшим образом следил за поведением вашего супруга и заметил одну характерную деталь: княжна Жоанна откровенно избегает брата — при всем том, что она очень привязана к нему, — и в присутствии посторонних держится с ним слишком уж сухо, с такой нарочитой официальнойностью, что это не может не вызвать подозрений. Простите за прямоту, моя принцесса, но я осмелюсь предположить, что госпожа Жоанна... э-э... является камнем преткновения в ваших отношениях с графом. Поэтому он решил избавиться от нее, видимо, в надежде, что со временем вы простите его прегрешение и помиритесь с ним.

— О чем это вы тол... — начал было Филипп, как вдруг умолк на полуслове, челюсть его отвисла, а во взгляде появилось понимание, смешанное с изумлением. — Черти полосатые! Значит, вот почему ты...

Бланка резко толкнула его локтем в бок.

— Прекрати! Сейчас же! — Минуту она помолчала, пристально глядя Эрнану в глаза, затем произнесла: — Пожалуй, вы правы, граф. Я еще не знаю наверняка, но... Если бы Жоанна умерла, то со временем я, может, и смирилась бы с фактом моего замужества... Конечно, образцовой супружеской четой мы бы не стали... Впрочем, сейчас не то время и не очень подходящие обстоятельства, чтобы детально обсуждать этот вопрос. Возможный мотив убийства Жоанны мы выяснили, а теперь нам надо решить, что делать дальше.

— Поэтому я и обратился к вам, принцесса, — сказал Эрнан. — Госпожи Маргариты в замке нет...

— Да ну! — встревожился Филипп. — Куда же она подева-

лась? А вдруг граф Бискайский запланировал на эту ночь оба убийства?

— В таком случае, он прогадал. Этой ночью госпожа Маргарита находится в надежных руках. Она... — Шатофьер осекся и быстро взглянул на Бланку. — Она и граф Шампанский сейчас в усадьбе лесника.

— Ага, понятно, — проговорил Филипп и тут же вскипел: — Так почему вы ничего ей не рассказали?!

— Когда мы уезжали, то не знали, что она там... то есть мы с Гастоном не знали, зато Симон знал. Он с графиней де Монтальбан... гм, оставим это. Одним словом, он видел в окно, как они подъехали к усадьбе и вошли в дом, но не счел нужным сообщать нам об этом до тех пор, пока мы не прибыли в замок.

— Вот недотепа!

— Да нет, просто всю дорогу он дремал. Перед самым нашим отъездом я вытащил его тепленьким с постели и даже не потрудился как следует растормошить. Так что вина за все целиком лежит на мне.

— Вы говорили о сообщнике, граф, — сказала Бланка. — И предположили, что им может оказаться мой муж.

— Это вполне вероятно, сударыня. По крайней мере виконт Иверо уверен, что его сообщником будет граф Бискайский.

— Но ведь он в Памплоне, — возразил Филипп.

— А что мешает ему приехать в Кастель-Бланко, сделать свое черное дело и к утру вернуться во дворец? Ведь можно подстроить все так, что никто, кроме верных ему людей, не будет знать о его отсутствии.

— Думаешь, охрана замка куплена?

— О нет, вовсе нет. Однако хозяева замков имеют дурную привычку делать потайные ходы.

— А с чего ты взял, что граф Бискайский знает тайные ходы в замке Маргариты?

— Он знает тайные ходы в *своем* замке. Восемь лет назад Кастель-Бланко принадлежал ему, и вряд ли он, расставаясь с ним не по доброй воле, сообщил некоторые секреты его новой хозяйке.

Филипп так и присвистнул и вопросительно поглядел на Бланку. Она кивнула, подтверждая слова Шатофьера, затем встала с кровати и вышла из-за стола.

Эрнан мигом вскочил на ноги. Следом за ним поднялся и Филипп.

— Который сейчас час? — спросила Бланка.

— Около полуночи, — ответил Шатофьер. — Может, чуть меньше.

— Итак, друзья, — решительно произнесла она. — Что будем делать? Лично я предлагаю немедленно известить коменданта, чтобы он устроил в галерее засаду.

— Уже сделано, — сказал Эрнан. — Этим-то и занимается Гастон д'Альбре.

— Вот и хорошо. Как только я приоденусь, мы пойдем к Жоанне, расскажем ей обо всем и будем подле нее до тех пор, пока не схватят второго сообщника.

— Вернее, первого, — уточнил Шатофьер. — самого главного — который и должен убить княжну. А задачей виконта Иверо было, если он не соврал, лишь подстраховать его.

— А как же горничная? — спросил Филипп.

— Она-то как раз и куплена, — ответил Эрнан. — В отличие от охраны... И вот еще что, — добавил он, вновь переводя свой взгляд на Бланку. — Боюсь, вы сочтете меня нескромным, моя принцесса, но я бы не советовал вам переодеваться. Времени у нас в обрез, а выглядите вы вполне прилично.

Бланка скептически осмотрела себя в небольшом настенном зеркале, плотнее запахнула пеньюар и, выставив вперед ножку, убедилась, что при ходьбе она не будет обнажаться выше лодыжки.

— Хорошо, я пойду так. Времени у нас действительно мало.

Глава LII

Жоанна Наваррская

Ночь была темная, безлунная, в переходах царила почти кромешная тьма, и трое молодых людей медленно продвигались вдоль стены, держась друг за друга. Ни фонаря, ни зажженной свечи они с собой не взяли, поскольку покои Жоанны и Бланки находились рядом, и их двери разделяло не более двух десятков шагов.

Возле самой цели этого короткого путешествия Эрнан вдруг замер и предупреждающе зашипел. Филипп и Бланка тоже остановились и наострили уши. Из коридора галереи, который начиналась впереди них, все явственнее доносился шум приближающихся шагов.

— Он? — прошептал Филипп, а про себя подумал: «Больно уж рано. Неужели он что-то заподозрил?»

Эрнан опять зашипел и подтолкнул Филиппа с Бланкой к неглубокой нише в стене прямо напротив двери покоев Жоанны. Все трое спрятались в ней и, затаив дыхание, ожидали дальнейшего развития событий.

Вскоре из-за поворота показалась мужская фигура, также без свечи, и, крадучись, направилась в их сторону.

«Боже! — подумал Филипп. — Какой он здоровенный! Да он одной рукой способен свернуть ей шею... Кто же это, черт возьми?!»

Не заметив засады, мужчина остановился перед дверью Жоанны и легонько толкнул ее. Дверь подалась и открылась почти бесшумно. Верзила удовлетворенно промурлыкал и вошел в переднюю. Но не успел он взяться за ручку двери, чтобы закрыть ее за собой, как Эрнан с тихой грацией пантеры вынырнул из ниши, в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и набросился на него.

Никакой борьбы не было. Незнакомец был так ошарашен молниеносным и, главное, бесшумным нападением со спины, что даже не пытался сопротивляться. Одной рукой обхва-

тив его за туловище, а другой зажав ему рот, Эрнан негромко бросил через плечо:

— Ко мне, друзья. И закройте дверь. Но потише.

Не создавая лишнего шума, Филипп и Бланка вошли в переднюю.

— Отлично сработано,— шепотом произнес Филипп, заворя дверь.— Никакого переполоху. Если это не тот, кого мы ждали...

— Тот он, тот,— уверенно ответил Эрнан.— Во как дрожит весь! Но, увы, это не граф Бискайский. Знать, его светлость не изволили самолично явиться к сестре.

Тут дверь в прихожую распахнулась и на пороге появилась княжна Жоанна. Она была одета точно так же, как Бланка, то есть в длинный пеньюар.

— Господа!.. Кузина!..

— Извините за беспокойство, сударыня,— сказал Эрнан.— Но мы вам кое-кого привели. Посторонитесь, пожалуйста.— И он втолкнул незнакомца в небольшую, хорошо освещенную прихожую.

— Ричард!— тихо вскрикнула Жоанна.— Вы!..

— Ба!— изумился Филипп, вслед за Бланкой и Эрнаном проходя в комнату.— Это же Ричард Гамильтон!

— Ну да,— прохрипел барон, с трудом переводя дыхание; от излишнего усердия Эрнан едва не задушил его.— Но я не понимаю...

— А-а, вы не понимаете!— саркастически произнес Шатофьер.— Так, может, объясним ему, друзья? Объясним этому доблестному и благородному рыцарю, зачем он в столь поздний час тайком пробирался в покои дамы?

Жоанна густо покраснела и опустила глаза.

— Это вас не касается, господин граф,— огрызнулся Гамильтон.— Это мое личное дело.

— Ваше личное дело, подумать только! А то, что вы хотели сделать с госпожой Жоанной, тоже ваше личное дело?

Жоанна пронзительно ойкнула и пошатнулась. Гамильтон стремительно бросился к ней и бережно усадил ее в кресло.

— Замолчите же вы, негодяй! — рявкнул он, грозно сверкая глазами. — Думайте, что говорите!

— Это я негодяй?! — возмутился было Эрнан, но тут Филипп, тихо посмеиваясь, положил ему руку на плечо.

— Успокойся, дружище, ты ошибся. Ты даже не представляешь, как ты ошибся! Барон никакой не злоумышленник — он любовник.

— А?! — произнесла Бланка и изумленно уставилась на Жоанну.

Та еще больше смутилась и глубже вжалась в кресло. Гамильтон вновь сверкнул глазами.

— Вы слишком любопытны, господа!

— Одну минутку, барон, — примирительно сказал Филипп. — Не петушитесь. Поверьте, мы вовсе не собирались вмешиваться в ваши личные дела.

Он подтянул ближе два кресла, в одно из которых села Бланка, а сам устроился в другом. Между тем Эрнан с облегченным вздохом развалился на соседнем диване.

— Так вот о каком сюрпризе намекала Елена, — задумчиво промолвила Бланка, попеременно глядя то на Жоанну, то на Гамильтона. — Однако же!.. Вы что, барон, рассчитываете жениться на кузине?

Гамильтон побагровел. Он все еще стоял возле кресла Жоанны; руки его судорожно сжались в кулаки.

— Сударыня, — с достоинством заговорил он. — Я вправду небогат, к тому же для вас я чужак, варвар. Но мой род в знатности ничем не уступает вашему. Гамильтоны — один из самых древних и могущественных кланов в Шотландии, а мои предки по матери...

— Прекратите, Ричард! — остановила его Жоанна, совладав с собой. Затем она устремила на Бланку решительный взгляд своих больших карих глаз и сказала: — Да, кухня, я выйду за него замуж. Хотите вы этого или нет, но мы поженимся. И можете называть наш брак как угодно — хоть мезальянсом, хоть...

Эрнан деликатно прокашлялся:

— Господа, дамы! Боюсь, сейчас не время обсуждать эти проблемы. Сударыня, — обратился он к Жоанне. — Я хотел бы задать вам несколько довольно щекотливых вопросов, и, поверьте, очень важно, чтобы вы откровенно ответили на них. Это важно прежде всего для вас.

— Да? — озадаченно произнесла Жоанна и вопрошающе поглядела на Бланку.

Бланка кивнула:

— Да, кузина, это очень важно.

— Но я ничего не понимаю...

— Вскоре мы все объясним, — заверил ее Эрнан. — Но прежде... Вы не могли бы сказать, где сейчас ваша горничная?

Жоанна снова посмотрела на Бланку.

— Ну же, говори! — приободрила ее та. — Это не праздное любопытство.

— Она... — в нерешительности начала Жоанна. — Она с Александром...

Все трое — Филипп, Бланка и Эрнан — вздрогнули и переглянулись.

— Так она с вашим братом? — переспросил Шатофьер. — Он сейчас в замке?

— Да... Но он просил никому не говорить. Я пообещала и... нарушила свое слово.

— Вы правильно сделали, сударыня, и убедительно прошу вас не огорчаться по этому поводу... Вы знаете, где сейчас находится ваш брат?

— Н-нет, не знаю... Честное слово. Ни малейшего представления...

— Однако вы виделись с ним?

— Да.

— Когда?

— В начале одиннадцатого.

— Он приходил к вам?

— Да.

— И никто его не видел?

— Нет, никто... Кроме меня и Доры, разумеется.

— Дора, это ваша горничная?

— Да.

— А как ваш брат попал в замок?

— По потайному ходу, который Маргарите неизвестен.

— Вы знаете, где этот ход начинается? И куда ведет?

— Нет. Я вообще только сегодня узнала о его существовании. — Жоанна немного помедлила, затем добавила: — Александр пришел из восточной башни, значит ход где-то там. Это все, что мне известно.

Эрнан вздохнул:

— Что ж, ладно. Вернемся к Доре. Значит, ваш брат взял ее с собой?

— Да.

— Она одна из его девушек?

— Мм... Да.

— И давно она у вас служит?

— Нет, всего лишь неделю. Это Александр попросил меня взять ее к себе... Ну... Вы же понимаете...

— Понимаем, — кивнул Эрнан. — А эта Дора откуда?

— Раньше она служила у кузины Иверо, но когда Елена узнала...

— Когда Елена узнала, — помогла ей Бланка, — что горничная путается с Александром, то прогнала ее прочь.

— Понятно, — сказал Шатофьер. — А теперь, сударыня, я заранее приношу вам свои глубочайшие извинения за очень нескромный вопрос, я очень сожалею, что вынужден задать его вам, но...

Жоанна напряглась и побледнела, как полотно. Пальцы ее вцепились в подлокотники кресла.

— Я слушаю вас, сударь, — с трудом вымолвила она.

— Когда сегодня ваш брат приходил к вам, о чем вы с ним говорили?

— Это очень нескромный вопрос, господин граф, — только и сказала княжна и закусила нижнюю губу. Но лицо ее выражало явное облегчение; очевидно, она ожидала куда более нескромного вопроса.

— Сударыня, — вновь заговорил Эрнан. — Убедительно прошу вас ответить, ради вашего же блага. Посмотрите на

нас — ведь мы ваши друзья. Господин Гамильтон, с которым вы твердо решили пожениться. Госпожа Бланка, которую вы немножко побаиваетесь, и тем не менее уважаете. Ваш кузен Филипп — он чувствует к вам искреннее расположение. И наконец я — госпожа Бланка может поручиться за меня. Поверьте, я желаю вам только добра.

— Доверься графу, Жоанна,— поддержала его Бланка.— Доверься всем нам. Я ручаюсь за господина де Шатофьера и за кузена Филиппа.

Жоанна тяжело вздохнула:

— Ладно. Я разговаривала с Александром про господина барона.

— Так он знает о нем?

— Да, знает.

— И одобряет вашу связь?

— Ну... В душе-то он против, однако согласие свое дал.

— На ваш брак?

— Да.

— И когда же?

— На прошлой неделе. Но с испытательным сроком.

— В каком смысле?

— Александр потребовал, чтобы я скрывала это до тех пор, пока он не убедится, что намерения Ри... господина Гамильтона серьезные.

— И вы скрывали?

— Да. Хотя... Мне пришлось довериться Елене, чтобы... чтобы...

— Я знаю,— кивнул Эрнан.— Ну, вот мы и подошли к самому, пожалуй, деликатному моменту в нашей беседе. Скажите, сударыня, как ваш брат относится к вашим ночным свиданиям с господином бароном?

Щеки Жоанны вспыхнули ярким румянцем стыда. Она прикрыла лицо руками, готовая тут же провалиться сквозь землю.

— Он не одобряет этого. Поэтому он приехал сюда... предупредить, что я не должна...

— И вы пообещали ему?

— Да.

— Но, как видно, вы и не думали сдержать свое обещание.

— О нет, нет! Что вы! Я собиралась отправить Ричарда обратно — как только он явится. Ведь так хочет Александр, а он... он так добр ко мне.

— Добр! — пораженно прошептала Бланка. — Она считает его добрым!.. Бог мой!..

— Если мы расскажем ей сейчас, — тихо произнес Эрнан, — начнется истерика. А между тем дело близится к развязке... — Он поднялся с дивана. — Госпожа княжна, господин барон. Может, мое предложение покажется вам весьма странным, но я просил бы вас ближайший час, максимум полтора часа, провести в покоях госпожи Бланки.

Жоанна отняла руки от лица и удивленно воззрилась на Шатофьера.

— Но зачем? Я не понимаю... — Она повернулась к Бланке: — Кузина! Хотя ты объясни мне, что все это значит?

Обменявшись с Эрнаном быстрыми взглядами, Бланка подошла к Жоанне, опустила перед ней на корточки и взяла ее руки в свои.

— Хуанита, — ласково и вместе с тем непреклонно заговорила она. — Если я скажу тебе, что так надо, ты послушаешься меня? Не задавая никаких вопросов, не требуя никаких объяснений — просто потому, что я так хочу, что я считаю это необходимым. Сделай так, как советует господин де Шатофьер. Ну!

Жоанна согласно кивнула. Она была девушка слабовольная, нерешительная, особым умом не блистала и привыкла плыть по течению, подчиняясь тем, кто сильнее ее; поэтому умная, волевая и властная Бланка имела на нее огромное влияние.

— Вот и хорошо, душенька. Позже мы тебе все расскажем, а пока пусть господин де Шатофьер проведет тебя и барона в мои покои.

Тем временем Эрнан отвел Гамильтона в сторону и извлек из-за отворота камзола свиток.

— Надеюсь, вы читаете по-галльски, барон?

— Да.

— А вы помните, что случилось с замком шейха эль-Баттиха, когда наши лазутчики устроили пожар в его пороховом погребе?

— Конечно, помню. Весь замок взлетел на воздух. Но к чему вы клоните?

— А вот к чему, — сказал Эрнан, сунув Гамильтону в руки свиток. — Когда вы прочитаете княжне то, что здесь написано, с ней случится нечто подобное. И я очень прошу вас, барон: войдя в покои госпожи Бланки закройте на все запоры дверь, проведите княжну в спальню... Не беспокойтесь, там все в полном порядке, постель убрана, никаких дамских вещичек на виду не валяется, обстановка опрятная и приличная. Я сказал: «в спальню» только потому, что это самая дальняя комната, и никаких криков, рыданий и причитаний снаружи слышно не будет.

— А эти самые крики, рыдания и причитания — они будут?

— Еще бы! Да такие, что не приведи Господь. И ваша задача, барон, состоит в том, чтобы ни в коем случае не позволить госпоже Жоанне немедленно броситься к нам за разъяснениями. Постарайтесь успокоить ее, утешить... ну, вы понимаете, как мужчина может утешить женщину.... И обязательно закройте входную дверь... Ах да, насчет двери. — Он повернулся к Жоанне, которая как раз поднималась с кресла: — Сударыня, ваш брат, случайно, не просил оставить незапертой дверь?

— Да, просил, — ответила окончательно сбитая с толку Жоанна. — Он оставил здесь свой дорожный плащ и шляпу и на рассвете собирается зайти за ними. Ну, и сказал, что не хочет будить меня. К тому же вместе с ним должна вернуться Дора — вот тогда она и запрет дверь на щеколду.

— Понятно, — сказал Эрнан. — Итак, сударыня, барон, вы готовы идти со мной.

— Да, — ответил Гамильтон, сжимая в руке свиток. — Веди нас, господин граф.

Проводив Ричарда Гамильтона и Жоанну Наваррскую, Эрнан вскоре вернулся в покои княжны и застал Филиппа и Бланку, сидевших на диване в прихожей и целовавшихся.

— Ну вот! — с притворным недовольством констатировал он. — До намеченного покушения осталось не более получаса, а они себе нежничают, как ни в чем не бывало.

Поначалу Бланка смутилась, но потом, встретившись с доброжелательным взглядом Шатофьера, успокоилась и позволила Филиппу вновь обнять себя.

— Чертов монах! — буркнул Филипп, подражая Гастону. — Тебе не понять, каково это — любить женщину.

— Это мне-то... — с неожиданным пылом начал было Эрнан, но тут же прикусил свой язык. — Мне-то как раз и не положено этого понимать. Ведь я дал обет.

Той ночью он был так взвинчен, что на какое-то мгновение потерял над собой контроль. Но, увы, от жарких поцелуев Бланки Филипп полностью разомлел и упустил уникальную возможность заглянуть другу в самую глубь его души.

— Насколько я понимаю, — после неловкой паузы заговорил он, — ты...

— А я ничего не понимаю! — резко оборвал его Шатофьер. — Ведь граф Бискайский еще два часа назад мог спокойно убить и сестру, и горничную, и сразу же убраться восвояси. Зачем ему вообще нужен был помощник, черт его дерит?! В конце концов, он мог просто отравить ее — и кто бы его заподозрил? Нет, я ничего не понимаю! Ровным счетом ничего. Здесь кроется что-то еще, что-то такое, чего я никак не могу усечь. Чего-то во всем этом деле я не улавливаю, хотя чувствую — объяснение находится где-то рядом, что-то вертится в моей голове, но никак не складывается в целостную картину.

— И поэтому ты решил позволить графу прийти сюда?

— Вот именно.

— А если он не придет? — отозвалась Бланка. — Ведь в назначенный час кузен Рикард не сможет появиться в галерее, и граф, глядишь, заподозрит неладное.

— Это я учел. Вместо виконта Иверо в галерее будет виконт де Бигор.

— Что?! — поразился Филипп. — Симон?

— Он самый. Симон похож на Рикарда Иверо и ростом, и фигурой, и прической, даже в их манерах и походке есть что-то общее. Правда, волосы у него темные, но сегодня новолуние, так что будем надеяться...

— Но ведь наш маленький, глупенький Симон...

— Хочешь сказать, что он не справится с ролью?

— Думаю, что нет.

— А я думаю, что справится. На самом деле Симон не так прост, как это кажется; вспомним хотя бы историю с дочерью лурдского лесничего. К тому же особенно играть ему не придется, его роль предельно проста: встретиться с сообщником, взять у него долговые расписки виконта Иверо, скупленные графом Бискайским у евреев, и последовать за ним... Черт подери! — вдруг вскричал Эрнан. — Понял! Понял, наконец!

— Что ты понял? — оживился Филипп.

— Зачем графу понадобился виконт Иверо.

— И зачем же?

— А затем, чтобы... Нет, погодите! — Минуту он простоял в задумчивости. С его лица напрочь исчезло обескураженное выражение, уступив место хорошо знакомой Филиппу мине уверенного в себе и в своей правоте человека. — Все сходится. Абсолютно все.

— И вы поделитесь с нами вашими догадками? — вежливо спросила Бланка.

— Непременно, моя принцесса, — ответил Эрнан. — Но прежде надо погасить всюду свет и распахнуть ставни. Затем мы спрячемся в спальне княжны и, пока будем ждать появления злоумышленника, я изложу вам свои соображения... Гм... У меня, кстати, появилась одна весьма остроумная идея, и если вы, сударыня, согласитесь, а ты, Филипп, не станешь возражать, мы можем устроить отличное представление.

Глава LIII

Покушение

А тем временем одетый в костюм виконта Иверо Симон расхаживал по своим покоям, пытаясь симитировать походку Рикарда. Гастон д'Альбре, которому Эрнан поручил проинструктировать Симона, недовольно морщился.

— Ну что ж,— сказал он наконец.— Будем надеяться, что преступник купится на твою шляпу.

— А может, оставим эту затею? — робко предложил Симон.— Пусть стражники схватят его прямо в галерее...

— Нетушки, дружок! Не увиливай! Они схватят его только в том случае, если он раскусит тебя. Но все же постарайся честно отработать те часы, что ты пронежился в постельке с Аделью де Монтальбан, между тем как мы... Ч-черт! И что она в тебе нашла, что решила родить ребенка именно от тебя, а не от меня, к примеру... Ай, ладно.— Гастон подступил к Симону и нахлобучил ему на лоб шляпу с непомерно широкими полями, которую последние несколько дней носил Рикард Иверо.— Вот так будет лучше. Готовься, дружок. Уж близится твой час.

У Симона вдруг затряслись поджилки. Он невольно застучал зубами.

— М-мне уж-же ид-ти?

— Нет еще. Обожди немного, успокойся. Пусть сообщник первым явится в галерею. А то не ровен час увидит, что ты вышел не из той двери... Да прекрати ты дрожать! Ну, прямо как девчонка пугливая.

Постепенно Симону удалось унять дрожь в ногах. Он даже чуток приободрился и расправил плечи.

— Уже пора?

— Пожалуй, да. Долго задерживаться тоже опасно. Он может забеспокоиться и, чего доброго, еще вернется за виконтом. Пошли.

— Мы так и пойдем вместе? — недоуменно спросил Симон.

— До входа в галерею. Я буду подстраховывать тебя — чтобы ты не так волновался.

Они вышли из покоев и крадучись подобрались к галерее. Д'Альбре легонько хлопнул Симона по спине и еле слышно прошептал:

— С Богом, дружище.

Симон вошел в галерею и увидел шагах в пятидесяти впереди себя мужскую фигуру. Его зазнобило, а на лбу выступила испарина. Вне всякого сомнения, это был злоумышленник!

И он поманил его к себе!!!

У Симона подкосились ноги, но он с мужеством насмерть испуганного человека двинулся навстречу своей судьбе. Подойдя к злоумышленнику, он так низко склонил голову, пряча лицо под полями шляпы, что наблюдавший за ним из-за угла Гастон про себя выругался:

«Негодный мальчишка! Сейчас он испортит все дело...»

К счастью, злоумышленник ничего не заподозрил, по-видимому, отнеся его странное поведение на счет вполне естественного волнения.

— Вы опоздали, кузен, — с ледяным спокойствием произнес он. — И не тряситесь так. Все будет в порядке.

«Матушка моя родная! Амелинка моя любимая!» — мысленно вскричал Симон. Он узнал голос злоумышленника и громко застучал зубами.

Между тем злоумышленник извлек из кармана какой-то пакет и протянул его Симону.

— Надеюсь, это вас успокоит. Здесь все ваши долговые расписки — на восемьдесят две тысячи скудо.

Дрожащими пальцами Симон взял пакет и запихнул его за отворот своего камзола.

— Так идемте же, кузен, — сказал злоумышленник. — Все будет в полном порядке, уверяю вас.

Весь путь они прошли молча. Симон плелся позади злоумышленника, низко склонив голову, и видел только его ноги. В голове у него царил полнейший кавардак. Потрясенный

своим открытием, он никак не мог справиться с мыслями и готов был разрыдаться от ужаса и отчаяния. Больше всего на свете ему хотелось броситься наутек, но страх показаться трусом удерживал его от этого поступка.

Наконец они подошли к двери покоев Жоанны. Как ни в чем не бывало, злоумышленник вошел в переднюю и тихо произнес:

— Входите живее. И закройте дверь.

Симон машинально подчинился этому приказу, и они очутились в крошечной темноте. В руках злоумышленника вспыхнула искра — сердце Симона ухнуло в холодную бездну, и он едва не лишился чувств, — но тут же искра погасла, и в передней снова воцарился мрак. Злоумышленник хотел лишь выяснить, где находится следующая дверь.

Когда они вошли в прихожую, Симон облегченно вздохнул — теперь уже не понадобится чиркать огнивом. Ставни окон были открыты, шторы раздвинуты, и сумрачного света, проникавшего извне, было вполне достаточно, чтобы идти, не рискуя натолкнуться на мебель.

— Так, — прошептал себе под нос злоумышленник. — Теперь направо... Вон та дверь. Следуйте за мной, кузен.

Они пересекли еще одну комнату и оказались перед дверью в спальню. Злоумышленник осторожно приоткрыл ее, и полумрак комнаты, где они находились, рассекла тонкая полоска света. В спальне, видимо, горела свеча.

Злоумышленник замер и несколько секунд обождал. Никакой реакции не последовало. Тогда он шире отворил дверь. Симон проворно отступил в сторону и спрятался в тени. Злоумышленник предостерегающе поднял палец и вкрадчивой поступью вошел в спальню.

На ночном столике возле кровати горела свеча. В постели ничком лежала укрытая до плеч девушка; ее пышные темно-каштановые волосы веером рассыпались по одеялу и подушкам.

Злоумышленник остановился посреди спальни и довольно ухмыльнулся. Его правая рука потянулась к поясу, где висел короткий кинжал. Но тут меж лопаток ему кольнуло что-

то острое, а в локоть мертвой хваткой вцепились чьи-то стальные пальцы. В тот же момент из-за дальнего полога кровати выглянула белокурая голова Филиппа.

— Ну и ну! — пораженно произнес он. — Надо же, кто почитил нас своим визитом...

Девушка, лежавшая в постели, быстро перевернулась на бок, чтобы взглянуть на злоумышленника... и вдруг ее красивое лицо исказила гримаса неподдельного ужаса. Широко раскрывая рот, она судорожно хватала воздух, будто вынутая из воды рыба. Зрачки ее глаз расширились почти на всю радужную оболочку.

— Игры окончены, дон Фернандо, — прозвучал за спиной злоумышленника голос Шатофьера. — Именем высшей справедливости мы арестовываем вас за попытку убийства госпожи Жоанны Наваррской, княжны Бискайской.

— Боже! — с невыразимой болью в голосе прошептала Бланка, к которой наконец вернулся дар речи. — Боже милостивый! Мой брат — убийца!..

Глава LIV

Рикард Иверо

Тибальду как раз снилось, что он силится надеть на себя наваррскую корону, но огромные ветвистые рога чувствительно мешают ему это сделать, когда в его вещий сон ворвался громкий стук и встревоженный девичий голос доносившийся из-за двери:

— Просыпайтесь, кухня! Да проснитесь же вы, наконец!

Тибальд раскрыл глаза. В комнате царила кромешная тьма — вечером, прежде чем лечь в постель, они затворили на окнах ставни и задернули их шторами.

— Кухня! — продолжал вещать нежный голосок. — Я знаю, что вы здесь. Отзовитесь же!

Лежавшая в объятиях Тибальда Маргарита убрала голову с его плеча и откинулась на подушку.

— Э-ы, аэй? — зевая, произнесла она, что, видимо, должно было означать: «Это вы, Адель?» — Что вам надо?.. Кстати, который час?

— По-моему, начало двенадцатого.

— Так какого же дьявола...

— Кузина! — взволнованно перебила ее графиня де Монтальбан. — Случилось нечто ужасное! Я... О, Господи!..

— Что стряслось?

— Кузен Иверо... Его избили.

— Рикарда?! — Маргарита мигом села в постели, свесив ноги на пол, и принялась на ощупь искать свою одежду. — Кто его избил? Как это случилось?

— Я... я не знаю. Я недавно проснулась... и не нашла...

— Вот черт! — раздраженно выругалась Маргарита. — Я тоже не могу найти! У вас есть свет, кузина?

— Да, свеча.

— Тогда входите. А ты, Тибальд, укройся.

Дверь приоткрылась, и в спальню проскользнула наспех одетая графиня де Монтальбан. В руке она держала зажженную свечу в подсвечнике. Ее растрепанные черные волосы обрамляли неестественно бледное лицо, чувственные губы дрожали. Адель быстро взглянула на укрытого по шею Тибальда, затем поставила на стол свечу и переключила свое внимание на Маргариту.

Принцесса тем временем надела короткую нижнюю рубашку и подобрала с пола чулки.

— Рассказывайте, кузина. Что вы знаете?

Графиня присела на табурет и вздохнула.

— Недавно я проснулась и не увидела... э-э... Я была не одна...

— Вы не увидели виконта де Бигора. Я знаю, вы были с ним. Что дальше?

— Я немного обождала, потом оделась и пошла его искать. Я разбудила лесника, и тот сказал, что около десяти они все уехали.

— Кто — они?

— Господа де Шатофьер, д'Альбре и де Бигор.

— Так это они избили Рикарда?

— Я, право, не знаю. Но Си... виконт де Бигор тут ни при чем. Он был со мной, когда господа де Шатофьер и д'Альбре с кузеном Иверо отправились в лес... Правда, сначала они ходили посмотреть, как допрашивают преступника...

— Какого преступника?

— Я не знаю. Говорят, в лесу схватили какого-то разбойника и здесь же, в подвале, допрашивали его. Из Сангосы специально был вызван секретарь городской управы, мэтр... он представился мне, но я забыла его имя.

— Ладно, черт с ними обоими — и с тем разбойником, и с мэтром. Меня интересует Рикард.

— В том-то и дело, что этот мэтр, кажется, имеет самое непосредственное отношение к тому, что случилось с кузеном Иверо.

— Ничего не понимаю! — сказала Маргарита, натягивая на себя платье.

— И я ничего не понимаю. — Не дожидаясь, когда принцесса сама попросит об этом, Адель принялась помогать ей одеваться. — Когда я решила вернуться в свою комнату и уже начала подниматься по лестнице, как вдруг услышала стоны...

— Это был Рикард?

— Да.

— Где он сейчас?

— Там, где я его и нашла. В небольшой комнате под лестницей.

— Он сильно избит?

— Очень сильно. Он был без сознания. За ним ухаживал слуга — кажется, личный камердинер кузена Красавчика.

— Вот как!

— Но я не уверена, там было довольно темно. К тому же я разговаривала не с ним, а с мэтром... ага, вспомнила! — с мэтром Ливоресом.

— И что он вам сказал?

— Ничего конкретного. Я настойчиво требовала объяснений — вы же понимаете, кузина, Рикард мне вовсе не чужой, и я считала своим долгом...

— Да, конечно, Адель. Рикард ваш двоюродный брат, и вы имели полное право требовать объяснений.

— Но мэтр Ливорес отказался что-либо объяснять. Он, видите ли, заявил, что это государственная тайна, и без вашего на то позволения или позволения вашего отца, он не вправе никому ни о чем рассказывать.

— Да ну! Государственная тайна?

— Вот именно. Тогда я сообщила этому дерзкому мэтру, что вы здесь, в усадьбе. Он не на шутку встревожился. Сказал, что дело безотлагательное и что господа де Шатофьер и д'Альбре помчались в Кастель-Бланко, чтобы предупредить вас о заговоре.

— О заговоре?! — воскликнула Маргарита.

— Да, так он и выразился: предупредить о заговоре.

— Где он?

— В свободной комнате напротив. Я рассудила, что вы желаете немедленно переговорить с ним с глазу на глаз, поэтому велела ему подняться вместе со мной.

— Вы правильно поступили, кузина. Очень правильно... Вот дьявольщина! Боюсь, оправдаются самые худшие из моих опасений.

— Какие опасения? — подал голос Тибальд, который все еще лежал в постели.

— Это к вопросу о продаже души Сатане, — ответила принцесса, расправляя платье. — Или кузену Бискайскому — что, как я уже говорила, не имеет принципиального различия. Ведь, в сущности, все равно кому продаваться — хозяину или его слуге... Ладно, Тибальд, сейчас я пойду потолкую с этим мэтром... — Маргарита непроизвольно прижала руки к груди в тщетной попытке унять мучительное щемление в сердце. — А ты пока приоденься и жди меня здесь. Кузина, — обратилась она к графине, — вы ступайте присмотрите, пожалуйста, за Рикардом. Я скоро приду.

Через четверть часа Маргарита в сопровождении Тибальда и мэтра Ливореса спустилась по лестнице на первый этаж. Лицо ее было белое, как мел, и неподвижное, как у статуи.

Движения ее были каким-то скованными, неловкими, лишенными привычной грации; она ступала, едва сгибая ноги, словно на ходулях.

Под лестницей возле двери стоял Гоше. Он приветствовал принцессу почтительным поклоном.

— Ваше высочество...

— Как господин виконт? — бесцветным голосом осведомилась Маргарита, отрешенно глядя сквозь слугу.

— Его светлость уже пришли в себя, а когда узнали, что ваше высочество тут, пожелали увидеться с вами.

— Графиня там?

— Да, ваше высочество. Ее светлость велели мне выйти.

— Хорошо, — сказала Маргарита. — Вы все оставайтесь здесь. Вас это также касается, Тибальд.

Она вошла в небольшую комнатушку, освещенную тусклым светом одной коптящей в подсвечнике на грубо сколоченном столе свечи. В другом углу комнаты стояла узкая кровать, возле которой сидела на табурете Адель де Монтальбан. Завидев принцессу, она быстро поднялась на ноги.

— Мне оставить вас, кухня?

— Да, пожалуйста.

Доски кровати заскрипели. Послышался стон, а затем слабый голос Рикарда:

— Маргарита... Она здесь?..

Адель молча удалилась из комнаты. Маргарита подошла к кровати, опустилась на табурет и смерила Рикарда пристальным взглядом.

Он лежал навзничь, одетый лишь в нижнее белье, местами запачканное кровью; на шее у него на тонкой золотой цепочке висел медальон. Обтертое влажной тряпкой лицо было все в ссадинах и синяках, обе брови были разбиты, а из носа и потрескавшихся губ сочилась кровь. Глаза его скорбно и виновато глядели на Маргариту.

— Что ты наделал, Рикард? — с невыразимой болью в голосе произнесла она. — Что же ты наделал?!

— Собирался помочь кузену Бискайскому убить его сестру.

— Это я знаю. Но зачем?

— Он сказал...

— Меня не интересуют его мотивы. Тем более, что я догадываюсь, чем ему мешает Жоанна. Но ты, ты...

— Это не долги, Маргарита, вовсе нет. Хотя...

— Хотя что?

— Александр скупил все мои векселя. Не знаю, где он взял столько денег, но он их скупил. Он думал, что крепко держит меня в узде...

— И он таки держал тебя в узде. Он втянул тебя в эту грязную, мерзкую, отвратительную авантюру. И ты согласился, ты поддался соблазну одним махом уладить свои дела, но больше всего ты хотел причинить мне боль. Ведь ты знаешь, как я люблю Жоанну, пусть и немного ревную к ней отца.

— Ошибаешься, Маргарита. Я ни о чем таком не помышлял. Когда ты отвергла меня, мне стало все безразлично, я просто плыл по течению, я не задумывался ни над чем, не осознавал того, что участвую в злодеянии. А потом...

— Потом ты решил продать своего сообщника в обмен на мое согласие выйти за тебя замуж. Но сделка не выгорела, и ты... О, негодяй! Ты еще осмелился читать мне мораль! Ты назвал меня чудовищем!

Рикард слабо усмехнулся, и тут же лицо его передернулось от боли.

— Мы оба чудовища, дорогая. Мы с тобой одним миром мазаны, жаль, что мы не поженимся. Ты слишком идеализировала меня в нашем последнем разговоре.

— Скорее, я переоценила устойчивость твоего рассудка. Ты вконец рехнулся.

— Вовсе нет. Всю последнюю неделю я был в здравом уме.

— В здравом уме?!

— Да. Я все тщательно продумал и просчитал. Я решил умереть...

— Ну, так повесился бы, чтоб тебе пусто было! — в ярости воскликнула принцесса. — Зачем же убивать Жоанну?

— Жоанну должен был убить Александр... или кто-то другой — но не я.

— И все же ты его сообщник, а значит, тоже преступник.

— Вот именно. Я преступник и заслуживаю смертной казни. Как раз к этому я и стремился. Я слабый, малодушный человек, Маргарита, я не способен кого-либо убить собственноручно, даже себя; однако я оказался способным стать соучастником преступления. Я хотел признаться во всем на следующее утро, но — увы! — меня изобличили раньше времени, до того как я успел сделать для своей семьи доброе дело — забрать у Александра мои долговые расписки и сжечь их.

— Доброе дело!!! — вскричала Маргарита. — Бог мой! Доброе дело!.. Сумасшедший! Да ты совершенно не думал о своей семье — о своих родителях, о своих сестрах. Какой это будет для них удар!.. Особенно для Елены. Мне даже страшно подумывать, что с ней случится, когда она узнает обо всем. Ведь она так любит, она просто обожает тебя. Она превозносит тебя до небес — а ты... ты... В конце концов, ты мог бы найти какой-нибудь другой способ уйти из жизни, если жить стало невозможно. Но ради несчастных восьмидесяти тысяч обрекать на смерть кроткую, безобидную Жоанну...

В глазах Рикарда сверкнули молнии.

— А вот кроткую и безобидную Жоанну мне несколько не жаль. Уж если я и ненавижу кого-то, так это ее. Она постоянно интриговала, то и дело вмешивалась в наши с тобой отношения, прилагала все усилия, чтобы настроить тебя против меня, нашептывала тебе всякие мерзости обо мне. По большому счету, это ее заслуга, что наш брак не состоялся. С какой стати я должен был жалеть ее? Напротив, мне жаль, что я так быстро раскололся, не продержался до часа... хотя бы до полуночи — ведь Шатофьер требовал от меня признания, что я намерен убить тебя... Ах, как жаль, что Александра схватят прежде, чем он убьет ее... Как жаль!..

— Опомнись, Рикард! Жоанна никогда не желала тебе зла. Ты ей очень нравился, она хотела выйти за тебя замуж и, естественно, ревновала...

— А между делом спала со своим братцем, — злобно добавил Рикард. — Вот сука-то! Змея подколотная!

Маргарита вздохнула:

— Ловко же кузен Бискайский заарканил тебя! Нечего сказать, очень ловко.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Принцесса нервно теребила шнурок, стягивавший воротник ее прогулочного платья.

— Маргарита, — наконец отозвался Рикард. — Скажи: что ты обо мне думаешь?

— Я думаю, что гороскоп, составленный твоей матерью, не солгал. Звезды были правы — мы принесли друг другу несчастье. Ты полностью потерял рассудок, стал буйнопомешанным негодяем, а я... Боже! Задумай ты убить меня, я бы простила тебя, но так...

— Я хочу умереть, Маргарита, — с неожиданной решимостью произнес Рикард. — Я больше не могу жить.

— Ты умрешь, — холодно пообещала она, но в глазах ее стояли слезы. — Тебя казнят вместе с кузеном Бискайским. Об этом я позабочусь.

Рикард со стоном приподнялся на подушке, взял дрожащими руками свой медальон, открыл его и вынул изнутри серого цвета шарик величиной с зерно фасоли.

— Что это? — спросила Маргарита.

— Яд.

— Где ты его взял?

— Украл у матери. Не зря же ее зовут итальянской ведьмой... Только не пытайся отнять. Я проглочу его прежде, чем ты встанешь с места.

— А я не собираюсь тебе мешать, — сказала готовая разрыдаться Маргарита. — Глотай.

Рикард секунду помедлил, затем тяжело вздохнул, застоял и протянул шарик ей.

— На, возьми.

— Зачем?

— Возьми!

Осторожно, будто боясь обжечься, она взяла двумя пальцами шарик и рассмотрела его вблизи. На ощупь он был мягкий и пластичный, как свежесмешанное тесто.

— И что мне с ним делать?

— Сама решай,— ответил Рикард.— Я уже говорил тебе, что я малодушный человек. Я преступник, я сумасшедший, но мне не хватает мужества взять на себя еще один грех, совершив самоубийство. Теперь моя судьба целиком зависит от тебя — либо ты обрекаешь меня на суд и казнь, либо... либо я приму этот яд из твоих рук и по твоей воле. Ты наследная принцесса, ты имеешь право казнить и миловать, я отдаюсь на твой суд — так что это не будет ни убийством, ни самоубийством.

Маргарита долго молчала, раздумывая. Потом спросила:

— Тебе будет очень больно?

— Нет. Я просто усну и больше никогда не проснусь.

— Ты уверен?

— Да, я вычитал это в книге моей матери.

Еще немного подумав, Маргарита поднялась с табурета, отошла к столу и вернулась обратно с кружкой воды в руке.

— Тебе, наверное, надо будет запить,— дрожащим голосом произнесла она, усаживаясь на край кровати.

— Значит, ты решила?

— Да, Рикард. Нас слишком много связывает, чтобы я позволила чужому человеку лишить тебя жизни.

С этими словами она положила ему в рот шарик с ядом и поднесла к его губам кружку.

— Побудь со мной, дорогая,— попросил Рикард, выпив воду.— Это займет не больше получаса.

Маргарита лишь кивнула в ответ, судорожно сцепив зубы и с трудом сдерживая слезы. Она пересела в изголовье кровати и положила его голову себе на колени.

— Я умру счастливым, Маргарита,— благодарно прошептал он.— Последние недели моей жизни были сущим адом на земле, но прежде, чем я попаду в ад подземный, я проведу несколько минут в раю.

Маргарита тихо всхлипнула.

— Дорогая,— снова отозвался Рикард, голос его уже был сонным.— Ты помнишь тот наш последний разговор?

— Да, помню.

— Тогда ты сказала, что любишь меня...

— Я сказала правду, милый. Ты был единственный человек, которого я любила по-настоящему.

Она нашла в себе силы говорить ему ласковые и нежные слова, тогда как сердце ее разрывалось от горя, а к горлу то и дело подступал комок. Минуты для нее растянулись в столетия, каждое слово давалось ей с невероятным трудом. Ей казалось, что уже прошла целая вечность; казалось, что она уже стала древней старухой и умрет вместе с ним, если не раньше него. Но, наконец, тело Рикарда обмякло, он уснул, дыхание его быстро ослабевало, а вскоре пропало вовсе.

Маргарита встала, положила его голову на подушку и, опустившись на колени, прижалась ухом к его груди.

Сердце Рикарда, умевшее пылко любить и страстно ненавидеть, молчало. Маргарита услышала лишь тишину, взорвавшуюся для нее, как сотни раскатов грома. И горькие слезы боли, тоски и отчаяния хлынули из ее глаз.

— Прощай, Рикард,— прошептала она, содрогаясь от беззвучных рыданий.— Прощай, моя несостоявшаяся любовь... И прости меня, прости... Слишком поздно я поняла, что мы были созданы друг для друга...

Когда Маргарита вышла из комнаты, лицо ее было спокойное, и лишь воспаленные глаза свидетельствовали о том, что недавно она плакала,— но в полумраке коридора этого никто не заметил.

— Он умер,— бесстрастным тоном произнесла принцесса.— Да простит его Господь.

Адель де Монтальбан пронзительно вскрикнула и пошатнулась. Она бы так и рухнула на пол бесчувственная, если бы в последний момент Тибальд не успел подхватить ее.

— Граф,— сказала ему Маргарита.— Вы останетесь здесь до утра и присмотрите за кузиной. Боюсь, сейчас она не в состоянии вернуться в замок, тем более что я буду ехать очень быстро.

— Но...— начал было Тибальд.

— Никаких «но»! До замка меня проводят Гоше и мэтр Ливорес, так я решила. Сейчас мы поможем графине подняться в

ее комнату, уложим в постель, и вы останетесь при ней в виду отсутствия здесь сиделки. А ты, Гоше, пока приготовь лошадей к отъезду.

— Будет сделано, ваше высочество,— с поклоном ответил Гоше и тотчас направился к выходу.

Вслед за ним поспешил мэтр Ливорес. Когда они вышли во двор, секретарь городской управы задумчиво пробормотал:

— Интересно, кто этот француз — наш будущий король или просто очередной любовник госпожи?

Гоше обернулся и с искренним недоумением взглянул на него.

— А вам не все едино? — спросил он. — Не все ли вам равно, кто будет вашим королем, коль скоро у вас будет такая королева?

Мэтр Ливорес согласно кивнул.

Глава LV

Разоблачение

Возле входной двери покоев Жоанны стояло несколько вооруженных охранников. Не отвечая на их приветствия, Маргарита вихрем ворвалась внутрь, миновала переднюю и очутилась в ярко освещенной прихожей, где уже находилось пятеро молодых людей. Гастон д'Альбре и Эрнан де Шатофьер сидели на диване, зажав меж собой, как в тисках, Фернандо де Уэльву. Напротив них в креслах расположились Филипп и Симон. Откинувшись на мягкие спинки, они очумело таращились на Фернандо, будто не веря своим глазам.

— Где Жоанна? — спросила Маргарита, с трудом переводя дыхание после быстрого бега; щеки ее пылали лихорадочным румянцем. — Она жива?

Филипп повернул к ней голову и вяло обронил:

— Не беспокойтесь, кузина. С ней ничего не случилось.

— А где же она?

— В покоях Бланки... Прошу садиться, принцесса. Вижу, вы порядком устали.

Маргарита опустилась в свободное кресло рядом с Симоном.

— Так вы схватили кузена?

— Да, сударыня, — ответил Эрнан. — Схватили.

— И где же он?

— Перед вами.

— Что?! — воскликнула Маргарита, потрясенно глядя на Фернандо. — Вы, кузен?!

— Он самый, сударыня. Кузен, да не тот, кого мы ждали.

— Пречистая Дева Памплонская!.. Нет, это невероятно!

— Но факт, — сказал Филипп. — Мы взяли его с поличным, когда он вошел в спальню кузины Жоанны и ухватился за кинжал.

— Вот, — сказал Эрнан, указывая пальцем на тумбу возле дивана. — Это тот самый кинжал. Как я и предполагал, с вензелем виконта Иверо на рукояти.

Маргарита встала с кресла и подошла к тумбе.

— Да, — недоуменно произнесла она. — Это один из кинжалов Рикарда... А это еще что такое? — Она взяла в руки тяжелый железный прут, длиной фута полтора и не менее полудюйма в сечении.

— Его мы также изъяли у дона Фернандо, — ответил Эрнан.

— До зубов вооружился, скотина! — с отвращением добавил Симон. — И все для того, чтобы убить беззащитную женщину.

Маргарита уронила прут на пол и в отчаянии поглядела на Фернандо:

— Но зачем, кузен? Зачем вы хотели убить Жоанну? Что она вам сделала?

— Сами спросите у этой суки! — злобно ответил Фернандо. — Теперь-то она вам все выложит — и про меня, и про своего брата. Но я не скажу ничего. Будьте вы прокляты!

Маргарита удрученно вздохнула и, понурившись, вернулась на свое место.

— Надо порасспросить Жоанну, — сказала она. — Ей наверняка что-то известно.

— Как раз этим сейчас и занимается Бланка,— ответил Филипп.— Кузен де Уэльва отказывается что-либо говорить — дескать, кузина Жоанна и так все знает, а сам он не собирается рыть себе могилу. Верно, боится признаться в том, о чем Жоанне неизвестно.

— Правда, вначале его высочество с испугу сделал одно весьма любопытное заявление,— отозвался Эрнан.

— И какое же?

— Вот дословно: «Это Александр! Это он подговорил меня убить их».

— Их? — переспросила Маргарита.— Кого еще, кроме Жоанны?

— Дон Фернандо не соизволил дать нам исчерпывающие разъяснения. Едва лишь я спросил: «Зачем?» — он как воды в рот набрал. Но лично для меня в этом нет никакой загадки. Когда вы вошли, сударыня, я как раз объяснял друзьям, что кинжал предназначался госпоже Жоанне, а прут — виконту Иверо.

— О Боже!

— Да, принцесса. Дон Фернандо и граф Бискайский предполагали свалить всю вину за убийство княжны на вашего кузена Рикарда.

— Но каким образом?

— Элементарно. Думаю, их план был таков: сначала дон Фернандо убивает госпожу Жоанну и оставляет в ее теле кинжал, принадлежащий виконту, а его самого изо всей силы бьет прутom по голове — либо в затылок, либо в висок. Потом измазывает кровью какой-нибудь предмет в спальне — угол стола, подлокотник кресла, косяк двери или еще что-то в этом роде,— и спокойно уходит, прихватив с собой прут. А утром, обнаружив в спальне княжны два тела, все подумали бы, что господин виконт убил госпожу Жоанну, но в последний момент она толкнула его, то ли он сам потерял равновесие — так или иначе он упал, ударился о что-то головой и тоже умер. Так сказать, его постигла кара Божья на месте преступления.

— Пречистая Дева Памплонская! — повторила Маргарита.— Но ведь...

— Вы хотите сказать, что тогда возник бы законный вопрос: что побудило Рикарда Иверо пойти на убийство госпожи Жоанны? Злоумышленники предусмотрели и это. В том пакете, где якобы... Да, кстати, Симон. Пакет у тебя?

Симон утвердительно кивнул, извлек из-за отворота камзола довольно внушительного вида пакет и молча передал его Эрнану.

— Вот здесь,— сообщил своим слушателям Шатофьер,— по идее, должны находиться долговые расписки виконта, выкупленные графом Бискайским у ростовщиков. На самом же деле этот пакет содержит бумаги, призванные объяснить мотивы, побудившие Рикарда Иверо совершить убийство княжны Жоанны. Посмотрим теперь, насколько богата фантазия у наших злоумышленников.— С этими словами он вытряхнул содержимое пакета себе на колени. Вдруг лицо его вытянулось, брови изумленно поползли вверх.— Черт меня дери со всеми потрохами! Это действительно долговые расписки!

Фернандо и вовсе был ошеломлен:

— Что?! Мои расписки!.. Как же так?

Эрнан пристально посмотрел на него:

— Ага! Стало быть, вы тоже не ожидали их увидеть?

Фернандо промолчал. Взгляд его затравленно метался по комнате.

— Так это ваши расписки?— не унимался Шатофьер.— Это вы их скупчили? Не граф Бискайский?

— Что произошло, сударь?— осведомилась Маргарита.— Вы что-то напутали?

— Да нет. Пожалуй, что нет. Пожалуй, это сам дон Фернандо что-то напутал — взял не тот пакет или... Ах, черт! — громко воскликнул он и вскочил на ноги.— Неужели?... Прошу прощения, сударыня. Филипп, Симон, присмотрите за пленником. Гастон, за мной... Я сказал — за мной! Скорей!

Как угорелые, они выбежали из прихожей, едва не столкнувшись в дверях с только что вошедшей Бланкой. Она недоуменно поглядела им вслед, затем повернулась к оставшимся.

— Что с ними стряслось?

— Думаю,— ответил Филипп,— они побежали ловить твоего... графа Бискайского. Как я понял, Александр подсунул Фернандо большущую свинью — вернее, пакет с долговыми расписками.

— А?!

— Вот-вот, оно самое. — Филипп бросил быстрый взгляд на кастильского принца. — Оказывается, это Фернандо выкупил у ростовщиков все векселя кузена Иверо.

— Так я и думала. Ведь у Александра не нашлось бы таких средств, а к услугам Фернандо казна графства Уэльвы и сокровища иезуитов. — Бланка подошла к наваррской принцессе и положила руку ей на плечо. — Мне очень жаль, кузина. У меня просто нет слов...

Маргарита обхватила руками ее талию и прижалась к ней лицом. Плечи ее задрожали.

Бланка погладила ее по голове.

— Я представляю, как тебе больно, дорогая. В сущности, Рикард был хорошим человеком, не то что мой брат Фернандо — его гнусная выходка меня безмерно огорчила, но не скажу, что я очень удивлена. Я всегда знала, что он мерзкий негодяй.

— Да-а, сестричка у меня что надо,— ухмыльнулся Фернандо, исподлобья глядя на нее. — Нечего сказать...

— Вот и не говори ничего, раз сказать тебе нечего,— спокойно произнесла Бланка, отстраняясь от Маргариты. Она села в свободное кресло между Филиппом и Симоном и продолжала: — И возблагодари Господа, Фернандо, что твоя участь зависит не от меня, а от Альфонсо. Так у тебя еще есть шанс остаться в живых.

Филипп невольно поежился.

— Ну как? — обратился он к Бланке. — Ты что-нибудь выведала у Жоанны?

— Да. Но об этом чуть позже, когда вернется господин де Шатофьер. Я не хочу повторяться, особенно, когда речь идет об очень неприятных для нашей семьи вещах.

— А как Жоанна? — спросила Маргарита.

— У нее истерика. Но она уже понемногу успокаивается.

— И ты оставила ее одну?!

— Нет. С ней господин Гамильтон.

— Гамильтон? А он-то здесь при чем?

Бланка вздохнула:

— Это будет еще один скандал, вернее, скандальчик. Жоанна собирается за него замуж.

— Вот те на! — Маргарита ненадолго задумалась, а потом махнула рукой. — Ну, и пусть себе женятся, мне-то какое дело.

Филипп и Бланка недоуменно переглянулись.

«Что-то случилось», — поняли они.

— И ты не станешь возражать?

— А почему я должна возражать? Мне этот мезальянс только на руку. Ведь когда Александра казнят, Жоанна станет графиней Бискайи, и для меня было бы гораздо хуже, если бы она вышла, скажем, за виконта де Сан-Себастьян.

— Понятно, — сказала Бланка, впрочем, нисколько не убежденная таким аргументом. — Ах да, Филипп, ты упоминал о долговых расписках. В чем, собственно, дело?

Он вкратце рассказал о том, как в пакете, где предположительно должны были находиться компрометирующие Рикарда Иверо документы, оказались его долговые расписки. После чего добавил:

— По выражению лица Фернандо было ясно, что версия Эрнана верна. Лично я на сей счет не сомневаюсь. Но при виде этих векселей у кузена Уэльвы аж челюсть отвисла. Вероятно, граф Бискайский задумал какую-то хитроумную игру и в самый последний момент подменил пакет.

— Ага. И господин де Шатофьер с господином д'Альбре, как я понимаю, направились в покои Фернандо — проверить, нет ли там графа?

— Думаю, да.

Некоторое время они молча ожидали возвращения Эрнана и Гастона. Бланка протянула Филиппу руку, и он сжал ее в своей руке. Маргарита кусала губы и глубоко дышала носом. Фернандо тупо глядел себе под ноги.

— Кузина, — первой отозвалась Бланка. — Что ты думаешь делать с Рикардом?

— Ничего. Он сам себя достаточно наказал... Бланка, прошу тебя, не будем говорить о Рикарде.

Они снова умолкли и молчали так до прихода Эрнана. Тот явился один, без Гастона.

— А где кузен д'Альбре? — первым делом осведомилась Маргарита.

— Я велел ему от вашего имени поднять на ноги гарнизон и прочесать весь замок и его окрестности. Граф Бискайский не мог далеко уйти.

— Вы его упустили?

— Увы. Мы пришли слишком поздно.

— Но хоть что-нибудь обнаружили?

— О да, моя принцесса. Мы много чего обнаружили... Но обо всем по порядку. — Он бухнулся на диван рядом с Фернандо и похлопал его по плечу. — Боюсь, приятель, ваш сообщник здорово подставил вас.

— Как это понимать? — спросила Бланка.

— Сейчас объясню, сударыня. Но прежде всего — чем закончилась ваша беседа с княжной? Если я не ошибаюсь, ей ровным счетом ничего не известно.

— Ошибаетесь, граф. Она кое-что знает.

— Что именно?

Бланка бросила на брата испепеляющий взгляд.

— Оказывается, Фернандо, вместе с иезуитами, готовит покушение на жизнь Альфонсо. Они разработали план его отравления.

— Черти полосатые? — выругался Филипп.

— Господи Иисусе! — бледнея от ужаса, произнес Симон.

Маргарита пробормотала что-то насчет Пречистой Девы Памплонской, наградив ее весьма нелестными эпитетами.

— Это правда... кузен? — спросила она у Фернандо, с трудом выговорив последнее слово.

— Я не собираюсь комментировать слова этой сучки, — злобно огрызнулся тот, неизвестно, кого имея в виду — Бланку или Жоанну.

Филипп встал с кресла, подошел к Фернандо и наотмашь ударил его по лицу.

— Это тебе за сучку,— спокойно произнес он и возвратился на свое место.

Фернандо было вскочил на ноги, но Эрнан тут же толкнул его обратно на диван.

— Все в порядке, приятель, не петушитесь. В дальнейшем, чтобы не утруждать Филиппа, я буду сам давать вашему высочеству по светлейшей образине за каждое бранное слово в присутствии дам... Итак, моя принцесса,— повернулся он к Бланке.— Прошу вас, продолжайте. Княжне известны какие-нибудь детали заговора?

— Нет. Это все, что она узнала от брата.

Фернандо снова подхватился.

— От *брата*?!— в неописуемом ужасе вскричал он.— Так он сам ей рассказал?! Она ничего не подслушала?!

Эрнан опять усадил его и испытующе посмотрел ему в глаза:

— Ну? Теперь вы поняли, монсеньор, как жестоко вас надул ваш же сообщник? Может, начнем понемногу раскалываться?

Однако Фернандо плотно сжал губы и промолчал.

— Ладно,— сказал Эрнан.— Госпожа Бланка, у меня к вам еще один вопрос. Вы, случайно, не спрашивали у княжны, когда брат поведал ей о заговоре дона Фернандо?

— На следующий день после вашего приезда.

— Так, так, так. Ясненько. И как он преподнес ей свой рассказ?

— Дескать, Фернандо доверился ему, рассчитывая на поддержку, но он не намерен впутываться в это грязное дело и собирается убедить Фернандо отказаться от своих планов.

— И, конечно же, взял с нее слово молчать?

— Да. Александр сказал, что покушение намечено на ноябрь, и если к концу празднеств ему не удастся отговорить Фернандо, он сам сообщит обо всем Альфонсо.

— И княжна поверила ему?

— Ну, разумеется! Вы просто не знаете Жоанну — она так доверчива.

— И кроме того,— веско добавила Маргарита,— Жоанна явно преувеличивает достоинства брата, приписывает ему какие-то несуществующие добродетели... Ну все, хватит об этом. Теперь ваш черед, господин де Шатофьер. Что вы обнаружили в покоях Фернандо? Есть ли у вас объяснение всему происходящему?

— Да, пожалуй, есть. Но я попрошу у вас, сударыни, еще минуту на размышления. Мне нужно согласовать новые факты с моими предположениями и кое-что уточнить для себя. — Поскольку дамы не возражали, Эрнан немного помолчал, собираясь с мыслями, затем заговорил: — По-моему, все сходится. Более того, рассказ госпожи Бланки и реакция на него дон Фернандо позволяют мне уже не предполагать, но утверждать. Итак, не подлежит никакому сомнению, что дон Фернандо сговорился с Инморте убить своего брата, чтобы занять его место на престоле. Несомненно также и то, что он поведал графу Бискайскому о своих планах.

— Но зачем? — спросила Маргарита.

— Зачем? — повторил Эрнан, вопросительно глядя на Бланку. — Если я не ошибаюсь, дон Фернандо, хоть и редкостный интриган, человек, в сущности, наивный, не отличается особым умом и не умеет держать язык за зубами.

Бланка кивнула:

— Это не лестная, но очень меткая характеристика, господин граф. Фернандо таков. Разумеется, он не стал бы поверять свои тайны первому встречному, но они с Александром сдружились еще в прошлом году в Толедо...

— Я подозреваю,— добавил Филипп,— что граф Бискайский еще и соратник Фернандо по тайному братству иезуитов.

— Это как? — недоуменно отозвался Симон. — Ведь они оба женатые. Как они могут быть иезуитами?

Бланка и Маргарита одновременно взглянули на него — одна с изумлением, другая с мрачным умилением.

— Будь здесь Гастон,— вымученно улыбаясь, произнес Филипп,— он бы сказал: «И за кого только я выдал свою единственную сестру!»

Бланка взяла Симона за руку и терпеливо объяснила:

— Филипп просто-напросто имел в виду, что они оба каким-то образом связаны с Инморте.

— И это очень существенно, — отметил Эрнан. — В противном случае моя теория окажется несостоятельной. Впрочем, я уверен, что не ошибаюсь — таким типам, как граф Бискайский, прямая дорога в соратники Инморте. И кстати. Габриель де Шеверни рассказывал мне, что когда на турнире Хайме де Барейро вызвал графа на поединок, у того было такое удивленное выражение лица, точно он не мог поверить своим глазам: дескать, как же так, друг Хайме хочет сразиться со мной! А граф де Барейро, по моему мнению, просто выбрал себе самого слабого противника, чтобы без особого труда победить его и занять его место... Но ладно, перехожу к делу. Итак, дон Фернандо прибыл в Памплону в тот же день, когда прибыли мы, и тут же похвастался графу Бискайскому, что месяца через три он станет королем Кастилии и Леона.

Бланка устремила на брата такой пронзительный взгляд, что тот весь съежился.

— А на следующий день, — продолжал Эрнан, — граф пригласил дону Фернандо прогуляться с ним на ристалище и там сообщил ему, что княжна Жоанна якобы подслушала их вчерашний разговор и теперь угрожает разоблачением. Она, мол, требует, чтобы дон Фернандо сознался во всем дону Альфонсо, и дает ему время на размышление — предположительно, до окончания празднеств...

— Постойте, — перебила его Бланка, не отводя глаз от побледневшего, как полотно, Фернандо. — Держу пари, что вы правы в своих догадках. Но с чего вы взяли, что этот разговор состоялся на следующий день и именно на ристалище?

— И к тому же разговаривали они на арабском, вернее, на мавританском языке, — с важной миной добавил Шатофьер. — Однако все предпринятые меры не помогли им, ибо в шатре, возле которого они вели столь милую беседу и который они считали пустым, находился человек, достаточно хорошо знающий арабский язык, чтобы понять, о чем они говорят.

— И это были вы?!

— Да, я. К сожалению, тогда я как раз вздремнул и не слышал начала их разговора. Первое, что я разобрал, проснувшись, было: «Она должна умереть, хочешь ты этого или нет. Я уже вынес ей смертный приговор». Так сказал дон Фернандо.

— Но ведь там его не было!— озадаченно произнес Симон.— Там были граф Бискайский и виконт Иверо.

— Молчи, Симон!— щелкнул пальцами Филипп.— Молчи. Кажется, я понял, в чем дело.

Эрнан виновато склонил голову.

— Друзья мои, должен вам покаяться: я ошибся. Я был слишком самоуверен, слишком убежден в своей правоте, в своей непогрешимости, и эта моя ошибка едва не привела к роковым последствиям. Мне страшно подумать, что случилось бы, выбери граф Бискайский на роль козла отпущения не виконта Иверо, а кого-нибудь другого. Это будет мне уроком на всю жизнь — проверять, перепроверять и еще перепроверять. Я не распознал беседовавших по голосам, и не только потому, что еще не был с ними знаком. Плотные стенки шатра, арабский язык, на котором они говорили с грехом пополам, чмокая и хрюкая, расстояние, наконец,— все это не позволило мне определить индивидуальные особенности их голосов. Содержание разговора заставило меня уверовать, что это были Александр Бискайский и Рикард Иверо, но я был просто обязан проверить свою догадку, расспросив рабочих на ристалище, слуг во дворце... Увы, я этого не сделал. Несколько услышанных мною фраз прямо таки заворожили меня, и я не видел никакой необходимости искать дополнительные подтверждения тому, что и так было для меня яснее ясного. Вы только послушайте, о чем они говорили дальше! Граф Бискайский: «Боюсь, мне придется смириться с этим». Дон Фернандо: «Тем более, что она поступила с тобой по-свински...»

— Жоанна поступила с Александром по-свински?— удивилась Маргарита.

— Минуточку, сударыня, вскоре я изложу вам свои соображения по этому поводу. А пока продолжу. Итак, граф Бискайский: «Да, ты прав». Они немного помолчали, затем дон

Фернандо спросил... — Слово за словом Эрнан принялся пересказывать подслушанный им разговор. На реплике Фернандо: «В конце концов, она отступилась от тебя — так что же ты колеблешься?» — он остановился. — Вот это, пожалуй, больше всего прочего ввело меня в заблуждение. Если бы речь шла о госпоже Маргарите, эти слова могли быть адресованы лишь одному человеку — Рикарду Иверо. Как, собственно, и упоминание о том, что она поступила с ним по-свински... Вы уж простите меня за откровенность, сударыня.

— Все в порядке, господин граф, — ответила Маргарита. — Сейчас не время для церемоний. Мы обсуждаем дело, к тому же я действительно... — Она запнулась и покраснела. — Прошу вас, продолжайте.

— Очевидно, что в том разговоре, я имею в виду их первый ночной разговор, речь шла не только о заговоре дона Фернандо, но и о некоторых проделках графа Бискайского, предположительно, о его планах завладеть наваррским престолом.

— Не сомневаюсь, что таковые у него имеются, — прокомментировала Маргарита.

— Поэтому граф, для пущей убедительности, сказал дону Фернандо, что госпожа Жоанна, якобы подслушавшая тот разговор, угрожает разоблачением им обоим.

— Ага! Это объясняет все — и то, что «она поступила с тобой по-свински», и «мы одной веревкой связаны», и «она стоит у нас на пути», и «она отступилась от тебя» — сестра, решившая предать брата. Пожалуй, вы правы, сударь.

— Идем дальше. Дон Фернандо заявил, что ради короны он готов пожертвовать всеми без исключения родственниками, но тут же добавил, что присутствующие не в счет. «Ой, не заливай! — ответил ему граф. — Для тебя моя жизнь не стоит ни гроша. Просто я полезен тебе и не стою на твоём пути». Тогда дон Фернандо... — Эрнан сделал паузу и в некотором смятении поглядел на обеих принцесс. — Сударыни, я лишь дословно передаю вам то, что сказал дон Фернандо, ничего не добавляя от себя: «Зато эта сучка... прости, кузина — вот она стоит». Он так и сказал — кузина, хотя говорили они по-арабски. По идее, это должно было насторожить меня. Если бы речь шла о гос-

поже Маргарите, и эти слова принадлежали графу Бискайскому, он наверняка сказал бы: «дочь брата моего отца». Дон Фернандо употребил слово «кузина», поскольку не мог подобрать в арабском краткого выражения своей родственной связи с княжной Жоанной. К сожалению, я отнес это на счет плохого знания языка... Потом они стали обсуждать способы убийства. И тут я совершил еще одну ошибку — я перепутал говорящих. Это можно объяснить (но не оправдать!) тем, что инициативу в разговоре перехватил граф Бискайский. Дон Фернандо спросил: «Так что выберем — яд или кинжал?..»

Когда Эрнан закончил свой рассказ, в комнате надолго воцарилось тягостное молчание. Наконец Бланка задумчиво промолвила:

— Таким вот образом мой муж подбил моего брата на убийство Жоанны. И не просто подбил — он подстроил все так, что Фернандо сам настоял на этом. А Жоанне он рассказал о готовящемся покушении на Альфонсо с тем, чтобы ее поведение в присутствии Фернандо было именно таким, как если бы она действительно подслушала их разговор. Что ж, хитро задумано... Но вот вопрос: зачем граф впутал в это дело Фернандо? Неужели только для того, чтобы он выкупил у евреев векселя Рикарда? Конечно, это была немаловажная часть его плана, и тем не менее...

— Вы правы, сударыня, — кивнул Эрнан. — Будь это так, он бы просто занял у вашего брата деньги. Однако в планы графа Бискайского входило не только и даже не столько убийство княжны Жоанны (хотя, по определенным причинам, ему было желательно избавиться от нее), но главным образом он замыслил убийство самого дона Фернандо.

При других обстоятельствах подобное заявление вызвало бы бурю эмоций. Но в том состоянии глубочайшего потрясения, в котором находились Филипп, Бланка и Маргарита, их уже нечем было удивить. А Симон и вовсе потерял ощущение реальности, и появившись перед ним сам Сатана собственной персоной, он бы принял это как должное и лишь вяло перекрестился бы, изгоняя нечистого прочь.

— Убить меня?! — изумленно воскликнул Фернандо. — Он собирался убить меня?!

— Да, приятель, — ответил Эрнан. — Как это для вас не при-
сечно, но это факт. В ваших покоях мы не нашли графа Бис-
кайского. Видимо, он что-то заподозрил и исчез, оставив в ва-
шей спальне горничную княжны со свернутой шеей, а в при-
хожей — вашего камердинера с перерезанным горлом.

— О Боже! — прошептала Бланка.

Маргарита в очередной раз помянула Пречистую Деву
Памплонскую.

— Кроме того, — повествовал дальше Эрнан, — в прихо-
жей на полу валялась скомканная записка, якобы написанная
княжной Жоанной. — Он извлек из кармана сложенный вчет-
веро лист бумаги, который вначале был смят, а потом рас-
правлен, и передал его Маргарите: — Вот, сударыня, посмот-
рите.

Она развернула записку и пробежала ее быстрым взгля-
дом.

— Но ведь это почерк Жоанны! Точно!

— Без сомнений, это работа брата Гаспара, бывшего «пса
Господня»*. Искусная подделка, очень искусная. Если вас не
затруднит, сударыня...

— О да, конечно, — сказала Маргарита и прочла вслух:

Рикард!

Я никак не могла тебя найти, но дело не терпит отлага-
тельства, поэтому я велела Доре обязательно разыскать тебя,
даже если ей придется не спать всю ночь. Она и передаст тебе
эту записку.

Мне стало доподлинно известно, что все твои векселя ку-
зен Фернандо держит при себе. Они здесь, в Кабель-Блан-
ко, в его спальне. Сегодня днем Дора случайно увидела под
одной из подушек на его кровати большой синий пакет — я
уверена, что это тот самый. Вполне возможно, что он еще
там, и если Фернандо будет ночевать у Марии, попытайся
пробраться в его покои и выкрасть пакет. Дора поможет тебе

---

* Монахи ордена святого Доминика называли себя псами Господними.

в этом. По ее утверждению, камердинер Фернандо немного глуховат и спит, как сурок.

Это, конечно, нечестно, но, боюсь, другого выхода у нас нет. К тому же поступки Фернандо в отношении тебя честными не назовешь.

Желаю тебе удачи и хочу надеяться, что избавившись от шантажа, ты все же согласишься претворить в жизнь положительную часть плана Фернандо — я имею в виду его идею насчет нашего брака. Но это, разумеется, лишь мое пожелание.

Жоанна.

— Ясенько,— произнес Филипп, как только Маргарита закончила читать.— Стало быть, Александр отправил Фернандо к Жоанне, предварительно подменив содержимое пакета, а сам свернул шею горничной, перерезал горло камердинеру, «обронил» в прихожей записку и стал ждать возвращения сообщника, чтобы прикончить и его — мавр сделал свое дело, мавр может уйти... из жизни. Если бы его план увенчался успехом, то завтра утром, обнаружив в спальне Жоанны двух мертвецов, а в покоях Фернандо — аж трех, и ознакомившись с содержанием записки, все пришли бы к выводу, что Фернандо шантажировал Рикарда Иверо выкупленными долговыми расписками. Однако виконт прознал, где они находятся, вместе с горничной Жоанны пробрался с спальню и забрал пакет — но тут нагрянул хозяин. Завязалась драка, в результате которой погибли горничная и Фернандо, а Рикард Иверо бросился бежать, прирезав по пути проснувшегося камердинера и потеряв во время схватки с ним записку. Потом он явился к Жоанне, рассказал ей обо всем, она, естественно, впала в истерику и решила вызвать стражу. Они повздорили, в пылу он убил ее, но при этом оступился, упал, ударился о что-то головой и тоже погиб.— Филипп поежился.— Жуть какая!.. Не усни тогда Эрнан в моем шатре на ристалище, завтра нам осталось бы только гадать, какие же планы строил Фернандо в отношении Жоанны и Рикарда Иверо.

— Гадать не пришлось бы,— ответил Шатофьер.— У меня хватило ума порыться в шкатулке с деловыми бумагами дона

Фернандо... Прошу великодушно простить меня, ваше высочество, — с сардонической ухмылкой добавил он, — что я сломал замок шкатулки, но цель оправдывает средства — ведь так говорят ваши друзья иезуиты? В числе прочих бумаг, тоже небезынтересных, я обнаружил весьма любопытную петицию, написанную почерком дона Фернандо, но наверняка рукой уже упомянутого мною брата Гаспара, и адресованную Инморте...

— Где же она?

— Вместе со шкатулкой я передал ее на хранение коменданту замкового гарнизона. Вкратце содержание этого письма таково: дон Фернандо якобы предлагает Инморте организовать убийство госпожи Маргариты и свалить вину за это на графа Бискайского с тем, чтобы возвести на наваррский престол княжну Жоанну и Рикарда Иверо, которых он намерен поженить. Дон Фернандо якобы утверждает, что крепко держит обоих в узде — угрожая виконту его векселями, а за княжной, дескать, водятся некоторые грешки, — и уверен, что заставит их дать письменные обязательства, чуть ли не присягу на верность иезуитам. А поскольку, говорится в послании, и княжна Жоанна и Рикард Иверо слабовольные и безынициативные, к тому же она попросту глупышка, а он постоянно витает в облаках, то вскоре после смерти короля дона Александра Наварра фактически превратится еще в одну область ордена Сердца Иисусова, которой на самом деле будут править ставленники Инморте. Вот так-то.

Маргарита покачала головой:

— М-да... В чем, в чем, но в уме и хитрости кузену Бискайскому не откажешь.

— Но зачем? — недоуменно спросила Бланка. — Зачем ему убивать Фернандо? Я ничего не понимаю!

Филипп внимательно поглядел на нее и произнес:

— Ты просто отказываешься это понять, боишься посмотреть правде в глаза и признать, что все это — следствие проявленного тобой малодушия, когда ты отвергла предложение падре Антонио. Он был готов прибегнуть к обману, солгать ради твоего же блага, но ты предпочла до конца оставаться пра-

ведницей и вышла замуж за графа Бискайского, а не за меня. Ты стала женой нелюбимого и неприятного тебе человека, зато, видишь ли, не осквернила себя ложью. И вот тебе результат: твой муж, эта скотина, едва не взошел на престол твоего отца по ступеням, обогранным кровью Жоанны, Рикарда Иверо и обоих твоих братьев. И только благодаря Эрнану ты избежала незавидной роли невольной и ничего не ведающей соучастницы этого ужасающего преступления.

Бланка резко вскочила на ноги и в гневе выкрикнула:

— Прекрати, Филипп! Сейчас же прекрати!..— Вдруг она вся сникла и тихо всхлипнула.— Не мучь меня, дорогой. Прощу тебя, не надо...

Филипп подошел к ней и обнял ее за плечи.

— О чем вы говорите? — отозвался озадаченный Симон.— К чему здесь госпожа Бланка?

Эрнан тяжело вздохнул:

— Глупенький! Граф Бискайский рассчитывал, что, устранив дона Фернандо, он все же убедит Инморте не отказываться от задуманного им убийства дона Альфонсо.

— Ну и что?

— Да у тебя не мозги, а решето, друг мой любезный! Кто тогда унаследует кастильский престол, спрашивается? Конечно же, не годовалая дочурка Фернандо де Уэльвы, а госпожа Бланка, и вместе с ней граф Бискайский — как ее муж.

Тут раздался пронзительный вопль Фернандо. Бланка мигом отпрянула от Филиппа и во все глаза уставилась на брата, лицо которого было перекошено от бессильной ярости и злобы. Он наконец понял все, осознал, как был глуп и беспечен, с какой легкостью его провел тот, кого он считал своим другом. И этот крик был криком тонущего в безбрежном океане отчаяния рассудка.

В комнату ворвались два охранника с обнаженными мечами — Маргарита жестом велела им выйти.

— Фу! — брезгливо произнесла она.— Как он противно кричит! Господин де Шатофьер, будьте так добры, велите ему заткнуться.

Эрнан велел Фернандо заткнуться, для пущей убедительности пнув его кулаком в живот, затем наклонился и подобрал с ковра все долговые расписки Рикарда.

— Сударыня,— сказал он, обращаясь к Бланке.— Эти векселя по праву принадлежат вашему брату. Однако сейчас он находится под арестом, а посему вам решать, что с ними делать.

Бланка молча взяла у него кипу векселей и методично разодрала каждый на мелкие клочки.

— В мерзкой затее Александра был, впрочем, один положительный момент,— промолвила она, глядя на Фернандо с кротостью, повергнувшей того в ужас.— Надеюсь, все вы понимаете, что я имею в виду. И у меня аж руки чешутся привести в исполнение эту часть несостоявшегося плана. Пойдем, Филипп, иначе я за себя не отвечаю.

— Ты уходишь, кузина? — вяло спросила Маргарита.

— Да.

— Но ведь у тебя Жоанна.

— Я... я буду у Филиппа.

Наваррская принцесса вздохнула:

— Ну что ж, ладно, ступайте. Мы с господином де Шатофьером сами решим, что делать дальше... Но нет, постойте! Не думаю, что эта хорошая идея — тебе, Бланка, провести ночь у мужчины, пусть и у Филиппа. Лучше останьтесь здесь, а мы сейчас пойдем ко мне, прихватив с собой кузена Фернандо,— полагаю, вам он не понадобится. Таким образом, вы с Жоанной просто поменяетесь покоями. Рокируетесь, говоря на языке твоей любимой игры.

Глава LVI

Дочь Кастилии

Первое, что увидела Бланка, проснувшись, было склоненное над ней лицо Филиппа и были слезы, стоявшие в его глазах.

— Почему ты плачешь, милый? — спросила она.

— Это я от счастья, родная... Вправду от счастья.

С его ресниц сорвалась крупная слеза и упала ей на губы.

— Не обманывай меня, Филипп. Взгляд у тебя такой печальный, а слезы так горьки... О чем ты думаешь? Что тебя мучит?

Филипп положил голову на подушку, крепко обнял Бланку и зарылся лицом в ее волосах.

— Я вспомнил нашу первую встречу... Почему мы сразу не поняли, что любим друг друга? Почему мы не поняли это позже? Ведь у нас было столько времени! Целых пять лет мы были слепы. Даже когда я просил твоей руки — даже тогда я не понимал, как сильно люблю тебя. Я не настоял на немедленном браке, я принял условия твоего отца, не заподозрив в них подвоха. Проклятье!..

— Ты очень жалеешь об этом?

— Я проклинаяю себя за это. Ведь мы могли пожениться, всегда быть вместе, жить счастливо... Боже, да что и говорить! Упустили, проворонили мы наше счастье, Бланка...

— Однако тогда ты не смог бы жениться на Анне Юлии, и наследством Арманда Готийского, вероятнее всего, завладел бы граф Прованский.

— Ну, и что с того? Ну, пришлось бы мне повоевать с ним за галльский престол — эка беда! В конце-то концов, я бы все равно вышел победителем... Знаю, это нелогично, неразумно, не по государственному, но когда говорит любовь, рассудок молчит.

Бланка вздохнула:

— Любовь... Ты слишком часто употребляешь это слово. Боюсь, оно значит для тебя не больше, чем банальное желание обладать женщиной...

— Но, милочка...

— Молчи, Филипп. Твой язык, пусть и против твоей воли, становится лживым, когда ты разговариваешь с женщинами. Прошу тебя, не надо опошлять словами то единственное прекрасное, что осталось у меня — мою любовь к тебе. На первое время ее хватит на нас обоих, а потом... Потом видно будет, время само расставит все на свои места. У нашей любви

нет будущего, зато есть настоящее, и пока я с тобой, я буду жить лишь текущим днем. Со вчерашнего вечера меня больше ничто не связывает с графом Бискайским, и я буду с тобой до тех пор...— Она умолкла, подняла к Филиппу лицо и пристально поглядела ему в глаза.— Имей в виду, дорогой. Вчера, отдавшись тебе, я потеряла от любви голову, но вся моя гордость осталась при мне. Я ни на мгновение не забываю и никогда не забуду о том, что я принцесса Кастилии, дочь и сестра кастильских королей. Разумеется, я не стану требовать от тебя верности — право, это было бы смешно. Ты уже неисправим, ты до такой степени развращен и любвеобилен, что будешь путаться с другими женщинами, даже если действительно любишь меня, любишь так, как люблю тебя я. К тому же вскоре у тебя появится жена...

— Насчет Анны можешь не беспокоиться. Она предпочитает девчонок, и вряд ли ее вкусы изменятся.

— Это несущественно, Филипп. В любом случае, она должна родить тебе сына или дочь. Твое право на галльскую корону станет бесспорным только тогда, когда твои и Анны родовые земли будут объединены общим наследником. Впрочем, речь сейчас не об этом. За прошедшие восемь месяцев я во многом изменилась. Я уже не та маленькая твердолюбая святоша, которую ты тщетно пытался совратить с пути истинного. Я поняла, что реальную жизнь никак нельзя втиснуть в прокрустово ложе ханжеской морали, исповедуемой моими воспитательницами-кармелитками. Я приняла, как должное, факт существования внебрачных связей, и даже сама грешила этим. Я отдаю себе отчет в том, что мы с тобой будем любовниками, и я согласна на это, я этого хочу. Однако запомни, хорошенько запомни: мы будем вместе, пока я буду владеть всеми твоими помыслами, как ты владеешь моими. Время от времени мне придется делить тебя с другими женщинами — но сердце твое должно целиком принадлежать мне одной, иначе... Как только я почувствую, что ты охлаждаешь ко мне, что у меня появилась соперница, которая, с твоего позволения, покушается на мое единовластие, я не стану бороться с ней — ибо я не жена тебе, а насильно удерживать любовни-

ка будет для меня унижительно,— но я первая уйду от тебя. Я уйду прежде, чем ты сам осознаешь, что теряешь ко мне интерес. Ты будешь утверждать, что произошло ужаснейшее недоразумение, будешь клясться, что любишь меня больше всех на свете, и это не будет ложью. Но я все равно брошу тебя. Брошу навсегда.

— Никогда...

— Не зарекайся, Филипп. Если тебе кажется, что ты любишь меня, так люби, пока тебе кажется. Но наперед не загадывай... Лучше поцелуй меня.

Он нежно поцеловал ее, а затем они любили друг друга, пока им хватало сил.

Около часа пополудни Бланка встала с постели и накинула пеньюар, собираясь разыскать горничную, чтобы дать ей распоряжения насчет обеда и воды для купания. Но едва лишь отворив дверь, она тут же остановилась на пороге, как вкопанная. Из ее груди вырвалось изумленное восклицание:

— Брат!

Филипп быстро набросил на себя простынь, в два прыжка очутился рядом с Бланкой и увидел в соседней комнате человека, который сидел в кресле возле распахнутого настежь окна.

— Альфонсо!

Король Кастилии попытался доброжелательно улыбнуться им, но то, что у него получилось, больше походило на отчаянную гримасу боли.

— Сказал бы, что рад снова видеть вас,— произнес он.— Но на душе мне совсем не радостно.

Бланка подошла к брату, поцеловала его в щеку и присела рядом, сжимая его руку в своих руках. Следовавший за ней Филипп пододвинул еще одно кресло и расположился напротив них, кутаясь в простыню, как в широкую тогу.

— Когда вы приехали? — спросил он.

— В начале десятого.

— А? — удивилась Бланка.— Как ты успел?

Король нервно тряхнул головой.

— Скорее, я опоздал. Мне надо было выехать еще вчера вечером, как только я получил письмо от невестки.

— Мария послала к тебе гонца?

— Да. Собственно, потому я и приехал так рано. С господином де Шатофьером мы встретились на полпути.

— Мария что-то знала о планах Фернандо?

— Кое-что, но ничего существенного. Оказывается, Фернандо имеет привычку разговаривать во сне, особенно, когда выпьет. До поры до времени Мария молчала, потому что любит его, но вчера ночью он нес такую жуть, что она, хоть и ничего толком не поняла, не на шутку испугалась и решила немедленно известить меня, что Фернандо влез в какую-то опасную авантюру. Особо Мария упомянула его слова о том, что, дескать, святой хрыч вот-вот издохнет.

— Святой хрыч?— пораженно переспросил Филипп; он знал, что так иезуиты прозывают между собой Павла VII.— Инморте готовит покушение и на папу?

— Боюсь, что уже не готовит,— хмуро ответил Альфонсо.— Как раз вчера вечером пришло сообщение, что святейший отец при смерти.

Бланка перекрестилась:

— Матерь Божья! Да что же это творится такое?!

— Пол ночи я переколотился, не зная, как мне поступить. Лишь перед рассветом я, наконец, принял решение, взял с собой два десятка гвардейцев и отправился к вам. Но, увы, опоздал.

— Ты уже разговаривал с Фернандо?

— Да. Он умолял простить его, клялся, что впредь ничего подобного не повторится. Он утверждает, что это была инициатива Инморте, а сам он ни о чем таком не помышлял. По его словам, Инморте соблазнил его, вскружил ему голову. Теперь он обещает немедленно порвать с иезуитами и вести себя паинькой.

— Он раскрыл тебе детали заговора?

— Фернандо сказал, что на эту тему Инморте с ним не шибко откровенничал. Ему известно лишь то, что меня должны отравить и что покушение намечено на конец ноября. И

кстати, Фернандо подтвердил, что болезнь святейшего отца — дело рук иезуитов. Инморте прознал о готовящемся отлучении его ордена от церкви и устроил отравление папы.

Бланка снова перекрестилась.

— Ну, это уже слишком! Они вконец обнаглели, еретики!.. Будем надеяться, что с Божьей помощью святейший отец вскоре поправится.

— Однако,— добавил Филипп,— ему лучше не медлить с изданием буллы об отлучении.

Альфонсо еще больше помрачнел.

— Для этого необходимо собрать заседание священной конгрегации. А это может сделать либо папа, который, судя по сообщению, очень плох, либо кардинал-камерлинг — а его лояльность к иезуитам общеизвестна.

— М-да, дело дрянь,— резюмировал Филипп.— Теперь вам, Альфонсо, надо быть начеку. Коль скоро иезуитам удалось добраться до святейшего отца...

Король кивнул:

— Отныне я буду начеку. Главное, что я предупрежден. А кто предупрежден, тот вооружен. Я незамедлительно издам указ о лишении Фернандо всех прав на престол и буду молить Бога, чтобы Констанца поскорее подарила мне наследника.

Филипп с сомнением хмыкнул.

«В Кастилии королевские указы редко переживают своих королей»,— подумал он.

А Бланка сказала:

— Ты знаешь, брат, я не жестокий человек. И не кровожадный. Но на твоём месте...

Альфонсо тяжело вздохнул:

— Пожалуй, ты права, сестренка. Так, бесспорно, поступил бы наш отец. Так, скорее всего, поступила бы ты. Но я... Я же все помню! В детстве мы с Фернандо были очень дружны, вместе воспитывались, вместе играли в разные игры, позже ухаживали за одними и теми же барышнями... Да что и говорить! Боюсь, я никудышный король. Отец не уставал напоминать мне, что в государственных делах нельзя давать волю челове-

ческим слабостям, но я оказался плохим учеником... Эх, Бланка, зря ты не родилась мужчиной и моим старшим братом.

Бланка взглянула на Филиппа и застенчиво улыбнулась, словно говоря: «Женщиной тоже быть неплохо».

— Моего мужа схватили?

— Пока нет. Но даже если ему удастся сбежать, насчет развода не беспокойся — я все улажу. Самое большее, это займет полгода. Как только граф Бискайский будет осужден... Ах да, чуть не забыл. Кузина Маргарита не желает широкой огласки, что вполне понятно, и намерена потребовать от Сената передачи дела на рассмотрение малой коллегии, состоящей из короля, верховного судьи и епископа Памплонского. Думаю, что с этой целью она попросит вас дать показания перед Судебной Палатой, что граф совершил государственное преступление, в результате чего погиб Рикард Иверо.

— Рикард мертв! — воскликнула Бланка. — Они что, избили его до смерти?

— Нет. Просто он выпил яд, находясь в здравом уме и твердой памяти... так, во всяком случае, утверждает Маргарита. А как оно было на самом деле — сам ли он отравился или же она принудила его к этому — ведомо только Богу единому.

— Бедная Елена, — прошептала Бланка. — Бедняжка... Впрочем, для нее это будет лучше, чем публичный суд и наказание Рикарда. Пусть она думает, что он был убит графом Бискайским.

— Маргарита считает так же. Она уже разговаривала с кузинами Жоанной и Аделью и взяла с них слово держать язык за зубами. Вы тоже ничего не знаете, добро?

— Добро... Нет, постой, так не пойдет. Вскоре Елена придет ко мне плакаться — странно, что она еще не явилась...

— Поговорив с Маргаритой, она сразу поехала в усадьбу лесника и до сих пор не вернулась оттуда.

— Вот и хорошо. Пока она там, мне надо потолковать с Маргаритой. Мы должны решить, что говорить Елене и как лгать ей поубедительнее... — Бланка вздохнула. — Не выношу лжи, но порой ложь — большое благо. Так что я постараюсь выглядеть искренней.

Они немного помолчали, обмениваясь быстрыми взглядами, затем король спросил:

— А ты что будешь делать, сестренка? Может, вернешься в Толедо? Мне очень не хватало тебя в последнее время, а с замужеством Норы я и вовсе остался один. Конечно, у меня есть Констанца, но она не сможет заменить мне сестер — особенно тебя. Подумай над моим предложением, Бланка. Ты еще молоденькая, спешить тебе некуда, поживи пару годков в свое удовольствие, потом найдешь себе нового мужа... Между прочим, я окончательно помирился с арагонским королем, все бывшие раздоры забыты, и я уверен, что он с радостью *отдаст* за тебя своего сыночка.

Бланка решительно покачала головой:

— Нет, Альфонсо, об этом и речи быть не может. Я больно обожглась на своем замужестве и сейчас даже думать не хочу о каком бы то ни было браке. Кузен Педро, конечно, не подлец и не интриган, он вообще никто и ничто, он и мухи обидеть неспособен, он просто малое дитя, однако... Нет, нет и нет! И слышать не хочу и думать не желаю.

— А я не настаиваю, сестренка. Ты можешь выйти замуж когда угодно и за кого угодно. Я согласен даже на мезальянс, лишь бы твой избранник был дворянин и католик. Для меня твое счастье превыше всего. Кроме того, что я люблю тебя, я считаю аморальным дважды приносить тебя в жертву политическим амбициям. Ведь и в политике должны существовать хоть какие-то нравственные нормы, иначе весь наш мир провалится в тартарары. Я не ставлю тебе никаких условий; просто хочу, чтобы ты вернулась ко мне, в Толедо.

Бланка молча поднялась с кресла и отошла к окну.

— Нет, Альфонсо, — произнесла она, глядя в чистое безоблачное небо. — Я не хочу возвращаться назад, потому что не могу воротиться, потому что детство мое ушло, и его ничем не вернешь. Я уже взрослая, мне скоро семнадцать, и я должна идти вперед, смотреть в будущее, а не цепляться за прошлое. Отец сделал меня графиней Нарбоннской, по галльским законам я совершеннолетняя, я один из пэров Галлии, и мое место

в этой стране, которая, надеюсь, станет моей второй родиной. Прости, брат, что я не оправдала твоих надежд.

Король пристально посмотрел на Филиппа, затем снова перевел взгляд на сестру.

— Значит, ты наконец решилась. Только жаль, что так поздно. Я не буду ни отговаривать тебя, ни поощрять — это твой выбор, и ты знаешь, что делаешь. Просто мне досадно... Досадно, что вы столько лет не могли определиться в своих отношениях. А ведь, в сущности, определяться было нечего — вы всегда любили друг друга.

— Это было так заметно? — спросил Филипп.

— Очень заметно, кузен. Вот только вы оба этого не понимали. Вернее, не хотели понять.

Альфонсо встал, подошел к Бланке и обнял ее за плечи.

— Желаю тебе счастья, сестренка, от всей души желаю. Но запомни, что я тебе скажу. Что бы там ни случилось, как бы ни повернулась твоя судьба, Кастилия с распростертыми объятиями примет свою дочь, а брат — сестру.

В больших карих глазах Бланки заблестели слезы.

— Я всегда буду помнить это, Альфонсо...

Глава LVII

Симон де Бигор пишет письмо

Дорогая моя Амелина!

Прошло больше недели с тех пор, как я послал тебе последнее письмо, и вот, наконец, решил написать снова. Надеюсь, это уже последнее мое письмо из Памплоны, и вскоре я увижу тебя и прижму тебя к своему сердцу, родная. Ты, кстати, очень обидела меня в своем письме, которое я только что получил, намекая, будто бы я не шибко скупаю за тобой, и потому не спешу возвращаться в Тараскон. Можно подумать, что это от меня зависит! Да и кому-кому, но не тебе упрекать меня за мою якобы неверность. Ты же для меня единственная в мире, других женщин для меня просто не существует, то есть они на самом-то деле существуют, другие женщины, но все они мне

безразличны. Они совершенно не трогают меня, и если кто-то пытается меня оклеветать, не верь тем грязным наветам.

Да, кстати, чтобы не забыть. В предыдущем письме я забыл предупредить тебя, чтобы ты никому не рассказывала о покушении на княжну Жоанну и прочих грязных делах графа Бискайского. А ты рассказал, небось? Матушке. Так попроси ее молчать. А если вы с матушкой рассказали своим подругам, попросите молчать и их. Правда, Эрнан, узнав, что я забыл предупредить тебя сразу, да и вообще, что написал тебе об этом, сказал, что теперь это гиблое дело. Дескать, предупреждай, не предупреждай — все едино. Однако я верю тебе, ведь ты у меня — самая лучшая на всем белом свете жена, только вот изменяешь мне, бесстыжая. Если бы ты.* И мама у меня самая лучшая из мам. Я полагаюсь на вас.

Это очень важно — сохранить все в тайне, ибо это государственная тайна. За исключением нескольких человек, никто даже не догадывается об истинной подоплеке дела. Большинство полагает, что граф Бискайский... Впрочем, он уже не граф, равно как и Жоанна Наваррская уже не княжна. Король добился согласия Сената на передачу этого дела так называемой малой коллегии, и позавчера эта самая коллегия — король, граф де Сан-Себастьян и монсеньор Франциско де ла Пеня — после тайного совещания огласили эдикт, в соответствии с которым граф Бискайский признается виновным в государственной измене, лишается всех прав, титулов и владений и приговаривается к смертной казни путем отделения головы от туловища, а все его титулы и владения переходят к его сестре Жоанне, теперь уже графине Бискайской. Король назначил солидное вознаграждение за поимку бывшего графа, но того уже и след простыл — видно, не хочется ему расставаться с головой.

А епископ Памплонский, кроме того, сделал еще одно заявление. Он объявил о расторжении брака госпожи Бланки с графом Бискайским с момента вынесения последнему смертного приговора. Я целиком поддерживаю это решение, ведь

*Здесь и далее зачеркивания в письме сделаны Симоном.

неизвестно, сколько времени уйдет на розыски графа, прежде чем его казнят, так что было бы в высшей степени несправедливо заставлять госпожу Бланку ждать, пока она станет вдовой. А вот Эрнан, мне показалось, был недоволен такой скорой развязкой. По его словам, он думал, что епископ не решится самолично расторгнуть брак и направит дело на рассмотрение Курии. Но вот вопрос: почему Эрнан выглядел недовольным и даже встревоженным? Я прямо так и спросил у него, однако он ответил, что мне это лишь показалось. И все же мне думается, что тут не все чисто.

Я предполагал рассказать тебе про свадьбу госпожи Маргариты с графом Шампанским, но вот подумал чуток и пришел к выводу, что рассказывать тут особо не о чем. Ну, разве что только о том, что перед первой брачной ночью (ну да, так уж она и первая была!) Маргарита сама пожелала, чтобы Тибальд, следуя этому варварскому обычаю, раздел ее догола при всем честном народе — а в спальне тогда собралось около полусотни человек. И она ничуть не смущалась, бесстыжая, куда больше смущался сам Тибальд, раздевая ее — а ей хоть бы хны, она даже рисовалась перед всеми в своей наготе, ни стыда у нее, ни совести, как, собственно, и у тебя. А впрочем, справедливости ради надобно сказать, что ей было что показать — только ты не подумай ничего такого.

А сейчас в королевском дворце полным ходом идет подготовка еще к одному бракосочетанию, вернее, к мезальянсу. Да-да, оно самое! Я уже рассказывал тебе про Ричарда Гамильтона — так, оказывается, не только Маргарита, но и король дал свое согласие на брак с ним госпожи Жоанны. По правде говоря, она, после того как стала графиней, ни в чем согласии, кроме согласия церкви, не нуждалась, но факт примечательный — дон Александр согласился принять в свою семью нищего шотландского барона. Гастон говорит, что это вполне объяснимо, ведь госпожа Жоанна старше Маргариты на два года, она дочь старшего брата короля, приемная дочь самого короля и, по идее, имеет больше прав на престол, чем сама Маргарита. Поэтому, утверждает Гастон, король, боясь, как бы сторонники ее брата не сомкнулись вокруг нее, с радостью от-

дает госпожу Жоанну за Гамильтона — и в самом деле, кто захочет иметь своим королем какого-то варвара? И вообще, скажу тебе, этот Гамильтон в высшей степени странный человек. Представляешь, ему уже двадцать семь лет, а он только женится, тогда как у Тибальда де Труа Маргарита уже вторая жена. А вот Филипп мне сказал, что не видит в этом ничего странного, дескать, британцы все такие: там север, туманы, и они (то есть британцы) созревают для брака лишь после двадцати лет. Мне в это с трудом верится, но Филиппу, конечно, виднее.

Ага, про Филиппа! Собственно, зачем я и взялся писать тебе. На днях приехал Этьен де Монтини, кажется, я упоминал о нем в предыдущем письме. Да, точно, упоминал — он любовник госпожи Бланки. Теперь можно с уверенностью сказать, что бывший любовник. Филипп отослал его в Рим в почетной свите Анны Юлии, чтобы он не препятствовал ему в соблазнении Бланки, но вот он вернулся. Сбежал, как оказалось, в Барселоне перед самой посадкой на корабль; видно, ревность его замучила, и он воротился. Долго будут помнить его возвращение! Весь двор никак не нахохочется, вспоминая его блистательное возвращение. Я и сейчас смеюсь, когда пишу тебе эти строки.

Одним словом, Монтини вернулся — это было после обеда, — ну и, балда такая, тотчас побежал к Бланке. Идиот, он думал, что она с нетерпением ждет его. Да уж, больно ждала она его — с Филиппом в постели. Они, кстати, будто с ума сошли — добрых полдня (и это не считая ночи) проводят в спальне. Ну, никак не налюбуются! Впрочем, с Филиппом все ясно, он у нас жеребец похотливый, а сейчас Бланка — его единственная женщина. Но вот ей каково?!

Ладно, вернемся к Монтини. Он вихрем ворвался в спальню, чтобы обнять поскорее Бланку, но не тут-то было — ее уже обнимал другой! Когда Филипп позже признался, что они как раз очень мило развлекались, Гастон бухнулся на пол — так хохотал. Но разве это самое смешное? Вовсе нет! Самое смешное то, что Монтини парень сообразительный, но дурак еще тот. Едва лишь он увидел свою Бланку с Филиппом, сра-

зу схватился за шпагу. А у Филиппа шпаги не было. Да и где ему было поцепить эту шпагу, спрашивается? Монтини чуть было не убил его. Как буйно помешанные, они носились по покоям, швыряли друг в друга кресла и стулья, разбили большое зеркало, выбили три окна, задавили насмерть трех кисок госпожи Бланки — она была безутешна и горько оттого рыдала. Филипп потом клятвенно уверял ее, что это не он, что это все Монтини. А киски были такие красивые, такие маленькие, пушистые и хорошенькие. Бланка очень любит кошек, и когда она приедет к нам, вы с ней быстро найдете общий интерес... Впрочем, хватит о котах, заговорился я что-то. Продолжу.

Значит, не знаю там как, но Монтини в конце концов удалось вытеснить Филиппа в коридор. Вот-вот, оно самое! Тогда Филипп пустился наутек. Монтини побежал за ним, изрыгая проклятия и угрозы. И никто его не остановил — из стражников, я имею в виду. Наверное, им было интересно посмотреть, чем же это кончится. А кончилось тем, что, к счастью для Филиппа, по коридору как раз шел Эрнан, направляясь к нему и госпоже Бланке. Он тут же разобрался с Монтини — разоружил его и сгрел в охапку. А Филипп тем временем сорвал с него (то есть с Эрнана) плащ, кое-как прикрыл свою наготу и бегом возвратился в покои Бланки.

Теперь один только Бог знает, что станет с Монтини. Филипп может и прикончить его — он у нас такой, очень гордый и злопамятный. Пока что Эрнан взял Монтини под свое покровительство — не хочу, говорит, смертоубийства. А дальше видно будет. Такие вот дела.

Кстати, легок на помине. Только что ко мне заходил Филипп. Тихонько так вошел, бессовестный, стал у меня за спиной и через плечо читал, что я тебе пишу. Заметив его, я, конечно, возмутился, а он и себе вскипел, накричал на меня: мол, какого черта я про все это пишу. Я же отрезал ему, что его не должно касаться, о чем я пишу — что хочу, то и пишу.

А впрочем, не затем приходил ко мне Филипп, чтобы читать мое письмо. Собственно, он и понятия не имел, что я пишу тебе, пока не начал читать.

Так вот, Амелина. Оказывается, Филипп изменил свои

планы. Он передумал возвращаться в Тараскон в этом году, собирается погостить в Памплоне аж до конца ноября и прямо отсюда отправиться в Рим на свою с Анной Юлией свадьбу и торжества по случаю освобождения Европы от мавров — такие состоятся, невзирая на смерть папы (если ты еще не знаешь, его святейшество Павел VII умер 19 сентября — да почит он с миром). К тому же Филипп рассчитывает, что к Рождеству будет избран новый папа, который отлучит иезуитов от церкви. Надеется, небось, отхватить и себе часть владений и богатств ордена.

Ты, безусловно, спросишь, с какой это стати Филипп решил остаться в Памплоне. Я тоже спросил, а он ответил мне, что намерен перенести свой двор из Тараскона в Тулузу — дон Робер, оказывается, продал ему Империял. Да-да, тот самый дворец в старой части города, который был резиденцией последних римских наместников и первых королей Галлии. Королевской казне стало не по средствам и дальше содержать его — ты же знаешь, как беден наш король. Да и какой он, собственно, король, если говорить откровенно. Предки дона Робера расчленили свой домен, передавая во владение каждому из младших сыновей отдельное графство, и вот результат — вскоре Филипп отнимет у него корону.

Но это еще не объясняет, почему Филипп остается в Памплоне, можешь сказать ты. Я тоже так сказал Филиппу. А он мне сказал, что сегодня посылает преподобному Антонио соответствующие распоряжения, и вскоре в Тарасконе начнется такая суматоха в связи с переселением, что спокойной жизни там не будет. Маргарита любезно предложила Филиппу тем временем погостить у нее (верно, все еще надеется снова завлечь его к себе в постель), и он согласился.

Так что, Амелина, с начала следующего года мы будем жить в Тулузе. По идее, такое решение Филиппа вполне понятно и объяснимо. Женившись на Анне Юлии, он станет графом Перигора, Руэрга и Готии (вряд ли маркиз Арманд долго протянет), а значит, и главным претендентом на галльскую корону. Еще на прошлой неделе Эрнан говорил мне, что после смерти старого маркиза Филипп станет фактическим прави-

телем Галлии и, естественно, не замедлит переехать в столицу своего королевства. Как видишь, он (то есть Эрнан) не ошибался, он вообще редко ошибается, когда что-то говорит.

Однако я подозреваю, что не только это обстоятельство побудило Филиппа поспешить с переселением, а еще немного поразмыслив, я пришел к выводу, что и остаться в Памплоне он решил не потому, что в Тарасконе вскоре начнется суматоха. Кажется, позавчера Гастон говорил мне, что это вызовет множество нелицеприятных толков, если госпожа Бланка поселится в Тарасконе — ведь она королевская дочь, и положение, в котором она окажется, будет для нее унижительным. А вот Тулуза — совсем другое дело. Ее переезд в Тулузу будет выглядеть совершенно естественно — она графиня Нарбоннская, пэр Галлии, разведена с мужем, а то, что она будет жить с Филиппом, это уже ее личное дело. Главное, что все приличия будут соблюдены.

Вот это, думаю и есть подлинная причина того, почему Филипп остается в Памплоне. Империял будет обустроен месяца через три, то бишь аккуратно к нашему возвращению из Рима. Филипп же ни в какую не хочет расставаться с госпожой Бланкой — даже на один день, не говоря уже о трех месяцах. Надобно сказать, что он, похоже, свихнулся на ней. Эрнан утверждает, что это у него всерьез и надолго, и хмурится при том, мрачнее тучи становится. У меня создается такое впечатление, что Эрнан опасается, как бы Филипп не послал императора с его доченькой-сыночком к чертям собачьим и не женился на Бланке, благо она уже разведена... или к несчастью для Эрнана, она уже разведена — кажется, я понял, почему Эрнан был недоволен решением монсеньора Франциско дела Пеньи и назвал его скоропалительным и неканоническим. Он попросту не хочет, чтобы Филипп с Бланкой поженились, не хочет терять лангедокских владений Анны Юлии. Если это так, то я решительно не согласен с ним. Госпожа Бланка такая очаровательная, такая прекрасная и умная женщина — только ты не подумай ничего такого. Я питаю к ней лишь искреннее уважение и глубокую симпатию, но люблю я только тебя, **жэ-т-ы.**

Вот это Филиппово решение свалилось на меня, как снег на голову. Он спросил, останусь ли я с ним, а я еще не решил. Надо будет все взвесить, посоветоваться с отцом — только ты не обижайся на меня, если я все же решу остаться, ладно? Филипп сказал, что вся наша молодежь остается гостить у госпожи Маргариты по ее приглашению — и Эрнан, и Гастон, и оба д'Армандьяка, и Русильон, и кузены Сарданские, и Габриель де Шеверни... Вот он, бедняга, женушку нашел, чтоб ей пусто было! Она по-настоящему ненавидит его, смотрит на него так, будто в любой момент готова убить — я вовсе не шучу. Между ними что-то неладно, это я давно заметил. Я много раз спрашивал у Габриеля, что же произошло, но он все отмалчивался и только однажды спьяну сказал мне: «Все это кара за мое преступление. Жестокая кара. Лучше бы меня бросили в темницу». И все, больше ничего, ни слова. Эрнан и Филипп тоже молчат, не говорят мне, какое же преступление совершил Габриель. А Гастон, похоже, сам в недоумении. Он говорит, что Матильду насильно выдали за Габриеля, но это еще не объясняет ее бесстыжего поведения. Всего ничего прошло со дня их свадьбы, а она уже напропалую изменяет ему — и не с мужчинами, а с женщинами. Представь себе! Гастон говорит, что Матильда с Анной Юлией два сапога пара, а Филипп и Габриель — товарищи по несчастью. Только Филипп относится к своему положению с юмором, а Габриель, бедолага... Мне так жаль его, Амелина, так жаль! Раньше я считал себя самым несчастным из мужей, но теперь понимаю, что это не так. Ведь ты любишь меня, правда? Пусть ты изменяешь мне, но ты любишь меня и не желаешь мне зла. Я тоже люблю тебя, очень люблю, и мне так хочется повидаться с тобой, я так по тебе соскучился, милая. Я бы с радостью уехал из Памплоны хоть сегодня, но пойми меня правильно, родная: в свите нашего дяди, герцога, я буду выглядеть белой вороной, ведь, повторяю, по словам Филиппа, вся наша молодежь остается гостить у Маргариты.

Ага! Мне пришла в голову одна великолепная идея! А что, если я приеду к тебе в ноябре, побуду с тобой две-три недели, а когда наша компания оставит Памплону и тронется в путь, я

присоединюсь к ним уже в Барселоне и сяду вместе с ними на корабль. Как ты думаешь — так пойдет? По мне, это очень даже неплохая мысль, наверно, я так и поступлю. Только сперва надо посоветоваться с отцом и Филиппом, а еще с Гастоном — может быть, он согласится поехать со мной.

А впрочем, нет, навряд ли он согласится. У него свои заботы, он, к твоему сведению, тоже влюбился — правда, не в княжну Елену, а в графство Иверо, наследницей которого она стала после смерти своего брата. Только об этом — ни слова, ни полслова, Амелина. Никому, даже матушке. Дело в том, что твой брат (и это серьезно!) хочет развестись с Клотильдой, чтобы жениться на княжне Иверо. Без шуток! И Филипп (надо же!) намерен поддержать его. Он пообещал Гастону, что уговорит нашего архиепископа найти какой-нибудь формальный повод для расторжения брака. Только молчи, заклинаю тебя. Я украдкой подслушал их разговор, они не знают, что я что-то знаю об их планах. А когда я рассказал о подслушанном разговоре Эрнану, он сказал мне, что нечего тут удивляться. Филипп, мол, положил глаз на Наварру, собирается в будущем присоединить ее к Галлии, сохранив, впрочем, за Маргаритой титул королевы, так что твой брат, как граф Иверийский, будет ему на руку в этой его затее.

Скажу тебе откровенно, Амелина: у Филиппа непомерный аппетит к власти, гляди еще подавится. Небось, хочет прослыть вторым Филиппом Воителем, но, по-моему, он так и останется Красавчиком. Однако Эрнан со мной не согласен, он говорит, что Филипп прав, что все земли, где люди разговаривают по-галльски и по-французски, должны войти в состав Галлии, Великой Галлии. Не знаю, быть может, это и так, Эрнану виднее — я же в политике ничего не смыслю и ею не интересуюсь.

Вот, пожалуй, и все, Амелинка. Я закругляюсь. Надо успеть отдать письмо гонцу, который отправляется в Тараскон с распоряжениями Филиппа — так будет намного быстрее, чем посылать его с обычным почтовым курьером. А если я и забыл тебе что-то написать, то напишу об этом в следующий раз, и очень скоро.

Целую тебя, любимая, поцелуй от меня маму, нашего маленького сыночка, мою сестренку, обоих братиков — я всех вас очень люблю. Но тебя особенно — поэтому еще раз целую.

Твой Симон.

Р. С. Амелина, негодница! Я уже собирался отдать письмо гонцу, как тут явился Гастон и, так противно ухмыляясь, сообщил, что с этим же гонцом Филипп шлет тебе подарок — несколько прозрачных ночных рубашек. Ах, ты бесстыжая! А Филипп — нахал, каких мало. Постыдились бы оба, бессовестные!»

Глава LVIII

*В которой Филиппа терзают сомнения,
а Эрнан затевает очередное предприятие*

Войдя в гостиную покоев Филиппа, Эрнан сразу же почувал что-то неладное.

Филипп и Гастон играли в шахматы; партия была в самом разгаре. Симон, полулежа в кресле, лениво наблюдал за игрой. Сам он в последнее время наотрез отказывался садиться за шахматный столик, ибо проигрывал всем без исключения, даже тем, кто чуть ли не впервые видел шахматные фигуры. Гастон советовал ему не принимать свои поражения близко к сердцу — дескать, это не столько от глупости, сколько от исключительной и достойной всяческого удивления невнимательности. Так что Симон сидел в сторонке, пассивно наблюдал за игрой и время от времени поглаживал пушистую кошечку Бланки, Марцию, которая вздремнула у него на коленях.

Увидев Шатофьера, Филипп рассеянно кивнул:

— Привет, дружище. Где ты пропадал все утро?

— Дела, Филипп, дела,— пророкотал Эрнан, громыхнул креслом, пододвигая его к себе, и всем своим весом бухнулся в него.

Марция испуганно мяукнула, соскочила с колен Симона и юркнула под диван.

— Полегче, друг, — укоризненно произнес Симон. — Что ты как с цепи сорвался?

Эрнан небрежно отмахнулся:

— Вот еще не хватало мне на цыпочках ходить ради спокойствия какого-то кота.

— Не какого-то, а кота Бланки, — уточнил Гастон. — И не кота, а кошки.

— Я ей под хвост не заглядывал... Кстати, я пришел огорчить вас.

Филипп так и подпрыгнул и уставился на Эрнана встревоженным взглядом.

— Что стряслось? — спросил д'Альбре.

— Я ненадолго покидаю вас.

Филипп облегченно вздохнул и расслабился.

— Ненадолго — это на сколько? — поинтересовался Гастон.

— Не больше месяца. Встретимся в начале декабря в Барселоне.

— Так ты едешь с Симоном?

— Да, еду. Но не с Симоном.

— И куда?

Эрнан загадочно усмехнулся:

— Есть одно деликатное дельце.

— Какое?

— Говорю же вам: деликатное.

Гастон поморщился:

— Небось, опять что-то затеваешь?

— Угу.

— И нам ничего не скажешь?

— Хоть убейте.

— Жаль, что ты уезжаешь, — отозвался Филипп. — Вот и Гастон колеблется — не поехать ли ему вместе с Симоном в Тараскон.

— Это правда, Гастон?

Тот неуверенно пожал плечами:

— Да вот думаю. Но еще не решил. Собственно говоря, делать мне здесь все равно нечего, а так хоть лично прослежу за подготовкой к переселению.

Эрнан понимающе кивнул:

— И то правда. Что тебе здесь делать, раз княжна Иверо в Калагорре.

Д'Альбре почему-то покраснел, а Симон хихикнул.

— Да, вот еще что,— сказал Эрнан после минутного молчания.— У меня к тебе одна просьба, Филипп.

— Какая?

— Отпусти со мной Монтини.

— Монтини? — Филипп оживился, но его взгляд не предвещал ничего хорошего.— Зачем он тебе?

— Во-первых, он смышленный парень. Да и вообще, человек явно незаурядный, если такая исключительная женщина, как Бланка, любила его.

В глазах Филиппа сверкнули молнии.

— Она не любила его! — категорически возразил он.— Я единственный.

Гастон и Симон обменялись насмешливыми взглядами.

— Черт тебя дери! — добродушно ухмыльнулся Эрнан.— Это, между прочим, еще одна причина, почему я хочу взять его с собой.

Филипп в смятении захлопал ресницами.

— Я не собираюсь причинять ему... Я не сделаю с ним ничего плохого.

— Ну да, конечно. Только и того, что больше месяца держишь его под арестом. В конце концов, ты доведешь бедного парня до помешательства. Он даже спит, как на иголках, ежеминутно вздрагивает при малейшем шуме, боится, что это ты явился самолично расквитаться с ним за ту прогулку нагишом по коридору. И его страхи не напрасны. У тебя аж руки чешутся прикончить его или, по меньшей мере, избить до полусмерти. Если бы не мы с Бланкой... Э-э, что и говорить! Пусть он поедет со мной — вдали друг от друга вы, надеюсь, чуток поостынете. Ну как, идет?

Филипп вздохнул:

— Да ладно уж, бери его с собой. На кой черт он мне сдался!

Гастон невесть почему захихикал, а кошка Марция, убедившись, что Шатофьер не буйствует, выбралась из-под дивана и возвратилась к Симону на колени.

Эрнан бегло оценил позицию на шахматной доске. Филипп играл белыми, но его положение было безнадежным.

— Что-то не видно здесь руки Бланки,— заметил он.— Кстати, а она где?

— У себя,— ответил Гастон.— С ней лекарь.

— Лекарь?— всполошился Эрнан.— Она заболела?

— Да нет, не беспокойся. Просто с утра ее затошнило. Филипп подозревает, что она беременна.

— А?!— пораженно воскликнул Эрнан.— У нас будет маленький Филиппчик?

— Или Елена,— как-то неуверенно промолвил Филипп.

Эрнан пристально поглядел на него и почесал затылок.

— Чтоб я сдох!— пробормотал он, мигом вскочил с кресла и опрометью выбежал из комнаты.

Симон поднял голову.

— Что его припекло?

— Отправился забирать из-под ареста Монтини,— объяснил Гастон.— Пока Филипп не передумал.

Щеки Филиппа заалели. Он в смущении потупил глаза.

— А почему он должен передумать?— спросил Симон, так ничего и не поняв.

Д'Альбре сокрушенно вздохнул и возвел горé очи.

— Однако ты наивен, дружок! Ведь ребенок может оказаться не его, а Монтини.

— Ах, вот оно что!— протяжно произнес Симон, глядя на удрученного Филиппа с искренним сочувствием, пониманием и в то же время с некоторым злорадством.— А разве Бланка не знает, чье это дитя?

— Да она сама еще дитя, и если бы не Филипп, ей бы в голову не пришло заподозрить неладное. Впрочем, Филипп тоже хорош. Вот уже семь недель кряду он каждую ночь спит с ней...

— Ну, и что с того? Я с Амелиной...

— Ой, не заливай! Уж ты с Амелиной явно не спал каждую ночь, особенно этим летом. И к твоему сведению. Если ты думаешь, что Амелина знает наверняка, чей у нее ребенок, то глубоко заблуждаешься. Черта с два она знает! Бедная сестренка просто разрывалась между любовью и супружеским долгом — сегодня с тобой, завтра с Филиппом. Где ей знать-то!

— Прекрати! — возмущенно воскликнул Симон, краснея от стыда. — Опять распустил язык! Ну, сколько можно, в самом-то деле?

— Сколько нужно, столько и можно. Мой язык — говорю, что хочу... Ладно, оставим это. Я вот что имел в виду: почти семь недель Филипп каждую ночь проводит у Бланки.

— И что тут такого?

Д'Альбре снова вздохнул и пустился в пространные рассуждения о месячных.

— Так почему Филипп сам не расспросил Бланку? — осведомился Симон, выслушав исчерпывающие разъяснения Гастона.

— В общем, это понять несложно. Он боится, что ребенок может быть от Монтины, и втайне надеется, что лекарь научит Бланку, как надо солгать, чтобы убедить его в обратном.

— Ага! — сказал Симон. — Теперь ясно.

Филипп еще больше смутился: Гастон будто прочел его самые сокровенные мысли.

Некоторое время все трое молчали, думая каждый о своем. Особенно горькими были думы Гастона — но об этом мы расскажем чуть позже и в надлежащем месте.

Наконец, в передней послышались быстрые шаги, затем дверь распахнулась и в гостиную вошла Бланка. Следом за ней, довольно ухмыляясь, шел Эрнан.

— Вот, Филипп, — сказал он. — Встретил по дороге твою Бланку с твоим дитем. Смертоубийство отменяется.

Филипп вскочил с кресла, кинулся к Бланке и обнял ее.

— Это правда?

— Правда, милый,— шепотом ответила она.— Мэтр объяснил мне, почему я не могла быть беременной до тебя.

Филипп облегченно вздохнул, вспомнив необычайную раздражительность Бланки в последние дни официальных торжеств, и еще крепче прижал ее к себе.

— Маленькая ты моя девочка! Кто бы мог подумать, что ты такая невежда... А ребенок будет?

— Мэтр не решается утверждать наверняка, но думает, что да.

Филипп потерся щекой о шелковистые волосы Бланки. Пушистая Марция, радостно мурлыча, терлась об их ноги.

— Я так счастлив, родная.

— Я тоже счастлива,— сказала Бланка.— Господь благословил нашу любовь.

Между тем Эрнан значительно подмигнул Гастону, тот понимающе кивнул, схватил Симона за руку и все трое покинули покои Филиппа.

— Что случилось, друзья?— удивленно спросил Бигор уже в коридоре.— Такая трогательная сцена, а вы...

— Потому мы и поспешили убраться, что она слишком уж трогательная,— сказал Гастон.— Какой же ты балбес, Симон, право слово! Сейчас Филипп наверняка потащит Бланку в спальню, так что наше присутствие там было бы неуместным. Бланка очень стеснительная девушка, и лучше ее лишний раз не смущать. Правда, Эрнан?

Шатофьер молча кивнул.

— А теперь что мы будем делать?— поинтересовался Симон.

— Можем нагрянуть к Маргарите,— предложил д'Альбре.— Если я не ошибаюсь, через полчаса она будет обедать и, разумеется, пригласит нас составить ей компанию.

— Только без меня,— покачал головой Эрнан.

— Почему?

— Я ведь сказал, что вскоре уезжаю и в Памплону уже не вернусь. Надо же подготовиться к отъезду, как ты думаешь? Одним словом, дел у меня невпроворот, а времени в обрез.

— Ну что ж... — Гастон в задумчивости почесал нос. — Тогда иди к Маргарите сам, Симон. Поведаешь ей про беременность Бланки, и вообще...

— Что «вообще»? — оживился Бигор.

— Вчера Маргарита рассорилась с мужем. Говорят, он уже умудрился оприходовать одну из ее фрейлин, тогда как она еще не успела наставить ему рога. Так что... — Тут д'Альбре многозначительно умолк.

— Так что? — повторил Симон, краснея.

— Так что у тебя неплохие шансы, малыш. Сейчас она злая, как сто чертей, и рада будет воспользоваться случаем, чтобы отомстить Тибальду.

— А ты не дуришь меня?

— А зачем мне дуришь тебя? Ты смазлив, хорошо сложен — как раз в ее вкусе. Правда, умом ты не блещешь, но в постели это не главное. Вперед, дружок, не теряй времени даром. Надеюсь, за оставшиеся три дня ты научишься у Маргариты кое-каким штучкам-дрючкам, которые придутся по вкусу Амелине. Она ведь и отдает предпочтение Филиппу в частности потому, что он, не в пример тебе, знает множество всяческих штучек и дрючек, и ей гораздо приятнее в постели с ним, чем с тобой.

— Грубиян ты! — буркнул напоследок Симон и почти бегом бросился вперед по коридору.

Эрнан тихо засмеялся:

— И эту басню ты сочинил только затем, чтобы поскорее избавиться от него и поговорить со мной наедине?

— Отнюдь, — возразил Гастон. — Ничего я не сочинял. Маргарита вправду положила на Симона глаз, просто ты в последнее время жутко чем-то озабочен и не обратил на это внимания. А я лишь воспользовался этим, чтобы Симон оставил нас в покое, не задавая лишних вопросов. Ты же знаешь, какой он навязчивый и как любит совать свой нос в чужие дела. Но в одном ты все-таки прав. Я действительно хочу потолковать с тобой с глазу на глаз.

— Что ж, — сказал Эрнан. — Раз так, пойдем ко мне. Потолкуем без свидетелей.

Глава LIX

Тайная миссия Эрнана

В небольшой гостиной квартиры Эрнана Гастон устроился в удобном мягком кресле и сказал:

— А теперь, дружище, раскалывайся. Что ты замышляешь? Шатофьер сел напротив него.

— Раскалываться, говоришь? А кто ты, собственно, такой, чтобы я раскалывался?

«Кокетничает, значит расскажет»,— подумал Гастон, а вслух спросил:

— Когда отправляешься?

— Завтра на рассвете.

— Куда?

— Гм, тебе только скажи...

— Вот и скажи.

— А ты поедешь со мной?— резко подавшись вперед, выпалил Эрнан.

— Ага!— усмехнулся Гастон.— Так вот что ты хочешь!

— Допустим, хочу,— невозмутимо отвечал Шатофьер.— А еще допустим, что тебе не шибко хочется ехать в Тараскон, равно как и не хочется оставаться в Памплоне.

Д'Альбре явно смутился:

— С чего ты взял?

— Чувство, Гастон, чувство. А это такая штука, которая еще никогда меня не подводила. Ну, скажи откровенно: я угадал?

Гастон неохотно кивнул:

— Да, ты прав... Только не спрашивай почему.

— А я не спрашиваю. Я лишь предлагаю тебе ехать со мной. Согласен?

— Но куда? Что если тебя припекло съездить в Пекин? Ведь ты у нас такой.

— Ну, положим, в Пекин я не поеду, хотя бы потому, что никак не успею через месяц попасть в Барселону. А вот что я отправляюсь в Толедо, это уже ближе к истине. И ради тебя,

если ты поедешь со мной, я готов сделать небольшой крюк, чтобы наведаться в Калагорру.

Уже третий раз за этот день слова Эрнана привели Гастона в смятение. В Калагорре как раз находилась Елена Иверо. После смерти брата она не вернулась в Памплону. Поговорив с Маргаритой и Бланкой, она на следующий же день забрала в усадьбе лесника тело Рикарда и отправилась прямо к родителям, в Калагорру. Так вся их семья и сидит там безвыездно уже второй месяц кряду. Граф Клавдий, говорят, очень плох, и многие сомневаются, что он вообще когда-нибудь оправится — таким сильным ударом явилась для него смерть сына. За все это время Гастон получил от Елены три письма (а сам написал ей семь), и судя по всему, она не подозревает о его причастности к гибели брата.

— Ладно,— вздохнул Гастон,— составлю тебе компанию. Но при одном обязательном условии: ты расскажешь мне все о цели твоей поездки. Все — понял? Без всяких твоих штучек с недомолвками и полуправдой.

— Предположим, я расскажу. А ты будешь молчать?

— Ясное дело!

— Смотри мне! — Эрнан погрозил ему пальцем, затем напустил на себя серьезный вид.— Итак, моя миссия состоит в том, чтобы препроводить Фернандо де Уэльву из Кастель-Бланко в Толедо.

— Ба! — пораженно воскликнул Гастон.— Он все еще в Наварре?!

— Эге. Согласись, хитро придумано. Никому даже в голову не пришло, что брат дона Альфонсо мог остаться в Кастель-Бланко.

— Гм. И впрямь хитро. Я лично не сомневался, что король увез его в Кастилию и держит под стражей в одной из своих крепостей... Однако продолжай.

— Так вот. Кастильские вельможи уже начали выражать обеспокоенность в связи с длительным отсутствием дона Фернандо, и король был вынужден сообщить им, что велел арестовать брата по обвинению в его участии в заговоре против законной власти.

— А ты откуда знаешь?

— Сегодня я получил письмо от дон Альфонсо.

— Ого! — удивился Гастон. — Он написал тебе письмо? С какой стати?

— Потому что доверяет мне. И поручил доставить Фернандо де Уэльву в Толедо, стеречь его по дороге, а в случае необходимости даже прикончить его. Как видишь, у нас намечается веселая прогулка.

При этих словах Гастон так и подпрыгнул.

— Прикончить?!

— То-то и оно. В случае крайней необходимости, разумеется.

— И что ж это за необходимость такая?

— Если дорóгой иезуиты попытаются освободить его. Тогда это следует сделать без проволочек. Вместе с письмом дон Альфонсо прислал мне еще два распоряжения. Первое — для своих гвардейцев, которые стерегут сейчас Фернандо в Кастиль-Бланко, — чтобы они во всем подчинялись мне. А второе, так это указ о казни брата, благо в Кастилии король может самолично приговорить к смерти кого угодно...

— Выходит, он все же решился? Бланка все-таки убедила его?

— Не совсем так. Этот указ развязывает мне руки, позволяя на законных основаниях убить Фернандо в случае попытки иезуитов освободить его. Там, в указе, прямо говорится, что смертный приговор может быть приведен в исполнение каким-либо способом по моему усмотрению. То есть, я вправе просто перерезать ему горло.

— А что? — с опаской спросил д'Альбре. — Иезуиты вправду...

Эрнан презрительно оттопырил губы.

— Ну, вот! Ты уже испугался.

— Испугался я или нет, — рассудительно заметил Гастон, — но ввязываться в драку мне не больно-то хочется. Возможно, ты сочтешь меня трусом, но как бы то ни было, шукура у меня одна, и я очень дорожу ею, чтобы подвергать ее смертельной опасности из-за какого-то светлейшего негодяя.

— Успокойся, дружище. Твоя драгоценная шкура будет в полной безопасности. Инморте не столь глуп, чтобы рисковать жизнью такого ценного своего сторонника, как граф де Уэльва. Он, конечно, понимает — да и то, если ему известно, где находится Фернандо,— что король непременно позаботился о том, чтобы его брат не выбрался живым на свободу.

— Однако же дон Альфонсо...

— Да, он подписал ему смертный приговор — но только на тот случай, если иезуиты все же предпримут попытку освободить Фернандо. Король полагает, что Инморте не отказался от своих планов отравить его и возвести на престол графа де Уэльву.

— А ты уверен, что он отказался?

— Напротив, я убежден в обратном. Но я знаю некоторые слабости кастильского короля и знаю также, что о них прекрасно осведомлен Инморте. Дон Альфонсо очень привязан к своему младшему брату и вряд ли решится казнить его даже за участие в заговоре с целью захвата власти. Другое дело, когда иезуитам все же удастся отравить короля — уж тогда-то он, находясь при смерти, велит казнить Фернандо.

— Вот видишь! Ты сам противоречишь себе. Выходит, в любом случае Инморте стоит рискнуть и попытаться освободить Фернандо.

— Погоди, дружище, не спеши с выводами. Я еще не закончил свою мысль. Да, несомненно: умирая, король велит казнить брата. В этом ни я, ни ты, ни Инморте — словом, никто из посвященных не сомневается. Но исполнят ли волю умирающего короля — вот это уже вопрос!

— Как?! Ты думаешь...

— Да, да, да! Я уверен, убежден. Я ничуть не сомневаюсь в том, что, случись нечто подобное, королевскую волю просто проигнорируют. В Кастилии король всемогущ и всевластен — но до тех пор, пока он здоров. Больной король Кастилии, а тем паче умирающий, теряет всю свою власть, ибо держится она исключительно на его воле и энергичности. Если, не приве-
ди Господь, иезуиты отравят дону Альфонсо, то как только он

сляжет в постель и вплоть до его смерти страной будут заправлять могущественные вельможи — гранды Кастилии...

— Ты думаешь, они в большинстве своем сторонники Инморте?

— Отнюдь. Но в подавляющем большинстве своем они сторонники баронских вольностей и яростные противники сильной королевской власти. Графы и герцоги Кастилии рады были бы превратить ее в некое подобие Галлии или Германии — то есть, в союз самостоятельных княжеств, лишь номинально зависимых от короны. Король Фернандо Четвертый проводил последовательную политику, направленную на ослабление влияния крупных феодалов и централизацию королевской власти. Дон Альфонсо продолжил этот курс. А вот Фернандо де Уэльва, в пику отцу и старшему брату, всегда заигрывал с могущественными вельможами. Как ты полагаешь, Гастон, кого предпочтут эти самые вельможи — Бланку, которая с виду такая кроткая и ласковая, но нравом еще покруче своего отца, или же глупого и слабохарактерного Фернандо, пусть даже руки его будут обгарены кровью брата?

Д'Альбре задумчиво кивнул:

— Пожалуй, ты прав, дружище. Кастильские гранды наверняка отдадут предпочтение графу де Уэльве перед графиней Нарбоннской. Неужели дон Альфонсо не понимает этого?

— Думаю, он все понимает. Он уже подготовил указ о лишении Фернандо де Уэльвы всех прав на престол — но этого явно мало. Генеральные Кортесы, разумеется, утвердят этот указ, они ведь и созданы лишь для того, чтобы одобрять все решения короля; это тебе не Римский, не Галльский и даже не Наваррский Сенаты. В случае чего, вельможи проигнорируют резолюцию Генеральных Кортесов с такой же легкостью, как и волю самого короля. Поэтому дон Альфонсо обратился к Святому Престолу с просьбой одобрить его решение касательно Фернандо де Уэльвы, и если это будет сделано, все надежды Инморте пойдут прахом. Кастильцы — народ очень набожный, и они не позволят взойти на престол принцу, отвергнутому церковью. Тогда и дон Альфонсо сможет спать спокойно, не опасаясь покушений со стороны иезуитов. Даже напротив,

Инморте будет беречь его, как зеницу ока, ибо для него он более удобный король, чем Бланка — королева.

Гастон с сомнением хмыкнул:

— Так-то оно так, но весь вопрос в том, когда же будет избран папа. А если он и будет избран, то согласится ли он лишить Фернандо права на престол? Вдруг новый папа окажется ставленником иезуитов?

— Такой поворот событий вряд ли возможен, большинство кардиналов Курии не относятся к числу сторонников иезуитов, и тем не менее... — Тут Эрнан тяжело вздохнул. — Я другого боюсь, Гастон. Боюсь, что еще целый год весь католический мир будет жить без папы. Позавчера Филипп получил от нашего архиепископа письмо...

— Вот как! — изумленно вскинул брови д'Альбре. — Но ведь это...

— Да, это незаконно. Во время конклава кардиналам запрещено общаться с внешним миром. Поэтому помалкивай — ни слова никому, ни полслова, иначе нашему архиепископу не поздоровится. Ты понял меня?

— Да, конечно, я буду молчать. Я же не Симон, который... Ну, и что пишет наш архиепископ? Как дела на конклаве?

— Дела неважные. Коллегия раскололась, и яблоком раздора, как и следовало ожидать, стало предполагаемое воссоединение западной и восточной церквей — вернее, не само воссоединение, а те уступки, на которые согласился покойный папа. Из тридцати двух кардиналов тринадцать, чертова дюжина, являются непримиримыми противниками любых уступок греческой церкви, одиннадцать — такими же яростными его приверженцы созыва Объединительного Собора на условиях, согласованных с восточными владыками. Эти одиннадцать кардиналов, в их числе и наш архиепископ, поклялись на Евангелии, что скорее отрекутся от своего сана, чем допустят срыв объединительного процесса, и решили заблокировать выборы папы до тех пор, пока восемь колеблющихся кардиналов и, по меньшей мере, трое из тех тринадцати не согласятся проголосовать за одного из них.

— Блокировать выборы? — переспросил Гастон. — Каким образом?

— Их одиннадцать, то есть больше трети. А для того, чтобы папа был избран, его кандидатура должна собрать не менее двух третей голосов от общего числа присутствующих на конклаве кардиналов. Выборы происходят ежедневно, утром и вечером, и всякий раз каждый из этих одиннадцати голосует сам за себя.

— Ага, понятно. Стало быть, в том, что у нас до сих пор нет папы, виновны сторонники объединения?

— Не совсем так. Чертова дюжина яростных противников тоже не лыком шиты. Они и себе поклялись на Евангелии, что будут до конца отстаивать чистоту веры и не допустят соглашательства с ортодоксами. Беда в том, что сама постановка вопроса не оставляет простора для маневров и компромиссов.

— И что же теперь будет, коль скоро обе группировки настроены так непримиримо? Неужели придется ждать, пока часть кардиналов не протянет ноги, обеспечив преимущество одной из сторон?

— Не обязательно, хотя такой исход дела тоже не исключен. Согласно уставу папы Григория Великого конклав не может длиться сколь угодно долго. Если ровно через год после его начала кардиналы так и не придут к согласию, Римский император, как старший сын церкви и первый из рыцарей-защитников веры Христовой, должен предложить на рассмотрение кардиналов кандидатуру, которую он выберет сам. Если его первая кандидатура в результате двух туров голосования не наберет положенных двух третей голосов, на следующий день император должен предложить вторую. Если и вторая кандидатура будет отвергнута, то на третий день император предложит третью, последнюю, — и вот ей достаточно будет простого большинства. Но если кардиналы не поддержат и ее, все они без исключения лишатся своего сана и остаток жизни обязаны будут провести в монастырях, как простые монахи, а папой станет самый старший из епископов, имеющих епархии, но не являющихся кардиналами. Имеет-

ся в виду старший не по возрасту, а по длительности пребывания в сане епископа. Он-то и должен в первую очередь назначить новых кардиналов в количестве не менее пятнадцати человек — чтобы в случае его скоропостижной кончины было кому выбирать следующего папу. Правда, за всю историю церкви это положение устава еще ни разу не применялось на практике, и будем надеяться, что и нынешний кризис не зайдет так далеко. Наш архиепископ убежден, что в конце концов часть непримиримых пойдет на попятную — хотя бы потому, что все они преклонного возраста и им будет не под силу выдержать годичное заключение на конклаве, пусть и в относительно комфортном.

— Однако, — заметил Гастон, — вначале ты сказал, что боишься, как бы конклав не продлился целый год.

Эрнан хмуро усмехнулся:

— Ты же знаешь, что по натуре своей я пессимист и привык предполагать самое худшее.

— И кто же тогда станет папой? Кто старейшина среди епископов-некардиналов?

Эрнан вновь усмехнулся, теперь уже хитровато:

— Монсеньор Франциско де ла Пенья.

— Епископ Памплонский?!

— Он самый. И это еще не все. Я забыл упомянуть одну немаловажную деталь. Если через три месяца после начала конклава, то есть аккуратно к Рождеству, кардиналы не изберут нового папу, Франциско де ла Пенья станет блюстителем Святого Престола — опять же, согласно уставу Григория Великого. Подобный прецедент уже был, в начале прошлого века, и тогда кардиналы после пяти с половиной месяцев бесплодных дискуссий избрали папой тогдашнего местоблюстителя, епископа Равеннского, который стал Иоанном XXII. Так что у монсеньора Франциско неплохие шансы.

— Вот обрадуется Маргарита! Она просто обожает своего епископа.

— Между прочим, — заметил Эрнан. — Кардиналы-приверженцы воссоединения церквей не имеют ничего против кандидатуры монсеньора Франциско, а девять из них уже сей-

час готовы отдать за него голоса. Он всецело поддерживает идею Объединительного Собора и, кроме того, он яростный противник иезуитов.

— Да-а, уж он-то задаст им перцу. Как пить дать отлучит от церкви.

— Но только тогда, когда станет папой. Функции местоблюстителя очень ограничены. Собственно говоря, эта должность была введена Григорием Великим лишь для того, чтобы при любых обстоятельствах католический мир не оставался надолго без своего верховного пастыря.

— Но хоть указ о лишении Фернандо де Уэльвы права на престол местоблюститель сможет утвердить и одобрить от имени церкви?

— Полагаю, что да. Ведь это будет чисто символический акт. Но боюсь... Я снова боюсь, черт возьми! Я боюсь, что к Рождеству Фернандо может стать королем.

— Несмотря на все меры предосторожности, которые принимает дон Альфонсо? Неужели и ты считаешь Инморте всемогущим колдуном?

— Ну, нет, он далеко не всемогущ и вряд ли наделен какими-то сверхъестественными способностями. Однако он могуществен, очень могуществен, и сила его не только в легионах вооруженных до зубов и хорошо обученных воинов, не только в грозных боевых кораблях под черно-красными знаменами, не только в трех областях ордена Сердца Иисусова, но также и в фанатизме его приверженцев. Думаешь, в его распоряжении мало фанатиков, готовых пойти за него в огонь и в воду? Или засунуть голову в петлю — что ближе к теме нашего разговора. Фанатизм, это чертовски опасная штука, Гастон. Я знал много всяких фанатиков — и христиан, и мусульман, — и, поверь мне, они ничем друг от друга не отличаются. Фанатики-христиане ничуть не лучше своих неверных собратьев, а в некоторых отношениях даже хуже, ибо у мусульман фанатизм — вполне нормальное состояние. Какой-нибудь полоумный доминиканский монах способен по наущению Инморте во время крестного хода вонзить в грудь кастильского короля кинжал, а затем взойти на эшафот с гордо поднятой головой,

до последнего момента пребывая в полной уверенности, что совершил богоугодное, чуть ли не святое деяние.

— И что же ты собираешься предпринять?— спросил д'Альбре.— Ведь наверняка у тебя есть что-то на уме.

— Да, есть,— кивнул Эрнан.— Я намерен заставить донна Альфонсо казнить своего брата.

— Но как?

— Я спровоцирую Фернандо на публичное признание в своих грехах. Это признание услышат гвардейцы, а через неделю об этом будет знать вся Кастилия. У королевского дворца станут собираться толпы простонародья, требующие смертной казни для графа де Уэльвы, да и мелкопоместные дворяне и Генеральные Кортесы затают ту же песенку — ведь и те, и другие недолюбливают Фернандо. Так что волей-неволей королю придется уступить. *Vox populi, vox Dei*, как говорят римляне. Глас народа — глас Божий.

— А как ты его спровоцируешь? Фернандо вправду глупец, но я все же не думаю, что он настолько глуп, чтобы самому себе подписывать смертный приговор.

— Вот именно,— сказал Шатофьер.— Смертный приговор...— И он вкратце изложил суть своего замысла.

Выслушав его, Гастон вздохнул и покачал головой:

— Ты неисправим, дружище! Филипп совершенно прав, утверждая, что ты жутко охоч до драматических эффектов. Это, безусловно, в твоём репертуаре.

— Тебе что, не нравится?

— Нет, что ты! Очень даже нравится. Это будет воистину сногшибательное зрелище, и я поехал бы с тобой только ради того, чтобы не пропустить такое представление, не говоря уж о том...— Тут он осекся и покраснел.— Впрочем, ладно. Но в одном я больше, чем уверен: сеньору дону Фернандо твоя затея не придется по нутру.

— Это уже его личное горе.— Эрнан поднялся с кресла, потянулся и смачно зевнул.— Значит так. Мы тронемся в путь очень рано, этак в четвертом часу утра, чтобы к вечеру наверняка попасть в Калагору. В Кабель-Бланко мы долго не задержимся — я уже послал туда Жакомо с письменным распо-

ряжением для лейтенанта де Сальседо немедленно готовиться к отъезду. Так что и ты, дружище, не мешкай с приготовлениями и пораньше ложись спать, иначе завтра будешь дрыхнуть всю дорогу. — Он опять зевнул и щелкнул зубами. — Ну, а я пошел забирать из-под ареста Монтини.

— Кстати, — сказал Гастон. — Зачем ты берешь с собой этого сумасброда?

— Из чистейшего милосердия, — ответил Шатофьер. — От греха и Филиппа подальше. Знаешь, я ведь не только закоренелый пессимист, но еще и крайне сентиментальный человек. В отличие от тебя, циника.

Глава LX

Новый милок Маргариты

Гастон не ошибался, говоря Симону, что Филипп вскоре уведет Бланку в спальню. Не ошибся он также и в том, что Маргарита не удержится от искушения, в отместку Тибальду, завлечь Симона к себе в постель. К тому времени, когда Филипп и Бланка, «отпраздновав» радостную весть, уже оделись и прихорошились, собираясь идти к Маргарите, чтобы, как обычно, провести в ее обществе весь вечер, сама наваррская принцесса еще не покидала своей спальни и не отпускала от себя Симона. Впрочем, надо сказать, что и Симон не имел особого желания вставать с постели, и хотя он был сыт любовными утехами по горло, ему было невыразимо приятно вот так просто лежать, прижав к себе Маргариту, и время от времени целовать ее сладкие губы.

В постели Маргарита оказалась совсем не такой, какой она была на людях, вне спальни. Одним из ее бесспорных достоинств как любовницы было то, что, скинув с себя одежду, она переставала быть принцессой и отдавалась мужчинам просто как женщина, как равная им, ибо прекрасно понимала, что там, где начинается неравенство, кончается любовь. Даже такой любви, к которой она привыкла, скорее не любви, а мимолетному увлечению длинною в несколько ночей, — даже это-

му чувству малейшее проявление спеси и высокомерия способно нанести сокрушительный удар.

Разомлевшему и одуревшему от только что испытанного наслаждения Симону с трудом верилось, что эта милая и нежная женщина, которую он держит в своих объятиях, и та надменная гордячка, принцесса Наваррская, которую он знал раньше,— один и тот же человек. Не склонный к глубокому анализу, не привыкший смотреть в самую суть вещей и явлений, Симон по простоте своей душевной пришел к выводу, более близкому к истине, чем все мудреные умозаключения прочих мужчин, бывших свидетелями этой удивительной метаморфозы. По его мнению, та властная, высокомерная и своенравная Маргарита была лишь маской, притворной личиной, за которой скрывалась чувствительная и ранимая душа.

Симон взял руку Маргариты и поцеловал каждый ее пальчик. Не раскрывая глаз, она мечтательно улыбнулась, перевернулась на бок и положила свою белокурую голову ему на грудь.

— Ты такой милый, такой ласковый, такой хороший... — в истоме прошептала она.

Симон тяжело вздохнул.

— Амелина думает иначе,— невольно вырвалось у него.

— Она предпочитает Филиппа,— скорее констатировала, чем спросила, Маргарита.

Симон снова вздохнул и промолчал.

— Такова жизнь,— сказала принцесса.— Далеко не всегда она светлая и радостная. Ты, кстати, никогда не задумывался, почему жена изменяет тебе?

— Она любит Филиппа,— хмуро ответил Симон.— Она с самого детства влюблена в него.

— И тебе не хочется говорить о ней? — поняла Маргарита.

— Нет, не хочется.

— А ехать к ней?

Симон опять промолчал, и тогда Маргарита уточнила свой вопрос:

— Вот сейчас, именно сейчас, тебе хочется ехать к ней?

— Нет, Маргарита, не хочется.

— Так не езжай. Оставайся у меня до конца месяца — как Филипп, граф д'Альбре, остальные твои друзья.

— Но зачем?

— Глупенький! Неужели я не нравлюсь тебе?

Маргарита услышала, как при этих словах у Симона учащенно забилося сердце.

— Ты... мне... О Боже!.. — запинаясь, проговорил он. — Конечно, нравишься.

— Так в чем же дело? — Она подняла голову и обхватила руками его шею. — Если я нравлюсь тебе, а ты нравишься мне, что мешает нам провести эти три недели вместе?

Симон уставился на нее недоверчивым взглядом.

— Но ведь... ты... граф Тибальд...

— Во-первых, с Тибальдом я крепко поссорилась, так как он имел наглость изменить мне раньше, чем я ему. Во-вторых, на днях он отправляется во Францию — там у него какие-то дела. Ну, а в-третьих, не такая уж я шлюха, как ты думаешь.

Симон густо покраснел.

— А я не думаю, что ты шлюха, — обескуражено пробормотал он. — Я никогда так не думал и тем более не говорил ничего подобного. Это тебе кто-то наврал. Скорее всего, Филипп или Гастон. Они любят возводить на меня напраслину, им пальца в рот не клади.

Маргарита откинулась на подушку и разразилась веселым смехом:

— Ты просто чудо, Симон! Никто мне не говорил, что ты называешь меня шлюхой. Я вовсе не это имела в виду.

— А что же?

— Да то, что я не меняю себе парней каждую ночь. Это не в моих привычках, нет. По мне, это грубо, вульгарно, невоспитанно, одним словом, по-мужски. Это вы, мужчины, привыкли перепрыгивать с одной женщины на другую... Между прочим, сколько у тебя было женщин? Только откровенно.

— Ну, Амелина...

— Это понятно. Еще кто?

Симон назвал трех фрейлин принцессы, а также Адель де Монтальбан, благоразумно умолчав о дочери лурдского лесничего.

— И это все? — усмехнулась Маргарита. — Выходит, впервые ты изменил жене лишь в Наварре? — (Симон утвердительно кивнул.) — Так это же потрясающе!

Она выскользнула из-под одеяла, села на краю кровати и принялась натягивать на ноги чулки. Симон с восхищением глядел на нее, все больше убеждаясь, что Амелина ей в подметки не годится.

— Ты, минок, — сказала Маргарита, — почитай девственник, хоть и женат семь лет. Как раз такие мне нравятся больше всего. Чем старше мужчины и опытнее, тем они неинтереснее для меня. Они слишком ушлые, умелые, чересчур самоуверенные, а подчас до тошноты самонадеянные. Другое дело, ты — такой славный, неиспорченный мальчик, что я... Право же, я твердо гарантирую тебе все эти три недели, а дальше — ведь мы вместе поедem в Рим, — тогда и видно будет.

Глаза Симона засияли:

— Правда?

Маргарита надела поверх полупрозрачной рубашки кружевной халат, затем взяла Симона за руки и устремила на него томный взгляд своих прекрасных голубых глаз.

— Если, конечно, ты останешься здесь. Ты же останешься, не так ли?

— Да! Да! Да! — с жаром воскликнул Симон и привлек к себе Маргариту. — Ой, батюшки! — растерянно добавил он, сжимая ее в объятиях. — Что подумает Амелина? Она и так подозревает меня. Это Филипп и Гастон в своих письмах на меня доносят.

— Ну и пусть подозревает, пусть поревнует чуток. Поверь, тогда она будет больше ценить тебя. Ты пытался растрогать ее своей верностью — и потерпел неудачу. Теперь попробуй досадить ей супружеской изменой — и когда после твоего возвращения она устроит тебе бурную сцену ревности, можешь

считать, что ты завоевал если не ее любовь, то, по крайней мере, ее уважение.

— И все-таки, как же мне объяснить Амелине...

— Ради Бога, Симон! Придумай какой-нибудь смехотворный предлог, например, что ушиб колено.

— Точно! — обрадовался Симон. — Так я и напишу. Как это я сам не додумался?..

В этот момент послышался тихий стук в дверь. Принцесса отстранилась от Симона и громко спросила:

— Лидия?

— Да, госпожа, это я.

— Чего тебе?

— Пришла госпожа Бланка с монсеньором Аквитанским и спрашивает вас.

— Уже?! — удивилась Маргарита и покачала головой. — Как быстро бежит время! Воистину, счастливые часов не наблюдают... Где они сейчас?

— Там, где обычно. Я проводила их в Красную гостиную.

— Вот и хорошо. Вели кому-нибудь из девчонок передать им, что я скоро приду, а сама возвращайся — поможешь мне одеться.

— Сию минуту, госпожа. Все будет сделано. — За дверью послышались удаляющиеся шаги горничной.

Маргарита повернулась к Симону. Тот лежал, натянув до подбородка одеяла. Лицо его было бледное, а взгляд — затравленный.

— Что стряслось? — спросила она. — Тебе плохо?

— Филипп! — испуганно проговорил он и выбил зубами мелкую дробь. — Он... Если он узнает, то напишет Амелине...

Маргарита небрежно передернула плечами:

— Разумеется, он узнает. Как не сегодня, так завтра. А завтра наверняка. Завтра вся Памплона будет судачить о том, что у меня появился новый милочек. — Она рассмеялась. — И какой милочек! Другого такого вовек не найти.

Глава LXI

Вести хорошие, вести дурные...

Приблизительно через четверть часа одетая в простенькое вечернее платье Маргарита вошла в Красную гостиную своих зимних покоев, первым делом обняла Бланку и расцеловала ее в обе щеки.

— Я так рада за тебя, кузина. И вас тоже поздравляю, принц. Дети, это большое счастье.

Филипп вежливо поцеловал протянутую ему руку. После произошедшего почти два месяца назад разрыва между ними, их отношения были несколько суховаты и официальны даже в неофициальной обстановке.

— Вы так считаете, принцесса?

— Разумеется, кузен!— В ее доброжелательной улыбке промелькнула затаенная печаль.— Дети всегда в радость. И особенно, если они от вас.

— Благодарю за комплемент, сударыня,— поклонился Филипп.

А Бланка метнула на Маргариту сердитый взгляд. Та вновь усмехнулась, и опять в ее улыбке промелькнула грусть.

— Не гневайся, душенька, за мои невинные слова,— сказала она, садясь в кресло.— Будь снисходительна к отвергнутой сопернице... И не надо морщиться, прошу тебя. Здесь все свои — зачем же лицемерить?

Такие вот реплики, которые время от времени позволяла себе Маргарита, очень льстили тщеславию Филиппа, а Бланку приводили в смятение, вызывая у нее болезненные приступы ревности, вкупе со страхом когда-нибудь потерять Филиппа, как потеряла его Маргарита. И чтобы не поссориться с подругой, Бланка всякий раз спешила переменить тему разговора.

— Боюсь, мы пришли некстати,— заметила она, глядя на небрежную прическу наваррской принцессы.— Ты, наверное, отдыхала?

— И да, и нет. Я только что вышла из спальни, но там не отдыхала, а развлекалась. Наставляла рога Тибальду.

Бланка смутилась и в замешательстве опустила глаза. А Филипп тихо фыркнул.

— Быть может, нам лучше уйти, чтобы не мешать вам? — спросил он. — Только откровенно, принцесса. Ведь здесь все свои, как вы любите выражаться. Отбросьте излишнюю деликатность, и если мы помешали вам, так прямо и скажите. И тогда мы уйдем.

— Э нет, друзья, останьтесь, — покачала головой Маргарита. — С этим делом я давно справилась, даже увлеклась сверх меры.

— И кто ваш счастливый избранник?

Бланка укоризненно поглядела на Филиппа, мысленно упрекая его за бесцеремонный вопрос. Маргарита же улыбнулась им обоим своей лучезарной улыбкой, а в глазах ее заплясали чертики.

— Ах, друзья, это настоящее чудо! Он такой милый, такой наивный, такое очаровательное дитя...

— Прямо как Симон, — вырвалось у Филиппа.

— Так это он и есть.

Филипп изумленно уставился на Маргариту:

— Симон?! Да что вы говорите!

— А что тут такого странного, скажите на милость? И вообще, я не могу взять в толк, принц, почему ваша двоюродная сестра пренебрегает им.

— Он уже успел вам поплакаться?

— В некотором смысле.

— Это в его репертуаре. Симона хлебом не корми, дай ему только пожаловаться на Амелину... И все же поверьте, Маргарита, он сгущает краски. По-своему Амелина очень любит его.

— По-своему? — с лукавой улыбкой переспросила принцесса. — Как это, по-своему?

— Это долгая песня, пожалуй, длинной в целую жизнь. А если в нескольких словах, то он трогает ее, она жалеет его и любит, как свое дитя.

— Жалеет, говорите? — задумчиво произнесла Маргарита. — Гм... По мне, жалость со стороны женщины только унижает мужчину. Настоящего мужчину... Кстати, о госпоже Амелии. Филипп, вы не откажете мне в одной небольшой услуге?

— С удовольствием, Маргарита.

— Тогда напишите ей, что Симон вывихнул ногу.

— Но зачем?

— Я хочу, чтобы он остался в Памплоне.

— Кузина! — с упреком отозвалась Бланка.

— И в самом деле, — поддержал ее Филипп. — Не надо травмировать Симона. Прошу вас, Маргарита.

— А с чего вы взяли, что я собираюсь его травмировать? Напротив, я хочу сделать из него взрослого мужчину. Настоящего мужчину, которому ни к чему будет жалость женщины.

Филипп с сомнением покачал головой:

— Вряд ли что-то получится из вашей затеи. Через пару дней он вам надоест, вы найдете себе другого, а его бросите, вскружив ему голову.

— Вы так считаете?

— Я в этом уверен. Ведь ни для кого не секрет, что наш Симон глупенький.

— Ну, и что с того? Почему вы думаете, что мне обязательно нужны умники? Вовсе нет! От них только сплошные неприятности. Один умник был так умен, что, в конечном итоге, свихнулся и позволил кузену Бискайскому погубить себя. Другой умник коварно одурачил меня. — (Тут Филипп покраснел и поджал губы.) — А третий из этой блестящей компании умников поспешил забраться под юбки моей фрейлине — авансом, так сказать, чтобы я, случаем, не опередила его. Да плевать я на вас хотела!

— Хорошо, Маргарита, — примирительным тоном произнес Филипп, видя, как она завелась. — Ваши симпатии, это ваше личное дело. Можете не сомневаться, я исполню вашу просьбу, напишу, что Симон вывихнул ногу, только вряд ли Амелина в это поверит. Я подозреваю, что кто-то из моей свиты информирует ее о каждом его шаге.

— Это несущественно, кузен. Речь идет лишь о формальном предлоге. А то, что его жена будет знать обо всем, даже к лучшему. Поверьте, пренебрежение со стороны мужчины больно уязвляет женщину. А если, к тому же, она сама далеко не святая, то ее начинают мучить угрызения совести, что она так откровенно и бесстыдно изменяла мужу...

— А может, достаточно, принцесса? — без всяких церемоний оборвал ее Филипп. — Поговорим-ка лучше о чем-нибудь другом, более приемлемом для Бланки. Этот наш разговор вгоняет ее в краску.

Маргарита взглянула на смущенную Бланку и глумливо ухмыльнулась:

— Ох, уж эта ее деликатность! И когда же вы, в конце-то концов, перевоспитаете ее?

— Не все сразу, Маргарита, не все сразу. Не так-то просто выбить из этой хорошенькой и умненькой головки те дурацкие предрассудки, которые прочно засели там благодаря стараниям ее целомудренных наставниц-кармелиток. Впрочем, некоторый прогресс уже налицо. Так, скажем, сегодня Бланка объяснила мне, почему она не может быть беременной от Монтини, и при этом ни разу не покраснела. Правда, милочка?

Милочка утвердительно кивнула, и, вопреки уверениям Филиппа, щеки ее заалели.

— Это уже неплохо, — сказала Маргарита. — А в постели тоже наблюдаются перемены? Или она по-прежнему...

— Прекрати, кузина! — резко произнесла Бланка; взгляд ее помрачнел. — Какая же ты бесстыжая, в самом деле! Тебя не должно касаться, что мы делаем в постели, заруби себе на носу. И уж тем более ты не должна спрашивать об этом Филиппа, понятно? Здесь ни при чем мое якобы ханжество, просто есть вещи, о которых следует молчать даже в кругу близких друзей...

— Из деликатности, разумеется.

— Да, из деликатности. Негоже обсуждать на людях то... то самое сокровенное, что является достоянием лишь двух человек. Мне всегда казалось, что ты слишком озабочена *этим*, но

по-моему это уже чересчур — совать свой любопытный нос в чужую постель. Учти: еще одно слово, и я уйду.

— Бланка права,— поддержал ее Филипп.— Как мне не прискорбно, кухня, но в таком случае я тоже буду вынужден уйти.

— Ну что ж,— вздохнула Маргарита.— Коль скоро вы не желаете говорить о любви, потолкуем о смерти.

— О чьей?

— О смерти французского короля и его старшего сына, о чьей же еще?

Бланка удивленно вскинула брови:

— Да что ты говоришь?!

— А разве вы ничего не слышали?

— Нет, принцесса, ровным счетом ничего,— ответил пораженный Филипп.— А что произошло? Несчастный случай?

Маргарита хмыкнула:

— Скорее, это счастливый случай. Филипп-Август Третий с его авантюрными крестовыми походами был настоящим бедствием для Франции — но Филипп де Пуатье стал бы ее погибелью. По моему убеждению, Господь наконец смилостивился над несчастной страной.

— И все же, что случилось?

— Подробностей я не знаю. О них расспросите у Тибальда. Вчера к нему прибыл специальный курьер от графа д'Артуа... Ну, вот! — констатировала она, устремив свой взгляд в противоположный конец комнаты; тон ее вмиг стал хмурым и неприязненным.— Помяни дурака.

Филипп оглянулся и увидел графа Шампанского, который только что вошел в гостиную. Он, несомненно, услышал последние слова Маргариты.

— Весьма польщен, сударыня, что вы такого высокого мнения о моей скромной персоне,— невозмутимо произнес он, подойдя ближе. Затем по-дружески поклонился Филиппу и Бланке: — Приветствую вас, принц, принцесса. Прошу великодушно простить, что мои первые слова были обращены не к вам.— Тибальд сел в свободное кресло и снова заговорил: — Премного наслышан, дражайшая супруга. Я очень рад,

что вы не остались в долгу. — Он демонстративно ощупал свою голову. — Рожки уже прорезались. Правда, пока они еще ма-ньюсенькие, но вскоре та-ак разрастутся!.. Вы не подскажите, моя дорогая, у кого из ваших придворных дам самый рога-тый муж? Я непременно сражусь с ним на первом же турни-ре — право, это будет похоже на бой оленей-самцов в брачную пору!

Филипп и Бланка весело фыркнули. А Маргарита улыбно-лась:

— Bravo, дорогой муженек! Я не сомневалась, что вы вос-примете это философски и с присущим вам чувством юмора. А что до вашего вероятного противника на турнире, то бес-спорным лидером по темпу роста рогов является Габриель де Шеверни — если, конечно, измену жены с женщинами можно расценивать как супружескую измену... — Улыбка напрочь ис-чезла с ее лица, и оно помрачнело. — Ах, Матильда, Матильда! Маленькая, глупенькая Матильда!..

— Это твоя вина, Маргарита, — жестко сказала Бланка. — Целиком твоя. Я предупреждала тебя, что ты губишь Матиль-ду, настаивая на ее браке с господином де Шеверни. Но ты не слушала меня, еще и Этьена подуськивала: дескать, благода-ря этому он поднимется по иерархической лестнице сразу на несколько ступеней выше, станет родственником графа Кап-сирского, в некотором смысле даже родственником Филиппа, и уже не будет считаться выскочкой. Радуйся теперь, ты до-билась своего! Можешь добавить в свою коллекцию еще две искалеченные твоими стараниями судьбы.

Маргарита тяжело вздохнула.

— Не сыпь мне соль на рану, Бланка, — с горечью произ-несла она. — Я сама понимаю, что совершила непроститель-ную глупость. Я проклиная себя за это. Но разве могла я пред-видеть...

— Ты должна была предвидеть! Даже я — а я не так хорошо, как ты, знаю Матильду, — и то я боялась, что этим все кончит-ся.

— Не потому ли, — язвительно осведомилась Маргарита, —

что последние несколько ночей перед ее свадьбой вы с ней провели в одной постели?

Филипп и Тибальд хотели было вмешаться в их перепалку во избежание дальнейших осложнений, но, взглянув на Бланку, передумали. Выражение ее лица было спокойным, без малейшей тени смущения или замешательства.

— Возможно, и потому,— ответила она задумчиво.— К моему сведению, уже тогда Матильда приставала ко мне. Так что задел этому был положен еще раньше, в твоей постели.— Бланка решительно поднялась с кресла.— Прошу прощения, дон Тибальд, за этот откровенный разговор в вашем присутствии, но его спровоцировала не я, а ваша жена, у которой, как вы, наверное, знаете, весьма искаженное представление о приличии и почти полностью отсутствует чувство такта.— С этими словами она взяла Филиппа за руку.— Пойдем, Филипп. Полагаю, у кузины и дона Тибальда есть что обсудить наедине друг с другом.

— Ни в коем случае! — живо запротестовала Маргарита и почти насильно усадила Бланку обратно.— Не уходите. Сейчас я не склонна выяснять с Тибальдом отношения. Может быть, завтра, когда он вернется от своей очередной потаскушки, у меня и возникнет желание обсудить с ним некоторые вопросы, но только не сегодня. Сейчас я не хочу портить себе аппетит, потому как у меня намечается роскошный ужин.

— Увы,— покачал головой Тибальд.— Должен вас огорчить, моя дражайшая супруга. Или напротив — обрадовать. Никакого разговора между нами завтра не состоится. На рассвете я отправляюсь в Париж. Кузен д'Артуа просил меня приехать как можно скорее. По его словам, дело не терпит отлагательства.

— Что ж, тем лучше,— сказала Маргарита.— Да, кстати, дорогой супруг. Бланку и Филиппа интересуют обстоятельства смерти короля Франции и его сына. Не соблаговолите ли вы уделить нам несколько минут своего бесценного времени, чтобы поведать об этом прискорбном событии?

— Охотно,— сказал Тибальд, доброжелательно глядя на Филиппа. По натуре своей благодушный и незлопамятный,

он уже напрочь позабыл, что совсем недавно они считались соперниками. — Собственно говоря, смерть Филиппа-Августа Третьего меня ничуть не удивила. Он так и не оправился после ранения в Палестине, а известие о бегстве Изабеллы Арагонской с кузеном Эриком и вовсе доконало его. Одним словом, не вынес гордый властелин позора своего сына и предпочел умереть — по дороге в Париж я выкрою время и сочиню по этому поводу коротенькую эпитафию. Что же касается самого Филиппа де Пуатье, то он так горько сожалел, что не задушил жену прежде, чем она успела сбежать от него, и с таким нетерпением ожидал смерти отца, чтобы затем, ей в отместку, передошлить всех ее горничных и придворных дам, что пил без просыпу, пока не допился до белой горячки и сгорел в ней за считанные часы. Черт сцапал его почти в то же самое время, когда душа его отца вознеслась на небеса, может быть, чуточку позже. Так что присутствовавшие при кончине короля дворяне, провозглашая: «Король умер! Да здравствует король!» — были не совсем уверены, про какого же, собственно, короля, который «да здравствует», идет речь.

Маргарита и Филипп разразились громким хохотом; вскоре к ним присоединился и Тибальд. А Бланка, помимо своей воли, улыбалась. Она отдавала себе отчет в том, что грех смеяться над чужим горем, однако не могла сдержать улыбки. Тибальд преподнес эту грустную историю в такой форме и говорил с такой откровенной иронией в голосе, будто пересказывал сюжет какой-то забавной трагикомедии.

Всласть посмеявшись, Маргарита встала с кресла и чмокнула мужа в щеку.

— Ты прелесть, Тибальд. Не думаю, что какая-то фрейлина или даже десяток фрейлин помешают нам ладить друг с другом.

— Всецело согласен с вами, моя дорогая, — с серьезной миной произнес граф. — Еще накануне венчания мы договорились, что наша клятва вечной верности будет иметь чисто символическое значение, и вопрос состоял лишь в том, кто первый перейдет от слов к делу. Но сейчас это несущественно хотя бы потому, что завтра я отправляюсь в Париж, и моя по-

ездка, уверяю вас, ни в коей мере не будет напоминать благочестивое паломничество к святыням. Да и вы, по моему твердому убеждению, вовсе не собираетесь на время моего отсутствия уединиться в монастыре.

— В этом вы можете не сомневаться, — сказала Маргарита, возвращаясь на свое место.

— И кто теперь правит Францией? — отозвалась практичная Бланка. — Кто регент при малолетнем Филиппе-Августе Четвертом?

— Вот это и предстоит решить Совету Пэров и Парижскому Парламенту, — ответил Тибальд. — Пока что бразды правления взяла в свои руки королева-вдова Хуана Португальская, но младший брат покойного короля, граф д'Артуа, оспаривает у нее это право. Собственно, затем я и еду в Париж — чтобы поддержать кузена.

— То бишь, вы его сторонник? — спросил Филипп.

Тибальд поморщился:

— Ничей я не сторонник. Меньше всего в этой жизни меня интересует политика. Вам наверняка известно, что я передал управление Шампанью Маргарите и, подобно Пилату, умыл руки. Сейчас ее люди наводят порядок в моих владениях, но это уже меня не касается, благо я не сомневаюсь, что Маргарита будет прекрасно справляться с обязанностями хозяйки Шампани. А что до Франции вообще, то я просто хочу, чтобы у нее был мудрый и рассудительный правитель, способный поставить ее на ноги и позаботиться о том, чтобы юный король получил достойное государственное воспитание.

— Ясненько, — задумчиво произнес Филипп. — Передайте графу д'Артуа мои наилучшие пожелания. Я целиком на его стороне, и он может рассчитывать на мою поддержку, равно как и на поддержку моего отца.

— Непременно передам, — заверил его Тибальд и встал с кресла. — Прошу прощения, друзья, но я вынужден покинуть вас. Мне еще надо закончить подготовку к отъезду и пораньше лечь спать.

Едва лишь Тибальд вышел из гостиной, как Филипп поднялся со своего места.

— Пожалуй, я ненадолго отлучусь. Вы не возражаете, Маргарита?

— Воля ваша, кузен. Только возвращайтесь поскорее, не то мы с Бланкой заскучаем.

— Постараюсь, кузина.

Филипп ласково улыбнулся Бланке, нежно поцеловал ее руку, затем украдкой подмигнул ей и направился к выходу.

Маргарита проводила его долгим взглядом, а когда он исчез за дверью, спросила у Бланки:

— Ты думаешь о том же, что и я?

— А ты о чем думаешь?

— Что твой Филипп решил подставить моего бедного муженька. Тибальд так наивен и неискушен в политике, что принял его слова за чистую монету. Теперь он разболтает всем, что якобы граф д'Артуа пользуется поддержкой и уважением гасконских правителей, чем окажет ему медвежью услугу.

— И это еще не все. Я полагаю, что Филипп ушел не просто так. Со своей стороны он приложит все усилия, чтобы регентом Франции осталась Хуана Португальская, в надежде, что она продолжит дело, начатое ее покойным мужем, и в конце концов доведет страну до ручки. Ты предупредишь Тибальда?

— А с какой стати? — удивилась Маргарита. — Какое мне дело до Франции?

— Но ведь ты, кроме всего прочего, графиня Шампани.

— Ну и что? Я же не верноподданная французской короны. Если на то пошло, мне выгоднее быть лояльной к Филиппу и оказывать ему всяческую поддержку. Помяни мое слово: став галльским королем, он рано или поздно съест Францию с потрохами, и Шампань будет первой из французских провинций, которая изъявит желание добровольно войти в состав объединенной Галлии. Тибальд возражать не станет, он к этому готов.

— Однако, — заметила Бланка, — прежде Филипп съест твою Наварру. Или же разделит ее с моим братом.

Маргарита грустно усмехнулась:

— Я это прекрасно понимаю, дорогуша. Я реалистка и предпочту уступить часть своей власти, чем вовсе потерять

ее. Когда-то Рикард назвал меня политической извращенкой, и он был прав. Но теперь я не такая, теперь я трезво смотрю на жизнь... Жаль только, что эта перемена произошла слишком поздно. — Она тяжело вздохнула, взгляд ее потускнел. — Бедный, бедный Рикард! Ведь я действительно любила его...

Они ударились в воспоминания, и уже в который раз Маргарита выплакивала Бланке всю свою боль, всю печаль, всю тоску по потерянному счастью, по тем радостным и безоблачным дням, которых никогда не вернешь...

А в то же самое время Филипп сидел за письменным столом у себя в кабинете, с головой погруженный в работу. Он знал, что после захвата Байонны одно лишь упоминание его имени вызывает в Парижском Парламенте настоящую бурю негодования, и решил воспользоваться этим, чтобы скомпрометировать графа д'Артуа. Он строчил письмо за письмом всем своим ближайшим родственникам во Франции — и сторонникам графа д'Артуа, и его яростным противникам, — убеждая всех, что нельзя допустить, чтобы Хуана Португальская оставалась регентом Франции, что самая подходящая кандидатура на должность регента — граф д'Артуа. Он от всей души надеялся, что эти письма возымеют прямо противоположное их содержанию действие, особенно, если произойдет утечка информации и факт поддержки им графа д'Артуа станет достоянием гласности. Филипп рассчитывал, что у противников графа хватит ума инспирировать такую утечку или же просто предъявить Парламенту и Совету Пэров его письма.

Он как раз составлял вычурное послание своему троюродному брату, герцогу Невэрскому, когда к нему пришел Гастон и сообщил о своем решении поехать вместе с Эрнаном в Толедо. Филипп отложил перо и удивленно поглядел на кузена.

— Какого дьявола? Что вам понадобилось в Толедо?

— Этого я сказать не могу. Прости, но...

— Ты пообещал Эрнану молчать?

— Да.

— Ну что ж... Жаль, конечно, что и ты покидаешь нас. — Фи-

липп снова взялся за перо. — Не обессудь, дружище, но у меня еще много дел, а времени в обрез — я обещал Бланке вскоре освободиться. Понимаешь, она не сможет заснуть без меня. Смешно, черт возьми, но и я, если подолгу не вижу ее, чувствуя себя брошенным ребенком. Просто уму не постижимо, как это я раньше... — Он осекся и тряхнул головой. — Боюсь, я начинаю повторяться. Ты что-то еще хотел мне сказать?

Гастон пришел в замешательство, лицо его побледнело, но он тотчас совладал с собой и протянул ему скрепленный герцогской печатью пакет.

— Чуть не забыл, — сипло произнес он. — Сегодня ко мне прибыл гонец из Тараскона. Это тебе письмо от отца.

— Ага! — рассеянно произнес Филипп, взял пакет, повертел его в руках и отложил в сторону. — Позже прочитаю... Ты, случайно, не знаешь, Эрнану передали мою просьбу?

— Да. Он скоро придет.

— Поторопи его, дело безотлагательное. — Филипп мокнул перо в чернильницу и склонился над недописанным письмом. — До скорой встречи, друг. Удачи тебе.

— До скорой. — Гастон вздохнул, бросил быстрый взгляд на отложенный Филиппом пакет и вышел из комнаты.

И только на следующий день за обедом Филипп вспомнил о письме отца. Он велел Габриелю принести его, распечатал и начал читать.

И первые же строки заставили Филиппа вскрикнуть от неожиданности.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Бланка.

Филипп молча передал ей письмо.

— О Боже! — произнесла она, прочитав его. — А Гастон поехал в Толедо.

— Вот именно, — кивнул Филипп. — А он взял и поехал в Толедо. Проездом, кстати, через Калагорру.

— Может, он еще не знает? — предположила Бланка.

— Глупости! Гонец-то прибыл к нему, а не ко мне. — Филипп сокрушенно вздохнул. — Я всегда знал, что Гастон ред-

костный циник. Но разве мог я подумать, что он *аж такой* циник!

Глава LXII

О тщете мира сего

Сопровождаемый отрядом кастильских королевских гвардейцев, большой обитый кожей рыдван с запряженными в него двумя парами лошадей медленно катился по ухабистой дороге, приближаясь к реке, которую римские завоеватели некогда называли Иберус и которую сейчас кастильцы зовут Эбро, а галлы — Иверо. Человек двадцать гвардейцев ехали впереди рыдвана, по два — с обеих его сторон, внимательно следя за дверцами, а остальные следовали позади. Кроме того, еще четыре гвардейца сидели внутри, составляя компанию дону Фернандо де Уэльве, младшему брату кастильского короля, ради которого, собственно, и была устроена вся эта помпа.

Процессию замыкали Эрнан де Шатофьер с Гастоном д'Альбре, а также Этьен де Монтини, который понуро плелся шагах в пятнадцати позади них, с головой погруженный в свои невеселые думы. Его конь, великолепный андалузский жеребец, подарок Бланки, живое напоминание о тех незабываемых летних днях, когда они были вместе, будто чувствуя подавленное состояние своего хозяина, тоже загрузтил и не сильно рвался вперед, а время от времени и вовсе останавливался пощипать схваченную ноябрьским морозом пожелтевшую траву на обочине. И только частые окрики Эрнана вынуждали Монтини ненадолго возвращаться к действительности, чтобы пришпорить своего скакуна.

Солнце уже скрылось за горизонтом. Вечер стоял холодный, дул пронзительный ветер с гор, и д'Альбре, зябко поеживаясь, кутался в свой широкий подбитый мехом плащ.

— И какая муха меня укусила, что я вызвался ехать с тобой? — жаловался он Эрнану. — Сидел бы сейчас в той уютной гостиной Маргариты, поближе к камину, играл бы с Бланкой

и Филиппом в шахматы, или же в карты с Маргаритой и Жюанной, и чихал бы на этот проклятуший ветер.

— А ты подсядь к сеньору дону Фернандо,— посоветовал Шатофьер, которому уже порядком осточертели нарекания Гастона.— Перекинешься с ним в картишки, если, конечно, он пожелает. И от ветра заодно укроешься.

— Э нет, лучше я чуток померзну. Недостойн я такой чести, как развлекать его кастильское высочество... У-ух! Что-то рано в этом году похолодало.

— Ноябрь как-никак,— заметил Эрнан.— Капризный месяц.

— Пожалуй, ты прав. Больше всего я не люблю ноябрь и март.— Гастон плотнее запахнул плащ и бросил через плечо быстрый взгляд назад.— А вот кому наплевать на все капризы Госпожи Погоды, так это Монтини. Он само воплощение скорби. Очень величественное и трогательное зрелище, надо сказать.

— Да уж,— согласился Эрнан.— Полгода назад, говорят, с кровати на кровать перепрыгивал, и вот на тебе — влюбился без памяти.

— И Филипп втюрился. Они оба помешались на Бланке.

— Она стоит того, чтобы по ней сходили с ума.

— Не возражаю. Однако...

— Однако,— усмехнулся Эрнан,— княжна Елена с ее приданным привлекает тебя больше. Подозреваю, что дело тут не только в ее приданном, ведь ты с достойной удивления настойчивостью ухаживал за ней еще при жизни ее брата. А что касается твоих наездов на Изабеллу Арагонскую, то это была лишь попытка (и, следует заметить, не очень удачная) вызвать у Елены ревность и отомстить ей за то, что она — вот негодница-то! — ну, наотрез отказывалась ложиться с тобой в постель.

— Да что ты мелешь такое! — произнес Гастон, сгорая от стыда.

— Истинно, истинно мелю, дружище. Нет, в самом деле, это же надо такому случиться — в свои тридцать два года влюбился, как мальчишка. Должен признать, я ошибался, пола-

гая, что уже знаю тебя, как облупленного. А в последние два дня ты вообще ведешь себя донельзя странно — то и дело приходишь в смятение, смущаешься по любому пустяку, то бледнеешь, то краснеешь... Вот и сейчас побледнел... Впрочем, довольно пустой болтовни. Вскоре мы будем на месте, там ты и увидишь свою Елену. А мне еще надо потолковать с Монтини. Вчера вечером этот негодник вывел меня из себя, и я его хорошенько поколотил, так, может, сегодня он будет поразговорчивее.

С этими словами Эрнан придержал лошадь и обождал, пока с ним не поравнялся Этьен.

— О чем задумался, приятель? — доброжелательно спросил он.

Этьен поднял на него свои красивые черные глаза, подернутые туманной дымкой грусти.

— Да так, господин граф, ни о чем.

— Э нет, дружок, не пытайся провести меня. Все твои мысли мне предельно ясны, и я могу читать их с такой же легкостью, как открытую книгу. Ты думаешь о Бланке, думаешь о том, как ты несчастен, ты жалеешь сам себя. Ведь я не ошибаюсь?

Этьен промолчал, глядя вдаль бездумным взором.

— Негоже мужчине жалеть себя, — вновь заговорил Эрнан, так и не дождавшись ответа. — Это недостойно мужчины, любого мужчины. А тем более мужчины, которого любила такая исключительная женщина, как Бланка.

— Она никогда не любила меня, — хмуро возразил Этьен. — Она просто использовала меня, чтобы немного поразвлечься. А я, глупец, поверил ей.

— Вот именно, ты глупец. Глупец, что думаешь так. Ты, кстати, не задавался вопросом, почему я взял тебя с собой?

— И почему же?

— Чтобы ты не мозолил ей глаза. Именно ей, а не Филиппу. Сейчас Бланка чувствует вину перед тобой, и я не хочу, чтобы ты своим несчастным видом растрогал ее, чтобы она начала жалеть тебя, потому что если женщина жалеет мужчину — дело дрянь. Когда-нибудь ты понадобишься Бланке.

Рано или поздно настанет момент, когда ей будет нужен человек, которого она любит и уважает, беззаветно преданный ей и любящий ее, готовый поддержать ее в трудную минуту жизни. Ты хороший парень, Монтини, и Бланка сможет полностью положиться на тебя — если, конечно, к тому времени она не перестанет любить тебя и уважать.

— Глупости! — вяло отмахнулся Этьен. — Она презирает меня. Вместе с Коротыш... Они вдвоем с Красавчиком смеются надо мной.

Эрнан сплюнул:

— А чтоб тебе пусто было! Ты вбил себе в голову эту чушь лишь затем, чтобы еще больше жалеть себя. Отверженный, презираемый, всеми гонимый — ах, какой необъятный простор для самоуничтожения! Небось, тебе жутко приятно мучить самого себя, ты просто упиваешься своими страданиями, как пьяница вином. Боль приносит тебе наслаждение, а чувство унижения и обиды доставляет тебе какую-то противоестественную радость. Это безобразие, приятель, это недостойно мужчины. Вот я, когда... — Тут Эрнан прикусил язык, явно сболтнув лишнее.

Однако Этьен был парень смывленный. Он мигом сообразил, что имел в виду Шатофьер.

— У вас было совсем иначе, господин граф. Она вас не предала, она умерла. Вам легче.

Эрнан промолчал. Разумеется, ему было что ответить на это. Он мог бы сказать: «Да, ты прав, она не предала меня. Она до конца оставалась верной мне. Но и покончила с собой потому, что любила меня. Ты, парень, свободен — и перед Бланкой и перед своей совестью. А я — нет. Я должен хранить верность той, кого уже давно нет в живых. Она защитила свою честь своей смертью, и с моей стороны было бы бесчестьем предать ее память. Так кому же легче, скажи? По крайней мере, ты можешь утешать себя тем, что Бланка твоя жива, что отнял ее у тебя не Гийом Аквитанский, а Филипп. Красавчик-Филипп. Коротышка...» Так ответил бы Эрнан, если бы ему вдруг вздумалось излить свою душу.

Но это было не в его привычках. Помолчав немного, он сдержанно произнес:

— Пойми, наконец, приятель, ведь я желаю тебе только добра...

— Да катитесь вы к черту со своими добрыми пожеланиями! — неожиданно грубо огрызнулся Монтини.

Эрнан тяжело вздохнул:

— По идее, мне следовало бы еще разок отдубасить тебя, но, вижу, это безнадежно. Тебя только могила исправит... Гм, могила, — пробормотал он себе под нос, пришпорил лошадь и вскоре догнал д'Альбре. — Несносный мальчишка! — поделился он с ним своими впечатлениями.

— Вот не понимаю, — пожал плечами Гастон. — К чему тебе лишняя забота? Оставил бы его под арестом и все тут.

— Чтобы Филипп во время моего отсутствия убил его? Нет, спасибо! Монтини, конечно, виновен, не отрицаю, но он и так здорово наказан. Женщина, которую он безумно любит, бросила его, да и его младшая сестра несчастна в браке... Между прочим, тебе не кажется, что слишком уж много браков заключается не по взаимной любви: та же Матильда и Габриель, Анна Юлия и Филипп, Маргарита и граф Шампанский, Амелина и Симон, Бланка и граф Бискайский, подозреваю, что и Элеонора Кастильская не очень-то рада своему титулу королевы Италии, да и у тебя с Клотильдой... — Вдруг он осекся, изумленно глядя на искаженное гримасой боли лицо Гастона. — Что случилось, дружище? Тебе плохо?

— Клотильды уже нет, — сипло произнес Гастон, избегая взглядом Эрнана. — Она умерла.

От неожиданности Шатофьер резко осадил лошадь.

— О Боже! Когда?

Д'Альбре тоже остановился.

— В среду. А вчера утром ко мне прибыл гонец с сообщением о ее смерти.

— И ты все это время молчал?!

— Хотел было сказать Филиппу, но как раз тогда он места себе не находил из-за тех подозрений относительно беремен-

ности Бланки, и у меня просто язык не повернулся. Ну, а потом он был так счастлив...

— Сукин ты сын! — вскипел Эрнан. — Почему мне не сказал?

— Как это не сказал? Вот же я говорю тебе.

— Это сегодня. А вчера?

Гастон горько вздохнул:

— Ты предложил мне составить тебе компанию, и я боялся, что, узнав обо всем, ты передумаешь, уговоришь меня поехать в Тараскон. А я не хотел туда ехать, не хотел и оставаться в Памплоне, видеть наших, смотреть им в глаза. Я готов был бежать на край света.

— Почему?

— Потому что мне стыдно, Эрнан, — с неожиданным пылом ответил Гастон. — Потому что именно я виновен в смерти Клотильды. Симон каким-то образом прознал о моих планах насчет развода и написал Амелине — а та взяла и рассказала Клотильде. Это, конечно же, потрясло ее... — Он сглотнул. — У нее начались преждевременные роды... и она умерла... Они оба умерли — Клотильда и ее ребенок... мой ребенок... сын... Я так долго ждал сына, моего наследника... а он умер, так и не родившись... Из-за меня умер! — Гастон ударил шпорами лошадь и вырвался вперед.

Некоторое время Эрнан ехал позади. Когда, наконец, он поравнялся с д'Альбре, лицо у того было спокойным и сосредоточенным.

— А знаешь, Гастон, что это такое? Это совесть. Она всегда просыпается слишком поздно и в самый неподходящий момент.

Гастон ничего не ответил, как будто вообще не расслышал реплики Эрнана. А тот после минутного молчания задумчиво произнес:

— И все-таки странная череда смертей, ты не находишь? Все началось с короля Фернандо Кастильского, затем граф Байоннский с обоими сыновьями, виконт Готийский, виконт Иверо, святейший отец, Филипп-Август Французский, Филипп де Пуатье, а теперь вот и твоя жена.

— Каждую минуту кто-то где-то да умирает, — сухо произнес Гастон. — И я не вижу, чему тут особенно удивляться.

— Э нет, дружище, таки есть чему. Ведь все эти смерти так или иначе затрагивают меня — ну, точно мор какой-то пошел...

Глава LXIII

Клавдий Иверо

Возведенный на руинах римской крепости Калагуррис-Нассика замок Калагорра, родовое гнездо графов Иверийских, произвел на наших друзей удручающее впечатление. Роскошная внутренняя обстановка лишь подчеркивала царившую в нем удушливую атмосферу тоски и безысходности, делая ее совершенно невыносимой, доводя контрасты до полнейшего абсурда. Новоприбывшие не встретили здесь ни единой улыбки, ни одного радостного лица. Только три луча света было в этом мрачном царстве печали и запустения, три юные княжны — Елена, Диана и крошка Маргарита, — но и они предпочитали прятаться от постороннего взгляда за траурными одеяниями.

Граф Иверо не вышел даже поприветствовать гостей. Вместо него всем заправляла графиня Диана Юлия, дочь покойного императора Корнелия IX, тетка ныне царствующего Августа XII, высокая стройная сорокалетняя женщина, которую за страстное увлечение астрологией и алхимией (чем грешили многие отпрыски римского императорского дома) в Испании прозвали итальянской ведьмой. С гостями графиня была любезна, но сдержана; ее лицо не выказывало ровно никаких эмоций, и только внимательный наблюдатель, каким был Эрнан, мог заметить в ее взгляде затаенную боль.

Поскольку Альфонсо XIII публично объявил об аресте младшего брата, Шатофьер решил не скрывать этот факт, так что отведенные Фернандо де Уэльве покои находились под совместным надзором королевских гвардейцев и замковой стражи. Афишируя настоящее положение вещей, Эрнан пре-

следовал вполне определенную цель и не ошибся в своих расчетах: в десять часов вечера к нему явился камердинер графа и передал, что его господин готов повидаться с ним в любое удобное для него время. Это было высказанное в вежливой форме предложение о немедленной встрече. Эрнан только и ждал этого и выразил желание встретиться как можно скорее, а если граф не возражает, то прямо сейчас. Получивший четкие указания камердинер предложил Шатофьеру следовать за ним и провел его в личные апартаменты хозяина замка.

Еще недавно Клавдий Иверо считался одним из самых блестящих вельмож всей Испании. Это был высокий, крепкого телосложения мужчина, волевой, энергичный и молодой с виду — мало кто давал ему больше тридцати пяти лет, хотя на самом деле ему было за сорок. Однако трагическая смерть сына сломила его. За последние полтора месяца он постарел как минимум на двадцать лет, и Эрнан просто не верил своим глазам: неужели этот немощный старик с седыми волосами, изборожденным морщинами лицом и усталым, опустошенным взглядом и есть тот великолепный сеньор, которого он видел в начале сентября в Памплоне? На какое-то мгновение Эрнана обуяли сомнения. Правильно ли он поступает, собираясь довериться человеку, одной ногой стоящему в могиле и с нетерпением ждущему смерти, как милости Божьей, как избавления от своих страданий? Разве способен такой человек на решительные поступки? Может, лучше было бы обратиться к графине?..

— Прошу садиться, господин граф,— скрипящим голосом произнес Клавдий Иверо, указывая на кресло возле горящего камина.

Эрнан сел. Граф слабо кивнул своему камердинеру, и тот вышел, оставив господ вдвоем.

— Итак,— заговорил Клавдий Иверо, как только дверь за слугой затворилась,— кастильский король велел арестовать своего брата. За что?

— По обвинению в государственной измене.

— Ага... Ну, это неудивительно.

Посему в комнате воцарилось тягостное молчание. Граф сидел с закрытыми глазами, бессильно откинувшись на спинку кресла. На его лице застыло выражение смертельной усталости. Эрнан мысленно ругал себя, что допустил ошибку, не доверившись графине. Но уже было поздно менять планы. Диана Юлия наверняка удалилась в свои покои, или же до утра уединилась в своей алхимической лаборатории и колдует там над колбами и ретортами.

Наконец Клавдий Иверо раскрыл глаза.

— Господин граф, король прислал мне копию протокола допроса моего сына.— (Эрнан побледнел.) — Там не указано никаких имен — ни исполнителей, ни свидетелей,— вероятно, он опасался, что я стану мстить... И, кстати, напрасно. Правосудие есть правосудие... Но, по имеющейся у меня информации, вы были непосредственно причастны ко всем тем событиям.

«Он наводил справки!— воспрянул духом Эрнан.— Значит, еще не все потеряно».

— Да, дон Клавдий, я участвовал в раскрытии заговора.

— В таком случае, вы именно тот человек, который мне нужен.

Шатофьер привстал и поклонился:

— Я весь к вашим услугам.

— Дело в том, сударь,— продолжал граф Иверо,— что из протокола допроса я понял лишь то, что мой сын, по глупости своей и безрассудству, впутался в заговор, об истинной цели которого даже не подозревал. По моему убеждению, это чистейшая нелепица, что он покусился на те злосчастные векселя. В конце концов, я не тиран, я продал бы несколько своих имений и заплатил бы по всем его долгам, а в при необходимости и защитил бы его от гнева матери. Я одно хочу знать: верно ли я догадался, что мотивы Рикарда были чисто личные?

— Да, дон Клавдий. В своем разрыве с принцессой Маргаритой ваш сын отчасти винил нынешнюю графиню Бискайскую, и ее брат воспользовался этим обстоятельством, а также тем состоянием глубокого отчаяния...

— Не будем лицемерить, сударь,— перебил его Клавдий Иверо.— Скажите прямо: Александр Бискайский воспользовался безумием моего сына. Его все еще разыскивают?

— Бывшего графа? Да. Недавно король удвоил сумму вознаграждения за его поимку.

— Уже напали на какой-нибудь след?

— Увы, нет. Он будто сквозь землю провалился.

— А как остальные участники заговора?

— Все, кроме одного, казнены.

— Жозеф де Мондрагон все еще жив?

— Он был приговорен к пожизненному заключению. Как мне стало известно, монсеньор Франциско де ла Пенья отказался подписать ему смертный приговор на том основании, что не было прямых доказательств его причастности к заговору — лишь предположения прочих обвиняемых, что он также участвовал в этом деле... ну, и еще мои собственные умозаключения. Однако теперь это несущественно. На прошлой неделе Жозеф де Мондрагон покончил с собой — повесился в своей камере.

— Об этом позаботился король?

— Скорее, принцесса Маргарита.

— Понятно... А что говорят в Памплоне про смерть Рикарда?

— Все убеждены, что его убил Александр Бискайский. Почему — высказывают самые разноречивые предположения, но ни одно из них не бросает тени на вашего сына.

— И на том хорошо,— облегченно вздохнул граф.— Но где гарантия, что все посвященные будут молчать?

Вспомнив про Симона, Эрнан на мгновение замешкался с ответом, но затем сказал:

— Будьте уверены, дон Клавдий. Молчать будут все.

— Ну что ж, будем надеяться... Но постойте-ка! Вы сказали, что все, кроме одного, мертвы. Кто же этот один? Или вы имели в виду Александра Бискайского?

— Нет. Я имел в виду Фернандо де Уэльву.

Впервые за время разговора глаза Клавдия Иверо сверкнули.

— Принца Кастильского?

— Да, его.

Граф судорожно вцепился пальцами в подлокотники своего кресла и резко подался вперед. Дыхание его участилось.

— И он сейчас у меня в замке!

— За это он и арестован своим братом, королем.

— Значит, я не ошибался, — прошептал граф с тихой ненавистью в голосе. — Так я и думал, что принц Фернандо причастен к смерти Рикарда... Господин де Шатофьер, если вы можете... даже если не можете, даже если не вправе — прошу вас, расскажите, во что впутался мой глупый сын.

Эрнан сделал вид, будто колеблется, хотя в действительности он решил все наперед.

— Хорошо, господин граф, я расскажу вам все, что могу рассказать. Александр Бискайский и Фернандо де Уэльва решили избавиться от княжны Жоанны, поскольку она случайно прознала об их планах захватить при помощи иезуитов кастильский и наваррский престолы и угрожала им разоблачением, если они не откажутся от своих замыслов и не покаются перед королями Наварры и Кастилии.

— Стало быть, Фернандо метил на корону своего брата?

— Да. Он собирался отравить дону Альфонсо и поведал об этом графу Бискайскому. А княжна подслушала их разговор и...

— И мой сын принимал участие в их гнусной затее?! Какой позор!

— Но он понятия не имел об истинной подоплеке дела. Равно как и о том, что его тоже собирались убить — вместе с княжной Бискайской. По замыслу заговорщиков, ваш сын, уже мертвый, должен был предстать виновником смерти княжны, ее убийцей, чтобы никому не пришлось в голову заподозрить в этом других...

Эрнан вкратце поведал о поимке Фернандо и обнаруженных у него железном пруте и кинжале с вензелем Рикарда на рукояти. Потом он немного отступил от правды, сказав, что Фернандо передал Симону пакет, в котором действительно было письмо, компрометирующее Рикарда. На допросе быв-

ший доминиканец Гаспар признался, что по приказу графа Бискайского он подделал и это письмо, правда, небрежно — лишь затем, чтобы усыпить бдительность Фернандо. В том письме Жоанна обвиняла Рикарда в убийстве некоего Хуана Энрике де лас Фуэнтеса, кастильского кабальеро, который весной этого года был любовником Маргариты и в самый разгар их романа спьяну утонул в реке. Однако из поддельного письма следовало, что это не был несчастный случай. Жоанна якобы располагала неопровержимыми доказательствами вины Рикарда и шантажировала его, требуя, чтобы он женился на ней. Эрнан предпочел такую версию происшедшего — хоть и не соответствующую действительности, но и не совсем ложную, — чтобы ни в коем случае не вызвать у графа даже тени сочувствия к Фернандо, который, по планам Александра Бискайского, должен был умереть вместе с Рикардом и Жоанной.

Клавдий Иверо слушал Эрнана, низко склонив голову. Когда же он поднял ее, глаза его пылали яростным огнем, черты лица заострились, оно приобрело выражение непреклонной решимости. Эрнан опешил: где только девались усталость и опустошенность, которые так неприятно поразили его в самом начале их разговора. В немощном теле еще был жив здоровый дух!

— Господин де Шатофьер, — произнес граф. — С тех пор как умер мой сын, у меня пропало желание жить. Я очень гордился Рикардом, может быть, преувеличивал его достоинства — но он был моим единственным сыном. Теперь же единственное, что держит меня на этом свете, так это жажда мести. Прежде чем умереть, я хочу отомстить тем, кто погубил Рикарда. Раньше я ненавидел и тех, кто раскрыл этот заговор, хоть и не собирался мстить им, но теперь... Теперь, когда оказалось, что Рикарду отводилась роль козла отпущения, я искренне признателен людям, которые спасли его не от смерти, но от посмертного позора. — Он испытующе поглядел на Эрнана. — Ведь это вы, я полагаю, разоблачили заговорщиков?

— Да, — невозмутимо ответил Шатофьер. — Это был я.

— Благодарю вас, граф, — просто сказал Клавдий Иверо и сказал он это от всей души.

Эрнан вдруг почувствовал, как к его горлу подкатывает комок. Какая все-таки сложная, подумал он, какая скверная штука жизнь, в которой подчас возникают такие ситуации, когда убитый горем отец искренне благодарит человека, изблотившего его сына в преступлении...

Между тем граф, собравшись с мыслями, вновь заговорил:

— Итак, Фернандо де Уэльва. Принц Кастилии, наследник престола, преступник. На его совести смерть Рикарда. Он не только собирался убить моего сына, он хотел опозорить его, взвалить на него чужие грехи — а сам остался бы незапятнанным... Ему нет места на этом свете, он должен умереть! — Клавдий Иверо снова подался вперед и даже чуть привстал. Его горящий взгляд, казалось, буравил Эрнана насквозь. — Господин де Шатофьер, отдайте мне этого ублюдка! Если мне не суждено будет расквитаться с графом Бискайским, то я хоть отомщу другому негодяю. Ради всего святого, заклинаю вас — отдайте мне принца Фернандо! Я не могу допустить, чтобы он покинул эти стены живым. Это будет надругательством над памятью моего сына — пусть и не очень светлой, но все же... Граф, вы не можете, вы не должны отказывать мне! Всю ответственность я беру на себя. В конце концов, вы в моем замке, воинов у меня гораздо больше, чем у вас, и если возникнет необходимость, я велю арестовать всех кастильских гвардейцев. Если вы сочтете нужным, я для вида арестую и вас с графом д'Альбре. Вам никто не станет вменять в вину, что вы по доброй воле уступили мне принца — ибо сила на моей стороне. В худшем случае, король Альфонсо обвинит вас в излишней доверчивости — в том, что вы положились на мое гостеприимство.

Эрнан покачал головой:

— В принятии столь радикальных мер нет необходимости, дон Клавдий. Кастильский король исполнен решимости казнить своего брата — но для этого нужно раздобыть неопровержимые доказательства его вины.

— Так ведь они есть. У княжны... то бишь у графини Бискайской.

— Увы, она знает слишком мало. Вот если бы... — тут Эрнан умолк, словно не решаясь закончить свою мысль.

— Ну!

— Другое дело, если Фернандо де Уэльва сам сознается в своих преступных замыслах. Если заставить его это сделать.

— И каким же образом?

Эрнан в деталях изложил свой план действий.

— Хорошо, — кивнул Клавдий Иверо, выслушав его. — Это меня вполне устраивает. Я сейчас же дам соответствующие распоряжения. Вот только... А если Фернандо ни в чем не признается?

— Тогда я скажу дону Альфонсо, что был вынужден уступить вам. Ведь сила действительно на вашей стороне. Надеюсь, что в таком случае вы подтвердите этот факт в письме к королю.

— Можете не сомневаться, граф. Я же с самого начала предлагал взять всю ответственность на себя... Ладно. Так или иначе, но преступник не избежит заслуженного наказания. И тогда останется лишь граф Бискайский... а также Маргарита, — неожиданно для Эрнана добавил Клавдий Иверо и глаза его вновь сверкнули. — Ведь на самом деле она погубила Рикарда... Но ее пусть покарает Господь.

После беседы с графом Иверо Эрнан возвратился в свои покои и сразу же вызвал к себе лейтенанта кастильских гвардейцев. Это был сорокапятилетний солдат с пышными, тронутыми сединой усами и суровым, непроницаемым лицом верного служаки, который пользовался безграничным доверием как Фернандо IV, так и Альфонсо XIII.

— Господин де Сальседо, — сказал ему Шатофьер. — Вы, конечно, знакомы с распоряжением короля во всем подчиняться мне?

— Да, сударь. Ваш слуга еще вчера предъявил мне это распоряжение. Кроме того, я получил от его величества письмо, содержащее аналогичные указания.

— Это очень хорошо, что у вас нет никаких сомнений, поскольку следующее мое распоряжение может явиться для вас

неожиданностью. Поэтому важно, чтобы вы полностью доверяли мне.

— Я целиком доверяю вам, сударь. В письме его величества было сказано, что вы наделены чрезвычайными полномочиями.

— Тем лучше.— Эрнан взял со стола свиток, скрепленный большой королевской печатью и передал его лейтенанту.— Вот, ознакомьтесь с указом короля.

Лейтенант развернул свиток и принялся читать. По мере того, как глаза его пробегали все новые и новые строки, челоусть его все больше отвисла; казалось, еще немного, и она грохнется наземь.

— Убедитесь, что подпись и печать подлинны,— спустя минуту добавил Шатофьер.

Спохватившись, лейтенант закрыл рот, громко лязгнув зубами, и поднял на Эрнана обалделый взгляд.

— Вне всякого сомнения, сударь, подпись и печать королевские. Весь текст указа его величество написал собственноручно.

— И вы готовы беспрекословно повиноваться мне во исполнение сего указа?

— Да, сударь, готов,— не колеблясь, ответил лейтенант. Лицо его опять стало спокойным и невозмутимым. Двадцать лет на службе у Фернандо IV приучили старого гвардейца философски относиться к любым неожиданностям. Он привык слепо подчиняться королевской воле и не задавать лишних вопросов.

Глава LXIV

Елена Иверо

В то время, как Эрнан имел разговор с графом Иверо, у Гастона тоже была аудиенция — но куда более приятная.

Молоденькая горничная, некогда служившая у Изабеллы Арагонской, провела его в небольшую уютную комнату, обставленную под дамский будуар. Шепотом велел ему ждать

здесь, она тотчас удалилась; ее осторожные шаги сопровождались лишь еле слышным шуршанием юбок.

«Конспираторша», — ухмыльнулся Гастон, вспоминая, как они украдкой пробирались темными переходами, и горничная то и дело вздрагивала и бледнела от страха, заслышав где-то вдали малейший шорох. Должно быть, это все из-за графини, решил он. Скорее всего, это она, а не граф, держит домашних в ежовых рукавицах и принуждает их носить траур.

Вскоре в комнату вошла княжна Елена. Она молча поцеловала Гастона в щеку, усадила его в кресло, а сама устроилась на низеньком диване напротив него. На ней было домашнее платье розового цвета, надетое поверх одной только ночной рубахи без каких-либо нижних юбок; оно плотно облегалo ее гибкий стан, подчеркивая соблазнительные линии ее ладно скроенной фигуры. Будучи закоренелым циником, Гастон ни на мгновение не усомнился, что, надевая это платье, она рассчитывала на вполне определенный эффект.

— А мне раньше казалось, что ты не любишь яркие тона, — произнес он, первым нарушая затянувшееся молчание.

— А-а! — сказала Елена, взглянув на свое платье. — Это я в знак протеста, мне уже до смерти надоели траурные одежды. Так и хочется взвыть волком от всей этой тоски. Мне и без того горько: как подумаю, что Рикарда больше нет в живых, комок в горле застревает, а тут еще траур — черные одежды, мрачные лица, приглушенные голоса, скорбные взгляды... Жуть!.. По-моему, это кошунство — выставять свое горе напоказ, но мою маму не переубедишь. Она как втемяшет себе что-то в голову, так будет стоять на своем до конца. Три месяца — и точка, ни днем меньше. Не понимаю, с чего мама взяла, что траур надлежит носить ровно три месяца? И все же она молодчина. Видел, как держится!.. А вот папа здорово сдал. Рикард был его любимцем, и после того, как он умер, отца будто подменили. Бедный папа... — Елена вздохнула. — Потому, собственно, я избегаю открытой конфронтации с мамой и ношу этот проклятый траур. Хотя, не в обиду ей будет сказано, я уже давно заметила одну любопытную деталь: самые горькие слезы по покойнику проливают именно те, кто при жизни его не боль-

но жаловал. Вот, к примеру, Маргарита. Да и мама была хороша... Впрочем, ладно. Снова я некстати распустила свой язык. Ты не находишь меня ужасной болтуньей?

— О нет, — живо возразил Гастон, как всегда в таких случаях. — Мне очень приятно слушать тебя, о чем бы ты ни говорила.

Елена обворожительно улыбнулась — хоть и не так жизнерадостно, как в прежние времена.

— Спасибо, ты хороший друг. Однако теперь твоя очередь рассказывать. Что нового на белом свете?

— Ну, во-первых, откопытал король Франции.

— Что-что он сделал?

— Попросту говоря, умер. И сыночка с собой прихватил.

— Как это прихватил?

— Они оба отдали концы. Почти одновременно.

— Погибли?

— Да нет, просто случайное совпадение. Король умер от болезни и позора. Филипп де Пуатье на радостях, что отец его, наконец, умирает, ужрался немецким шнапсом — а это такое проклятущее зелье, скажу тебе, — тут-то его черт и прибрал.

— Фи! — тряхнула головкой княжна. — Какая неприятная история. Да и вообще, смерть, смерть и смерть — только и слышу это слово. Право, можно подумать, что людям больше нечего делать, кроме как умирать

Отчаянным усилием воли Гастон сдержал сокрушенный вздох, готовый было вырваться из его груди.

— Люди не только умирают, — возразил он. — Но и рождаются.

— Маргарита беременна?!

— Нет, не Маргарита. Бланка.

Елена всплеснула руками и даже привстала от неожиданности.

— Да ну! Что ты говоришь?! Ты уверен?

Не особенно стесняясь в выражениях, Гастон вкратце рассказал ей о событиях вчерашнего дня. Для виду Елена укоризненно качала головой, но глаза ее радостно сияли.

— Должно быть, Бланка сейчас на седьмом небе от счастья. В каждом своем письме она писала мне, что очень хочет родить от Филиппа ребенка. Ах, как жаль, что я здесь, а не в Памплоне! Как бы я хотела разделить ее радость.

— Ты очень соскучилась по ней?

— Жутко! С тех пор, как мы расстались, я чувствую себя так одиноко, так неуютно. Ведь Бланка — лучшая из моих подруг. Она исключительная девчонка, я просто обожаю ее... и немного жалею.

— Жалеешь? — удивился Гастон. — Это почему?

— Ей страшно не везет в личной жизни. Сперва ее прочили в жены императору, но выдали за графа Бискайского. Потом этот нищий проходимец, Этьен де Монтини, воспользовался ее отчаянным положением и вскружил ей голову. А теперь вот кузен Красавчик... Нет-нет, против него я ничего не имею. Он замечательный парень, даже слишком замечательный для Бланки. Ей бы кого попроще.

— Боюсь, я не понимаю тебя, Елена.

— А что тут непонятного? Красавчик — давнишняя любовь Бланки; а судя по ее последним письмам она и вовсе помешалась на нем, так его боготворит...

— Он тоже боготворит ее, — заметил Гастон.

— Но долго ли это продлится, вот в чем вопрос. Красавчик непостоянен. Когда-нибудь он все равно охладет к ней, как бы страстно он ни любил ее сейчас, и тогда Бланку постигнет еще одно разочарование в жизни.

— А вот Шатофьер боится обратного. Он опасается, что Филипп расторгнет свою помолвку с Анной Юлией и женится на Бланке.

Елена изумленно подняла брови:

— Он серьезно?!

— Как нельзя более серьезно. Ты просто не видела, что творится с Филиппом. Он будто сдурел. Таким влюбленным я его никогда не видел... Впрочем, нет, вру, видел. Семь лет назад. Тогда он влюбился в кузину Эрнана по матери — ты же знаешь эту историю, — и женился. Так что все может случиться. Раз он когда-то пошел на поводу у своих страстей, поста-

вив под угрозу свою будущность, то сейчас вполне способен наплевать на все политические расчеты, жениться на Бланке и силой отобрать у Робера Третьего королевскую корону, как это чуть не сделал его отец, когда покойный Робер Второй не согласился по доброй воле выдать за него дочь. Не стоит забывать, что Филипп — *настоящий* сын своего отца.

— И все-таки я боюсь за Бланку.

Гастон пристально посмотрел ей в глаза и усмехнулся:

— А может, ты просто ревнуешь ее?

Елена покраснела и в смущении опустила глаза.

— Да вы что, все сговорились с Маргаритой?! Что за вздор вы несете, в самом деле!.. Кстати, чуть не забыла. Как поживает моя милейшая кузина? Что у них с Тибальдом?

— Скучать им не приходится, жизнь бьет ключом. А намедни они обменялись рогами.

— Ну, наконец-то! И кому принадлежит пальма первенства?

— Графу. Но Маргарита в долгу не осталась. Вчера она завлекла в свою постель Симона.

— Твоего зятя? Но ведь он, прошу прощения, глупенький.

— Вернее сказать, инфантильный, — уточнил Гастон. — Он еще ребенок, причем ребенок очень милый. Наверное, Маргарита оценила это.

После некоторых размышлений Елена согласно кивнула:

— Возможно, ты прав. Маргариту привлекают либо неопытные юнцы, вроде того же Симона де Бигора или моего несчастного брата, либо закоренелые бабники, как-то граф Тибальд или кузен Красавчик... Другое дело, я, — добавила она и д'Альбре мгновенно уловил в ее голосе кокетливые нотки. — Вот мне больше нравятся зрелые мужчины. К примеру, такие, как ты.

Гастон ухмыльнулся:

— И скольких же зрелых мужчин ты знала?

— Пока ни одного. Но вскоре я намерена наверстать упущенное. И начать думаю с тебя.

— Вот как! — несколько обескуражено произнес он, застигнутый врасплох этим предложением. — Ты...

— Да,— ответила Елена, глаза ее томно заблестели.— Да! Я сама набиваюсь.

— Однако! За эти полтора месяца ты, оказывается, здорово изменилась. Прежде изображала из себя такую целомудренную недотрогу, лишь изредка позволяла мне поцеловать тебя в губы, да и то из чистой шалости. А теперь вот напрямую приглашаешь меня в свою постель. В чем причина такой внезапной перемены?

Елена вздохнула:

— Такова жизнь, Гастон. Это жизнь меня изменила, против моей воли. Я всегда любила Рикарда, любила гораздо сильнее, чем следовало сестре любить брата. Сколько себя помню, я сожалела, что он мой родной брат... Но вот Рикард умер. Я горько оплакивала его, я выплакала по нему все слезы, что у меня были...— Тут она всхлипнула, готовая, вопреки своим же словам, снова разрыдаться.

— Успокойся, Елена,— ласково сказал Гастон.— Не думай о прошлом. Что было, того не вернешь.

С минуту она жалобно смотрела на него, затем отвела взгляд и продолжила:

— После смерти брата я стала наследницей отца. Потеряв человека, которого любила, я обрела независимость, к которой стремилась. Я получила право распоряжаться собой, как мне заблагорассудится. Я не глупышка и не ханжа, отнюдь; девственность никогда не была для меня какой-то самодостаточной ценностью. Но я порядочная девушка, и до поры до времени я придерживалась всех общепринятых правил приличия, зная, как относятся к незамужним девицам, которые путаются с мужчинами. Даже если они самого знатного происхождения, их все равно называют потаскухами!.. Думаешь, мне легко давалось быть святошей при дворе Маргариты? Во-все нет! Однако я сдерживала себя — пока в этом была необходимость. Теперь, благодаря смерти Рикарда... Видит Бог, как бы я хотела, чтобы не было этого «благодаря»!.. Но ты прав: прошлого не вернешь. Что было, то сплыло, и теперь я принадлежу к тому привилегированному кругу женщин, что и Бланка, Маргарита и Жоанна. Как и они, я независима. Как

и они, я уже недосыгаема для сплетников, вернее, всяческие сплетни будут значить для меня не больше, чем комариные укусы, — почешется немного и пройдет. Теперь мне наплевать на мнение высшего света, потому что я, как будущая графиня Иверо, — не жена какого-нибудь графа, но сама по себе графиня, — я и есть тот самый высший свет самой высокой пробы. Теперь остальные мне не указ, и все, кто бы то ни был, будут вынуждены принимать меня такой, какая я есть, а не такой, какой они хотели бы меня видеть... Вот она, истинная причина происшедшей во мне перемены, Гастон. Может быть, я цинична, но я не лицемерка. Прежде я притворялась и лицемерила по необходимости, мне никогда не было по душе мое притворство, и наконец я избавилась от необходимости постоянно строить из себя святошу. С моих плеч будто гора свалилась — и это единственное, что хоть немного утешает меня при мысли о смерти Рикарда... Поэтому я говорю тебе прямо: будь моим любовником, — ее лицо расплылось в сладкой истоме, — моим возлюбленным... Для меня не имеет значения, что ты женат... теперь уже не имеет. Ты нравишься мне, и все тут... Ну! — Закрыв глаза, она протянула к нему руки.

Однако Гастон и не шелохнулся в ответ на ее призыв. Он все так же сидел в кресле, уставившись взглядом в пустоту перед собой.

Елена распахнула глаза и мигом вскочила на ноги.

— Как это понимать?! — воскликнула она негодуя и в то же время растерянно. — Ты, похотливое животное, отказываешься? Я больше не возбуждаю тебя?

— Елена, — тихо произнес д'Альбре. — Я не сообщил тебе еще одну новость.

— Какую?

— Я уже не женат. Уже неделю я вдовец.

Елена тихо вскрикнула и опустилась обратно на диван.

— Боже милостивый!.. Как это произошло?

— Преждевременные роды, — коротко ответил Гастон.

После этого в комнате надолго воцарилось молчание. Широко раскрыв глаза, Елена смотрела на Гастона и думала о том же, что и он.

— В последнее время,— наконец заговорил д'Альбре с болью и тоской в голосе,— я только тем и занимался, что строил планы развода с Клотильдой, чтобы иметь возможность жениться на тебе. Я так страстно желал избавиться от своей жены, что Сатана, видимо, услышал мои молитвы и чуток подсобил мне... После смерти твоего брата изменилась не только ты, но и я. Я понял то, что было ясно, как Божий день, для всех, кроме меня. А именно — что я негодай, каких мало.

С этими словами он встал с кресла и направился к двери. Елена стремительно бросилась за ним, преградила ему путь и схватила его за обе руки. Лицо ее излучало гнев и возмущение.

— Ты... ты...

Тут она всхлипнула и положила голову ему плечо.

— Да, ты подлец и негодай, каких мало. Я не верю ни единому слову из того, что наплели мне Бланка и Маргарита. Я знаю, что ты был одним из тех, кто погубил моего брата. И я ненавижу тебя за это. Слышишь, ненавижу! Но я и люблю тебя, скотину! Ты отнял у меня Рикарда — так изволь же заменить мне его... И если ты надеешься убежать от меня, забудь и думать об этом. Я не отпущу тебя... Я разыщу тебя даже на краю света. Теперь ты нигде от меня не денешься. Всю оставшуюся жизнь ты будешь искупать свою вину передо мной. Проклятый!..

Той ночью она стала его женщиной.

Глава LXV

*В которой число смертей,
что так или иначе затрагивают Эрнана,
имеет тенденцию к росту*

В ту ночь, как, собственно, и во все предыдущие, с тех пор как брат велел взять его под стражу, Фернандо спал беспокойно. Он просыпался от малейшего шороха и тревожно озирался по сторонам. Сердце его то замирало, то стучало в бешеном темпе, а на лбу выступала испарина.

«Может, кто-то идет?» — то и дело спрашивал он себя. Кто-то подкрадывается к нему в ночи...

Но кто — друзья, чтобы спасти его, или направляемые рукой Альфонсо (а вероятнее, рукой Бланки) убийцы?

Что ни ночь, тем тревожнее она была. Близился критический момент... Или уже наступил?... Момент, когда решится все — его судьба, его дальнейшая жизнь, будет ли он жить вообще, а если будет, то... И дернул же его черт попасть в такую переделку в такое неподходящее время!

В ту ночь, первую ночь после долгих ночей, проведенных в Кастель-Бланко, Фернандо почти не сомкнул глаз. Едва лишь его начинал одолевать сон, какие-то звуки, доносившиеся снаружи, заставляли его схватываться и садиться в постели.

Что это? Кто это?! Кто с такой бесцеремонностью, с такой откровенной наглостью нарушает тишину ночи, вторгается в сон всех обитателей замка? Неужели...

Неужели это доблестные иезуиты берут приступом Калагорру, чтобы освободить его, Фернандо Кастильского, графа де Уэльву, будущего короля Фернандо V?..

Увы, нет. Весь замок мирно спал. Не было никакой суматохи, ни единого признака надвигающейся паники. Сокрушенно вздыхая, Фернандо вновь ложился на подушку, подкладывая руку под голову. И думал. Думал о том, зачем ему понадобилась эта королевская власть. Что она даст ему, кроме титула «его величество» и кучи лишних забот? Властные амбиции... Они уместны, если ты знаешь, как распорядиться этой властью и с какой целью — одного лишь тщеславия тут недостаточно, на нем далеко не уедешь. А Фернандо не знал, он даже не задумывался над тем, что будет делать, став королем. Разумеется, он будет устраивать пиры, балы, пышные приемы, будет часто выезжать на охоту... Но что же мешает ему делать все это как графу де Уэльве?..

Арест, разоблачение и последовавшее за тем длительное заключение в Кастель-Бланко дали Фернандо обильную пищу для размышлений. И он много думал, находясь в одиночестве. Это занятие было ему внове, прежде он лишь изред-

ка напрягал свои мозги, да и то ненадолго,— и уж никогда не вдавался в детальный анализ происходящих событий. Но в последние полтора месяца он стал мыслителем поневоле, и чем дальше, тем больше одолевали его разного рода сомнения — мучительные, дразнящие, зудящие, не дающие ему покоя. А может, и впрямь ему лучше жилось бы без этих непрестанных интриг и заговоров, в которых он, по правде говоря, мало что смыслил... если вообще что-то смыслил? Он всегда был марионеткой в чужих руках: сначала им помыкал брат, затем любовницы, а чуть позже, впрочем, недолго — жена. Ну, а потом его прибрали к рукам граф Саламанка и Инморте, посулив ему золотые горы, вернее, украшенную драгоценными камнями золотую корону его отца — ту самую корону, которая вместе с прочими королевскими регалиями день и ночь находилась под неусыпным надзором гвардейцев и которую отец возлагал на свое чело лишь в особо торжественных случаях.

И, наконец, кузен Бискайский. Как подло он обманул его! Провел, как мальчишку. Как несмышленища! Вознамерился отобрать у него корону. *Его* корону! Хотел заполучить себе кастильский престол! Себе и Бланке — этой дьяволице в женском облики, этому чудовищу с хорошеньким личиком... А как она глядела на него при последней их встрече! Небось, перед этим настойчиво уговаривала Альфонсо казнить его — отрубить голову, вздернуть на виселице, либо просто удушить, либо велеть кому-нибудь из слуг перерезать ему горло...

Но все это лишь следствия, вдруг понял Фернандо. В первую очередь виноват во всем случившемся он сам и только он один. Если бы он не похвастался Александру... Нет, если бы он вообще не ввязывался в эту затею, если бы он не спутался с Инморте, если бы жил с братом в мире и согласии, если бы... если бы... если бы...

Фернандо постепенно прозревал. Но было уже поздно: снаружи доносились какие-то странные, подозрительные, невесть почему леденящие душу звуки...

Утром, когда Фернандо, наконец, удалось забыться в тре-

возном, исполненном кошмарных видений сне, его разбудил лейтенант гвардии, г-н де Сальседо. Он явился в спальню принца в сопровождении четырех гвардейцев и предложил ему одеться.

Фернандо молча выполнил эту просьбу, выраженную тоном приказа. Ничего, думал он, скрежеща зубами. Ему бы только вырваться на свободу, а тогда он найдет способ как можно скорее отправить этого дерзкого лейтенантишку на тот свет. И кузена Бискайского нужно непременно разыскать, где бы он ни скрывался. Ах, как будет приятно помучить его перед смертью!.. Но самый первый кандидат в мертвецы — это, безусловно, Эрнан де Шатофьер. И граф д'Альбре с ним за компанию. И кузен Красавчик. И Симон де Бигор — этот дурачок, который имел наглость надуть его. И, конечно же, милейшая сестрица Бланка. И... и... и...

Фернандо не смотрел, куда его ведут. Он увлекся составлением перечня лиц, которые нанесли ему обиду и должны поплатиться за это своей жизнью. К действительности он вернулся лишь тогда, когда его вывели во внутренний двор замка и в лицо ему повеяло холодом поздней осени.

Невдалеке от них под навесом находились Клавдий Иверо, графиня Диана Юлия, княжна Елена, несколько придворных графа, капеллан замка в священнической ризе, а также Гастон д'Альбре и Этьен де Монтини. Небольшая площадь была окружена кастильскими гвардейцами и графскими стражниками, причем последних было гораздо больше. А посреди площади возвышался... Сооружение посреди площади Фернандо не видел — его полностью заслоняли широкие плечи стоявшего перед ним Шатофьера.

— Господин де Сальседо, — важно произнес Эрнан, — ознакомьте его высочество с королевским указом.

Лейтенант развернул свиток, который держал в руках, и ровным голосом зачитал:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Мы, Альфонсо, милостью Божьей король Кастилии и Лео-на, заботясь о благе государства нашего, стремясь сохранить мир и спокойствие в королевстве нашем, вверенном нам Бо-

гом, отправляя высшее правосудие и полагаясь на благословение Господне:

за организацию покушения на жизнь нашу и достоинство наше с целью свержения законной королевской власти и узурпации престола нашего, дабы другим неповадно было, приговариваем брата нашего Фернандо Кастильского, графа де Уэльву, к смертной казни и повелеваем казнить его тотчас и незамедлительно, по решению г-на Эрнана де Шатофьера, графа Капсирского, который является выразителем воли нашей и действует в соответствии с нашими распоряжениями.

Место, время и способ приведения приговора в исполнение оставляем на полное усмотрение вышеупомянутого г-на графа Капсирского, каковой в своем выборе ничем не ограничен и волен действовать так, как сочтет это необходимым, и принимать решения лишь в зависимости от сложившихся обстоятельств, невзирая на возможные несоблюдения некоторых формальностей.

Сие есть наша королевская воля, что не должна быть оспорена никем из владык и судей земных.

Альфонсо, король.

Эрнан отступил в сторону, и лишь тогда Фернандо увидел, что находилось за его спиной — эшафот! На обтянутом красной тканью деревянном помосте была установлена плаха, на которой лежал двуручный с широким лезвием меч палача. Сам мастер заплочных дел стоял у подножия ступеней, ведущих на эшафот, и, сложив на груди руки, с олимпийским спокойствием взирал на своего августейшего клиента.

«Так вот что за звуки раздавались в ночи!» — рывкнул кто-то в голове у Фернандо. Это же сколачивали помост! Для него!..

Фернандо словно окаменел, не в состоянии пошевелить хотя бы пальцем. На его лице застыло выражение искреннего изумления, вперемену с недоверием. Он уставился помутневшим взглядом на плаху с мечом; его глаза остекленели от ужаса.

К Эрнану подошел Гастон.

— Боюсь, ты переиграл, дружище. Сейчас его хватит удар.

— Монсеньор, — обратился Шатофьер к кастильскому

принцу.— В указе короля, брата вашего, дозволено казнить ваше высочество каким угодно способом на мое усмотрение, а значит, и путем отделения головы от туловища. Я полагаю, что это больше всего соответствует вашему высокому сану, но если вы придерживаетесь иного мнения и предпочитаете...

Он не договорил, так как в это самое мгновение Фернандо наконец преодолел оцепенение и с неожиданной прытью набросился на него. Однако Эрнан не терял бдительности и молниеносным ударом в грудь оттолкнул принца от себя — тот споткнулся и упал. Вспомнив о своих обязанностях, кастильские гвардейцы подхватили его и поставили на ноги.

— Это неправда! — заорал Фернандо таким неприятным визгливым голосом, что Гастон не смог удержаться и с отвращением сплюнул. — Неправда! Это не я, это ИнмORTE! Он отравил брата... Это он сделал, это не я! Он, он виноват! Я тут ни при чем... Не троньте меня, отвезите меня к брату, я ему все расскажу... Вы не имеет права! Не надо...

— Что он такое несет? — пробормотал Гастон, бледнея. — Короля уже отравили?!

— Стало быть, так, — невозмутимо ответил Эрнан и вновь обратился к Фернандо, который, брыкаясь и извиваясь, скулил: «Отвезите меня к брату! Я ему все расскажу!»: — Когда это случилось? Когда дону Альфонсо дали яд?

— В начале августа... Не делал я этого...

— А кто?

— Трухильо, помощник главного кравчего. ИнмORTE его подготовил... Это он, он! Я не подговаривал...

— Медленнодействующий яд, — прошептала графиня и быстро подошла к ним. — Что это был за яд? — спросила она у Фернандо.

— Я... я ничего не знаю... Это все ИнмORTE! Это он, он!..

— Когда должна начаться болезнь? — отозвался Эрнан.

— Я не... — Вдруг в глазах Фернандо зажглись слабые огоньки надежды. — Я знаю, как помочь брату! Везите меня к нему! Я знаю противоядие, я спасу его.

— Как? — скептически спросила графиня. — Какое вы знаете противоядие?

— Я скажу только брату. Он должен дать слово, что помилует меня... Вам я ничего не скажу! Отвезите меня к брату. Только ему...

Эрнан отрицательно покачал головой:

— Это исключено, монсеньор. Либо вы *сейчас* скажете, и я даю слово, что отменю свое решение о приведении приговора в исполнение — если поверю вам. Либо вас казнят — немедленно. Ну!

— Я скажу только брату... Только ему, ему одному... Я не верю вашему слову, не верю! Вы подлый, бесчестный негодяй!..— Поняв, что его уловка не сработала, он окончательно впал в панику: — Господа гвардейцы, не слушайте чужака, везите меня к брату. Я спасу его!.. Спасу... помогу... Везите меня к брату, пусть он все решит... Господа гвардейцы!.. Господа, не слушайте его... их... Не позволяйте им убивать брата вашего короля. Господа гва... Ну, прошу вас, господа! Спасите меня, а я спасу брата... Ну, пожалуйста!..

Однако ни один из тех, к кому так отчаянно взывал Фернандо, даже не сдвинулся с места. Гвардейцы хорошо знали злобный нрав первого принца Кастилии и полностью отдавали себе отчет в том, что если ему удастся выйти сухим из воды, он никогда не простит им своего унижения и постарается как можно скорее отправить их всех к праотцам. К тому же здесь они были в явном меньшинстве и не питали никаких иллюзий насчет того, какой приказ отдал граф своим воинам на тот случай, если кто-то предпримет попытку освободить Фернандо.

Эрнан вопросительно поглядел на графиню.

— Нет,— сказала Диана Юлия.— Увы, слишком поздно. Противоядие, даже если оно есть у принца Фернандо, в чем я сомневаюсь, способно лишь нейтрализовать действие яда. Но выпитый королем яд уже сделал свое дело и давно был выведен из организма. Он породил болезнь, и теперь нам остается возложить все надежды на Бога и на искусство лекарей.

Шатофьер жестом поманил к себе палача.

— Мастер, вы готовы приступить к исполнению своих обязанностей?

Палач утвердительно кивнул:

— Да, сударь, готов. Я получил от моего господина приказ привести приговор в исполнение именем его величества короля Кастилии и Леона.

— Так приступайте же, мастер.

Палач молча поклонился, воротился к эшафоту и поднялся по деревянным ступеням на помост. Фернандо вновь заскулил.

— Что ты делаешь, Эрнан?! — опомнился Гастон. — Это уже сверх программы. Дон Альфонсо не...

— Молчи! — зашипел Эрнан. — Я знаю, что делаю.

— А исповедь?! — вскричал Фернандо, мгновенно прекратив изрыгать угрозы, мольбы и проклятия. — А как же исповедь? Я хочу исповедаться своему духовнику. Везите меня в Толедо к моему духовнику.

— В этом нет необходимости, — с глумливой ухмылкой ответил Шатофьер. — Согласно булле святейшего отца от 1123-го года каждый посвященный рыцарь ордена Храма Сионского вправе давать предсмертное отпущение грехов — *in extremis*^{*}, как там говорится. Так что я весь к услугам вашего высочества.

Фернандо в ужасе отпрянул:

— Нет! Нет! Только не это!..

Эрнан безразлично пожал плечами. Иного ответа он не ожидал, однако не смог удержаться от искушения напоследок поиздеваться над поверженным врагом. Позже, когда он вспоминал об этом, ему всякий раз становилось стыдно за свою мальчишескую выходку.

— Преподобный отец, — обратился Шатофьер к капеллану. — Проводите его высочество в последний путь.

Затем Эрнан пристально поглядел на Фернандо и добавил:

— Хотя его преподобие не принадлежит к ордену иезуитов, я не считаю это обстоятельство серьезной помехой для принятия им вашей предсмертной исповеди... Прощайте,

---

^{*}*In extremis* — здесь, в исключительных случаях (лат.).

монсензор. Не скажу, что знакомство с вами доставило мне большое удовольствие. И да простит вас Бог.

Фернандо вскрикнул и полубесчувственный повис на руках гвардейцев, которые, повинувшись приказу Эрнана, поволокли его к эшафоту.

Гастон подошел к Елене и шепотом произнес:

— Пожалуй, тебе лучше уйти.

Она решительно покачала головой:

— Нет, я останусь. Я хочу посмотреть. Отец мне все рассказал. Я знаю, что этот негодяй погубил моего брата и собирался опозорить его.— Елена умолкла и плотно сжала губы.

Кто-то схватил Гастона за локоть. Он оглянулся и увидел Монтини.

— Чего тебе, парень?

— Мне... мне жутко...

— Так отвернись. И закрой уши. Или вообще убирайся прочь. Думаешь, мне это очень приятно?

Палач стоял возле плахи и, опершись на рукоять меча, невозмутимо ожидал своей очереди.

Гвардейцы вынесли Фернандо на помост, поставили его на ноги перед капелланом и отошли в сторону. Невдалеке от приговоренного стоял подручный палача с перекинутой через плечо веревкой и черной повязкой для глаз в руках.

— Начнем исповедь, сын мой?— кротко спросил преподабный отец.

И только тогда Фернандо в полной мере осознал реальность происходящего. Он понял, что этот капеллан — последнее, что он видит в своей жизни. Это последний из людей, который заговорил с ним как с живым человеком,— а для всех остальных он уже мертвец.

Внезапное озарение, точно молния, поразило Фернандо. Захлебываясь слезами, он грохнулся на колени, обхватил голову руками и без удержу зарыдал.

Почему, почему?! Ведь он еще так молод, у него еще вся жизнь впереди... была впереди — ибо сейчас его лишат этой жизни... Почему, почему? Как же так получилось? Когда он ступил на тот зыбкий, порочный путь, который привел его на

эшафот? Может быть, когда позволил кузену Бискайскому обвести себя вокруг пальца? Или когда спутался с Инморте? Или когда впервые с вожделием взглянул на корону отца, которую по праву должен был унаследовать его старший брат?..

Так и не дождавшись от Фернандо исповеди, капеллан тяжело вздохнул, накрыл его голову краями своего шарфа и скороговоркой произнес стандартную формулу отпущения грехов. Как только он закончил, рыдания резко оборвались. Фернандо рухнул на помост и остался лежать там недвижимый. Подручный палач склонился над ним и констатировал:

— Сомлел. Их высочеству посчастливилось — и повязка на глаза не требуется, и руки связывать нет надобности...

Фернандо так и не пришел в себя. При виде отрубленной головы, покотившейся по помосту после первого же удара палача, Гастона затошнило. Он вовсе не был таким толстокожим, каким изображал себя перед друзьями. Лишь один-единственный раз он принимал участие в настоящем бою — с иезуитами, и лишь считанные разы присутствовал на казнях — герцог не любил устраивать кровавых зрелищ и не поощрял к этому своих вассалов.

Этьену де Монтини пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы помешать взбунтовавшемуся желудку исторгнуть обратно только что съеденный завтрак.

Княжна Елена мертвенно побледнела и, прижав руки к груди, кинулась к ближайшей двери, ведущей внутрь замка. Гастон, не мешкая, последовал за ней и поспел как раз вовремя, чтобы подхватить ее на руки, когда она споткнулась на лестнице, падая в обморок.

А Эрнан все глядел на Клавдия Иверо, чьи глаза сияли сатанинским торжеством. Теперь в нем не оставалось ничего от того немощного, убитого горем старика, каким он был вчера вечером. Он больше походил на крепкого сорокалетнего мужчину, который после продолжительной болезни наконец пошел на поправку, а седые, как снег, волосы лишь придавали всему его облику какую-то скорбную величественность. Э нет, понял Шатофьер, не скоро Гастон станет новым графом Иверо, старый еще долго продержится. Ему нужен был стимул к

жизни, и он получил его — месть. После казни одного из непосредственных виновников смерти сына у него как будто открылось второе дыхание.

Клавдий Иверо подошел к Эрнану.

— Боюсь, граф, вы не сможете задержаться у нас до обеда.

— Да, сударь. Как раз об этом я только что думал. Мы немедленно отправляемся в Толедо. Однако прежде всего следует известить госпожу Бланку, что...

— Насчет этого не беспокойтесь,— перебил его Клавдий Иверо.— Еще на рассвете я отправил в Памплону курьера с известием, что принц Фернандо казнен, а кастильский король при смерти.

— При смерти?!— пораженно воскликнул Эрнан.

— Увы, да, граф. Простите, что я не сказал вам сразу. Сегодня ночью к Калагорре приблизился внушительный отряд кастильских гвардейцев, человек так сто. Их предводитель потребовал выдачи им графа де Уэльвы, чтобы в соответствии с полученными распоряжениями препроводить его в Толедо — заметьте, в целости и сохранности.

— Это приказ короля?

— Нет. Приказ подписан первым министром, поскольку дон Альфонсо внезапно заболел и, якобы, не в состоянии исполнять свои обязанности.

Эрнан шумно выдохнул:

— Слава Богу, мы успели в самый раз. Хоть какой Фернандо де Уэльва ни подлец, он все же сын короля, и было бы крайне невежливо с моей стороны второпях перерезать ему горло.

— Вы совершенно правы, господин граф,— согласился Клавдий Иверо.— Я уже сообщил незванным гостям, что принц будет казнен по приказу короля, и предостерег от попыток силой освободить его. Сейчас я передам им тело Фернандо, пусть они отвезут его на родину, чтобы похоронить там со всеми надлежащими почестями. А вы поспешите. Король — если он еще жив,— должно быть, с нетерпением ожидает от вас вестей. Удачи вам, граф.

В ответ Эрнан лишь молча кивнул.

В тот же день вечером Эрнан, Гастон и Этьен остановились на ночлег в небольшом трактире вблизи Альмасана. Дорогой никто из них и словом не обмолвился об утренних событиях, и только после ужина, когда изрядное количество выпитого вина значительно улучшило настроение Гастона и позволило ему уже без внутреннего содрогания думать о происшедшем, он, растянувшись на своей кровати в отведенной им троим комнате, спросил у Эрнана:

— Ну, теперь-то ты будешь со мной откровенным, дружище, или опять станешь хитрить?

Шатофьер приподнялся в постели и поглядел на Монтини. Тот, до предела измотанный бешеной скачкой, а еще больше расстройством желудка, случившемся на нервной почве, дрыхнул без задних ног.

— О чем ты толкуешь?

— Ай, прекрати! Можно подумать, ты не понимаешь, что я имею в виду! Ведь ты с самого начала решил казнить Фернандо, верно? У тебя и в мыслях не было везти его в Толедо живым.

— Положим, я лишь исполнил желание короля...

— Вот как! Значит, и тут ты обманул меня? На самом деле он велел тебе...

— Он велел мне доставить к нему брата живым и лишь в крайнем случае прикончить его. Так было написано в письме.

— Тогда я ничего не понимаю.

— А здесь и понимать нечего. Между волей и желанием есть большое различие. Дон Альфонсо хотел казнить Фернандо, но из сентиментальных соображений никак не решался на этот шаг.

— И ты помог ему.

— Вот именно. Впрочем, он сам себе помог. Если бы он вправду хотел сохранить брату жизнь, то ограничился бы одним только письмом, где указывается, при каких обстоятельствах я имею право убить Фернандо. Этого было бы вполне достаточно — письмо, собственноручно написанное королем и скрепленное его личной печатью. Однако он прислал мне и указ о смертной казни Фернандо — для пущей верности, мо-

жешь возразить ты, не более того. Дон Альфонсо, пожалуй, тоже так думал. Но я убежден, что втайне, безотчетно он надеялся, что я расценю этот указ, как руководство к действию, и приму его к немедленному исполнению. Сам подумай: как я мог обмануть ожидания короля? Ведь другого такого указа могло и вовсе не последовать. Ты же видишь, что начали вытворять государственные сановники, едва лишь дон Альфонсо занемог.

— Ага! Так я и знал! — произнес Гастон, подняв кверху указательный палец. — Ты подозревал, что короля уже отравили.

— Да, я догадывался об этом.

— И с каких пор?

— С тех пор как получше узнал Бланку. Меня вообще удивляет, что это не пришло в голову другим осведомленным, тем, кто и раньше знал ее — Филиппу, Маргарите, обоим королям, самой Бланке, наконец... Недели три назад я сидел и смотрел, как она играет с тобой в шахматы, смотрел на выражение ее лица — сосредоточенное, решительное, волевое, даже жестокое... Тогда я подумал: как глуп был граф Бискайский, если он всерьез рассчитывал, что Инморте, который много времени проводил при кастильском дворе и наверняка хорошо знает крутой нрав Бланки, согласится возвести ее на престол. И тут-то я понял: граф вовсе не глуп; человек, спланировавший такое, без преувеличения, гениальное преступление, не может быть глупцом.

Будто подброшенный пружиной, Гастон вскочил и сел на кровати.

— Елки-палки! Это же было ясно, как Божий день!

— Да, да, да! Граф Бискайский, безусловно, знал, что представляет из себя его жена. Он знал, что ее хорошо знает Инморте и что отношения между ними крайне враждебные. Будь на месте Бланки женщина с характером Жоанны Наваррской... Да что там! Будь на ее месте даже Маргарита — и то графу, возможно, удалось бы убедить Инморте, что в конце концов он приберет жену к рукам и сам станет у кормила власти. Но Бланка... — Эрнан цокнул языком. — Одним словом, я тут же написал дону Альфонсо, что, по моему мнению, граф Бис-

кайский либо выжил из ума — что маловероятно, либо — что более вероятно — Фернандо проболтался ему, что его брат уже отравлен и кризис должен наступить в конце ноября. А правду ли он сказал или же малость приврал, опережая события, судить я, мол, не берусь.

— И распоряжение немедленно доставить Фернандо в Толедо явилось ответом на твое письмо королю?

— Ну да. Как ты сам видишь, этот ответ чуть было не запоздал. У меня уже начало иссякать терпение. Я не знал, что мне думать, и даже начал всерьез помышлять о том, чтобы тайком пробраться в замок и самолично прикончить Фернандо. К счастью, все обошлось, и теперь, если дон Альфонсо умрет, королевой Кастилии станет Бланка. Осмелюсь предположить, что при ней иезуиты будут с ностальгией вспоминать о двух предыдущих царствованиях.

— Что верно, то верно, — согласился Гастон. — Уж она-то задаст им перцу... Ай, черт! — вскричал он, пораженный внезапной мыслью. — Ведь тогда Филипп может стать королем!

— А он и станет королем, — невозмутимо подтвердил Эрнан. — Королем Галлии.

— Нет, дружище, не о том речь. Боюсь, ты не понял меня... Эрнан тоже сел в постели.

— Я прекрасно понял тебя, Гастон. Я еще неплохо соображаю и полностью отдаю себе отчет в том, что теперь у Филиппа появится большой соблазн разорвать свою помолвку с Анной Юлией и жениться на Бланке. Но этому не бывать! Не бывать, уразумел? Пока я жив, не допущу этого. Пускай они себе любят, пусть рожают детей, но жениться я им не позволю. Дудки! В конце концов я гасконец, я галл. Галлия моя страна — а Филипп должен стать ее государем. Если же он вздумает противиться своей судьбе, то я силой заставлю его пойти под венец с Анной Юлией и все-таки посажу их обоих на престол... Чисто по-человечески, мне, конечно, жаль Бланку и Филиппа, они просто созданы друг для друга. Но они не обычные люди, от их решения зависят судьбы миллионов людей, и осознание всей глубины своей ответственности, ответственности перед Богом и грядущими поколениями, должно по-

мочь им преодолеть свои человеческие слабости. А в случае чего — я буду начеку и подстрахую их.

С этими словами Эрнан бухнулся головой на подушку и спустя секунду комнату сотряс его могучий храп.

Глава LXVI

Ледяное дыхание смерти

Впервые король Кастилии Альфонсо XIII почувствовал себя плохо вечером во время заседания Государственного Совета. Внезапно у него закружилась голова, перед глазами поплыли разноцветные пятна, на лбу выступил холодный пот, а все тело прошиб озноб. Он мертвенно побледнел, пошатнулся и, наверное, упал бы с кресла, если бы его не поддержал камергер.

Члены Совета тотчас прекратили прения и устремили на короля встревоженные взгляды. Губы графа Саламанки тронула злорадная усмешка, но он тут же спрятал ее и изобразил на своем лице искреннее участие — даже чересчур искреннее, подозрительно искреннее.

Между тем король мягко отстранил от себя камергера, кивком поблагодарив его за помощь. Озноб и головокружение прошли. Он вытер со лба испарину, вяло улыбнулся и сказал:

— Все в порядке, господа. Верно, я переутомился.

А внутри у него что-то оборвалось.

«Господи! — подумал Альфонсо. — Неужели Шатофьер прав?.. Господи, я еще так молод, я так хочу жить... Ах, Фернандо, Фернандо! Как же ты мог, Каин?..»

Он с трудом проглотил застрявший в горле комок и продолжил совещание.

На следующее утро король был уже не в состоянии подняться с постели. Им овладела необычайная слабость, мысли едва ворочались в его голове, которая время от времени начинала кружиться, и тогда перед его глазами выплывали свой зловещий танец разноцветные пятна неприятных, отталкивающих, ядовитых оттенков. Чуть позже, к обеду, его затошнило

и то и дело рвало; вскоре его стало рвать желчью. Лекари, которые всего неделю назад уверяли его, что он совершенно здоров, теперь то хватались за головы, то беспомощно разводили руками; они никак не могли взять в толк, что же происходит с их королем.

На третий день тошнота прошла, но это не обмануло Альфонсо. Слабость все больше одолевала его. Даже незначительное умственное напряжение быстро утомляло, он слишком много спал, очень мало ел — у него напрочь пропал аппетит, и каждый кусок пищи ему удавалось проглотить лишь ценой невероятных усилий.

Перечитав реляции своего посла в Риме о течении болезни святейшего отца, Альфонсо избавился от последних сомнений и одновременно лишился последних надежд — его, как и папу, отравили, причем тем же самым ядом.

Открыв эту ужасную истину, отравленный король ничем не выдал своих подозрений. Прекрасно понимая, что сейчас сторонники Инморте и Фернандо начеку, Альфонсо отверг соблазн послать навстречу Эрнану гонца с распоряжением немедленно казнить Фернандо. Он знал, что его письмо вряд ли дойдет по назначению, и этим он только откроет врагу все свои карты, не говоря уже о том, что приговорит гонца, в сущности, ни в чем неповинного человека, к почти неминуемой смерти.

Альфонсо оставалось только ждать и надеяться, что у Эрнана хватит ума превзойти свои полномочия, или, в крайнем случае, что он будет строго придерживаться полученных указаний передать ему брата из рук в руки, угрожая тут же прикончить его, если кто-то попытается воспрепятствовать этому. И тогда, как уже твердо решил Альфонсо, Фернандо живым из его спальни не выйдет.

Наши друзья прибыли в Толедо пополудни на седьмой день болезни короля. Дворцовая стража была предупреждена заранее, и как только Эрнан назвался, его немедленно провели в королевскую опочивальню.

При виде вошедшего Шатофьера Альфонсо приподнялся

на подушках и велел всем присутствующим оставить их вдвоем. Усталый взгляд его оживился, дыхание участилось, а на щеках от волнения проступил слабый румянец.

— Ну! — нетерпеливо произнес он, едва двери опочивальни затворились за последним из вышедших дворян.

Эрнан почтительно поклонился:

— Государь! Согласно вашему приказанию, ваш брат дон Фернандо, граф де Уэльва, был казнен утром восьмого ноября в замке Калагорра, принадлежащем дону Клавдию, графу де Эбро. Приговор был приведен в исполнение именем вашего величества, с согласия вышеупомянутого сеньора дона Клавдия и с соблюдением всех необходимых формальностей.

Альфонсо облегченно вздохнул. Томительная неопределенность последних дней наконец была разрешена, и у него будто гора с плеч свалилась. Он вяло махнул рукой, указывая на стул возле кровати.

— Прошу садиться, господин граф. Расскажите все по порядку.

Эрнан осторожно устроился на довольно хрупкого вида стуле и поведал королю обо всем, что произошло в Калагорре, не преминув также упомянуть и про отряд гвардейцев, явно пришедших на выручку Фернандо.

— Это Саламанка, — промолвил Альфонсо. — Определенно, это его рука. Оказывается, он знал больше, чем я полагал... Нет, это безобразие! Это уже ни в какие рамки не вкладывается. Я еще жив, я еще в здравом уме и твердой памяти, а мои верные вельможи уже закусил удила. Черт-те что вытворяют! И что мне с ними делать, ума не приложу... Впрочем, с ними пусть Бланка разбирается, она-то найдет способ их усмирить. А я... Хотите верьте, граф, хотите нет, но я чувствую на своем затылке дыхание смерти... оно ледяное... Старуха с косой настигает меня.

Любой царедворец на месте Эрнана принялся бы убеждать короля в обратном, но Эрнан не был царедворцем. Он промолчал. Негоже, думал он, утешать королей. Это унижает их достоинство.

— Но нет! — спустя минуту отозвался Альфонсо. — Одно я

все-таки сделаю. Позовите хранителя печати, господина де Риасу, он должен быть в соседней комнате.

Эрнан исполнил просьбу короля. Хранитель печати действительно находился в соседней комнате, ожидая, когда освободиться король, и по приглашению Шатофьер вошел в спальню.

— Господин де Риаса,— сказал Альфонсо.— Велите арестовать помощника главного кравчего Трухильо и повесить его... Нет, не сразу. Сначала подвергните его пыткам, пусть признается, кто подговорил его отравить меня, пусть выложит все, что ему известно. Пытайте его подольше, выжмите из него все, что можно, а как только увидите, что ему уже нечего сказать по делу и он начнет признаваться в несуществующих грехах и возводить напраслину на других, отправьте его на виселицу. Смертный приговор я подпишу позже; кстати, распорядитесь, чтобы его подготовили. Формулировка: государственная измена.

Хранитель печати молча поклонился и направился было к выходу, но король задержал его:

— Нет, постойте! Вот еще что. Через час соберите Государственный Совет — я назову имя наследника престола. Теперь вы свободны, сударь, оставьте нас.

Г-н де Риаса вновь поклонился и вышел. За дверью слышались его слова, обращенные к гвардейцам из охраны: «Вы двое — за мной».

— Ну что ж,— сказал Альфонсо.— Раз Фернандо нет в живых, мне уже нечего бояться за Бланку. Она может спокойно приезжать в Толедо, сейчас ее присутствие здесь просто необходимо — ведь она будущая королева Кастилии.

— По моим подсчетам,— произнес Эрнан,— госпожа Бланка прибудет самое позднее через пять дней.

Король вздохнул.

— Дай мне, Господи, еще хоть неделю жизни. Я так хочу повидаться напоследок с сестрой... Я же покрепче святейшего отца... Вы хотите что-то сказать, граф?

— Да, государь. У меня к вам одна просьба.

— Так говорите же.

— Я более чем уверен, государь, что ваша сестра явится к вам вместе с принцем Филиппом...

— Это было бы желательно, господин граф. К сожалению, времени мне отпущено слишком мало, чтобы обращаться к императору с просьбой освободить Филиппа от обязательства, данного им в отношении его дочери Анны. Так что мне остается только положиться на свою последнюю волю. Думаю, Филипп найдет ее достаточным и вполне веским оправданием для себя, а Август Юлий с пониманием отнесется к его поступку.

Теперь пришла очередь вздыхать Эрнану.

— Как раз этого я и боялся... Стало быть, вы хотите, чтобы Филипп женился на госпоже Бланке?

— Я очень этого хочу. Лучшего короля для Кастилии не сыщешь... А чего, собственно, вы боитесь?

— Буду с вами откровенным, государь,— сказал Шатофьер.— Я боюсь, что Филипп не устоит перед соблазном и исполнит последнюю волю вашего величества, о чем впоследствии будет горько сожалеть. Сейчас он не в состоянии принимать взвешенные решения, он безумно любит вашу сестру, к тому же есть основания полагать, что она ждет от него ребенка...

— Даже так? Тем лучше. Тогда у Кастилии будет и король, и королева, и наследник престола... Но почему вы считаете, что это будет неразумным решением со стороны Филиппа?

— Потому что его истинное призвание — стать королем Галлии во имя ее грядущего могущества и процветания. Я убежден, что именно ему суждено собрать все галльские земли — во всяком случае, большинство их,— в единое государство. Прошу великодушно простить меня, ваше величество, я очень уважаю вас и с уважением отношусь к вашей стране, но Галлия — моя родина.

— Ага, понятно! Значит, вы пламенный патриот своей земли?

— Можно сказать и так. Впрочем, не буду лукавить перед вами, настаивая на своем бескорыстии. В равной степени мною движут и личные мотивы... Или эгоистические — это уж

как вам будет угодно их назвать. Именно с Филиппом связаны все мои планы на будущее, но если он женится на госпоже Бланке, я останусь ни с чем. Кастилия, может, и примет Филиппа за своего; наверное, так оно и произойдет. А вот я всегда буду для нее чужаком, здесь мне ничего не светит. Самое большее, на что я могу надеяться, это быть презируемым всеми временщиком. Поэтому, государь, я категорически против того, чтобы Филипп и ваша сестра поженились. Я не обещаю вам, что не стану препятствовать их браку. Напротив, можете быть уверены, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы расстроить его. Я слишком горд и честолюбив, чтобы вот так, без борьбы, смириться со своим поражением. Простите за прямоту, государь, но я, из уважения к вам, не считаю себя вправе что-либо скрывать от вас.

Некоторое время Альфонсо молчал, погруженный в глубокие раздумья.

— Ну что ж, господин граф, — наконец промолвил он. — Я обязан вам тем, что после моей смерти корона моих предков возляжет на достойное чело, и было бы черной неблагодарностью забыть об этом и проигнорировать ваше пожелание. Так тому и быть: я не буду настаивать на том, чтобы Филипп женился на Бланке. Пусть он сам решает, как ему поступить... А теперь, прошу, оставьте меня. Я хочу немного отдохнуть, прежде чем соберется Государственный Совет. Приходите и вы с господином д'Альбре. Посмотрите, какие будут лица у моих вельмож, когда я сообщу им о казни Фернандо и объявлю Бланку наследницей престола... Ах да, чуть не забыл! Как будете выходить, вызовите ко мне капитана гвардии, господина де ла Куэву. Надо немедленно взять под стражу графа Саламанку и первого министра, пока они не сбежали. Ведь я все еще король, не так ли?..

Глава LXVII

Королевы не плачут

Хоть как Бланка с Филиппом ни торопились в Толедо, узнав о болезни короля, они чуть было не опоздали, и только благодаря тому, что на полпути Бланка, невзирая на горячие протесты Филиппа, решила пересесть из кареты на лошадь, им все же удалось опередить смерть на несколько часов.

Ко времени их прибытия Альфонсо еще оставался в сознании, но последние силы неумолимо покидали его. Он уже исповедался, причастился и теперь неподвижно лежал на широком ложе в просторной опочивальне, тихим, но все еще твердым и уверенным голосом диктуя секретарям свои последние распоряжения: такую-то сумму он завещает такому-то монастырю с тем, чтобы была отмечена годовщина его смерти, такую-то реликвию он преподносит в дар собору Святого Иакова Компостельского, таких-то своих дворян он вознаграждает за верную и переданную службу, и прочее, и прочее. В опочивальне собралась королевская родня, государственные сановники, могущественные вельможи — гранды Кастилии, высшее духовенство, просто приближенные короля, а также городские старейшины и послы иноземных держав. Все они с нетерпением ожидали появления наследницы престола, которая только что прибыла во дворец и сейчас второпях приводила себя в порядок с дороги, чтобы предстать перед братом в надлежащем виде.

Ожидание длилось недолго, и вскоре в дверях опочивальни появилась Бланка в сопровождении Филиппа, Гастона д'Альбре и Эрнана де Шатофьера. Присутствующие мигом умолкли и почтительно расступились перед ней. Заблаговременно предупрежденный король прекратил диктовать, перевел свой взгляд на сестру и слабо улыбнулся ей. Она остановилась у изголовья его ложа и встала на колени.

— Брат...

— Рад видеть тебя, Бланка,— сипло произнес Альфонсо,

тон его потеплел.— Как раз тебя мне очень не хватало. Присаживайся, поговорим.

Бланка села на стул, услужливо пододвинутый ей королевским камергером, и устремила на брата грустный взгляд своих больших карих глаз. На ее ресницах заблестели слезы.

— И вы, Филипп, тоже подойдите ко мне,— добавил Альфонсо.— Мой лучший друг и моя лучшая подруга — вы оба со мной в мой смертный час... Пусть Нора не обижается, она была любимицей отца, но ты, Бланка, всегда была мне ближе, дороже, роднее...

— Я знаю это, брат,— тихо сказала Бланка.— Я тоже люблю тебя.

Они помолчали, вспоминая прошлое. Филипп смотрел на истощенного болезнью короля, которого всего полтора месяца назад он видел цветущим, полным жизненных сил и здоровья, и постепенно в нем закипала ярость. Произошло царевубийство — не преступление против отдельной человеческой жизни, но преступление против всего человечества. Убить наместника Божьего, значило покуситься на самые основы существующего строя. Как и всякий правитель, Филипп отождествлял себя с государством, а государство воспринимал как самодостаточную ценность.

— Недолго я правил,— наконец заговорил король.— Полгода, каких-нибудь шесть месяцев. Столько всего хотел сделать... Но, увы, не успел...

— Ты много сделал для страны,— всхлипывая, прошептала Бланка.— Очень много...

Альфонсо утвердительно кивнул — одними лишь веками, которые опустились, а спустя мгновение поднялись вновь.

— Надеюсь, потомки не забудут, что это при мне Испания окончательно освободилась от мавров. Короли ведь рождаются не для долгой жизни, но для славы...

Заметив, что по щеке Бланки катится большая слеза, Альфонсо умолк и огляделся: с появлением наследницы престола присутствующие отступили, образовав вокруг его ложа широкий полукруг. Возле короля оставались только Бланка, Филипп и Констанца Орсини — сегодняшняя королева, зав-

трашняя вдова. Эта последняя значила что-то лишь для Альфонсо, а в глазах всех прочих она уже была тенью прошлого. На свою беду, она не смогла родить ни одного ребенка, чтобы после смерти мужа называться королевой-матерью.

Из всех присутствовавших в опочивальне умирающего короля сидел только один человек — Бланка.

— Не надо плакать, сестра,— ласково сказал Альфонсо.— Тебе нельзя плакать. Королевы не плачут.— Он повысил голос и громко произнес: — Мои могущественные вельможи, гордость и украшение всего государства нашего, подойдите-ка ближе.

Вперед выступили собравшиеся здесь кастильские гранды. Они приблизились к королевскому ложу и встали так, что Филипп оказался как бы в их числе. А впрочем, он ведь тоже был грандом Кастилии — как граф Кантабрийский.

— Господа,— сказал король.— Перед вами принцесса Бланка, моя сестра и старшая дочь моего отца, которая, согласно обычаям наших предков и по законам, освященным церковью Христовой, станет вашей королевой в тот самый миг, когда я, по воле Божьей, перестану быть вашим королем...— Он немного помолчал, собираясь с остатками сил.— Господа! Мои могущественные вельможи! Недавно вы единодушно одобрили мое решение лишить преступного брата моего Фернандо его преступной жизни и завещать престол сестре моей Бланке и ее потомкам.

Вельможи утвердительно зашумели.

— А сейчас,— спросил король,— не сожалеете об этом?

— Нет, государь,— ответил за всех грандов старейшина, герцог де Самора.— Мы свято чтим законы и обычаи наших предков и полны готовности исполнить вашу королевскую волю.

— И вот перед вами я, умирающий,— продолжал Альфонсо.— И вот вам моя последняя воля: служите верой и правдой своей королеве, служите ей не за честь, а за совесть. Она еще слишком юна, так что помогайте ей править, и не только мечами своими, хоть и они у вас доблестные, но и мудростью и опытом своим. Будьте ей надежным оплотом во имя вящего

могущества, дальнейшего процветания всего королевства нашего и роста благосостояния всех наших подданных. Поклянитесь мне в этом!

— Клянемся! — дружно произнесли вельможи.

Тогда король посмотрел на Филиппа.

— Вам, кузен, я не вправе приказывать быть моей сестре верным слугой. Так будьте же ей верным другом, как были вы другом мне, и будьте ее верным союзником... А еще я завещаю вам свою месть — то, что я хотел, но не успел сделать при своей жизни. Уничтожьте эту мерзость, которая спекулирует именем Спасителя, сея ненависть и вражду среди людей. Очистите землю от этой скверны — ордена иезуитов.

— Теперь это мой долг, — просто ответил Филипп.

Альфонсо XIII, король Кастилии и Леона, скончался в ночь на 17 ноября 1452 года во втором часу пополудни. В мертвой тишине, воцарившейся в опочивальне после этого известия, первый камергер короля закрыл покойнику глаза и снял с его иссушенного болезнью пальца золотой перстень с печаткой, который, согласно преданиям, принадлежал еще вестготскому императору Теодориху. Затем он преклонил перед Бланкой колени и протянул ей перстень.

— Ваше величество...

Бланка приняла из рук камергера этот символ королевского достоинства и судорожно сжала его в ладони, едва сдерживая слезы. Перстень был слишком велик для ее тонких, изящных пальцев — так и ноша абсолютной власти казалась непосильной для этой юной и хрупкой с виду девушки, которая, как наивно полагал кое-кто из присутствующих, нуждалась в крепком мужском плече, чтобы надежно опереться на него.

Бланка, новая королева Кастилии и Леона, обвела туманным взглядом собравшихся и остановилась на Филиппе. Прежде она гнала прочь мысли о возможной смерти Альфонсо, до последнего мгновения она надеялась на чудо, но, когда неизбежное произошло, она вдруг поняла, что это для нее значит.

«Знаю, сейчас даже думать об этом негоже, — как будто говорил ее взгляд. — Знаю... И мне очень стыдно за свои мысли. И все же... Ведь теперь галльская корона не стоит между нами. Вместо нее я предлагаю тебе корону Кастилии — ничем не хуже, а может, и лучше галльской...»

Филипп виновато опустил глаза.

Лишь после того, как забальзамированное тело Альфонсо XIII перенесли в собор Санто-Кристо де ла Лус, чтобы народ мог попрощаться со своим королем, Бланке удалось встретиться с Филиппом наедине.

Они долго стояли молча, пристально глядя друг другу в глаза. Бланка была одета во все белое — цвет траура для королев, лицо ее было бледным, под стать траурным одеждам, и только на щеках еле заметно проступал слабый румянец.

— Итак, — наконец произнесла она. — Ты уже принял решение?

— Да, — понуро кивнул Филипп. — После похорон Альфонсо я еду в Рим и там женюсь на Анне Юлии.

— Но почему? Ты уже разлюбил меня?

Филипп опустиллся в кресло и тяжело вздохнул:

— Милая моя девочка! Пойми, когда речь идет о государственных интересах, о чувствах следует позабыть. Я люблю тебя, родная, очень люблю, но я не могу жениться на тебе. Прежде всего я государь, и лишь потом — человек. И как человек, я хочу быть с тобой, я так хочу любви, счастья, обыкновенного человеческого счастья, хочу, чтобы мы жили вместе, вместе воспитывали наших детей... К сожалению, обстоятельства оказались выше нас, и мы должны смириться с этим, достойно принять этот удар судьбы. Если бы ты знала, с каким трудом мне далось это решение, как велик был соблазн поступить по-человечески, а не по государственному...

Глаза Бланки потемнели:

— Ты врешь, Филипп! Просто ты разлюбил меня, я уже надоела тебе. И теперь тебе наплевать на нашего ребенка. — Она гневно топнула ножкой. — Какой же ты подлец!.. Милый!.. — Из груди ее вырвалось сдавленное рыдание.

Филипп встал с кресла и подошел к ней.

— Ну, нет, Бланка. Так не годится. Ведь ты королева, старшая дочь Кастилии. — Он обнял ее за плечи. — А я сын Галлии. И я не вправе допустить расчленение моей страны, что неминуемо произойдет, если Гасконь подпадет под влияние кастильской короны. Прованс и Савойя не замедлят присоединиться к Германскому Союзу — и тогда всему конец, галльская государственность будет подрублена на самом корню. Это тем более недопустимо сейчас, когда у меня есть уникальный шанс объединить Галлию, превратить ее из союза самостоятельных княжеств в мощное централизованное государство... Мало того, мне предоставлена возможность положить начало объединению всех галльских земель в Великую Галлию — и если я упущу эту возможность, мне не будет прощения. Современники станут презирать меня, а потомки назовут меня преступником и негодяем.

— А ты и есть негодяй! — в отчаянии воскликнула юная королева. — Жестокий, бессердечный негодяй!

— Бланка, Бланка! — почти простонал Филипп, лицо его исказила гримаса боли. — Не разрывай мне сердце, милая моя, любимая... И прости меня, родная...

Он опустился перед ней на колени и совершенно неожиданно для себя зарыдал — громко, безудержно, безутешно. Слезы обильно текли из его глаз, увлажняя снежно-белую ткань траурных одежд Бланки. Так горько и больно ему не было еще никогда, даже когда умерла Луиза, ибо только становясь взрослыми, мы начинаем в полной мере осознавать, какая это большая ценность — любовь, и что значит ее потеря.

А Бланка изо всех сил сдерживала слезы — королевы не плачут.

И спустя много-много лет, листая в памяти пожелтевшие от времени страницы прошлого, Филипп скажет, что именно тогда, в тот самый день закончилась его юность, и он сделал самый главный во всей своей жизни выбор. В тот день он окончательно и бесповоротно выбрал себе страну — всю Галлию, от Бретани и Нормандии до Пиренеев и Альп.

Октябрь 1988 — декабрь 1993 гг.

Приложение 1

Действующие и упоминаемые лица

(сведения даны по состоянию на начало 1452 года;
более подробно о родственных связях
см. генеалогические таблицы)

ГЛАВНЫЕ:

Филипп Аквитанский (Филипп Красивый), граф Кантабрии и Андорры, первый принц Галлии; сын герцога Филиппа III Аквитанского и принцессы Изабеллы Галльской*, племянник короля Галлии Робера III. 20 лет.

Бланка Кастильская, графиня Нарбоннская; дочь короля Кастилии Фернандо IV и Бланки Португальской*. 16 лет.

Маргарита Наваррская, дочь короля Александра X и Маргариты Кастильской*; наследная принцесса Наварры. 17 лет.

Эрнан де Шатофьер, граф Капсирский; сын Армана де Шатофьера* и Розмари дю Плесси де Шатофьера*; рыцарь ордена Храма Сионского. 20 лет.

ПРОЧИЕ:

Август XII Юлий, король Италии (император Римский) с 1442 г.; женат на Изабелле Французской. Род. в 1419 г.

Август Инморте, гроссмейстер духовно-рыцарского ордена Сердца Иисусова (иезуитов-меченосцев); дата рождения неизвестна.

Адель де Монтальбан, дочь Сезара Колонны де Монтальбан* и Марии Иверо (сестры графа Клавдия II Иверо), двоюродная племянница графа Мигеля де Монтальбан. Род. в 1435 г.

Александр I, граф Бискайи; сын Рикарда Наваррского* и графини Жо-

---

*Здесь и далее звёздочкой отмечены умершие к 1452 г.

анны Бискайской*, племянник короля Наварры Александра X. Род. в 1424 г.

Александр X Мудрый, король Наварры с 1440 г.; женат на Маргарите Кастильской*; отец Маргариты Наваррской. Род. в 1397 г.

Альфонсо Кастильский, граф Астурийский, наследный принц Кастилии; сын короля Фернандо IV и Бланки Португальской*; женат на Констанце Орсини. Род. в 1421 г.

Амелия Аквитанская*, графиня д'Альбре; сестра герцога Филиппа III Аквитанского, тетка Филиппа Красивого; замужем за графом Робером д'Альбре*. (1404 — 1439).

Амелия (Амелина) д'Альбре, дочь графа Робера д'Альбре* и Амелии Аквитанской*, двоюродная сестра Филиппа Красивого; замужем за Симоном де Бигор. Род. в 1431 г.

Анна Юлия Римская, дочь Августа XII Римского и Изабеллы Французской, принцесса Италии. Род. в 1438 г.

Антонио Гатто, приходской священник церкви Св. Иосифа в Толедо, канцлер графства Кантабрия, духовник Филиппа Красивого. Род. в 1390 (?) г.

Арман III, маркиз Готии, граф Перигора, маркграф Руэрга; двоюродный дед Анны Юлии Римской. Род. в 1388 г.

Беата де Арагон, племянница епископа-викария Памплонского, фрейлина Маргариты Наваррской; сестра-близнец Констанцы де Арагон. Род. 1439 г.

Габриель де Шеверни, брат Луизы де Шеверни*, первой жены Филиппа Красивого. Род. в 1434 г.

Гастон д'Альбре, граф; сын графа Робера д'Альбре* и Амелии Аквитанской*, двоюродный брат Филиппа Красивого; женат на Клотильде де Труа. Род. 1420 г.

Гийом Аквитанский*, граф де Марсан; сын герцога Филиппа III Аквитанского от первого брака с Катариной де Марсан*; сводный брат Филиппа Красивого. (1421 — 1445).

Гоше, камердинер Филиппа Красивого; дата рождения неизвестна.

Гуго фон Клипенштейн, рыцарь ордена Храма Сионского. Род. в 1415 (?) г.

Диана Юлия Римская, графиня Иверо; дочь императора Корнелия IX*, тетка императора Августа XII; замужем за графом Клавдием II Иверо. Род. в 1412 г.

Елена Иверо, дочь графа Клавдия II Иверо и Дианы Римской. Род. в 1435 г.

Жоанна Бискайская, дочь Рикарда Наваррского* и графини Жоанны Бискайской*, племянница короля Наварры Александра X. Род. в 1432 г.

Изабелла Арагонская, дочь короля Хайме III и Изабеллы Брабантской, жена Филиппа Французского, графа де Пуатье. Род. в 1428 г.

Изабелла Галльская*, дочь короля Робера II Галльского* от первого брака с Изабеллой Кантабрийской*; вторая жена герцога Филиппа III Аквитанского, мать Филиппа Красивого. (1415 — 1431).

Клавдий II, граф Иверо; двоюродный брат короля Наварры Александра X; женат на Диане Юлии Римской. Род. в 1410 г.

Констанца де Арагон, племянница епископа-викария Памплонского, фрейлина Маргариты Наваррской; сестра-близнец Беаты де Арагон. Род. 1439 г.

Констанца Орсини, двоюродная сестра Августа XII, жена наследного принца Кастилии Альфонсо. Род. 1429 г.

Луиза де Шеверни*, дочь мелкопоместного дворянина из Блуа; первая жена Филиппа Красивого. (1430 — 1446).

Мария Арагонская, дочь короля Хайме III и Изабеллы Брабантской, жена Фернандо Кастильского, графа де Уэльвы. Род. в 1430 г.

Марк де Филиппо, архиепископ Тулузский; внебрачный сын герцога Филиппа III Аквитанского, побочный брат Филиппа Красивого. Род. в 1417 г.

Матильда де Монтини, фрейлина Маргариты Наваррской. Род. в 1437 г.

Павел VII, папа Римский. Род. в 1383 г.

Педро Арагонский, граф Теруэльский, наследный принц Арагона; сын короля Хайме III и Изабеллы Брабантской. Род. в 1427 г.

Рикард Иверо, виконт; сын графа Клавдия II Иверо и Дианы Юлии Римской. Род. в 1432 г.

Ричард Гамильтон, барон из Шотландии. Род. в 1427 (?) г.

Робер II*, король Галлии с 1410 г.; первая жена — Изабелла Кантабрийская; вторая — Гертруда Геннегау; дед Филиппа Красивого. Род. в 1374 г.

Робер III, король Галлии с 1440 г.; сын короля Робера II* от второго брака с Гертрудой Геннегау*; женат на Марии Фарнезе; дядя Филиппа Красивого. Род. в 1440 г.

Робер Аквитанский, граф де Марсан; сын герцога Филиппа III Аквитанского от первого брака с Катариной де Марсан*; сводный брат Филиппа Красивого. Род. в 1425 г.

Симон де Бигор, сын виконта де Бигора, представитель младшей ветви Аквитанского дома; женат на Амелии (Амелине) д'Альбре. Род. 1430 г.

Тибальд де Труа, граф Шампанский; внук короля Франции Филиппа Августа II*. Род. в 1426 г.

Фернандо IV Святоша, король Кастилии с 1430 г.; женат на Бланке Португальской*; отец Бланки Кастильской; двоюродный дядя Филиппа Красивого. Род. в 1394 г.

Фернандо Кастильский, граф де Уэльва; сын короля Фернандо IV и Бланки Португальской*; брат Бланки Кастильской; женат на Марии Арагонской. Род. в 1428 г.

Филипп-Август II Великий*, король Франции с 1385 г.; первая жена — Констанца Юлия Римская*, вторая — Маргарита Шампанская*, третья — Батильда Готийская*. (1372 — 1438).

Филипп-Август III, король Франции с 1438 г.; внук короля Филиппа Августа II Великого*; женат на Хуане Португальской. Род. в 1408 г.

Филипп III Справедливый, герцог Аквитанский, принц Беарнский, князь-протектор Гаскони и Каталонии, пэр Галлии; первая жена — Катарина де Марсан*, вторая — Изабелла Галльская*; отец Филиппа Красивого. Род. в 1398 г.

Филипп Французский, граф де Пуатье, наследный принц Франции; сын короля Филиппа-Августа III и Хуаны Португальской; женат на Изабелле Арагонской. Род. 1427 г.

Франческо де Арагон, епископ-викарий Памплонский. Род. 1395 (?) г.

Хайме III, король Арагона; женат на Изабелле Брабантской. Род. в 1411 г.

Хайме де Барейро, граф; внебрачный сын Августа Инморте; губернатор провинции Садо Лузитанской области ордена Сердца Иисусова. Род. в 1426 г.

Элеонора Кастильская, дочь короля Фернандо IV и Бланки Португальской*, сестра Бланки Кастильской. Род. в 1438 г.

Эрик Датский, шестой сын короля Харальда III и Марии Брабантской. Род. в 1430 г.

Этьен де Монтини, мелкопоместный дворянин из Русильона. Род. в 1436 г.

Приложение 2

Генеалогические таблицы

ДОМ ГЕРЦОГОВ АКВИТАНСКИХ (Испанская династия)

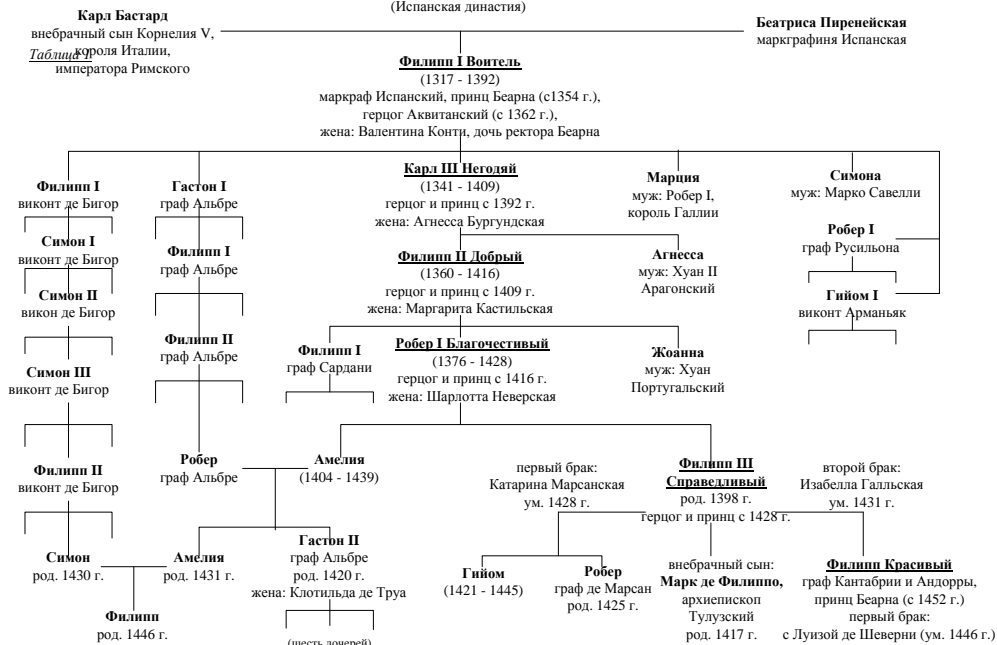

Таблица 2

ГАЛЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ (Династия галльских Каролингов или Тулузцев)

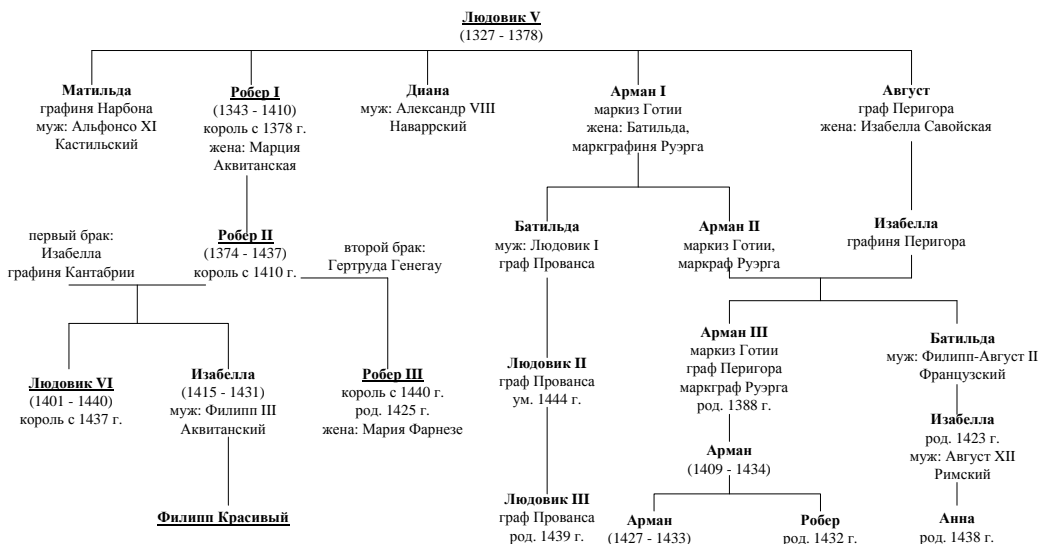

Таблица 3

НАВАРРСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ
(династия Савелли Наваррских)

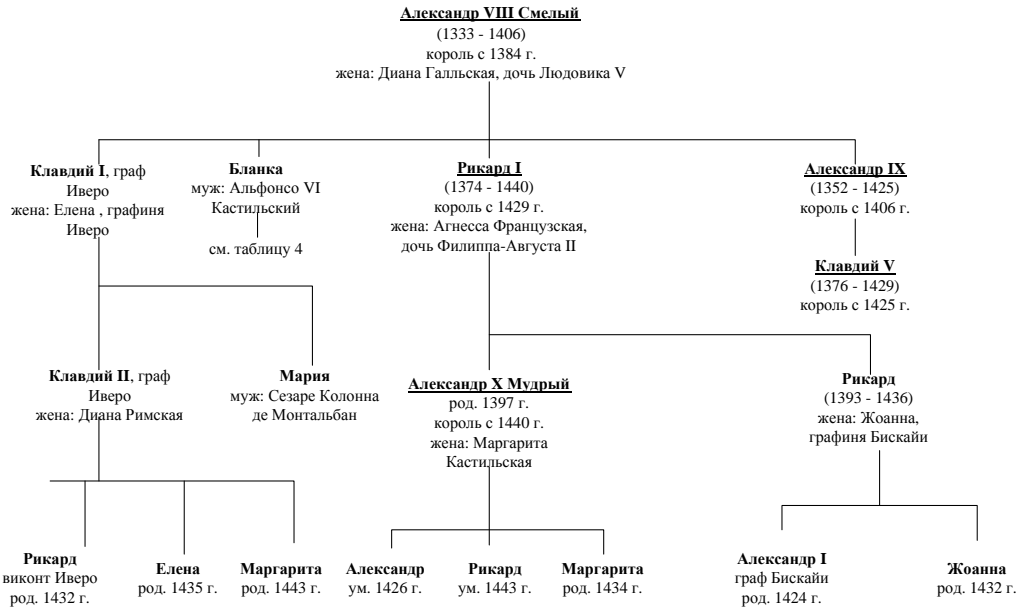
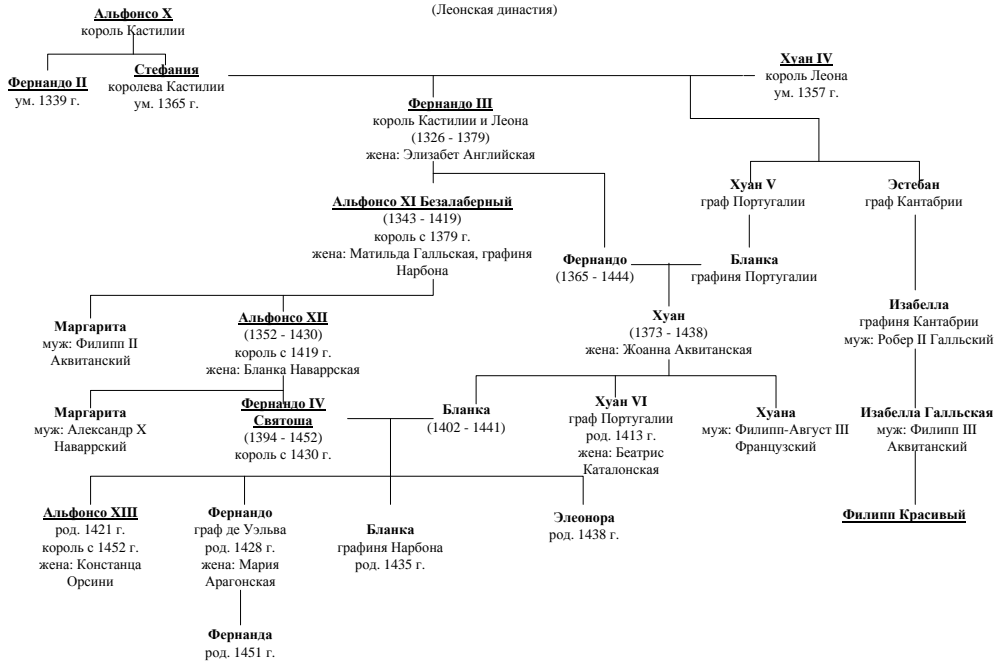

Таблица 4

КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ КАСТИЛИИ И ЛЕОНА
(Леонская династия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Пролог. Филипп, двадцать первая весна.....	6
Глава I. Филипп, шестнадцатая весна	9
Глава II. Происхождение.....	26
Глава III. Лик смерти	35
Глава IV. Конец детства	46
Глава V. Мужчина	57
Глава VI. «В час, назначенный Богом...»	64
Глава VII. Изгнание.....	69
Глава VIII. Дон Филипп, герцог Аквитанский	75
Глава IX. Бланка Кастильская	87
Глава X. Дон Филипп, принц Беарнский.....	106
Глава XI. Неприятное известие	112
Глава XII. Брак — дело государственное	121
Глава XIII. Амелина	138
Глава XIV. В которой мы знакомимся еще с двумя персонажами нашей повести, а затем надолго прощаемся с ними	144
Глава XV. Маргарита Наваррская.....	148
Глава XVI. Король и его дочь.....	158
Глава XVII. В которой мы снова встречаемся с Бланкой Кастильской	163
Глава XVIII. В которой появляется еще один герой нашей повести.....	173
Глава XIX. Лето 1452 года	183
Глава XX. «Творцы истории»	196

Глава XXI. Безумие Рикарда Иверо	208
Глава XXII. Грехопадение Матильды де Монтини	217
Глава XXIII. Из которой явствует, что пантера — тоже киска	227
Глава XXIV. Вечер сюрпризов продолжается	248
Глава XXV. В которой мы вместе с Маргаритой узнаем, почему Филипп отвергает догмат о непорочном зачатии Сына Божьего	253
Глава XXVI. В тихом омуте	262
Глава XXVII. Отверженный принц	271
Глава XXVIII. Свято место пусто не бывает, или о том, как граф воочию убедился, что если жена не спит со своим мужем, значит, она спит с любовником	281
Глава XXIX. Поруганная	290
Глава XXX. В которой походя решается судьба Матильды, а Филипп начинает понимать, что явно поспешил с переоценкой ценностей	294
Глава XXXI. В которой Филипп знакомится с регламентом турнира и узнает некоторые подробности из личной жизни Симона	305
Глава XXXII. Жуткий сон Шатофьера	314
Глава XXXIII. Победитель турнира и его избранница	320
Глава XXXIV. Королева любви и красоты предъявляет пре- тензии на галльский престол	331
Глава XXXV. Сватовство по-гасконски	339
Глава XXXVI. В которой Маргарита избавляется от наваждения, а Филипп видит сладкие сны	344
Глава XXXVII. Брат и сестра	348
Глава XXXVIII. Прошлого не вернешь	354
Глава XXXIX. Еще раз к вопросу о братьях и сестрах	362

Глава XL. Обо всем понемногу	365
Глава XLI. Грустная свадьба	375
Глава XLII. Решительный штурм	380
Глава XLIII. В которой Филипп становится должником, а Эрнан между тем пьянствует	393
Глава XLIV. В которой Филипп доказывает, что не привык долго оставаться в долгу	403
Глава XLV. Ночное совещание	410
Глава XLVI. О том, как Бланка оказалась в затруднительном положении и как воспользовался этим Филипп	426
Глава XLVII. На хорошего ловца зверь сам бежит	438
Глава XLVIII. В которой Тибальд мирится с Маргаритой и встречается со старым знакомым	449
Глава XLIX. Сказка от Тибальда де Труа	461
Глава L. Прозрение	469
Глава LI. Эрнан отказывается что-либо понимать	485
Глава LII. Жоанна Наваррская	494
Глава LIII. Покушение	504
Глава LIV. Рикард Иверо	507
Глава LV. Разоблачение	517
Глава LVI. Дочь Кастилии	534
Глава LVII. Симон де Бигор пишет письмо	542
Глава LVIII. В которой Филиппа терзают сомнения, а Эр- нан затевает очередное предприятие	551
Глава LIX. Тайная миссия Эрнана	558
Глава LX. Новый минок Маргариты	568
Глава LXI. Вести хорошие, вести дурные.....	573
Глава LXII. О тщете мира сего	585

Глава LXIII. Клавдий Иверо	591
Глава LXIV. Елена Иверо	599
Глава LXV. В которой число смертей, что так или иначе затрагивают Эрнана, имеет тенденцию к росту	606
Глава LXVI. Ледяное дыхание смерти	620
Глава LXVII. Королевы не плачут	626
Приложение 1. Действующие и упоминаемые лица	633
Приложение 2. Генеалогические таблицы	638